

ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
И ПРАВО

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

В шести томах

Том 5

КИУ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЗНАНИЕ»

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

I Международная научно-практическая
конференция

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 5. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 432 с. EDN: NUGPTR. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0771-3_2022_5_432

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 5. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 432 p. EDN: NUGPTR. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0771-3_2022_5_432

Казанский
инновационный
университет имени
В. Г. Тимирязова

Министерство цифрового развития
государственного управления,
информационных технологий
и связи Республики Татарстан

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 5

Kazan
Innovative University
named after
V. G. Timiryasov

Ministry of Digitalization of Public
Administration, Information
Technologies and Communications
of the Republic of Tatarstan

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the I International Scientific and Practical Conference

September 23, 2022

Kazan

In 6 volumes

Volume 5

УДК 004:34(063)

ББК 67с51я43

Ц75

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Редакторы:

И. Р. Бегишев, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета;

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. ШUTOVA, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А. В. Минбалева, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Э. В. Талапина, доктор юридических наук, доктор права (Франция), ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ю. С. Харитонова, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громова, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. ШUTOVA. В 6 т. Т. 5. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 432 с. EDN: NUGPTR. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0771-3_2022_5_432

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0771-3 (Том 5)

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 23 сентября в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2022, организуемого Кабинетом Министров Республики Татарстан под эгидой Правительства Российской Федерации.

Широкий круг рассмотренных на конференции теоретико-методологических и практикоориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов связан с приоритетами правового развития цифровых технологий, перспективами правового регулирования цифрового профилирования, экспериментальными и специальными правовыми режимам в сфере создания цифровых инноваций, интеллектуальными правами, трудовыми и связанными с ними отношениями, блокчейн-технологиями, криптовалютой, децентрализованными финансами в правовых реалиях, искусственным интеллектом, робототехникой и др.

Научные труды представленного тома отражают взгляды и подходы, формируемые в молодежной — преимущественно студенческой — среде, в которой заметно возрастает исследовательский интерес к современным вопросам развития цифровых технологий в системе правовых отношений.

Нашедшие отражение в этом и иных томах сборника идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)

ББК 67с51я43

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0771-3 (Том 5)

© Авторы, 2022

© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2022

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

*Published by the decision of the Editorial-Publishing Board
of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov*

Editors:

Ildar R. Begishev, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov;

Elizaveta A. Gromova, PhD (Law), Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute on international activity, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial, Competition and Environmental Law, South Ural State University;

Maksim V. Zaloilo, PhD (Law), Leading Researcher, Department of the Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Irina A. Filipova, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

Albina A. Shutova, PhD (Law), Senior Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Reviewers:

Anna K. Zharova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate member of the International scientific-educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights”, National Research University Higher School of Economics;

Aleksey V. Minbaleev, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Informational Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University;

Elvira V. Talapina, Doctor of Law, Doctor of Law (France), Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Center for Public Governance Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

Yuliya S. Kharitonova, Doctor of Law, Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Lomonosov Moscow State University

Digital Technologies and Law: collection of scientific articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 23, 2022) / eds.: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vol. Vol. 5. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2022. – 432 p. EDN: NUGPTP. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0771-3_2022_5_432

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0771-3 (Volume 5)

The research works included into the collection are correlated with International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law” which took place on September 23 in Kazan during the International Forum Kazan Digital Week 2022, organized by the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan under the aegis of the Government of the Russian Federation.

The broad range of theoretical and methodological, practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues is related to the priorities of juridical development of digital technologies, prospects of legal regulation of digital profiling, experimental and special legal regimes in the sphere of digital innovations, intellectual rights, labor and adjacent relations, blockchain technologies, cryptocurrency, decentralized finance in legal realities, artificial intelligence, robotics, etc.

The research works included in this volume reflect the attitudes and approaches forming among the youth, mainly students, under the significantly increasing academic interest in the modern issues of the development of digital technologies within the legal relations system.

The ideas and proposals reflected in this and other volumes are, taken integrally, a key to understanding the intellectual map of meanings, which would be interesting for legal scientists and experts in the sphere of digital technologies, practicing lawyers, representatives of law-making and law-enforcement agencies, state servants and participants of the real economy sector, young researchers – students, graduates and post-graduates, to all those interested in the issues of mutual influence of digital technologies and law.

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

© Authors, 2022

© Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, 2022

ISBN 978-5-8399-0767-6

ISBN 978-5-8399-0771-3 (Volume 5)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (МОЛОДЕЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУКИ)

А. Р. Казиханов,

студент,

Казанский государственный энергетический университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ КЛИЕНТСКОГО СЕРВИСА

Аннотация. На сегодняшний день в условиях жесткой конкуренции бизнеса важным критерием эффективного развития компании в любой сфере является выстраивание и сохранение надежных партнерских отношений со своими клиентами. В статье рассматриваются технологические изменения, связанные с цифровыми новациями в области клиентского сервиса. Описаны преимущества и особенности использования цифровых технологий, приведены примеры внедрения данных технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая трансформация, информационные технологии, клиентский сервис, бизнес, компания, конкуренция

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF CUSTOMER SERVICE

Abstract. Today, in the conditions of fierce business competition, an important criterion for the effective development of a company in any field is building and maintaining reliable partnerships with its customers. The article discusses the technological changes associated with digital technologies in the field of customer service. The advantages and features of the use of digital technologies are described, examples of the implementation of these technologies are given.

Keywords: Digital technologies, Digital transformation, Information technologies, Customer service, Business, Company, Competition

Если оглянуться назад, то можно заметить существенные изменения в работе службы поддержки клиентов. В прошлом большая часть этой работы выполнялась людьми с помощью простого телефонного звонка или письма. Сегодня эта работа стала более технологичной и требует меньшего человеческого вмешательства. Произошло это благодаря цифровым технологиям, которые улучшили взаимодействие клиента и компании.

Оптимизированный процесс электронной почты. С инструментами оптимизации, которые есть сегодня, компаниям не нужно тратить много времени на ответы на запросы. Эти инструменты позволяют им автоматически идентифицировать спам-сообщения, выполнять рассылку писем без необходимости вручную отправлять тысячи сообщений и систематизировать свои сообщения по теме или получателю. Это изменение технологии позволило сэкономить много времени, которое группы обслуживания клиентов должны были тратить на электронную почту.

Персонализированный опыт. Одно из самых больших преимуществ, которое компании могут получить от искусственного интеллекта, – это возможность создавать для своих клиентов персонализированный опыт. Это изменение технологии позволяет им знать предпочтения своих клиентов, поэтому компании могут предлагать только те товары, которые могут быть интересны пользователям. Это создает беспрепятственный и приятный пользовательский интерфейс и повышает вовлеченность бренда. Этот процесс осуществляется с помощью машинного обучения и анализа настроений.

Видеозвонки. С развитием Интернета большинство людей предпочитают покупать вещи в Интернете, а когда им требуется обслуживание клиентов, они просто отправляют электронное письмо или звонят представителям компании. Здесь нет зрительного контакта, однако технологии открыли новую тенденцию в обслуживании клиентов и отделе продаж – голосовую видео-почту и видеоконференции. Такие сообщения позволяют службе поддержки клиентов оставлять персонализированные сообщения для клиентов, отвечающих на их запросы. Это оставляет место для человеческого прикосновения в виде зрительного контакта, который затем вызывает сочувствие.

Пользовательский интерфейс. То, как клиенты взаимодействуют с вашей компанией, имеет решающее значение. Если у вас есть цифровой продукт, например, приложение или программное обеспечение, это станет основным лидогенератором для вашего бренда. Однако это происходит только в том случае, если у вас отличный интерфейс и ваше приложение или программное обеспечение работают. Вот почему в наши дни пользовательский интерфейс становится все более важным.

Автоматизированные голосовые системы. Автоматизированные голосовые системы избавят вашу службу поддержки клиентов от необходимости тратить слишком много времени на ответы на звонки и запросы. Эти системы работают с машинным обучением так же, как и голосовые сообщения. Это работает следующим образом: если пользователь звонит, чтобы задать вопрос, система предоставляет ответ на основе команд данных, которые она имеет для этого конкретного запроса. Если система не распознает этот запрос, она перенаправит клиента руководителю группы связи. Единственным недостатком этой системы является то, что сначала она обычно очень дорога. Но через некоторое время вы сэкономите много денег, которые обычно тратите на команду обслуживания клиентов.

Тенденции коммуникации в области искусственного интеллекта (ИИ). С момента появления ИИ компании изменили способ работы цифрового маркетинга. Речь идет не только о персонализированных ответах, но и в сфере обслуживания клиентов ИИ. Он помогает компаниям анализировать тенденции и прогнозировать будущие привычки их клиентов и напрямую влияет на то, как компании подходят к своим пользователям. С помощью ИИ бренды могут обеспечить своим компаниям более приятный опыт и стать именно тем, что ищут пользователи.

Чат-боты. Чат-боты – это самая востребованная тенденция в сфере обслуживания клиентов. Причина этого в том, что чат-боты могут обрабатывать большое количество ответов, не тратя на них слишком много времени. В конце концов,

они все еще роботы. Чат-боты очень удобны для компаний, потому что ботам не нужна зарплата и отдых. Чат-боты доступны клиентам каждый день и каждый час. Персональные помощники Вы, вероятно, думаете, что этот момент здесь немного неуместен, но есть тенденция ИИ, которая становится все более популярной среди клиентов – личные помощники, такие как Alexa.

Блокчейн. Мир криптовалюты – это не то, что изменит способ совершения покупок клиентами. Это действительно новый способ взаимодействия, но на самом деле эту динамику меняет блокчейн. Транзакции требуют времени и денег, и люди должны проверять правильность совершения транзакции, чтобы избежать мошенничества. С блокчейн это больше не проблема. Эта система была создана для обеспечения прозрачности процесса транзакций, чтобы люди могли просто подтвердить транзакцию, не тратя на нее слишком много времени. Блокчейн работает с системой на основе данных, предоставляя всем сторонам единую версию записей, которая обновляется после внесения изменений. Это упрощает координацию и проверку транзакций.

Обмен сообщениями в реальном времени. Люди хотят получать быстрые ответы при круглосуточной доступности. В наши дни в приложениях для социальных сетей, таких как WhatsApp, также есть такая функция, которая позволяет вам видеть время ответа компании. Если им потребуется слишком много времени, чтобы ответить, клиенты не будут тратить время зря, даже обращаясь к ним. Вот почему возникла необходимость иметь систему ответов, доступную и в социальных сетях. У большинства компаний теперь есть функция обмена сообщениями в реальном времени на своих сайтах.

Служба поддержки клиентов на основе данных. В последние годы данные сыграли огромную роль в обслуживании клиентов. Должен быть способ измерить ваши усилия по обслуживанию клиентов. Вот почему обслуживание клиентов стало более зависимым от данных, и возросла потребность в системе обслуживания клиентов, основанной на данных. Типы притока данных различаются, но некоторые полезные сведения показывают потребности, запросы, предпочтения клиентов и удовлетворенность их взаимодействием со службой поддержки. Все отделы могут извлечь выгоду из этого типа данных, особенно маркетинговая команда. С помощью аналитика данных компании могут анализировать предоставленную информацию о взаимодействии со службой поддержки клиентов и придумывать маркетинговые стратегии для улучшения своих услуг или продуктов.

Меньше человеческого вмешательства в обслуживание клиентов. Может показаться апокалипсическим утверждение, что «роботы заберут нашу работу», но в определенные моменты они, вероятно, так и сделают. Благодаря автоматизации и искусственному интеллекту больше задач, которые обычно выполнял человек, теперь выполняется с помощью инструментов машинного обучения. Однако это не означает, что технологические изменения аннулируют человеческое взаимодействие. Это означает, что люди будут тратить меньше времени на решение задач обслуживания клиентов, таких как общение напрямую с каждым клиентом, но они будут тратить его на более важные задачи.

Люди теперь тратят больше времени на улучшение самого продукта или услуги или на анализ ответов клиентов. Есть кое-что, что роботы все еще не могут сделать, – это провести анализ чувствительности. Роботы не обладают человеческими качествами, такими как сочувствие, поэтому есть задачи, требующие человеческого взаимодействия. Без этого компании не смогут эффективно общаться со своими клиентами, и все усилия приведут только к плохим результатам.

Технологии изменили несколько аспектов нашей повседневной жизни, поэтому неудивительно, что они изменят способ общения компаний со своими клиентами. Хотя это не означает, что роботы исключат людей из уравнения в сфере обслуживания клиентов, это определенно означает, что цифровые технологии будут играть большую роль в том, как компании взаимодействуют с пользователями.

Список литературы

1. Грошев И. В., Мэнин Хэ. Проектирование цифровой организации // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 1. – С. 250–255.
2. Жаров В. Г., Воронов Н. В., Кузьмишкин С. Г. Сервис как необходимый элемент в создании имиджа современной компании // Славянский форум. 2019. № 2 (24). С. 197–202.
3. Жерегеля А. В. Особенности взаимодействия в компаниях в условиях цифровизации // Вестник университета. – 2019. – № 7. – С. 108–112.
4. Лычагина А. А., Акрамова Ю. И. Сервис как драйвер продаж // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. – Т. 13, № 1. – С. 63–68.
5. Тарасова Т. М. Организация управленческого учета на предприятии в современных условиях // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – С. 19–28.

Г. А. Колоскова,
аспирант,

Институт стратегии развития образования
Российской академии образования

АВТОРСКОЕ ПРАВО ПРИ СОЗДАНИИ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействие педагогических работников с интеллектуальной собственностью, защитой авторского права и его использование. Автор выделяет социально-правовые границы и интеллектуальный статус активности педагогов, а также отмечает то, что в большинстве случаев педагогические работники не осознают себя как авторы, а продукты своей творческой деятельности как собственность, источник дохода. В статье обозначены ряд наиболее актуальных вопросов, связанных с возникновением прав интеллектуальной собственности в деятельности педагогического работника и механизмов их регулирования. В рамках методической рекомендации рассматриваются некоторые особенности защиты интеллектуальной собствен-

ности в системе образования и управления интеллектуальной собственностью педагогических работников.

Ключевые слова: авторское право, цифровые технологии, интеллектуальная собственность, социально-правовая культура педагогического работника, повышение квалификации, плагиат, неимущественные права

COPYRIGHT IN THE CREATION OF A TEACHER TRAINING PROGRAM

Abstract. The article deals with the problem of interaction of teaching staff with intellectual property, copyright protection and its use. The author highlights the socio-legal boundaries and the intellectual status of teachers' activity, and also notes that in most cases teaching staff do not realize themselves as authors, but the products of their creative activity as property, a source of income. The article identifies a number of the most pressing issues related to the emergence of intellectual property rights in the activities of a teacher and the mechanisms of their regulation. Within the framework of the methodological recommendation, some features of intellectual property protection in the education system and intellectual property management of teaching staff are considered.

Keywords: Copyright, Digital technologies, Intellectual property, Socio-legal culture of a teacher, Professional development, Plagiarism, Non-property rights

Introduction. The development of technology has led to a change in traditional concepts and concepts of copyright protection. Problematic for a teacher in terms of recognition and protection of his copyrights are the works (educational textbooks, databases, methodological developments, electronic programs, event scenarios) that he creates as part of his professional activity for the implementation of the educational process.

At present, copyright compliance is a particularly important task for the whole society. The teacher uses in his work a huge amount of all kinds of materials that he personally created, and which he borrowed from the Internet and other sources. In the context of digital transformation, materials have become easily accessible, and the issue of copyright does not leave the agenda. It is important to protect your developments and not become a plagiarist.

Today, there are quite a lot of requirements for a modern teacher and we are talking not only about his methodological and socio-psychological competence, but also.

The intellectual activity of a teacher can be expressed in:

- compilation of teaching aids;
- development of programs in academic disciplines;
- preparation of materials for various competitions and festivals together with students;
- participation in the creation and content filling of the educational organization's website through the holding of open events.

The problem is that the teacher does not realize that he is not just the author of the product of creative activity, but its owner or user of the intellectual property of another author. Today it is necessary to say that teaching staff do not have sufficient knowledge of the basics of copyright, as well as their own rights to the results of intellectual activity. We are talking about non-compliance with the rules of citation, and about the

dissemination on the web of the results of his personal long and painstaking work, which is not protected by copyright and is available for free use.

Currently, the issue of the need for special attention to the issue of intellectual property is indicated in the “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated 18.12.2006 № 230-FZ (ed. from 07/14/2022) [1]. The emergence of intellectual property rights in the activities of a teacher and their regulation often cause controversy.

The main part. We live in the era of digital technologies, which implies and requires the protection of intellectual property, since it has material value. The teacher does not just stay in the information space every day, but uses, processes and fills this very space with his own lesson designs, content, scenarios for classes and extracurricular activities, contextual tasks and tests. A teacher, acting as an author, must be clearly aware of the socio-legal conditions and boundaries of his activity, moreover, protect his rights as an intellectual property owner and not violate the rights of other authors.

Issues of copyright protection were raised in the XVI and XVII centuries, when the advent of a mobile printing press made it possible to widely produce and distribute printed text. It can be assumed that copyright was one of the first legal reactions to the technological challenge, and the development of copyright can be viewed in the same way as the development of legal norms for the information society.

Copyright is a section of civil law regulating personal non-property and property relations related to the creation and use (publication, performance, etc.) of works of science, literature and art expressed in oral, written or other objective form that allows their reproduction. Personal copyrights include: the right of authorship, the right to the author’s name, the inviolability of the work; property rights include the exclusive right to reproduce, publish and sell its content and form, etc. The rights to works both released and not released in the [1].

The objects of copyright are:

- literary works;
- audio works;
- pictures;
- videos;
- computer codes;
- architectural works;
- theatrical productions;
- choreographic productions;
- sculptures.

In order for the work to be protected by copyright, the licensing process is carried out. In education, the following fall under copyright:

- descriptions of new developments;
- dictionaries;
- articles;
- annotations;
- monographs;
- atlases;
- training manuals;

- presentations;
- audio and visual works;
- transfers;
- computer programs;
- abstracts;
- encyclopedias;
- databases;
- collections;
- processing of works;
- and other results of creative work.

The objects of copyright are not:

- state symbols and signs;
- official documents of international organizations, and their official translations;
- official documents of state bodies;
- works of folk art (folklore) that do not have specific authors.

Copyright infringement is the use of a copyrighted work without the permission of the authors or copyright holders or in violation of the use agreement. A common type of copyright infringement: plagiarism. Plagiarism is the intentional attribution of authorship to someone else's work of science, literature or art in general or in particular. Coercion to co-authorship is prosecuted as plagiarism. According to the legislation of the Russian Federation, plagiarism entails criminal liability. Use services to check for plagiarism: Anti-plagiarism, Unplag.com, Advego, ISTIO, MiraTools and Plagiainform programs, Copyscape. Look for sources of new ideas and consider them from new positions.

To protect copyright, it is necessary to record a work or other object and working materials on a disposable disk and finalize it. Have all the source materials (paper and digital) that appear in the process of creating the object of law. Apply to a notary with printouts of materials on the project: certify a copy of the document, the time of presentation of the document or the authenticity of the signature. To make a deposit in the Russian Copyright Society. Publish your ideas and developments in the media. Send the object to a regular or email address (by saving the message on the mail server). Use the Creative Commons service (registration and exchange of licenses). Get acquainted with the Law of 27.07.2006 No. 149 FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (for monitoring copyright compliance on the Internet) [2].

Intellectual property is the results of intellectual activity. If we specifically apply this definition to the activity of a teacher, then we are talking about such results as: scientific and methodological publications (textbooks, manuals, didactic materials, developments, scenarios of extracurricular and extracurricular activities, lesson summaries, work programs on an academic discipline, workbooks, workshops, articles); electronic presentations of training sessions, electronic databases and knowledge, file systems, automated libraries (card files), computer simulators, website development of an educational institution, etc.

All this intellectual activity from the point of view of law is considered in the plane of exclusive right (this is a property right, and it is expressed in the following possibilities: to use the result of one's creative activity at one's discretion; to dispose of the resulting result of creative intellectual activity independently; to allow or) [1].

If a teacher has created a work with his creative work – a product of labor, creativity, a result in the field of literature, art or science, regardless of its merits, then it becomes an object of copyright, and the teacher becomes the copyright holder. It turns out that according to paragraph 1 of Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation [3], the objects of copyright protected as literary works include teacher's methodological developments, summaries of training sessions, work programs on various subjects, computer programs, etc. (With respect to computer programs and databases, state registration is possible, Article 1262 of the Civil Code of the Russian Federation) [4].

Mass non-compliance with the rules of citation and registration of bibliographic data in work programs, methodological collections and other publications indicates a low information culture of teaching staff of educational institutions. Copyright infringement of teaching staff primarily concerns teachers. Violation of their rights by the heads of educational institutions during the internal control of office work in an educational institution, the withdrawal by the administration of the teacher of his didactic developments upon dismissal, the transfer of electronic resources developed by the teacher for the educational process by the will of the head of the institution to other persons has a widespread practice. Most representatives of pedagogical collectives of educational institutions do not know about the most elementary principles of intellectual property rights protection and do not realize that pedagogical innovations can represent the intellectual property of both institutions and specific.

A teacher who faces a variety of information every day, creates his intellectual product based on it, claims to be an innovation in the methodology of teaching an academic discipline or in improving pedagogical technology, needs to represent those legal institutions that will not only identify him as the author of a new intellectual product, but will also contribute to the protection of his intellectual rights, his intellectual property.

Thus, if the program is written according to a specific task of the employer, then the teacher is the author, he has copyright, but he does not have the exclusive right to this program, i. e. he does not have the right to decide how to use it, the employer has the right to use it. If the "specific task of the employer" has not been done, then the created work cannot be considered as official.

However, if the employer does not start using the work (for example, reproduction, distribution, public display carried out both by the employer himself and on the basis of a license agreement by a third party) within three years from the date when this work was made available to the employer by the employee, does not transfer the exclusive right to the work to another person (on the basis of agreement on the alienation of the exclusive right) or does not inform the author about the preservation of the work in secret, then the author (teacher) becomes the owner of the exclusive right to his work (for example, a methodological manual).

If, within the prescribed three-year period, the employer commits one of the above actions (distributes, shows, presents, etc.), then the author (teacher) has the right to receive remuneration, the amount, conditions and payment procedure of which are determined by the contract between the head of the educational institution (representative of the employer) and the teacher (employee), and in case of a dispute – by the court (clause 2 of Article 1295 of the Civil Code of the Russian Federation) [5].

Conclusion. Issues related to the legal culture and discipline of teaching staff in relation to intellectual property are very relevant and require correct and timely consideration. In our opinion, such issues include:

- the requirement for a teacher to have the ability to disseminate his own experience and use the experience of colleagues;
- about the socio-legal conditions for the creation of intellectual property of a teacher and its category and types; about the use of intellectual property and responsibility for this process;
- about intellectual property rights and exclusive rights;
- about the intellectual property of students and the mechanisms of its legal protection and protection; about copyright as the right to remuneration; about copyright protection marks and copyright terms;
- about the possibilities and rules for the use of intellectual property for scientific and polemical purposes;
- about the violation of the personal non-property rights of the author of the work; about photographic works as objects of protection;
- about photo banks and the possibilities of using their service; about “creative licenses” [6].

This is not the whole list of issues that need to be discussed with educators. Each new century makes its own adjustments to the value of enlightenment, adds shades of novelty to it. Today, personal awareness and security are considered in a digital educational environment. In the conditions of professionalism – an important attribute of the rule of law and civil society, the ability of a teacher to carry out pedagogical activities in modern conditions.

The labor function of a teacher may include creative work, culminating in the creation (execution) of scientific and educational developments. And if intellectual activity created outside the scope of the employee’s labor function provided for in the employment contract, then this is a manifestation of the employee’s creative initiative, the realization of his labor rights within the framework of Federal Law No. 273 – FZ “On Education in the Russian Federation” [7], and not the fulfillment of duties. The use of the expression “in connection with performance” in this case means that labor duties cannot consist in the creation of an intellectual product; the employer cannot oblige the employee to create, create.

References

1. “The Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated 18.12.2006 № 230-FZ (ed. dated 14.07.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2bb6d57fd429e6c04ee080e73ceef708aa442fc8/
2. Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated 27.07.2006 № 149-FZ (latest edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
3. “Civil Code of the Russian Federation (Part four)” dated 18.12.2006 № 230-FZ (as amended on 14.07.2022) of the Civil Code of the Russian Federation Article 1259. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/be05678dc42ddc67aae5be9ba9beebd367fb9a3f/

4. “Civil Code of the Russian Federation (Part four)” dated 18.12.2006 № 230-FZ (ed. dated 14.07.2022) of the Civil Code of the Russian Federation Article 1262. State registration of computer programs and databases. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d0887a7ca3da6c85fbbce19815b9b1ead5e67687/

5. “The Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated 18.12.2006 № 230-FZ (as amended on 14.07.2022) of the Civil Code of the Russian Federation Article 1295. Service work. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/b131343c6f094841b1ed8c5e6db72a390ea3e11c/

6. Volkov A. S. Copyright on educational resources in the conditions of application of interactive forms of education // Legal education and science. 2019. No. 4. Pp. 5–7.

7. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 № 273-FZ (latest edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Е. П. Корсак,

магистр экономических наук, старший преподаватель,
Белорусский национальный технический университет

А. Д. Рыдзевская,

студент,

Белорусский национальный технический университет

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. В настоящее время энергетическая отрасль активно развивает и внедряет инновации, такие как солнечные панели на крышах жилой и нежилой недвижимости, электромобили, интеллектуальные счетчики и т. п. Технология блокчейн является новым решением, позволяющим оптимизировать энергетический сектор. Цель данной статьи заключается в изучении понятия блокчейн и потенциала его использования в энергетике, а также исследовании основных преимуществ и проблем.

Ключевые слова: блокчейн, энергетический сектор, электроэнергия, цифровые технологии, децентрализация, безопасность, потенциал

POTENTIAL APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE ENERGY SECTOR

Abstract. Currently, the energy industry is actively developing and introducing innovations such as solar panels on the roofs of residential and non-residential real estate, electric vehicles, smart meters, etc. Blockchain technology is a new solution that allows optimizing the energy sector. The purpose of this article is to study the concept of blockchain and the potential of its use in the energy sector, as well as to study the main advantages and problems.

Keywords: Blockchain, Energy sector, Electricity, Digital technologies, Decentralization, Security, Potential

С тех пор как в конце XIX в. электрическая энергия стала повсеместным товаром, она играет существенную роль в развитии нашего современного общества. Она способствовала промышленным изменениям, породила бесчисленное количество новых продуктов и услуг и существенно изменила нашу культуру. Проще говоря, без нее невозможно представить нашу жизнь. По этой причине проводится множество исследований, и ученые всего мира пытаются найти новые способы оптимизации производства и потребления электрической энергии.

В современном мире люди по-прежнему пользуются загрязняющими источниками электроэнергии, а также многие имеют вредные привычки, из-за которых мы тратим энергию впустую, а еще есть изменение климата, которое оказывает давление на наши потребности в энергии. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что современные проблемы требуют инновационных решений, и для этого нужно прибегнуть к передовым технологиям. Технология блокчейн всецело может преобразовать энергетическую отрасль.

Блокчейн наиболее известен как технология, лежащая в основе криптовалюты биткойн, но его использование выходит далеко за рамки цифровой валюты. Блокчейн обеспечивает дешевую, безопасную и прямую обработку и запись транзакций без необходимости в доверенной третьей стороне, выступающей в качестве центрального посредника, такой как банк, государственный орган или поставщик электроэнергии.

Отказавшись от посредников, технология блокчейн может снизить стоимость транзакций, таких как торговля электроэнергией между соседями.

Таким образом, это может обеспечить большое количество приложений в энергетическом секторе, особенно одноранговые сделки в небольших масштабах, которые до сих пор не приносили пользы из-за высоких административных расходов.

Основные важные особенности использования блокчейн в энергетике включают в себя (рис. 1):

Рис. 1. Преимущества использования блокчейн-технологии в энергетическом секторе

1. Доверие и надежность. Блокчейн – это общедоступная своеобразная книга, которая предоставляет информацию обо всех цифровых транзакциях и распространяет ее по сети.

Таким образом, все операции по производству и потреблению энергии будут храниться в реестре. Любые внесенные изменения будут отражать все вовлеченные стороны. В связи с этим он хорошо реагирует на любое несанкционированное вмешательство в данные, что обеспечивает более безопасную и защищенную экосистему.

2. Прозрачность. Все данные хранятся в сети и доступны для просмотра всем сторонам, что обеспечивает прозрачность.

3. Устранение коррупции. Из двух приведенных выше особенностей видно, как блокчейн в энергетическом секторе обеспечивает защищенную от несанкционированного доступа среду и искореняет коррупцию.

4. Безопасность. Блокчейн не имеет единой точки контроля. Интеграция блокчейна в энергетический сектор позволяет пользователям контролировать всю свою информацию и транзакции. Основная идея заключается в том, чтобы доверять не единому централизованному объекту, а сети.

5. Независимость от сторонних посредников. Децентрализованное хранение данных о транзакциях повышает безопасность и обеспечивает независимость от правительства или любого другого посредника.

6. Гибкость. Еще одним преимуществом является большая гибкость при переключении тарифов и поставщиков энергетического сектора.

Помимо данных особенностей, блокчейн имеет потенциал, играющий значимую роль в управлении все более сложными системами электроснабжения, хранить измерения того, сколько энергии использовало домохозяйство, а также сколько оно должно по сравнению с тем, сколько фактически заплатило.

Одним из известных вариантов использования блокчейна в энергетике является децентрализация. Текущий энергетический сегмент управляется центральными органами власти или крупными корпорациями. Тарифы на энергию определяются властями, и они контролируют производство, а также поставки энергии.

При использовании технологии блокчейн каждое взаимодействие, связанное с потреблением энергии, платежами, сборами и производством, будет записано в неизменяемом реестре. Это будет вызывать чувство значимости у клиентов, поскольку все они будут нести ответственность за свои действия. Далее процесс будет оптимизирован с помощью смарт-контрактов.

С предварительно написанным кодом, выполняющим predetermined функции возможности и существующим в определенном состоянии в реестре блокчейн, различные процессы, такие как расчет сборов, налогов и регулирование потребления энергии, могут быть выполнены в определенных и прозрачных стандартах.

Блокчейн как технология все еще относительно молод. Есть некоторые критические вопросы в правовом и регуляторном аспектах (например, юридическая сила смарт-контрактов), а также вопрос его масштабируемости (в настоящее время существует ограничение на количество транзакций в секунду по сравнению с существующими централизованными системами), и взаимодействие между различными блокчейнами. Существует также проблема общей нехватки требуемых профессиональных навыков на рынке. Все это проблемы, которые необходимо будет решать по мере развития отрасли.

Однако нет никаких сомнений в том, что постоянно растущий объем инвестиций, связанных с технологией блокчейн, свидетельствует об интересе со стороны энергетической отрасли в глобальном масштабе. Следует ожидать быстрого роста рынка этих технологий.

Для энергетического сектора технология блокчейн вселяет оптимизм в то, что можно будет обеспечить безопасную и надежную платформу для цифровых транзакций, где потребители могут напрямую участвовать в энергетическом рынке.

Список литературы

1. Генкин А. С. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. Москва: Альпина, 2018. С. 20.
2. Курьянова И. В. Блокчейн как реальная технология функционирования безналичных розничных платежей и расчетов // Банковские услуги. 2017. № 2. С. 30–36.
3. Перекальский И. Н., Кокин С. Е. Применение технологии распределенного реестра (blockchain) в электроэнергетических системах // Вестник. Научный журнал ЮУрГУ. 2020. № 1. С. 64–75.
4. Смирнов Ф. А. Трансформация мировой финансовой системы: блокчейн, «умные контракты» и внебиржевые деривативы // Аудитор. 2017. № 6. С. 49–54.
5. Ahl Amanda, Yarime Masaru, Tanaka Kenji, Sagawa Daishi. Review of blockchain-based distributed energy: Implications for institutional development // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2019. № 107. Pp. 200–211.
6. Merlinda Andonia, Valentin Robua, David Flynn, Simone Abramb, Dale Geache, David Jenkin, Peter McCallum, Andrew Peacock. Blockchain technology in the energy sector: A systematic review of challenges and opportunities // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2019. № 100 (5). С. 143–174.

А. Н. Кукарцева,

ассистент, кафедра гражданского процесса,
аспирант, кафедра гражданского процесса,
Томский государственный университет

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ (АНАЛИЗ ПРАКТИКИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу практики применения веб-конференций в системе арбитражных судов Российской Федерации, исследованию применения сервиса «Онлайн-заседания» с 2020 г., возникающих в связи с его использованием правовых вопросов. Цель статьи – раскрыть особенности применения цифровых инструментов в поле арбитражного процесса и связанные с этим особенности развития процедуры информатизации и цифровизации судебной системы. Автором сделаны предложения по совершенствованию законодательства, направленные на более детальную фиксацию хода веб-конференций с точки зрения возникающих на практике технических проблем.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, информатизация судов, цифровизация, веб-конференция, онлайн-заседание, видео-конференц-связь, арбитражный процесс, доступность правосудия

PROCEDURAL FEATURES OF USING A WEB CONFERENCE IN ARBITRATION COURTS (PRACTICE ANALYSIS)

Abstract. The article is aimed at analyzing the practice of using web conferences in arbitration courts, researching the use of the «Online-Session» service since 2020, and legal issues arising from its use. The purpose of the article is to reveal the features of the use of digital tools in the field of arbitration and related features of the development of the process of informatization and digitalization of the judicial system. The author made proposals aimed at a more detailed fixation of the progress of the web conference from the point of view of technical problems arising in practice.

Keywords: Law, Digital technologies, Court informatization, Digitalization, Web conference, Online meeting, Videoconferencing, Accessibility of justice

Внедрение информационных, впоследствии цифровых технологий в деятельность судов Российской Федерации (прежде всего арбитражных судов), на сегодняшний день это продолжающийся процесс, начало которому было положено в 2001 г. федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг. [7]. И на сегодняшний день постоянное появление новых цифровых инструментов, связанных с деятельностью судов или участия в судебном процессе, появление связанных с ними новых цифровых компетенций кажется нормой.

Однако легализация этих процессов, законодательное закрепление тех или иных средств и способов – процедура длительная и не менее сложная, чем цифровизация. Сложность легализации таких новшеств обусловлена фундаментальностью и неповоротливостью законодательной системы России. Но от этого сама по себе легализация не теряет своей значимости, поскольку обуславливает действие цифровых нововведений в правовом поле: определяет порядок их применения, сдерживает злоупотребления, связанные с их использованием, формирует правовую и процессуальную определенность для участвующих в деле лиц.

Одной из новелл 2022 г. в арбитражном процессуальном законодательстве стала статья 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1], регламентирующая участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, введенная Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ [4]. Но сам по себе способ такого участия в заседаниях арбитражных судов уже давно не новый.

Возможность проводить судебные заседания с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет для арбитражных судов была реализована с апреля 2020 г. в связи с началом пандемии как компенсация невозможности очного присутствия в суде.

Согласно Перечню арбитражных судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний, размещенному в сервисе «Мой арбитр» (<https://my.arbitr.ru/#help/4/56>) [14], арбитражные суды начали использовать эту

технологии не одномоментно, указанный Перечень до сих пор расширяется. Так, на сегодняшний день из 117 арбитражных судов и судебных присутствий Российской Федерации (включая Суд по интеллектуальным правам) доступ к сервису (наличие технической возможности его использовать) есть в 107 судах.

Поэтому и арбитражные суды, и иные участники судебного процесса уже хорошо знакомы с проведением судебных заседаний в формате онлайн-заседания, когда лицо практически полноценно участвует в судебном заседании, в том числе имеет возможность совершать большинство процессуальных действий, находясь вне зала судебного заседания (как правило, вне здания арбитражного суда), общаясь с арбитражным судом и другими участниками процесса в режиме видеосвязи.

И, несмотря на то, что практически технология была доступна арбитражным судам уже около двух лет, до появления ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суды пользовались ею в отсутствие норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Это создавало парадоксальную ситуацию: арбитражные суды принимали и рассматривали заявления лиц об их участии в заседаниях суда онлайн, в то время как законом такая возможность предусмотрена не была. Более того, формировалась судебная практика, в которой участники арбитражного процесса в жалобах на судебные акты ссылались на необеспечение им участия в процессе онлайн, соответствующие суды (как правило, апелляционные и кассационные) рассматривали и давали оценку таким доводам. И все это происходило в период, когда обязанность проводить онлайн-заседания законом для арбитражных судов не была закреплена.

Также сам по себе термин «онлайн-заседание» в законе никак не определен. И в отсутствие законодательно закреплённого понятия судами использовалось название сервиса «Онлайн-заседания» на сайте <https://my.arbitr.ru/>, которое стало рабочим названием для способа дистанционного участия в суде и одновременно для судебных заседаний, проводимых с использованием этого сервиса.

Суд по интеллектуальным правам с 2020 г. начинает его использовать в своих информационных публикациях на сайте <https://ipc.arbitr.ru> [18–20]. В остальном он употребляется в заявлениях участников арбитражного процесса и судебных актах судов, которым такие заявления адресованы (в связи с их рассмотрением и проведением онлайн-заседаний).

Сейчас согласно ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации веб-конференция заменила собой онлайн-заседание, но на практике юристы, упоминая первое, часто добавляют второе. Если разграничивать эти термины, то онлайн-заседание – это форма участия в процессе, т. е. участие лица в судебном заседании, проводимом онлайн для такого лица. А веб-конференция – это способ обеспечения дистанционного участия граждан и организаций в судебных заседаниях.

Упоминание о веб-конференции в законодательстве Российской Федерации есть, впервые оно было сделано в приказе Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» как о средстве дистанционного уча-

ствия применительно как к судебным, так и внесудебным органам. Впоследствии этот термин стал использоваться в нормативных актах [6], ведомственных актах [8] и, в отличие от практики Суда по интеллектуальным правам, употребляется Верховным судом Российской Федерации в его информационных сообщениях в период пандемии [9, 10, 12] и впоследствии закреплен на законодательном уровне с принятием Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ. На сегодняшний день участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции с точки зрения закона доступны как в силу Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, так и по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] и Кодекса административного судопроизводства [3].

Еще одна особенность применения цифровых технологий в процессе отразилась в Федеральном законе от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [5], в силу которого все изменения в редакции данного федерального закона применяются «при наличии технической возможности в суде». Эта формулировка впоследствии также перекочевала в другие нормативные акты, в том числе процессуальные кодексы, применительно к положениям о внедрении цифровых технологий в деятельность судов и иных органов. В отношении веб-конференции на сегодняшний день положения ст. 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 142.1 Кодекса административного судопроизводства действуют с такой оговоркой, поскольку технологически эта возможность в абсолютном большинстве судов общей юрисдикции на дату внесения изменений Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ не обеспечена.

С арбитражными судами аналогичная ситуация возникает в случаях, когда участвующие в деле лица обращаются с заявлениями об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (онлайн-заседания) в арбитражные суды, где технологическая возможность использования сервиса «Онлайн-заседания» отсутствует. Так, соответствующие арбитражные суды отказывали в удовлетворении подобных заявлений и до начала действия ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ссылаясь на то, что суд не входит в перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний, что подтверждается информацией, размещенной в сети Интернет на официальном сайте системы «Мой арбитр» (<https://my.arbitr.ru/#help/4/56>) [23, 33, 42, 43, 44].

Это обстоятельство позволяет говорить, что внедрение цифровых технологий в осуществление правосудия и их законодательное закрепление происходят неравномерно: в чем-то цифровое развитие опережает закон, а затем нормативное-правовое регулирование подстраивается под уже существующие процессы, в чем-то предусмотренные законом возможности пока еще не имеют под собой технологической базы.

Применительно к арбитражному процессу эти особенности приводят к отсутствию единообразной практики использования цифровых технологий, и в частности, к противоречивой оценке арбитражными судами действий участвующих лиц, связанных с реализацией прав на использование системы веб-конференции.

Так, с одной стороны, складывается практика критической оценки судами сложностей, которые возникают у лиц в связи с их участием в заседаниях с использованием веб-конференции. Данная точка зрения исходит из того, что, поскольку сам по себе способ дистанционного доступа для участия в заседании как таковой применяется, лицу в конкретном заседании возможность участвовать с использованием такого способа предоставлена, следовательно, судом созданы все необходимые условия. И если не доказано иное, объективная возможность присутствовать в заседании зависит исключительно от такого лица.

С другой стороны, начинает проявляться позиция, что для сторон и иных лиц гарантом полноценно участвовать в судебном заседании и реализовать все права, предусмотренные процессуальным законодательством, является суд. И именно он должен создать условия для участия лица в судебном заседании, т. е. не рассматривать спор или жалобу по существу, если лицо, в силу не зависящих от него причин, не смогло принять участие в заседании с использованием системы веб-конференции.

Первый подход выражается в следующей практике.

В ряде случаев арбитражный суд отклоняет ходатайство лица об участии в онлайн-заседании, например, со ссылкой на отсутствие технической возможности обеспечить такое участие. При этом последующие доводы лица о том, что арбитражный суд апелляционной инстанции отклонением ходатайства нарушил права лица на защиту, также отклоняются судом кассационной инстанции, поскольку данное лицо ранее подробно изложило свою позицию по обстоятельствам дела при рассмотрении дела (в суде первой инстанции, а также в апелляционной жалобе и дополнениях к ней) [21]. Ходатайства об отложении судебного разбирательства, мотивированные отклонением ходатайства об организации онлайн-заседания, что не позволило обеспечить участие лица в судебном заседании суда, также отклоняются со ссылками на наличие детально изложенной письменной позиции общества по делу [26, 27].

На практике в работе системы веб-конференции могут случаться сбои как по причине технических проблем в работе сервиса «Электронное правосудие», информационной системы «Мой Арбитр», иных проблем со связью, в том числе в связи с низким качеством связи.

Суд может продолжить заседание и рассмотреть спор при отключении лица по техническим причинам от сеанса видеосвязи. При этом в ситуации, когда у суда нет технических неполадок, которые не позволяют провести судебное заседание, когда судом обеспечена техническая возможность для проведения судебного заседания в режиме онлайн, технические неисправности у лица, участвующего в онлайн-заседании, не будут являться основанием для отложения судебного заседания, а такое отключение может быть приравнено к неявке со ссылками на ч. 2 ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий [28, 29].

Данная практика складывалась как до внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 30.12.2021

№ 440-ФЗ, так и после. То есть даже предусмотренные ч. 5 ст. 158 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации основания для отложения судебного разбирательства, связанные с техническими неполадками системы веб-конференции (а также систем видео-конференц-связи), применяются, исходя из усмотрения суда, и отложение заседания в данном случае является правом, а не обязанностью суда [27, 36].

Навстречу лицу, не имевшему возможность обеспечить свою явку, суды идут в ситуации, когда ими установлены технические проблемы сервиса «Электронное правосудие» [17].

Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 12.08.2021 № Ф08-7584/2021 по делу № А53-41504/2020 указал, что, «поскольку суд апелляционной инстанции не установил факт злоупотребления ответчика, иной подход ставит общество в неравное процессуальное положение с истцом и не отвечает основополагающим принципам судопроизводства». И в данном случае рассмотрение дела в отсутствие лица, не имевшего возможность принять участие в заседании, стало основанием для отмены судебного акта.

В силу низкого качества связи лицо может не услышать или не понять доводы и заявления второй стороны и своевременно представить свои возражения на эти доводы. Однако в отсутствие каких-либо заявлений лица об этом непосредственно в судебном заседании суд не оценит это в качестве уважительной причины и основания для отмены судебного акта [13].

Отказ в удовлетворении ходатайств ответчика об участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции (онлайн-заседания) может оцениваться судом вышестоящей инстанции исключительно с той точки зрения, повлек ли такой отказ принятие неверного судебного акта. И если не привел, то независимо от иных обстоятельств такой отказ не будет признан неправомерным [30].

Второй, противоположный подход сложился на основании позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в определении судебной коллегии по экономическим спорам от 08.07.2021 № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019 [11].

Верховный суд Российской Федерации указал, что при участии лица в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи, в случае невозможности осуществить подключение между судами, такое лицо оказывается лишенным права на участие в судебном заседании. Поэтому даже в случае технического сбоя при подключении у арбитражного суда, обеспечивающего организацию видео-конференц-связи к судебному заседанию суда, рассматривающего дело с использованием систем видео-конференц-связи, суд должен отложить рассмотрение дела (жалобы) по существу, чтобы обеспечить возможность участия лица в судебном заседании.

Несмотря на то, что позиция Верховного суда Российской Федерации была выражена относительно иной технологии связи, практика такой оценки содействия или несодействия судов участием сторон в судебном заседании была калькирована на судебные заседания с использованием системы веб-конференции. До определения от 08.07.2021 № 302-ЭС21-3164 такой подход существовал исключительно как инициатива арбитражных судов [15].

Верховный суд Российской Федерации также указал, что обстоятельства, не позволившие суду округа осуществить подключение арбитражного суда к судебному заседанию суда округа с использованием систем видео-конференц-связи не нашли своего отражения в судебном акте суда округа, принятом по результатам рассмотрения кассационной жалобы общества. И впоследствии анализ того, насколько ход судебного заседания с использованием системы веб-конференции был отражен в судебном акте либо в протоколе, распространился и на судебную практику.

Так, в случае если суд удовлетворил ходатайство лица об участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции, а впоследствии не вышел на связь с лицом и рассмотрел дело или жалобу по существу, то подлежат оценке обстоятельства, не позволившие суду провести судебное заседание путем использования системы веб-конференции. И если эти обстоятельства не отражены в протоколе судебного заседания, а также в соответствующем судебном акте, это может стать основанием для отмены судебного акта [34, 35].

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05–19578/2020 по делу № А41–63152/2019 [31] было установлено, что в протоколе судебного заседания суда апелляционной инстанции отражено, что обеспечена техническая возможность для подключения лица к судебному заседанию (по итогам рассмотрения ходатайства об использовании системы веб-конференции). Однако судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы проведено без участия этого лица, которое на заседание не явилось. Само лицо, обратившееся с заявлением об участии с использованием системы веб-конференции, указало, что «в назначенное время генеральный директор и представитель общества были готовы для участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, однако произошел технический сбой, не позволивший представителям общества принять участие в судебном заседании».

При этом суд кассационной инстанции указал обстоятельства, не позволившие суду осуществить подключение к судебному заседанию апелляционного суда с использованием системы веб-конференции, не нашли своего отражения в судебном акте суда апелляционной инстанции, принятом по результатам рассмотрения апелляционной жалобы общества. И отсутствие в судебном акте информации о подключении лица, количестве таких подключений, времени ожидания стало поводом для проверки хода заседания в карточке дела в картотеке арбитражных дел в разделе «онлайн-заседания». По итогам такой проверки суд кассационной инстанции не обнаружил сведений о том, что судебное заседание было открыто с использованием системы веб-конференции, запись судебного заседания отсутствует. Это послужило основанием для вывода, что суд не обеспечил доступ лица к участию в судебном заседании в веб-конференции.

Для проверки сведений о рассмотрении ходатайств об участии в заседании с использованием системы веб-конференции суды вышестоящих инстанций могут направлять в отдел технической поддержки справочно-правовой системы «Право.ru» (Pravo.tech) и в арбитражный суд, где проводилось само судебное заседание, что позволяет отследить движение заявления: его принятие, регистрацию и рассмотрение (или отсутствие рассмотрения) судом. Это позволяет сделать достовер-

ный вывод о надлежащем обеспечении судом доступа к правосудию для лица или нет [24].

Таким образом, отсутствие в судебных актах информации о действиях, выполненных судом для подключения, или наличие противоречивой информации может стать поводом для проверки технических сведений по факту подключения. Например, если суд удовлетворил ходатайство лица об использовании системы веб-конференции, но в документах по делу участие этого лица не отражено, а само лицо настаивает, что к заседанию с использованием системы веб-конференции подключалось и присутствовало в нем, но было проигнорировано судом [40]. В подобной ситуации суд вышестоящей инстанции, проверяя доводы такого лица, может допросить иных участников процесса по вопросу фактического присутствия этого лица в заседании с использованием системы веб-конференции.

Такой подход используется и в случае когда факт неучастия лица в заседании отражен в протоколе судебного заседания и арбитражный суд не удовлетворил ходатайство лица об участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции после перерыва [25] или технологически не обеспечил возможность подключения к судебному заседанию с использованием системы веб-конференции после перерыва (согласно размещенной по ссылке my.arbitr.ru/#help/4/55 инструкции о порядке получения доступа к участию в онлайн-заседании участникам онлайн-заседания для участия в заседании после перерыва повторно направлять ходатайства не требуется) [37].

По делу № А41–63152/2019 суд кассационной инстанции в постановлении от 19.07.2022 № Ф05–19578/2020 также отметил, что у лица, заявившего ходатайство об использовании системы веб-конференции, отсутствовала осведомленность об удовлетворении его ходатайства, потому что определение об удовлетворении ходатайства было опубликовано после даты судебного заседания: ходатайство поступило в суд апелляционной инстанции 07.04.2022 в 9 часов 19 минут, определение о его удовлетворении было опубликовано 08.04.2022 в 18 часов 25 минут, а судебное заседание было назначено на 07.04.2022 на 11 часов 55 минут (ч. 1 ст. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Данный подход представляется несколько формальным, поскольку технология подачи, рассмотрения и удовлетворения (отказа) ходатайств об использовании системы веб-конференции предполагает, что доступ к участию в онлайн-заседании появляется после его согласования судом, лицо получает на адрес электронной почты уведомление о проведении онлайн-заседания с указанием даты и времени заседания. Сам вход в судебное заседание становится доступен после того, как суд начнет онлайн-заседание.

Опубликование же судебного акта, который выносится по итогам рассмотрения ходатайства об использовании системы веб-конференции, может задержаться на срок до суток, а иногда более в зависимости от загруженности системы. Поэтому, действуя добросовестно, лицо, ходатайствующее об использовании в заседании системы веб-конференции, получив оповещение по электронной почте, имеет возможность подключиться в онлайн-заседание и не должно ссылаться на отсутствие определения суда по факту рассмотрения ходатайства как на основание невозможности принять участие в заседании.

Именно с учетом существующей технологии обращения с заявлением об участии в заседании с использованием системы веб-конференции несоблюдение способа подачи заявления (когда при подаче заявления истцом неверно выбрана и заполнена электронная форма соответствующего ходатайства) является безусловным отказом к его удовлетворению. Формально неверный способ обращения не позволяет электронной системе предоставить доступ к онлайн-заседанию [16, 32].

Применительно к оценке поведения сторон в процессе встречается практика, где суд указывает, что в случае, если «возникли технические неполадки при использовании технических средств ведения судебного заседания», которые не позволили лицу «полноценно участвовать в судебном заседании и реализовать все права, предусмотренные процессуальным законодательством», суду, если обе стороны ведут себя добросовестно и не установлен факт злоупотребления одной из них, следует «отложить судебное заседание независимо от того, на чьей стороне возникли неполадки» [39]. Что можно признать оправданным только в случае, если невозможность участия в процессе обусловлена объективными причинами и прямо не связана с поведением сторон. Иначе лицо намеренно может создавать видимость невозможности явки в заседание с целью затянуть процесс.

Несомненно, подлежат отклонению ходатайства об использовании системы веб-конференции, представленные в суд с нарушением сроков подачи, установленных соответствующим для каждого арбитражного суда Регламентом организации участия в судебном заседании арбитражного суда с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания). Несоблюдение этих сроков не позволяет суду своевременно рассмотреть такие обращения и обеспечить их исполнение [22, 38, 41].

С учетом изложенного можно сделать вывод, что организация дистанционного участия лиц в судебных заседаниях арбитражных судов становится удачным и успешно реализуемым опытом, и вместе с тем она порождает новые организационные вопросы, которые требуют законодательного осмысления и закрепления. Скорость внедрения цифровых технологий, безусловно, является их преимуществом, поэтому возникающие процессуальные вопросы требуют оперативного разрешения по меньшей мере на уровне разъяснений Верховного суда Российской Федерации (принятие постановлений Пленума, обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации) по таким вопросам, а также путем более детальных формулировок в Регламентах организации участия в судебном заседании арбитражного суда с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) соответствующих арбитражных судов.

На сегодняшний день с учетом проанализированной практики для устранения противоречий в оценке обеспечения арбитражным судом доступности, на наш взгляд, следует дополнить положения Регламентов, а впоследствии положения п. 9 ч. 2 ст. 155 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о ходе использования системы веб-конференции и (или) иных технических средств дополнительными сведениями, которые должны быть отражены в протоколе судебного заседания, в случае если лица, подавшие ходатайства об участии в заседании с использованием системы веб-конференции, не явились.

А именно целесообразно указывать в протоколе сведения:

– о количестве подключений суда к онлайн-заседанию (если подключения осуществлялись неоднократно);

– длительности времени ожидания лица, не явившегося в онлайн-заседание (при условии что нет других участников процесса, которые обеспечили явку в онлайн-заседание, поскольку, если такие участники есть, подключиться к заседанию онлайн лицо сможет в любое время заседания);

– наличии или отсутствии технических проблем в работе системы (сервиса «Онлайн-заседания»), в том числе об обстоятельствах, которые не позволили суду осуществить подключение лица к судебному заседанию путем использования системы веб-конференции (в том числе вследствие неявки этого лица), о факте обеспечения судом технической возможности для подключения лица к онлайн-заседанию;

– причинах завершения онлайн-заседания, если судебное заседание продолжается очно в зале суда.

Факультативно эти сведения могут быть указаны или раскрыты более подробно в судебном акте по делу (итоговом или промежуточном).

Для случаев, когда суд вследствие неявки лица или технических препятствий вынужден завершить веб-конференцию (онлайн-заседание), в Регламенте организации участия в судебном заседании арбитражного суда с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) следует определить нормативное время ожидания участника процесса.

При участии в судебном заседании непосредственно лицо может опоздать и быть допущенным в процесс. Участвуя в судебном онлайн-заседании с использованием системы веб-конференции, лицо может иметь сложности со входом в систему (особенно пользователи, еще не набившие руку в дистанционном участии в процессе). Поэтому целесообразнее будет обеспечить определенность промежутка времени, который суд обязан посвятить организационной настройке связи (включению, проверке технических условий связи, установлению качества связи и отсутствия у лиц замечаний по качеству связи и т. п.) и подтвердить факт совершения таких действий, зафиксировав их ход в судебном акте.

Предложенные нововведения позволят суду внести определенность в организацию онлайн-заседаний с использованием системы веб-конференции и оказать необходимое и достаточное содействие в реализации прав сторон в условиях цифровизации судопроизводства.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 18.09.2021).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.09.2021).

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 18.09.2021).

4. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405386/ (дата обращения: 18.09.2021).

5. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 18.09.2021).

6. Постановление Правительства РФ от 18.12.2021 № 2359 «О внесении изменений в приложение № 33 к государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404480/ (дата обращения: 18.09.2021).

7. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2021).

8. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2021).

9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ» от 08.04.2020 № 821 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2021).

10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 О приостановлении личного приема граждан в судах // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2021).

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2021 № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196819/ (дата обращения: 18.09.2021).

12. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379159/ (дата обращения: 18.09.2021).

13. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2022 № С01-344/2022 по делу № СИП-1076/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.07.2021 № С01-700/2021 по делу № А40-272940/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Суда по интеллектуальным правам от 08.06.2020 по делу № СИП-85/2020 об отложении предварительного судебного заседания // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Суда по интеллектуальным правам от 08.05.2020 № С01-493/2020 по делу № А55-14196/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Суда по интеллектуальным правам от 03.02.2022 по делу № СИП-759/2021 «Об отложении судебного заседания» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Информация Суда по интеллектуальным правам «О проведении судебных онлайн-заседаний в Суде по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Информация Суда по интеллектуальным правам «С 15 июня 2020 года возобновляется доступ в здание Суда, нарочный прием документов, личный прием граждан и возможность ознакомления с материалами дел» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Информация Суда по интеллектуальным правам «Режим работы Суда по интеллектуальным правам с 12 мая 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.07.2021 № Ф02-2857/2021 по делу № А10-2259/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.09.2020 № Ф03-2798/2020 по делу № А59-4875/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.06.2020 № Ф03-1393/2020 по делу № А51-27110/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.08.2022 № Ф04-3424/2022 по делу № А81-2961/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.07.2022 № Ф04-3105/2022 по делу № А75-13482/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.10.2021 № Ф04-4747/2019 по делу № А70-8365/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.10.2021 № Ф04-6719/2021 по делу № А45-11088/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.09.2021 № Ф04-3811/2021 по делу № А03-21387/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2022 № Ф05-13243/2022 по делу № А41-54125/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.06.2021 № Ф05-10106/2021 по делу № А40-140906/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-19578/2020 по делу № А41-63152/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.06.2020 № Ф05–1322/2020 по делу № А40–25717/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.05.2020 № Ф06–61323/2020 по делу № А55–23705/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.08.2022 № Ф07–10155/2022 по делу № А21–6150/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.03.2022 № Ф07–2485/2022 по делу № А56–44716/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

36. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.07.2021 № Ф07–4262/2021 по делу № А26–4290/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.01.2022 № Ф08–13416/2021 по делу № А32–47909/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.12.2021 № Ф08–11508/2021 по делу № А32–3171/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.08.2021 № Ф08–7584/2021 по делу № А53–41504/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

40. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.07.2021 № Ф08–5170/2021 по делу № А63–16542/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2021 № Ф09–4677/18 по делу № А60–29286/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2022 № 09АП-15713/2022 по делу № А40–214016/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2021 № 09АП-70493/2020-ГК по делу № А40–266197/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2020 № 18АП-5897/2020 по делу № А76–10572/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

И. Г. Лаврова,
студент,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Цифровые технологии активно внедряются в повседневную жизнь, вынуждая право трансформироваться под воздействием цифровых вызовов времени. Однако эффективного механизма правового регулирования цифровой среды на данный момент не выработано. В статье представлены доктринальные точки зрения о цифровизации и проблемах ответственности искусственного интеллекта, рассмотрены некоторые проблемы, существующие в цифровой сфере,

а также сформулирована позиция о перспективах регулирования цифровых отношений.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, цифровые права, доктрина, искусственный интеллект, ответственность искусственного интеллекта, правовое регулирование

LEGAL CHALLENGES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. Digital technologies are actively being introduced into everyday life, forcing the law to transform under the influence of digital challenges of time. However, an effective mechanism for legal regulation of the digital environment has not been developed. The article presents doctrinal points of view on digitalization and the problems of artificial intelligence responsibility, examines some problems existing in the digital area, and also formulates a position on the prospects for regulating digital relations.

Keywords: Digitalization, Information Technology, Digital rights, Doctrine, Artificial intelligence, Responsibility of artificial intelligence, Legal regulation

В современном мире происходит непрерывное и стремительное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь. Можно сказать, что практически все сферы общественной жизни переходят в «цифровую реальность». Все это вынуждает государство и общество вырабатывать эффективные регуляторы, обеспечивающие как защиту имущественных прав различных субъектов правоотношений, так и реализацию прав и свобод человека.

Так как цифровые технологии выходят далеко за пределы привычной реальности, довольно сложно дать определение понятию «цифровизация». Тем не менее, можно сказать, что цифровизация – ведущее направление развития современного мира, связанное с переходом к цифровому формату предоставления информации во всех сферах общественной жизни.

Со вступлением 1 октября 2019 г. изменений в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) была закреплена конструкция цифровых прав в российской правовой системе: «...иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права) ...» [12]. Можно заметить, что в данной статье, а также в п. 4 ст. 454 ГК РФ законодатель относит цифровые права к разновидности имущественных прав, но это все же способ фиксации имущественных прав [6. С. 332–333].

Законодатель дал определение цифровых прав в ст. 141.1 ГК РФ, однако оно настолько широкое и неисчерпывающее, что на практике к цифровым правам можно отнести любые права, обозначенные в цифровой форме, и количество примеров таких прав будет только увеличиваться с развитием цифровых технологий.

Надо понимать, что отношения в цифровом пространстве не поддаются традиционному правовому регулированию. В цифровой среде намного труднее идентифицировать субъекта. Все это усложняется еще и международно-правовым

аспектом регламентации цифровизации. Например, Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) определяет цифровизацию как «социально-экономическую трансформацию, инициированную массовым внедрением и усвоением цифровых технологий, т. е. технологий создания, обработки, обмена и передачи информации» [16]. Также в иностранных источниках термин «цифровые права» (digital rights) уже достаточно устоявшийся и понимается как права человека в цифровом пространстве [8. С. 88].

Российские ученые и практики тоже не остались в стороне и выработали различные доктринальные точки зрения касательно определения «цифровых прав» и «цифровизации», а также перспектив законодательного регулирования данной сферы.

Процесс цифровизации вызывает проблемы правового характера, связанные с пробелами в законодательстве и применением права на практике. В настоящее время можно сказать, что темпы развития цифровизации опережают правовое регулирование, и многие ученые подтверждают данное высказывание [2]. Например, В. Д. Зорькин, председатель Конституционного суда РФ, пришел к выводу: «Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений. Однако существующее законодательство далеко не в полной мере отвечает потребностям времени» [5].

При этом некоторые ученые считают, что пока не выработано необходимых нормативно-правовых актов в вопросах регулирования цифровых отношений, поэтому нельзя рассматривать цифровое право как самостоятельную отрасль права [1. С. 29–33]. Другие же ученые, напротив, считают, что надо выделять цифровое право в отдельную отрасль [11. С. 122].

Таким образом, можно увидеть, что эффективной правовой системы регулирования цифровых прав и отношений пока не выработано в российском праве, вследствие чего появляется множество проблем на практике. Обратимся к некоторым примерам.

Интересно упомянуть громкое судебное дело, связанное с аккаунтом в социальной сети [7]. Супруги совместно вели аккаунт в Instagram, который приносил 300 тыс. руб. дохода в месяц, на него было подписано более миллиона подписчиков. Супруги-блогеры решили развестись, и возник судебный спор по поводу раздела этого аккаунта, но подписчиков интересовало именно совместное ведение Instagram супругами. Когда блогеры объявили о разводе, подписчики начали отписываться, доходы упали, поскольку ведение аккаунта одним из супругов подписчикам было неинтересно. И возник вопрос: аккаунт в социальной сети – это имущество или нет? Следует упомянуть еще тот факт, что сам аккаунт является частью приложения Instagram, права на которое принадлежат Facebook. Итак, можно сказать, что аккаунт в социальной сети на данный момент сложно назвать объектом гражданских прав, и суд в замешательстве, как разрешать подобные дела. Поскольку проблема явно вышла за пределы правового поля, то и решить ее можно было только неправовым, т. е. личным, путем. Таковым путем является мировое соглашение, которое в итоге и было заключено.

Еще одна проблема – заключение договоров искусственным интеллектом. Кто будет субъектом и нести ответственность, если договор заключен искусственным интеллектом? При этом возникают проблемы и наблюдаются недостатки правового урегулирования именно тогда, когда искусственный интеллект выходит из строя и возникают споры.

Например, случай, когда интернет-магазин Ozon по ошибке искусственного интеллекта временно снизил цены на часть товаров, вследствие чего некоторые стали стоить 1 рубль [3]. Пользователи, находящиеся в это время на сайте интернет-магазина, начали скупать товары. При этом покупатели совершили платежи, перевели деньги за товары, но впоследствии их покупки были аннулированы; деньги были возвращены. В судебном порядке признания договоров недействительными не было и быть не могло. Покупатели были с этим не согласны, так как *pacta sunt servanda* (с лат. «договоры должны соблюдаться»), и потребовали товар за уплаченную сумму, тогда как продавец не планировал продавать товар за бесценок, т. е. цену, ошибочно установленную искусственным интеллектом.

Подобные проблемы возникают иногда на биржевых рынках, когда искусственный интеллект – бот – действует в чьих-то интересах и совершает приобретение ценных бумаг. И вполне возможны случаи, когда искусственный интеллект по ошибке выставляет предложение о продаже ценных бумаг по очень маленькой цене, а другой искусственный интеллект мониторит ситуацию и покупает эти дешевые акции. В данном случае два искусственных интеллекта задействованы, и покупка ценных бумаг совершена. Однако когда покупатель потребует передачи акций, то продавец заявит, что это была ошибка в работе бота. Он запрограммировал искусственный интеллект не ставить цену ниже определенного предела, но бот сломался и начал продавать акции слишком дешево, не имея на это разрешения. Возникает закономерный вопрос, который сейчас активно обсуждается: могут ли у искусственного интеллекта быть права, и может ли он выступать субъектом правоотношений?

В настоящий момент можно сказать, что проблема ответственности за ошибки искусственного интеллекта пока достаточно не изучена, чтобы отразить ее в нормативных правовых актах. Но при этом вопрос о правовом статусе систем искусственного интеллекта актуален и занимает первоочередное значение. Если мы будем рассматривать искусственный интеллект как субъект права, то необходимо определить его статус и механизмы ответственности, а если как объект, то надо установить его режим. В статье Г. А. Гаджиева и Е. А. Войниканис [4] отображены две противоположные позиции по данной проблеме.

С одной стороны, есть возражения против любой возможности наделения роботов правосубъектностью. Сторонники этой позиции обеспокоены перспективой нарушения прав человека и возникновения этических и методологических проблем. В качестве примера можно привести открытое письмо группы ведущих европейских экспертов в сфере робототехники к Европейской комиссии в апреле 2018 г. [15].

С другой стороны, существует позиция, сторонники которой придерживаются мнения о существовании вины искусственного интеллекта и признании робота

некой виртуальной личностью [10]. Примером может служить робот София, который получил гражданство Саудовской Аравии [14].

При рассмотрении данного вопроса заслуживает внимания резолюция Европарламента о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники [13]. В документе отмечается, что в настоящий момент ответственность за ошибки искусственного интеллекта должна лежать на человеке, а не на роботе. Вместе с этим подчеркивается, что по мере развития самостоятельности робота надо решать вопросы его ответственности, что в будущем может привести к специальному правовому статусу *electronic persons*, которые несут ответственность за причиненный ими ущерб и могут обладать правами и обязанностями. Итак, Европарламент не дал конкретного нормативно-правового решения вопроса, однако обеспечил перспективу работы над проблемой привлечения искусственного интеллекта к самостоятельной юридической ответственности. Вполне возможно, что в скором времени возникнет необходимость изменять состав субъектов права, включая туда роботов / искусственный интеллект.

На современном этапе в российской правовой системе искусственный интеллект все же признается объектом, и ответственность чаще всего возлагается на владельца системы, но это не самое верное решение. Разделяя мнение О. Л. Солдаткиной [9. С. 124] о том, что ответственность должна быть «солидарной для производителя, владельца и пользователя систем (в зависимости от степени вины)», однако надо помнить, что искусственный интеллект способен к самообучению, и впоследствии можно будет создать страхование ответственности, если робот будет рассматриваться как источник повышенной опасности с точки зрения гражданского права.

В заключение можно отметить, что в настоящий момент цифровое право привлекает к себе все больше внимания, начинает обособляться в отдельную отрасль законодательства и формировать новое научное направление. Можно отметить перспективы развития законодательства в цифровой сфере, поскольку современный мир подвержен влияниям цифровизации и возрастает количество проблем в данной области, которые необходимо урегулировать нормами права.

Список литературы

1. Архипов В. В. Интернет-право. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 249 с.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
3. В ночь на 1 ноября Ozon по ошибке временно снизил цены на часть товаров – некоторые стоили 1 рубль. URL: <https://vc.ru/trade/313153-v-noch-na-1-noyabrya-ozon-po-oshibke-vremenno-snizil-ceny-na-chast-tovarov-nekotorye-stoili-1-rubl> (дата обращения: 14.07.2022).
4. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – Столичный выпуск. – № 7578 (115).
6. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 330–334.
7. Москвичи из-за развода делят в суде общий Instagram-аккаунт с миллионом подписчиков. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_moskvichi_izza_razvoda_delyat (дата обращения: 20.07.2022).
8. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. – 2018. – № 9. – С. 86–89.
9. Солдаткина О. Л. Проблема искусственного интеллекта как одно из ключевых направлений правовой политики // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация. Вызовы праву и векторы научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 7 февраля 2020 г. – Москва: Проспект, 2020. – 312 с. – С. 120–124.
10. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
11. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 121–122.
12. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/?ysclid=17odcxdjl0871283382 (дата обращения: 04.09.2022).
13. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 04.09.2022).
14. Lifelike «Sophia» Robot Granted Citizenship to Saudi Arabia. URL: <https://www.livescience.com/60815-saudi-arabia-citizen-robot.html> (дата обращения: 04.09.2022).
15. Open Letter to the European Commission: Artificial Intelligence and Robotics. URL: <http://www.robotics-openletter.eu/> (дата обращения: 05.09.2022).
16. The Transformative Economic Impact of Digital Technology. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/ecn162015p09_Katz_en.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

Э. Ю. Латыпова,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Р. Э. Гильманов,

студент,
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации легализована достаточно давно, однако с марта 2020 г. данный институт получил современное развитие за счет введения новых составов преступлений, регламентирующих ответственность за распространение фейковой информации. Само слово «фейк» пока не устоялось в русском языке (пишется как «фейк», так и «фэйк»), как и содержание составов преступлений, связанных с распространением фейковой информации, что нуждается в осмыслении.

Ключевые слова: фейк, фейковая информация, заведомо ложная информация, классификация фейковой информации, информатизация, социальные сети, неприкосновенность частной жизни

CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISTRIBUTION OF FAKES IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. Criminal liability for the dissemination of deliberately false information has been legalized for a long time. However, since March 2020, this institution has received modern development due to the introduction of new elements of crimes regulating responsibility for the dissemination of fake information. Note that the word “fake” has not yet settled in the Russian language (it is written as “fake” and “fake”), respectively, and the content of crimes related to the dissemination of fake information also needs to be understood.

Keywords: Fake, Fake information, Deliberately false information, Classification of fake information, Informatization, Social networks, Privacy

Введение. В связи с введением в 2020–2022 гг. в Уголовный кодекс РФ (далее - УК РФ) новых составов преступлений, регламентирующих распространение фейковой информации, остро возникла необходимость уточнить содержание фейка с точки зрения именно уголовного права, так как, к сожалению, правоохранительные органы склонны толковать данное понятие чрезмерно расширительно. Отдельный интерес представляет классификация фейковой информации с целью дальнейшего прогнозирования развития данной группы преступлений.

Само по себе распространение фейковой информации имеет серьезную потенциальную угрозу, так как может спровоцировать распространение панических настроений среди населения либо иметь иное негативное влияние на общество [1. С. 147].

В мире цифровых технологий любая информация может облететь мир за считанные секунды, однако в случае распространения ложной информации последствия

такого информирования трудно спрогнозировать. В связи со стремительным развитием информационных технологий имеется насущная потребность действенного противодействия распространению заведомо ложной информации.

Основная часть. Обсуждение необходимости введения уголовной ответственности за распространение фейков можно датировать 2018 г., когда данный термин начал активно обсуждаться с разных позиций: помимо юридических (обычно это анализ уголовно-правового содержания фейка [1. С. 98], либо методы выявления фейка и способы защиты от него [3. С. 92]), анализировались лингвистические [7. С. 214], педагогические [6. С. 275], политологические [8. С. 268] и иные аспекты данного понятия. Однако смеем предположить, что окончательной ясности в исследуемом вопросе пока не наблюдается.

В английском языке слово «фейк» переводится как «обман», «подделка», «ложь». В современной цифровой среде создать ложную информацию, имеющую все признаки правдивой, истинной, очень легко. Технология «дипфейк» позволяет при помощи компьютера присваивать даже лица известных людей, имитируя сообщение ими той или иной информации. Именно поэтому сейчас массово стали распространяться различного рода ложные сведения, что ранее, даже десять лет назад, представить было достаточно сложно.

В настоящее время можно выделить группу смежных составов преступлений, связанных с распространением фейковой информации: 1) ст. 207.1 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»); 2) ст. 207.2 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»); 3) ст. 207.3 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий»).

Одним из важных качеств, отличающих именно фейки, является исключительно публичное распространение информации, которая является заведомо ложной, однако предоставляется как правдивая неограниченному кругу лиц, что наиболее легко сделать при помощи различных социальных сетей или средств массовой информации.

Ю. А. Кузьменко и О. А. Попова полагают, что активные блогеры зачастую присваивают полномочия журналиста и игнорирует принципы работы СМИ [2. С. 122]; при этом неформальное общение и «вкусно» поданная в социальных сетях информация воспринимается посторонним человеком как заслуживающая доверие, а в силу ее первичности закрепляется как истинная. Именно поэтому фейки являются действенным способом пропаганды, в том числе и негативной.

Отметим, что, по нашему мнению, не соответствует структуре большинства остальных норм УК РФ ст. 207.2 УК РФ, где квалифицирующий признак (...повлекшее тяжкие последствия) фактически вынесен в наименование статьи. Полагаем, что более логично было указать данное последствие именно как квалифицирующий признак ст. 207.1 УК РФ, тогда часть первая ст. 207.2 стала бы частью второй статьи 207.1; при этом часть вторая статьи 207.2 стала бы особо квалифицированным составом ст. 207.1 УК РФ (частью третьей). Такая структура, как представляется, больше соответствует традиционному формированию статей и составов Особенной

части Уголовного кодекса. Здесь мы солидарны с мнением Р. Р. Мусиной в том, что квалифицирующие признаки должны формулироваться в соответствующих частях конкретной статьи Особенной части УК [4. С. 418].

Ранее нами разрабатывалась классификация фейковой информации [3. С. 149], что в значительной степени может способствовать правильной квалификации выявленных фактов распространения заведомо ложной информации.

Заключение. Полагаем, что классификация фейковой информации, распространяемой в социальных сетях, может быть произведена с использованием следующих факторов: а) по особенностям субъективной стороны (мотивы лица, распространяющего фейковую информацию); б) по содержанию распространяемой заведомо ложной информации; в) по видам информационных источников, используемых для размещения фейковой информации.

Каждый должен взвешенно относиться к получаемой им информации, особенно если данная информация получена не из официальных источников, а из социальных сетей. Недопустимо распространять информацию, которую невозможно проверить, или которая получена из недостоверных источников. Крайне нежелательно размещать такую информацию на своих личных страницах или профилях в социальных сетях – в ряд случаев это может повлечь привлечение к административной или уголовной ответственности.

Список литературы

1. Крайнюкова Л. М., Станишевская А. В., Ажмухамедова И. М. Юридические аспекты противодействия созданию и распространению «фейкового» контента // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2021. № 1 (53). С. 98–106.

2. Кузьменко Ю. А., Попова О. А. Фейковая пропаганда как инструмент дезинформации обществ и борьба за их распространение // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 122–126.

3. Латыпова Э. Ю., Гильманов Р. Э., Воронцов И. А. О классификации видов фейковой информации применительно к уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы VI Международной научно-практической конференции 28 апреля 2022 года. В 3 т. Т. 1: Секция 1: Актуальные проблемы современного права и управления: теория и практика. ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия» / отв. ред. Е. В. Ковтун. Донецк: Цифровая типография, 2022. С. 147–153.

4. Мусина Р. Р. К вопросу о составе с альтернативными признаками объективной стороны как единого преступления // Тенденции развития российского общества в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, учителей, студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Чистополь). Казань: Институт экономики, управления и права, 2011. С. 417–419.

5. Сметкина О. М., Карапетян Д. А. Методы выявления и способы защиты от распространения фейковой информации // Цифровая конвергенция в экономике

и управлении: сборник научных трудов / под ред. В. В. Трофимова, В. Ф. Минаков. Санкт-Петербург, 2020. С. 91–98.

6. Солдатова Г. В., Илюхина С. Н. Роль агрессии в распространении фейковой информации среди подростков и молодежи // Человек в ситуации изменений: реальный и виртуальный контекст: материалы Международной научной конференции. Москва, 2021. С. 275–279.

7. Уткин Ю. Ю., Уткина И. В. Распространение фейковой информации: об изменении механизмов реагирования государства в 2020 году // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 61. С. 214–220.

8. Яковенко Т. И., Ляшенко Д. И. К вопросу об объективации фейковой информации в политическом медиадискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 268–272.

С. П. Лебедев,
студент,

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Аннотация. В статье обосновывается актуальность замены бумажного документооборота электронным; изложен принцип работы типовой системы электронного документооборота отечественного производства, показаны ее возможности, достоинства и недостатки; перечислены критерии, которые необходимо модернизировать или добавить к предлагаемой модели электронного документооборота, которая призвана быть использованной во всех отраслях административно-хозяйственной деятельности; представлено сравнение имеющегося и предлагаемого электронного документооборота; обозначен вектор общего развития системы документооборота в России.

Ключевые слова: информация, цифровые технологии, цифровизация, система электронного документооборота, документооборот, документ, данные, база данных, личный кабинет, государство, организация

FEATURES OF THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN RUSSIA

Abstract. The article describes and reveals the relevance of replacing paper document management with electronic document management; outlines the principle of operation of a typical electronic document management system of domestic production, reveals its capabilities, advantages and disadvantages; lists criteria that need to be upgraded or added to the proposed model of electronic document management, which is designed to be used in all branches of administrative and economic activity; presents a comparison of the existing and the proposed electronic document management; the vector of the general development of the document management system in Russia is stated.

Keywords: Information, Digital technologies, Digitalization, Electronic document management system, Document management, Document, Data, Database, Personal account, State, Organization

XXI век – век, в котором мы живем, является тем временем, когда уровень высокотехнологического развития является определяющим фактором для развития и полноценного функционирования всех остальных социально-экономических институтов государства. Одним из признаков высокотехнологического развития является внедрение цифровых систем в различные сферы деятельности общественных и государственных структур. Данные сферы деятельности имеют обширный список, начинающийся от платежных систем и инструментов и заканчивающийся контролем образовательного процесса учащихся школ, средних и высших учебных заведений [2]. Но ни одна из сфер деятельности, как коммерческой, так и некоммерческой направленности, не может соответствовать всем юридическим нормам и требованиям без надлежащего документооборота, который всегда требует внимательного и педантичного отношения к хранению и контролю над исполнением документов. В связи с этим актуальным является внедрение цифровых технологий в процесс документооборота на всех его стадиях от создания до архивирования документа.

Все больше специалистов считают необходимым переходить от бумажных носителей к электронному документообороту. К примеру, так высказывается Александр Пятинский, кандидат экономических наук и специалист в области бухгалтерского учета и налогообложения: «Заблаговременная подготовка к переходу на ЭДО позволит снизить риски, в первую очередь технические: что-то не отправляется или не открывается, не тянет ноутбук, нужны дополнительные лицензии. Кроме этого у компаний будет время обучить сотрудников новым правилам. Как ни странно, но сейчас при ЭДО часть документов все равно остается на бумаге, например, те же самые товарно-транспортные накладные. Какие документы, кто и кому будет скоро передавать только в электронном виде, лучше понимать уже сейчас. И третья причина подготовиться заранее – это нагрузка на удостоверяющие центры и ФНС, куда все пойдут в последний момент за электронной подписью. Планомерный переход позволит избежать очередей и быстро дозвониться в техподдержку, чтобы получить консультации и настройки» [8].

Находит этот вопрос актуальным и Правительство Российской Федерации. В числе его последних действий на пути развития цифровых технологий, в том числе в сфере документации, является подписание Председателем Правительства Российской Федерации Михаилом Мишустиным распоряжения о внесении на рассмотрение в Государственную Думу РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Законопроект был зарегистрирован 17 мая 2021 г. и на данный момент ожидает своего рассмотрения. Среди изменений и нововведений, которые он предполагает, следует отметить введение на практике такого элемента, как электронный дубликат. Электронными дубликатами могут обзавестись любые до-

кументы, кроме документов: Государственного архива Российской Федерации; содержащих государственную тайну; удостоверяющих личность; и иных документов, согласно тем или иным федеральным законам Российской Федерации. При этом срок действия электронного дубликата может ограничиваться одним годом. Однако данный законопроект является лишь небольшим шагом к цифровизации документов и хранящейся в них информации.

До сих пор проводимые правительством мероприятия, направлены на развитие лишь отдельных частей всей информационной системы и информационного пространства. Но это еще не подтверждает факт того, что невозможно изобрести и внедрить в широкое использование такое нововведение, которое могло бы изменить настоящий регламент работы с информацией и документами. И данное нововведение – не что иное, как единая электронная база документов. Слово «единая» подразумевает функционирование системы в режиме реального времени с допуском к использованию более одного пользователя, т. е. это может быть приложение по типу «Госуслуг». И так как термин «единая электронная база» может показаться достаточно обобщенным, следует сразу обозначить следующие моменты: в настоящее время существует большое количество электронных систем для работы и хранения документов, в том числе отечественной разработки (например: среди частных – CompanyMedia, DIRECTUM, DOCUMENTUM, БОСС-Референт, ЕВФРАТ-Документооборот, LanDocs; и среди государственных – Диалог, КСЭД 3.0, СЭД-Сириус, СЭДКП), но они имеют свои недостатки [4]. Среди них можно выделить следующие: электронные системы частного производства имеют денежный эквивалент в виде единоразовой выплаты стоимости или регулярной платы за пользование системой; и частные и государственные электронные базы документов являются локальными в использовании, что подразумевает невозможность обмениваться документами между ними, т. е. они не кроссплатформенны.

Вторым моментом является то, что единая электронная база будет являться не только площадкой для хранения документов, но и инструментом для проставления подписи и обмена документами между пользователями. Предполагается, что у нее будет широкий функционал, а пользоваться ею смогут бесплатно. В первую очередь данная система будет актуальной и полезной для госслужащих, поскольку призвана значительно облегчить их работу.

Однако прежде чем рассматривать новую модель системы электронного документооборота, которую в данной статье будет предлагаться внедрить в работу государственных и муниципальных органов власти, следует раскрыть сущность и особенности действующей модели. Задача эта осложняется тем, что в России и непосредственно у соответствующих организаций и структур нет единой системы или программы, обеспечивающей электронный документооборот [10]. Во многих структурах используются свои, локальные программы, которые могут обеспечить работу лишь того органа и его ниже- или вышестоящих инстанций, в котором они внедрены. Действуют такие программы довольно примитивно, но вместе с тем выполняют ряд функций: заносят копии бумажных версий документов в электронную базу, присваивают им штрих-коды, позволяют прикреплять к одному документу сопутствующие документы (такие, как пояснения, распоря-

жения, приказы, приложения и т. д.), могут быть подписаны электронной подписью, преобразованы вновь в бумажный вид [7].

Наиболее популярный среди таких типовых программ – «Дело». Система электронного документооборота «Дело» – это многопользовательская система, позволяющая решать проблему управления документопотоком в организации. Система может быть использована как для сопровождения и дублирования традиционно сложившегося бумажного документооборота, так и для полного его замещения электронным. В чем же его преимущества и отличительные особенности? Кроме уже обозначенных функций, «Дело» фиксирует все этапы работы с документом, начиная от его регистрации в базе и заканчивая отправлением в архив. У каждого документа имеется своя карточка, в которой в отдельном окне представлены его реквизиты, ссылки на связанные документы и добавленные поручения или самостоятельно указанные задачи по работе с данным документом. У данной системы электронного документооборота имеется функциональный интерфейс с личным кабинетом. Причем в системе имеется несколько уровней пользования – руководитель, помощник руководителя, контролер, делопроизводитель и исполнитель. Различия уровней пользования состоят в количестве возможностей и прав, которые можно реализовывать при работе с документами в данной системе.

Кроме того, к каждому документу прикрепляются сроки исполнения. Интерфейс программы «Дело» позволяет осуществлять поиск по всем объектам, по множеству критериев. Также пользователь вне зависимости от уровня пользования может создавать личные папки, в которые может заносить документы в соответствии с их значимостью для него при работе [6]. Однако главным преимуществом «Дело» и других, менее распространенных систем электронного документооборота является возможность работать в них из разных географических точек и соединять работу отдельных офисов, тем самым минимизируя времязатратность на работу с документооборотом. Тем не менее данная система электронного документооборота имеет и свои недостатки, а именно: архаичный интерфейс – несмотря на широкий набор инструментов, он морально устарел и сложен в освоении; у него неудобное разграничение прав доступа к личному кабинету пользователей при условии высокой текучести кадров; обладает очень высокой ценой – она варьируется в зависимости от количества сотрудников в штате, но в среднем составляет 10 тыс. руб. за лицензионную версию на один компьютер. Однако самый большой недостаток СЭД «Дело», как и любой другой системы на российском рынке, – отсутствие кроссплатформенности.

Стоит отметить, что способность синхронизироваться – соединяться и обмениваться данными с другими платформами электронного документооборота не является недостижимой задачей для разработчиков данных систем. Так, на примере Эстонии, еще в 2008 г. Государственная канцелярия Эстонской Республики начала работать над проектом по переходу страны к электронному документообороту, по плану которого предполагалось соединить все имеющиеся на территории государства и активно использующиеся СЭД и обеспечить им защищенную среду обмена данными через специально созданный центр обмена документами [1].

Подобный центр, который на данный момент отсутствует в России, создает интерфейс между различными по своей структуре и работе информационными системами, защищает их от взлома и кибератак, позволяет кратко- и долгосрочно хранить документы в обменнике и создавать резервные копии, предоставляет услуги по обработке документов. Государственной канцелярии Эстонии удалось реализовать проект, и на данный момент Эстония считается единственной в Европе «безбумажной» страной – электронный документооборот почти полностью заменяет бумажный, внедрен во все сферы жизни общества, от личных писем до нормативных правовых актов. Касательно последнего – граждане, не пользующиеся активно государственными СЭД, также имеют доступ к отдельным информационным блокам, где могут ознакомиться со всеми нововведениями в законодательстве [9].

На основе всего вышесказанного, для наглядности стоит отразить в таблице (табл. 1) основные критерии, которым должна соответствовать российская СЭД, не уступающая современным технологиям и запросам, и отметить ту, что имеется на данный момент [5].

Таблица 1

Сравнительная таблица настоящей и планируемой моделей систем электронного документооборота в России

Критерии	Среднестатистическая СЭД в России	Планируемая модель СЭД
Кроссплатформенность	Не является кроссплатформенной, исключая те случаи, когда в открытый доступ могут публиковаться документы в расширениях DOC, DOCX, PDF, предварительно обработанные или созданные в СЭД	Требует наличия кроссплатформенности для наиболее эффективного взаимодействия между организациями и (или) структурами органов управления. Может быть реализована через внедрение в СЭД технологий взаимодействия с аналогичными системами, либо создания единого центра обмена данными
Интерфейс	Устаревший и сложный в освоении, не соответствует запросам современного пользователя	Должен быть не только функциональным и отображать все необходимые для работы инструменты, но и в первую очередь быть интуитивно понятным и легким для нового пользователя
Функциональность	Не может полностью заменить бумажный аналог и варианты взаимодействия с ним	Должна иметь все функции, средства и методы работы с документами, которые бы полностью заменили бумажный документооборот
Защита	Не может полностью гарантировать защиту от хакерских атак и технических сбоев	Должна обладать современными протоколами защиты данных

Окончание табл. 1

Критерии	Среднестатистическая СЭД в России	Планируемая модель СЭД
Уровни пользования	Уровни пользования в разных СЭД определяются, исходя из должностного положения пользователя, но предполагают работу через личный кабинет	Для большего удобства личный кабинет должен быть ориентирован не на личность пользователя, а на его должность. Это не позволит снижаться эффективности работы с СЭД при высоком уровне текучести кадров
Техническое оснащение	Может использоваться посредством ПК или ноутбука	Помимо ПК и ноутбука должна быть оптимизирована для работы через планшет и телефон
Цена подключения	Остается высокой, даже в зависимости от количества сотрудников в штате	Для массовой цифровизации и внедрения в российское общество должна обладать как можно наименьшей стоимостью лицензии или ежемесячной подписки

Таким образом, из данной таблицы можно сделать вывод, что тот электронный документооборот, которым сейчас пользуются российские компании и органы власти, несовершенен и нуждается в доработке одних параметров и добавлении новых, также требует более активного и целеполагающего подхода по его распространению среди российского общества. На данном этапе он не может заменить бумажные документы, но вызовы настоящего и стремление обеспечить надежное и устойчивое развитие в будущем требует, чтобы это было целью разработки и внедрения новых СЭД и других информационных систем. Разумеется, при непосредственном и активном участии Правительства РФ.

Список литературы

1. Беляева А. Д. Зарубежный опыт становления и развития информационного общества (Эстония). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-stanovleniya-i-razvitiya-informatsionnogo-obschestva-estoniya> (дата обращения: 04.09.2022).
2. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. Монография. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2021. 234 с.
3. Ефремова Л. И., Колекина А. О. Выбор системы электронного документооборота для предприятия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-sistemy-elektronno-go-dokumentoo borota-dlya-predpriyatiya> (дата обращения: 04.09.2022).
4. Законопроект № 1173189–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования и хранения электронных документов) 17.05.2021.

5. Карусевич Т. Е., Потапова К. А. Организация электронного документооборота в системах управления ресурсами и взаимоотношениями предприятия: учебное пособие. Москва: МИРЭА – Российский технологический университет, 2021. 129 с.

6. Приходько Ю. С., Долгова Т. Г. Дело – система электронного документооборота в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-sistema-elektronnogo-dokumentoborota-v-rossii> (дата обращения: 04.09.2022).

7. Романов Д. А., Ильина Т. Н., Логинова А. Ю. Правда об электронном документообороте. Москва: ДМК Пресс. 2009. 220 с.

8. Электронный документооборот изменится к 2024 году: как не порушить бизнес-процессы и избежать штрафов. URL: <https://delo.ru/news/educational/elektronnyu-dokumentoborot-izmenitsya-k-2024-godu> (дата обращения: 04.09.2022).

9. Тезисы доклада Кади Риисмаа и Лииви Карпищенко на конференции DLM-форума в Тулузе (Франция) 2008 г.: сайт конференции DLM-форума. URL: http://www.dlm2008.com/img/pdf/riismaakarpistsenko_ab_gb.pdf (дата обращения: 04.09.2022).

И. А. Логинова,

студент,

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. На деятельность органов прокуратуры существенное влияние оказало активное развитие и внедрение техники и технологий во все сферы жизни общества. Цифровая трансформация данных органов – необходимый шаг, который приведет к правовой модернизации как государства, так и общества. Однако существует ряд проблем цифровой трансформации деятельности органов прокуратуры, которые не позволяют достичь высокого уровня качества надзорной и ненадзорной деятельности прокуратуры, обеспечения охраны и защиты прав граждан. Цель исследования – выявление таких проблем.

Ключевые слова: цифровая трансформация, прокуратура, прокурорский работник, цифровая инфраструктура, автоматизация, новые технологии, концепция

PROBLEMS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract. The activity of the prosecutor's office was significantly influenced by the active development and introduction of technology and technology in all spheres of society. The digital transformation of these bodies is a necessary step that will lead to the legal modernization of both the state and society. However, there are a number of problems of digital transformation of the activities of the prosecutor's office, which do not allow achieving a high level of quality of supervisory and non-supervisory

activities of the prosecutor's office, ensuring the protection and protection of citizens' rights. The purpose of the study is to identify such problems.

Keywords: Digital transformation, Prosecutor's office, Prosecutor's officer, Digital infrastructure, Automation, New technologies, Concept

Вопросы информатизации общества и публичной власти в России, относясь к трендам и наиболее актуальным вопросам научных исследований, «включены в федеральную повестку уже около двадцати лет» [3. С. 27], в том числе поскольку развитие цифровых технологий побуждает общество и государство к цифровой трансформации.

Прокуратура Российской Федерации в силу своей политико-правовой значимости, безусловно, также не могла не претерпеть изменений в условиях цифровой экономики. Более того, система отечественной прокуратуры уверенно вступила в третий этап цифровизации, на осуществление которого согласно Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры [9] отведено 5 лет (2021–2025 гг.).

Стоит при этом отметить, что вопросам внедрения и использования в системе прокуратуры информационных технологий, некоторым результатам цифровой трансформации ее органов и организаций посвящено значительное число научных работ [1, 2, 8, 11, 14]. Вместе с тем исследователями недостаточное внимание уделено проблемам цифровой трансформации органов прокуратуры, а результаты и выводы их исследований затрагивают аспекты концептуализации информационных процессов, стратегического планирования, историю развития цифровой экономики, положительные итоги цифровизации, предложения по внедрению и апробации новых или совершенствованию имеющихся информационно-технологических средств, тогда как вовсе неизученными остаются вопросы о негативном влиянии цифровой трансформации на эффективность деятельности органов прокуратуры, в частности, первичного территориального звена (города, района). Представляется верным исправить указанный пробел.

Для того чтобы оценить масштаб и актуальность проблем цифровой трансформации, затронувших практическую деятельность органов прокуратуры, нами проведен анонимный опрос (анкетирование) 30 прокурорских работников районных и городских прокуратур Свердловской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа, Забайкальского края и Сахалинской области по следующим тематическим блокам:

- качество цифровой инфраструктуры в органах прокуратуры (22 из 30 опрошенных прокурорских работников оценивают его как неудовлетворительное);
- уровень автоматизации рутинных процессов в органах прокуратуры (24 из 30 респондентов отмечают проблемы, связанные с дублированием в отражении результатов своей деятельности на бумажных носителях и в автоматизированных информационных системах);
- влияние цифровой трансформации на эффективность деятельности прокурорских работников первичного территориального звена прокурорской системы (27 из 30 респондентов полагают, что эффективность надзорной и ненадзорной

деятельности прокуратуры снизилась с введением ГАС ПС, АИК «Надзор-Web», изменением порядка учета средств прокурорского реагирования);

– качество реализации целей и задач Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (все опрошенные лица считают, что цели и задачи Концепции не достигнуты в полной мере, в том числе ввиду незавершенности третьего этапа цифровой трансформации).

Последствия проблем, связанных с неудовлетворительным качеством процессов цифровизации, оказывают серьезное влияние на дальнейшую работу прокуратур. Так, например, спецподразделение Генеральной прокуратуры РФ уже выявило некоторые нарушения в работе российских прокуратур.

В частности, некоторые органы умышленно не синхронизировали сервисы подачи обращений с системой внутреннего документооборота, вследствие чего обращения граждан просто не доходили как до этапа первичной обработки, так и до ответственных исполнителей [13]. Представляется, что из-за колоссальной нагрузки прокурорских работников, связанной с цифровизацией внутриорганизационных процессов, нередко нарушаются и права граждан (их организованных коллективов).

Причинами тому могут послужить проблемы неадекватной реализации Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры. Анализ положений данного акта позволяет сделать вывод о наличии следующих проблем:

1) до сих пор отсутствуют стандарты развития и использования цифровых технологий в органах прокуратуры, которые позволили бы без возникающих для всех прокурорских работников затруднений использовать поэтапно внедряемые «сквозные» комплексы программного обеспечения. Действительно, реализация любых технологических новшеств должна основываться на трех уровнях нормирования: 1) документ стратегического планирования; 2) стандарт деятельности; 3) инструктивный акт – регламент [4. С. 73]. В то же время в системе прокуратуры РФ действует иная модель нормирования процессов цифровой трансформации: документ стратегического планирования (Концепция) – приказы Генерального прокурора, касающиеся отдельных аспектов цифровой трансформации. Реализуя свои «цифровые компетенции» в профессиональной деятельности, прокурор обязан руководствоваться актуальным и соответствующим уже сложившимся информационным отношениям нормативным правовым регулированием, которое на сегодня отстает от задач, поставленных Концепцией и соответствующими нормативными документами в сфере цифровизации. Отсутствие стандартов цифровой трансформации в органах прокуратуры с встроенной в них методической составляющей на деле приходится компенсировать проведением обучающих мероприятий для прокурорских работников, что увеличивает непроизводительные затраты их сил и времени;

2) самостоятельную проблему представляет качество цифровой инфраструктуры и уровень автоматизации рутинных процессов в органах прокуратуры: с внедрением новых технологий в обеспечение делопроизводства и ведения статистической отчетности служащие прокуратур первичного территориального звена и приравненных к ним специализированных прокуратур стали выполнять двойную работу, заключающуюся в первичном документационном обеспечении

результатов своей деятельности на бумажных носителях информации с их последующим отражением (дублированием) в информационных системах. Кроме того, налицо неудовлетворенность со стороны прокурорских работников качеством самой цифровой инфраструктуры;

3) анализируемая Концепция в качестве одной из целей цифровой трансформации называет «переход к сервисной модели владения собственной цифровой инфраструктурой и ее развития». В то же время цифровая инфраструктура органов прокуратуры в действительности организована по иной модели, которую условно можно обозначить как «модель усиленного внутриведомственного контроля». Так, информационно-технологические средства, эксплуатируемые органами прокуратуры, обеспечивают, с одной стороны, их удобное и беспрепятственное использование работниками прокуратур субъектов РФ и Генеральной прокуратуры РФ, предоставляя им возможность отслеживания и контроля текущей деятельности нижестоящих прокуратур, с другой стороны, кратно увеличивают объем работы самих прокурорских работников первичного звена прокурорской системы. Иными словами, за переходом к сервисной модели фактически скрывается переход к модели тотального контроля, или, как пишут ученые-административисты, от стандартов государства услуг к стандартам полицейского государства [12]. Подобные изменения в системе прокуратуры не могут не оказать влияния на эффективность надзорной и ненадзорной деятельности, поскольку ограничивают подчиненных прокурорских работников в условиях усиливающегося административного (со стороны руководства) давления, отбивают у них желание свободного и творческого действия в необходимых для этого случаях, снижают уровень инициативности и, стало быть, личной ответственности;

4) сближение сфер публичного управления с практикой менеджмента частных организаций [5. С. 159] также привнесло в цифровизацию отечественной прокуратуры стремление к ускоренным темпам цифровой трансформации. Экспертный совет по цифровизации Генеральной прокуратуры РФ утвердил «дорожную карту» полного перевода всех органов надзорного ведомства в электронный формат. Предполагалось, что это произойдет к 2025 г., но вследствие присоединения к государственной программе «цифровая экономика» обещают полностью перейти на новый формат работы за три года до истечения этого срока [13]. Для того чтобы своевременно осуществить все задуманное, необходимы не только действенные методы организации цифровых процессов в органах и организациях прокуратуры, но и успешное освоение всеми работниками прокуратур азоров работы с различными информационными системами, что требует высокой квалификации, навыков ориентирования в новой информационной среде. Вследствие этого прокуроры «старой школы» не всегда могут быстро справиться с возникшими «технологическими» вызовами, поэтому происходит частая сменяемость кадров, что сказывается и на качестве обеспечения защиты прав и интересов граждан. Слабым местом анализируемой Концепции цифровой трансформации является в связи со сказанным и планирование переобучения работников прокуратур по программам дополнительного образования (всего 70 % от общего числа всех служащих (работников) прокурорской системы);

5) в целях Концепции заявлено о том, что цифровая трансформация «направлена на комплексную оптимизацию деятельности органов прокуратуры».

Однако в предмет Концепции входит лишь регулирование электронного взаимодействия органов и документооборота, поэтому «комплексно оптимизировать» всю широкую и многообразную деятельность прокуратуры вряд ли получится [10. С. 75–81]. Данное обстоятельство позволяет прийти к выводу о необходимости совершенствования организационно-правовой основы цифровой трансформации прокуратуры, касающейся: а) оптимизации порядка электронного взаимодействия с гражданами и межведомственного взаимодействия; б) совершенствования информационной безопасности; в) создания удобной, не отнимающей значительно времени и сил работников агрегированной информационной инфраструктуры; г) введения новых инструментов «мягкого искусственного интеллекта» (soft AI), которые подходят для выполнения узкоспециальных задач, а также обработки больших массивов данных (big data); д) ответственности уполномоченных лиц за реализацию задач цифровой трансформации;

б) функционирование информационных систем и специальных программ, которые используются в деятельности прокуратур, затруднены сложностью материального обеспечения технического переоснащения [7. С. 7–10], а также недоработкой различных средств донесения информации, в том числе до граждан, например, сайтов прокуратур. Поскольку разработкой необходимого информационного обеспечения занимаются программисты, которые не имеют юридических знаний, то зачастую расположение разнообразных категорий сведений на сайтах совершенно нелогичное, что усложняет их поиск и восприятие, а значит, и доступность необходимой информации как для граждан, так и для самих работников прокуратуры. Вместе с тем данные сайты и программы недостаточно доработаны, в последнее время активно вносятся изменения в них, что говорит о несовершенном и незавершенном характере, неудобстве их использования. Поэтому решение видится в обеспечении слаженной работы программистов, иных IT-специалистов, ответственных за создание информационных систем работников прокуратуры в целях обеспечения наиболее рационального функционирования информационной инфраструктуры органов прокуратуры;

7) не менее важной проблемой цифровой трансформации прокуратуры является абстрактный характер указанных в исследуемой Концепции мероприятий, которые либо остаются зафиксированными лишь в качестве задач, либо в недостаточной степени конкретизированы, что касается и отдельных организационно-правовых документов Генерального прокурора РФ. В связи с этим имеется риск получения незапланированных результатов цифровой трансформации, снижается правовая определенность в вопросе ее значимых итогов, сами работники прокуратур не знают, каких новшеств ожидать в ходе осуществления стремительной цифровизации системы прокуратуры.

Таким образом, цифровая трансформация органов прокуратуры – это сложный и многоэтапный процесс, однако то, к каким результатам он приведет, какие последствия будет иметь как для сотрудников, так и для граждан, станет существенным достижением, но стоит учитывать и проблемы, которые возникают при ее осуществлении.

И. С. Завьялова отмечает: «Основным достоинством цифровой трансформации органов прокуратуры является развитие свободного, устойчивого и безо-

пасного взаимодействия органов прокуратуры с физическими и юридическими лицами, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления» [6. С. 44–52].

Вместе с тем можно говорить о том, что на сегодняшний день цифровая трансформация проходит резко и масштабно, что сказывается на ее качестве, быстрые темпы цифровизации влияют, в том числе на эффективность прокурорской деятельности.

Для того чтобы избежать ранее указанных проблем необходимо, в первую очередь, усовершенствовать существующее нормативно-правовое регулирование, что значительно сократит время на мероприятия по переобучению прокурорских работников. Помимо Приказов Генерального Прокурора должны быть созданы стандарты цифровизации, внесены необходимые изменения в Концепцию цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ. Также требуется всесторонняя доработка информационных систем и сайтов органов прокуратуры. Все звенья иерархии прокуратур должны быть обеспечены качественным информационно-техническим оборудованием для осуществления деятельности. Оптимизации требуют и отдельные методы работы с информацией, а, значит, необходимо совершенствование самой информационно-аналитической деятельности прокуратур.

В заключение всего вышесказанного, хочется отметить, что цифровая трансформация деятельности органов прокуратуры – это своевременный и необратимый процесс, ведущий к улучшению условий и повышению уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, поскольку помогает быстрее реагировать на обращения, обрабатывать массивы различных данных, имеющих особое значение для деятельности прокуратур. Однако налицо множество проблем и недоработок, которые необходимо своевременно и адекватно устранять, в противном случае могут возникнуть непоправимые последствия.

Список литературы

1. Горбач В. В. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры: современное состояние и проблемы // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87–7. – С. 29–33.
2. Горошко И. В. Цифровая трансформация органов прокуратуры: вопросы реализации и оценки // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 4 (78). – С. 18–24.
3. Демидов А. Ю. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления / А. Ю. Демидов, А. И. Лукашов // Государственная служба. – 2021. – Т. 23, № 1 (129). – С. 28–34.
4. Домченко А. С. Административно-правовые модели нормирования деятельности: в поисках альтернативы // Юрист. – 2019. – № 9. – С. 70–77.
5. Домченко А. С. Нормативность административно-правового акта // Российский юридический журнал. – 2017. – № 6 (117). – С. 151–162.
6. Завьялова И. С. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 44–52.

7. Иванченко Е. А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества / Е. А. Иванченко, М. А. Кистанова // Основы экономики, управления и права. – 2020. – № 1 (20). – С. 7–10.

8. Инсаров О. А. Безопасность платформы цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации / О. А. Инсаров, Б. В. Андреев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 1 (69). – С. 11–16.

9. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года: утв. Приказом Генерального прокурора России от 14.09.2017 № 627 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/561b46dda7a288d5f64bb276c8b233982d71bc73/ (дата обращения: 04.09.2022).

10. Коренюк А. Л. Некоторые вопросы прокурорской деятельности в связи с реализацией концепции цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 75–81.

11. Олифиренко Е. П. Актуальные проблемы реализации концепции цифровой трансформации в органах прокуратуры Российской Федерации // Правовая позиция. – 2022. – № 8 (32). – С. 95–99.

12. Осинцев Д. В. Некоторые итоги нового этапа административной реформы: выводы и вопросы / Д. В. Осинцев, А. С. Домченко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 1. – С. 6–10.

13. Прокуроры вышли в цифру // Журнал Коммерантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3938592> (дата обращения: 08.09.2022).

14. Щепина, А. Д. Стратегическое планирование и цифровая трансформация российского общества и государства / А. Д. Щепина // Бизнес, менеджмент и право: Digital reality: материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 октября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. – С. 930–935.

М. Д. Лучкова,
студент,

Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В качестве целей исследования определены факторы, влияющие на эффективную защиту прав личности в уголовном судопроизводстве сквозь призму формирования и внедрения электронного правосудия в Российской Федерации. В стране не прекращаются работы по осуществлению цифровизации

судебной системы: как в плане законодательной, так и в плане практической деятельности, и, несмотря на определенные достижения, некоторые вопросы остаются нерешенными, но при этом не являются нерешаемыми. Основное решение задач видится в ряде действий, необходимость осуществления которых подкрепляется статистическими и практическими материалами.

Ключевые слова: право, личность, судебная система, Интернет, суд, ГАС Правосудие, документ

ELECTRONIC JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A MEANS OF PROTECTING INDIVIDUAL RIGHTS IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The research aims to identify the factors influencing the effective protection of individual rights in criminal proceedings through the prism of the formation and implementation of electronic justice in the Russian Federation. The work on digitalization of the judicial system does not stop in the country: both in terms of legislation and in terms of practical activities, and despite certain achievements, some issues remain unresolved, but they are not unsolvable. The main solution to the problems is seen in a number of actions, the need for which is supported by statistical and practical materials.

Keywords: Rights, Personalities, Judicial system, Internet, Court, GAS Justice, Document management

Защита прав личности в уголовном процессе тесно связана с процессами информатизации и цифровизации, которые затронули уже многие сферы жизни общества и государства. В контексте данного вопроса мы и будем рассматривать сферу уголовного правосудия, модернизация которого является приоритетным направлением реформы судебной деятельности.

Гарантия прав личности в уголовном процессе во многом определяется процедурами подачи документов должностным лицам и непосредственно в суд. Именно поэтому так важно рассмотреть варианты обращений граждан в электронном формате, их современное правовое регулирование, технические особенности совершения этих действий.

Сегодня в стадии доработки находится суперсервис «Правосудие онлайн», который планируется ввести в эксплуатацию уже к концу 2024 г. Данная система будет содержать в себе различные функции, затрагивающие все стадии судопроизводства. Указанные функции будут доступны всем участникам судебного процесса, вне зависимости от судебной инстанции, при этом, несомненно, будут соблюдены положения актуального законодательства, права и свободы граждан.

С помощью него возможно будет осуществить в дистанционном формате:

- обращение в суд;
- участие в судебном заседании;
- просмотр всех необходимых материалов электронного дела и многое другое.

Среди основных целей информатизации уголовного судопроизводства необходимо назвать следующие:

- 1) повышение эффективности информационного обеспечения судей;
- 2) расширение возможности доступа к информации о деятельности судов [1].

Все вышеназванное, безусловно, увеличивает открытость правосудия по уголовным делам. Ведь на данный момент у каждого гражданина есть возможность воспользоваться Государственной Автоматизированной Системой «Правосудие», которая содержит среди подсистем активную ссылку: «Банк решений». Стоит отметить, что материалы, содержащиеся в указанной базе доступны неограниченному кругу пользователей сети Интернет, причем бесплатно. Также важно уточнить, что в целях повышения безопасности личных данных, акты, составляющие «Банк решений» проходят процедуру деперсонификации. То есть в сети находятся «обезличенные» судебные решения.

К 2021 г. функция «Банк решений» стала доступна не только на сайте <https://sudrf.ru/> (ГАС Правосудие), но и в системе «Картотека арбитражных дел» (<https://kad.arbitr.ru/>), «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (<https://sudact.ru/>), в таких справочных правовых системах, как Консультант Плюс (<http://www.consultant.ru/>) и ГАРАНТ (<https://www.garant.ru/>), а также на некоторых официальных сайтах судов, к примеру, на сайте Краснодарского Краевого суда также есть подобная база решений с карточками дел, в которых кратко обозначена основная информация о деле: даты, фамилия имя отчество судьи и иные данные.

Важно подчеркнуть, что указанные системы довольно модернизированы, и если посетителю сайта необходимо конкретное дело, ему не придется тратить время на поиск среди 60 миллионов актов, поскольку системы оснащены функцией поиска по задаваемым параметрам, среди которых: номер дела, дата, категория спора, наименование суда, ФИО участников и др. [2].

Таким образом, осуществляется решение задач, поставленных в рамках федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», а именно:

– формируется электронный архив судебных дел, обеспечивающий доступ граждан к правосудию.

Также нельзя не упомянуть и Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020), положения которого были дополнены информацией о необходимости размещения соответствующих данных в сети Интернет (дополнение статьи 1 пунктами 7–9, дополнение статьи 6 пунктом 7, новая редакция подпункта «в» пункта 2 части 1 статьи 14 и т. д.) [3].

Но, как известно, помимо указанных целей и задач, есть еще множество других, среди которых следует назвать: подачу документов в суд в электронном виде, автоматическое уведомление участников о времени проведения заседания и некоторые другие.

В рамках работы над электронными способами предоставления материалов в суд было предпринято немало мер, обеспечивших впоследствии взаимодействие

уже не раз упомянутой государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» с иными сервисами (в том числе посредством использования системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ: https://eos.ru/eos_products/solution/gosudarstvennyu_sektor/smev/)), среди которых: Единый портал государственных и муниципальных услуг (<https://www.gosuslugi.ru/>).

Есть определенная форма подачи подобного обращения, регламентированная Порядком подачи документов в электронном виде (правовая основа обусловлена уровнем суда-адресата: Верховный суд, суды общей юрисдикции).

Документ может быть подан в формате PDF, RTF, DOC, DOCX, XLS, XLSX, ODT (при условии содержания в виде текста). Также необходимо, чтобы подаваемое обращение было подписано усиленной квалифицированной электронной подписью, получить которую можно посредством сети Интернет, заполнив заявку на сайте Единого портала государственных и муниципальных услуг [4].

Помимо электронного документа, в соответствующие инстанции может быть направлен и электронный образ документа (скан), который должен быть отсканирован в масштабе 1:1 в черно-белом цвете с сохранением всех реквизитов и аутентичных признаков подлинности. Формат электронного образа документа – PDF.

Резюмируя вышесказанное, стоит привести некоторые статистические данные, подтверждающие востребованность подачи документов в электронном виде: со слов Александра Владимировича Гусева (генеральный директор Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации), количество подаваемых в суды документов в электронном виде ежеквартально увеличивается на 30–40 %; если в 2018 г. в федеральные суды общей юрисдикции поступило чуть менее 400 тыс. документов, то в 2019 г. – более 500 тыс.

Актуальность электронного правосудия год от года только растет, это обусловлено действием противоэпидемиологических мер. Ведь в период пандемии некоторые суды начали функционировать в удаленном режиме, в связи с чем системы, обеспечивающие взаимодействие граждан и судебных инстанций, стали практически неотъемлемой частью осуществления правосудия.

Помимо указанного, необходимо обратить внимание на оснащенность федеральных судов общей юрисдикции комплектами видеоконференц-связи, что позволило провести в дистанционном формате более 300 тыс. заседаний (по данным на 2020 г.), тем самым гарантируя участие подозреваемых/обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Также, опираясь на статистические данные, которыми оперирует глава Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, стоит подчеркнуть заинтересованность граждан в развитии сервиса «Электронное правосудие»: «По состоянию на апрель 2020 г. было создано 524 105 личных кабинетов и подано более 2,5 миллионов документов» [5].

Также ранее была упомянута цель, состоящая в автоматическом уведомлении участников о времени проведения заседания. Это еще одна гарантия прав участников уголовного процесса.

10 лет назад была реализована возможность извещать участников судебного процесса о времени и месте судебного заседания посредством отправки SMS,

но, учитывая необходимость наличия согласия участников на отправку подобных сообщений, можно сделать вывод о том, что данный вид уведомлений является не основным (как и ранее используется способ уведомления посредством почтовой связи и некоторые другие). Но стоит отметить: отправка SMS-сообщений осуществляется с использованием подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика» ГАС «Правосудие».

В заключении следует отметить: помимо работы над суперсервисом «Правосудие онлайн», также стоит обратить внимание на необходимость продолжения работ по осуществлению взаимодействия между судами и иными государственными органами. К примеру, несмотря на то, что посредством СМЭВ возможно совершить обращение в органы государственной власти (получение сведений), тем не менее возникает интерес к вопросу о допустимости взаимодействия с Федеральной службой исполнения наказаний посредством электронных документов (направление судебного акта в электронном виде и т. д.).

Также остается актуальным вопрос о создании электронных архивов конкретных судов: несмотря на то, что определенная работа ведется, необходимо также законодательное закрепление в рамках Федерального закона «О судебных архивах в Российской Федерации».

И, конечно, как отмечают в своих работах некоторые ученые, более внимательно стоит подойти к вопросу оснащения судов оборудованием для видеоконференцсвязи [6].

Таким образом, в Российской Федерации не прекращаются работы по осуществлению цифровизации судебной системы: как в плане законодательной, так и в плане практической деятельности, и, несмотря на определенные достижения, некоторые вопросы остаются нерешенными, но при этом не являются нерешаемыми.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1&nd=102162740> (дата обращения: 09.09.2022).

2. ГАС Правосудие. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 09.09.2022).

3. Обзор изменений Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102001/3e82feb052a80e2dc03247fbca682fb489ec8e42/#dst100015 (дата обращения: 09.09.2022).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/447cf9f321e9547c0172108cfbc83f40b2774a3f/ (дата обращения: 09.09.2022).

5. Интервью генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А. В. журналу «Судья» № 5/2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=227&item=5309> (дата обращения: 09.09.2022).

6. Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Публичная власть и представительство: вопросы содержания и соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravosudiya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.09.2022).

Е. А. Маслакова,

кандидат юридических наук, доцент,

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,

Н. О. Маслаков,

студент,

Национальный исследовательский университет ИТМО

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье дается уголовно-правовая оценка деятельности искусственного интеллекта, рассматривается возможность привлечения его к уголовной ответственности, раскрывается его сущность и основные свойства. Делается вывод о том, что область законодательного регулирования использования указанных технологий имеет много пробелов и нуждается в структурировании и совершенствовании. Отмечается, что пока деятельность искусственного интеллекта непосредственно или опосредованно подконтрольна людям, он не может рассматриваться как самостоятельный субъект уголовного права и уголовной ответственности. В связи с учащением случаев использования технологий искусственного интеллекта при совершении традиционных преступлений высказывается предложение установить за такие деяния более строгую ответственность путем внесения в некоторые составы преступлений соответствующего квалифицирующего признака.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, уголовная ответственность, субъект преступления, орудие и средство совершения преступления, квалифицирующий признак состава преступления, кибербезопасность

CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. The article gives a criminal-legal assessment of the activity of artificial intelligence, considers the possibility of bringing it to criminal liability, reveals its essence and main properties. It is concluded that the area of legislative regulation of the use of these technologies has many gaps and needs to be structured and improved. It is noted that while the activity of artificial intelligence is directly or indirectly controlled by people, it cannot be considered as an independent subject of criminal law and criminal liability.

In connection with the increasing cases of the use of artificial intelligence technologies in the commission of traditional crimes, a proposal is made to establish stricter liability for such acts by introducing an appropriate qualifying feature into some offenses.

Keywords: Artificial intelligence, Robotics, Criminal liability, The subject of a crime, The instrument and means of committing a crime, a qualifying sign of a crime, cybersecurity

Введение. Важнейшим социально-экономическим процессом нашего современного общества бесспорно является научно-технический прогресс, который, развиваясь очень быстрыми темпами, делает технологичными все сферы человеческой жизнедеятельности. То, что вчера казалось недоступным и даже фантастическим, сегодня осваивается и используется в медицине, промышленности, в военной, финансовой и многих других сферах. Разнообразные инновационные достижения стали доступны для использования и рядовым гражданам. В то же время, помимо несомненных плюсов и перспективных возможностей, научно-технический прогресс имеет и другую сторону, которая аккумулирует опасности от использования его продуктов и вред, который может быть ими причинен. В этой связи актуальным и значимым является вопрос законодательной регламентации использования инновационных технических достижений во всех отраслях законодательства (в том числе и в уголовном) и установления ответственности за вред, причиненный их недобросовестным использованием отдельным гражданам, обществу, государству.

Хотелось бы отметить, что законодатель традиционно испытывает значительные трудности с правовым регулированием новых явлений и процессов. К сожалению, законодательство выступает чаще всего в роли догоняющего и вынуждено реагировать на уже наступившие последствия или причиненный вред. Не является исключением и уголовно-правовая сфера, где чаще всего побочные эффекты научно-технического прогресса рассматривают в качестве способов или средств совершения традиционных преступлений. В то же время среди отечественных и зарубежных правоведов высказываются предложения создания совершенно новых правовых отраслей, например, права роботов, которое, однако, не охватывает уголовно-правовые аспекты использования искусственного интеллекта и робототехники. Следует упомянуть, что сфера робототехники и искусственного интеллекта сегодня является одной из наиболее активно развивающихся инновационных технологических направлений. Так, в ежегодном отчете Центра компетенций Национальной технологической инициативы на базе МФТИ говорится о том, что объем рынка искусственного интеллекта в России по итогам 2021 г. вырос на 28 % и достиг 550 млрд рублей. Также, как отмечается в отчете, благодаря запуску федерального проекта «Искусственный интеллект», за последний год государство вдвое увеличило финансирование исследований и разработок в данной сфере [8]. Указанные аспекты обуславливают актуальность исследования проблем применения и правового регулирования, в том числе в уголовно-правовой сфере, технологий робототехники и искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Основная часть. Само понятие ИИ является достаточно новым не только для правовой сферы, но и для технических наук, что обуславливает разнообразие

подходов к его содержанию. Впервые термин «искусственный интеллект» (artificial intelligence) ввел в научный и практический оборот Д. Маккарти (J. McCarthy), американский ученый информатик в 1956 г., определяя его содержание как область научных знаний и технологий создания интеллектуальных машин и интеллектуального программного обеспечения [2]. В настоящее время сфера ИИ сделала гигантский скачок в своем развитии, располагая широким диапазоном систем, функционирующих на технологиях ИИ, которые глобально можно разделить на три вида. Во-первых, это системы, которые принимают решения, во-вторых, системы поддержки принятия решений, а в-третьих, это системы, которые путем обработки больших данных выявляют определенные аномалии и закономерности. Тем не менее когда мы говорим об ИИ, то имеем ввиду прежде всего технологии, которые предназначены для разработки систем и продуктов (например, компьютерное зрение, NLP (Natural Language Processing), машинное и глубокое обучение и др.). Таким образом, современное прогрессивное понимание ИИ включает в себя, помимо комплекса технологических норм, регулирующих рациональное использование новых технологий, способность ИИ к саморазвитию, самосовершенствованию и автономности. Такой подход к пониманию сущности ИИ обуславливает потребность закрепления ряда дополнительных правовых норм, дающих возможность рационально применять и использовать указанные технологии, ввиду выхода сферы искусственного интеллекта за рамки только технологических норм.

В России на законодательном уровне дефиниция «искусственный интеллект» впервые получила закрепление в Указе Президента от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В указанном нормативном акте рассматриваемый термин раскрывается как комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Приведенное определение было практически скопировано в Федеральный закон от 24.04.2020 № 124-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Мы видим, что законодатель трактует содержание термина ИИ достаточно широко, сама формулировка является спорной с технической точки зрения и содержит большое количество оценочных дефиниций. Например, по-разному можно интерпретировать словосочетание «имитация когнитивных функций человека»; смысл, который может быть вложен в это понятие, будет зависеть от степени развития технологий ИИ. Также термин «самообучение», употребляемый в Законе № 124-ФЗ, не используется и не раскрывается в российском законодательстве, а сама возможность самообучаться может быть как контролируемой, так и неконтролируемой (нейронная сеть – классический пример неконтролируемого самообучения), что, по нашему мнению, также будет являться существенным фактором в определении вопросов ответственности

в случае причинения вреда. Кроме того, формулировка «получать результаты сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» также не дает нам четкого представления об уровне полученных результатов при использовании технологий ИИ. Могут ли они превосходить результаты интеллектуальной деятельности человека или нет? Тем не менее представляется, что на сегодняшний день такая широкая трактовка содержания термина «искусственный интеллект» является верным решением законодателя, так как уже оценка результатов внедрения технологий ИИ в экспериментальном режиме (закон № 124-ФЗ) и их использование на практике в дальнейшем позволит скорректировать приведенное определение в соответствии с требованиями объективной действительности.

Итак, анализ приведенных выше правовых документов позволяет выделить следующие признаки ИИ:

- наличие технического устройства (комплекса технологических решений, включающих в себя ПО, в том числе с использованием методов машинного обучения, процессы и сервисы обработки данных и принятия решений, информационно-телекоммуникационную инфраструктуру);
- способность принимать, обрабатывать и передавать информацию;
- способность работать автономно;
- способность самообучаться на основе приобретенного опыта и анализа полученной информации;
- способность самостоятельно принимать решения.

Полагаем, что способность ИИ к автономности, самообучению и самостоятельному принятию решений при отсутствии стратегии правовой регламентации использования рассматриваемых технологий приводят сегодня к многочисленным дискуссиям о месте ИИ в структуре правоотношения. Основные вопросы, возникающие в правовой доктрине, следующие: к какой категории следует относить данные инновационные технологии к объекту или субъекту права; на кого ложится бремя ответственности за вред, причиненный технологиями ИИ; кому принадлежат произведения, создаваемые роботом; может ли робот обладать правосубъектностью и ряд других [6. С. 5]? Эти вопросы не имеют однозначных ответов и, в свою очередь, порождают еще больше новых вопросов. Разговоры о возможной правосубъектности ИИ подстегнула новость о том, что в 2017 г. Саудовская Аравия предоставила гражданство человекоподобному роботу Софии, созданному гонконгской компанией Hanson Robotics [9].

Отдельно хотелось бы остановиться на уголовно-правовой сфере регулирования ответственности за вред, причиненный путем использования технологий ИИ. Здесь мы можем рассматривать несколько возможных ситуаций.

Во-первых, это ситуации так называемого злонамеренного умышленного использования ИИ для совершения преступления, когда преступник создает технологию ИИ или модифицирует уже имеющуюся для совершения преступления. Сегодня в нашем цифровом обществе скорость распространения информации о новых технологиях, их уязвимостях, способах их защиты и обхода является очень высокой. Те же самые инновации, алгоритмы, в том числе и системы ИИ, предназначенные для защиты, киберпреступники могут использовать и используют в своих

целях, активно овладевая данными техническими средствами. Так, можно привести один из простых примеров использования преступниками технологий ИИ, а именно машинного обучения: это создание бота, способного с вероятностью до 90 % обходить проверки «Captcha», путем генерации и распознавания картинок. Другой, более сложный пример – использование технологии *deerface* для имперсонафикации легальных пользователей путем генерации звуков и видео. Следует отметить, что в целом сегодня растет количество преступлений, совершенных с использованием новейших цифровых технологий. Не вызывает сомнения, что подобные деяния, обладающие повышенной степенью общественной опасности, так как инновационные средства совершения преступлений облегчают достижение поставленной преступником цели, часто носят трансграничный характер и способны причинить огромный ущерб. В мировой практике известны случаи, когда технологии ИИ применялись при совершении таких преступлений, как террористический акт, диверсия, неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, убийство, причинение вреда здоровью, нарушение неприкосновенности частной жизни, вандализм, мошенничество, кража, шпионаж и многих других. Конечно, подобные деяния не исключают уголовной ответственности конкретного физического лица, которого уголовное российское законодательство признает единственным субъектом преступления. Тем не менее, как отмечают многие доктриналы, в современном российском уголовном законе отсутствуют составы преступлений, где использование рассматриваемых технологий выступало бы отягчающим обстоятельством совершения преступления и ужесточало бы уголовное наказание [3. С. 90].

Во-вторых, это ситуации, когда ИИ совершает деяние, квалифицируемое как преступное, самостоятельно, но вследствие сбоя в программном обеспечении или поломки. Так, известен случай, когда в США в 2018 г. беспилотный автомобиль Uber Technologies Inc. сбил женщину из-за программной ошибки, а в Австрии в 2019 г. беспилотный автобус Navya совершил наезд на пешеходов. Кто же в данных ситуациях должен быть привлечен к ответственности за подобные деяния? В зарубежной правовой доктрине (G. Halleu) бытует мнение о том, что ответственность в подобном случае должна наступать для владельца, программиста, производителя и других вовлеченных лиц [1. Р. 177]. Солидаризируясь с приведенным мнением, хотелось бы отметить следующее, вина является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, объективное вменение в российском уголовном праве запрещено. Уголовная ответственность для приведенных выше лиц в рассматриваемой ситуации в рамках уголовного закона России может наступить только в случае виновных (чаще неосторожных) действий, находящихся в причинной связи с наступившими последствиями, например, владелец технологии нарушил правила ее эксплуатации, производитель не провел должным образом испытание безопасности устройства и т. п. В то же время согласно нормам гражданского законодательства владелец источника повышенной опасности несет ответственность независимо от вины, что обусловлено его осознанием возможного причинения вреда третьим лицам при эксплуатации данного источника. Источник повышенной опасности обладает рядом свойств, которые выделяют его среди других объектов, например неподконтрольность человеку в некоторых ситуациях, повышенный риск наступления неблагоприятных последствий, создание

специальных правил эксплуатации объекта, использование его в рамках деятельности, представляющей повышенную опасность. Безусловно, приведенные свойства источника повышенной опасности могут при определенных обстоятельствах быть характерными и для технологий ИИ и робототехники, что требует законодательного закрепления такого статуса.

Отвечая на вопрос о том, может ли ИИ выступать в качестве самостоятельного субъекта уголовной ответственности, следует отметить следующее. Традиционная концепция о субъекте преступления в российском уголовном праве исходит из того, что им может выступать только физическое лицо. С точки зрения физиологии не выдерживают критики попытки сравнивать ИИ и человека, так как на данном этапе развития ИИ его когнитивные функции значительно уступают способностям человеческого мозга. А. А. Васильев и Ю. В. Печатникова, приводя в пример искусственную нейронную сеть, которая функционирует по принципу живых клеток организма, отмечают, что количество слоев нейронов в ней намного меньше, чем в биологической системе, а срабатывание этих слоев в искусственной сети происходит последовательно, тогда как в мозге человека взаимодействие нейронов происходит асинхронно и параллельно. Таким образом, делают вывод ученые, ИИ всегда будет подобием, не способным полностью повторить оригинал, называя несостоятельными попытки полноценного замещения человеческого интеллекта искусственным [4. С. 78].

В свою очередь Р. В. Кашаргин отмечает, что признание равнозначности между человеком и техническим устройством (ИИ) потребует полного переосмысления как правовых теоретических концепций в частности, так и понимания места техники в жизни человека в целом [5].

Полагаем, что пока деятельность ИИ непосредственно или опосредованно связана с человеческой деятельностью, находится под ее определенным контролем, ИИ не может рассматриваться как субъект уголовной ответственности. Как мы знаем, вина определяется законодателем как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям, однако ИИ не обладает сознанием, эмоциями, чувствами, соответственно здесь мы не можем говорить о вине в ее уголовно-правовом понимании. Кроме того, не представляется возможным оказать на ИИ уголовно-правовое воздействие, которое предполагается при привлечении к уголовной ответственности и определении назначения; исправить робота в контексте соответствующей цели уголовного наказания невозможно, а перепрограммирование или утилизацию такого объекта вряд ли можно назвать исправлением.

Некоторые исследователи полагают, что ситуация может измениться в будущем с развитием технологий. Футуролог и инженер Google Рэй Курцвейл (Ray Kurzweil) популяризирует и продвигает идею «технологической сингулярности», согласно которой наступит момент, когда развитие технического прогресса станет неконтролируемым и необратимым, а роботы, ИИ станут настолько умными, что человечество не сможет не только управлять ими, но и понимать их [7. С. 43]. А пока этого не произошло, говорить об ИИ как о самостоятельном субъекте уголовной ответственности рано.

Заключение. Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, процесс развития научно-технического прогресса таит в себе ряд опасностей, которые являются негативным побочным продуктом этого развития,

и требуют разработки адекватных мер правового регулирования, которые могли бы спрогнозировать риски применения ИИ и, в случае причинения вреда общественным отношениям, предусмотреть ответственность, в том числе и уголовную. Во-вторых, пока деятельность ИИ контролируется людьми, он не может рассматриваться как самостоятельный субъект уголовной ответственности. Ответственность за вред, причиненный ИИ ложится на владельца, программиста, разработчика и других вовлеченных лиц. ИИ не обладает сознанием, эмоциями, чувствами, не может испытывать страдания, соответственно мы не можем говорить ни о его вине в ее уголовно-правовом понимании, ни об оказании на него уголовно-правового воздействия. В-третьих, некоторые технологии ИИ можно рассматривать в качестве источника повышенной опасности. В-четвертых, в связи с ростом случаев использования технологий ИИ при совершении традиционных преступлений, повышающих общественную опасность последних, необходимо установить за подобные деяния более строгую ответственность путем внесения в некоторые составы преступлений соответствующего квалифицирующего признака.

Список литературы

1. Hallevy G. When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. – Boston: Northeastern University Press, 2013. 272 p.
2. McCarthy J., Programs with common sense // Proceedings of the Teddington Conference on the Mechanization of Thought Processes, Her Majesty's Stationery Office, London. 1959. URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/mcc59/mcc59.pdf> (дата обращения: 26.08.2022).
3. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений с участием роботов: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы X Международной научно-практической конференции / редколлегия: Э. Ю. Кузьменко, М. И. Кольцов, Е. А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 88–93.
4. Васильев А. А. Печатникова Ю. В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1, № 4. С. 74–83.
5. Кашаргин Р. В. Роботы как субъекты права: общие проблемы правового регулирования. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/22/robot_kak_subekt_prava (дата обращения: 28.08.2022).
6. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: [монография]. – Киров: Вятский государственный университет, 2020. 111 с.
7. Попова А. В., Абрамова М. Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Russian journal of legal studies. 2018. № 3 (16). С. 39–46.
8. Рынок искусственного интеллекта в России достиг 550 млрд рублей. URL: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/rynok-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-dostig-550-mlrd-rublej> (дата обращения: 29.08.2022).
9. Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии. URL: <https://iz.ru/665179/video/chelovekopodobnyi-robot-sofiia-poluchila-grazhdanstvo-saudovskoi-aravii> (дата обращения: 30.08.2022).

Р. А. Маслов,

студент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Е. Ю. Четина,

студент,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация. Целью настоящего исследования является определение надлежащих способов защиты прав в отношении цифровой валюты. В статье рассматриваются существующие проблемы правового регулирования, не позволяющие применить к возникающим в цифровой среде правоотношениям общие способы защиты права в силу абсолютной правовой природы прав в отношении криптовалюты. В результате делается вывод о необходимости специального правового регулирования цифровой валюты как объектов права по модели обязательственных прав требования.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права, объект гражданского права, надлежащий способ защиты права, специальный способ защиты права

CIVIL LAW REMEDIES FOR DIGITAL CURRENCY RIGHTS

Abstract. The purpose of this study is to determine the appropriate ways to protect rights in relation to digital currency. The article examines the existing problems of legal regulation, which do not allow to apply to the arising in the digital environment of legal relations of general ways of protection of law due to the absolute legal nature of the rights in respect of cryptocurrency. As a result, the conclusion is made about the need for special legal regulation of digital currency as objects of law on the model of compulsory rights of claim.

Keywords: Digital currency, Cryptocurrency, Digital financial assets, Digital rights, object of civil law, Proper remedies, Special remedies

Возникающие в цифровой среде правоотношения требуют конструирования особого правового режима «виртуальных объектов». Определение данного статуса и выработка технологически нейтрального правового регулирования осложняется множеством факторов, среди которых наличие разных видов «цифровых» объектов гражданского оборота (игровое имущество, NFT и т. д.), в том числе криптовалют с отличающимися техническими характеристиками (биткойны, альткойны и другие). Для целей исследования рассматриваются криптовалюты, используемые в качестве товаров, средства обмена (койны). Так, за рамками исследования остаются криптовалюты, используемые в качестве средств инвестирования (токены).

Нормативные правовые акты, в частности, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части

третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ «О цифровых правах») и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о цифровых финансовых активах, ФЗ о ЦФА), изначально призванные определить правовой режим криптовалюты, не внесли ясности в вопросе ее статуса. Закрепленные дефиниции не только не разрешили проблем регулирования цифровых финансовых активов, но и создали терминологическую путаницу между понятиями «цифровые права», «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта». Так, цифровая валюта определяется как электронные данные, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных [7]. Как следствие, возникло разграничение между дефинициями цифровой валюты и цифровых прав (как прав обязательственных), что фактически исключило криптовалюту из состава «поименованных» объектов гражданского права по ст. 128 ГК. Кроме того, данная дефиниция также противоречит и понятию цифровых финансовых активов (как разновидности цифровых прав) и блокирует распространение на криптовалюту действия норм о порядке выпуска цифровых финансовых активов, ответственности операторов и других требований, предъявляемых федеральным законом. Таким образом, криптовалюта фактически так и не была внесена тем или иным образом в перечень объектов гражданского права по ст. 128 ГК, а в ФЗ о ЦФА было включено «ритуальное» определение цифровой валюты без надлежащего раскрытия вопросов, связанных с ее правовым режимом.

Вопрос о защите прав на «цифровые» объекты гражданского оборота довольно сложен в условиях неопределенности относительно правовой природы криптовалюты. Необходимо отметить, что в законодательстве о банкротстве цифровая валюта непосредственно определена в качестве имущества [5]. Во многом это обусловлено стремлением обеспечить интересы кредиторов. Однако что касается обязательственных отношений, практика показывает, что действующее законодательство не позволяет защитить права в отношении криптовалюты. В большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении требований.

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд ссылается на тот факт, что «понятие криптовалюты действующим законодательством не определено», и, как следствие, «существо отношений, связанных с оборотом криптовалют не позволяет применить к криптовалютам по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения» [11]. При этом дела рассматривались в 2019 г., т. е. до вступления в силу ФЗ «О цифровых правах» и ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» [6]. Так, и Арбитражный суд Московского округа указывает, что ФЗ «О цифровых финансовых активах...» не может быть применен, исходя из момента возникновения гражданских правоотношений между сторонами, так как на тот момент статус криптовалюты урегулирован не был [9].

Кроме того, суды указывают, что выбранные способы защиты (в частности, обязанность обеспечить возврат криптовалюты на кошелек) не упомянуты в статье 12 ГК РФ [1], поэтому они не являются законными способом защиты права [11]. С данной позицией сложно согласиться, так как сам способ, выбранный для

защиты права в данном деле, похож на требование восстановления положения, существовавшего до нарушения права, а сама норма ГК РФ об указанном способе защиты сформулирована достаточно широко, чтобы объять наибольшее количество различных правовых отношений. Кроме того, как отмечает Р. М. Янковский, «перечень, установленный ст. 12 ГК, не является исчерпывающим (это следует хотя бы из ст. 45 Конституции)» [19. С. 54].

Также в Савеловском районном суде было рассмотрено дело об истребовании криптовалюты из чужого незаконного владения [12]. Думается, что в данном случае истец выбрал неправильный способ защиты права, что мы обосновываем далее.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время отсутствует судебная практика, в соответствии с которой право лица в отношении криптовалюты было защищено в судебном порядке. Причину сложившейся ситуации мы видим в отсутствии специального нормативного регулирования отношений, возникающих по поводу криптовалюты, и неопределенности касательно ее правовой природы.

Для начала необходимо указать, что криптовалюта является объектом гражданских прав, так как представляет определенную имущественную ценность для ее обладателей и в соответствии с презумпцией оборотоспособности объектов гражданских прав прямо не исключается законом из гражданского оборота. Следовательно, исходя из принципа беспрепятственного осуществления и всемерной защиты гражданских прав, криптовалюта как объект гражданских прав подлежит защите гражданским законодательством. В то же время, как указывалось ранее, в практике отсутствуют единые подходы относительно надлежащего способа защиты. Думается, что ввиду отсутствия специального нормативно-правового регулирования, надлежащие способы защиты прав на криптовалюты должны выводиться на основе учета особенностей структуры соответствующих правоотношений и в первую очередь с учетом особенностей объекта таких правоотношений. Это следует из того, что именно объекты определяют специфику тех или иных правоотношений, круг субъектов, объем их прав и обязанностей, включая правовые возможности субъектов в определенных случаях прибегнуть к защите нарушенных прав путем использования соответствующего способа защиты. Так, например, многие из поименованных средств защиты неприменимы к криптовалютам даже технически ввиду отсутствия у нее телесной формы и одновременно с тем ее объективного существования помимо воли человека. Именно объект как определенное благо отражает сущность правоотношения, ведь само обладание объектами гражданских прав и есть конечная цель, а также главный мотив субъектов права для вступления в правовые отношения. В отсутствие таких благ необходимость их защиты со стороны государства отпадала, а значит, отпадала и потребность общества в праве, как универсальном регуляторе общественных отношений.

В силу вышесказанного думается закономерным рассмотреть возможные доктринальные позиции относительно криптовалюты в действующей системе объектов гражданских прав и определить ее правовую природу.

Л. А. Новоселова придерживается позиции, что криптовалюта, в частности, ее разновидность – биткоин – это обязательственное право требования [4. С. 15].

С данной позицией на данный момент трудно согласиться, поскольку в таких отношениях отсутствует обязанное лицо (как, например, банк при использовании безналичных денег), и таковым нельзя признать оператора информационной системы, так как он выполняет лишь техническое обеспечение ее работы и не вступает в правовые отношения с «криптообладателем». Само право реализуется управомоченным лицом с использованием исключительно технических средств без воздействия на поведение других субъектов права. Так, стоит заметить, что ценностью для гражданского оборота выступает не право требования в отношении криптовалюты, т. е. не право на совершение определенных действий должника в отношении криптовалюты в рамках обязательства, а сама криптовалюта и обладание ею.

А. В. Саженов утверждает, что криптовалюты следует рассматривать как бесстелесные вещи [14. С. 106–121] в том смысле, что это объекты, имеющие денежную оценку, но которые нематериальны (не телесны, не осязаемы), вследствие чего возможно установление вещного права на криптовалюту и применение вещно-правовых способов для защиты такого права. С данной позицией, распространяющей на криптовалюту правовой режим вещей, вряд ли можно согласиться, поскольку вещные иски применяются для защиты абсолютных прав на вещи именно в силу их физической осязаемости, возможности извлечения полезных свойств путем только пользования (без распоряжения) и исключительности их существования в реальном мире. Иной подход потребовал бы от законодателя адаптации правил гл. 20 ГК РФ для их применения в цифровой среде и нарушил бы устоявшиеся в законе и доктрине подходы к понятию вещи [18. С. 56]. Подобная проблема уже возникала касательно вопроса правовой природы бездокументарных ценных бумаг. В указанном случае позиция законодателя выразилась в четком разграничении правовых режимов вещей и бездокументарных ценных бумаг, в частности в разграничении способов защиты на данные объекты и появлении статьи 149.3 ГК РФ. Ввиду этого распространение на криптовалюты правового режима вещей без введения специального регулирования будет считаться как минимум непоследовательным.

Интересен также вопрос соотношения правовых режимов криптовалюты и уже упомянутых бездокументарных ценных бумаг. Данные объекты имеют определенные сходства: они существуют не в реальном мире физических вещей, а в виртуальном, не относятся к имущественным правам, хотя имеют имущественную ценность, а также права на них могут быть нарушены (например, путем неправомерного списания) третьим лицом. Тем не менее, сущности и значение для права этих объектов не совпадают. Во-первых, если криптовалюта, как ранее было замечено, является имущественным благом сама по себе, то бездокументарная ценная бумага служит некой оболочкой, формой закрепления того или иного имущественного права (обязательственного, корпоративного, вещного). Так, Е. А. Суханов отмечает: «Изначальный смысл категории ценных бумаг заключается именно в «овеществлении» закрепленных ими прав с помощью фиксации в документе (вещи) для того, чтобы облегчить их последующий оборот путем применения вещно-правовых категорий...» [16. С. 75]. Во-вторых, в отношении бездо-

кументарных ценных бумаг уполномоченным лицом ведется особый учет прав на них. Согласно пункту 3 статьи 149 ГК РФ распоряжение и ограничения распоряжения ценными бумагами может осуществляться только посредством обращения к лицу, осуществляющему соответствующий учет, для внесения соответствующих записей. Такое лицо, например, вправе принудительно, помимо воли неуправомоченного лица списать бездокументарные ценные бумаги с его счета и зачислить на счет правообладателя по решению суда. В-третьих, к ценным бумагам по российскому праву относятся только ценные бумаги, названные в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке. В результате криптовалюта не может быть отнесена к бездокументарным ценным бумагам, права на нее не могут при действующем нормативно-правовом регулировании защищаться аналогичным образом.

Таким образом, выявив абсолютность природы прав в отношении криптовалюты, наличие в самой криптовалюте имущественной ценности независимо от совершаемых по поводу нее действий, а также учитывая положения действующего законодательства, следует согласиться с А. И. Савельевым, относящим криптовалюту как объект гражданских прав к иному имуществу [13. С. 147–148]. В то же время такая квалификация ввиду отсутствия легальной дефиниции «иного имущества» не позволяет сделать никаких дальнейших выводов о содержании правоотношений, объектом которых является криптовалюта, за исключением того, что права на криптовалюту подлежат защите в порядке гражданского законодательства. Это означает, что для такой защиты допустимым будет использование наиболее общих способов защиты права, указанных в законе, как применимых для защиты различных видов прав (а не специфических способов для отдельных объектов) с учетом существа правовой природы криптовалюты. Способ защиты в таком случае будет определяться своеобразным методом подбора.

В настоящей работе уже отмечалась схожесть правовой природы криптовалюты и вещей в силу абсолютности прав на них и самостоятельной имущественной ценности. При этом криптовалюты не имеют материальной (телесной) формы, что делает невозможным пользование и владение ими (в противовес телесным вещам). Допустимо ли при таком положении дел применять для защиты прав на криптовалюту по аналогии вещные иски?

Касательно криптовалюты, ее нахождение в чужом незаконном владении для целей виндикации представляется как нахождение криптовалюты на чужом криптокошельке, а не на счете законного правообладателя или на аккаунте законного правообладателя, который, под неправомерным воздействием третьих лиц, утратил доступ к соответствующему аккаунту (счету). Технически, восстановление владения уполномоченного лица в отношении криптовалюты допустимо путем ее списания со счета незаконного владельца или восстановления доступа к аккаунту. Однако, юридически «виндикация» в таком случае не будет отвечать требованиям, предъявляемым к классической модели виндикационного иска, объектом которого могут являться только индивидуально-определенные вещи [10], поскольку смысл виндикации заключается именно в изъятии вещи в натуре. При этом ценность вещи для собственника состоит в ее уникальности, отличности от других объек-

тов материального мира, а не количестве или размере. Криптовалюты же, в свою очередь, не обладают должной степенью индивидуализации, а изначальная идея появления криптовалюты в качестве денежного суррогата сближает их с настоящими деньгами как особыми вещами, определяемыми родовыми признаками.

Применение же негаторного иска для защиты прав на криптовалюту не имеет смысла, так как у криптовалюты отсутствует телесная форма, она находится исключительно в виртуальном мире. Это означает невозможность осуществления непосредственного господства на ней без специальных технических средств (например, использования криптокошельков). Данная особенность не позволяет нарушить соответствующее право без ограничения владения управомоченного лица в отношении технических средств, с помощью которых осуществляется распоряжение криптовалютой. В результате при нарушении права в отношении криптовалюты всегда нарушается владение управомоченного лица, например, неправомерный перевод криптовалюты со счета правообладателя на счет иного лица, доступ к счету которого у правообладателя отсутствует.

В обязательственных правоотношениях, связанных с передачей криптовалюты, аналогично возникают проблемы в возможности принуждения контрагента к исполнению обязательства в натуре в соответствии со ст. 398 ГК РФ. По общему правилу ГК РФ допускает принудительное отобрание вещи у должника и дальнейшую ее передачу кредитору, так как в этом случае принуждение воздействует на саму вещь, а личность должника лишений не испытывает. Тем не менее принудительная передача криптовалюты потребует от должника совершения определенных действий: ввода пароля к аккаунту, предоставления доступа к нему другим лицам и т. д. При этом объектом принуждения становится личность должника, что выходит за рамки дозволенного законом принуждения, затрагиваются личные неимущественные права лица. Как справедливо указывает С. В. Сарбаш: «Кратковременное воздействие на имущественную свободу (отобрание вещи) допустимо, а долговременное насилие (принудительные работы, услуги) не допускаются» [15. С. 33]. В силу этого, действия по передаче криптовалюты могут быть совершены только самим должником добровольно. Вследствие этого кажется спорным применение в отношении лица, обязанного исполнить обязательство в натуре, астрента, судебного штрафа в пользу кредитора по статье 308.3 ГК РФ. С одной стороны, данное правовое средство позволяет стимулировать должника исполнить обязательство без прямого физического принуждения путем воздействия на его имущественную массу. С другой стороны, возможны случаи, когда должник сам может утратить доступ к счету, на котором неправомерно находится криптовалюта, или не иметь денежных средств, будучи банкротом, и тогда астрент станет для такого лица несправедливым постоянным обременением. Несмотря на вышеуказанные частные случаи, астрент благодаря широкому судебному усмотрению при определении его размеров с учетом фактических обстоятельств дела, позволяет ему быть эффективным способом противодействию различным злоупотреблениям со стороны должника и в целом может быть использован для стимулирования должника передать криптовалюту в натуре.

В свою очередь, теоретически использование кондикционного иска как субсидиарного средства защиты права допустимо, так как криптовалюта обла-

дает для участников экономической ценностью и, как следствие, при обладании ею происходит обогащение в отсутствие правового основания. Однако и в этом случае возникает большое количество вопросов. В каком порядке требовать возврата неосновательного обогащения при передаче криптовалюты? В условиях невозможности использования принуждения остается вариант возмещения в денежном эквиваленте. Однако криптовалюта является рискованным финансовым инструментом – фактически его ценность состоит в резком изменении стоимости. Поэтому невозможно определить, по какому курсу возмещать стоимость (официальный курс отсутствует), какой момент времени учитывать. Например, если криптовалюта выросла в цене, а денежные средства уже уплачены по старой его стоимости, то нарушитель права в данной ситуации выигрывает.

По нашему мнению, схожие проблемы возникают и при использовании деликтного иска. Но при этом утрата криптовалюты технически возможна, например, А. И. Савельев приводит в пример уничтожение криптовалюты при ее отправке на несуществующий кошелек [13. С. 145].

Кроме того, возникает вопрос: как установить лицо, обладающее правами в отношении криптовалюты? Является ли им лицо, фактически имеющее доступ к кошельку? Если обратиться к судебной практике, то можно заключить, что сделать это достаточно сложно. Например, при разрешении спора о возврате криптовалюты, полученной в качестве задатка, Арбитражный суд Московского округа пришел к выводу, что распечатка транзакции с сайта о переводе со счета не подтверждает факта получения ответчиком криптовалюты от истца и не подтверждает факт принадлежности данного электронного кошелька истцу [9]. В свою очередь, при оспаривании сделки при банкротстве Арбитражный суд Волго-Вятского округа указал, что «вследствие особенностей предмета данного договора (цифровых активов) право собственности на него не имеет материального подтверждения и не подразумевает наличия подтверждающих такое право документов, поэтому доказательством принадлежности криптовалюты В. и получения им оплаты от ее реализации является указанный договор купли-продажи и акт приема-передачи к нему» [8]. В результате доказать факт обладания криптовалютой, а также факт передачи на практике невозможно. Как следствие, необходим контроль над операциями с криптовалютой, что послужит во благо самим правообладателям. Однако в таком случае необходимо отказаться от анонимности криптовалют с целью защитить управомоченных субъектов гражданского оборота.

Таким образом, следует заключить, что применение универсальных, общих способов защиты права для обеспечения интересов управомоченных в отношении криптовалют лиц недостаточно. Требуется специальное правовое регулирование.

Необходимость специального нормативного регулирования оборота криптовалют осознается и государством. Так, например, Центральным Банком РФ была предложена идея о запрете майнинга криптовалют, а также существенном ограничении их оборота [17]. Категоричность выводов Банка России сложно считать обоснованной. Согласно исследованию Центра альтернативных финансов Кембриджского университета [20], за 2021 г. Россия заняла третье в место в мировом рейтинге по объемам «добычи криптовалют» – майнингу, уступив лишь Казахстану и США, что может свидетельствовать о развитости данной сферы в РФ, широком отклике со

стороны общества с наличием соответствующих растущих у него потребностей. Такие показатели – потенциальная перспектива для дальнейшего развития оборота криптовалют в стране, привлечения нового капитала. Для этого потребуется гибкая политика, сочетающая в себе закрепление криптовалюты в качестве особого объекта со специальным правовым режимом, наличие необходимых механизмов защиты прав в отношении них и надлежащий контроль со стороны государства за оборотом с неизменным сохранением непосредственно технологического процесса «добычи криптовалют» за рамками правового регулирования.

В силу вышеизложенного представляется допустимой реализация Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют Министерства финансов РФ [2], в соответствии с которой предполагается строгое регулирование субъектового состава отношений, связанных с оборотом криптовалют. Функции организатора системы обмена цифровых валют приобретают коммерческие банки. На них будет возложена функция контроля над операциями по обмену и продаже криптовалюты и идентификации лиц-участников. Также вводится понятие оператора обмена цифровых валют – юридического лица, имеющего лицензию на осуществление деятельности по обмену цифровой валюты на денежные средства или денежных средств на цифровую валюту, а также обмену одного вида цифровой валюты на другой. Исходя из содержания концепции, в частности положения о функциях организатора обмена цифровых валют, можно предположить установление официального курса криптовалют. Это позволит решить проблемы возмещения неосновательного обогащения криптовалютой в переводе в денежный эквивалент.

Помимо требований к указанным субъектам концепция упоминает реестр операторов системы обмена цифровых валют. Логично возложить ведение реестра на Центральный Банк, а также возложить на него функцию осуществления контроля над всеми операциями с криптовалютой. Здесь возвращаемся к исходной проблеме исследования «цифровых» объектов гражданского права. Во-первых, концепция не указывает соотношение регулирования криптовалюты с уже действующими ФЗ «О цифровых финансовых активах...» и ФЗ «О привлечении инвестиций...». Во-вторых, предлагаемые нормы о контроле над операциями с криптовалютой уже фактически дублируют нормы ФЗ «О привлечений инвестиций...» о функциях Банка России и оператора инвестиционной платформы, и нормы ФЗ «О цифровых финансовых активах...» об операторах обмена ЦФА и операторах выпуска ЦФА. Как следствие, формирование законодательного массива в области цифровых объектов гражданского права необходимо начать с общего построения системы цифровых прав, прямо включающих как цифровые финансовые активы, так и цифровые валюты с указанием их отличий, в отношении которых будут установлены общие правила как в отношении единого массива цифровых прав, которые будут индивидуализироваться с учетом их технических характеристик. По нашему мнению, в отношении цифровых объектов с целью формирования единого технологически нейтрального и непротиворечивого правового регулирования законодатель должен подойти к проблеме комплексно и рассмотреть все возникающие отношения в совокупности и взаимосвязи в рамках одного законодательного пакета. Возможно,

существующий правовой вакуум относительно цифровой валюты объясняется планами Банка России касательно введения цифрового рубля [3].

Думается, главное, что содержит концепция – это механизм регулирования оборота криптовалюты. В общем виде представляется, что система осуществления транзакции будет выглядеть так: операторы обмена получают криптовалюту по транзакциям и переводят полученное на счета клиентов, которые ведут организаторы системы обмена цифровых валют – банки. Такая система действует в отношении цифровых финансовых активов. С введением такого порядка можно прийти к выводу, что право на криптовалюту в таком случае уже также законодательно будет статuirоваться как обязательственное право требования к оператору системы обмена цифровых валют, как это действует в отношении бездокументарных ценных бумаг.

Указанные меры по легализации механизма оборота цифровых валют и его интеграции в финансовую систему позволят, с одной стороны, обеспечить публичные интересы путем придания прозрачности сделкам в отношении криптовалют и увеличению налоговых поступлений за счет появления новых видов экономической деятельности в рамках правового поля, а с другой – защитить частных лиц, хотя и утрачивающих свою анонимность, но приобретающих в лице гаранта своих прав само государство.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России). URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 16.09.2022).
4. Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3–16.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. № 209–210. 02.11.2002.
6. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 02.08.2019).
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 31.07.2020).
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2020 по делу № А43-34718/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FZL2X1fKdML1/> (дата обращения: 28.05.2022).

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 по делу № А41–4212/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sN6GeyPPnDbu/> (дата обращения: 28.05.2022).
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.12.2020 № Ф10–4102/2020 по делу № А35 825/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2022).
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 по делу №№ А40–164942/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUpDR1666/> (дата обращения: 28.05.2022).
12. Решение Савеловского районного суда от 09.11.2021 № 2–2888/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/civil/details/c71e4241-6b8a-11eb-a99b-83b5cc923d6f> (дата обращения: 28.02.2022).
13. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
14. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. С. 106–121.
15. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие. М.: Статут, 2016. 337 с.
16. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
17. Центральный банк Российской Федерации | Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 28.05.2022)
18. Щенникова Л. В. Вещное право: Учебное пособие. Пермь, 2001. 238 с.
19. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
20. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index (CBECI). URL: https://ccaf.io/cbeci/mining_map (дата обращения: 28.05.2022).

С. И. Мельникова,

аспирант,

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы предпосылки публично-правового регулирования цифровых валют центральных банков как новой формы существования денежных средств на примере России и зарубежных стран. Рассмотрены ключевые элементы отличия цифровых валют центрального банка от криптовалют. Исследована Концепция развития цифрового рубля, проанализированы перспективы правового регулирования цифровой валюты Банка России.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровые валюты, криптовалюты, цифровая валюта центрального банка, платежные системы, цифровой рубль

CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY: PROSPECTS OF PUBLIC REGULATION

Abstract. This article examines the background of the emergence of central bank digital currency as a new form of money in Russia and foreign countries. The author considers the difference between central bank digital currency and cryptocurrency. This research explores the prospects of legal regulation of digital rouble according to the concept of the development of the digital rouble by Bank of Russia.

Keywords: Law, Digital technologies, Digital currencies, Cryptocurrencies, Central bank digital currency, Payment systems, Digital rouble

Среди явных последствий развития цифровых технологий можно выделить активный рост объема инновационной, не производимой ранее, продукции при сокращении производства привычных товаров и услуг в связи с заменой их цифровыми аналогами.

Так, появление в 2019 г. новой коронавирусной инфекции (COVID-19) способствовало популяризации цифровых форм расчетов, что в свою очередь привело к развитию новых платежных технологий. В сфере государственных финансов это привело к появлению того, что с тех пор называют цифровой валютой центрального банка (ЦВЦБ). ЦВЦБ как минимум потенциально может изменить традиционную роль банкнот и монет в обращении. На международном уровне ЦВЦБ может упростить транзакции, осуществляемые в разных валютах. В результате дискуссии о платежных технологиях был предложен вывод о возможности того, что деньги, главным образом в виде наличных, могут в конечном итоге быть выпущены центральным банком без посредничества других кредитных учреждений в цифровом виде. Продолжающаяся пандемия COVID-19 еще более актуализировала данный вывод, поскольку некоторые предприятия стали неохотно или прямо отказываться принимать наличные деньги в качестве формы оплаты [7. С. 1–35].

Из этого следует, что цифровая валюта может выполнять традиционную роль банкнот и монет в обращении. В более широком смысле ЦВЦБ создает возможность предоставления дополнительных услуг с помощью цифровых средств. Вероятно, внедрение цифровой валюты также может преобразовать центральную банковскую систему. Например, ЦВЦБ может включать в себя, в зависимости от своей формы, возможность для физических лиц открывать личные счета в самом центральном банке [5. С. 73–90].

Чем, помимо всплеска востребованности электронных форм платежей из-за COVID-19, обоснован интерес к цифровым валютам? Во-первых, центральные банки по всему миру, включая как страны с развитой экономикой, так и страны с формирующимся рынком, главными мотивами создания цифровых валют называют сохранение контроля над суверенной платежной системой в целях поддержания стабильности экономики [2. С. 46–50]. Во-вторых, большое внимание уде-

ляется тому, как ЦВЦБ может повысить эффективность и безопасность расчетов в цифровой форме.

Внедрение ЦВЦБ происходит в условиях, когда другие формы электронных и цифровых платежей стали обычным явлением. Кредитные и дебетовые карты, не говоря уже о других формах оплаты, таких как наличные или, к примеру, подарочные карты, давно стали популярными и широко используются. Кроме того, уже появились межбанковские сети (например, Interac в Канаде, China UnionPay в Китае, STAR в США и LINK в Великобритании) для облегчения перевода средств как на розничном, так и на оптовом уровне. Не исключено, что эти сети будут адаптироваться к новым будущим потребностям, независимо от введенной формы ЦВЦБ. Независимо от того, присоединятся ли центральные банки к существующим сетям или потребуются создание новых, очевидно, что для обеспечения их безопасности и эффективности потребуется специальное правовое регулирование, прежде чем ЦВЦБ сможет полноценно выполнять свою функцию. Тем не менее высказывание о том, что регулирование отстает от инноваций сегодня как никогда актуально.

Наконец, правовые и экономические последствия введения ЦВЦБ вызывают ряд возможных практических вопросов. К ним относятся: потенциальная утрата статуса мировыми резервными валютами; снижение значения коммерческого банковского сектора; формирование статуса платежных сетей как хранилища огромных объемов данных, которые можно использовать как в коммерческих, так и в других, например, политических целях. Наконец, пожалуй, самый сложный вопрос для граждан – возможная утрата анонимности транзакций, присущая операциям с наличными.

Легального определения цифровой валюты пока не существует, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, поскольку цифровизация обеспечивает огромную гибкость в предоставлении транзакционных услуг, ЦВЦБ может существовать одновременно во многих формах. Во-вторых, правовая среда также определяет способность государств сегодня внедрять свои цифровые валюты [4. С. 158–202]. Существующие дискуссии вокруг ЦВЦБ сосредоточены на двух ее функциях: первая состоит в том, что ЦВЦБ – это альтернатива существующим расчетным единицам – наличным и безналичным деньгам. Вторая функция состоит в том, что физические и юридические лица могут использовать ЦВЦБ как средство накопления, например, иметь счет в центральном банке. Ясно, что вторая форма предполагает, что центральный банк может принимать на себя некоторые функции, которые сейчас присущи коммерческим банкам. Первая форма подчеркивает функцию денег как средства платежа. Другие формы вызывают вопросы о потенциальной роли ЦВЦБ в качестве средства сбережения.

Остановимся подробнее на перспективах регулирования цифровой валюты Центрального банка в Российской Федерации. Следуя общемировым тенденциям, в повседневных расчетах все чаще используются безналичные платежи. Из этого следует наличие у общества запроса на повышение скорости и удобства расчетов в такой форме с применением современных технологий. Этот вопрос актуален как для граждан и их повседневных банковских операций, так и для бизнеса. В кон-

сультативном докладе Банка России проведена оценка возможностей внедрения цифровой валюты Центрального банка – цифрового рубля [6. С. 1–48].

Цифровой рубль в Концепции, разработанной Банком России, определяется как цифровая форма российской национальной валюты, которую он будет выпускать в дополнение к существующим формам денег (наличным и безналичным рублям) [3. С. 1–30]. У граждан появится возможность зачислять цифровые рубли на свои электронные кошельки и пользоваться ими с помощью мобильных устройств и других носителей как в онлайн-режиме, так и при отсутствии доступа к Интернету (то есть в офлайн-режиме). Прослеживается очевидное сходство с современными цифровыми валютами, но цифровой рубль существенно отличается от них тем, что он централизован. Цифровой рубль эмитируется только Центральным банком Российской Федерации в качестве третьей формы государственных денег в дополнение к наличным и безналичным деньгам [1. С. 56–73].

Поскольку Центральный банк будет играть ключевую роль в управлении ЦВЦБ, необходимо пересмотреть законодательство, регулирующее действия и ограничения органов денежно-кредитного регулирования. Более того, международное измерение будет иметь большое значение, поскольку оправдано желание улучшить трансграничные платежи [8. С. 1–28]. Во-первых, клиринговые и расчетные системы должны быть достаточно гибкими, чтобы охватывать не только традиционные финансовые учреждения, но и справляться с появлением финтех и других типов цифровых платформ, которые могут предлагать различные цифровые финансовые услуги.

Центральные банки описывают различные формы, которые может принимать ЦВЦБ, а также конкурентное давление со стороны альтернативных механизмов и технологий цифровых платежей (например, стейблкоинов и других криптовалют). Таким образом, ЦВЦБ должна в первую очередь служить средством платежа и уменьшать существующие противоречия, которые ограничивают возможности отдельных лиц совершать сделки на местном и международном уровнях. В данных условиях легализация ЦВЦБ должна сопровождаться ограничением хождения альтернативных частных денег, прежде всего, стейблкоинов.

Список литературы

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 56–73.
2. Волков В. Э. Конституционное равноправие в информационном обществе: проблема частной дискриминации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 46–50.
3. Концепция цифрового рубля. – Банк России: официальный сайт. 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 13.09.2022).
4. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: моногр. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
5. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73–90.

6. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций.– Банк России: официальный сайт. 2020. URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

7. Board of Governors of the Federal Reserve System. Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation // Research and Analysis. 2022. January. URL: <https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).

8. Pierre L. Siklos Central Bank Digital Currency and Governance: Fit for Purpose? // CIGI Papers. 2021. April. URL: <https://www.cigionline.org/static/documents/documents/no.250.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).

Э. М. Мефтахова,

магистрант,

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

ДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Для современного общества характерен глобальный процесс цифровой трансформации общественных отношений. В данной работе проведен анализ цифровой трансформации и ее влияние в современных условиях на правовую систему Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровое право, суверенный интернет

APPLICATION OF LEGAL STANDARDS IN THE CONDITIONS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL LEGAL RELATIONSHIPS

Abstract. The article analysis of digital transformation and its impact in modern conditions on the legal system of the Russian Federation is carried out.

Keywords: Digital transformation, Digital law, Sovereign internet

На сегодняшний день российские пользователи переживают глобальные изменения в цифровом пространстве. Распространение цифровых данных существенно повлияло на привычное понимание суверенитета современных государств.

В Российской Федерации разработана нормативно-правовая база для обеспечения работы цифровой трансформации по всей стране. Обратимся к правовому регулированию данной сферы деятельности государства.

В целях стандартизации цифровых отношений в государстве Правительством Российской Федерации утверждено Постановление № 1646, которое закрепляет положение о проектах цифровой трансформации [1].

Можно заметить, что российское законодательство определяет цифровую зрелость как важнейшее последствие цифровой трансформации, т. е. переход

к управленческим решениям посредством цифрового анализа. При этом Президент России обозначил идеологически важные шаги по выработке стратегии цифровой трансформации.

Президент утвердил перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 4 декабря 2020 г. Эти поручения предусматривают разработку Правительством Российской Федерации долгосрочной стратегии цифровой трансформации десяти сфер российской экономики, а также достижение цифровой зрелости.

Реализация концепции цифровой территории России вышла на качественно новый уровень с принятием ряда федеральных законов.

В связи с этим уместно обратить внимание на Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» (далее – Закон о «приземлении» ИТ-гигантов) [2]. Деятельность ИТ-компаний носит международный характер, в связи с чем некоторые страны пытаются применять определенные меры, связанные с дополнительными регуляторными рычагами влияния на деятельность таких компаний в государстве.

Цель закона – ввести обязанность владельцев иностранных ИТ-ресурсов с большой российской аудиторией открывать официальные представительства в Российской Федерации.

Закон предусматривает «принудительные» меры для иностранцев, вплоть до полной блокировки ресурсов в России. Уход иностранных компаний с рынка или применение к ним предусмотренных законодательством «принудительных мер» может затронуть и российские компании: например, многие сайты (например, Google, Youtube) являются крупными распространителями рекламы.

Следует выделить и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Закон также известен как Закон о суверенном «Рунете».

Он обязал операторов связи установить в своих сетях технические средства для противодействия угрозам, ограничивающим доступ к Интернет-ресурсам, не соответствующим российскому законодательству. До вступления закона в силу фильтрацию осуществляли сами провайдеры на основании распоряжений Роскомнадзора. Сегодня по закону она автоматически обеспечивается государственными устройствами.

В качестве этих устройств Роскомнадзор выбрал оборудование с функциями Deep packet inspection (глубокая фильтрация трафика, далее – DPI) российского производителя ООО «РДП.РУ» [4]. DPI сам направляет весь сетевой трафик, который можно отличить по ряду технических характеристик. Например, DPI может отличить пакет трафика Telegram от Facebook (запрещены в России; принадлежат компании Meta, которая признана в РФ экстремистской), но система не видит содержание пакета.

Большое значение для цифрового пространства повлияла блокировка деятельности холдинговой компании Meta Platforms Inc (признана экстремистской ор-

ганизацией) на территории Российской Федерации. Для комплексного анализа эффективности блокировки ряда интернет-сервисов, было проведено исследование, в котором приняли участие 88 респондентов. Опрос был направлен на отношение пользователей сети Интернет к существующим ограничениям в цифровом пространстве Российской Федерации. Результаты показывают, что большинство опрошенных (93,2 %) сталкивались с ограничениями контента в сети Интернет. К сожалению, большая часть (53,4 %) не знает о законах: Закон о суверенном «Рунете» и Закон о «приземлении» ИТ-гигантов. Результаты данного исследования дают нам понять, что из-за правовой безграмотности большинство не знают те законы, которые касаются концепции цифровой территории Российской Федерации.

Таким образом, можно сказать, что сегодня сложно представить, какой путь будет выбран в регулировании сферы цифровых технологий, однако законодательные массивы в сфере как частного, так и публичного права должны будут отражать специфику электронных лиц, включая информационные системы и программ для ЭВМ.

Реализация концепции цифровой территории России вышла на качественно новый уровень с принятием ряда федеральных законов. Мы предполагаем, что принятые федеральные законы положили начало новой эре государственного управления информационно-телекоммуникационной сетью Интернет. Реализация данных законов зависит от грамотного подхода компетентных органов к разработке подзаконной нормативно-правовой базы, согласованного с представителями интернет-провайдеров и бизнес-сообщества.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2020 № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 42. URL: <https://clck.ru/rPwk9> (дата обращения: 14.05.2022).

2. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». URL: <https://clck.ru/rQEce> (дата обращения: 20.05.2022).

3. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/rQ4MT> (дата обращения: 21.05.2022).

4. Эксперты зафиксировали рост использования Telegram после блокировки. URL: <https://clck.ru/DCTsC> (дата обращения: 16.09.2022).

Д. А. Мирманов,

студент,

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Н. В. Комиссарук,

студент,

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В СЕТИ DARKNET

Аннотация. В данной статье поднимается тема использования технологии блокчейн в сети Darknet. Рассматривается взаимосвязь криптовалюты и рынка нелегальной продукции и услуг.

Ключевые слова: сеть Darknet, кибер-безопасность, анонимность, блокчейн, криптовалюта, биткоин, Интернет

USING CRYPTOCURRENCY ON THE DARKNET NETWORK

Abstract. This article raises the topic of using blockchain technology in the Darknet network. The interrelation of cryptocurrencies and the market of illegal products and services is considered.

Keywords: Darknet network, Cyber security, Anonymity, Blockchain, Cryptocurrency, Bitcoin, Internet

Сеть Darknet представляет собой набор неиндексированных страниц Интернета, которые не могут быть найдены по поисковым системам из-за системы шифрования, поэтому данная сеть пользуется большой популярностью среди преступного сообщества.

Стоит отметить, что по различным оценкам количество пользователей, которые используют сеть Darknet, доходит до 1 % от всех пользователей Интернета [2. С. 95].

Торговля наркотическими средствами, распространение порнографии, поиск убийц, кража данных пользователей банков, государственных служащих, продажа оружия, различного украденного имущества, в том числе и интеллектуальной собственности, – это то немногое, с чем ассоциируется сеть Darknet в 2022 г.

С момента роста популярности криптовалюты в мире и с появлением Bitcoin киберпреступники стали более неуязвимы. Анонимность, которую дает технология блокчейн при переводе средств (криптокошелек не требует указания персональных данных пользователя), и отсутствие рычагов давления (так как возможность блокировки пользователя отсутствует) дает преимущества в использовании криптовалюты в преступных целях.

Злоумышленники из России активно пользуются сетью Darknet, так, на просторах данной сети существовала российская торговая площадка «Гидра», которая была лидером в мире по продаже наркотиков. На данном сайте было зарегистрировано 2,5 млн пользователей, из них совершили хотя бы 1 покупку 390 тысяч пользователей [2. С. 94]. 5 апреля 2022 г. немецкие власти заявили о блокировке торговой площадки «Гидра» [3].

Однако, если сравнить оборот платформ-даркнет и официальных криптобирж, то можно заметить, что использование криптовалюты в преступных целях – лишь малая часть криптотранзакций от общего числа.

Так, по статистике за 2020 г., оборот торговой площадки «Гидра» составлял 1,35 млрд долл. в год. Для сравнения, на лидирующей криптобирже Binance в день объем сделок составлял 3,9 млрд долл. По расчетам Chainalysis всего 0,34 % криптотранзакций составило на теневой сектор за 2020 г. [4].

Для того чтобы анализировать транзакции в блокчейне на предмет связи с платформами Darknet, существуют специальные алгоритмы (например, сервис AMLBot). Для обхода подобных сервисов злоумышленники применяют специальные сервисы (миксеры), так они пытаются избежать преследования спецслужб, однако существует технология кластеризации, которая позволяет сопоставить все входы и выходы платежей, производимых примерно в одно время.

Bitcoin не единственная криптовалюта, которая популярна в Darknet-сети. Так, по результатам исследования аналитической компании Recorded Future, западные пользователи Darknet все чаще используют Monero, а российские предпочитают Litecoin и Ethereum.

Взаимосвязь криптовалюты и нелегальной деятельности заставляет органы государственной власти критично относиться к вопросу легализации криптовалюты в России. Если с вопросами налогов и отмывания денег с использованием криптовалюты можно прийти к решению через AML/KYC процедуры и законы, то с организационной преступностью ситуация иная.

Государству необходимо вырабатывать новые правовые и технические методы борьбы с опасными проявлениями сети Darknet. Требуется провести опросы об осведомленности населения относительно существования сети Darknet, провести анализ контента и функционала, который размещен в данной сети, и проработать пробелы в законодательстве, воспользовавшись опытом зарубежных стран (США, Китай).

Список литературы

1. Бахмисов А. В. Проблемы распространения информации в «невидимом» сегменте интернета // Академическая мысль. 2021. № 1 (14). С. 94–98.
2. Жмуров Д. В. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. Особое мнение. С. 89–98.
3. Новость (портал Lenta.ru): «Немецкая полиция отключила «Гидру»». URL: <https://lenta.ru/brief/2022/04/06/blackout/> (дата обращения: 08.04.2022).
4. Портал Crypto.ru. URL: <https://crypto.ru/darknet-i-kriptovalyuta/> (дата обращения: 08.04.2022).

М. А. Михайлов,
магистрант,
Южный федеральный университет
В. Д. Черных,
магистрант,
Южный федеральный университет
М. В. Смолий,
студент,
Южный федеральный университет

ВВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТЬ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Вопросы, рассматриваемые в рамках исследования, требуют научного осмысления и разработок для практического применения, а также выработки положений, обладающих должной степенью научной новизны. Целью данной работы является изучение влияния информационных и цифровых технологий на современное государство и право, а также выработка основных предложений по направлениям развития цифровизации в области права на примере искусственного интеллекта. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся посредством применения информационных и цифровых технологий в современном государстве и праве.

Ключевые слова: право, субъект права, технологии, цифровые технологии, цифровизация права, интеллект, искусственный интеллект

INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE FIELD OF LEGAL RELATIONS

Abstract. The issues considered in the study require scientific understanding and development for practical application, as well as the development of provisions with the proper degree of scientific novelty. The purpose of this graduation work is to study the impact of information and digital technologies on modern state and law, as well as the development of basic proposals for the development of digitalization in the field of law. The object of the study are the social relations that develop through the application of information and digital technologies in the modern state and law.

Keywords: law, subject of law, technology, digital technology, digitalization of law, intelligence, artificial intelligence

На сегодняшний день большая часть сфер, связанных с человеческим взаимодействием, подвержена трансформации со стороны новых информационных и цифровых технологий, которые приводят к образованию качественно новых общественных отношений, требующих правового определения и регулирования.

В юридической доктрине остаются открытыми следующие вопросы:

1. Определение места цифрового и информационного права в системе российского права.

2. Правовой режим новых объектов и субъектов права в рамках цифрового пространства.

3. Правовые основы перехода к единой государственной цифровой платформе.

4. Определение правового статуса роботов и робототехники.

5. Цифровизация судебной деятельности.

Развитие научно-технического прогресса во все времена выступало в качестве одного из факторов изменения правовой системы общества. Научно-технический прогресс значительно повлиял на возникновение как новых сфер правового регулирования, так и на сам правовой инструментарий, включая возможности его использования, методы и способы правового воздействия. Посредством изменения сознания человека, с течением времени, сформировался новый тип правовой культуры, ставя перед собой новые задачи в области права.

Текущий этап развития человечества можно охарактеризовать как этап революционного становления взаимодействия человека и цифрового пространства. Коммуникационные возможности, которые обеспечивают хранение, обработку и производство обширных объемов информации, что ранее могло показаться невозможным, выходят на первый план. Развитие новых телекоммуникационных, информационных и цифровых технологий постепенно приводят к автоматизации, цифровизации и роботизации некоторых общественных отношений и процессов. Подобные изменения приводят к изменениям привычного образа жизни человека, организации его труда и отдыха.

Большинство граждан, государственные органы, хозяйствующие субъекты и иные органы публичной власти непрерывно используют современные средства коммуникации, включая мобильную связь и интернет-сервисы. Все это неминуемо приводит к изменениям, к так называемой трансформации права, протекающей под воздействием современных цифровых технологий. В юридической доктрине появляются новые мнения, согласно которым классическая теория права находится под угрозой воздействия новых информационных технологий.

Так, в условиях активного внедрения новых технологий в различные общественные процессы вопрос статуса искусственного интеллекта и его ответственности остается открытым. Несмотря на вполне обоснованные решения, тема правового положения искусственного интеллекта в обществе остается пробелом в праве. Так получилось, что искусственный интеллект уже частично заменяет человека в правовой сфере жизни, а именно в делах, связанных с управлением собственностью, рассмотрением гражданских дел, составлением бухгалтерских отчетов [1].

Правовой статус искусственного интеллекта на сегодняшний день является актуальным, что говорит о большом количестве точек зрения в науке.

Мы называем себя Homo Sapiens – человек разумный, потому что наш интеллект, наши умственные способности столь для нас важны. На протяжении тысячелетий люди пытались понять, как мы думаем и действуем, т. е. разобраться в том, как наш мозг, всего лишь небольшая горсточка материи, может ощущать, понимать, предсказывать и манипулировать миром, который несравнимо больше в размерах и сложнее, чем он сам. Область ИИ (искусственного интеллекта) охватывает не только понимание всего того, о чем говорилось выше, но и создание

интеллектуальных сущностей – машин, которые будут способны вычислять, как им действовать эффективно и безопасно в самых разнообразных, в том числе незнакомых им, ситуациях [3].

На рис. 1 приведена статистика использования искусственного интеллекта в российских компаниях.

Рис 1. Область использования искусственного интеллекта в российских компаниях, %

Не стоит уравнивать в правовом статусе человека и ИИ. Причина данной позиции заключается в том, что ИИ получит такие же права, как человек, например, право на личную неприкосновенность, право на жизнь, право на получение информации и т. д. Предполагается, что искусственный интеллект будет располагать особым правовым статусом.

Стоит перечислить преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в правовой сфере деятельности.

К преимуществам можно отнести тот факт, что ИИ может самообучаться и искать проблемы без заранее задуманных алгоритмов, что принципиально отличает его от других цифровых технологий. Также не стоит забывать, что ИИ может решать интеллектуальные задачи и получать результаты, как у человека. То есть потенциал ИИ позволяет получать результаты более совершенные, чем у человека.

К недостаткам ИИ, целями которого изначально являлись облагораживание и оптимизация правовой сферы общественных отношений, можно отнести выход его из-под контроля, что принесет за собой непоправимые последствия. Решением проблемы бесконтрольности ИИ является продуманная правовая политика, которая включает в себя определенные сдерживающие элементы как для разработчи-

ков и проектировщиков, так и для самых цифровых технологий и их проникновение в правовую деятельность.

На данный момент в мире пока нет комплексных нормативных актов с нормами непосредственного действия, посвященных только ИИ. Сравнительно близко к их созданию подошли Южная Корея и Европейский Союз. Еще в 2008 г. в Южной Корее был принят акт, формально посвященный робототехнике, а именно специфической разновидности – роботам, оснащенным ИИ [2].

В других странах есть акты, посвященные конкретным разновидностям систем ИИ, которые применяются в автоматизированных автомобилях, здравоохранении, при реализации концептов «умного» города, в финансовой сфере [2].

Применительно к носителям ИИ меняется природа осуществления права – уходит субъективное волеизъявление, осуществление становится объективным, непредвзятым. В программном обеспечении ИИ должна быть заложена выверенная система принципов осуществления прав и исполнения обязанностей. Тогда ИИ будет сертифицирован на определенный объем правомочий, ориентирован на конкретные компетенции и наделен специфичной деликтоспособностью [4].

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы и предложения. Развитие информационных и цифровых технологий диктует современному обществу новый вектор развития всех общественных отношений, регулирование которых становится первоочередной задачей современного государства и права. В условиях изменений, обусловленных развитием цифровой сферы и появлением новых возможностей, таких как внедрение ИИ в область правовых отношений, построения жизни и общества, адекватной реакцией государства и права представляется уже запущенный процесс перехода отдельной части общественных отношений на базу цифровых платформ посредством суперсерверов и иных обеспечивающих технологий.

Список литературы

1. Кирса А. С., Кутепов О. Е. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 235–238. URL: <https://moluch.ru/archive/340/76371/> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. 12 с.
3. Искусственный интеллект: современный подход, 4-е изд., том 1. Решение знания и рассуждения: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: ООО «Диалектика», 2021. 704 с.
4. Незнамов А. В. Регулирование искусственного интеллекта в мировой практике 2022. URL: https://ethics.cdto.center/3_8/ (дата обращения: 14.09.2022).

Н. В. Морозов,

студент,

Всероссийский государственный университет юстиции

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования соответствия разработки, торговли и использования автономных систем вооружения (АСВ) международному гуманитарному праву (МГП). Выявлен порок правового регулирования автономного вооружения на международном уровне. Предложено принятие международного акта, который восполнил бы пробелы регулирования МГП и применения АСВ. Определена актуальность совершенствования норм МГП в контексте применения автономных систем в вооруженных конфликтах.

Ключевые слова: автономные системы вооружения, международное гуманитарное право, оружие, беспилотный летательный аппарат, искусственный интеллект, вооруженный конфликт, международно-правовая ответственность

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AUTONOMOUS WEAPON SYSTEMS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation of the compliance of the development, trade and use of autonomous weapons systems with international humanitarian law. A flaw in the legal regulation of autonomous weapons at the international level is revealed. It is proposed to adopt an international act that would fill in the gaps in the regulation of international humanitarian law and the use of autonomous weapons systems. The relevance of improving the norms of international humanitarian law in the context of the use of autonomous weapons systems in conflicts is determined.

Keywords: Autonomous weapons systems, International humanitarian law, Weapons, unmanned aerial vehicle, Artificial intelligence, Armed conflict, International legal responsibility

В настоящее время развитие цифровых технологий в силу технического прогресса во всем мире шагнуло далеко вперед. Появление машинного обучения, т. е. алгоритмов, приспособленных самостоятельно решать поставленные задания, и наличие больших массивов данных и вычислительных мощностей для дальнейшего «обучения» искусственного интеллекта привело к тому, что особые системы и механизмы способны решать такие задачи, выполнение которых дается людям с трудностями.

Повсеместное развитие и совершенствование цифровых технологий в XX и XXI в. не могло не коснуться и их использования в военно-промышленных комплексах различных стран. Лидерами среди зарубежных государств в области внедрения технологий в свои армии являются США и Китай [8. С. 56–67]. Именно США, Китай и Россия в той или иной степени перешли от этапа автоматизации

отдельных элементов деятельности вооруженных сил к этапу создания подразделений, оснащенных автономными системами и состоящих из машин, способных самостоятельно участвовать в вооруженных конфликтах.

В международном праве отсутствует легальное определение систем, способных самостоятельно без участия оператора вести боевые действия. В связи с этим Международный комитет Красного Креста (далее – МККК) определил, что устройства, способные самостоятельно и без вмешательства человека находить, выявлять и поражать различные цели, называются АСВ [1]. К полуавтономным системам вооружения, деятельность которых может корректироваться оператором, относятся беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), которые широко применяются в боевых действиях. Полагаем, что из-за технического прогресса в будущем БПЛА и иные полуавтономные системы станут полностью автономными. Тенденция к автономности оружия и повсеместное применение АСВ вызвали беспокойство международных правительственных и неправительственных организаций [17].

Например, МККК выражает обеспокоенность возможными гуманитарными последствиями использования АСВ, а также тем, насколько возможно применять их, не нарушая норм МГП. Равным образом в своем послании от 25 марта 2019 г. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Майкл Меллер отметил, что устройства, которые способны убивать людей без участия человека, непозволительны с моральной точки зрения и должны быть запрещены международным правом [18].

Данные опасения можно объяснить тем, что подобные системы могут дать сбой и тем самым нарушить нормы МГП. Обратимся к источникам МГП, регулирующим использование АСВ, чтобы увидеть степень регулирования этого типа оружия.

Так как одним из основных принципов МГП является принцип гуманизма, документы провозглашают ценность человеческой жизни, соответственно, регламентируют применение оружия, которое могут нанести излишние страдания. К данным актам относятся: Гаагские конвенции от 1899 и 1907 г. (оговорка Мартенса, согласно которой сторонам вооруженного конфликта всегда необходимо руководствоваться принципами гуманности); Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (далее – ДП I) и др.

Однако норма, которая конкретно регламентировала бы использование АСВ, отсутствует. Ст. 36 ДП I, определяет, что государство при разработке и применении новых видов оружия, средств или методов ведения войны обязано самостоятельно выявить: не нарушает ли их использование норм международного права. Полагаем, что подобное общее правило не может в полной мере обеспечить соблюдение норм субъектами, которые используют автономные системы.

На основе существующих норм Международный Суд ООН выработал применимый для всех видов оружия основополагающий принцип, который предписыва-

ет, что для стран существует предел в создании и использовании вооружения [7]. На основании этого принципа Суд определил два правила: первым из них является «правило разграничения», согласно которому некомбатанты не могут являться целью нападения. Запрещено оружие, которое не способно выявить различия между комбатантом и гражданским лицом. Второе правило – «правило пропорциональности», которое устанавливает запрет на способы и методы ведения войны, а также оружие, которые могут вызывать излишнее страдание и нанести несоизмеримый урон [11. С. 81–85]. Для выявления правовых пробелов использования АСВ следует обозначить пределы применения систем, установленные Судом и нормами права, и соответствие им технических возможностей АСВ, в том числе с учетом реального опыта их применения.

П. 2 Ст. 51 ДП I определяет, что гражданское население не должно являться объектом нападений. А также запрещает нападения неизбирательного характера. Как и применение любого оружия, использование АСВ должно соответствовать данному положению, однако важным свойством систем является их существующая и потенциальная неподконтрольность человеку, которая и обуславливает отдельное их рассмотрение с точки зрения МГП. Полная автономность может привести к негативным последствиям и жертвам среди гражданского населения.

Возможность автономного оружия выйти из-под человеческого контроля побудило мировое сообщество всяческими способами бороться с разработкой АСВ. В 2013 г. была организована международная кампания «Остановить роботов-убийц» – коалиция неправительственных организаций, которая содействует и поддерживает обсуждение применения и увеличения в составе вооруженных сил АСВ. Ее исполнительный комитет полагает, что утрата человеческого контроля в использовании этих систем означает, что лица, использующие его, больше не будут полностью осознавать последствия своих действий. На поле боя или во время вооруженного конфликта искусственный интеллект не сможет сделать сложный этический выбор и понять ценность человеческой жизни [10].

Примером неспособности АСВ отличить некомбатантов от комбатантов является удар БПЛА IAI Нагор по гражданскому автобусу в ходе вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном в районе приграничного армянского города Варденис 29 сентября 2020 г. [2]. Хотя IAI Нагор и является полуавтономным оружием, в проекте этого БПЛА предусматривается возможность автономного полета и изучения местности [9]. До сих пор не установлено, что удары нанесены автономно или оператором, однако сама возможность автономного полета не исключает и способность IAI Нагор самостоятельно влететь и уничтожить какой-либо объект.

Согласно п. 1 ст. 51 ДП I, нападения неизбирательного характера запрещаются. Нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты, не допускаются. Когда гражданский объект одновременно эксплуатируется в военных целях и гражданским населением, тогда он является объектом двойного назначения. Однако если последствия для гражданского использования объекта предполагают чрезмерный ущерб для гражданского населения, нападение на такой объект двойного использования является нарушением МГП: в соответствии с п. 3 ст. 52

ДП I воспрещено нападение на объект двойного использования, если подразумевается, что атака на него повлияет на его гражданское использование.

Примером нарушения применения АСВ этой нормы служит нанесение удара самодельного дрона в пригороде Алеппо, принадлежащего протурецким ополченцам, по гражданской клинике им. Халила Шейха Хасана в июне 2022 г. Предположительно, что целью атаки являлся врач акушер-гинеколог [14]. Вследствие участия большого числа автономных систем в ходе вооруженных конфликтов в Сирии, установить модель АСВ, на основании которой был спроектирован самодельный дрон, невозможно. Однако это не освобождает от ответственности за нападение АСВ неизбирательного характера.

Также возможен вариант событий, при котором система распознает гражданских лиц и комбатантов по внешним признакам, но в более сложных случаях, например когда комбатант сложил оружие и не способен принимать участие в вооруженном конфликте, либо когда гражданское лицо взяло военное снаряжение ради самообороны, АСВ может дать сбой и не провести различие по внешним признакам.

Проблема распознавания АСВ гражданского населения и комбатантов неразрывно связана с принципом гуманности в МГП, согласно которому запрещается применять оружие и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания. АСВ не входят в перечень запрещенных к использованию орудий. Как отмечалось выше, любая система может дать сбой, и отсутствие человеческого фактора может стать причиной нанесения несоизмеримого ущерба.

В 2007 г. в ходе военных учений в ЮАР у автоматизированного двуствольного зенитного орудия Oerlikon MKS возник сбой и неисправность в системе, из-за которой АСВ стреляла в полностью автоматическом режиме. От этих действий погибли 9 человек, 14 получили тяжелые ранения [4. С. 522–543]. Если данный случай произошел бы в ходе вооруженного конфликта, АСВ могли нанести излишний ущерб противнику и стороне, использовавшей их, а также произвести удар неизбирательного характера, что напрямую связано с правилом разграничения гражданского населения от комбатантов.

В качестве другого примера можно представить ситуацию, когда автономное оружие, симулируя выход из строя в связи с неисправностью, убивает или ранит противника. Данный поступок будет нарушением ст. 37 ДП I, согласно которому запрещается убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству. АСВ может быть запрограммировано на использование военных хитростей, к которым можно отнести использование маскировки. Непредвиденный выход из строя, а затем включение и нанесение ущерба может быть также расценено международным правом как вероломство, если не будет подтверждено, что подобное повреждение было вызвано ошибкой в системе. Доказать это, если машина была самоуничтожаемой, будет достаточно трудно.

Подобные ситуации демонстрируют, что на данный момент в МГП отсутствуют нормы, которые могли бы регламентировать использование АСВ на международном уровне. Способность АСВ самостоятельно принимать решения и причинять ущерб требуют особого правового регулирования по причине их отли-

чия от иных типов оружия. Стоит отметить, что государства, применяющие роботов в различных вооруженных конфликтах, вряд ли признали бы на официальном уровне случаи применения данного типа оружия и нарушения ими норм МГП по причине возникновения международной ответственности за свои действия. Именно поэтому в качестве примеров нарушения норм АСВ приведены также возможные последствия действий автономных систем.

Если АСВ не нарушили правила ведения войны, то их использование соответствует нормам МГП. Первый подтвержденный факт убийства полностью автономным дроном, не нарушающее нормы МГП, был зафиксирован в марте 2020 г. Согласно исследованию ООН, квадрокоптер Kargu-2 автономно без приказа оператора атаковал солдата, когда тот пытался отступить, во время столкновения между ливийскими правительственными силами и отколовшейся военной группировкой во главе с Халифой Хафтаром из Ливийской национальной армии [13]. Данный случай демонстрирует, что использование АСВ в вооруженных конфликтах не означает обязательное нарушение алгоритмов системы и, соответственно, нарушение принципов ведения войны.

Возможность нанесения точных ударов и причинение большого ущерба АСВ поднимают вопрос международной-правовой ответственности. Общее правило об ответственности государств за международно-противоправные деяния установлено в ст. 3 Гаагской конвенции 1907 г., а также в ст. 91 ДП I, в соответствии с которыми государства несут ответственность за любые действия и поступки, совершаемые лицами, входящими в состав его вооруженных сил. По той причине, что основные принципы и нормы МГП в конечном счете применяются людьми, именно они и несут ответственность за их несоблюдение при совершении противоправных действий.

Лица, создавшие или применившие АСВ, могут не иметь умысла в совершении правонарушения или необходимых знаний для работы с ними, так как введенная в действие система может самостоятельно атаковать цель. Поиск причастных к разработке и применению автономного оружия может быть затруднен из-за ограничения человеческого контроля над АСВ, что также способно привести к невозможности привлечения к ответственности за нарушение норм МГП.

Разработчик, преднамеренно программирующий АСВ с целью нарушения ими МГП, или командир, активирующий неспособное функционировать автономное оружие, будет нести уголовную ответственность за нарушение норм международного права [5. С. 92–103]. Однако в случае отсутствия контроля за применением и распространением АСВ конкретными людьми, ответственность за негативные последствия для человечества в региональном и глобальном масштабе будет лежать не только на определенном человеке, но и на всем мировом сообществе.

Проблема регулирования АСВ на международном уровне побудила государств-членов Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (далее – КНО), в 2014 г. закрепить проблематику использования смертоносных автономных систем воору-

жения (далее – САС) в качестве новой темы для дискуссии. В 2019 г. на совещании стран-участниц КНО был принят заключительный доклад, содержащий руководящие принципы, подтвержденные Группой правительственных экспертов по вопросам, касающимся регулирования технологий в сфере создания САС. Одиннадцать принципов включают применимость МГП, сохранение ответственности человека, ответственность за применение силы в соответствии с нормами международного права, обзор оружия перед развертыванием, обеспечение физической защищенности, кибербезопасности и др. [12].

Стоит подчеркнуть, что принятие лишь принципов может оказаться недостаточным для регламентации использования АСВ. Но начинать разработку нормативной базы с формулирования принципов исходя из наличия пробелов в МГП результативно по той причине, что такой подход позволяет со временем прийти к целому ряду договоренностей. Они позволят без ущерба принять тот способ урегулирования отношений, который в итоге может быть выбран для заключения международного соглашения [3. С. 335–366].

В 2021 г. представители Российской Федерации в КНО в документе «Соображения к докладу Группы правительственных экспертов государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии по смертоносным автономным системам вооружений по итогам работы в 2017–2021 гг.» считают преждевременными дискуссии по согласованию правил поведения в отношении САС. Вместо этого предлагается сосредоточиться на анализе действующих международно-правовых норм в контексте САС. Представляется избыточной выработка универсального обязательного механизма проведения «правовых обзоров». Вместо этого усилия стоит сфокусировать на дальнейшей универсализации ДП I и снятии государствами оговорок, сделанных при ратификации этого инструмента МГП [6].

Полагаем, что данное мнение представляется ошибочным. Как отмечалось выше, в МГП содержатся лишь общие правила использования АСВ. Без принятия конкретных норм регулирования дальнейшее взаимодействие международного сообщества по гуманному использованию автономных систем невозможно. Специалисты презюмируют, что, поскольку полностью автономное оружие вызывает обеспокоенность как с точки зрения принципов гуманности, так и с точки зрения общественного мнения, назрела острая необходимость принятия международного соглашения об использовании искусственного интеллекта в военной сфере [15].

Отсутствие в МГП норм, определяющих использование АСВ во время вооруженного конфликта и устанавливающих ответственность за их применение, поднимает вопрос о перспективах правового регулирования автономных систем и восполнения пробелов в праве.

Документом, который будет регулировать АСВ на международном уровне, может послужить дополнение к ранее принятым актам, такими как: ДП I; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие и др. Реалистично принятие нового международного акта, имеющего юридически обязывающий характер. Одной из проблем принятия

нового акта будет отказ некоторых государств от присоединения к нему по различным причинам. Подтверждением этого являются Соображения представителей России в КНО, представленные выше.

Альтернативой международного правового акта может послужить соглашение между физическими и юридическими лицами о запрете разработки, производства, торговли или использования АСВ, способных нарушить МГП. Основой такого соглашения может послужить «Публичное обязательство» об отказе в создании и применении САС, подписанное более 200 технологическими компаниями и 3000 частными лицами в 2018 г. [16].

С учетом вышеизложенного можно сделать, вывод, что на данный момент в МГП содержится много пробелов регламентирования разработки, использования и ответственности за применение АСВ. Проблема усугубляется отсутствием консенсуса между субъектами международного права в отношении принятия регулирующих норм. В силу распространения оружия с искусственным интеллектом и других военных роботизированных систем можно предположить, что робототехника, способная на массовое уничтожение людей, в ближайшие десятилетия создаст глобальные проблемы безопасности и усложнит геополитическую ситуацию на международной арене.

Список литературы

1. Автономные системы вооружения: вопросы и ответы // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/faq/q-and-a-autonomous-weapons.htm?ysclid=l88gwmc0g178774927> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Азербайджанские дроны-камикадзе. IAI Harop – вой смерти в небе Карабаха // Милитаризм. URL: <https://militarizm.su/vojna-v-karabahe/azerbajdzhanskie-drony-kamikadze-iai-harop-voj-smerti-v-nebe-karabaha.html?ysclid=l7nqn741u2960121453> (дата обращения: 04.09.2022).
3. Амандип С. Гилл. Изменение роли многосторонних форумов в урегулировании вооруженных конфликтов в цифровую эпоху // Международный журнал Красного Креста. – 2021. – № 913. – С. 335–366.
4. Бегишев И. Р. Пределы уголовно-правового регулирования робототехники // Вестник СПбГУ. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 3. – С. 522–543.
5. Бурукина О. А. Теоретико-правовые проблемы применения принципов МГП в условиях автономизации вооружений // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 5–1. – С. 92–103.
6. Соображения к докладу Группы правительственных экспертов государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии по смертоносным автономным системам вооружений по итогам работы в 2017–2021 гг. // Unoda. URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2021/06/Russian-Federation_RUS_1.pdf (дата обращения: 08.09.2022).
7. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 08.07.1996 по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного

Суда. 1992–1996. Нью-Йорк, 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries1992-1996-ru.pdf> (дата обращения: 06.09.2022).

8. Масленников О. В. Об информатизации Вооруженных Сил Российской Федерации / О. В. Масленников, В. В. Курочкин, Ф. К. Алиев, О. М. Тляшев // Военная мысль. – 2019. – № 12. – С. 57–67.

9. Преимущества барражирующего боеприпаса IAI Harop // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/179697-preimuschestva-barrazhirujushego-boepripasa-iai-harop.html?ysclid=17nqcauz87662099589> (дата обращения: 04.09.2022).

10. Проблемы с автономным оружием // Stop Killer Robots. URL: <https://www.stopkillerrobots.org/ru/остановить-роботов-убийц/факты-об-автономном-оружии/> (дата обращения: 03.09.2022).

11. Проскурина Д. С. Смертоносные автономные системы вооружений: будущее военной индустрии или угроза падения международного гуманитарного права? / Д. С. Проскурина, М. И. Хохлова, Н. И. Сафин // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6 (49). – С. 81–85.

12. Совещание Высоких Договаривающихся Сторон: Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 13–15 ноября 2019, Женева, CCW/MSP/2019/9. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/343/66/PDF/G1934366.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.09.2022).

13. A rogue killer drone ‘hunted down’ a human target without being instructed to, UN report says // Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/killer-drone-hunted-down-human-target-without-being-told-un-2021-5> (дата обращения: 06.09.2022).

14. Clinic targeted by a drone in Tal Rifaat, and Turkish forces shelled the villages of Aqiba and Bene in Sherawa district // Afrinpost. URL: <https://afrinpost.net/en/2022/06/clinic-targeted-by-a-drone-in-tal-rifaat-and-turkish-forces-shelled-the-villages-of-aqiba-and-bene-in-sherawa-district/> (дата обращения: 05.09.2022).

15. Docherty, Bonnie Lynn & Christian, Russell (2018). Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots. Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/report/2018/08/21/heed-call/moral-and-legal-imperativeban-killer-robots> (дата обращения: 10.09.2022).

16. Lethal autonomous weapons pledge // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/2018/06/05/lethal-autonomous-weapons-pledge/> (дата обращения: 10.09.2022).

17. Mark A. Sandner Future Unmanned Combat Air Vehicles (UCAV) And The Ethics Of Responsibility – Analysis // Canadian Military Journal. – 2020. URL: <https://www.eurasiareview.com/16032020-future-unmanned-combat-air-vehicles-ucav-and-the-ethics-of-responsibility-analysis/> (дата обращения: 02.09.2022).

18. Meeting of the Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the area of Lethal Autonomous Weapons Systems // UN Geneva. URL: <https://www.ungeneva.org/en/director-general/speeches/taxonomy/term/182/2019/03/meeting-group-governmental-experts-emerging> (дата обращения: 02.09.2022).

Е.А. Мотова,
специалист, отдел теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
аспирант, кафедра государственного права,
общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ОПЫТ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются связанные с использованием информационно-цифровых технологий трудности, с которыми сталкиваются правоохранительные и судебные органы при обеспечении конституционных прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В качестве наиболее распространенных предлагается рассматривать проблемы подачи электронных документов и своевременной обратной связи между судом и заявителем в информационных системах; дублирование поступающей информации в электронном и печатном виде, увеличивающей нагрузку на органы правосудия; недостаточную техническую оснащенность судов при использовании видео-конференц-связи. Автор приходит к выводу о необходимости создания специальной судебной информационной платформы для целей осуществления правосудия, способной обеспечить надежную и стабильную работу заседаний правоохранительных органов и органов правосудия в период чрезвычайных ситуаций, в том числе распространения новых инфекций.

Ключевые слова: судебная информационная платформа, информационно-цифровые технологии, правоохранительные органы, правосудие, судопроизводство, видео-конференц-связь, пандемия

SOME DIFFICULTIES IN THE USE OF INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: THE EXPERIENCE OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the difficulties associated with the use of information and digital technologies faced by law enforcement and judicial authorities in ensuring the constitutional rights, freedoms and legitimate interests of participants in criminal proceedings. As the most common, it is proposed to consider the problems of filing electronic documents and timely feedback between the court and the applicant in information systems; duplication of incoming information in electronic and printed form, increasing the burden on the judicial authorities; insufficient technical equipment of courts when using video conferencing. The author comes to the conclusion that it is necessary to create a special judicial information platform for the purposes of the administration of justice, capable of ensuring reliable and stable work of meetings of law enforcement agencies and justice bodies during emergency situations, including the spread of new infections.

Keywords: Judicial information platform, Information and digital technologies, Law enforcement agencies, Justice, Judicial proceedings, Video conferencing, Pandemic

В последние несколько лет все сферы человеческой жизни, которые так или иначе связаны с цифровыми технологиями, информатизацией и цифровизацией, активно исследуются учеными различных отраслей права [4; 8; 10; 11]. Указанные процессы неизбежно влияют на общественные отношения, которые в свою очередь оказывают влияние и на правовую сферу. В этой связи особое внимание следует уделить исследованию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, так как именно эти субъекты наиболее подвержены ущемлению своих интересов.

Судопроизводство, в том числе и уголовное затрагивает права и законные интересы широкого круга лиц. Именно поэтому так важно четко регламентировать их, что и было сделано в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ). Так, в последнем активно используются термины «интерес» и «законный интерес» (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, ч. 1 ст. 49 УПК РФ, ч. 2 ст. 125 УПК РФ, ч. 3 ст. 125 УПК РФ; ст. 6 УПК РФ, ч. 2 ст. 45 УПК РФ, ч. 2 ст. 20 УПК РФ, ч. 1 ст. 119 УПК РФ), но вместе с тем отсутствуют единообразные подходы к трактовке данных терминов, что вызывает некую путаницу в семантике представленных терминов.

Обращаясь к анализу указанных в законе формулировок, следует отметить, что по своей природе все человеческие интересы различны и зависят от разных потребностей, внутренних и внешних побуждений и обстоятельств [7. С. 122]. Следовательно, можно допустить трактовку термина «интерес» в уголовном судопроизводстве, как нечто корыстное и неправомерное, нечто, что не поддерживается и не защищается официальной властью [5. С. 396].

Законные интересы — это «мощное правовое средство, и форма бытия самих интересов в правовом пространстве общества, это и форма правовой активности, и ее источник, ибо интерес не «перестает» двигать общественными отношениями» [9. С. 4]. Следовательно, под законным интересом в уголовном судопроизводстве следует понимать возможность субъекта использовать предусмотренное законом право обращения за защитой своих нарушенных прав в правоохранительные органы с для последующего рассмотрения дела в судебной инстанции.

2019 год показал, что участники уголовного судопроизводства продолжают оставаться крайне уязвимыми субъектами права в условиях развития цифровых технологий. Особенно сильно это стало проявляться в уголовной сфере, где каждая совершенная ошибка может стоить человеку свободы. В связи со стремительным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) встал вопрос о принятии мер, которые ограничивали перемещения граждан в государственных и иных учреждениях, что затрудняло присутствие большого количества участников уголовного судопроизводства вместе его проведении (в суде) [1. С. 788]. Было решено прибегнуть к использованию информационно-цифровых технологий, однако правоохранительные и судебные органы столкнулись с трудностями, связанными с обеспечением конституционных прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Первая из них заключалась в подаче электронных документов и своевременной обратной связи между судом и заявителем в информационной системе ГАС «Правосудие». Практика показывает, что в настоящее время подавать документы в суд довольно рискованно в связи с тем, что подчас электронные обращения теряются и не доходят до адресатов, в результате чего может произойти пропуск процессуальных сроков, который четко оговорен в УПК РФ для подачи ходатайств и жалоб без уважительных причин. Из данной ситуации профессиональные участники уголовного судопроизводства выходят следующим образом. Они направляют все необходимые документы через информационную систему при этом, дублируя и направляя их же в бумажном варианте адресату [3. С. 20]. В результате увеличивается нагрузка на судебные органы, которая связана с дублированием поступающей информации в электронном и печатном виде, что приводит к усложнению доступа заинтересованных лиц к правосудию и возможности защитить свои нарушенные права и законные интересы.

Вторая трудность связана с использованием видео-конференц-связи при рассмотрении уголовных дел, в особенности это касается судов первой инстанции. Это связано с недостаточным техническим оснащением судов и уж тем более в следственных изоляторах и колониях. В настоящее время для целей осуществления правосудия используются самые распространенные у граждан платформы, способные обеспечить видеосвязь, такие как: Zoom, WhatsApp, Skype и другие. Перечисленные платформы не подходят для использования их в качестве видео-площадки для проведения судебных заседаний. Следовательно, необходимо поддержать тех ученых, которые говорят о необходимости создания специальной судебной информационной платформы, на которой могли бы проводиться судебные заседания [1. С. 791-792].

В заключении хотелось бы отметить, что вышеприведенный перечень проблем не является исчерпывающим. В настоящее время учеными правоведами активно исследуются цифровые технологии и их влияние на различные отрасли права (включая уголовное право; уголовно-процессуальное право), права и законные интересы граждан (участников уголовного судопроизводства), однако невозможно предвидеть все угрозы связанные с активным внедрением алгоритмов и искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство [5. С. 20; 9. С. 72], что дает основание продолжать исследования по данной тематике.

Список литературы

1. Андреева, О. И. Влияние COVID-19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, А. В. Кудрявцева // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 786–797.
2. Арестова, Е. Н. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы внедрения / Е. Н. Арестова, А. В. Борбат // Российский следователь. 2021. № 7. С. 16–20.
3. Захарова, М. В. Все еще Элис?, или будущее права / Право без будущего в XXI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 30.

4. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021.

5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 528 с.

6. Орлова А. А. Интересы и законные интересы участников досудебных этапов уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 121-123.

7. Пржиленский, В. И. Идеалы и интересы участников цифровизации уголовного судопроизводства / В. И. Пржиленский, И. Б. Пржиленская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 66–73.

8. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2021.

9. Субочев В. В. Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 57 с.

10. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д.А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

11. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

А. А. Мулява,

студент,

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Цель исследования – обосновать необходимость реформирования информационного законодательства. В этой связи в статье выделяются предмет информационно-правового регулирования, сущность и направления трансформации права в цифровую эпоху, модель системы информационного реформированного законодательства России, обозначается основная проблематика рассматриваемого процесса, его причинно-следственные связи. В заключении на основании анализа научных трудов делается вывод о трансформации права в цифровую эпоху как о закономерном и необходимом процессе развития национальной правовой системы России.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые технологии, инновационные технологии, информационная правосубъектность личности, информационный конституционно-правовой статус, информационное право, информационное законодательство, право, государство, юриспруденция

THE TRANSFORMATION OF LAW IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The purpose of the legal research is to focus attention on the need to reform information legislation. The scientific work highlights the subject of information and legal regulation, the essence and directions of the transformation of law in the digital age, then there is a model of the information system of the reformed legislation of Russia, then the author highlights the problems of the process under consideration, then the author identifies cause-effect relationships, on the basis of which he notes the significance of the process under consideration. In conclusion, he analyzes the position of the authors of scientific works and the results of his scientific research, from which he concludes that the transformation of law in the digital age is a natural necessary process of development of the national legal system of Russia.

Keywords: Information technologies, Digital technologies, Innovative technologies, Information legal personality, Information constitutional and legal status, Information law, Information legislation, Law, State, Jurisprudence

Введение. В результате развития информационных и цифровых технологий в России происходят процессы становления информационного общества и цифрового государства, что выражается в активном научно-техническом прогрессе и повышении уровня информационной грамотности гражданского общества в РФ.

При таких прогрессивных тенденциях трансформация права и государства или трансформация государственно-правовой системы Российской Федерации является вполне закономерным процессом, который выражается в цифровизации всех элементов государственной системы и трансформации законодательства РФ путем введения новых нормативно-правовых норм, которые выполняли бы роль регулятора общественных отношений в информационной сфере общества.

В современном российском законодательстве, конечно же, предусмотрены правовые положения, которые регулируют правовые режимы: использования и правового статуса информации, защиты информации, о правовом статусе информационных технологий, о доступе к информации, содержится понятийно-категориальный аппарат и общая правовая регламентация информационной сферы на территории и в юрисдикции Российской Федерации. Однако стоит признать, что на данном этапе развития информационного законодательства РФ оно не охватывает всех информационных явлений и процессов, а также ряда информационных и цифровых технологий, так как правовая система и система законодательства России банально не успевает за технологическим развитием, что ставит перед законодателем цели и задачи по совершенствованию права.

Основная часть. Для того чтобы лучше понимать сущность трансформации права в цифровую эпоху, надо в первую очередь определить предмет информационно-правового регулирования, и, опираясь на него, выделять актуальные вопросы и проблемы как в целом отрасли права – информационное право, так и в частности рассматриваемого нами явления, которые выражаются в цифровизации частей государственно-правовой системы, и в совершенствовании законодательства.

В своей сущности, предмет информационно-правового регулирования состоит из правоотношений, которые возникают по поводу: информации как объекта; информационных процессов, которые выполняет пользователь и владелец информации; доступа, защиты и ограничения информации; связи; СМИ в России; также в предмет входят правоотношения, связанные с использованием, производством информационных и цифровых технологий и иных высоких технологий, связанных с информационной сферой; правоотношения по поводу информационного и цифрового продуктов и услуг; правовая регламентация информационных явлений и процессов. Отдельным актуальным вопросом остается правовой режим регулирования поведения личности в сети Интернет, и вопросы «информационной безопасности» и «суверенного интернета».

Также для полного понимания сущности предмета информационно-правового регулирования следует дополнить тот факт, что данный предмет также регламентирует вопросы применения и использования электронной цифровой подписи (ЭЦП, электронной подписи, цифровой подписи), вопросы электронного документооборота, и вопросы стандартизации и лицензирования.

Давайте рассмотрим понятие и сущность трансформации права в цифровую эпоху для дальнейшего понимания нам с вами явлений и процессов, рассматриваемых нами в данной научной работе.

Трансформация права в цифровую эпоху – это процессы, связанные с реформированием правовой системы и системы законодательства государства, совершенствованием действующего информационного законодательства, и разработкой новых подходов к регулированию общественных отношений в сети интернет и информационной сфере для дальнейшего совершенствования права и законодательства, приспособления его к особому правовому регулированию в информационной среде, так как специфика регулирования здесь отличается от принятой модели правового регулирования наших общественных отношений.

По нашему мнению, следует выделить ряд направлений трансформации российского права в цифровую эпоху на основании его особенностей в РФ.

Первое направление трансформации права в цифровую эпоху – это совершенствование действующего информационного законодательства, и его дополнение путем правовой регламентации правоотношений, которые составляют предмет информационно-правового регулирования в России.

Второе направление трансформации права в цифровую эпоху – это действия по интерпретации норм действующего российского законодательства к реалиям информационной среды для дальнейшего правового регулирования общественных отношений, только уже в цифровом российском пространстве.

Третье направление трансформации права в цифровую эпоху – это действия по разработке и внедрению правовых положений, которые, в частности, будут регламентировать правовой статус: новейших прогрессивных цифровых и информационных технологий, компьютерных и мобильных технологий, новых информационных процессов и явлений, новых информационных продуктов и иных информационных объектов, виртуальной реальности и пространства, и норм, регулирующих суверенное интернет-пространство России. Также в данное направ-

ление входят действия по разработке правовых положений, которые касаются регулирования правоотношений и регламентации объектов, явлений и процессов, которые характерны только для информационной и виртуальной сферы общественных отношений между пользователями сети в юрисдикции РФ.

Четвертое направление трансформации права в цифровую эпоху – это действия по разработке и внедрению правовых положений, которые отвечали бы за регламентацию и регулирование: систем искусственного интеллекта, систем беспилотного управления техникой, робототехники, и иных инновационных технологий, которые появились и могут появиться в будущем в мире и России. Также следует предусмотреть охрану объектов, созданных искусственным интеллектом, и вред, который причинен искусственному интеллекту людьми, далее следует предусмотреть правовую концепцию ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, так юридическую ответственность будет нести создатель «ИИ», оператор «ИИ», и лицо в компетенции которого находится «ИИ», либо должностное лицо, которое отвечает за его действия, и, конечно же, санкции против системы «ИИ» либо ее исправление, либо деактивация, но, правда, не все праведы готовы считать «ИИ» как лицо в праве.

По нашему мнению, следует рассмотреть идею о конкретизации правовой природы и более четкой правовой регламентации информационных систем в РФ, и использования более совершенных программ или систем программ, так как наше законодательство конечно регламентирует данные явления, но не до конца раскрывает правовую природу использования данных объектов в России. К данному программному комплексу можно отнести и автоматизированные системы, и прочие продвинутые программные технологии в юрисдикции РФ.

Пятое направление трансформации права в цифровую эпоху – это действия по разработке и внедрению правовых положений по регулированию финансового рынка и финансовой системы в информационной и виртуальной сферах, а также регламентации правового статуса криптовалют и иных аналогов денежных средств (средств обмена). Также должен быть разработан механизм правового регулирования сферы труда и предпринимательской сферы в интернет-сети с последующим установлением специального налогового режима для таких граждан РФ в целях стимулирования налоговой активности населения.

Шестое направление трансформации права в цифровую эпоху – это действия по интерпретации гражданско-правовых положений и институтов права в информационные гражданско-правовые положения с учетом специфики области правового регулирования, и интерпретация интеллектуальных прав с последующим расширением данной категории прав, и их конкретизацией, что в конечном итоге улучшит информационно-правовое регулирование в России.

Седьмое направление трансформации права в цифровую эпоху – это разработка перечня киберпреступлений и киберпроступков для дальнейшего добавления их в уголовное и административное законодательство России для установления ответственности за противоправные деяния в сети интернет.

Однако следует отметить, что в уголовном законодательстве имеются статьи УК РФ, в которых указывается, что наказание действует и за совершение деликта в сети Интернет, также есть ряд информационных преступлений, однако, на

наш взгляд, данное положение дел является временной мерой, и следует выделить новые составы и продублировать (интерпретировать) старые составы деликтов в новом качестве с выделением их в отдельную главу УК «Киберпреступления» и разработать механизм юридической ответственности лица с учетом специфики информационно-правового регулирования и охраны общественных отношений, возникающих в информационной сфере в России.

Восьмое направление трансформации права в цифровую эпоху – это разработка и внедрение в конституционное законодательство в качестве отдельной главы Конституции России или отдельного ФКЗ РФ, т. е. в качестве так называемой «Информационной конституции России» перечня информационных прав и свобод, в частности виртуальных прав и свобод пользователя и гражданина РФ, в случае конфликта с гражданско-правовыми виртуальными правами законодатель может переименовать данную категорию конституционных прав в бинарные права пользователей и граждан России, также следует закрепить гарантии и перечень формальных юридических обязанностей пользователей, с последующим установлением режима ответственности лиц в сети Интернет и во всей информационной и виртуальной среде в России.

Законодателю следует конкретизировать в действующем законодательстве категорию «информационная правосубъектность», но не в том виде, в котором данная категория существует сейчас в рамках информационного права, а так, чтобы данная категория отражала действия пользователя и цифрового гражданина РФ в информационном и виртуальном пространствах, интернет-сети в рамках юрисдикции РФ, т. е. нужно создать новую категорию субъектов правоотношений – цифрового гражданина РФ или цифровую личность, которая будет новым качеством категории физического лица и гражданина РФ, только к новой категории будет применяться иной правовой режим с учетом специфики информационно-правового регулирования и охраны отношений в IT-сфере.

Девятое направление трансформации права в цифровую эпоху – это разработка и внедрение правовых положений о регулировании метавселенных и цифровых экосистем, разработка правовых положений о киборгизации людей с сохранением правового статуса «юридической личности» (правосубъектность физического лица), и регулировании иных инновационных проектов в сферах IT-среды, информационной и виртуальной среды, биотехнологий и нанотехнологий в России. Присутствует необходимость разработки нового типа нормативных правовых актов – технических нормативных правовых актов, что выражается в правовом оформлении технических норм (опыт из зарубежной практики).

Десятое направление трансформации права в цифровую эпоху – это разработка правовых положений о понятии «цифровое государство», «цифровое общество», «цифровой гражданин», и ряд фундаментальных цифровых понятий. Следует отметить, что в законодательстве есть отдельные элементы цифрового государства, однако нет исчерпывающей детальной правовой регламентации данного типа государства, что в перспективе негативно воздействует на правовое регулирование информационных правоотношений, и поведение личности в сети.

Существует еще ряд вопросов в контексте цифровой трансформации права и критериев данного процесса, однако нет необходимости рассматривать каждый вопрос, так как это могут быть материалы для отдельных научных работ.

Ряд правоведов высказывает позицию о том, что требуется более детальная правовая регламентация и пересмотр понятийно-категориального аппарата в информационном законодательстве, также необходима более четкая правовая регламентация информационных явлений и процессов. Однако в нашем случае рассматривать данные вопросы мы не будем, так как это уже проблематика информационного права, что является материалом для множества научных работ на данную тематику, также существует целый комплекс проблем правового регулирования в информационной сфере, корень которых в недостаточной правовой регламентации информационных правоотношений и объектов в праве.

Вопросы правосубъектности искусственного интеллекта, робототехники, персонажа, которого создал пользователь, а также вопросы роботизации и информатизации имеют вполне дискуссионный характер, и не претендуют на данный момент на какую-либо практическую значимость, но в дальнейшем еще повлияют на развитие информационно-правовой системы нашего государства.

Одиннадцатое направление трансформации права в цифровую эпоху – это цифровизация системы законодательства Российской Федерации, оцифровка массивов данных государственно-правового характера, развитие стандартизации на высоком уровне в РФ, развитие биометрического законодательства и электронного документооборота, цифровизация государственной системы РФ для дистанционного (цифрового) взаимодействия с гражданами России, также регламентация правового определения цифровизации неинформационных объектов, разработка интернет-платформ для работы с гражданским населением, и, конечно, необходимо регламентировать иные вопросы для построения цифрового государства и цифровой государственно-правовой системы в России.

Одной из основных целей правоведов должна стать доктринальная регламентация вопросов, которые бы разъясняли специфику предмета, метода и механизма информационно-правового регулирования, что в конечном итоге позволит будущим юристам лучше понимать данную сферу регулирования.

В выделенных нами направлениях трансформации права в цифровую эру был представлен примерный алгоритм цифровизации правовой системы России и совершенствования информационного законодательства РФ с последующим выделением определенной методологии, которая позволит законодателю более четко сформировать систему информационно-правового регулирования России.

Хотелось бы представить предполагаемую модель реформированного информационного законодательства Российской Федерации; предполагаемая система источников информационного права после внесения изменений:

1. Конституция Российской Федерации (Глава 2.1. «Цифровые права и виртуальные свободы пользователя и гражданина» или «Виртуальные права и свободы пользователя и гражданина», данное название дано в более узком определении, если брать более широкое определение, то тогда главе КРФ можно дать более широкое название «Информационные права и виртуальные свободы пользовате-

ля и гражданина»);). В случае если проведение данных поправок в КРФ является с точки зрения юридической техники не вполне необходимым, то тогда следует принять Федеральный конституционный закон Российской Федерации «Об информационном конституционно-правовом положении пользователей и граждан», который позволит регламентировать конституционно-правовой статус граждан и личности в информационном и виртуальном пространствах.

2. Федеральный конституционный закон «О правовом регулировании Российской Федерацией информационной сферы и виртуального пространства», данный конституционный закон позволит регламентировать механизм охраны и регулирования информационного и виртуального пространств (в том числе и интернет-пространства), и закрепит положения о суверенности российского Интернета, очертит границы регулирования российского сегмента интернета, определит порядок государственного надзора, и решит иные вытекающие вопросы, которые надо решить для построения «цифрового государства» в РФ.

3. Информационный кодекс РФ – это кодифицированный федеральный закон (федеральный законодательный нормативный правовой акт), который, по сути, должен будет регулировать информационно-правовые отношения, которые возникают в информационной сфере, виртуальной сфере, IT-сфере, которые составляют предмет информационно-правового регулирования в России. Также предлагается создание Цифрового кодекса РФ как более предметной версии ИК РФ, однако в таком кодексе будут отсутствовать другие направления предмета информационно-правового регулирования, что является его недостатком, поэтому следует принять ИК как основной источник информационного права.

4. Уголовный кодекс РФ (Глава УК РФ «Киберпреступления»).

5. Федеральные законы, содержащие нормы информационного права для регулирования информационных правоотношений; после внесения изменений – принимающиеся в соответствие с Информационным кодексом РФ, либо законы, дополняющие его, и регулирующие новые информационные, технологические и цифровые объекты в случае появления необходимости в регулировании РФ.

6. Иные нормативные правовые акты в сфере информационного права РФ.

Однако существует ряд проблем трансформации права в цифровую эпоху, которые могут на время ослабить цифровизацию российской правовой системы, давайте рассмотрим данный перечень актуальных проблем нашего вопроса.

Первой проблемой, на наш взгляд, является проблема систематизации, и в частности кодификации информационного права, так как законодатель может столкнуться с нарушением юридической техники и законотворческого процесса из-за того, что в отдельных случаях придется прибегнуть к интеграции норм из различных отраслей права, что может быть воспринято теоретиками права как грубейшее нарушение. Однако в истории нашего законодательства имелись такие примеры законотворческой работы, которые положительно влияли на систему права и законодательства России, такие примеры были как в Российской империи, так и в Советском Союзе, так и на ранних этапах в наше с вами время, что свидетельствует о том, что иногда диалектический подход и новый взгляд на реформи-

рование законодательства намного полезнее, чем догматический путь (подход), и консервативный взгляд на реформирование законодательства.

Также к этой проблеме добавляется один диссонанс, а именно некоторые части информационного права подчиняются вполне естественным законам правового регулирования, однако есть часть (права) правоотношений, допустим в цифровом пространстве, которые просто не могут регулироваться старыми методами правового регулирования, так как тут нужен совершенно другой подход, который будет учитывать специфику данных особых правоотношений.

Законодателю и правоведам удобнее всего сказать о том, что у нас уже есть механизм правового регулирования, который можно применять для охраны и регулирования новой категории правоотношений, что есть уже комплекс норм, который разбросан по системе законодательства, что есть, допустим, статьи УК, в которых есть пометка о том, что деликты в Интернете, это тоже преступления, и прочие вопросы законодательной работы, однако попытка старой системой регулировать новый вид правоотношений – это путь не к мерам, а к «полумерам», поэтому следует принять во внимание, что реформы необходимы для России.

Сложность также состоит в том, что законодателю и юристам придется приложить огромные усилия для осуществления конституционной реформы.

Вторая проблема. Проблема отсутствия методологической основы в теории права, которая позволила бы сформировать цельный взгляд на новую модель отрасли права, которая будет действовать по специфическим законам правового регулирования, будет иметь иные или интерпретированные методы правового регулирования, иметь совершенную методологию регулирования.

На наш взгляд, данная проблема упирается в нежелание консервативной части правоведов и государствоведов (теоретиков права) менять доктринальные воззрения, однако следует заметить, что это необходимо для юристов-практиков и законодателю, чтоб у них были теоретические основы для реализации реформ, и чтоб критика этих реформ затрагивала вполне практические проблемы для дальнейшего совершенствования права, а не теоретические проблемы, так как над изменениями теоретической части конкретно под информационно-правовую революцию, разработкой правовых концепций должны заниматься именно они, т. е. это компетенция уже самих юристов-теоретиков, что в перспективе даст вполне положительный результат и превратит российскую правовую систему в одну из прогрессивных национальных правовых систем, которая прошла этап информационно-правовой революции, и является примером для других стран.

Третьей проблемой является проблема сложности детальной правовой регламентации и разработки новых информационно-правовых положений, что выражается как на уровне законодательной работы, так и на научном уровне, так как данные процессы требуют определенных наработок и разработки новых концепций правового развития национальной правовой системы (системы права и системы законодательства). Также данная проблема распространяется на путь интерпретации норм из действующего законодательства и на практическое применение бланкетной и ссылочной диспозиций для связки правовых норм там, где это необходимо, однако данная проблема вполне решаема и не существенна.

Четвертой проблемой является проблема определения правовой природы новых объектов информационно-правового регулирования и новых процессов, связанных с новыми объектами и информационными правоотношениями. Также в эту проблему входит проблема правовой определенности статуса юридической личности как физического лица (при киборгизации и в цифровом пространстве), и иные вытекающие проблемы информационно-правового регулирования, с которыми столкнется законодатель, однако сможет их решить путем реформ, т. е. данная часть проблематики – это проблема сложности практического типа реализации, однако данная проблема также вполне решаема и неизбежна.

Пятой проблемой является уровень научно-технического прогресса и уровень информационно-технологического развития России, однако данная проблема постепенно решается Министерством цифрового развития России.

Причинами трансформации права в цифровую эпоху являются следующие факторы, которые явились предпосылками цифровизации государства и права:

1. Повышение уровня информационной грамотности граждан государства.
2. Становление информационного общества, для которого характерна фаза постиндустриального развития, в которой развита сфера услуг, происходят процессы информатизации, информация становится экономическим активом, развита индустриальная база, идет повышение уровня научно-технического прогресса, развиваются информационные и цифровые технологии, важную роль играет человеческий капитал и его компетенции, развивается капитализм за счет развития комплексной системы возмездного оказания услуг в России.

3. Развитие государственной-правовой системы – как закономерный этап формирования государственной системы РФ, национальной правовой системы (внедрение электронного законодательства и электронного документооборота).

4. Информационно-правовая революция, или вызовы, которые стоят перед российским государством по правовому регулированию новых областей жизни общества (общественных отношений), которые были вызваны информационной революцией, и стремительным развитием информационных технологий.

5. Оптимизация работы государственных и муниципальных служащих с гражданским населением, и развитие сферы оказания государственных услуг в России, создание различных площадок для взаимодействия с населением.

Следствием трансформации права в цифровую эпоху является наличие следующих факторов после внесения изменений в законодательство России:

1. Комплексное правовое регулирование всех областей правоотношений, которые составляют предмет информационно-правового регулирования, а также информационных и цифровых объектов, входящих в предмет информационно-правового регулирования, и регулирование статуса инновационных технологий.

2. Правовое регулирование общественных отношений (правоотношений) публичноправового и частноправового характеров, происходящих в интернет-пространстве, информационной и виртуальной (цифровой) среде, и прочие процессы, которые не могут быть регламентированы настоящими законами РФ.

3. Правовое регулирование финансового сектора цифровой экономики, решения проблемы регламентации блокчейн-технологий (криптовалют), а также регла-

ментации иных децентрализованных финансов, в дальнейшем была бы решена проблема правового регулирования цифрового профилирования в РФ.

4. Правовое регулирование правовых статусов: искусственного интеллекта, беспилотных технологий, робототехники, и инновационных различных систем;

5. Регламентация информационного конституционно-правового статуса, в частности цифрового конституционно-правового статуса пользователя и цифрового гражданина РФ, с последующей регламентацией информационной правосубъектности, и специального правового режима ответственности лица за противоправные действия в информационном и виртуальном пространствах, которые находятся в юрисдикции России или в российском сегменте интернета.

6. Закрепление в законодательстве киберпреступлений и киберпроступков, в нашем случае по предложению только киберпреступлений в новую главу УК.

7. И решение ряда других вышеизложенных в научной работе вопросов, которые требуют информационно-правового регулирования со стороны РФ.

8. Цифровизация государственно-правовой системы России.

9. Развитое электронное (цифровое) законодательство России.

10. Оптимизация работы государственных и муниципальных служащих с гражданским населением, и развитие сферы оказания государственных услуг в России, создание различных площадок для взаимодействия с населением.

11. Становление информационного права – как кодифицированной отрасли права, обладающей четкой системой законодательства и своим кодексом, где особый конституционно-правовой статус отражен в конституционных законах.

Значимость трансформации права в цифровую эпоху – состоит в том, что происходит становление цифрового государства, развитие цифрового общества, происходит развитие информационного законодательства, которое будет более эффективно регулировать информационно-правовые отношения между лицами, закрепляются правовые основы государственного регулирования и охраны общественных отношений, происходящих в информационном и виртуальном пространствах, а также по поводу использования информационных технологий.

Цифровизация правовой системы влияет также на систему правосудия, куда тоже происходит внедрение информационных и цифровых технологий, более того у групп реформаторов судебной системы и правоохранительной системы появились идеи как оптимизировать однотипные рутинные действия и документооборот, что снизит процессуальную нагрузку на сотрудников органов.

В юридическом научном сообществе идет дискуссия по поводу того, что однотипные дела, где решение суда зависит в первую очередь от процессуальной и процедурной сторон спора, могли бы рассматриваться «ИИ», так как они не требуют по сути присутствия живого судьи, и идут как шаблонные дела.

Заключение. Коллектив правоведов и государствоведов из Казанского (филиала) «РГУП» обобщив точки зрения выявил принципиальные подходы цифровизации государственно-правовой системы. Наши взгляды также совпадают с мнением, которое было изложено в монографии. Рассмотрим данные подходы:

1. Инструментально-технологический подход. Цифровизация государства и права – это использование законодательной, исполнительной и судебной власти

с внедрением информационно-коммуникационных технологий, а также это новый способ взаимодействия органов власти с гражданским населением.

2. Организационно-управленческий подход. Цифровизация государства и права или Цифровое государство – это прогрессивный способ организации государственной власти, в основе которого лежит использование информационно-коммуникационных технологий, а также новая форма информационных правоотношений между субъектами права государства.

3. Процедурно-процессуальный подход. Цифровизация государства и права или Цифровая государственно-правовая и политическая система или Цифровое государство – это новый этап развития правового и демократического государства, которому присуще: цифровая экономика, развитая правовая и государственная система (после цифровизации), развитая судебная система, а также наличие суверенной демократии (народной или цифровой демократии), т. е. это наивысший этап развития национального правового государства.

Также специалисты отмечали в своей монографии проблему определения статуса цифровых прав – как новой природы совокупности правовых норм, и проблему правовой определенности «юридической личности», ее правового положения по конституционному законодательству, и ряд вытекающих вопросов, с чем мы также полностью согласны с авторами монографии [4].

В научной работе (монографии) под редакцией Т. П. Подшиваловой исследуются вопросы отдельной цифровизации отраслей российского права, однако коллектив юристов теоретиков права согласен с необходимостью пути реформ в государственно-правовой и законодательной сферах, также там отмечается важность создания цифрового права, т. е., в сущности своей создание нормативно-правовой базы для внедрения цифровых технологий в нашу с вами повседневную жизнь. Данная позиция нам близка [2].

В научной статье, которая посвящена цифровой трансформации права отмечается, что право, несмотря на научно-технический прогресс общества, продолжает сохранять функцию социального регулятора, также помимо государства и права функцию регулятора цифровых отношений могут исполнять корпорации, и правила, установленные в интернет-сети, т. е. например – цензура или правила сообщества, и прочие нормативные установки, но право остается прекрасным союзником новейших технических разработок, цифровизации и информатизации в гражданском обществе и государстве [3].

Подводя итог, анализируя результаты нашей научной работы и мнение авторитетных ученых в области государства и права, мы можем сделать вывод о том, что трансформация права в цифровую эпоху – это закономерный необходимый процесс развития национальной правовой системы, который позволит осуществлять государственное и правовое регулирование отношений, которые происходят в информационной и цифровой общественных сферах.

В заключение хотелось бы отметить, что информационно-правовая революция неизбежна, и поэтому уже на данном этапе правового развития государства законодателю следует задуматься о проведении реформ, потому что любое промедление грозит нашей с вами юридической науке и праву – застою.

Список литературы

1. Изотопов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. / Изотопов Антон Владимирович. – Москва, 2021. – С. 283.
2. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титово, Е. А. Громовой. – Москва: Проспект. – 2022. – 896 с.
3. Тихомирова Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. – № 2. – С. 4–23.
4. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. – Казань: Отечество. – 2020. – 415 с.
5. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2020. – 432 с.

Е. С. Муравьева,

студент,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

НОВЫЙ ПУТЬ К ПРАВОСУДИЮ ЧЕРЕЗ ТЕХНОЛОГИЮ «УМНЫЙ СУД» (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается эволюция системы «умного суда» в Китае, начавшаяся в конце 1990-х гг. и длящаяся по настоящее время. Раскрываются особенности внедрения цифровых технологий для автономизации судебной власти на примере использования искусственного интеллекта с целью организации в будущем «умного суда». В статье анализируется возможность использования искусственного интеллекта в системе правосудия в качестве помощника судьи для анализа материалов и доказательств по делу и вынесения решения.

Ключевые слова: умный суд, электронное правосудие, правовые механизмы, цифровые технологии, судебная деятельность, Китай, искусственный интеллект, автономия судебной власти

A NEW PATHWAY TO JUSTICE THROUGH «SMART COURT» TECHNOLOGY (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

Abstract. This article examines the evolution of the smart court system in China, which began in the late 1990s and continues to the present. The features of the introduction of digital technologies for the autonomy of the judiciary are revealed on the example of the use of artificial intelligence with the aim of organizing a «smart court» in the future. The article analyzes the possibility of using artificial intelligence in the justice system as an assistant judge to analyze the materials and evidence in the case and make a decision.

Keywords: Smart court, e-justice, Legal mechanisms, Digital technologies, Judicial activity, China, Artificial intelligence, Judicial autonomy

На сегодняшний день результатом активного развития цифровых и информационных технологий, а также широкого и повсеместного внедрения искусственного интеллекта в большинство сфер жизни человека является автоматизация практически всех процессов деятельности человека, а также формирование цифрового общества с новыми стандартами жизни в глобализированном цифровом обществе. Искусственный интеллект находит применение в различных направлениях, включая, в том числе «экспертные системы медицинской диагностики, имитирующие принятие решений врачами; автоматизированные системы торговли ценными бумагами; автоматические дроны и многие другие варианты» [3].

Особую дискуссию представляет вопрос внедрения технологий искусственного интеллекта в юридическую сферу, в частности, в судебный процесс. Отечественные и зарубежные ученые [2, 5, 19] уделяют внимание вопросам использования цифровых технологий при осуществлении правосудия как по гражданским делам, так и по уголовным, они проводят анализ зарубежного законодательства с последующей оценкой, а также изучают правовые механизмы, которые направлены на регулирование информационно-технологического сопровождения судебных процессов.

Очевидно, что в юридическом секторе с каждым днем все чаще используются инновации при оказании юридических услуг, начиная от стандартизации и автоматизации юридических услуг, ориентированных на процесс, и заканчивая использованием искусственного интеллекта для оценки исков, доказательств, а также выявления мошеннических действий.

В последние годы можно отметить тенденцию перехода большинства стран мира от классического судопроизводства к электронному, с применением во время судебного разбирательства технологий искусственного интеллекта. В судебную деятельность искусственный интеллект внедряется не только в странах СНГ, но и в ряде западных стран. В связи с этим особый интерес вызывает опыт Китая, ведь Китайская Народная Республика является лидером цифрового судопроизводства [6].

Стоит отметить, что одним из мотивирующих факторов перехода на электронное правосудие стало давление на китайскую судебную систему со стороны населения Китая, так как оно существенно увеличивало нагрузку на судей. Например, только в 2015 г. в Китае было подано более 16,714 млн судебных дел, что в 27,3 раза больше, чем в 1978 г. Судебная нагрузка также стала проблемой, поскольку в 2015 г. в общей сложности было 196 000 судей, что всего в 3,27 раза больше, по сравнению с 60 000 судьями в 1981 г. [12].

В целях повышения кибербезопасности в 2014 г. Правительство Китая утвердило Центральную руководящую группу по кибербезопасности и информатизации (the Central Cyber Security and Informatization Leading Group). На первом заседании указанной группы в 2014 г. была отмечена важность цифровизации и информатизации для экономического и социального развития Китая [7]. С тех пор данное стремление к технологическому прогрессу отражалось в различных политических инициативах, таких как план «Сделано в Китае» («Made in China 2025»), который направлен на то, чтобы к 2025 г. сделать Китай доминирующим производителем

высоких технологий в мире, и «План развития искусственного интеллекта следующего поколения» («Next Generation Artificial Intelligence Development Plan»), в котором излагается путь Китая к тому, чтобы стать мировым лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г. Для того, чтобы реализовать данный план, Верховным народным судом Китая были внедрены некоторые стратегии в судебную систему КНР, а именно: Национальная информационная судебная система и Китайская платформа сетевых приложений [14].

В рамках принятия дорожной карты по модернизации правовой системы страны к 2025 г. в Китае было принято решение ускорить процесс внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность, а также организовать в будущем «умный суд» (smart court, artificial court). На сегодняшний день точного определения понятия «умный суд» в доктрине права не существует. Однако в рамках цифровизации китайского суда под этим явлением понимают «осуществление судебных процессов, таких как подача иска, судебное разбирательство, исполнение, обслуживание в режиме онлайн с помощью современных технологий, таких как большие данные, облачные вычисления, искусственный интеллект и высокие технологии» [13].

Трансформация судебной системы Китая началась в 1990-х гг. и состояла из трех этапов. Именно этот период считается переходом к «умному суду». «Национальная конференция по вопросам судебной коммуникации и компьютеров» (National Conference on Matters of Court Communication and Computer) в 1996 г. стала первым этапом трансформации. Он завершился в 2003 г., когда все суды в Китае завершили оцифровку своих документов и ссылок на веб-сайты для внедрения компьютерных технологий в суды. Примечательно, что до этого многие судебные документы в Китае были написаны от руки [12].

Второй этап трансформации судов Китая происходил в период с 2004 по 2013 г. и характеризовался появлением судебных заседаний при помощи Интернета. То есть интернет-технологии использовались, чтобы вести дела, а также проводить слушания. В качестве примера можно привести дело, где китайский суд принял поданное заявление о раздельном проживании, в котором пара проживала соответственно в Китае и Канаде, и суд общался с ответчиком, который находился за границей по электронной почте, а также передавал документы и обменивался материалами онлайн [11]. Несмотря на то, что в то время такой формат рассмотрения дела не предполагал видеоконференц-связь, этот случай все равно является ранним примером того, как интернет-технологии использовались для того, чтобы облегчить судебную работу.

Уже в 2009 г. Верховный народный суд Пекина объявил, что запустил веб-сайт судебных слушаний в прямом эфире на весь Пекин [15].

Данное нововведение было необходимо в целях содействия правосудию и предоставления гражданам возможности следить за работой судов онлайн. К сайту имела доступ вся широкая общественность по всей стране. Жители могли наблюдать за слушаниями, которые проводились в любом суде Пекина.

В 2014 г. модернизация продолжилась с введением инициативы умных судов, которая поддерживала использование более сложных технологий, для создания «открытой, динамичной, прозрачной и удобной» судебной системы, которая

позволит общественности «понимать, доверять и контролировать отправления правосудия» [17]. Среди конкретных мер, принятых для достижения этих целей, были упомянуты технологические инновации, связанные с искусственным интеллектом, в том числе усовершенствование методов преобразования голоса в текст во время слушаний, а также интеллектуальные вспомогательные системы управления делами [20]. Предполагалось, что «умные суды» будут не только использовать цифровые технологии для внесения изменений в документы, их проверки и проведения идентификации сторон, но также и для вынесения решений, тем самым снижая нагрузку с обычных судей.

На практике искусственный интеллект проводит анализ огромных массивов информации и дает судье рекомендации с учетом всех обстоятельств дела. То есть окончательное решение по делу все еще выносит судья, однако этому решению предшествует обязательная предварительная консультация с системой «умных судов», использующей методы искусственного интеллекта. В случае несогласия судьи с рекомендацией этой системы, судья должен предоставить письменное объяснение своей позиции. Такой подход применяется с целью снижения уровня коррупции и вынесения необоснованных решений.

Решение проблем, которые связаны с деятельностью судов, предполагалось решить благодаря внедрению концепции «умных судов». Правительство Китая хотело «сократить нагрузку на судей и аппарат судов, минимизировать сроки рассмотрения дел, и, наконец, сократить число вынесения неправосудных и недоброкачественных решений судами» [18]. Справедливое судебное разбирательство виделось в прозрачной среде суда и достижении справедливости для людей посредством поддержки умных судебных онлайн-сервисов на протяжении всего процесса разрешения споров. Таким образом, концепция «умного суда» в Китае на базе искусственного интеллекта и Legaltech стали двумя приоритетными задачами китайских судов на ближайшее время.

Описывая процесс отправления правосудия умным судом, стоит отметить, что в науке и в экспертной среде отечественные и зарубежные ученые поднимают вопрос реализации возможной организации процесса отправления правосудия с помощью искусственного интеллекта в автоматическом режиме [10]. Ученые анализируют перспективу возложения на искусственный интеллект возможности проводить системный анализ фактических обстоятельств дела, оценивать документы и доказательства по делу, давать им правовую оценку и выносить соответствующие решения, тем самым облегчая труд и работу судьи по отправлению правосудия [8].

Стоит отметить, что в перспективе возможен вариант, что суд станет выносить вердикты, которые самостоятельно принял искусственный интеллект. В начале 2022 г. прокуратура Шанхая протестировала искусственный интеллект, который может выдвигать собственные версии обвинения по 8 наиболее распространенным уголовным статьям. Такие статьи включали в себя мошенничество, азартные игры, опасное вождение, умышленное причинение физического вреда и воспрепятствование выполнению служебных обязанностей. По данным китайских правоохранителей, точность таких обвинений составляет 97 % [4].

Осуществление вышеуказанного варианта на практике видится возможным, однако такой исход находится под сомнениями многих ученых и экспертов.

По их мнению, актуален вопрос ответственности за решение, принятое искусственным интеллектом в случае допущения ошибки, а также возможных последствий. Помимо этого, профессор права Китайского университета политических наук и права считает, что «поскольку систему «умного суда» разрабатывали при непосредственном участии технологических гигантов КНР, это косвенно передает очень большую власть экспертам нескольких цифровых компаний» [16].

Ученые О. А. Степанов и Д. А. Басангов в своей работе [9] отмечают, что сегодня можно говорить о четырех направлениях деятельности «умного суда» в части внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство с целью оптимизации работы аппарата суда. По их мнению, «искусственный интеллект в системе «умного суда» можно рассматривать в качестве:

- помощника судьи с возможностями информационно-аналитической и экспертной поддержки, которая бы позволила принимать более взвешенные и обоснованные решения;
- партнера судьи с возможностью контроля принимаемого им решения (приговора) на предмет его соответствия нормам права;
- помощника судьи при автоматизированном поиске и анализе ранее принятых судебных решений по аналогичным делам;
- помощника судьи при сборе и обработке данных судебной статистики».

Австралийский профессор Tania Sourdin отмечает, что «используемые в настоящее время технологии можно отразить на трех уровнях». На самом базовом уровне профессор выделяет «вспомогательные технологии – прямая трансляция судебных слушаний для общественности или расширенная общественная информация через Интернет» [19]. По ее мнению, на таком уровне технологии могут использоваться с целью предоставления информации, поддержки и консультирования участников судопроизводства. Во-вторых, выделяются «замещающие технологии – онлайн-регистрация дел и обмен доказательствами, усовершенствование системы управления делами» [19]. Такие технологии могут заменить функции и действия, которые ранее выполнялись людьми. Наконец, на третьем уровне, профессор выделяет «подрывные технологии – автоматизированные судебные решения с использованием искусственного интеллекта» [19]. Такие технологии могут изменить методы работы судей и юристов и обеспечить самые разные формы правосудия.

Подводя итог, стоит отметить, что эволюция системы «умного суда», начавшаяся в конце 1990-х гг., когда Китай получил доступ к глобальным интернет-сервисам и провел оцифровку всех судебных документов, послужила отправной точкой, чтобы перевести судебную деятельность в онлайн. Постепенно судебные процессы с помощью Интернета позволили судам быть более гибкими в тех случаях, когда стороны физически не могли явиться в суд, например, в силу проживания в другой стране. Только в 2014 г. суды начали комплексно внедрять больше технологических инноваций, которые были ориентированы на внешний мир и предназначались для предоставления сторонам универсальных судебных услуг, включая ведение дела, вручение судебных документов, обмен доказательствами и их исследование, слушание и исполнение.

Несмотря на то, что еще не до конца сформирована законодательная база касательно концепции «умного суда», технологии опережают развитие законодательства. В ближайшем будущем возможно более углубленное внедрение искусственного интеллекта в систему правосудия, когда искусственный интеллект будет работать наравне, «в связке» с судьей, либо в той или иной степени заменит собой судью [1].

Список литературы

1. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 3 (38). – С. 30.
2. Добряков Д. А., Каса И., Сухоставская Ю. В. Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 2. С. 461–481.
3. Ермакова Е. П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция): монография. Москва: Инфотропик Медиа, 2018. 192 с.
4. Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом. // pravo.ru: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/news/242025/> (дата обращения: 11.09.2022).
5. Купчина Е. В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // Legal Concept – Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 4. С. 63–71.
6. Русакова Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. 2020. № 9. С. 102–109.
7. Си Цзиньпин председательствовал на первом заседании Центральной руководящей группы по кибербезопасности и информатизации // [сайт]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0227/c64094-24486402.html> (дата обращения: 11.09.2022).
8. Соков А. П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 119–124.
9. Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 229–237.
10. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д.А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2022.
11. A foreign-related marriage e-mail trial concluded a transnational divorce case (Sourced from China News Network, 31 July 2004). URL: <http://news.sina.com.cn/o/2004-07-31/16073256390s.shtml> (дата обращения: 18.09.2022).
12. Changqing Shi, Tania Sourdin and Bin Li. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. № 12 (1). Pp. 1–19.
13. Junlin Peng, Wen Xiang. The Rise of Smart Courts in China: Opportunities and Challenges to the Judiciary in a Digital Age // Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research (NNJLSR). 2019. № 9. Pp. 345–372.

14. Ko S. (2019). 5 factors driving the Chinese lawtech boom, 1 Apr. 2019. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/04/5-factors-driving-the-chinese-lawtech-boom/> (дата обращения: 11.09.2022).

15. Sina News, «Beijing High People’s Court Now Livestreaming Court Hearings», (Online article, 17 September 2009). URL: <http://news.sina.com.cn/c/2009-09-17/065816311211s.shtml> (дата обращения: 18.09.2022).

16. Stephen Chen. China’s court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment // South China Morning Post: [сайт]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 11.09.2022).

17. Supreme People’s Court, ‘Opinions of the Supreme People’s Court on Comprehensively Deepening the Reform of the People’s Court’, (Opinion article, 26 February 2015). URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiang-qing-13520.html> (дата обращения: 11.09.2022).

18. Supreme People’s Court, ‘Opinions on Accelerating the Building of Smart Courts’, (Judicial Document, 12 April 2017) No. 12. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/5dec527431cdc22b72163b49fc0284.html> (дата обращения: 11.09.2022).

19. T. Sourdin. Judge v Robot? Artificial Intelligence and Judicial Decision-Making // UNSW Law Journal. 2018. 41(4). Pp. 1114, 1129.

20. The Paper, ‘The full text of the Supreme Court’s “Fifth Five-Year Reform Outline” | Authoritative Interpretation’, (Online article, 27 February 2019). URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_3051310 (дата обращения: 11.09.2022).

А. Е. Нагавкин,

студент,

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина

ЦИФРОВАЯ ПРОКУРАТУРА: ВОЗМОЖНО ЛИ ПЕРЕВЕСТИ РАБОТУ НАДЗОРНОГО ВЕДОМСТВА В ONLINE?

Аннотация. Основанная в XVIII в. прокуратура России за свою 300-летнюю историю существования трансформировалась, отвечая вызовам своего времени. В XXI в. значительным изменениям подвергаются все государственные органы благодаря развитию цифровых технологий. Вследствие этого появляется справедливый и актуальный вопрос о возможности или наоборот невозможности работы прокуратуры в режиме online. В статье анализируются многие направления работы надзорного ведомства и делается общий вывод о новом варианте работы.

Ключевые слова: борьба с преступностью, обращения граждан, прокуратура, прокурорский надзор, суд, уголовное преследование, цифровизация

DIGITAL PROSECUTOR'S OFFICE: IS IT POSSIBLE TO TRANSFER THE WORK OF SUPERVISOR'S AGENCY IN ONLINE?

Abstract. The Russian Prosecutor's Office, which establish in XVIII century, for 300 years has changed as a response for the new time. In XXI century all government bodies has changed as a result of progress in digital technologies. In consequence of this, appearing fair and actual question about possibility to Prosecutor's Office work in online. In the state analyse different way of Prosecutor's Office work and make a decision about new variant of the work.

Keywords: Prosecutor's Office, Prosecutorial supervision, Criminal prosecution, citizen's appeals, Crime fighting, Court, Digitalization

Создание Российской прокуратуры в первой четверти XVIII в. стало знаменательным событием во всей истории нашей страны. Впервые создан государственный орган, не обладающий властными полномочиями в собственном смысле слова. По концепции, заложенной в основу принципов организации и деятельности, автором которой стал лично Петр I, прокуратура должна была стать независимым контролирующим органом, который впервые действовал на прогрессивных принципах гласности, единства, централизации и отсутствия двойного подчинения [3]. Новые принципы, заложенные в основу деятельности нового ведомства, позволили увеличить авторитет созданного органа, а также уровень доверия со стороны простых граждан, что также является важным составляющим и по сей день во всей организации и деятельности прокуратуры.

На протяжении истории вместе с реформированием государственных органов, прокуратура также подвергалась определенным изменениям, сохраняя в себе неизменной главную функцию – независимый надзор. В разные времена, ведомство и теряло значимость в государстве, и входило в состав Министерства юстиции, и было ликвидировано с приходом к власти большевиков, но было быстро восстановлено как самостоятельный орган: «Прокуратура СССР» [1].

В соответствии с новым Федеральным законом, прокуратура Российской Федерации создана в 1992 г. как единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями [4]. С дальнейшим развитием российской государственности, прокуратура также реформировалась под новые вызовы, следуя за требованиями новой эпохи.

XXI в. ознаменован развитием цифровых технологий, активной «цифровизацией» всей государственной системы. В связи с новой тенденцией, в системе органов прокуратуры введены новые цифровые технологии, позволяющие осуществлять деятельность быстрее и эффективнее. В теории довольно много литературы посвящено внедрению электронных документов, документооборота в систему государственных и правоохранительных органов [5. С. 548–549].

Так, например, Генеральная прокуратура создала интернет-страницу, в которой можно узнать всю актуальную информацию о деятельности надзорного ве-

домства, а также подать обращение в прокуратуру online, не выходя из дома [2]. Однако одновременно с этими нововведениями возник дискуссионный вопрос о пределах этой «цифровизации». С одной стороны, граждане могут проще и быстрее обратиться с заявлением в органы прокуратуры, приложить в электронном виде определенные материалы (фото или видео) и при этом получить ответ также в электронном виде. Да, казалось бы, процесс от подачи обращения до получения ответа по существу может проходить полностью online. Однако, с другой стороны, у прокуратуры остались еще функции, которые требуют анализа на предмет возможности переноса в online-формат.

В соответствии со ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор участвует в рассмотрении дел судами в соответствии с процессуальным законодательством, а при осуществлении уголовного преследования, прокурор в суде выступает в качестве государственного обвинителя. В эпоху пандемии COVID-19 суды вынуждены были переходить в online-режим работы, однако это существенно ухудшило качество осуществления правосудия в собственном смысле слова. Причина этому кроется в психологии человека: во время диалога, который происходит между живыми людьми, обмен происходит не только вербальными сигналами, т. е. речью или физическом контакте, но и невербальными, которые также влияют на восприятие информации людьми. Отсутствие возможности обмениваться невербальными сигналами во время рассмотрения дел посредством видео-конференц-связи влечет невозможность со стороны судьи объективно оценить показания обвиняемого и, возможно, оценить истинные мотивы, толкнувшие его на совершение преступления, что прямо отражается на размере и характере уголовного наказания. Следовательно, указанную функцию нельзя перевести в online-формат в полном объеме.

Другим не менее важным направлением в деятельности органов прокуратуры является осуществление надзора за исполнением федерального законодательства. Очень часто этот надзор сопряжен с проведением выездных проверочных мероприятий, во время которых прокурорские работники лично оценивают проверяемый объект и выявляют определенные нарушения. Напомним, что к прокурору невозможно применить примирительные процедуры [6. С. 198–203]. Данный вид деятельности просто физически невозможно осуществлять никаким образом, кроме как «вживую». Действительно, даже если абстрактно представить, что прокуратура поручит в режиме online продемонстрировать имеющиеся нарушения, при этом неважно, будет ли это видеоконференц-связь или фото-фиксация, большинство нарушений просто будут сокрыты недобросовестными работниками и эффективность проверочного мероприятия сведется к нулю. Из этого следует, что и данное направление невозможно осуществлять online.

Но все ли функции, действительно, не представляется возможным подвергнуть цифровизации? Для ответа на этот вопрос следует оценить еще одну функцию, указанную в статье 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Это направление заключается в координации деятельности по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и иных правоохранительных органов.

Для этого прокуратура использует самые разнообразные методы координирования, в том числе проведение межведомственных совещаний и издания совместных (межведомственных) нормативных актов. Именно для целей координации деятельности, цифровизация может помочь в повышении эффективности и способствовать улучшению качества реализации данной функции. На практике это может осуществляться путем проведения видеоконференций вместо проведения очных межведомственных совещаний, так как это значительно сократит время представителей разных ведомств, которые они вынуждены были затрачивать на прибытие к месту проведения совещания и возвращение обратно. Кроме того, цифровизация позволит ускорить издание межведомственных актов путем электронного документооборота. Так, согласование проекта издаваемого документа будет происходить значительно быстрее в связи с тем, что обмен происходит посредством цифровых технологий, что позволяет оперативно изучить проект документа и при необходимости внести поправки и также оперативно отправить на согласование в пределах нескольких часов. То есть осуществление данной функции прокуратуры значительно эффективнее происходит с цифровыми технологиями, что позволяет сделать вывод о положительных итогах в случае перевода в online-формат.

Таким образом, подводя общий итог вышеизложенному, сделав комплексный анализ различных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что всеобщая «цифровизация», развитие цифровых технологий может улучшить качество и скорость осуществления некоторых функций прокуратуры, однако в связи с особенностями, особым статусом и важностью задач, стоящих перед надзорным ведомством с определенной уверенностью можно сказать, что перевод работы рассматриваемого органа полностью в online невозможен и результаты цифровизации должны умеренно использоваться без стремления полного замещения ими классического режима работы.

Список литературы

1. О прокуратуре СССР: закон СССР от 30.11.1979 № 1162-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843 (утратил силу).
2. Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 16.09.2022).
3. Указ Петра I от 12.01.1722 об учреждении Российской прокуратуры.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
5. Шкурова П. Д. Электронный документ как средство доказывания в гражданском судопроизводстве // Традиции и новации в системе современного российского права: Сборник тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 6–7 апреля 2018 года. – Москва: Проспект, 2018. – С. 548–549.
6. Шкурова П. Д., Шеуджен А. А. К вопросу о соотношении примирительных процедур // Современная научная мысль. – 2020. – № 2. – С. 198–203.

Н. В Недорезков,

студент,

Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена общемировыми тенденциями цифровизации финансового рынка и новыми вызовами современной эпохи. Развитие финансового рынка с участием цифровых платформ, таких как маркетплейсы, ставит непростые вопросы в сфере конкурентной политики. Одной из стратегических задач Банка России является содействие цифровизации финансового рынка и экономики в целом. Внедрение и развитие финансовых технологий способствуют повышению доступности и качества финансовых услуг и сервисов для граждан и бизнеса, созданию конкурентной среды, а также оптимизации бизнес-процессов участников рынка.

Ключевые слова: конкуренция, цифровая экономика, антимонопольное регулирование, финансовый рынок, финансовый маркетплейс, конкурентное право, цифровизация

REGULATION OF FINANCIAL PLATFORMS AS ONE OF THE DIRECTIONS OF COMPETITION DEVELOPMENT IN THE DIGITAL ECONOMY ERA

Abstract. The relevance of the research topic is due to global: trends in digitalisation of the financial market and new challenges: Modern era. Development of the Financial Market with the participation of digital platforms such as marketplaces raises difficult questions in the field of competition policy. One of the strategic objectives. The Bank of Russia is to promote the digitalization of the Financial Market and the economy as a whole. The introduction and development of financial technologies contribute to improving the availability and quality of financial services and services for citizens and businesses, creating a competitive environment, as well as optimising business processes, market participants.

Keywords: Competition, Digital economy, Antitrust regulation, Financial market, financial marketplace. Competition law, Digitalization

Современная трансформация экономики диктует необходимость создания платформ во всех сегментах финансового рынка [8. С. 9–12]. Цифровые технологии проникают во все сферы экономики, изменяя существующие и формируя новые отношения между субъектами.

Цифровизация финансовых процессов, расширение возможности онлайн-коммуникаций, запрос потребителей финансовых услуг на удобство, простоту и скорость обслуживания создают объективные предпосылки для развития новых форматов продаж финансовых услуг в виде финансовых маркетплейсов [7. С. 86–98].

В Российской Федерации развитие финансовых маркетплейсов происходит не стихийно, данный процесс инициирован государством (Банком России), нормативно регламентирован и находится под государственным контролем.

В декабре 2017 г. Банк России анонсировал проект «Маркетплейс». Согласно «Основным направлениям развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» [4] (принятых Банком России в целях реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Правительством Российской Федерации в 2017 г.) проект «маркетплейс для финансовых услуг» рассматривается как один из необходимых элементов современной финансовой инфраструктуры.

Банк России определяет маркетплейс как онлайн-сервис, позволяющий гражданам приобретать финансовые продукты от разных организаций на одной платформе в круглосуточном режиме [3]. Одной из заявленных целей проекта «маркетплейс» является формирование предпосылок для развития конкуренции на финансовом рынке, оптимизация финансовых сервисов, появление, даже у небольших компаний, дополнительного канала привлечения клиентов.

При помощи финансового маркетплейса могут быть предоставлены услуги, касающиеся банковских вкладов, государственных и корпоративных облигаций, паевых инвестиционных фондов, страхования, кредитования и других финансовых продуктов. Каждый из участников рынка может предлагать свои продукты, предоставляя потребителю возможность сравнивать их на одной платформе [1. С. 29–36].

Инфраструктура системы основана на принципе «plug&play» (подключайся и играй), в нее включены следующие участники:

- финансовые платформы – информационные системы, обеспечивающие взаимодействие финансовых организаций с потребителями финансовых услуг посредством сети Интернет;
- поставщики финансовых продуктов и услуг – кредитные и страховые организации, управляющие компании паевых инвестиционных фондов, эмитенты облигаций;
- регистратор финансовых транзакций – реестр, в котором хранится юридически значимая информация, по всем сделкам, совершенным на платформах;
- сайты-агрегаторы – мобильные приложения, интернет-ресурсы, которые предоставляют клиенту возможность анализа и выбора финансовых продуктов по основным критериям.

Законодательной основой для регламентации деятельности финансовых маркетплейсов стал Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» [6]. Введенные указанным законом правила о гражданско-правовом статусе лиц, организующих деятельность платформ, имеют серьезные пробелы [2. С. 67–82].

Указанный федеральный закон предъявляет достаточно жесткие требования к финансовым платформам. В частности, все они должны соответствовать определенным критериям и обязательно быть включены в реестр Банка России. Реестр является публичным и содержится на сайте Банка России. В настоящее время в данный реестр включены 6 организаций [5].

Ведение реестра по своей сути является скрытой формой лицензирования и с одной стороны создает барьеры для доступа на этот рынок, ограничивает конкуренцию, с другой стороны, позволяет не допустить компании, не обладающие соответствующими компетенциями и ресурсами для предоставления качественных услуг.

В настоящее время в реестр включены только отечественные платформы, что позволяет минимизировать санкционные риски и является критически важным для обеспечения финансовой безопасности платежного цифрового рынка в условиях внешних ограничений.

Одной из самых заметных на рынке является внесенная первой в реестр (в августе 2020 г.) финансовая платформа ПАО «Московская биржа» – Финуслуги (www.finuslugi.ru).

По своей задумке платформа «Финуслуги» – классический финансовый маркетплейс, при помощи которого физические лица могут получить банковские, страховые и инвестиционные услуги различных компаний при помощи «одного окна», зарегистрировавшись на сайте при первом посещении.

К сожалению, официальная статистика работы платформы «Финуслуги» в открытом доступе не публикуется. Беглый анализ сайта www.finuslugi.ru говорит о большом потенциале для его развития. К примеру, по состоянию на 10 августа 2022 г., из более чем 325 банков, работающих на российском рынке, только в 12 банках можно открыть вклады при помощи платформы «Финуслуги», онлайн-кредит можно получить всего в двух банках, купить ценные бумаги одного эмитента. Представляется, что Банк России должен разработать меры экономического характера, стимулирующие финансовые компании предоставлять услуги при помощи маркетплейсов, одной из таких мер может стать снижение норм резервирования по операциям, совершенным через финансовые платформы.

Необходимо не только увеличивать количество продавцов услуг, но и расширять их перечень, не ограничиваясь только финансовыми услугами. К примеру, предоставлять не только возможность получить ипотеку, но и услуги по поиску объекта недвижимости, юридическому анализу правоустанавливающих документов, подписанию и регистрации сделки исключительно при помощи сети Интернет.

Определенным сдерживающим фактором для клиентов является необходимость проходить первичную личную идентификацию представителями финансовой платформы, которые вынуждены выезжать к каждому клиенту для сверки, фотографирования документов и т. п. Значительным импульсом в развитии финансовых маркетплейсов может послужить идентификация при помощи биометрии, ЕСИА (единой системы идентификации и аутентификации), либо разрешение кредитным организациям производить идентификацию клиентов финансовых платформ, в том числе при помощи таких сервисов как Сбер ID, Tinkoff ID.

Не может не обратить на себя внимание, что действующие финансовые платформы предоставляют услуги только физическим лицам, упуская такой важный сегмент для экономики как микро-, малый и средний бизнес.

Список источников

1. Батюк Б. В. Финансовый маркетплейс как инструмент цифрового перехода в экономике Российской Федерации // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2019. Т. 18, № 4. С. 29–36.
2. Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67–82.
3. Маркетплейс: Развитие финансовых технологий // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/fintech/market_place/ (дата обращения: 12.09.2022).
4. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84852/ON_FinTex_2017.pdf (дата обращения: 12.09.2022).
5. Реестр операторов финансовых платформ. URL: http://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_financial_platform_or.xlsx (дата обращения: 12.09.2022).
6. Российская газета. № 162. 24.07.2020. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2020/07/24.html?ysclid=1874q1ir8u949805885> (дата обращения: 12.09.2022).
7. Самиев П. А., Закирова, В. Р., Швандар Д. В. Экосистемы и маркетплейсы: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 5. С. 86–98.
8. Щербак Е. Н. Антимонопольное регулирование на рынке финансовых услуг // Конкурентное право. 2002. № 2. С. 9–12.

Н. Е. Ненашев,

студент,

Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Д. С. Явкин,

кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье освещается правовое воспитание молодежи в условиях усовершенствования мира. Сегодня передовые навыки не стоят на месте, а постоянно совершенствуются. Поэтому и наша молодежь сегодня идет в ногу со временем и мобильна. А следовательно, необходимо повышать уровень гипермобильности, развивать умение принимать серьезные решения, которые помогут улучшить условия существования.

Ключевые слова: воспитание, молодежь, цифра, право, мобильность, усовершенствование, время

LEGAL EDUCATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. The article highlights the legal education of young people in the conditions of improving the world. Today, advanced skills do not stand still, but are constantly being improved. Therefore, our youth today, no matter how fully keeps up with the times and is mobile. Therefore, it is necessary to increase the level of hypermobility, think and make serious decisions that will help improve living conditions.

Keywords: Upbringing, Youth, Figure, Law, Mobility, Improvement, Time

В наше время молодежь активно воспитывается в условиях цифровизации. Детей и подростков стараются приучить к дистанционному образованию, используя множество гаджетов; смартфоны, планшеты и персональные компьютеры. Многие учителя и преподаватели стараются использовать современные электронные устройства в процессе воспитания и обучения молодого поколения и прибегают к Интернету, чтобы получить нужную информацию для обучения.

Рассмотрим разные варианты воспитания молодежи в условиях цифровизации, учитывая ее положительные и отрицательные качества. С одной стороны, люди долго шли к процессу воспитания детей через цифровизацию. Ученые и специалисты, работающие в сфере информационных технологий, пытаются создать условия для облегчения воспитания детей через дистанционное образование. Многие вузы используют онлайн-курсы для получения образования, что дает возможность тем, кто находится на другой территории, получать знания дистанционно; существует много интересных платформ для обучения детей и подростков, которые дают возможность подрастающему поколению получать образование через Интернет. Многие психологи стараются использовать свой опыт воспитания детей через дистанционное образование, обучая их нормам морали и правилам поведения, развивая их навыки коммуникабельности. Учителя используют в педагогическом процессе тематические видеоролики. Все это возможно благодаря всевозможным гаджетам определенным информационным системам. Современные технологии стали неотъемлемой частью жизни молодежи.

Но есть и отрицательное влияние цифровизации на молодежь. Некоторые молодые люди перестали обучаться и полностью погрузились в виртуальный мир, тем самым перестав уделять внимание происходящему вокруг них, забывая об учебе, стали более агрессивными, зачастую забывая о развитии. При этом дети и подростки не всегда понимают, опасность некоторых гаджетов из-за излучения, которое очень вредно для молодого поколения и к тому же подвергает риску нервную систему растущего организма. Молодое поколение, не замечая того, насколько много времени находится в сфере цифровизации, отрицает тот факт, что при общении со своими сверстниками, родителями и другими людьми испытывают сложности при построении диалога, их речь нескладна и это мешает передаче информации. Дети стали «зомбироваться», погружаясь в сферу игр, забывая о том, что они теряют грань между реальным миром и виртуальным. Молодежь, отказываясь от живого общения, забывает об окружающей среде, о прогулках и хорошем времяпрепровождении и тем самым становится безразличным и безу-

частной к тому, что происходит вокруг. Подрастающее поколение становится более безответственным.

В заключение можем сказать о том, что цифровизация имеет и плюсы, и минусы в деле воспитания молодежи. Молодежь получает технические преимущества, которых не было у прошлого поколения, большие возможности для развития и получения новых навыков. Появляются совершенно новые системы воспитания и образования, что дает пользу как и ученику, так и учителю. Но при этом молодежь часто уходит из реального мира и погружается в мир виртуальный, не интересуясь происходящим вокруг. И это может иметь плохие последствия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.garant.ru/doc/constitution/> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 01.09.2022).

В. В. Нечкина,
студент,

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье описаны перспективы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Основываясь на имеющихся разработках использования цифровых технологий в Российской Федерации и существующем успешном опыте зарубежных стран, автором разработана и предложена модель информационного портала в качестве нового этапа цифровизации производства по уголовным делам. В рамках критического анализа уже применяемых цифровых технологий выделены положительные и отрицательные последствия их внедрения в реализацию уголовно-процессуальных процедур. Новизна научного материала, представленного в статье, состоит в формировании предложений по усовершенствованию информационного (виртуального) пространства в сфере производства по уголовным делам.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, электронное уголовное дело, информационный портал, технология блокчейн, цифровизация, уголовное судопроизводство

PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article describes the prospects for the introduction of digital technologies in criminal proceedings. Based on the existing developments in the use of digital technologies in the Russian Federation and the existing successful experience

of foreign countries, the author has developed and proposed an information portal model as a new stage of digitalization of criminal proceedings. Within the framework of a critical analysis of already used digital technologies, the positive and negative consequences of their introduction into the implementation of criminal procedural procedures are highlighted. The novelty of the scientific material presented in the article consists in the formation of proposals for improving the information (virtual) space in the field of criminal proceedings.

Keywords: Law, digital technologies, Electronic criminal case, Information portal, Blockchain technology, Digitalization, criminal proceedings, Criminal procedure

Современный этап развития человечества характеризуется активным внедрением достижений технического и информационного прогресса во многие сферы общественной деятельности, в том числе и в сферу права.

Цифровизация – мировой тренд, неизбежное и необходимое будущее для нашего государства, внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни общества для улучшения качества его функционирования. Процессы цифровизации обязательно должны затронуть сферу уголовного судопроизводства, потому что правоприменители ежедневно сталкиваются с серьезными проблемами в осуществлении правосудия, а именно:

- в практике встречаются уголовные дела с большим объемом материалов (многотомные), с которыми в бумажном варианте затруднительно работать и неудобно хранить, перемещать и совершать иные операции, в связи с чем, временной период расследования и разрешения уголовного дела зачастую превышает все допустимые сроки;

- правовое отставание Уголовно-процессуального кодекса от действительности (необходимы корректировки с учетом использования цифровых технологий, причем как при совершении преступлений, так и в ходе следственных действий, производимых в целях их расследования);

- удаленность многих населенных пунктов препятствует осуществлению правосудия традиционными методами;

О важности и необходимости соответствия мировым трендам на цифровизацию сформулирован ряд положений Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в тексте которого определены многие понятия, связанные с процессами цифровизации. Среди ряда задач, перечисленных в этом документе, мы хотим выделить обеспечение использования российскими информационными и коммуникационными технологиями в органах государственной власти, компаниях с государственным участием и органах местного самоуправления [1]. Внедрение цифровизации в уголовный процесс обеспечивает выполнение вышеуказанной цели.

К 2022 г. в системе уголовного судопроизводства уже образовался небольшой сегмент использования цифровых технологий. С 2011 г. получили свое признание видеоконференции для получения показаний в ходе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 240, ст. 189.1 УПК РФ). В 2015 г. был введен спо-

соб коммуникации с участниками судопроизводства через электронную почту (ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ). В 2016 г. в Уголовно-процессуальном кодексе появилась возможность подачи ходатайств, жалоб или заявлений в форме электронного документа, создаваемого посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в ИТС «Интернет» и подписанного электронной подписью (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ). В 2018 г. ввели автоматизированную информационную систему, которая учитывает загруженность каждого судьи, и исходя из этого определяет состав судей для рассмотрения каждого конкретного уголовного дела (ч. 1 ст. 30 УПК РФ). Также в период карантина COVID-19 вышло Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г., направленное на ограничение личных контактов, обязывало работников судов приостановить личный прием граждан, в том числе и рекомендовать подавать различные документы в электронном виде, а при наличии технических условий проводить рассмотрение дел с помощью систем видеоконференцсвязи [2].

Описанный нами опыт применения цифровых технологий положительно влияет на систему уголовного судопроизводства, его можно считать одним из предпосылок к более серьезному переходу к процедуре цифровизации уголовно-процессуальной деятельности.

По нашему мнению, все существующие достижения цифровизации, используемые в уголовном судопроизводстве необходимо объединить, разместив на одной виртуальной платформе.

Главными задачами такого информационного пространства могут стать:

- повышение эффективности в обеспечении доступности граждан к правосудию;
- упрощение доступа к информации, обеспечение более полного взаимодействия участников процесса;
- способствование улучшению качества работы правоохранительных органов;

Система «Электронное уголовное дело» – это специально созданное информационное (виртуальное) пространство, которое позволяет в оперативном режиме обращаться к материалам уголовных дел.

«Электронное уголовное дело» должно быть организовано по принципу социальной сети, используя технологию Blockchain, как обеспечение защиты персональных данных и информации от угрозы подделки. Для граждан должен быть предусмотрен свободный вход с обязательной регистрацией (можно использовать сайт Госуслуги), а участники уголовного судопроизводства и работники правоохранительных органов могут войти в сеть только по персональному приглашению (приглашение может выдавать должностное лицо, с назначением статуса приглашаемого (потерпевший, обвиняемый, защитник, тем самым определяя границы дозволенного в системе «ЭУД»). В целях принятия правовых мер обеспечения защиты пространства системы возможно введение в уголовное законодательство ответственности за направление приглашений для использования такого ресурса лицам, не причастным к конкретному уголовному производству.

После перехода по персональной ссылке или приглашению участник уголовного судопроизводства попадает на главную страницу портала, где размещена информация согласно его уровню доступа.

Мы предлагаем сделать 3 уровня доступа к информации и функциям портала, в зависимости от процессуальной функции лица в уголовном судопроизводстве:

Первый уровень доступа предназначен для рядовых пользователей, граждан (минимальный уровень доступа к функционалу и архиву, персональная ссылка для входа не требуется, кроме регистрации на портале «Госуслуги»). Главная функция этого уровня – электронная подача заявлений. На этом же этапе автоматически проходит регистрацию заявление о преступлении, после чего оно поступает к следователю, назначаемому автоматизированной информационной системой. Такой электронный порядок позволил бы существенно сократить сроки принятия заявления и исключить неравномерное распределение нагрузки следователям или дознавателям. На данном уровне пользователям будет доступен архив уголовных дел (по аналогии с сайтом Sudact.ru), нормативно-правовая база (по аналогии с справочно-правовой системой «Консультант+»), чат-бот, главная задача которого отвечать на типичные и часто задаваемые вопросы.

Второй уровень доступа предназначен для участников уголовного судопроизводства (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и т. д.) и предполагает возможность использования его ресурсов только при наличии персонального приглашения (ссылки, персонально предоставляемой лицом, в производстве которого находится уголовное дело). Используя ресурсы портала «Электронное уголовное дело», участники могли бы знакомиться с материалами «своего» производства (документами, фото, видео- и аудиоматериалами), отслеживать в режиме онлайн движение уголовного дела, подавать ходатайства и жалобы.

Специальный уровень доступа (2+) – участники уголовного судопроизводства, осуществляющие функции обвинения и защиты с использованием своих должностных или иных профессиональных полномочий (следователь, дознаватель, защитник, и т. п.). На данном уровне расширяется система доступа к большему количеству уголовных дел, чем на предыдущем уровне, появляется право на получение запроса из какого-либо учреждения, имеющего отношение к уголовному делу, находящемуся в производстве и иные функции, способствующие расследованию уголовного дела.

Третий уровень доступа предназначен для должностных лиц органов прокуратуры и суда, имеющих функцию надзора или контроля за деятельностью органов следствия и дознания.

Уголовное судопроизводство имеет свои особенности и при организации информационного пространства необходимо учитывать его специфику и обеспечить защищенность системы. Л. В. Бертовский в своей статье предлагает использовать систему Blockchain для защиты персональных данных и исключение фальсификации материалов уголовного дела. Система Blockchain – это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу [4. С. 227–228]. Проще изъясняясь, у каждого пользователя есть точная копия всего Blockchain, единого центра хранения нет, а шифрование обеспечивает синхронизацию информации на всех копиях. Процедура защиты от фальсификации материалов уголовного дела происходит путем сравнения у нескольких пользователей определенного блока информации (копии), и если они не идентичны, то Blockchain

найдет структурное несоответствие. Процедура имеет более сложное техническое описание, все выполняет компьютер, вдаваться в подробности не будем. Мы считаем, что на базе одной технологии блокчейн создавать выше описываемое информационное пространство нельзя, так как оно будет неудобно в использовании. Необходимо использовать совокупность цифровых технологий таких как:

- системы распределенного реестра (система Blockchain);
- технологии Big Data (большие данные);
- технологии искусственного интеллекта;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи (использование баз данных учреждений, проведение процессуальных действий онлайн).

Необходимо создать обособленное информационное (виртуальное) пространство наподобие социальной сети или отдельного приложения, которое сможет обеспечить безопасность и удобство использования. Стоит отметить, что цель создания такого пространства не вытеснение человека из процесса судопроизводства, а обеспечение условий, с помощью которых его работа в этой сфере оптимизируется.

Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство повлечет определенные последствия. Поэтому на этапе разработки технических и правовых механизмов их внедрения необходимо учитывать положительные и отрицательные стороны этого явления.

Самая главная проблема – это сложность в обеспечении информационной безопасности, вероятность раскрытия персональных данных, распространения коммерческой, служебной, профессиональной или государственной тайны. Угроза фальсификации материалов уголовного дела, электронная информация легко изменяема, что недопустимо в уголовном процессе. Выше мы упоминали технологию Blockchain, которая, на первый взгляд, справляется с решением названных проблем.

Следующая проблема в подготовке использования новых цифровых технологий связана с подбором кадров. Для того чтобы работать на предлагаемом нами информационном пространстве, необходима более серьезная подготовка, чем рядовой пользователь ПК. Возникнет необходимость переподготовки работников правоохранительных органов, что требует дополнительных временных и финансовых затрат. Кроме того, успешное внедрение таких технологий в уголовное судопроизводство неминуемо повлечет обновление учебных программ образовательных учреждений с введением в учебные планы дисциплин по изучению цифровых технологий и обучению работы с ними. Возвращаясь в теме финансового обеспечения, нельзя не учитывать, что для обеспечения бесперебойной работы возникнет необходимость в обновлении компьютерной техники, используемой правоохранительными органами, в функционал которых входит раскрытие, расследование преступлений и разрешение уголовных дел.

Положительных последствий от цифровизации уголовного судопроизводства намного больше. Сокращение срока рассмотрения дел, путем обеспечения быстрого взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства. Возможность доступа к правосудию отдаленных населенных пунктов, нетранспортабельных

граждан и иных участников судопроизводства, которые не могут присутствовать на судебном заседании. Использование компактного информационного носителя позволяет удобно хранить, пересылать, использовать материал уголовного дела. Также сокращаются временные расходы, исключается бумажная волокита, что способствует оптимизации процесса расследования уголовного дела. При грамотном обеспечении средств безопасности сокращается вероятность фальсификации, исправления или хищения материалов уголовного дела. Возможность использования технологий искусственного интеллекта позволит освободить сотрудников следствия, дознания, прокуратуры и суда от определенной части рутинной работы по систематизации данных, полученных при работе с материалами уголовных дел и повысить эффективность сбора и анализа данных.

Цифровое судопроизводство – это недалекое будущее, к которому необходимо подготовиться, используя положительный опыт зарубежных стран. Первопроходцем в изменении формата уголовного процесса по праву считаются Соединенные Штаты Америки, процесс формирования системы электронных документов начался еще в 1997 г. и сегодня представляет четко отработанный механизм. Электронная система осуществления правосудия Соединенных Штатов Америки основывается на двух самостоятельных разработках PACER и CM/ECF, где первая используется для обеспечения публичного доступа к электронным судебным записям, а вторая нужна для ведения дел и электронной подачи судебных документов. Электронные базы позволяют оперативно проводить проверку личности подозреваемого, по итогу которой можно узнать сведения о привлечении к административной и уголовной ответственности, что существенно упрощает работу органов предварительного расследования [5. С. 86–89].

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан за последние годы наполнилось элементами цифровизации. В 2017 г. был принят закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности», который изменил формат досудебного расследования и предоставил возможность электронной формы [3]. Законодатель закрепил право выбора того, в каком формате будет вестись уголовное дело – в электронном или бумажном варианте. Также как в США, в Казахстане создана информационная система «Единый реестр досудебных расследований», в рамках которого разработан модуль «Электронное уголовное дело», основная функция которого состоит в обеспечении документооборота в процессе расследования и хранения материалов дела.

В Российской Федерации проводить цифровизацию уголовного судопроизводства необходимо с учетом ее особенностей (обширные территории, разный уровень овладения компьютерными технологиями у населения и т. п.). Мы считаем, что можно опираться на опыт Республики Казахстан, на законодательном уровне ввести возможность оформления уголовного дела в электронном и бумажном формате. Выбрать несколько наиболее лояльных и подготовленных городов или даже субъектов для первичного внедрения электронного судопроизводства. Обязательно подготовить пакет документов о внесении изменений в соответствующие законы, чтобы законодательная база не отставала от действительности

и электронное судопроизводство имело законный и регламентированный характер. Спустя некоторое время использования системы электронного уголовного судопроизводства, необходимо проанализировать полученные результаты и при положительной динамике начать ее распространение в остальных субъектах РФ.

Таким образом, в Российской Федерации созданы условия для начала осуществления процесса цифровизации уголовного судопроизводства. Стоит понимать, что он не может быть одномоментным, эта процедура требует обдуманной стратегии, составления плана системного целостного подхода. Предложенный нами вариант информационного (виртуального) пространства сможет объединить многие функции на одной платформе. Граждане и сотрудники правоохранительных органов смогут работать на единой территории виртуального пространства в формате социальной сети; будучи пользователями самых разных социальных сетей, они смогут быстрее и проще адаптироваться на информационном портале «Электронное уголовное дело».

Безусловно, для того, чтобы грамотно внедрить и реализовать инновационные предложения в практическую деятельность правоохранительных органов, потребуется еще много материальных, временных, финансовых и интеллектуальных затрат со стороны общества и государства.

Список литературы

1. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32237082&ysclid=17xmk9kfyd326485588> (дата обращения: 10.09.2022).

2. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // База данных законодательства СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=102848&ysclid=17xm1gpm1991238645 (дата обращения: 12.09.22).

3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974/?ysclid=17xmhgfm3226409449 (дата обращения: 09.09.2022).

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 09.09.2022).

5. Шульгин Е. П. Зарубежный опыт деятельности органов, осуществляющих производство по уголовным делам в электронном формате // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 85–89. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 11.09.2022).

В. А. Осипова,

студент,

Ростовский филиал Российского государственного
университета правосудия

М. А. Шахназарян,

студент,

Ростовский филиал Российского государственного
университета правосудия

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВИРТУАЛЬНОСТЬ VS РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Развитие Интернета и расширение цифровой среды позволяет значительно расширить возможности человека в обучении, развитии, профессиональной деятельности, коммуникации, развлечении с одной стороны, а с другой, порождает новые риски и негативные явления от интернет-зависимости до цифровых преступлений. В статье предпринимается попытка анализа особенностей преступности несовершеннолетних в условиях реальной и виртуальной реальности. Рассматриваются качественные и количественные показатели преступности несовершеннолетних, факторы, влияющие на особенности совершения преступлений несовершеннолетними в условиях цифровой и реальной среды.

Ключевые слова: реальный мир, виртуальная реальность, преступность несовершеннолетних, статистические данные, показатели преступности, право

MINOR CRIME: VIRTUALITY VS REALITY

Abstract. The development of the Internet and the expansion of the digital environment can significantly expand a person's opportunities in learning, development, professional activities, communication, entertainment, on the one hand, and on the other hand, it gives rise to new risks and negative phenomena – from Internet addiction to digital crimes. The article attempts to analyze the features of juvenile delinquency in real and virtual reality. Qualitative and quantitative indicators of juvenile delinquency, factors affecting the specifics of the commission of crimes by minors in a digital and real environment are considered.

Keywords: Real world, Virtual reality, Juvenile delinquency, Statistical data, Crime rates, Law

Введение. Современный мир претерпел фундаментальные изменения: наряду с реальным миром, носящим как предметный, так и социальный характер, появилась совершенно новая среда – виртуальная, цифровая, в которой представлены все основные сферы человеческой деятельности: профессиональная, творческая, криминальная, политическая, коммуникативная, игровая и тому подобные, произошла мировая цифровая глобализация. В онлайн-пространстве представлены практически все социальные сферы: киберспорт, виртуальные банки и виртуальные деньги, онлайн-путешествия, всевозможные формы общения – чаты, форумы, виртуальные социальные сети. Не остался в стороне от глобальной цифровизации и криминальный мир: наряду с традиционными видами экономических преступлений и преступлений против личности, появились их аналоги в виртуальном

мире, а также преступления и правонарушения, специфичные именно для цифровой экономики и цифровых виртуальных сообществ.

Преступность как социальное явление существует столько же, сколько существует общество и право. Криминальное поведение несовершеннолетних всегда было в фокусе исследовательского интереса правоведов, криминологов, психологов, социологов, поскольку именно из рядов молодежи криминальный мир рекрутировал кадры, однако стремительное проникновение криминалитета в виртуальный мир привело как к переносу традиционных преступных деяний в цифровую среду, так и появлению совершенно новых девиантных и криминальных форм поведения несовершеннолетних в виртуальном мире: кибербуллинг, скулшутинг, распространение шок-контента, флейминг, троллинг, хейтинг, секстинг и другие, и данное явление требует своего научного осмысления и выработки соответствующих юридических мер противодействия.

Основная часть. Целью исследования является попытка проведения сравнительного анализа особенностей противоправного поведения несовершеннолетних в реальном и виртуальном мирах, причин и факторов, обуславливающих криминальное поведение молодежи, выделение общих и специфических черт и особенностей.

В современной специальной литературе представлен достаточно широкий спектр исследований, раскрывающих различные аспекты преступности несовершеннолетних в условиях реального мира, однако возникновение новой виртуальной социальной среды порождает новые криминологически значимые реалии [11, 31].

Обратимся к анализу состояния несовершеннолетней преступности за период 2011–2020 гг., попытаемся выявить факторы, влияющие на ее возникновение и развитие, а также характерные черты. По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации наблюдается тенденция к снижению количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними
за период 2011–2020 гг. [16]**

Годы	Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними	Темп прироста (к 2011 г.)	Темп прироста (цепной)
2011	65 963	-	-16,0 %
2012	64 270	-2,6 %	-2,6 %
2013	67 225	+1,9 %	+4,6 %
2014	59 549	-9,7 %	-11,4 %
2015	61 833	-6,3 %	+3,8 %
2016	53 736	-18,5 %	-13,1 %
2017	45 288	-31,3 %	-15,7 %
2018	43 553	-34,0 %	-3,8 %
2019	41 548	-37,0 %	-4,6 %
2020	37 771	-42,7 %	-9,1 %

Как видно из таблицы 1, на 42,7 % произошло сокращение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. В криминологической литературе отмечается следующая закономерность: увеличение среди населения доли подростково-юношеской когорты ведет к росту количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, существует и обратная связь – уменьшение численности несовершеннолетних ведет к снижению число совершаемых ими преступлений [5]. Однако для оценки динамики преступности более показательным является использование относительных показателей, таких, например, как коэффициент преступности, который учитывает, как количество совершенных преступлений, так и численность населения. Согласно показателю коэффициента преступности несовершеннолетних за последние годы (2011–2020), рассчитанного на 100 тыс. человек, существует устойчивая тенденция к снижению количества преступлений среди несовершеннолетних (рис. 1).

Вместе с тем необходимо помнить о том, что наряду с зарегистрированными преступлениями существует значительная часть преступлений, не вошедших в статистические данные. Многими исследователями отмечается высокий уровень латентности преступности несовершеннолетних, который более чем в 3 раза превышает официальные показатели [4]. При этом необходимо отметить, что наряду со снижением количественных показателей преступности несовершеннолетних происходит существенное изменение в качественных показателях. Так, по данным Генеральной Прокуратуры РФ, происходит увеличение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних (рис. 2).

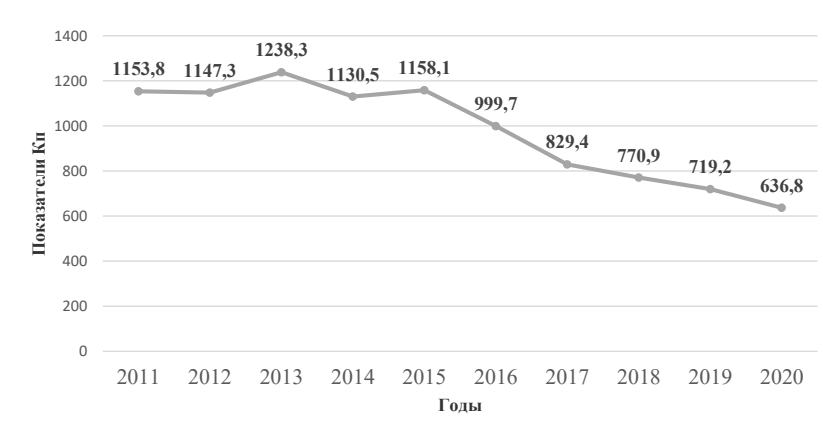

Рис. 1. Динамика коэффициента преступности несовершеннолетних [16]

К наиболее частым преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, относятся:

- преступления против собственности (по данным на 2020 г. – 78,6 % (11 557 чел.)), преступления, совершаемые из корыстных побуждений (угоны, кражи, мошенничество);

- преступления против здоровья населения и общественной нравственности (по данным на 2020 г. – 9,3 % (1 353 чел.));

– преступления насильственного характера (хулиганство, преступления против половой неприкосновенности (по данным на 2020 г. – 6 % (889 чел.)) [31].

Рис. 2. Структура преступности несовершеннолетних по степени тяжести в 2020 г. [30]

При этом исследователи отмечают специфические особенности корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, предметом краж чаще всего становятся автомобильные детали, малогабаритные гаджеты (планшеты, телефоны, наушники и т. д.), которые подростки оставляют себе или продают случайным гражданам [6]. В основе угона автомобилей лежат не корыстные мотивы, а желание повысить свой статус в глазах сверстников, автолихачество, что зачастую приводит к различного рода автотранспортным происшествиям [18].

Исследователями отмечаются различия в криминологических показателях преступности несовершеннолетних в мегаполисах и сельской местности: в сельской области выше уровень и больший объем преступности среди несовершеннолетних, чем в городах. Существуют и структурные различия: в городах выше удельный вес разбоев и грабежей, а в сельской местности выше удельный вес убийств, изнасилований и краж [26].

На уровень подростковой преступности оказывает влияние целый ряд факторов:

- социально-экономическое состояние государства;
- неопределенность перспектив развития общества;
- изменение этических норм и ценностей, общепринятой картины мира, истории и культуры;
- общая психологическая напряженность в обществе;
- имущественное неравенство, резкая поляризация доходов различных слоев населения;
- ограниченный доступ молодежи к высокооплачиваемой деятельности и социально-полезной деятельности [17, С. 104; 24, С. 137; 33, С. 3].

Преступления, совершаемые несовершеннолетними в реальной социальной среде, имеют ряд следующих характерных особенностей.

1. Импульсивность. В отличие от взрослых преступников, которые осуществляют преступное деяние после тщательной подготовки, подростки стремятся завладеть предметами, попавшими в их поле внимания спонтанно (витрина магазина, предметы в квартирах на первом этаже, ценные вещи и деньги у более слабых сверстников или у пожилых людей). При попытке завладеть понравившимся имуществом подростки могут проявлять особую жестокость, не придавая значения наличию камер наблюдения, свидетелей, используют подручные средства (выбивают и ломают окна, срывают замки и двери и т. п.) [19].

2. Групповой характер совершаемых преступлений. При этом группа может быть как однородной (по полу, возрасту, этнической принадлежности и т. п.), так и разнородной (включающей взрослых, как в качестве участников преступной группы, так и в качестве подстрекателей) [21]. При этом исследователи отмечают, что, «чем ниже возраст, тем больше преступлений совершается в составе группы несовершеннолетних» [31, С. 261].

3. Наличие связи с взрослой организованной преступностью. С одной стороны, подростки, в силу возрастных особенностей склонные к риску и при этом отличающиеся незрелостью суждений и отсутствием жизненного опыта, легко поддаются влиянию взрослых криминальных личностей, а с другой стороны, организованные преступные группы используют несовершеннолетних, не обладающих признаками субъекта преступления в качестве исполнителей для передачи запрещенных предметов («бесконтактные сбытчики»).

В современных условиях глобализации и цифровизации практически всех сторон жизни современного общества, преступления, совершаемые несовершеннолетними, изменяют свою социальную окраску вслед за изменением технологических тенденций.

Цифровые технологии кардинально изменили современный мир, они присутствуют практически во всех сферах социальной жизни человека: профессиональной деятельности, финансовой сфере, сфер услуг и купли-продажи, досуге, обучении, правоохранительной деятельности и др. Цифровые технологии породили особую среду – виртуальный мир, виртуальную реальность, которая постоянно развивается и видоизменяется, поэтому в гуманитарных и технологических изданиях она трактуется по-разному. Если для гуманитарных исследователей виртуальная реальность – это «технически конструируемая при помощи компьютерных средств интерактивная среда» [29, С. 191], то в технических интернет-изданиях это «созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие» [27].

Но при этом необходимо отметить, что виртуальная среда позволяет людям взаимодействовать в более разнообразных формах, чем в реальном мире. Если в реальном мире люди общаются в реальном времени (несмотря на разницу в часовых поясах, например) и могут по тембру голоса, интонациям, визуальному контакту определить пол, возраст и другие особенности партнера по общению, то в виртуальном мире человека представляет аватар (картинка, образ или трехмерное графическое изображение пользователя), который может как

отражать внешний вид и особенности пользователя, так и совершенно отличаться от истинного автора посланий. Такая анонимность пользователя позволяет совершать целый спектр преступлений – от клеветы до доведения до самоубийства и призывов к осуществлению террористической деятельности [13, 32].

Подростки проводят в виртуальной среде значительное количество времени. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения 89 % несовершеннолетних ежедневно находятся в социальных сетях и проводят там от 2 часов и более; только 31 % из опрошенных подростков в возрасте от 14 до 17 лет находится в интернет-пространстве менее 4 часов, а 67 % проводят в виртуальном пространстве свыше 4 часов ежедневно [22]. Постоянно увеличивается количество несовершеннолетних, проводящих в сети Интернет свыше 9 часов в день [28].

И такое «погружение» несовершеннолетних в виртуальный мир представляет определенную опасность, как для них самих (формирование интернет-зависимости, отчужденность от реального мира, проблемы со здоровьем и т. п.), так и для окружающих и общества в целом. Одной из актуальных проблем, связанных с присутствием подростков в виртуальном мире, является преступное поведение несовершеннолетних в виртуальной среде.

Преступления в виртуальном мире обозначают термином «киберпреступность», при этом необходимо отметить, что в настоящее время понятие «киберпреступность» не закреплено, как в законодательстве Российской Федерации, так и в международных правовых документах [23]. Исследователями выделяется «чистая киберпреступность» (как преступления против компьютеров и информационных систем с целью несанкционированного доступа к устройству) и преступность, перешедшая в виртуальное пространство из традиционных видов преступлений [14].

К преступлениям, совершаемым подростками в сети Интернет, относятся:

- кражи с банковских карт;
- мошенничество на электронных площадках и в социальных сетях;
- скам (мошенничество на сайтах купли-продажи имущества) [3];
- взлом чужих аккаунтов в различных социальных сетях;
- хактивизм;
- создание и использование ботнетов;
- совершение кибератак;
- кибернаемничество (кибератаки, совершаемые по найму);
- оплата товаров и услуг в онлайн-играх чужими банковскими картами;
- получение неправомерного доступа к охраняемой законом информации;
- создание, использование и распространение вредоносных программ;
- нарушение авторских, смежных, изобретательских, патентных прав;
- публикация на профилях страниц в социальных сетях информации, которая публично оправдывает терроризм или экстремистскую деятельность;
- получение несанкционированного доступа к различным игровым ресурсам;
- кибертравля [10].

Несмотря на то, что вопросы, касающиеся особенностей преступности несовершеннолетних в цифровой среде, являются для Российской Федерации мало-

исследованными, тем не менее, в работах некоторых авторов предпринимаются попытки выделения ряда факторов, способствующих совершению преступлений в виртуальной сети:

- анонимность и отсутствие непосредственного контакта с партнером по взаимодействию. Возможность скрывать свою личность за никнеймом, аватаром, использование нескольких аккаунтов с разными никнеймами позволяет преступнику выдавать себя за другого человека и использовать весьма широкий набор форм мошенничества, скрываться от правоохранителей, что порождает у несовершеннолетних чувство безнаказанности и вседозволенности;

- наличие темного интернета (Даркнет и др.), позволяющего скрывать как личность пользователя, местоположение, так содержание передаваемых данных, что весьма затрудняет уголовно-процессуальное производство, а в ряде случаев делает его невозможным [14];

- широкий охват различной аудитории;

- транснациональный характер преступности. При этом преступник может находиться на территории одного государства, жертва – на территории другого, а само преступление – на интернет-площадке, принадлежащей или находящейся на территории третьего государства. Это обстоятельство порождает целый ряд трудностей юридического характера [15];

- постоянное совершенствование новых технологий и рост разнообразных социальных платформ [1];

- постоянный рост числа пользователей, погруженных в виртуальную среду [9];

- высокий уровень геймификации криминального контента, переход преступных деяний из виртуальной среды в реальную (например, деятельность преступных групп «Синий кит», «Красная Сова» которые доводили подростков до суицидов посредством многоуровневой игры); значительное количество компьютерных игр, героизирующих и моделирующих преступную деятельность, приводят к тому, что у подростков происходит смешение виртуального и реального миров, стирается грань между ними и в результате отрыва от реальности несовершеннолетние реализуют в социальном мире преступные действия под влиянием сценариев компьютерных игр [14];

- появление и деятельность «криминальных айтишников», в их рядах – значительное количество несовершеннолетних, которые, имея высокие технологические способности и навыки, не имеют высокой социальной востребованности и соответствующей оплаты [8];

- период пандемии: в период изоляции были закрыты образовательные учреждения, места досуга, резко ограничилось личные контакты. Изоляция несовершеннолетних в семейном кругу, финансовая нестабильность, ситуация страха и неопределенности привели к резкому увеличению социальных контактов в виртуальной сети (одновременно с ростом как виртуального, так и реального насилия) [36];

- низкий уровень правовой культуры и правового самосознания [25];

- отставание норм уголовного права от стремительно меняющейся социальной действительности (все более широкое проникновение цифровизации во все

стороны социальной жизни, наличие в социальных сетях огромного контента, пропагандирующего различные виды противоправного поведения: потребление и распространение наркосодержащих препаратов, пропаганда насилия, самоубийств, порнографии, героизация воровской жизни, пропаганда экстремистских и террористических взглядов и т. д.), отсутствие в современном российском законодательстве норм, предусматривающих ответственность за некоторые виды киберпреступлений (например, спам-атаки или фишинг) [2].

Специфические черты преступности несовершеннолетних в виртуальном пространстве:

- примитивность, отсутствие подготовительных действий и действий по сокрытию преступлений [7];
- высокий уровень групповых преступлений [20];
- легкость попадания в зависимость от взрослых манипуляторов, смещение реальной и виртуальной сфер за счет высокого уровня геймификации [34, 35];
- смена позиции «преступник – жертва» (в ситуации кибербуллинга в 50 % случаев подросток попеременно выступает то в роли кибербуллера, то в роли жертвы кибербуллинга, при этом нередко кибербуллинг является продолжением буллинга в реальности; крайним выражением такой ситуации является избиение подростка сверстниками с одновременной видеофиксацией и последующем распространением в социальных сетях (happyslapping)) [12].

В статистических данных Генеральной прокуратуры РФ представлены сведения о росте киберпреступности за последние 4 года с 1,5 до 25 % (т. е. в 11 раз) (рис. 3). Данные о доле киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними, отдельно не представлены.

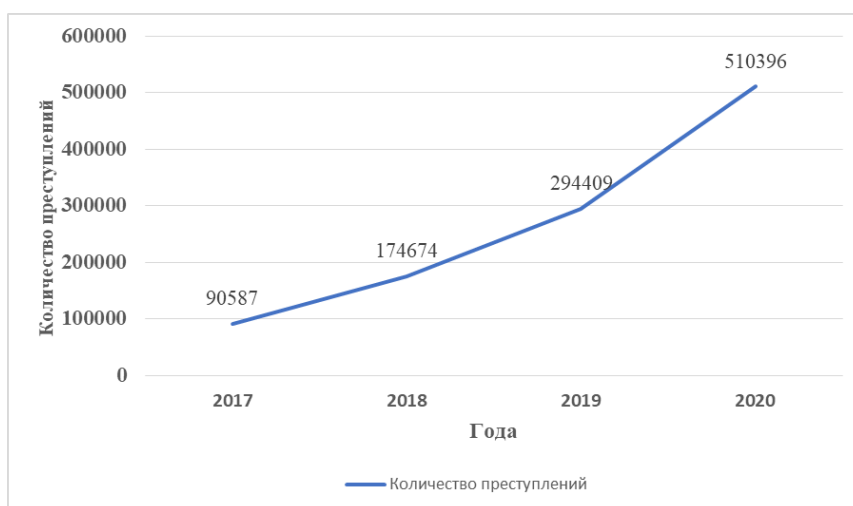

Рис. 3. Динамика преступлений, совершенных в киберпространстве за период 2017–2020 гг.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

1. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в реальной социальной среде, неуклонно снижается при значительном уровне латентности, в то время как количество виртуальных преступлений год от года резко повышается.

2. В структуре преступлений несовершеннолетних, совершенных в реальном социуме, доминируют тяжкие и особо тяжкие преступления, а также корыстные преступления. В структуре преступлений, совершенных несовершеннолетними в виртуальной среде, доминируют киберпреступления и преступления корыстного и насильственного характера.

3. Для преступлений, совершаемых несовершеннолетними в реальном мире, характерным является узость сферы корыстных посягательств и преимущественно корыстно-насильственная направленность деяний, в то время как в виртуальной среде представлен весь спектр преступлений и существуют специфические виды киберпреступлений, отсутствующие в реальном мире.

4. Можно выделить преступления, совершаемые несовершеннолетними, которые характерны только для реального мира (изнасилования, угон автомобиля и т. п.), и преступления, совершаемые несовершеннолетними, характерные только для виртуальной среды (фишинг, спам-атаки, хакерство), а также преступность, перешедшую в виртуальное пространство из традиционных видов преступлений (кибермошенничество, кибертерроризм, торговля наркотиками, кибербуллинг и т. п.). Интернет-пространство представляет собой весьма специфическую форму человеческого существования, в которой практически отсутствуют границы распространения информации, нет общепринятых норм поведения, слабо регламентированы последствия взаимодействий, существуют значительные трудности в юридической квалификации преступных деяний. Преступное поведение несовершеннолетних в виртуальном мире еще требует своего исследования и осмысления. Анализ преступности несовершеннолетних важен для любого общества, так как состояние преступности несовершеннолетних, причин и факторов, оказывающих влияние на его динамику и структуру, характеризует уровень развития общества.

Список литературы

1. Агаркова А. А., Сеницына В. А. Киберпреступность в современной России // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. № 5. 3 (56). С. 13–16.
2. Агеев Н. В., Усова В. В. К вопросу о физическом и психическом насилии как способе совершения преступления // *ЭПОМЕН*. 2019. № 28. С. 10–15.
3. Андреева О. И. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 446 с.
4. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // *Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция*. 2018. № 2. С. 87–97.
5. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. Москва: Юристъ, 2006. 381 с.
6. Беляйкина А. И., Анощенкова С. В. Особенности личности несовершеннолетнего преступника, совершающего корыстные преступления // *Апробация*. 2015. № 34. С. 73–75.

7. Головкин Р. Б., Голубева К. С., Калач Е. В., Зыбин П. Д. Теоретико-правовые проблемы преступности несовершеннолетних в цифровом пространстве // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2020. С. 152–156.
8. Готчина Л. В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Российский девиантологический журнал. 2021. С. 304–313.
9. Гундериц Г. А. Состояние киберпреступности // Научный вестник Крыма. – 2018. № 4 (15). С. 1–9.
10. Давлетшина А. С. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 248–250. URL: <https://moluch.ru/archive/418/92809/> (дата обращения: 18.08.2022).
11. Демидова-Петрова Е. В. Исследование преступности и несовершеннолетних в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1. 2021. С. 4–16.
12. Дозорцева Е. Г., Кирюхина Д. В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1. С. 80–87.
13. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. С. 161–169.
14. Ивасюк О. Н. Криминологические особенности киберпреступности, направленной против несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. С. 73–77.
15. Клевцов К. К. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, за рубежом / Российский следователь. 2018. № 1. С. 23–26.
16. Кузьмина Я. К. Характеристика основных криминологических показателей преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Аллея Науки. 2021. № 9. С. 475–484.
17. Мальцева Л. В. Преступность среди несовершеннолетних и ее предупреждение // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 102–105.
18. Михайлова Н. В. Особенности личности несовершеннолетнего преступника, совершившего корыстное преступление // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 7. С. 142–149.
19. Мурзак Е. С. Преступность несовершеннолетних. Психологические особенности поведения несовершеннолетних преступников // Профессиональное образование и общество. 2017. № 22. С. 285–294.
20. Пашкина К. В. Преступность несовершеннолетних как одна из важнейших проблем современного общества // Студенческий электронный научный журнал. – 2017. № 4 (4). С. 73–76.
21. Писаревская Е. А. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 1–5.
22. Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 6 марта 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical->

reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti-?ysclid=184hflls6j154590810 (дата обращения: 10.09.2022).

23. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/mezhdunarodnaa-informacionnaabezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3025418 (дата обращения: 25.08.2022).

24. Рыжова О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2020. С. 131–143.

25. Салахова В. Б., Лобжанидзе А. А., Гончарова Е. М. Географические факторы динамики преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 111–115.

26. Сапронова Н. А. Преступность несовершеннолетних в сельской местности и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08; Том. гос. ун-т. – Томск, 2011. – С. 15.

27. Скрыльникова А. Все, что нужно знать про VR/AR-технологии // RB.RU. 28 июня 2017. URL: <https://rb.ru/story/vsyo-o-vr-ar/?ysclid=184qkbyjer66285326> (дата обращения: 10.09.2022).

28. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренева А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учеб.-метод. пособие. – Москва: Когито-Центр, 2019. 176 с.

29. Солодкина Е. А. К определению понятия «виртуальная реальность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2004. № 1. С. 189–196.

30. Статистическая форма 4-ЕГС «Сведения о лицах, совершивших преступления» // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 29.08.2022).

31. Шайкова М. В. Теоретико-методологический подход к современному состоянию преступности несовершеннолетних // ЭПОМЕН. 2021. С. 256–273.

32. Шарапов Р. Д., Дидрих М. П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 81–90.

33. Яковчук В. Н. Инновационные технологии профилактической деятельности негативных явлений среди детей и подростков // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 10 (10). С. 54–60.

34. Abdullah M., Shaikh Z. A. An effective virtual reality based Remedy for acrophobia // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. – 2018. 9 (6). Pp. 162–167.

35. Hvass J., Larsen O., Vendelbo K. Visual realism and presence in a virtual reality game // 3DTV-Conference 2017. Jun, 2018. Pp. 1–4.

36. Leslie E. & Wilson R. (2020). Sheltering in place and domestic violence: Evidence from calls for service during COVID-19 // Journal of Public Economics, 189. URL: <https://DOI.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104241> (дата обращения: 29.08.2022).

А. П. Павлов,
студент,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ В ПОЛУЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье проводится анализ судебной практики по делам о взяточничестве за предоставление персональных данных умерших граждан, который позволил выявить проблемы, связанные с получением доказательств, основанных на цифровых следах. По данной категории дел преступники пользуются мессенджерами и мобильными банковскими программами. В данной статье приводятся основные проблемы, которые возникают в связи с их использованием, а именно проблема противодействия преступников при ведении переписки через интернет-мессенджер и пути его преодоления, проблема изъятия электронных носителей информации, а также решение вопроса о необходимости получения судебного решения на проведение осмотра мобильных устройств.

Ключевые слова: осмотр, получение доказательств, цифровые следы, взятка, ритуальные услуги, персональные данные, мессенджеры, судебное решение

PROBLEMS GETTING EVIDENCE ON DIGITAL FOOTPRINTS IN RITUAL SERVICES BRIBERY CASES

Abstract. The article analyzes the judicial practice in cases of bribery for the provision of personal data of deceased citizens, which made it possible to identify problems associated with obtaining evidence based on digital traces. In this category of cases, criminals use instant messengers and mobile banking programs. This article presents the main problems that arise in connection with their use, namely the problem of countering criminals in the conduct of correspondence through the Internet messenger and ways to overcome it, the problem of seizure of electronic media, as well as the solution of the issue of the need to obtain a court decision to conduct an inspection mobile devices.

Keywords: Checkup, obtaining evidence, Digital traces, Bribe, Funeral services, Personal data, Messengers, Court decision

В условиях быстро развивающихся информационных технологий их внедрение в различные сферы общественных отношений стало обыденным. Цифровизация повлияла на появление новых способов совершения преступления, требующих формирования современных подходов к расследованию преступлений, а также способов получения доказательств. В этой связи представляется важным выделить некоторые проблемы, возникающие в процессе получения доказательств по цифровым следам на примере уголовных дел о взяточничестве в сфере ритуальных услуг.

Под незаконными действиями по разглашению персональных данных умерших граждан в настоящей статье подразумеваются такие действия сотрудников полиции (как правило, оперативных дежурных и участковых уполномоченных)

по незаконному предоставлению ритуальным агентам персональных сведений об умерших гражданах для целей заключения договоров об оказании ритуальных услуг с родственниками усопших.

Так, в ходе изучения приговоров по данной категории дел прослеживается тенденция, согласно которой, если раньше передача вышеуказанных персональных сведений совершалась преимущественно посредством сотовой связи – при помощи СМС сообщений [7. С. 1], либо телефонных звонков [8. С. 1], то в настоящее время все чаще вышеуказанные сотрудники органов внутренних дел осуществляют передачу данных посредством мессенджеров – программ для обмена сообщениями в реальном времени через Интернет. Наиболее часто в судебной практике встречаются случаи использования мессенджера WhatsApp [9. С. 1].

Порядок получения сведений об СМС-сообщениях и о телефонных переговорах в ходе расследования уголовного дела современных условиях не является затруднительным: следователю необходимо обратиться с ходатайством в суд для получения разрешения на получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, либо контроля и записи переговоров, соответственно. Указанный порядок зафиксирован в ст. 185, 186.1 УПК РФ.

В случае же получения сведений об вышеуказанных фактах разглашения персональных данных через интернет-мессенджеры могут возникнуть проблемные ситуации: телефоны преступников, на которых была произведена авторизация, могут быть уничтожены, данные переписок могут быть удалены, а мессенджеры могут быть зарубежными, т. е. принадлежать иностранным компаниям.

Практика следственных органов показывает, что на запросы в иностранные компании, например Meta (Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией, а ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена) не отвечает. Также существует большое количество мессенджеров с так называемой системой end to end или «сквозным шифрованием», где только пользователи, участвующие в общении, имеют доступ к сообщениям.

Существуют и мессенджеры с функцией автоматического удаления сообщения после прочтения. В таком случае единственным возможным вариантом получения сведений, если они не были еще полностью удалены, является получение мобильного устройства либо взяткодателя (агента ритуальных услуг), либо взяткополучателя (сотрудника полиции). По данной категории дел возможен вариант склонения взяткодателя к сотрудничеству. Как показывает практика, часто похоронные агенты выступают в качестве свидетеля по уголовному делу.

Существует также процессуальная проблема, связанная с изъятием электронных носителей информации. Ст. 164.1 УПК РФ предусмотрено обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации. Мы согласны с мнением Е. Р. Россинской и Т. А. Саакова [11. С. 111] о том, что для непосредственного изъятия мобильного устройства обязательное участие специалиста не является оправданным, поскольку его может провести следователь без утери каких-либо данных, такое изъятие не может требовать специальных знаний. Участие соответствующего специалиста по изъятию электронных носителей информации при осмотре места происшествия может быть затруднительно.

При получении мобильного устройства хотя бы одного из преступников для получения сведений, могущих иметь доказательственное значение для дела, необходимо произвести его осмотр. Данный осмотр лучше производить с участием специалиста, поскольку не всегда следователь может обладать достаточным уровнем знаний для его проведения. Например, когда для осмотра необходимо использовать аппаратно-программные комплексы, такие как «Мобильный криминалист». По делам о взяточничестве, совершаемым сотрудниками полиции в сфере ритуальных услуг, как уже говорилось ранее, наиболее популярным мессенджером для предоставления персональных данных умерших граждан является WhatsApp. При осмотре мобильных устройств преступников в данном мессенджере необходимо обратить внимание на настройки приложения, а именно на функцию «резервного копирования». С помощью нее возможно восстановить удаленные пользователем данные, если они были сохранены с помощью данной функции, что может способствовать получению информации о незаконном разглашении персональных данных умерших. Для ее активирования необходимо удалить приложение и повторно авторизоваться, тогда приложение активирует «резервное копирование» переписок.

В ходе осмотра мобильных устройств может возникнуть возможность просмотра банковских операций на счетах взяткодателя и взяткополучателя. Все чаще встречаются случаи совершения переводов взяток путем использования таких мобильных банковских приложений, как «Сбербанк Онлайн» [10. С. 1]. В этой связи представляется актуальной дискуссия, связанная с получением судебного разрешения на просмотр мобильных устройств, так как в них зачастую содержится та или иная охраняемая законом тайна [5. С. 376–379].

УПК РФ не предусматривает порядок получения судебного разрешения на данное следственное действие. Конституционный Суд Российской Федерации [6. С. 1] по данному вопросу имеет позицию, согласно которой «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения».

В связи с этим возникает вопрос: «Будет ли считаться нарушением конституционных прав граждан получение информации о банковских переводах ритуальных агентов сотрудникам полиции взяток через мобильную банковскую программу?»

Так, при рассмотрении жалобы адвоката в интересах потерпевшего на действия следователя по производству выемки и осмотра телефона, в том числе электронных текстовых сообщений, судебная коллегия нашла постановление суда первой инстанции подлежащим отмене. При этом свое решение суд мотивирует тем, что в отсутствие в главе 25 УПК РФ прямого закрепления обязанности следователя получать судебное разрешение на осмотр электронной переписки эта обязанность вытекает из других норм уголовно-процессуального закона. По мнению суда, осмотр личной переписки, содержащейся в мобильном телефоне одного из участников судопроизводства с учетом природы и степени вмешательства факти-

чески идентичен осмотру почтово-телеграфных отправок либо телеграмм, для которого ст. 185 УПК РФ предусмотрена необходимость вынесения судебного решения [4. С. 1]. Между тем, учитывая наименование ст. 185 УПК РФ, а также положения ч. ч. 1–6, можем предположить, что осмотру следователем должны подвергаться электронные сообщения, накапливаемые серверами операторов связи и провайдеров [3. С. 11–14].

Сторонники же второго подхода, утверждают, что получение судебного решения является необходимостью для защиты конституционных прав владельца мобильного устройства. Такого подхода придерживается, например, В. В. Бычков [1. С. 10–13]. Мы согласны со вторым подходом, потому что без судебного решения существует риск появления практики признания доказательств, полученных в ходе осмотра, недопустимыми вследствие нарушения конституционных прав гражданина на тайну переписки, банковскую тайну и др.

Подводя итог, хочется отметить, что процесс получения доказательств на основе цифровых данных является сложным и проблемным по целому ряду причин. Среди них особенно важными, по нашему мнению, являются: не всегда быстрая и эффективная адаптация законодательства под стремительно меняющуюся обстановку в цифровой среде, постоянные появления новых способов совершения преступления, а также способов противодействия расследованию.

Список литературы

1. Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24. С. 10–13.
2. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28–32.
3. Ефремова О. М. Некоторые проблемы проведения отдельных следственных действий, в ходе которых следователем используется компьютерная информация // Российский следователь № 12. 2019. С. 11–14.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 24 мая 2012 г. по делу № 22К-2225/2012. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3O7EjaCoohZr/> (дата обращения: 15.09.2022)
5. Лебедева А. А. Расследование киберпреступлений следователями СК России // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 376–379.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Приговор № 1–152/2017 Заводского районного суда г. Кемерово от 13 февраля 2017 г. по делу № 1–152/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1adJnLemZUdq/> (дата обращения: 14.09.2022).

8. Приговор № 1–162/12 Чусовского городского суда Пермского края от 19 июня 2012 г. по делу № 1–162/12 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2AroGyoI1aHc/> (дата обращения: 14.09.2022).

9. Приговор № 1–373/2020 Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 6 июля 2020 г. по делу № 1–373/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/36qGvzTf80ol/> (дата обращения: 15.09.2022).

10. Приговор № 1–439/2019 Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 27 мая 2020 г. по делу № 1–439/2019 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5w1bXYMWarN8/> (дата обращения: 15.09.2022).

11. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 111.

М. Б. Палачева,

магистр права,

Ташкентский государственный юридический университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОДНА ИЗ МНОГИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье исследованы теоретико-правовые особенности цифровых технологий и прав, которые являются объектами законодательных гарантий прав человека. Основной целью исследования является обоснование в качестве составного элемента законодательных гарантий прав человека цифровых технологий. Проведенное исследование показало, насколько тесно связаны цифровые технологии с жизнью современного человека, что цифровые технологии становятся содержанием многих законодательных гарантий прав человека и его возможностей. Также выделены некоторые актуальные проблемы, решение которых может существенным образом дополнить социальный статус человека, прежде всего как цифровой личности.

Ключевые слова: права человека, гарантии, цифровые технологии, цифровые права, личность, двойник, интересы, общественные отношения

DIGITAL TECHNOLOGIES AS ONE OF THE MANY LEGISLATIVE GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS

Abstract: This scientific article examines the theoretical and legal features of digital technologies and digital rights, which are the objects of legislative guarantees of human rights. The main purpose of the study was the need to briefly highlight the importance

and versatility of the use of digital technologies in human life, and therefore it would be reasonable to consider them an integral element of legislative guarantees of human rights. The research conducted by the author showed how closely digital technologies are connected with the life of a modern person, that digital technologies become the content of many legislative guarantees of human rights and its capabilities. The author also highlighted some urgent problems, the solution of which can significantly complement the social status of a person, primarily as a digital personality.

Keywords: Human rights, Guarantees, Digital technologies, Digital rights, Personality, Double, Interests, Public relations

Введение. Актуальность исследования состоит в том, что деятельность современного человека связана с применением цифровых технологий, а их правовая регламентация и расширение возможностей по их применению не всегда зависят только от человека, сколько и от государства тоже. Ввиду этого возрастает практическая ценность правового регулирования применения цифровых технологий, как составной части многих законодательных гарантий прав человека. Для исследователей же данный вопрос имеет научный интерес, сопровождается постоянным изучением тенденций практики применения цифровых технологий в различных сферах жизни человека и общества в целом.

Основная часть. Законодательные гарантии прав человека и гражданина в цифровой среде – это совокупность условий правового, экономического, социально-культурного, политического характера, которые содействуют реализации прав человека во многих их проявлениях. Они приобретают ярко выраженный междисциплинарный, международно-правовой характер. Тема прав человека в общем смысле, как и цифровых прав человека, сфера их действий не ограничена одной отраслью знания, она не знает пространственных границ и связана с вопросами охраны, защиты личности, экономического взаимодействия государств, научно-технического прогресса, образования [1. С. 3], культуры и других сторон жизнедеятельности мирового сообщества.

Реализация интересов в цифровой среде невозможна без применения цифровых технологий. Соответственно, надо отметить, что цифровые технологии, которые специалисты также называют инновационными, определяют потребности развития современного гражданско-правового регулирования, так как они связаны с такими действиями, как использование цифровых объектов, технологических платформ, новых видов цифровых услуг, соблюдение новых правил по имущественному обороту [3].

На данный момент, с учетом активного применения цифровых технологий, невозможно представить современную личность и ее положение в обществе без развития в стране цифровых услуг, как государственного, так и частного сектора.

Возможности граждан в части реализации их цифровых прав многогранны, поэтому мы рассмотрим наиболее очевидные и применимые проявления цифровых технологий в общественных отношениях.

Одним из наиболее приоритетных аспектов перехода Республики Узбекистан к цифровой экономике является цифровизация общественных отношений и государственного управления. Предполагается, что повышение уровня цифровизации

государства позволит обеспечить высокий уровень качества государственного управления как в целом, так и в его отдельных полномочиях при реализации государственных функций. Система управления при этом становится более прозрачной, доступной и интерактивной, где информация свободно передается как правительству, так и от него по множеству цифровых каналов. Государственным служащим для принятия решения с помощью ряда эффективных и доступных каналов необходимо быстро реагировать на потребности, идеи и приоритеты граждан и внешних органов. Между тем, все члены гражданского общества имеют легкий доступ к услугам и информации [4].

Как правильно отметил Т. Vovaird, «внедрение электронного правительства создает условия для трансформации работы правительства, которое прибегает к методам, традиционно используемым в электронной коммерции» [5. С. 19]. Ввиду этого цифровые технологии применяются не только в экономических отношениях, но и в государственно-правовых, распорядительных и административных правоотношениях, благодаря чему приобрели яркий междисциплинарный характер. Действующее законодательство любого государства, в том числе и Республики Узбекистан подробно регламентирует право гражданина направлять в органы государственной власти, любым должностным лицам предложения, заявления и жалобы в форме электронного документа, а также запрашивать информацию в виде электронного документа о деятельности органов государственной власти и их должностных лицах. Таким образом, применение информационных технологий способствует более эффективному решению проблем в сфере публичных услуг посредством повышения доверия к власти, снижения бюджетных расходов, ускорения обработки и передачи информации [6. С. 18]. Есть смысл отметить, что такие элементы электронной демократии, такие как электронное голосование, электронные петиции, цифровизация политических партий и иных общественных формирований и тому подобные, обеспечивают сетевое взаимодействие общества и государства, оптимальную связь органов власти с гражданами. При этом сами органы управления, становясь открытыми для населения, меняют формы деятельности самого государства. Современная правоприменительная практика также способствует появлению новых прав личности в связи с повышением социальной роли информации и развития информационных технологий, что выражается в трансформации правового статуса личности в условиях цифровизации общества [7].

Как нам известно, в XXI в. формируется четвертое поколение прав человека, тенденции становления которого очерчены цифровым форматом и смещением культур. Однако они представляются как новые модификации права индивида на труд, образование, охрану здоровья, информацию, безопасность, защиту частной жизни, экологических и авторских прав, в связи с беспрецедентным прогрессом науки, развитием Интернета и компьютеров, а также с борьбой против терроризма [8. С. 17]. Наряду с четвертым поколением прав человека развивается усложненная цифровой реальностью культура жизни граждан, которая провоцирует как положительные достижения (прогресс), так и неконтролируемые государством поступки (нелегальные заработки, нетипичные отношения, правонарушения и т. п.). В этой среде законодательные гарантии цифровых прав граждан действуют слабо,

не выражено, оставаясь зачастую далекими от практики. Законодатели многих государств пока что не выработали единой модели обеспечения цифровыми технологиями законопослушного поведения граждан, искусственного интеллекта, выраженного в цифровой законопослушной личности. Показательный пример таких «модельных» людей смог бы продемонстрировать гражданам пользу правомерного поведения, повысить их правовую грамотность, а также расширить иные их возможности по сотрудничеству с государством, и друг с другом. А с учетом развития искусственного интеллекта, цифровых платформ и иных технологий, такая перспектива реализуема.

Многие проблемы в сфере законодательных гарантий прав граждан обусловлены сложными процессами глобализации общественных отношений. Иными словами, отношения людей настолько различны, что не всегда возможно выделить конкретный тип поведения или интересов, чтобы их своевременно поддать правовому описанию и регламентации. И как пишут исследователи, «единого подхода к анализу проблем гарантий прав человека в условиях глобализации, цифровизации и внешних вызовов до сих пор не существует» [9]. В обществе происходит перераспределение социальных ролей, происходит изменение интересов, борьбы за их реализацию, что можно наблюдать в содержании публикаций, размещаемых в социальных сетях. Все эти процессы настолько открыты, что поддаются изучению и выявлению закономерностей, что, к сожалению, не всегда интересует исследователей, ввиду их многогранности и разобщенности. На наш взгляд, эту проблему в определенной мере могла бы разрешить система «умного правового регулирования» [10], которая во многом сопровождалась бы работой искусственного интеллекта. Конкретные ее проявления можно было бы изучать на примере деятельности государственных органов.

Все эти изменения придают новый импульс законодательным гарантиям прав человека. Мы не отстаиваем идею сплошного законодательного регулирования всех сфер жизни людей, но исходим из той предпосылки, что наиболее уязвимые сферы жизни граждан, а именно такие как личные цифровые права (имя, фотография, социальные статусы и т. п.), виртуальное имущество (игровое имущество, бонусы, виртуальные валюты и т. п.), персональные данные, и другие сферы должны быть предметом государственной правовой защиты. С открытием в Узбекистане криптобирж (2020), частичной легализацией соответствующей лицензируемой деятельности (2020–2021) расширяются не только возможности граждан, сколько и интересы. Однако последние сосредотачиваются не только на криптобиржах и блокчейнах, что вызывает дополнительный стимул охватить больше информации о цифровизации общественных отношений, чтобы придать им правовой характер. Следует согласиться с мнением А. М. Берман, которая считает, что «осмысленное правовое регулирование является фактором, необходимым для наиболее эффективного использования потенциала цифровизации, наравне с такими факторами как открытое отношение к инновациям и их политическая поддержка» [2].

При этом, необходимо учитывать отсутствие регламентации на государственном уровне гарантий защиты цифровых прав граждан, особенно цифровых прав в сфере гендерного равенства. Последнее было законодательно гарантировано

гражданам в связи с принятием ЗРУ-562 от 02.09.2019. Однако не только в цифровой среде данная гарантия не всегда соблюдается, но и в обычной материально-правовой среде. Вполне разумным будет отметить, что повышение цифровой и правовой грамотности граждан, а именно женщин, как потенциальных членов общества, чьи гендерные права нарушаются, могут поспособствовать решению проблем реализации законодательных гарантий прав граждан в сфере гендерного равенства. Предпосылки к этому в Узбекистане уже есть, так как женщинам предоставляются льготные образовательные кредиты под 14 % годовых с либеральными условиями погашения обязательств, выделяются льготные кредиты под бизнес, льготные условия поступления в вузы, чтобы обеспечить баланс возможностей и женщин, и мужчин в социальных статусах.

Также необходимо указать на такую проблему, как отсутствие законодательных гарантий прав женщин именно в виртуальном пространстве. Многим исследователям известно, что во многих зарубежных государствах есть такое понятие, как «цифровая личность», «цифровой двойник». И очень часто граждане, особенно женщины, сталкиваются с проблемой кражей персональных данных (информации, фотографий), искажения данных сведений, злоупотребления ими, и порчи их доброго имени и репутации правонарушителями. Такие ситуации еще тесно связаны с не разработанностью механизма выявления виновных лиц, т.к. многие виртуальные права граждан на деле еще слабо защищены, либо они должны примыкать к материальным. Ввиду сказанного необходимость модернизации норм действующего законодательства, внедрения понятия «законодательные гарантии цифровых прав граждан», «законодательные гарантии защиты цифровой личности» должны активно развиваться в современной правовой науке Узбекистана.

Соответственно, необходимо учитывать необходимость гарантий защиты цифровых прав граждан в развивающихся онлайн-правоотношениях, где граждане, исполняя роль «публичных» личностей, осуществляют своего рода коммерческую деятельность. Данную практику можно наблюдать в распространении видеороликов, публикаций, фотографий, сообщений в социальных сетях, которые побуждают общество к активности и определенным юридическим действиям (покупка, продажа, перечисление денег и т. п.).

Заключение. Ввиду проведенного короткого научного исследования, представляется необходимым сделать следующие выводы и предложения:

1. Правовая регламентация законодательных гарантий цифровых прав граждан на данный момент в Республике Узбекистан необходима, т.к. применение цифровых технологий гражданами стало каждодневным явлением, отражающим правовой статус личности уже в виртуальном пространстве. Соответственно мы можем назвать цифровые технологии составным элементом законодательных гарантий прав человека.

2. Целесообразно дальнейшее развитие системы искусственного интеллекта в Узбекистане во многих сферах жизни общества. Наряду с реализацией намеченных пилотных проектов в сельском хозяйстве, банковской среде (SubTech и RegTech), системы идентификации (Face-ID), считаем нужным развивать систему умного правового регулирования в государственных органах (smart legal regulation).

3. Проанализированные проблемы позволили прийти к утверждению о необходимости в последующем времени внести изменения в статью 43 Конституции Республики Узбекистан, представив текст статьи в следующей редакции: «Государство обеспечивает права и свободы граждан, закрепленные Конституцией и законами. Государство гарантирует защиту цифровых прав граждан и цифровой личности». Данная конституционная установка придаст дополнительный импульс формированию концепций «цифровой личности» и «цифрового двойника». Цифровая личность стала неразрывным элементом общего статуса человека, поскольку существует исключительно в сети «Интернет» и в приложениях, с помощью которых человек контактирует с обществом. Ввиду глобальных тенденций необходимо развить концепцию законодательных гарантий цифровых прав граждан, исходящих как из материальных, так и из нематериальных правоотношений.

4. Дополняя материально-правовую сущность названных концепций, предлагается понимать под цифровой личностью – физическое лицо, активно использующее информационно-коммуникативные технологии или имеющее возможность использовать такие технологии в целях реализации своих потребностей, интересов, прав и свобод; а под цифровым двойником – цифровую копию человека, созданную по образу реального человека с использованием изображений, звука и иной информации, сгенерированных компьютером, не отличающейся от реального человека.

Обозначенные выводы и рекомендации способствуют прогрессивному развитию законодательства Республики Узбекистан в сфере регламентации цифровых прав граждан. Применение цифровых технологий в этом деле поспособствует более слаженной законодательной работе в выделенной сфере жизнедеятельности. В скором времени представляется, что цифровые технологии смогут стать содержанием многих законодательных гарантий прав человека.

Список литературы

1. Гулямов С. Создание и применение научных знаний – фундаментальная основа поступательного развития Узбекистана // Правда Востока. 2022. № 41 (29811). С. 1–3.

2. Берман А. М. Правовое регулирование использования цифровых технологий в Германии и Евросоюзе // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-germanii-i-evrosoyuze> (дата обращения: 17.09.2022).

3. Бобровникова А. В. Цифровые технологии как объект гражданского права // Кронос. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-kak-obekt-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 17.09.2022).

4. Кириллова О. Г. Цифровые технологии в государственном управлении // Вестник магистратуры. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 17.09.2022).

5. Bovaird T. Performance Measurement and Evaluation of E-Government and E-Governance Programmes and Initiatives // Practicing E-Government: A Global Perspective. Hershey: Idea Group Publ., 2005. Pp. 18–24.

6. Сайдуллаев Ш. Ҳуқуқни шарҳлаш. Ўқув қўлланма. Тошкент: ТДЮУ, 2019. 40 б.
7. Чунихина Т. Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pravovogo-statusa-lichnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva> (дата обращения: 17.09.2022).
8. Криволапов В. С. Новые тенденции международного сотрудничества в области прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14, 20.
9. Хижняк В. С. Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
10. Smarte Regulierung von digitalen Plattformen: Positionspapier. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2019-08/190516_pp_smarte_regulierung_von_digitalen_plattformen.pdf (дата обращения: 17.09.2022).

М. И. Панкратьева,
магистрант,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. Неправомерное использование фото- и видеоизображений пользователей социальных сетей – нередкое явление современности. При этом защита нарушенных прав может быть затруднительна ввиду несовершенства законодательства и отсутствия единой судебной позиции. В данной работе рассматривается вопрос защиты персональных данных человека, представленных на его фото- и видеоизображениях, выявляются существующие правовые проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: персональные данные, биометрические персональные данные, общедоступные персональные данные, персональные данные, разрешенные к распространению, социальные сети

THE USE OF IMAGES FROM SOCIAL NETWORKS FROM THE POINT OF VIEW OF PERSONAL DATA PROTECTION

Abstract. Abusive usage of digital images depicting social network websites users is a common issue of our time. Protection and prevention of violations of users` rights can be difficult due to imperfect legislation and uncertain judicial position. This article examines the problem of protecting user`s personal data represented in their digital images, identifies existing legal problems and suggests ways to solve them.

Keywords: personal data, biometric personal data, publicly available personal data, personal data authorized for distribution, social networks

Многие из нас имеют аккаунты в социальных сетях. Мы делимся фотографиями, видео, записями и прочей информацией о себе и своей жизни – с родными, друзьями, знакомыми и незнакомцами. Пользователи, самостоятельно размещая данные в сети, не задумываются, что последние могут быть использованы третьими лицами без их ведома или против желания. Возможны различные варианты того, как фото- и видеоизображения граждан могут быть использованы против нас: от высмеивания оппонентом в интернет-дискуссиях, до использования в мошеннических или иных корыстных целях. Учитывая значимость и последствия использования персональных данных пользователей, размещаемых ими в социальных сетях, вопрос о правовом регулировании подобных отношений приобретает особое значение.

Путем проведения массовых и экспертных опросов, было установлено, что практически 70 % пользователей Интернета сталкивались с неправомерным использованием конфиденциальных сведений, а наиболее острым для граждан является вопрос неправомерного использования и кражи своих личных и персональных данных [3]. Очевидно, что законодательство о персональных данных нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Э. Р. Чернова выделяет следующие направления развития регулирования защиты персональных данных [28]: 1) защита данных в процессе социальной жизни субъекта; при взаимодействии с государственными органами, профессиональной деятельностью, получением услуг; 2) защита данных в СМИ; 3) изъятие из общего режима защиты данных, действующих в определенных случаях (при проведении избирательных кампаний и прочих).

Мы предлагаем также обратить внимание и на такое направление регулирования, как защита персональных данных пользователей в сети Интернет, и, прежде всего, данных, размещенных ими самостоятельно.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [10] (далее – Закон о персональных данных), персональными данными является любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (п. 1, ст. 3). Логично предположить, что данные, размещаемые в аккаунте социальной сети (имя, контактные данные, личные фотографии и прочие), являются персональными. Закон о персональных данных регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных, при этом под «обработкой» подразумевается «любое действие (операция) или их совокупность, с использованием или без средств автоматизации, включая сбор, запись, распространение и т. д. (п. 3, ст. 3). Учитывая, что законодатель использует столь расплывчатое определение – «любое», обработкой персональных данных можно считать сколь угодно широкий круг действий.

Изображения человека, в частности его фото- или видеоизображения, являются биометрическими персональными данными. Согласно ст. 11 Закона о персональных данных, к таким данным относятся сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для этого; для обработки биометрических персональных данных необходимо пись-

менное согласие субъекта (за некоторыми исключениями). Исчерпывающий перечень биометрических данных законодателем не установлен [25]. Разъяснения Роскомнадзора от 30.08.2013 [18] по вопросам отнесения фото-, видеоизображений, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностей их обработки относили к биометрическим данным не все фото- и видеоизображение человека, а лишь те, что используются оператором для установления личности субъекта данных (данные Разъяснения утратили силу 19.11.2021 [8]). По состоянию на начало сентября 2022 г. новые разъяснения Роскомнадзора по данному вопросу опубликованы не были. Согласно Постановлению Правительства РФ от «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина РФ, по которым граждане РФ осуществляют выезд из РФ и въезд в РФ» [9], фотографическое изображение однозначно относится к биометрическим персональным данным (относительно владельцев удостоверяющих личность документов).

Федеральным законом от 30.12.2020 № 519-ФЗ [7], Закон о персональных данных дополнен новым видом персональных данных – персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения. Таковыми являются персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым был предоставлен субъектом путем дачи согласия на их обработку (п. 1.1, ст. 3). Оно должно оформляться отдельно от иных согласий (ст. 10.1). Данный термин заменил ранее описываемые в Законе «общедоступные персональные данные». Представляет интерес вопрос о том, являются ли данные «разрешенными для распространения» в том случае, когда лицо размещает их самостоятельно в социальных сетях.

Обращаясь к европейскому опыту, нельзя обойти вниманием основной документ, регулирующий обработку персональных данных на территории Европейского Союза – Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR, далее – Регламент) [13]. В Регламенте не выделяется отдельной категории «общедоступных» данных. Однако стоит обратить внимание на преамбулу 39 к ст. 5 Регламента, где говорится о принципах обработки персональных данных. Согласно ей, данные должны обрабатываться прозрачно, в частности, физические лица (субъекты данных) должны быть осведомлены о «рисках, правилах, средствах защиты и правах в отношении обработки персональных данных». Также GDPR предусматривает, что персональные данные могут быть получены не от источника данных, а из общедоступных источников [23] – в данном случае применяются нормы ст. 14 Регламента. При этом контролер (оператор данных) должен оповестить субъекта данных в разумный срок после получения/использования/раскрытия данных (не позже одного месяца). Контролер обязан предоставить информацию о себе, свои контактные данные, цели обработки данных и их получателя (при наличии).

Согласно п. 2 ст. 1 Закона о персональных данных, он не распространяется на отношения, возникающие при обработке персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не наруша-

ются права субъектов данных. Однако, если данные обрабатываются не только ради этих нужд или при этом права субъекта были нарушены, то ситуация будет иной: любой пользователь (физическое лицо), использующий информацию (т. е. совершающий обработку персональных данных), размещенную в социальных сетях о другом лице, будет считаться оператором (согласно п. 2 ст. 3 Закона о персональных данных). Учитывая оценочный характер «использования данных в личных или семейных нуждах», каждый отдельно взятый подобный случай требует индивидуальной оценки со стороны правоприменителя.

Если ранее остро стояла проблема распространения персональных данных средствами массовой информации (далее – СМИ), то сейчас, когда у каждого пользователя Интернета есть возможность беспрепятственно размещать в открытом доступе любую информацию в виде текста, изображений или видео любого характера, вопрос защиты персональных данных должен охватывать и более широкий круг многообразных действий физических лиц. В отношении них не будет действовать соответствующее законодательство, например, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации» [12] (далее – Закон о СМИ). Однако физическое лицо может размещать информацию любого рода и практически бесконтрольно на множестве сайтов в Интернете (как на своих персональных страницах в социальных сетях, как и на любом другом сайте, предусматривающем раздел комментариев или форумов, в том числе и анонимно), предоставляя доступ к ней неограниченному кругу лиц. Следует учесть, что частичный доступ к информации, размещаемой субъектами в социальных сетях, может быть и у незарегистрированных пользователей сети.

Согласно ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [1] (далее – ГК РФ), обнародование и использование изображения гражданина (включая фотографии, на которых он изображен) допускаются только с его согласия, за исключением случаев использования изображения в государственных, общественных или иных публичных интересах, или когда изображение получается при съемке в публичных местах. При этом, согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [11], обнародование изображения гражданином может происходить путем размещения им такого изображения в сети Интернет, однако его общедоступность сама по себе не дает иным лицам права на свободное использование изображения без получения согласия гражданина. Обстоятельства размещения изображения могут свидетельствовать о выражении гражданином согласия на дальнейшее использование такого изображения, к примеру, если это предусмотрено условиями пользования сайтом.

Для наглядности реализации существующих российских правовых норм в работе социальных сетей рассмотрим данный вопрос на примере социальной сети «ВКонтакте», начиная с момента регистрации нового пользователя. На август 2022 г. для создания нового аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» требуется лишь указать номер телефона, ФИО, дату рождения и пол, при этом пользователь принимает пользовательское соглашение и политику конфиденциальности сай-

та путем нажатия на кнопку «продолжения» регистрации. При этом Соглашение и Политика конфиденциальности относятся ко всем сервисам экосистемы VK, в которую также входит сайт «ВКонтакте». После регистрации представляется возможным ознакомиться и с Правилами пользования сайтом «ВКонтакте» [17], для чего необходимо найти соответствующий пункт в разделе меню сайта (что может быть не столь очевидным для пользователя). При этом пункт 2.3 данным Правил обязывает пользователя полностью ознакомиться с ними до момента регистрации на сайте. Сам факт регистрации подразумевает полное и безоговорочное принятие пользователем данных Правил.

Представляет интерес п. 3.10 Политики конфиденциальности экосистемы VK [15], согласно которому пользователю не рекомендуется публиковать информацию, относящуюся к специальным категориям персональных данных, если он не хочет, чтобы такая информация обрабатывалась сервисами экосистемы VK. При этом обращается внимание на невозможность заблаговременного запроса согласия на обработку такой информации ввиду неосведомленности об ее потенциально чувствительном характере.

Согласно Закону о персональных данных, к специальным категориям персональных данных относятся данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Получается, согласно ст. 10 Закона о персональных данных, обработка специальных категорий персональных данных, допускается при наличии письменного согласия субъект данных. Пользователь экосистемы VK может разместить такую информацию о себе (что происходит достаточно часто), даже несмотря на рекомендации Политики конфиденциальности. После этого такая информация будет обрабатываться экосистемой VK, тогда как необходимое на то согласие не было дано пользователем и не могло быть дано заблаговременно. При этом в данной Политике конфиденциальности отсутствует отдельное соглашение на обработку биометрических персональных данных пользователя, к которым могут быть отнесены фото- и видеоизображения гражданина, размещаемые им в своем аккаунте.

Стоит отметить и то, что согласно п. 3.6 Пользовательского соглашения экосистемы VK [15], пользователь несет ответственность за достоверность информации, указанной при регистрации, т. е. как минимум за фамилию, имя и отчество (далее – ФИО) и дату рождения. Это означает то, что если пользователь желает распространить («поделиться») какой-либо информацией, то делать это он должен, используя свое настоящее имя, будучи не вправе оставаться анонимным. Каждое его «высказывание» в сети (запись или комментарий) будут, как минимум, дополнены его ФИО, давая дополнительные возможности для идентификации личности. В то время как согласно ст. 47 Закону о СМИ, журналист имеет право распространять информацию, излагать свои личные суждения и оценки под псевдонимом или без подписи. При этом у пользователей социальных сетей есть неограниченный набор инструментов для доведения любых данных до неограниченного круга лиц.

Законодательство занимает неоднозначную позицию относительно «публичного поведения» лиц в Интернете. Так, в Кодексе РФ об административных правонарушениях [5] (далее – КоАП), как и в Уголовном кодексе РФ [27] (далее – УК РФ)

зачастую не дифференцируется совершение тех или иных правонарушений посредством СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей, как например, в пп. 5, 8, 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП (злоупотребление свободой массовой информации); в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма). Таким образом, вред публичных заявлений, сделанных пользователем от своего имени в Интернете, может быть столь же значителен, как и вред от заявлений СМИ.

Обращаясь к правоприменительной практике, стоит отметить, что по состоянию на август 2022 г. в открытых источниках отсутствовала информация о судебной практике, затрагивающая нововведения ст. 10.1 Закона о персональных данных.

Вместе с тем, существует судебная практика по вопросам отнесения персональных данных, размещенных пользователем в социальных сетях, к общедоступным, например Решение Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 2-204/2020 2-204/2020~М-129/2020 М-129/2020 от 13 июля 2020 г. [22] Согласно материалам дела, ответчик разместил в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Черный список Лангепаса» запись о семье истца, как о недобросовестных квартиросъемщиках, дополнив свои суждения фотографиями семьи истца, взятыми с открытых персональных страниц в той же социальной сети. По мнению суда, ссылавшегося на вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», пользователь, размещающий на своей персональной странице в социальной сети в свободном доступе для других пользователей изображения, тем самым выражает свое согласие на дальнейшее использование данных изображений, в данном случае личных фотографий. Суд посчитал, что размещение изображений в социальных сетях свидетельствует о выражении согласия гражданином на дальнейшее их использование третьими лицами.

Иная позиция отражена в Решении Арбитражного суда города Москвы в Решении по делу № А40-5250/17-144-51 от 05 мая 2017 г. [19] Согласно материалам дела, истец оспаривал предписание Роскомнадзора об устранении выявленного нарушения, заключавшегося в незаконном сборе информации о клиентах с помощью стороннего сервиса из открытых источников (социальных сетей «Контакте», «Одноклассники», «МойМир», Instagram, Twitter, сервисах «Авито» и «Авто.ру»). В данном Решении суд отмечает, что персональные данные субъекта, содержащиеся в социальных сетях, не могут быть отнесены к общедоступным персональным данным, так как социальные сети не являются источником общедоступных персональных данных. Также в данном Решении суд указал, что персональные данные, сделанные субъектом общедоступными, могут содержаться только в общедоступных источниках персональных данных. Позиция Арбитражного суда г. Москвы по вышеуказанному делу подтвердилась судами апелляционной [21], кассационной [20] инстанций и Верховным судом РФ [14], которыми было подтверждено, что размещение персональных данных в открытых источниках (социальных сетях и прочих) не делает их автоматически общедоступными, следовательно, их обработка без согласия субъекта не допускается.

Приведенные примеры могут свидетельствовать об отсутствии единообразной судебной практики по данному вопросу, несмотря на весомое значение позиции Верховного суда РФ.

Автор данной статьи также не может согласиться с мнением судов о том, что общедоступные данные могут содержаться только в общедоступных источниках персональных данных, так как это не проистекает логически из содержания норм ст. 8, 10 (в старой редакции) и 10.1 Закона о персональных данных.

Подводя итоги, следует сказать, что социальные сети сегодня крайне интересное с правовой точки зрения явление. Информацией их наполняют сами пользователи, обязанные при этом нести ответственность за размещаемые данные в соответствии с законодательством и правилами сайта. Таким образом, социальные сети снимают с себя ответственность за размещаемый в них контент. На первый взгляд, это логично, так как содержание размещаемой пользователями информации предугадать невозможно. Однако учитывая технологические возможности, социальные сети могут и должны предпринимать усилия по соблюдению законодательства и информировать пользователей. Так, например, социальная сеть может запрашивать от пользователя согласие на обработку тех или иных персональных данных при каждом размещении новой информации. Перед опубликованием новой записи, комментария, фото- или видеоизображения пользователь должен быть оповещен о возможных рисках неправомерного использования собственной информации и ему должна быть дана возможность согласиться или отказаться от дальнейшей обработки своих персональных данных, содержащихся в данной конкретной записи.

Возможно, действенным будет законодательное закрепление специального режима обработки персональных данных социальными сетями (и прочими агрегаторами, контент которых создается самими пользователями), при котором пользователь может давать согласие на обработку в упрощенном режиме, к примеру, путем проставления «галочки» или иным способом.

Ввиду отсутствия общей позиции на законодательном уровне и в судебной практике, необходимо достижение консенсуса по следующим вопросам: являются ли фото- и видеоизображения граждан биометрическими персональными данными; являются ли социальные сети общедоступными источниками данных; являются ли изображения гражданина, размещенные им самим в социальных сетях, должным образом «обнародованными»; и, в конце концов, как защищаются персональные данные гражданина, размещаемые им самим в Интернете.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.08.2022).
2. Зорин К. А., Кулиева З. Р. К. Практика использования редакциями СМИ персональных данных, размещенных в сети «Интернет» // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-ispolzovaniya-redaksiyami-smi-personalnyh-dannyh-razmeschyonnyh-v-seti-internet> (дата обращения: 18.08.2022).

3. Зотов В. В., Губанов А. В. Баланс частного и публичного в использовании персональных данных в цифровом сетевом пространстве // Коммуникология. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balans-privatnogo-i-publichnogo-v-ispolzovanii-personalnyh-dannyh-v-tsifrovom-setevom-prostranstve> (дата обращения: 18.08.2022).

4. Китана А. Н. Защита персональных данных по законодательству Российской Федерации // EESJ. 2021. № 11–3 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.08.2022).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.08.2022).

6. Мунтян А. Рассмотрение механизмов и специфики применения Генерального регламента ЕС о защите данных (GDPR). URL: https://rppa.ru/_media/world/gdpr_28.12.2020.pdf (дата обращения: 21.08.2022).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400057172/> (дата обращения: 16.08.2022).

8. О неактуальности распоряжений Роскомнадзора: Письмо Роскомнадзора от 19.11.2021 № 09–78548. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-roskomnadzora-ot-19112021-n-09-78548-o-neaktualnosti-razjasnenii/> (дата обращения: 29.08.2022).

9. О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию: Постановление Правительства РФ от 04.03.2010 № 125. URL: <https://base.garant.ru/12173739/> (дата обращения: 29.08.2022).

10. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/77322149/> (дата обращения: 15.08.2022).

11. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. URL: <https://base.garant.ru/71100882/> (дата обращения: 18.08.2022).

12. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 20.08.2022).

13. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 21.08.2022).

14. Определение Верховного суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 305-КГ17-21291. URL: https://www.garant.ru/files/0/1/1294310/opredelenie_vs_rf_ot_29_yanvary_a_2018_goda_po_delu_305_kg17_21291.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

15. Политика конфиденциальности Экосистемы VK. URL: <https://id.vk.com/privacy> (дата обращения: 20.08.2022).

16. Пользовательское соглашение Экосистемы VK. URL: <https://id.vk.com/terms> (дата обращения: 20.08.2022).

17. Правила пользования Сайтом ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms> (дата ознакомления: 20.08.2022).

18. Разъяснения по вопросам отнесения фото-, видеоизображений, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностей их обработки: Разъяснения Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30.08.2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70342932/> (дата обращения: 29.08.2022).

19. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу от 05.05.2017 № А40-5250/17-14451. URL: https://www.garant.ru/files/0/1/1294310/reshenie_arbitragnogo_suda_ot_5_maya_2017_goda_po_delu_a40_5250.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

20. Решение Арбитражного суда Московского округа по делу от 09.11.2017 № А405250/2017. URL: https://www.garant.ru/files/0/1/1294310/postanovlenie_arbitragnogo_suda_moskovskogo_okruga_ot_9_noyabrya_2017_goda_po_delu_a40-5250.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

21. Решение Девятого арбитражного апелляционного суда города Москвы по делу от 19.07.2017 № Ф40-5250/17. URL: https://www.garant.ru/files/0/1/1294310/postanovlenie_devyatogo_arbitragnogo_apellyatsionnogo_suda_ot_27_iyulya_2017_goda_po_delu_a40_5250.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

22. Решение Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 13.07.2020 № 2-204/2020 2-204/2020-М-129/2020 М-129/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rsmV7O6BOYUw/> (дата обращения: 15.08.2022).

23. Руководство о прозрачности в соответствии с Регламентом 2016/679 Рабочей группы 29-й статьи. URL: <https://gdpr-text.com/ru/guidelines/transparency/> (дата обращения: 21.08.2022).

24. Семенов Е. Ю., Лысенко Е. С. Проблемы правового регулирования автоматизированной обработки общедоступных персональных данных // Вестник УЮИ. 2021. № 4 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-avtomatizirovannoy-obrabotki-obschedostupnyh-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 18.08.2022).

25. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. № 2 (159). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-usloviyah-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 18.08.2022).

26. Такидзе Д. Т. Защита персональных данных в России // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5-4 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-rossii> (дата обращения: 18.08.2022).

27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.08.2022).

28. Чернова Э. Р. Теоретико-правовые основы защиты персональных данных в Российской Федерации // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-osnovy-zaschity-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 18.08.2022).

А. К. Паносян,

магистрант,

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Активный оборот персональных данных в киберпространстве повышает вероятность посягательств на них. Современный уголовный закон не содержит специальной нормы об охране персональных данных, имеющиеся же статьи особенной части не в полной мере защищают рассматриваемый институт от посягательств в виртуальном пространстве. В силу этого ставится цель изучить имеющееся правовое регулирование и предложить пути устранения выявленных пробелов.

Ключевые слова: персональные данные, киберпространство, сведения, цифровизация, сеть, Интернет

ISSUES OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN CYBERSPACE

Abstract. The article is about crimes in sphere of personal data. The modern criminal law does not contain a special norm on the protection of personal data, while the existing articles of the special part do not fully protect the institution in question from encroachments in the virtual space. Because of this, the author aims to study the existing legal regulation and propose ways to eliminate the existing gaps.

Keywords: Personal data, Cyberspace, Information, Digitalization, The Internet

Современные технологии позволяют оперативно собирать и обрабатывать большие объемы информации. Благодаря цифровизации многие процессы, совершаемые ранее в режиме «офлайн», стали более оперативными ввиду перехода в цифровое пространство. При этом очевидно, что большое количество информации и действий с ней в этом пространстве диктует потребность в кибербезопасности. В частности, это актуально для персональных данных – нахождение их в цифровом поле, перенесение процессов сбора, хранения, обработки, использования и распространения в цифровую реальность повышает опасность преступных посягательств в отношении персональных данных и делает права субъекта персональных данных более уязвимыми.

Данный факт диктует потребность в детальном изучении имеющихся уголовно-правовых мер борьбы с подобными деяниями и в выдвигании предложений для их совершенствования.

Сегодня уголовный закон не содержит специальной нормы, направленной на охрану персональных данных. На практике уголовные дела чаще всего возбуждаются по ст. 137, 183 УК РФ. На наш взгляд, данный механизм уголовно-правовой защиты недостаточно эффективен. Во-первых, потенциально возможны ситуации, когда деяния не подпадают под названные составы и вообще не могут быть квали-

фицированы ни по одной из статей Особенной части УК РФ, хотя повлекут тяжкие последствия в виде, например, наложения обязательств имущественного характера на субъекта персональных данных. Во-вторых, с этимологической точки зрения не совсем правильно отождествлять институт персональных данных с личной, семейной или коммерческой тайной.

Федеральный закон «О персональных данных» был принят в 2006 г. и закрепил легальное определение рассматриваемого термина. В соответствии с введенной дефиницией персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Очевидно, сформулированное в названном законе определение представляется достаточно широким, ввиду чего абстрактность нормативной дефиниции приводит к многочисленным полярным толкованиям правоприменителями ее содержания.

Так, к персональным данным можно отнести сведения о заработной плате [3], абонентский номер и адрес электронной почты физического лица [4], семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы [5], фотографии и видеоизображение физического лица [6], площадь помещения и сумма задолженности [2].

О соотношении понятий «персональные данные» и «неприкосновенность частной жизни» не сложилось единого мнения. Совет Европы, равно как и отечественная практика правоприменения, склоняется к отождествлению данных категорий без выделения персональных данных как самостоятельного института [14]. Европейский Союз, напротив, закрепил в своей Хартии основных прав Европейского Союза понятие персональных данных обособлено от неприкосновенности частной жизни [15]. Относительно российской правовой действительности, на наш взгляд, представляется очевидным разный характер категорий «персональные данные» и «частная жизнь». Закон «О персональных данных» не ограничивается сферой частной жизни, охватывает общедоступную информацию, в то время как частная жизнь не подлежит контролю со стороны общества и государства, а неприкосновенность частной жизни охватывает, в том числе, и те сведения, которые не подлежат обработке в качестве данных – на это указывает ряд позиций Конституционного суда Российской Федерации [7]. Ввиду этого квалификация посягательств, предметом которых являются персональные данные по ст. 137 УК РФ, представляется ошибочной. Между тем, практика не пришла к единообразному подходу в данном вопросе. Так, в ряде случаев суды отождествляют режимы неприкосновенности персональных данных и неприкосновенности частной жизни. Например, суд квалифицировал по ст. 137 УК РФ действия сотрудника компании «Мегафон», который при наличии у себя доступа к клиентской базе данных, сфотографировал и отправил за вознаграждение паспортные данные, сведения о месте регистрации, дату рождения и Ф.И.О. одного из клиентов [8]. Аналогично квалифицировались действия сотрудника правоохранительных органов, который передал третьим лицам сведения из базы ИБД-Регион о паспортных данных гражданина, его членах семьи, а также о зарегистрированных на него транспортных средствах [13]. На наш взгляд, сведения, о которых шла речь в приведенной выше судебной практике, относятся к категории

«персональные данные» и в силу публичного характера некоторых сведений решение об отнесении их к категории частной жизни не так уж однозначно.

Существует и противоположная судебная практика – сведения, относящиеся к персональным данным (Ф.И.О., дата рождения, паспортные данные), не признаются составляющими личную и семейную тайну, так как используются в повседневной жизни [2]. В силу этого возможна ситуация возникновения тяжких последствий при нарушении законодательства о персональных данных, но не подпадающим ни под одну статью Особенной части УК РФ. Между тем, последствия у таких правонарушений действительно могут иметь большую общественную опасность. Так, в США такое нарушение повлекло убийство – гражданин попал в больницу после перестрелки, преступники же взломали сеть клиники, изменили программу стимуляции сердца, что повлекло смерть [1. С. 382]. Современная действительность пестрит также случаями появления у граждан обязательств имущественного характера в виде кредитов и займов, в последствии хищения их паспортных данных.

В силу вышесказанного, неверной представляются обе тенденции: и квалификация посягательств на персональные данные по статье об охране частной жизни, и отсутствие квалификации по уголовному закону посягательств на них, имеющих последствия не менее тяжкие, чем имеющиеся в УК РФ преступления.

Интересно на практике и в доктрине решается вопрос об отнесении персональных данных к коммерческой либо банковской тайне в случаях квалификации преступных посягательств по ст. 183 УК РФ. Довольно часто режим коммерческой тайны нарушается в отношении хищения клиентской базы организации [10. С. 95]. Так, например, виновный в результате введения в заблуждения сотрудника компании «Ростелеком» вошел в базу данных этой компании, откуда собрал и выгрузил сведения о клиентах, составляющие коммерческую тайну. Его действия были квалифицированы по совокупности ст. 272 и 183 УК РФ. То есть персональные данные отдельных клиентов в данном случае не были признаны самостоятельным объектом охраны как прав физического лица. Отнесение совокупности персональных данных клиентов компании лишь к коммерческой тайне приводит к игнорированию прав конкретных физических лиц. Вследствие данной тенденции зачастую неправомерные действия с персональными данными и вовсе остаются безнаказанными. Так, сотрудник «Сбербанка» незаконно оформил кредит в этом же банке на клиента, используя банковские данные, к которым он правомерно имел доступ в силу своих полномочий. Суд указал, что обладателем тайны является ПАО «Сбербанк», поэтому разглашение ее отсутствует, так как данные клиента не ушли за пределы компании [9]. Иными словами, суд не видит нарушений в случаях, когда данные, составляющие банковскую тайну, неправомерно используют в том же банке. При этом совершенно очевидно, что при использовании данных для неправомерного получения кредита даже в том же банке неприкосновенность этих данных нарушается. Происходит неправомерный доступ к этим сведениям вне тех целей, для которых субъект персональных данных стал клиентом банка.

Данный тезис в очередной раз доказывает недостаточность имеющихся уголовно-правовых мер для противодействия посягательствам в сфере персональных данных.

Помимо этого, существующие уголовно-правовые механизмы не в полной мере учитывают потенциальную специфику объективной и субъективной стороны. Именуемая в зарубежном законодательстве «кража личности», когда создается аккаунт в социальных сети под чужим именем, нарушает неприкосновенность персональных данных, но не подпадает под имеющиеся статьи Особенной части УК РФ, несмотря на возможные тяжкие последствия. Довольно распространены случаи перепродажи персональных данных клиентов той или иной компании в сети «Даркнет», случаи взлома социальных сетей, баз данных – данные ситуации подлежат также тщательному изучению с точки зрения института соучастия. Например, интересным представляется взаимодействие первоначального «взломщика» баз данных сотрудника компании, неправомерно распространившим персональные данные третьим лицам и последующим продавцам и покупателям этих данных.

Таким образом, криминализация посягательств на персональные данные в виде специальной нормы представляется необходимой. В виду повышенной опасности при совершении таких посягательств с помощью или в сети Интернет полагаем, что указание на данный способ или обстановку должно являться квалифицированным составом в данной норме. Представляется, что во избежание криминализации большого количества правонарушений в сфере персональных данных, не имеющих тяжких последствий, уголовную ответственность следует ввести под условием наступления тяжких последствий, например, в виде убытков со стороны субъекта персональных данных или оскорбления чести и достоинства. Кроме того, оптимальным решением представляется введение уголовной ответственности за сбор, хранение, использование и распространение персональных данных в преступных целях, подразумеваемая в виде последствий другие статьи Особенной части УК РФ.

Список литературы

1. Долгова А. И. Криминология: учебник. – Москва: Норма, 2018. – 368 с.
2. Определение Пятого Кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 № 88–2932/2021 по делу № 2–3360/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Письмо Роскомнадзора от 07.02.2014 № 08КМ-3681 «О передаче работодателем третьим лицам сведений о заработной плате работников // СПС «КонсультантПлюс».
4. Письмо Минкомсвязи России от 07.07.2017 № П11–15054-ОГ «О разъяснении норм федерального законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.04.2018 № Ф03–629/2018 по делу № А37–1226/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2013 № 18АП-13107/2013 по делу А34–3659/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг».
8. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира от 18.05.2020 по делу № 1–77/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приговор Центрального районного суда Комсомольск-на Амуре от 18.03.2021 по делу № 1-114/2021.

10. Определение Пятого Кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 № 88-2932/2021 по делу № 2-3360/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Московского городского суда от 29.02.2012 по делу № 33-6709 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Московского городского суда от 29.02.2012 по делу № 33-6709 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Решение Шаховского районного суда Московской области от 02.07.2020 по делу № 2-154/2020-М-134/2020/

14. Руководство по прецедентной практике Европейского суда по правам человека по применению Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Защита данных. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.

15. GDPR (General Data Protection Regulation) . URL: <https://ogdpr.eu/ru>.

А. О. Пахтусова,

магистрант,

Тюменский государственный университет

НОВАЯ КОРОНАВИРУСНАЯ ИНФЕКЦИЯ КАК ТРАЕКТОРИЯ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В условиях действия ограничительных мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции поднялась остроактуальная проблема переосмысления существующих правил судопроизводства, касаясь использования цифровых технологий при отправлении правосудия. В статье раскрываются особенности использования механизмов, позволяющих применять цифровые технологии для осуществления правосудия, анализируется действующее законодательство в области использования электронных средств в деятельности судов, дана оценка возможностям внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность с целью реализации вспомогательных функций, а также исследован опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: цифровизация, электронное правосудие, цифровые технологии, цифровая реальность, правовые механизмы, искусственный интеллект, опыт зарубежных стран

NEW CORONAVIRUS INFECTION AS A TRAJECTORY OF THE DEVELOPMENT PATH OF JUSTICE DIGITALIZATION IN CIVIL PROCEDURE

Abstract. In the context of restrictive measures to prevent the spread of a new coronavirus infection, the acute problem of rethinking the existing rules of judicial proceedings regarding the use of digital technologies in the administration of justice has

arisen. The article reveals the features of the use of mechanisms that allow the use of digital technologies for the administration of justice, analyzes the current legislation in the field of the use of electronic means in the activities of courts, assesses the possibilities of introducing artificial intelligence to implement auxiliary functions, and also examines the experience of foreign countries.

Keywords: Digitalization, Electronic justice, Digital technologies, Digital reality, Legal mechanisms, Artificial intelligence, Experience of foreign countries

Происходящие реформы гражданского процесса на протяжении длительного периода времени преследуют одинаковые цели по улучшению качества правосудия, повышению эффективности защиты прав граждан, оптимизации судебной нагрузки при помощи сокращения временных и материальных затрат. Последние несколько лет свидетельствуют о том, что результаты интеллектуальной деятельности приобретают все большее значение для нашей жизни. Наше существование без гаджетов уже не представляется возможным, а искусственный интеллект активно внедряется в различные сферы и отрасли. Судебная система также не является исключением и находится сейчас в стадии переосмысления традиционных способов осуществления правосудия и приспособления к новым условиям и новой реальности.

Проблема переосмысления существующих правил судопроизводства, касаясь использования цифровой среды при осуществлении правосудия в эпоху новой цифровой реальности, является для доктрины гражданского процесса одной из наиболее актуальных и потому востребованных тем. Однако получила свое большее развитие как раз в период действия ограничительных мер ввиду того, что ситуация, возникшая в судах в период распространения новой коронавирусной инфекции, заставила законодателя принимать решительные и незамедлительные меры. Вместе с тем неверно связывать начало использования цифровых технологий с началом новой коронавирусной инфекции, так как еще до вводимых ограничений уже поднимался вопрос относительно внедрения автоматизированных процедур в судах, однако дискуссия долгое время оставалась лишь проектом на бумаге. Можно отметить, что на сегодняшний день использование уже существующих цифровых возможностей, пока что в качестве вспомогательных функций осуществления правосудия, свидетельствует о достижении определенных социальных эффектов, ведь цифровизация в первую очередь создается для удобства людей, соответственно, успех ее внедрения напрямую зависит от потребностей граждан и доступности использования. Таким образом, одной из задач государства по внедрению цифровых технологий в судебную систему является поиск оптимального баланса между социальными интересами и технологическими процессами.

Судебная система Российской Федерации находится в начале пути развития электронного правосудия. Одной из приоритетных задач, по мнению Совета судей Российской Федерации, является продолжение технологической модернизации судов. Внедрение цифровых технологий, расширение сферы применения электронного правосудия стали неотъемлемой частью развития судебной власти во многих правопорядках, и Российская Федерация в этом отношении не является исключением [2].

В настоящее время в нашей судебной системе ведутся работы по созданию цифрового правосудия, а также всевозможных электронных сервисов, способствующих более быстрому и экономному рассмотрению дел. Ограничительные меры, принятые в судах в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, показали необходимость принятия мер по внедрению и использованию информационных технологий, а именно из-за закрытия судов возникла острая необходимость в обеспечении возможности гражданам направлять в суд документы в электронном виде, а также в участии в судебных заседаниях вне зала суда с помощью электронных каналов связи, в связи с чем в 2021 г. цивилистический процесс вновь был подвержен реформированию. В этот раз внесенные изменения в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и иные законодательные акты РФ были направлены как раз на совершенствование цифровизации правосудия [5].

Одним из изменений стало введение системы веб-конференций как формы проведения судебных заседаний. Опыт использования веб-конференций показал, что система очень удобна в использовании, так как практически каждый человек имеет мобильный телефон либо компьютер с доступом в сеть Интернет. В условиях пандемии онлайн-правосудие позволило принимать участие в судебном процессе, не выходя из дома, что явилось гарантией безопасности участников процесса во время действия режима повышенной готовности на территориях субъектов Российской Федерации. Однако, веб-конференция – это технически сложный процесс, который требует не только наличия оборудования, настроенного в соответствии с заданными параметрами, но и обеспечение соблюдения процессуальных гарантий лиц, заявивших ходатайство об участии в судебном разбирательстве в форме веб-конференции. Предполагается, что большая проблема сейчас заключается в технической возможности судов проводить веб-конференции ввиду отсутствия необходимого оборудования. Помимо этого, к недостаткам проведения судебного заседания посредством веб-конференции стоит отнести дороговизну использования, нестабильную связь при рассмотрении дела, затрудненность восприятия информации через экран, затрудненность в исследовании доказательств и т. п. Конечно, стоит отметить, что никакая система не сможет заменить очное разбирательство дела, но все же практика организации веб-конференций как более удобного по сравнению с ВКС формата дистанционного участия в судебном заседании получила положительную оценку среди юридического сообщества, однако для расширения ее применения необходимо уделить особое внимание на решение возникающих при ее применении проблем.

Помимо веб-конференций, в судах общей юрисдикции появилась возможность подавать документы в суд в электронной форме, либо через единый портал государственных и муниципальных услуг, либо через информационную систему, определенную Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо через систему электронного документооборота участников процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Сейчас конкретные задачи при реализации цифрового правосудия вращаются вокруг совершенствования программного обеспечения ГАС «Правосудие». Предполагается, что система позволит дистанционно подавать в суды документы через Единый портал государственных и муниципальных услуг, а также уча-

ствовать в судебных заседаниях онлайн с помощью биометрической системы аудиоидентификации участников процесса [3]. Кроме того, система будет оснащена возможностью автоматического определения подсудности дела; получения всех уведомлений и документов в электронном виде; ознакомления с материалами дела в личном кабинете; получения консультаций от «интерактивного помощника»; оплаты госпошлины, размер которой также будет автоматически рассчитываться на основании заявленных в иске требований.

Перечисленные возможности свидетельствуют о совершенствовании традиционных инструментов работы с целью облегчения и ускорения процессов, упорядочивания документооборота, уменьшения бумажной «волокиты» и обеспечения возможности взаимодействовать на расстоянии.

Внедрение искусственного интеллекта в повседневную деятельность судов сейчас осуществляется, прежде всего, с целью реализации вспомогательных функций. Его способности позволяют осуществлять быстрый поиск и систематизацию информации, подготовку необходимой документации для рассмотрения дела. Однако в научной литературе уже высказывались мнения о том, что искусственный интеллект в дальнейшем может заменить не только бумажную работу, но и судью. Но нельзя забывать, что российский судебный процесс напрямую связан с аналитической деятельностью человека, т. е. для принятия решения по существу необходимо не только правильно выбрать подходящую статью закона, но и правильно ее истолковать, в то время как судья-робот не способен к мыслительной деятельности, соответственно, реализация выбора вариантов наиболее целесообразного разрешения конкретного дела, исходя из нескольких законных альтернатив, ставится под сомнение.

Большое дискуссионное внимание среди ученых-процессуалистов получила тема вынесения судебных решений искусственным интеллектом на основе ранее вынесенных судебных актов. Предполагается, что данная система реализуется на основе математического алгоритма, что позволяет проанализировать большой объем информации, структурировать его, а затем, основываясь на статистике и заложенных в программе методах обработки информации, выносить решение, которое будет соответствовать сложившейся судебной практике по аналогичным категориям дел. Однако роль судьи в существующем судопроизводстве России заключается не в угадывании правильного решения, а в применении закона по правилам, установленным действующим законодательством о судопроизводстве. Анализ одних решений не является достаточным без анализа позиций сторон, а также доводов других участников процесса, без оценки представленных в материалы дела доказательств. Возможно, искусственный интеллект стоит использовать как возможность автоматизировать выборку судебных решений для дальнейшего формирования собственной правовой позиции судьи при разрешении дела. При этом готовый вариант решения, представленный алгоритмом, не должен служить воздействием на судью при формировании своей позиции по делу. Нельзя не согласиться в этой части с мнением российского ученого Е. Е. Тонкова о том, что активно внедряемые в судебную деятельность информационные новшества не должны влиять на сущность механизма принятия решения по делу, оставляя его

исключительной прерогативой суда [4 С. 6]. Опираясь на действующие принципы правосудия, можно прийти к выводу, что искусственный интеллект не способен принять законный и обоснованный судебный акт. Как отмечает Е. Е. Тонков, особенно важно, чтобы в погоне за всеобщей цифровизацией мы не утратили главное содержание правового государства, а именно верховенство права и законности на фоне констатируемого многими учеными снижения качества и эффективности правового регулирования [4. С. 9].

Таким образом, разработка и внедрение информационных технологий, помогающих судье или замещающих судью при отправлении правосудия, требуют комплексной теоретической проработки и законодательной регламентации процессуальных норм, которые влияют на права и обязанности участников процесса и суда. На данном этапе развития цифровизации правосудия замена судьи и возложение его функций на искусственный интеллект не представляется возможной. Не исключено, что в ближайшем будущем, простые споры будут разрешать чат-боты, а сложные – судьи-люди.

По сравнению с Российской Федерацией в системе судопроизводства зарубежных стран среди широко известных информационных технологий, таких как электронная почта (e-mail), электронное голосование (e-voting) применяется электронный суд (electronic court – e-court). В одной из первых стран, где стал применяться электронный суд, были Соединенные Штаты Америки. Программными продуктами, позволяющими успешно осуществлять e-court стали две системы: «Управление делами или Электронный Архив дел» (Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF)) и «Открытый доступ к судебным электронным отчетам» (Public Access to Court Electronic Records). В функционале информационных систем имеется возможность управлять судебным делом: отслеживать процесс и сроки, следить за ходом дела, вносить дополнительные сведения и документы, а также осуществлять их поиск, хранить электронные документы и направлять их по необходимости в другие ведомства. Система электронного суда за рубежом зарекомендовала себя с положительной стороны, так как предоставляет возможность доступного общественного пользования, при этом обеспечивая высокий уровень безопасности хранящейся информации. Обо всех изменениях движения дела стороны уведомляются. Также через систему суда можно выбрать себе адвоката из тех, которые зарегистрированы в системе e-court. Данная система очень удобна и доступна в использовании, разработана таким образом, чтобы стороны могли максимально быстро разрешить судебный спор без особых затрат и усилий.

Другим примером осуществления электронного правосудия за рубежом является мессенджер WeChat. В китайском городе Ханчжоу в 2017 г. был запущен проект, фактически представляющий собой социальную сеть, в котором представлена возможность рассматривать иски прямо в мессенджере WeChat. Заседания проходят в форме видеочата, его проводит виртуальный судья, который перед началом разбирательства уточняет у истца, не имеет ли он возражений против рассмотрения дела в электронной форме, при этом физического присутствия участников процесса в зале суда не требуется. Решения по делам в мессенджере выносит искусственный интеллект. Учитывая уровень населения Китая, запуск

подобной системы позволяет значительно разгрузить работу судей [1]. Так как данная платформа уже показала свою эффективность на практике, власти Китая не собираются останавливаться на достигнутом и продолжают работать над способами трансформации своей судебной системы.

Однако при богатом опыте использования электронного документооборота в других странах, наша судебная система находится в начале пути своего развития. Как было сказано выше, внедряемые в судебную деятельность информационные технологии не должны повлиять на процессуальные права участников процесса. Правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав – вот главная задача гражданского процесса. Безусловно, цифровые технологии стоит использовать в правоприменительной деятельности, но только в том виде, в котором они не противоречат основополагающим процессуальным принципам, а, наоборот, используются в качестве дополнительного способа обеспечения эффективности правосудия.

Таким образом, российская судебная система сейчас находится в стадии модернизации. И несмотря на то, что информация в сети Интернет может быть уязвима для хакеров и злоумышленников, а число киберпреступлений с каждым днем увеличивается, цифровизация правосудия неизбежна, так как современные технологии развиваются, повышают эффективность работы не только сотрудников, но и судебной системы в целом, уменьшают «бумажную волокиту» и расширяют доступность правовой системы.

Благодаря новой коронавирусной инфекции была выстроена дальнейшая траектория пути развития цифровизации правосудия. На сегодняшний день в судах общей юрисдикции представлена возможность подавать документы в электронном виде, а также предоставлять электронные доказательства; суд вправе извещать участников процесса с помощью цифровых технологий, а также обязан опубликовать судебные акты на официальном сайте суда; стороны вправе принимать участие в судебном процессе, не выходя из дома посредством веб-конференции. Стоит отметить, что многие аспекты электронного правосудия остались нерешенными до сих пор, такие как обеспечение безопасности не только персональных данных лиц, но и самой информационной системы в целом, обеспечение возможности бесперебойного подключения к судебному заседанию и улучшение качества связи при проведении веб-конференций и ВКС, обеспечение идентификации данных личности при подаче документов и при участии в судебном заседании, обеспечение судов современным качественным оборудованием и системой безопасности для проведения судебных заседаний и принятия документов в электронном виде. К тому же приходится констатировать, что правовое регулирование существенно отстает от скорости технических и организационных изменений в сфере судопроизводства. Возможно, в ближайшем будущем веб-конференции будут проводиться все чаще, а в ряде случаев судебные заседания и вовсе будут проходить без участия сторон, поскольку все необходимые документы будут уже представлены в суд с приложениями необходимых материалов. В настоящий момент практика применения информационных технологий свидетельствует об активном их использовании участниками

судебного процесса. Быстрое и удобное, но при этом качественное рассмотрение дела способствует реализации принципа процессуальной экономии в действии. При этом важно учитывать, что внедрение информационных технологий в гражданский процесс должно предусматривать комплексную теоретическую проработку возникающих при применении недостатков, поскольку наряду с преимуществами, цифровизация также несет в себе определенные риски.

Список литературы

1. Луганская Д. Хватит болтать: почему китайский мессенджер опередил мировых конкурентов. URL: https://www.rbc.ru/own_business/31/03/2017/58de1e919a7947b5cc6549a13 (дата обращения: 15.08.2022).
2. Отчетный доклад председателя Совета судей Российской Федерации по итогам 2019 года «О совершенствовании судебной системы на современном этапе». URL: <http://sak.sve.ark.www.ssrp.ru/news/mieropriiatia/35793> (дата обращения: 23.08.2022).
3. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices/judgment> (дата обращения: 25.08.2022)
4. Тонков Е. Е. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судебного сообщества Белгородской области. – 2019. – № 10. – С. 6–9.
5. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405386/ (дата обращения: 25.08.2022).

Е. О. Пащук,
студент,

Уральский государственный экономический университет

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассмотрены позитивные и негативные аспекты цифровой трансформации прав человека и гражданина. Рассмотрены основные проблемы, связанные с процессом цифровизации, и предложены варианты их решения. Также проведен анализ законопроектов, направленных на совершенствование правового регулирования в условиях цифровизации. Проанализированы перспективы развития прав человека под влиянием цифровизации. Обобщены результаты опросов мнения людей касательно воздействия цифровых технологий на сферы общественной жизни и обеспечения конфиденциальности информации.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, новые технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровой кодекс, цифровое право, кибербуллинг, права человека

THE IMPACT OF THE DIGITALIZATION PROCESS ON HUMAN RIGHTS: POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS

Abstract. This article discusses the positive and negative aspects of digital transformation on human and civil rights. The main problems related to the digitalization process are considered and solutions are proposed. The analysis of draft laws aimed at improving legal regulation in the context of digitalization is also carried out. The prospects for the development of human rights under the influence of digitalization are analyzed. Based on the survey data, the results of people's opinions regarding the impact of digital technologies on the spheres of public life and ensuring the confidentiality of information are presented.

Keywords: Law, Digital technologies, New technologies, Digitalization, Digital transformation, Digital code, Digital law, Cyberbullying, Human rights

С каждым годом цифровые технологии становятся более популярным явлением и занимают значимое место в жизни и деятельности каждого человека. Человечество проходит постоянный процесс трансформации. Общество XXI века склонно считать «информационным», так как главной его ценностью выступает информация. Как следствие деятельность большинства людей связана с работой, предполагающей взаимодействие с большими массивами данных [12]. В настоящее время процесс цифровизации затронул все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую, духовную.

Если рассматривать теоретический аспект, то под цифровизацией принято понимать интеграцию информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизни и производства. Данный процесс некоторые ученые склонны считать четвертой промышленной революцией или индустрией 4.0 [25].

В настоящее время происходит сплошная автоматизация традиционных производственных процессов. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью современного мира. Сеть Интернет использует большая часть населения планеты, и ежегодно количество пользователей неуклонно растет.

Вопрос оценки воздействия инновационных технологий на сферы общественной жизни является предметом дискуссий. В 2021 г. центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ был проведен опрос граждан на тему влияния новых технологий на общество (рис. 1). В соответствии с полученными данными только 20 % опрошенных считают, что интеграция цифровых технологий в жизнь общества имеет исключительно положительные последствия [22].

Также согласно результатам опроса 64 % опрошенных считают темпы цифровизации слишком поспешными, а 57 % считают, что такая масштабная интеграция цифровых технологий создает реальную угрозу правам человека.

Несмотря на это многие современные ученые положительно оценивают влияние цифровой трансформации на благополучие и качество жизни людей [3]. Например, данный процесс оказывает большое влияние на повседневную жизнь граждан. Широкое распространение так называемых «умных» устройств способ-

ствуется оптимизации различных рутинных процессов. В частности, такого рода устройства применяют для работы, обучения, развлечения (29,4 %), для обучения и развлечения (23,5 %) или для обучения (16,7 %) [23]. Значительное влияние цифровые технологии оказывают на сферу образования [5]. Все чаще учебные организации стремятся не только внедрить в свою программу новые технологии, но и обучить своих учеников цифровым компетенциям, необходимым для взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями. В экономической сфере повсеместная интеграция информационно-коммуникационных технологий способствует развитию цифровой экономики, что положительно влияет на повышение эффективности работы предприятий [15].

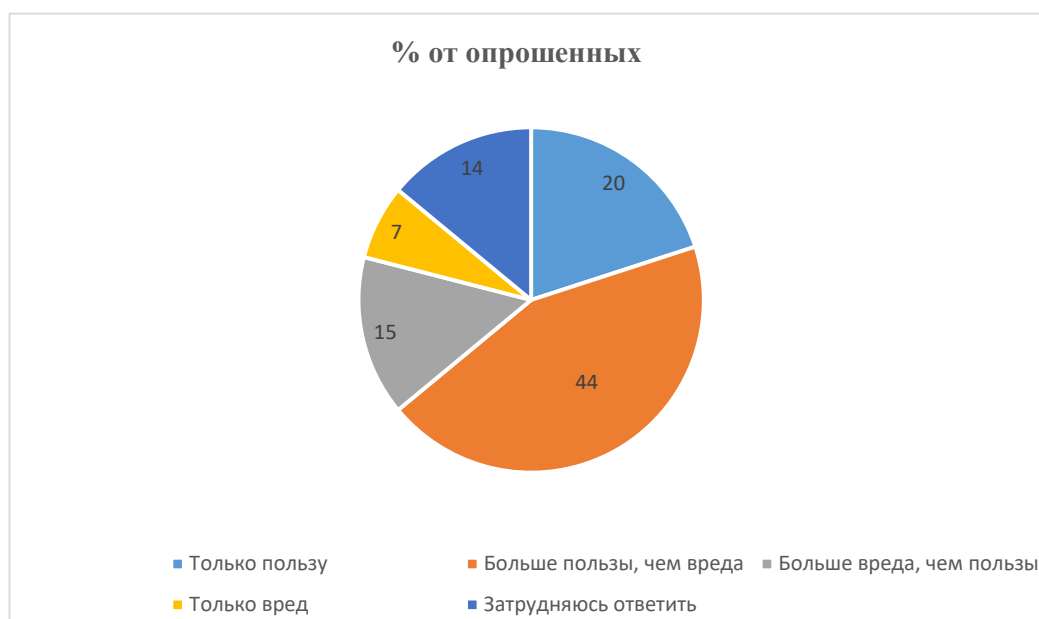

Рис. 1. Данные опроса

Значительное влияние процесс цифровизации оказывает на права человека. Под воздействием различных факторов механизм реализации и защиты прав человека претерпевает существенные изменения. Важно отметить, что если некоторые факторы носят эволюционный и постепенный характер, то масштабный процесс цифровизации влечет за собой более ощутимые изменения правовой системы в целом и прав человека в частности [17. С. 117–149].

Глобальное распространение цифровых технологий обуславливает появление новых вопросов этического характера о реализации прав человека и гражданина. Важно отметить, что большая часть средств в области защиты прав человека была принята до стремительного внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни. В связи с этим необходимо их совершенствование с учетом вызовов настоящего времени. Рассмотрение проблем, связанных с влиянием цифровой трансформации на права человека и гражданина, носит актуальный характер. Так как правонарушения в области прав и свобод человека, вызванные внедрением новых технологий, являются распространенным

явлением. Данные вопросы также достаточно часто освещаются в средствах массовой информации. Также тематика нарушения прав человека в связи с процессом цифровизации является достаточно востребованной среди трудов как отечественных, так и зарубежных ученых.

Интеграция инновационных технологий способствует формированию новых возможностей для реализации и обеспечения законных прав и свобод человека и гражданина, не только личных, но и в политической, социально-экономической и культурной сферах [6]. Другими словами, сеть Интернет не только представляет большое количество возможностей для правовой сферы, но и способствует реализации конституционных прав граждан. В частности, цифровые технологии содействуют осуществлению в полной мере права человека на информацию. Благодаря сети Интернет любой человек может получить свободный доступ к большому количеству различных сведений. Информация доступна как на официальных сайтах государственных органов и учреждений, так и в социальных сетях, на различных форумах и мессенджерах, что увеличивает скорость публикации и распространение информации и способствует более полному представлению о тех или иных вопросах. Необходимо отметить, что такая доступность информации также способствует повышению правовой культуры населения, что в свою очередь положительно влияет на соблюдение прав и свобод и сокращение правонарушений. Интернет-ресурсы также создают возможность для реализации права на свободу мысли и слова. Так как благодаря социальным сетям, мессенджерам и другим платформам можно не только узнавать информацию, но и обсуждать ее с другими пользователями в режиме реального времени.

С одной стороны, такое большое количество различных интернет-ресурсов оказывает положительное влияние на права человека. Однако, с другой стороны, как показывает практика, не все источники информации в сети Интернет являются достоверными. Так как «всемирная паутина» дает возможность распространения ложных новостей, основанных на почве ненависти и призывов к насилию. Данная проблема не является новой, однако именно в эпоху цифровизации она получила свое развитие, так как именно сеть Интернет позволяет моментально передавать различную информацию неограниченному кругу лиц в любой точке земного шара, а самое главное делать это абсолютно анонимно. Соответственно осуществляя поиск информации, необходимо ее самостоятельно анализировать и четко отделять от ложных сведений.

Также более доступным и понятным становится реализация закрепленного в действующем законодательстве Российской Федерации права граждан на обращение. Официальные сайты государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лица и других учреждений предусматривают возможность подачи и рассмотрения обращения в электронном формате, что значительно упрощает данный процесс [13]. Также процесс цифровизации оказал влияние на появление новых видов обращений – электронные общественные инициативы, отзывы о качестве предоставления государственных и муниципальных услуг и другие, являющиеся следствием расширения практики волеизъявлений граждан в сети Интернет [9].

Помимо реализации прав, посредством цифровых технологий также появляется больше возможностей для их защиты. Это обусловлено тем, что технологии позволяют обратить больше внимания на случаи, связанные с нарушениями прав человека, что повышает транспарентность принимаемых мер и подотчетность за права человека [20]. Так, социальные сети помогают привлечь общественность к совершенному правонарушению, что способствует более быстрому восстановлению нарушенных прав [24].

Активное внедрение цифровых технологий меняет облик отношений, привычных для человека, государства и общества в целом. Однако процесс цифровой трансформации можно считать одним из глобальных вызов для охраны, обеспечения и защиты прав человека и гражданина. Неоспоримое положительное влияние процесса цифровизации на различные сферы общественной жизни не отменяет ее риски и определенное негативное воздействие на правовую систему. Так как широкое распространение информационно-коммуникационных технологий способствует появлению новых цифровых угроз для прав граждан.

Перейдем к рассмотрению вызовов для обеспечения прав человека в связи с процессом цифровизации. Одной из важных угроз для прав человека в связи с активным внедрением технологий является защита конфиденциальности персональных данных. Это связано в первую очередь с быстрыми темпами развития сети Интернет и цифровых технологий, что повышает ценность различного рода информации [11]. Ежегодно из-за хакерских атак происходят масштабные утечки персональных данных. Также слив информации не редко происходит по вине сотрудников компании и некорректных настроек доступа к серверам компании. Так в 2021 г. один из ведущих мировых новостных порталов Business Insider сообщил о публикации в свободном доступе личных данных более 500 млн пользователей одной социальной сети. Утечка информации затронула как российских пользователей (более 10 млн, так и граждан Египта (44 млн), Италии (35 млн), США (32 млн), Франции (19 млн и других стран. Другим примером является опубликованный в конце августа 2022 г. дампы базы данных онлайн-кинотеатра START. Данный дампы содержит информацию о 44 млн пользователей, а именно ФИО, адрес электронной почты, IP-адреса, информация о стране, а также дате начала/окончания подписки [4]. Также одним из самых масштабных случаев утечки персональных данных пользователей за последние годы является случай, произошедший в российской компании «СДЭК» [1].

В связи со сложившейся практикой многие пользователи сети Интернет считают, что их личные данные станут доступны третьим лицам. В ходе опроса, проведенного центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, было установлено, что 64 % пользователей опасаются утечки своих персональных данных (рис. 2) [16].

Важно отметить, что проблема конфиденциальности персональных данных и противодействие утечке персональных данных не является вызовом для одного государства, а носит международный характер. Как показывает практика законодательное регулирование вопросов защиты персональных данных в рамках одной юрисдикции нельзя назвать эффективным. В связи с этим представляется возможным регламентация данного вопроса на международном уровне.

Рис. 2. Данные опроса [22]

Также одной из причин препятствующей развитию эффективного правового регулирования данного вопроса является неопределенность статуса информации на законодательном уровне. Необходимо отметить, что до 2006 г. в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации информация была закреплена в качестве объекта гражданских прав [2]. Однако в настоящее время информация из данного перечня исключена. Между тем, исходя из анализа норм Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», можно сделать вывод, что, несмотря на то, что информация как объект гражданских прав Гражданским кодексом Российской Федерации больше не закреплена, ее все равно можно рассматривать в качестве объекта гражданских прав [19]. Так, п. 1 ст. 5 данного законодательного акта закрепляет следующее положение: «информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений». Несмотря на то, что вопрос об отнесении информации к объектам гражданских прав в настоящее время носит дискуссионный характер, легальное закрепление данного факта способствовало бы эффективному развитию правоотношений, реализация которых возможна только под эгидой единых стандартов [7].

Еще одним частым явлением в сети Интернет являются различные мошеннические схемы и кибератаки. Согласно экспертным оценкам за последнее время количество таких преступлений выросло в 25 раз. При этом большая половина преступлений, а именно 75 %, остаются нераскрытыми, в связи с недостаточным количеством технических навыков в данной области и специалистов [10]. Под кибератакой понимают определенное воздействие на информационное пространство устройства, с целью получения сведений и материалов. То есть основной целью данного деяния выступает контроль и дестабилизация удаленной системы. В последнее время наблюдается рост киберпреступности в сети Интернет. В 2020 г. произошло резкое возрастание такого рода преступлений, некоторые ученые склонны связывать его с пандемией новой коронавирусной инфекции «COVID-19» [6]. Перевод многих сотрудников на удаленный режим работы с применением дис-

танционных технологий в период пандемии привел к увеличению потенциальных жертв киберпреступности и как следствие повысил риск кибератак для корпоративных IT-систем. Согласно статистической информации за 2020 г. количество таких преступлений выросло на 94 %. Еще в 2016 г. их было зафиксировано всего 66 тыс. В 2021 г. только за 7 месяцев было совершено около 320 тыс. такого рода преступлений, что выше на 16 % по сравнению с показателем прошлого периода. В качестве примера масштабной кибератаки можно привести вредоносную компьютерную программу WannaCry. Данный вирус был направлен на операционную систему Windows и с помощью уязвимости нулевого дня проникал в компьютеры, зашифровывал и блокировал все содержимое и требовал деньги за разблокировку [4]. Под воздействием данного вредоносного программного обеспечения оказались такие страны, как Испания, Индия, Россия. В связи с данной программой была нарушена работа финансовых организаций, государственных органов, больниц, аэропортов. Данная кибератака не является единичной. Необходимо отметить, что подобные действия в первую очередь нарушают закрепленные на законодательном уровне права человека, в том числе право на неприкосновенность личной жизни. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации [18].

Говоря о киберпреступности как о существенной угрозе для прав человека, необходимо отметить фишинг и мошенничество с помощью SMS-сообщений. В первом случае деяние направлено на получение личных и платежных данных пользователей. Как правило, фишинг осуществляется путем рассылки сообщений с вредоносным кодом. Другим более «популярным» способом является телефонное мошенничество, осуществляемое путем SMS-сообщений и звонков. Целью таких звонков и сообщений является вынудить человека перевести определенную сумму денежных средств, сообщить данные банковских карт и так далее. Исходя из анализа практики, жертвами в таких ситуациях становятся люди пенсионного возраста.

Другой угрозой, стоящей перед реализацией прав человека, выступают различные акты агрессивного поведения в цифровой среде. Данная проблема носит больше нравственно-правовой характер и связана с целенаправленными оскорблениями и унижениями, посредством цифровых платформ. Так называемый кибербуллинг является в первую очередь покушением на достоинство личности, а также в зависимости от содержания может квалифицироваться как нарушение права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, посягательство на честь и доброе имя человека. За различные оскорбительные высказывания в сети Интернет ответственность наступает согласно нормам закрепленных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях или Уголовном кодексе Российской Федерации об ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, за оскорбление личности, клевету и т. д. Исходя из анализа судебной практики чаще всего в данных ситуациях ответственность наступает по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Несмотря на то, что в Государственную Думу РФ часто поступают законодательские инициативы о введении уголовной ответственности именно за кибербуллинг в настоящее время законодательством

Российской Федерации специальные нормы, устанавливающие ответственность за данное деяние, не предусмотрены. В соответствии с данными российской компании «Лига безопасного интернета» по состоянию на 2019 г. травле и оскорблениям в сети Интернет, в том числе в социальных сетях подвергается каждый второй подросток. Так как в сети Интернет много пользователей являются несовершеннолетними, в целях ограждения их от агрессивного поведения представляется возможным принятия специального правового регулирования кибербуллинга.

Опыт зарубежных стран в вопросах установления ответственности за кибербуллинг является довольно противоречивым. Некоторые государства, такие как Италия и Сингапур, уже приняли специальные правовые акты, которые не только устанавливают меры ответственности за кибербуллинг, но направлены на защиту пользователей в информационном пространстве. Если рассматривать США, то там вопросы пресечения кибербуллинга и установления за него ответственности регулируются только на уровне отдельных штатов.

К другим проблемам, препятствующим защите и реализации в полной мере прав человека, относится цифровая дискриминация, основанная на накопление большего объема персональных данных одним лицом. Периодические сбои с технологиями, специализирующимися на распознавание человека, и произвольное введение частными компаниями социальных рейтингов также могут нарушать права человека.

Для решения вышеизложенных проблем необходимо внесение точечных поправок в нормативные правовые акты и принятие новых законов и как следствие повышение безопасности информационных систем как государственных органов, так и частных организаций. Особое место в данном случае занимает защита прав незащищенной категории населения, к таким относятся несовершеннолетние, пенсионеры и люди с ограниченными возможностями.

Представляется возможным принятие единого цифрового кодекса. Уже долгое время данный вопрос выступает предметом постоянных дискуссий среди ученых правоведов. Подобного рода законопроекты несколько раз вносились в Государственную Думу. В 2021 г. Совет по правам человека начал подготовку «Цифрового кодекса прав человека». Одним из основных положений данного кодекса должно быть закрепление ответственности за распространение ложной информации в сети Интернет не только на сайты, размещающие сведения такого рода, но и на поисковые системы. Также предлагались внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части цифровых прав. В связи с развитием технологий новации действующего законодательства Российской Федерации являются необходимыми. При этом, как полагают некоторые специалисты, работа по совершенствованию правового регулирования одной технологии, может способствовать выявлению лакунов и несовершенств в действующих законах и обосновать необходимость разработки специального законодательного регулирования [14].

Говоря о возможности принятия цифрового кодекса, важно отметить, что на данный момент само цифровое право не выделено законодателем в качестве отдельной и самостоятельной отрасли. С одной стороны, цифровому праву присущи нормы различных отраслей (регулятивные, императивные и охранительные).

Также у цифрового права отсутствуют собственные специфические методы правового регулирования, что препятствует его выделению в качестве самостоятельной отрасли права. Однако, с другой точки зрения, цифровое право имеет свой предмет регулирования – это общественные отношения, которые возникают по поводу внедрения и применения информационно-коммуникационных технологий. Необходимо отметить, что цифровое право состоит из совокупности норм, которые относятся как к основным правовым отраслям, таким как гражданское, уголовное и административное, так и к специальным комплексным отраслям, такими являются банковское право и антимонопольное законодательство. На сегодняшний день данный вопрос также носит неоднозначный и дискуссионный характер.

Исходя из вышеизложенного, вопрос изменения правовой системы под воздействием цифровой трансформации является особо актуальным в современных реалиях. Отставание действующего законодательства от темпов развития технологий негативно влияет на регулирование современных правоотношений. Интеграция новых технологий в политическую и социально-экономическую составляющую общества свидетельствует о необходимости внедрения национальных правовых систем стандартами, приобретающими иную степень совместимости в рамках создания новой макросреды правового регулирования [16, с. 4–23].

Подводя итог, необходимо отметить, что главной задачей в настоящее время является снижение рисков цифровизации и защита прав людей. В настоящее время именно цифровизация является одним из ключевых мегатрендов в развитии общества, затрагивающий различные сферы его жизни [24]. Эпоха всеобъемлющей цифровой трансформации является подходящим временем для совершенствования правовой системы государства. Как показывает практика, развитие информационно-коммуникационных технологий опережало и будет опережать правовое регулирование. Однако именно право является связующим инструментом, необходимым для достижения баланса между техническим прогрессом и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. В сеть потенциально попали данные 25 млн клиентов СДЭК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/07/2022/62d022d09a794711851de88d (дата обращения: 10.09.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 2008.
3. Демидкина О. В., Вишневецкий К. О. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест. № 7 (12). 2022.
4. Десять самых громких кибератак XXI века. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/600702d49a79473ad25c5b3e> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Задорина М. А. Некоторые проблемы цифрового обновления системы образования в условиях трансформации рынка труда // Достойный труд – основа стабильного общества. XIII Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 2021. С. 81–85.
6. Задорина М. А. Цифровизация процесса реализации конституционного права на образование в России // Проблемы взаимодействия публичного и частного

права при регулировании цифровизации экономических отношений: Материалы III Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2020. С. 36–40.

7. Калинин А. С. Интернет вещей. Принципы, технологии, перспективы развития // Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 341–342.

8. Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 71–77.

9. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. № 3.

10. Киберпреступность в 2021 году выросла на 25 %. URL: <https://pravo.ru/news/232676/> (дата обращения: 10.09.2022).

11. Ковалева Н. Н. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций // Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020.

12. Мамцов К. Г. Киберпреступность как угроза национальной безопасности / К. Г. Мамцов, Н. Р. Ачилов // Молодой исследователь Дона. 2022. № 1 (34). С. 42–45.

13. Мещерягина В. А., Морозова А. С., Жилина А. В. Правовые основы взаимодействия органов публичной власти с гражданами в социальных сетях // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5. № 4. С. 174–180.

14. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 3–12.

15. Савоськин А. В. Цифровизация экономики как стратегическая цель развития России (правовой аспект) // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек: сборник научных трудов VIII Уральских научных чтений профессоров и докторантов общественных наук. Екатеринбург, 2021. С. 29–35.

16. Степанов О. А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4–23.

17. Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117–149.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации. Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2007/11/12/ukrf-dok.html> (дата обращения: 10.09.2022).

19. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации // Российская газета. – 2006. – 29 июля.

20. Хамдамова Ф. Влияние цифровых технологий на права человека: позитивное влияние, риски, тенденции и перспективы развития (мировой и национальный опыт) // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2020. № 6 (27).

21. Хомякова, С. С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне / С. С. Хомякова. // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 9–12.

22. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. URL: <https://grans.hse.ru/media> (дата обращения: 10.09.2022).

23. Ядровская М. В., Поркшеян М. В., Синельников А. А. Перспективы технологии интернета вещей // *Advanced Engineering Research*. 2021. Т. 21. № 2. С. 207–217.

24. Höchtel J., Parycek P., Schöllhammer R. Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era // *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2016. Vol. 26, no. 1. Pp. 147–169.

25. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution* // World Economic Forum, 2016.

С. В. Педань,

студент,

Волго-Вятский институт (филиал)

Московского государственного юридического

университета имени О. Е. Кутафина

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ: УГРОЗА ИЛИ БЛАГО?

Аннотация. Жизнь в современном мире невозможно представить без различных электронных устройств. Информационные технологии без исключения внедряются во все сферы общественной жизни, юридическая отрасль не является исключением. Вопрос о внедрении LegalTech в настоящее время является одним из обсуждаемых. В данной статье рассматриваются плюсы и минусы цифровизации юридической профессии, а именно влияние цифровизации на положение юристов.

Ключевые слова: цифровизация, Legal Tech, искусственный интеллект, Интернет, информационные технологии, юриспруденция, практикующий юрист

DIGITALIZATION OF THE LEGAL PROFESSION: THREAT OR BENEFIT?

Abstract. Life in the modern world is impossible to imagine without various electronic devices. Information technologies are being introduced into all spheres of public life without exception, the legal industry is no exception. The issue of implementing LegalTech is currently one of the issues under discussion. This article discusses the pros and cons of digitalization of the legal profession, namely the impact of this digitalization on the position of lawyers.

Keywords: Digitalization, Legal Tech, Artificial intelligence, Internet, Information technology, Law, Practicing lawyer

В настоящее время активно происходит процесс информатизации общества. Без сомнения сейчас можно говорить о том, что цифровая «революция» стала главной темой многих площадок и основной темой для дискуссии в юридическом сообществе. В основном вопрос сводится к тому, необходима ли юристам своя цифровая платформа, и как ее можно внедрить, чтобы она приносила пользу как самим юристам, так и их клиентам.

Общеизвестно, что с использованием сети Интернет можно найти практически любую информацию, которая находится в свободном доступе, в том числе описание всевозможных товаров, работ и услуг, отзывы на ту или иную работу, рекомендации и опыт других людей в различных и многое другое. При этом отметим, что свободный доступ к такому виду информации на сегодняшний день – это особенность гражданского оборота.

Юридические услуги также попали в поле действия так называемой цифровой доступности информации. На сегодняшний день любая спорная ситуация, требующая юридической квалифицированной услуги, может быть решена с помощью Интернета. В частности, формы (шаблоны) многих юридических документов уже давно перестали быть каким-то секретом, напротив, их можно найти на многих сайтах, содержащих какую-либо правовую информацию. Становится очевидно, что на современном этапе развития многих стран использование информационных ресурсов приобретает все большую значимость для общества. Но так ли они значимы для практикующих юристов?

Основным направлением развития информационно-технологического обслуживания людей в области юриспруденции служит такая отрасль бизнеса как Legal Tech. Данная платформа представляет пользователям юридические услуги, реализуемые между заказчиком и юридической фирмой с помощью информационных технологий либо предоставлением необходимого набора инструментов для юридического самообслуживания, исключающих всякую необходимость обращения к профессиональным юристам [2. С. 64]. К таким инструментам можно отнести составление готового документа по шаблону, ответы на однотипные вопросы и различные инструкции, необходимые в том или ином действии, к примеру, инструкция по подаче искового заявления в суд.

Также необходимо заметить, что Legal Tech это не столько компьютерные программы для оказания юридической помощи, сколько правовые инновации, которые меняют все содержание профессии юриста. Поэтому важно проводить процесс информатизации юриспруденции поэтапно.

Так, многих работников в области юриспруденции обеспокоили слова президента Сбербанка России Г. Грефа о том, что в результате информатизации большинства сфер общественной жизни штат одного из самых крупнейших банков страны существенно сократится за счет того, что часть юридической работы будет передана различным ботам. Успокоить практикующих юристов поспешил Игорь Кондрашов, директор правового департамента Сбербанка России. Он отметил, что информационные технологии никогда не заменят человека, единственная цель их внедрения – упрощении работы самих юристов [6].

Так давайте разберемся в плюсах и минусах цифровизации юридической профессии.

Правоведы не высказывают особых опасений по поводу развития Legal Tech в нашей стране. Они видят смысл цифровизации в том, что однообразные и повседневные задачи можно автоматизировать, а сложные и чувствительные для клиента или юриста стоит оставить себе.

Справедливо о цифровизации высказался А. Иванов: «Искусственный интеллект должен играть второстепенную роль, помогая человеку обнаружить про-

творечия норм права, увидеть их дублирование или нелогичность. Но на этом – все!» [3. С. 52–53]. Рассмотрим плюсы цифровизации юридической профессии и внедрения Legal Tech.

Один из самых затруднительных и утомительных аспектов в юридической сфере – поиск и анализ информации. Юристу необходимо выслушивать истории клиентов, изучать показания, исследовать множество нормативных документов, чтобы найти то, что поможет, к примеру, выиграть дело. Очень часто объемы материала настолько велики, что на поиск необходимой информации могут уйти месяцы и даже годы, что в некоторых ситуациях не идет на пользу клиенту. Внедрение же инновационных технологий позволит быстрее собирать нужную информацию. В частности, выручают практикующих юристов справочные правовые системы.

Многие юристы, которые уже давно заняты в данной профессиональной области, помнят, что раньше для успешной работы им было необходимо выписывать различные правовые газеты и журналы, которые содержали актуальные тексты нормативных правовых актов, анализировать их, систематизировать, носить с собой огромное количество кодексов и законов по принципу – вдруг там получится найти необходимую информацию. По рассказам многих знакомых юристов, можно сделать вывод что такие «ручные» книжки с различными вклейками текстов нормативных правовых актов могли быть в толщину с огромную энциклопедию (и это только одна книжечка из всего множества), при этом в такую книжку постоянно надо было вклеивать новую информацию – различные поправки к законам. Современные юристы, к счастью, с таким уже не сталкиваются, так как все эти функции выполняют справочно-правовые системы, позволяющие в несколько кликов получить полную «картину» по конкретному вопросу, сформировав подборку нормативно-правовых актов, судебной практики и иных источников, причем займет это всего несколько минут, если не секунд. Известные примеры в нашей стране «Консультант Плюс» и «ГАРАНТ». Неужели юрист не захочет упростить себе работу и сэкономить свое время? Конечно же, он этим воспользуется.

Процесс цифровизации в юридической сфере также позволяет использовать мобильные приложения, что, безусловно, является весомым плюсом. Благодаря этому необходимости постоянно быть около компьютера в офисе не возникает, что, кроме прочего, улучшает взаимодействие с клиентами и ускоряет реакцию на запросы, ведь смартфон постоянно под рукой. Клиент может получить консультацию практически мгновенно. Заметим, что это является плюсом и для юристов, и для их клиентов.

При этом при использовании мобильного приложения юридическим организациям необходимо обратить внимание на обеспечение базовых гарантий защиты передаваемых данных при общении с клиентами онлайн. Хороший пример такого приложения – мессенджер Wickr me [1. С. 2]. Он не является разработкой Legal Tech, но активно используется именно практикующими юристами. Почему? В этом приложении главное – информационная безопасность. Клиенту обеспечивается полная анонимность, т. е. всю информацию, включая фото, аудио, текст и видео, он передает в зашифрованном виде. Достаточно удобно, особенно ког-

Благодаря автоматизации несложных услуг (к примеру, получения справки из какого-либо государственного органа, создания документа по шаблону и т. д.) можно исключить необходимость человека обращаться к юристам. В чем здесь смысл? Речь идет не о том, чтобы вообще «убрать» юриста, а о том, чтобы разгрузить его и ускорить предоставление услуг для самих клиентов. Юрист все равно должен будет следить за актуальностью процесса.

Так, в юриспруденции достаточно много сфер, в которых действуют стереотипные правила поведения: регистрация юридических лиц, фиксация нарушения правил дорожного движения, получение разного рода справок, сдача налоговых деклараций и отчетов, совершение платежей, заключение простых договоров и т. д. В таких «стереотипных» сферах без информатизации (автоматизации) не обойтись. Это избавит юристов от рутинной работы – они смогут направить свои силы на сложные и более важные вопросы.

При этом отметим то, что не все причисляют фиксацию нарушений правил дорожного движения к «стереотипным» сферам [8. С. 22]. В частности, эксперты объясняют это тем, что люди, которые привлекаются к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, имеют мало шансов при обжаловании, так как «камера врать не будет». Да, она не врет, но не учитывает какие-либо факторы при таких нарушениях. Нравится ли это людям? Однозначно, нет. К сожалению, на дорогах часто возникают ситуации. Которые камера просто не в состоянии передать: мы видим картину, но не видим ее причину. Например, авария препятствует проезду по разрешенной полосе движения и т. п. Поэтому даже в этой сравнительно простой сфере без людей не обойтись. Именно в этом и кроются многие минусы цифровизации юридической профессии. При этом сами юристы опасаются выхода новых технологий на первый план.

С распространением цифровизации в России многие мелкие, фирмы и просто частные юристы «отошли от дел» из-за недостаточного количества клиентов [5]. Вообще процесс информатизации юридической отрасли вызывает у человека страх, что он станет не нужным работодателю, поэтому люди в качестве протеста не хотят обучаться новому, ведь это ускорит процесс перехода на технологии.

Стоит отметить и то, что без человека результат оказания юридических услуг будет на низком уровне. В частности, многие юридические услуги, оказанные в сети Интернет или с помощью разработок Legal Tech, делаются на скорую руку и, соответственно, имеют низкий уровень качества. Информационные ресурсы сети Интернет позволяют каждому человеку стать юристом и давать минимальные правовые советы даже без наличия высшего юридического образования и опыта практической работы, а при условии высокого роста мошенничества через Интернет, такой способ «отмывания денег» становится реальным.

При изучении данной темы следует ознакомиться с научным трудом Ричарда Саскаинда под названием *The Future of Law: Facing the Challenges of Information Technology* [11. С. 385]. Название довольно ясно передает все содержание книги: «Будущее права: противодействие вызовам информационных технологий.

Здесь автор подробно отобразил свой взгляд на взаимодействие новых технологий и юридической профессии. Причем его взгляды носят довольно пессимистиче-ский настрой. В чем он выражается?

Автор отмечает, что различные вариации юридической профессии в ско-ром времени будут все чаще прибегать к помощи информационных техноло-гий, а в будущем вообще исчезнуть – со всем вполне сможет справиться робот. На смену человеку придут различные программные приложения и информаци-онные разработки, которые будут иметь огромную базу законодательства, ито-говые решения по многим делам и однотипные инструкции при каждой спорной ситуации. Так, вместо суда будет создан аппарат по типу «волшебной» кабинки, куда стороны смогут поместить материалы дела – доказательства. Спустя пару минут обработки полученной информации такой аппарат выдаст чек – решение суда, которое нельзя будет оспорить. Машина же не ошибается. Такие разноо-бразные новшества 21 века в итоге сэкономят время и деньги клиентам, но лишат работы юристов. Конечно, многие правове-ды, которые являются сторонниками цифровизации, уверяют нас в обратном. А. Пронин – директор центра юриди-ческих технологий Фонда «Сколково» – отмечает: «Инновационные технологии внедряются ради повышения эффективности, а не ради замещения людей. Если в процессе замещения кто-то лишился работы, значит, его деятельность была не-эффективно организована и имела потенциал к оптимизации. Это естественный этап эволюции во многих сферах» [4]. Вот только всем известно, что человек пока не знает меры в чем-либо. И простое желание повысить эффективность оказания юридических услуг может перейти в полную замену человека роботом.

Не можем обойти стороной и качество правосудия. Действительно, при вне-дрении современных IT-технологий, мы сможем наблюдать сжатые сроки рассмо-трения дела, а также иные показатели, тесно связанные с «технической» частью судебного процесса. Вместе с тем качество правосудия определяется не только техническими возможностями, но и в большей мере – человеческим фактором. Исходя из этого, можно заключить, что цифровизация будет способствовать разви-тию «шаблонного» правосудия, что приведет к деградации защиты прав граждан.

Но не только наличие таких минусов мешает полной цифровизации юриди-ческой сферы. Приведем мнение директора по маркетингу CMS и главы европейской Legal Tech ассоциации Тобиаса Хайнинга, который в 2019 г. в своем интервью вы-сказал возможные причины отказа от внедрения инноваций в сферу юриспруденции именно на российском рынке [8. С. 20]. Он выделил основные причины: сбой в ра-боте программы, утрата персональных данных, высокие траты на обучение.

Спешим опровергнуть такие опасения: многие разработки Legal Tech обла-дают высокими уровнями защиты и с каждым годом степень безопасности усовер-шенствуется. Теперь про обучение: успешные юристы должны обладать живым умом, а с частотой смены законодательства (один Налоговый кодекс чего стоит) быстро учиться для юриста – один из ключевых навыков. Так что время и день-ги, потраченные на овладение навыками пользования новыми технологиями, не превышают потраченного времени на изучение нового законодательства. Это мы запишем в плюсы.

К тому же российские юристы выделяют ряд факторов, которые явно мешают развитию Legal Tech в нашей стране:

Бюджет: как известно, около 80 % юридических фирм в нашей стране – мелкие компании, число сотрудников которых не превышает 10 человек. Чаще всего они предоставляют населению самые простые юридические услуги (составление документов, консультация по спорным вопросам, составление брачного договора). Такие услуги не имеют высокой цены, поэтому таким фирмам не по карману современные юридические технологии (оплата только работы одного программиста для разработки чат-бота обойдется компании в один млн рублей) [7].

Образование: многие высшие учебные заведения не используют для подготовки студентов современные технологии, особенно речь идет о провинциальных вузах, не обучают будущих юристов новым технологиям, не рассказывают о новых возможностях. Уже стало очевидным, что право и IT-технологии связаны, а значит, нужно обучать будущих юристов и информационным технологиям. На практике же преподаванию изучения информационных технологий уделено совсем мало времени. При этом изучают студенты стандартные программы: Word и Excel. По этой причине студенты не успевают освоить все возможности совместной работы юриста и информационных технологий.

Поведенческие паттерны: в обществе сложилось мнение, что внедрение дорогих инновационных разработок окупается только через большое количество времени. Но мы хотим успокоить работодателей: час работы даже начинающего специалиста будет всегда дороже, чем час работы робота. С этим сложно спорить. И за этот час программа выполнит количество задач, которое человек выполнит только за полный рабочий день. SRA в прогнозном отчете на 2019–2020 гг. рассказывало про одно любопытное исследование. Двадцати опытным юристам и искусственному интеллекту была дана задача выявить ошибки в текстах договорах [10]. И искусственный интеллект, и юристы показали точные результаты. Но есть один нюанс: у юристов это заняло 92 минуты, а программа справилась за 26 секунд. Это еще раз подтверждает эффективность программ Legal Tech.

Таким образом, на сегодняшний день юрист должен знать не только гуманитарную стезю, но и развивать такие навыки как уверенное пользование ПК, создание простых программ, проведение алгоритмизации. В обратном случае над таким юристом стоит угроза его замены так называемыми «чат-ботами» или другими похожими программами.

При этом не стоит рассматривать скорую цифровизацию юридической профессии как угрозу, ведь в данном формате работают многие отрасли. Например, профессия бухгалтера до сих пор пользуется достаточно большим спросом, хотя в этой области уже давно стали применяться информационные технологии для оптимизации процесса. Также важно помнить, что в любом нововведении необходимо сразу обозначить какие-либо рамки, иначе рост информационных технологий в данной сфере мы сдержать не сможем. То есть необходимо ввести законодательные ограничения на применение инновационных разработок, тогда юрист не потеряет рабочее место или прибыль, а, наоборот, упростит и себе работу, и клиенту поможет быстрее.

Список литературы

1. Бакунин Р. Ю. Актуальные проблемы юриспруденции в эпоху цифровизации // Публикации педагогов. – 2019. – С. 2.
2. Грачева А. В. От правовой информатики до LEGAL TECH: история развития в России и за рубежом // Закон. 2019. № 5. С. 64.
3. Иванов А. А. Цифровизация и доктрины права // Закон. 2019. № 12. С. 52–53.
4. Пронин А. Лекция в рамках программы повышения квалификации «LegalTech директор». URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2018/09/11/legal-tech-bez-paniki-i-haypa.aspx> (дата обращения 15.07. 2022).
5. Сысоева А. Legal Tech. Мнение // ООО «Издательская группа «Закон»». URL: https://zakon.ru/blog/2019/09/16/legal_techmnenie (дата обращения 20.06. 2022).
6. Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. – 2017. 13 нояб. URL: <https://kommersant.ru/doc/3466185> (дата обращения: 24.06.2022).
7. Сколько стоят чат-боты? / Aimylogic. URL: <https://aimylogic.com/ru/kak-sdelat-chatbota/skolko-stoit-chatbot?ysclid=156ltogcdr74313355> (дата обращения: 04.07.2022).
8. Цифровизация и юристы будущего // Закон. 2017. № 11. С. 20–36. URL: <https://www.simplawyer.com/wpcontent/uploads/Zakon.ru-Legal-Tech-and-lawyers-of-the-future.pdf?ysclid=14zu9g9p1v107920526> (дата обращения: 10.06.2022).
9. Цифровизация юридической профессии: будущее отрасли // Сфера. – 2021. URL: <https://pravo.ru/lf/story/211500/?ysclid=157ynv7yif110016008> (дата обращения: 05.07.2022)
10. Четвертое независимое ежегодное исследование тенденций Advanced за сентябрь 2019 г. URL: <https://www.oneadvanced.com/trends-report/2019-20/> (дата обращения: 04.07.2022).
11. Richard E. Susskind. The Future of Law: Facing the Challenges of Information Technology. CLARENDON PRESS OXFORD. – 1996. – 385 p.

А. Г. Перевалов,

аспирант,

Уральский институт управления –

филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния цифровизации на трудовые отношения в сфере малого предпринимательства. Последовательно, обосновывается тезис о том, что внедрение цифровых технологий в трудовые отношения является одним из условий развития малого и среднего предпринимательства в России и формирования благоприятного делового климата в этой сфере. Исследуются эф-

факты цифровизационных преобразований, таких как введение электронных трудовых книжек и электронного кадрового документооборота, в том числе в секторе малого бизнеса. Анализируется судебная практика по вопросу допустимости электронных доказательств в сфере трудовых отношений. Делается вывод о том, что недостаточные цифровые навыки работников и работодателей, трудности внедрения новых технологий являются главными препятствиями для перехода трудовых отношений в сфере малого предпринимательства на новый цифровой уклад.

Ключевые слова: трудовое право, трудовые отношения, цифровизация, цифровые технологии, малое предпринимательство, микропредприятия, электронный документооборот

DIGITALIZATION OF LABOUR RELATIONS IN SMALL BUSINESS

Abstract. The article considers the impact of digitalization on labor relations in the sphere of small business. Consistently, the thesis that the introduction of digital technologies in labor relations is one of the conditions for the development of small and medium-sized entrepreneurship in Russia and the formation of a favorable business climate in this sphere is substantiated. The effects of digitalization changes, such as the replacement of work books with information about work in electronic form and the transition to electronic personnel workflow, including in the small business sector, are being studied. Case law on the admissibility of electronic evidence in labour relations analysed. It is concluded that insufficient digital skills of employees and employers, difficulties of introduction of new technologies are the main obstacles for transition of labor relations in small business to a new digital mode.

Keywords: Labour law, Labour relations, Digitalization, Digital technologies, Small business, Microenterprise, Electronic document management

Современный этап развития общества характеризуется глубоким внедрением цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности. Указанные технологии (например, искусственный интеллект, аналитика больших данных, Интернет вещей и другие) составляют в настоящее время производственную основу экономики и, как следствие, серьезно влияют на правовое регулирование разнообразных общественных отношений.

Широкий охват использования цифровых технологий стал причиной появления в юридической науке термина «цифровое право», под которым понимается совокупность не объединенных единым методом регулирования правовых норм и институтов, регулирующих разнообразные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий [11. С. 7].

Естественно, использование цифровых технологий в полной мере затронуло и общественные отношения в сфере труда, в том числе с участием особых видов работодателей – субъектов малого предпринимательства.

Вопрос влияния цифровизации на регулирование трудовых отношений в сфере малого предпринимательства является особенно интересным и актуальным, поскольку сегодня на международном и государственном уровне признается, что

малые предприятия являются одним из факторов, инновационного и социального развития, а также обеспечения высокого уровня занятости.

Так, в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда провозглашено, что во время преобразующих изменений в сфере труда, обусловленных технологическими инновациями, МОТ должна направлять свои усилия, в том числе на укрепление роли предприятий, и особенно микро-, малых и средних предприятий в качестве одного из главных источников экономического роста и создания рабочих мест, а также на использование потенциала технологического прогресса в целях обеспечения достойного труда.

На национальном уровне этот же подход содержит Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203.

Вместе с тем нашим государством признается, что в современных экономических условиях субъекты малого предпринимательства обладают недостаточной инновационной и инвестиционной активностью, имеют нереализованный потенциал развития, в связи с чем Правительством Российской Федерации запланированы стратегические мероприятия по содействию малому бизнесу, в том числе: совершенствование политики в области налогообложения; повышение качества государственного регулирования в сфере малого предпринимательства, направленное на снижение административной нагрузки со стороны контрольных и надзорных органов, повышение гибкости регулирования труда на малых предприятиях, создание и развитие единой информационно-сервисной инфраструктуры для субъектов малого бизнеса (распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р).

Подразумевается, что качественная реализация вышеуказанных мер поддержки приведет к развитию сферы малого предпринимательства и созданию гибкой, конкурентоспособной на мировом уровне, современной экономики, обеспечивающей высокую занятость населения и положительные социальные преобразования.

В соответствии с пунктом 1 ст. 3 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон о малом и среднем предпринимательстве) субъектами малого и среднего предпринимательства являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, отнесенные в соответствии с условиями, установленными Законом о малом и среднем предпринимательстве, к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Признаки субъектов малого предпринимательства и критерии отграничения их от среднего и крупного бизнеса закреплены в ст. 4 Закона о малом и среднем предпринимательстве. К ним относятся: структура уставного или складочного капитала (например, для признания хозяйственного общества малым предприятием его участники – юридические лица, не являющиеся субъектами малого и среднего предпринимательства, могут владеть в сумме не более чем 49 % в уставном капитале); среднесписочная численность работников (для малых предприятий – не более 100 человек, для микропредприятий – не более 15 человек); годовой доход от осуществления предпринимательской деятельности (для малых предприятий – не более 800 млн рублей, для микропредприятий – не более 120 млн рублей).

Таким образом, существенными признаками малых (и в особенности микро) предприятий являются небольшая численность сотрудников по сравнению с крупными предприятиями и небольшой объем предпринимательского дохода.

Законодательство РФ предусматривает различные виды поддержки для субъектов малого предпринимательства, включая имущественную, информационную, консультационную и другие.

Как было указано выше, одним из факторов развития малого предпринимательства является обеспечение гибкости регулирования труда в малых предприятиях, которое достигается, во-первых, путем дифференциации правового регулирования, под которой понимается установление особенностей регулирования труда для отдельных категорий работников [12. С. 106], а во-вторых, путем правовой регламентации внедрения цифровизации в сферу трудовых отношений.

Что касается дифференциации правового регулирования трудовых отношений в сфере малого предпринимательства, то с 01.01.2017 в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) введена новая глава 48.1, устанавливающая специфику правового регулирования труда лиц, заключивших трудовые договоры с работодателями – микропредприятиями.

Глава 48.1 ТК РФ предусматривает, что работодатель-микропредприятие, может не принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права (например, правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда и другие). В этом случае положения и условия, которые обычно регулируются локальными нормативными актами, должны включаться в трудовой договор, типовая форма которого утверждена Правительством Российской Федерации.

Данное нововведение было принято в качестве меры поддержки малого бизнеса с целью снижения ресурсного бремени, связанного с выполнением требований трудового законодательства.

Внедрение цифровизации также оказывает непосредственное воздействие на развитие малого предпринимательства, поскольку при переходе с традиционного на цифровой уклад экономики сервисные технологии и цифровые платформы становятся ключевыми элементами в механизме функционирования малых предприятий.

На сегодняшний день наиболее востребованным является интернет-ресурс «Цифровая платформа МСП», которая представляет собой государственную платформу поддержки предпринимателей. Цель платформы – бесплатно предоставить доступ ко всем необходимым для бизнеса сервисам в одном месте.

Важными цифровыми платформами в сфере трудовых отношений являются «Работа России» и «Онлайнинспекция.рф». Портал «Работа России» – федеральная государственная информационная система, помогающая гражданам найти работу, а работодателям – сотрудников и содержащая подсистему «Электронный кадровый документооборот». При этом все услуги портала предоставляются бесплатно. Ресурс «Онлайнинспекция.рф» позволяет работникам обратиться в трудовую инспекцию, а работодателям – провести самопроверку на предмет соблюдения трудового законодательства.

Тем самым особое значение в настоящее время приобретают вопросы: а) адекватного правового регулирования общественных отношений по внедрению и ис-

пользованию цифровых технологий в процессе осуществления трудовых отношений [8. С. 197]; б) адаптации участников трудовых отношений (работников и работодателей), в том числе в сфере малого предпринимательства к новым, меняющимся условиям жизни и новому, «цифровизированному» труду [9. С. 132]; в) защиты трудовых прав работников в условиях цифровой трансформации экономики.

Влияние цифровизации на трудовые отношения нашло отражение в действующем законодательстве, в частности, в ТК РФ появились такие понятия как «сведения о трудовой деятельности» и «электронный документооборот».

Федеральным законом от 16.12.2019 № 439-ФЗ, законодатель закрепил в ТК РФ новую ст. 66.1, в которой ввел альтернативу традиционной трудовой книжке – сведения о трудовой деятельности в электронном виде. Такие сведения формируются работодателем по каждому работнику, в основном, дублируют данные трудовой книжки и хранятся в информационных ресурсах Пенсионного фонда Российской Федерации.

Работникам, имеющим трудовой стаж до 2021 г., предоставлено право выбора между бумажной трудовой книжкой и сведениями о трудовой деятельности в электронном виде. Для работников, начинающих свой трудовой путь с 2021 г., бумажная трудовая книжка уже не заводится.

В пояснительной записке и финансово-экономическом обосновании к проекту данного федерального закона указаны цели его принятия: повышение уровня сохранности сведений о трудовой деятельности, упрощение взаимодействия работника и службой работодателя, сокращение издержек работодателя на ведение и хранение бумажных трудовых книжек. Экономия средств от ведения сведений о трудовой деятельности только в электронном виде в отношении всего 5 % работников (2,9 млн человек), по экспертным оценкам должна была составить в 2021 г. около 0,5 млрд рублей [14].

Следует отметить, что перевод сведений о трудовой деятельности в электронный формат имеет место и в зарубежных странах. Так, в Испании существует электронная система Vida Laboral («трудовая жизнь»), где фиксируются сведения о трудоустройстве и увольнении сотрудников, а также о состоянии налоговых отчислений [6. С. 7].

Вместе с тем ряд социальных опросов показал, что ни работодатели (в том числе малые предприятия), ни работники не готовы в полной мере заменить традиционные трудовые книжки электронным форматом.

Так, по данным исследования сервиса для малого и среднего бизнеса «Бухсофт», многие компании малого и среднего бизнеса негативно отнеслись к введению электронных трудовых книжек. Большинство опрошенных компаний указали, что из-за нововведения опасаются столкнуться с новыми формами и дополнительными отчетностями. Также негативное отношение объясняется тем, что в большинстве опрошенных компаний нет специалиста отдела кадров, который отвечает за переход на новый формат, и вся ответственность по переходу ляжет на бухгалтера [15].

Свежие данные по результатам опроса сервиса Superjob, который проводился 9–13 января 2022 г. в 171 населенном пункте всех федеральных округов Российской Федерации с участием 1000 респондентов – менеджеров по персоналу и предста-

вителей кадровых служб организаций, показывают, что большинство (35 %) опрошенных считают, что введение электронных трудовых книжек усложнило кадровое делопроизводство в компании. Остальные ответы респондентов распределились следующим образом: 29 % – считают, что упростило, 25 % – считают, что никак не отразилось, 11 % – затруднились ответить [16].

При этом чаще всего респонденты в обоснование усложнения кадрового делопроизводства указывали, что объемы работы возросли: теперь им приходится вести и бумажные, и электронные трудовые книжки.

В библиодосье парламентских слушаний Государственной Думы Российской Федерации от 25.01.2018 «Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике» указано, что по данным социологических исследований половина граждан пока не готовы доверить свой трудовой стаж исключительно цифровым носителям, считают, что надежнее хранить оба формата. Только 18 % ратуют за переход на электронные носители – преимущественно жители крупных городов и молодежь. А 48 % опрошенных вообще не слышали об идее введения электронных трудовых книжек [17].

Таким образом, в настоящее время заявленную цель введения электронных трудовых книжек – упрощение кадрового делопроизводства – нельзя признать в полной мере достигнутой, поскольку объемы работы у работодателей только возросли в связи с формированием сведений о трудовой деятельности каждого работника в электронном виде при одновременном сохранении трудовых книжек. Исследователи справедливо отмечают, что переход к электронным трудовым книжкам может затянуться, учитывая, в том числе уровень компьютерной грамотности населения [6. С. 9].

Федеральным законом от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» в ТК РФ были введены ст. 22.1–22.3 ТК РФ, регулирующие электронный документооборот в сфере трудовых отношений (далее – ЭДО).

Данное нововведение стало результатом эксперимента по использованию ЭДО, проводился с мая 2020 г. по ноябрь 2021 г. Эксперимент проводился в таких крупнейших организациях как РЖД, Газпромбанк, Автоваз, Росбанк, Северсталь, Ростелеком, Яндекс, Альфа-Банк и другие с целью определения достоинств и недостатков использования кадровых электронных документов без дублирования на бумажном носителе и подготовки соответствующих поправок в трудовое законодательство.

Эксперимент был признан удачным, опыт показал, что использование ЭДО работодателем имеет ряд преимуществ по сравнению с бумажным документооборотом, а именно: лучшая защита документации от повреждения и потери, упрощение процесса оформления трудовых отношений, сокращение издержек работодателя, обеспечение быстрого доступа работника к необходимым документам, связанным с работой.

Введение статей 22.1–22.3 ТК РФ обеспечивает нормативную основу для широкого внедрения ЭДО. При этом решение о переходе на электронные документы принимается каждым работодателем самостоятельно и добровольно с обязательным получением согласия работников (за исключением лиц, поступивших на работу

с 01.01.2022 и не имеющих трудового стажа). Работодатели также вправе выбрать информационную систему для ЭДО. Использовать можно как собственную информационную систему, так и бесплатную подсистему ЭДО портала «Работа России».

Статьями 22.1–22.3 ТК РФ закреплены положения, связанные с порядком перехода на ЭДО, информированием работников и лиц, поступающих на работу, о переходе работодателя на ЭДО, сохранением бумажной формы для отдельных кадровых документов, нормы о видах электронной подписи, которой кадровый документ должен быть подписан в зависимости от степени его значимости.

Стоит отметить, что переход на ЭДО на портале «Работа России» влечет явные преимущества как для работодателей (бесплатный доступ к функционалу ЭДО, упрощенное и оперативное оформление кадровых документов, сокращение расходов на их печать, отправку и хранение, сокращение времени проверок государственных органов и предоставляемых для этого документов), так и для работников (единый доступ к документам от всех работодателей через портал Госуслуг, возможность дистанционного взаимодействия без посещения офиса работодателя, независимость от работодателя в вопросе получения кадровых документов).

Вместе с тем в ходе эксперимента по введению ЭДО тестируемыми организациями было указано на высокий риск работодателя быть наказанным из-за проблем технического характера. Так, в случае ошибок программного обеспечения, потери данных, а также их несанкционированного использования третьими лицами ответственность перед работником и контрольно-надзорными органами придется нести именно работодателю [13. С. 34].

Введение положений об электронном документообороте в ТК РФ на основании результатов проведенного эксперимента, безусловно, положительно влияет на качество правового регулирования трудовых отношений. Однако, как указано выше, участниками эксперимента были работодатели – представители крупного бизнеса, что не позволило в полной мере изучить способность субъектов малого предпринимательства перейти на электронный документооборот. В то же время среди актуальных проблем развития малого бизнеса, вызванных цифровизацией, отмечаются некомпетентность предпринимателей и работников и трудности внедрения новых технологий [7. С. 488]. Малые предприятия обладают меньшим инновационным потенциалом по сравнению с крупным бизнесом не только в России, но и в иностранных государствах. Например, опыт цифровизации трудовых отношений в Германии показывает, что этот процесс происходит на совершенно новом уровне сложности, и обращение с ним отнюдь не является само собой разумеющимся в рамках ограниченных структур мелких компаний [10. С. 18]. По данным Международной организации труда малые и средние предприятия некоторых стран столкнулись со сложностями при переходе на удаленный режим работы в связи с неготовностью к внедрению цифровизации в трудовой процесс. Например, в Аргентине малые и средние предприятия переходят на удаленный режим работы намного реже, чем крупные. Главная причина – отсутствие цифрового документооборота и неготовность правил и процедур внутреннего распорядка к переходу на такой режим [18].

Тем самым для обеспечения перехода субъектов малого предпринимательства на электронный кадровый документооборот и эффективного его использования

необходимо развитие цифровых компетенций как у самих работодателей путем их надлежащего информирования, реализации бесплатных образовательных программ, так и у работников – путем всестороннего развития их профессиональной подготовки, создания системы повышения квалификации.

Внедрение информационных технологий в сферу трудовых отношений также положительно влияет на возможность защиты работником своих трудовых прав. Этому способствует как законодательные нововведения (сведения о трудовой деятельности в электронном виде, электронный кадровый документооборот), дающие работнику возможность доступа к кадровым документам в любое время, так и судебная практика, признающая юридическое значение электронной переписки в мессенджерах.

Говоря о судебной практике, нельзя не упомянуть о прогрессивной правовой позиции, изложенной в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 по делу № А40–93872/2019, согласно которой «взаимодействие хозяйствующих субъектов посредством мессенджеров и иных технических средств мгновенной коммуникации, является обычной практикой, позволяющей увеличивать скорость коммуникации, а значит, сокращать сроки согласования договорных обязательств, устранения недочетов в работе, времени исполнения и иных параметров, согласование которых в ином порядке представляет более затратную процедуру с точки зрения времени и стоимости» [19]. Исходя из этого, суд заключил, что переписка сторон спора в мессенджере может служить допустимым доказательством юридических фактов.

Данная правовая позиция повлияла на судебную практику судов общей юрисдикции, в том числе по рассмотрению трудовых споров. Например, решением Октябрьского районного суда г. Уфы от 08.11.2021 по делу № 2–4431/2021 [20] работник был восстановлен на работе. Суд при рассмотрении этого дела, приняв во внимание переписку в мессенджере *WhatsApp*, пришел к выводу о вынужденности подачи работником заявления об увольнении и отсутствии у него истинного волеизъявления на прекращение трудовых отношений.

Таким образом, цифровизация привнесла в хозяйственный оборот и в сферу трудовых отношений феномен электронных доказательств. И анализ судебной практики показывает, что такие доказательства, в частности переписка в мессенджерах, могут признаваться судами допустимыми при доказывании юридически значимых обстоятельств.

Подводя итоги, следует отметить, что внедрение цифровизации в трудовые отношения является необходимым условием для государственной поддержки и развития малого предпринимательства в нашей стране.

Внесенные в ТК РФ нововведения, закрепляющие возможность замены бумажных трудовых книжек электронным форматом, а также перехода работодателей и работников на электронный кадровый документооборот, безусловно, можно оценить как положительные и прогрессивные. Внедрение цифровых технологий в сферу труда полезно для работника, работодателя и государства, поскольку позволяет сократить издержки на ведение кадровой документации, административную нагрузку со стороны контрольных и надзорных органов, упростить порядок взаимодействия между работником и работодателем, а также установить гибкие формы труда, например,

дистанционную работу. Развитие цифровизации позволяет работникам эффективнее защищать нарушенные трудовые права путем онлайн-обращений в надзорные органы и суд, а также представления так называемых электронных доказательств в обоснование своих доводов.

В то же время процесс построения информационного общества и цифровой экономики сопровождается рядом промежуточных проблем, связанных, главным образом, с отсутствием у населения необходимых цифровых компетенций и увеличением у работодателя объема работы в связи с требованием ведения документации как в бумажном, так и в электронном виде. В сфере малого предпринимательства эта проблема является наиболее острой, поскольку этот сектор обладает меньшим инновационным потенциалом по сравнению с крупным бизнесом.

В связи с этим важно и далее развивать информационную поддержку субъектов малого предпринимательства путем реализации образовательных программ, совершенствования интернет-платформ развития бизнеса, а также не допускать необоснованного увеличения рабочей нагрузки в связи с внедрением новых технологий.

Список литературы

1. Декларация Международной организации труда «Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда» (Принята в г. Женеве 21.06.2019 на 108-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1Ja8gHT5ZSE1A1sD&cacheid=805C3CC762CD847665D15AF87F922EF5&mode=splus&rnd=2ZZ8gHTgX9nuymQ41&base=INT&n=66531#UHb8gHTsn2MZ2gX91/> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
5. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.
6. Баргоякова И. И., Новикова Т. Р. О применении электронных трудовых книжек // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 3. С. 206–216.
7. Володкевич С. И. Современные условия и источники формирования цифровых навыков субъектов малого и среднего предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. С. 485–496.
8. Иванчина Ю. В. Цифровизация социально-трудовых отношений в изменяющемся мире: сравнительно-правовой анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 192–213.

9. Новикова М. В., Белова Е. А. Влияние цифровизации на трудовые отношения // Социальные новации и социальные науки [электронный журнал]. 2022. № 1. С. 130–139.

10. Парфенова Д. С., Перцева П. В. Зарубежный опыт цифровизации в социально-трудовых отношениях // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 14–20.

11. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4(519). С. 3–12.

12. Черных Н. В. Формирование подходов к определению дифференциации трудовых отношений в рамках нетипичной занятости // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 105–115.

13. Чуча С. Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 29–35.

14. Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/748684-7> (дата обращения: 18.09.2022).

15. «Малый бизнес испугался электронных цифровых книжек». URL: <https://incrussia.ru/news/elektronnaya-trudovaya-knizhka/> (дата обращения: 18.09.2022).

16. «Переход на электронные трудовые книжки усложнил КДП каждой третьей компании». URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113311/perehod-na-elektronnye-trudovye-knizhki-uslozhnil-kdp-kazhdoy-tretej-kompanii/?utm_source=rassylkaissledovaniya&utm_medium=email&utm_campaign=20220120-rassylka-issledovaniya-21021&utm_content=1645370-1000001-0 (дата обращения: 18.09.2022).

17. Библиодосье парламентских слушаний Государственной Думы Российской Федерации от 25.01.2018 на тему «Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике». URL: http://komitet2-7.km.duma.gov.ru/upload/site31/document_news/015/496/727/rekomendatsiiskn.pdf (дата обращения: 18.09.2022).

18. Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей (Принято в мае 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cach eid=D 7A9DA9DC 5ADADA6AED 2F007 64EF4207&SORTTYPE=0&BASENODE=211&ts=nw9jBGTG3qLZkx0p&base=INT&n=66450&rnd=f81SrA#aO2sBGTsdGXk4WYy1/> (дата обращения: 18.09.2022).

19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 по делу № А40-93872/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/40534276-39cc-40b1-833c-4201f23b05bd/feb137a4-345c-4b2d-b9b8-179692c7b6e6/A40-93872-2019_20201014_Reshenija_i_postanovlenija.Pdf (дата обращения: 18.09.2022).

20. Решение Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 08.11.2021 по делу № 2-4431/2021. URL: https://oktiabrsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=suddelo&srnum=1&nameop=doc&number=20150592&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 18.09.2022).

О. А. Перепадя,

кандидат юридических наук, доцент,
Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Т. А. Прихидько,

студент,
Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: В статье освещается правовое воспитание подрастающего поколения в условиях унификации общества в целом. Цифровизация в наши дни помогает двигаться вперед. Тем самым идет развитие всего мира. А личность является полноценной, когда в багаже имеются знания и умения использования цифровых технологий, благодаря которым осуществляется общественно-политическая деятельность.

Ключевые слова: цифровизация, право, молодежь, общество, поколение, человек, индивидуализация

LEGAL EDUCATION OF THE GROWING GENERATION IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation: The article highlights the legal education of the younger generation in the context of the unification of society as a whole. Digitalization today helps to move forward, not to stand still. Thus, the development of the whole world is going on. And a person is complete when they have the knowledge and skills to use digital technologies, thanks to which social and political activities are carried out.

Keywords: Digitalization, Law, Youth, Society, Generation, Person, Individualization

Воспитание всегда являлось важной частью жизни каждого человека, даже если он этого не осознавал в детском возрасте. Первые качества будущей личности зарождаются в характере ребенка благодаря тому, какое влияние на него оказывают родители, соответственно, независимо от того, какое оно: положительное или отрицательное – чадо будет транслировать его сначала на себя, а потом на других. Та же система продолжается в школе, а затем и в высших учебных заведениях. Отличием является лишь то, что круг общения значительно увеличивается, человек сам выбирает, по какому пути он планирует идти дальше. Начинается его становление как индивидуальной личности, даже если им это еще до конца не осознанно.

Любой из перечисленных нами периодов, так или иначе, оказывает уникальное воздействие на процесс формирования себя как отдельной частицы общества, но значительную роль в нем играют еще и те условия, в которых он протекает, а также затрагиваемая им сфера.

В данном случае мы будем выражать свои мысли по поводу правового воспитания молодежи в период цифровизации.

Само по себе правовое воспитание, в нашем понимании, представляет собой деятельность, направленную на передачу правовой культуры, правовых идеалов, правового опыта и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к следующему.

Мы считаем, что его функция настолько велика, так как именно благодаря ему в сознании молодых людей происходят изменения, закладывающие представления о правовой культуре, которые в последствие эволюционируют и создают правовое мировоззрение. Кроме того, нужно сказать о правовой социализации человека, потому что его «воспитывает» поведение людей, окружающая обстановка, должностные лица различных организаций и юридическая практика.

Все вышеперечисленные нами критерии направлены на построение образа законопослушного гражданина, соблюдающего и почитающего правовые предписания общества, которые в дальнейшем нужно будет передать, принимая во внимание закономерности и принципы развития правовой культуры.

Большое значение в этом процессе имеет цифровизация. Она, безусловно, по-своему воздействует на умы людей.

Немалое количество лиц, особенно в юном возрасте, имеющих высокий «кредит доверия» к различным информационным технологиям, что, конечно же, оставляет след на последующем восприятии ими уровня правовой культуры и на их отношении к действующим правовым институтам, то есть у молодых людей появляется собственное мнение относительно обсуждаемой темы, которое позже они могут и будут транслировать знакомым, друзьям, возможно, даже не подозревая, что оно может быть ошибочным.

Освещая эту проблему, хотелось бы обозначить нашу позицию. Она заключается в том, что информацию, получаемую нашим поколением и немного младше из различных интернет-ресурсов, нельзя оценивать односторонне. Что это значит?

Нам кажется, что события, узнаваемые нами из новостных пабликов, телеграмм-каналов и других социальных площадок, могут восприниматься, как правдивые, но, зачастую, их можно обманчиво посчитать таковыми и тем самым предоставить своему, еще не сформировавшемуся, сознанию, ложную для переработки информацию, даже этого не понимая первое время.

Опять же, нельзя сказать, что это стандартная ситуация. Существует много достоверных интернет-сайтов, где каждый может найти интересное для себя, узнать что-то новое, а, главное, реально действующее.

Нельзя забывать о нормах российского законодательства, говоря о правовом воспитании подрастающего поколения. Ведь именно в Конституции РФ установлены основы общества и государства, права и свободы человека и гражданина. [1. С. 142–146].

А цифровизацию недаром считают удобным средством для саморазвития. В ее условиях оно гораздо легче, так как практически у каждого человека есть возможность выйти на просторы бесконечного количества информации. Основное по его ходу – не навредить психологическому здоровью, не принимать во внимание

все обилие информации, а подходить к ней избирательно, что только способствует формированию взглядов конкретного человека.

Российское государство, решая актуальную проблему формирования современного развитого гражданского общества, должно в широкой степени использовать правовое воспитание молодежи, осуществляемое в различных видах учебных заведений на протяжении значительного периода времени [2. С. 142–146.].

Исходя из всего вышесказанного, нам хочется подойти к выводу о двустороннем характере влияния цифровизации и создаваемых ею условий на правовое воспитание молодежи. Пользоваться Интернетом и прочими технологиями можно и даже нужно, но решающим моментом здесь является уровень развития правовой культуры в государстве, осведомленность о нем из надежных источников, а также умение человека разграничивать, где нужная и достоверная информация, а какую не стоит запоминать.

Список литературы

1. Абдуллаева М. М. Роль Конституции РФ в формировании правовой культуры // Закон и право. – 2020. – № 9. – С. 52–53.
2. Мохоров Д. А., Мохорова А. Ю., Демидов В. П. Правовое воспитание студенческой молодежи как одна из основ формирования современного гражданского общества в Российской Федерации // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 10-1. – С. 226.

Н. А. Петраков,

адъюнкт кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса,
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрен генезис и эволюция понятий цифровой экономики в гражданском законодательстве Российской Федерации. Проведен ретроспективный анализ текстов нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые права, привлечение инвестиций с помощью утилитарных цифровых прав, цифровые финансовые активы. Сделаны выводы о причинах эволюции и предположения о направлении трансформации.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые финансовые активы, утилитарные права, цифровая экономика, цифровая валюта, криптовалюта, токен

GENESIS AND EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article considers the genesis and evolution of the concepts of the digital economy in the civil legislation of the Russian Federation. A retrospective analysis

of the texts of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts regulating digital rights, attracting investments with the help of utilitarian digital rights, digital financial assets was carried out. Conclusions are drawn about the causes of evolution and assumptions about the direction of transformation.

Keywords: Digital law, Digital financial assets, Utility rights, Digital economy, Digital currency, Cryptocurrency, Token

По мнению ряда экспертов, имплементация правового режима цифровых прав в механизм гражданско-правового регулирования не оправдала возложенных на нее надежд. Такие ученые-цивилисты, как Е. А. Суханов [2. С. 372], С. В. Сарбаш [1. С. 31–54] и другие, высказывают позицию – в соответствии с которой новелла отечественного гражданского законодательства – цифровые права не являются самостоятельным объектом гражданских прав. С учеными-цивилистами невозможно не согласиться, поскольку само определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, раскрывает их в качестве юридической фикции.

Следует отметить, что принятый пакет законов в рамках национальной программы «Цифровая экономика» [3. С. 9–15], в который вошли Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ, а также Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ должны были стать ответами на вызовы цифровой трансформации. Ожидалось, что неформальные институты криптовалюты, токенов, ICO, краудфандинга и другие будут направлены в правовое русло. Однако, оценивая эффект от принятия указанных нормативно-правовых актов, можно отметить, что поставленные задачи были выполнены частично. При этом показательно, что правовой режим криптовалюты и блокчейна как одних из самых значимых триггеров цифровизации до настоящего момента надлежащим образом не проработан.

Представляется, что сложившаяся в гражданском законодательстве ситуация стала возможной, поскольку законодателем предпочтение было отдано разработке правового режима объекта, поименованного в ст. 128 ГК РФ, цифровых прав. При этом понятие «цифровое право» как не охватывает криптовалюту, или, если использовать терминологию законодателя, цифровую валюту, так и не включает в себя криптовалютные токены. Вместо этого действующее законодательство создает такие объекты, которые нельзя отнести к цифровой валюте, однако можно рассматривать как особую отечественную разновидность токенов. Речь идет о цифровом финансовом активе и утилитарном цифровом праве.

Отсутствие согласованности проектов указанных выше законов и дальнейшая их «гармонизация» привели к тому, что законодатель отказался от понятий, которые прямо называли объекты, отношения по поводу которых подлежали регулированию. Речь идет о предлагавшихся в законопроекте ФЗ о ЦФА понятиях «токен», «криптовалюта», «цифровой кошелек». Нельзя отрицать тот факт, что большое количество

формулировок было исключено ввиду их несовершенства, однако исключение понятий основных цифровых объектов из понятийного аппарата формирующегося законодательства представляется не самым удачным шагом.

Данному положению можно возразить, поскольку законодатель в пояснительной записке к законопроекту ФЗ о цифровых правах указывает, что вводимые понятия «цифровое право» и «цифровые деньги» вводятся взамен понятий «токен» и «криптовалюта» соответственно. Однако если проанализировать содержание принятых в итоге законов, то станет очевидно, что «цифровое право» невозможно экстраполировать на токены, обращающиеся на криптовалютных биржах, а понятие «цифровые деньги» и вовсе было утрачено, преобразовавшись в «цифровую валюту», которой посвящена лишь малая часть ФЗ о ЦФА.

Возвращаясь к анализу генезиса гражданско-правовых понятий цифровой экономики, следует выделить тенденцию отказа законодателя от использования общеупотребимых терминов (токен, криптовалюта, блокчейн). Последнее понятие заменяется понятием «распределенный реестр». Необходимо отметить их синонимичность, однако отсутствие между ними абсолютного тождества: «блокчейн» обозначает технологию, предполагающую хранение, обработку, передачу, модификацию информации, в ходе которых она записывается в цепочки блоков, хранится распределенно, при этом проверка тождества информации достигается выполнением алгоритмов консенсуса (PoW, PoS, PoA и др.). Одновременно с этим понятие «распределенный реестр» не отождествляется с указанными выше особенностями. Эволюция остальных понятий в ходе законотворческого процесса отображена ниже (табл. 1).

Возвращаясь к анализу генезиса и эволюции правового регулирования цифровой экономики слабым местом, помимо не вполне удачного понятийного аппарата, является и недостижение в полном объеме поставленных целей каждого законопроекта. Обратимся к первоисточникам: пояснительным запискам законопроектов.

Целью законопроекта о цифровых правах является: «Закрепление в гражданском законодательстве нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых российский законодатель мог бы осуществлять регулирование рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (в обиходе – «токены», «криптовалюта» и пр.» [4. С. 1–3]. Однако нормы, привнесшие в ГК РФ цифровые права, не могут в полном объеме распространяться на «существующие в информационно-телекоммуникационной сети новые объекты», поскольку цифровыми являются права, прямо указанные в соответствующем законе, «содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Указанные содержание и условия осуществления прав, а также правила информационных систем определяются законом, следовательно, для достижения соответствия необходима полная формализация неформальных институтов. В действительности мы видим, что правовой режим ЦФА и утилитарных цифровых прав с трудом экстраполируется на «существующие в сети новые объекты».

Таблица 1

**Эволюция и характер преобразования некоторых понятий
цифровой экономики**

Законопроект	Преобразование	Закон
Цифровые права	Изменение дефиниции и семантики	Цифровые права
Обладатель цифрового права	Незначительное изменение дефиниции	Обладатель цифрового права
Цифровые деньги	Понятие утрачено	–
Цифровой финансовый актив	Изменение дефиниции и сужение семантики	Цифровые финансовые активы
Криптовалюта	Изменение используемого термина и дефиниции	Цифровая валюта
Майнинг	Изменение используемого термина и дефиниции	– Организация выпуска цифровой валюты. – Выпуск цифровой валюты. – Организация обращения цифровой валюты
Токен	Термин утрачен, совпадение с понятием «цифровые финансовые активы»	–
Цифровой кошелек	Термин утрачен	–
Инвестиционная платформа	Сохранение термина, незначительное изменение дефиниции	Инвестиционная платформа
Токен инвестиционного проекта	Термин изменен, сокращение дефиниции и сужение изначальной семантики	Утилитарные цифровые права
–	Имплементация нового термина	Инвестиции
–	Имплементация нового термина	Инвестор

Целью законопроекта о ЦФА является «...законодательное закрепление в российском правовом поле определений наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и/или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, к которым законопроект относит распределенный реестр цифровых транзакций, а также создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов, являющихся одним из видов цифровых фи-

нансовых активов» [4. С. 1–3]. К достоинствам ФЗ о ЦФА стоит отнести детально описанные процедуры по созданию ЦФА, их содержанию, требования к операторам. Примечательно, что в настоящий момент выпущено всего пять разных ЦФА, на общую сумму 68,8 млн рублей, что, конечно, несопоставимо с многомиллиардными оборотами токенов на криптобиржах.

Целью ФЗ о краудфандинге является «развитие альтернативного источника финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития (в первую очередь высокотехнологичных компаний) – коллективного финансирования (краудфандинга и краудинвестинга)» [6. С. 1–4]. В соответствии с действующим законодательством привлечение инвестиций возможно с помощью выпуска и продажи утилитарных цифровых прав. Анализ зарегистрированных в реестре Банка России [7] операторов инвестиционных платформ показал, что за время действия ФЗ о краудфандинге с помощью цифрового права (утилитарного цифрового права) были привлечены инвестиции лишь к одному проекту, размещенному на платформе «Компас инвестиций». В противовес этому крупнейшие российские краудфандинговые платформы planeta.ru и boomstarter в правилах своих платформ указали, что их деятельность не является деятельностью по привлечению инвестиций по смыслу ФЗ о краудфандинге. Это означает, что механизм правового регулирования, предложенный законом о краудфандинге, оказался неудобен или невыгоден данным компаниям. Данный факт приводит к неутешительным выводам: правовой режим утилитарного цифрового права в действующей редакции ФЗ о краудфандинге вряд ли жизнеспособен.

Подводя итог сказанному, следует отметить то, что и понятийный аппарат, и сами нормы законов, регулирующих цифровую экономику, подлежат изменению. Цифровое право в действующей редакции ГК РФ, хотя и обозначено как самостоятельный объект прав, но в действительности все же уместнее говорить о цифровом способе фиксации правоотношений. Видится, что дальнейшее направление развития категории «цифровое право» должно пойти в сторону разработки уникального правового режима, связанного с абсолютным правом как на доступ, так и на распоряжение цифровыми объектами. Какие именно объекты считать истинно цифровыми, на которые должно распространяться цифровое право, – вопрос, заслуживающий отдельного глубокого исследования.

Список литературы

1. Сарбаш С. В. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
2. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. С. 372.
3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации

по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 19.09.2022).

4. Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/827EDEDa-92F1-46AE-A576-71C8113EB77C> (дата обращения: 13.02.2022).

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О цифровых финансовых активах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/3B511CD9-429C-460F-A188-9925948CA9E9> (дата обращения: 22.08.2022).

6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/49C089D5-9743-4C7F-B0B1-DF676A56DFA3> (дата обращения: 22.08.2022).

7. Банк России. Реестр операторов инвестиционных платформ. URL: https://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_invest_platform_op.xlsx (дата обращения: 19.09.2022).

А. А. Петрунина,

студент,

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о регулировании использования искусственного интеллекта в космической деятельности. Анализируются отечественные, зарубежные и международные подходы к определению, классификации и способам использования искусственного интеллекта. Подчеркивается важность предотвращения технологий в военных и иных целях, противоречащих международному космическому праву. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в указанной сфере с учетом особенностей космической отрасли.

Ключевые слова: международное право, космическая деятельность, искусственный интеллект, дистанционное зондирование Земли, информационная безопасность, технологии, международное сотрудничество

INTERNATIONAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN OUTER SPACE ACTIVITIES

Abstract. This article deals with the regulation of the use of artificial intelligence in outer space activities. Domestic, foreign and international approaches to definition, classification and ways of use of artificial intelligence are analysed. The importance

of preventing the use of artificial intelligence for military and other purposes contrary to international space law is emphasized. It is concluded that there is a need to improve legal regulation in this area taking into account the specific features of the space industry.

Keywords: international law, outer space activities, artificial intelligence, remote sensing, information security, technologies, international cooperation

Введение. В 2015 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций обозначила Цели устойчивого развития, которые направлены на достижение «лучшего и стабильного будущего». Отмечается, что в XXI веке реализация всех 17 направлений невозможна без использования космического пространства и искусственного интеллекта [15].

Компании, задействованные в космической деятельности, обладают особым статусом в реальном секторе экономики. Это возможность создания снимков территорий, собственного Интернета, а также коммерциализации обработанной информации. Современные методы искусственного интеллекта (далее – ИИ) становятся необходимым инструментом для частного сектора: с их помощью возможно объективно оценить характеристики определенного объекта на основе данных, получаемых в ходе дистанционного зондирования Земли [9].

Однако сегодня не разработаны подходы к определению и границам использования технологий, что является серьезным препятствием для безопасного применения. Медленные темпы развития правового регулирования препятствуют реализации потенциала искусственного интеллекта.

Таким образом, баланс частных и публичных интересов в рассматриваемой сфере становится вызовом для международного сообщества.

Основная часть. В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» искусственный интеллект отнесен к сквозным цифровым технологиям, которые применяются во всех сферах общественной жизни [4]. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. искусственный интеллект определен в числе направлений развития информационных и коммуникационных технологий [8]. При этом акцентируется, что искусственный интеллект стал частью управленческих систем в отраслях экономики.

National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan является одним из официальных документов, регулирующих искусственный интеллект в США. Авторы отмечают важность повышения доверия и построение партнерских отношений между человеком и техников. Целью плана является разработка способов взаимодействия, рассмотрение правовых и социальных последствий внедрения технологий в привычные сферы жизни, в том числе обеспечение безопасности [12].

Исследования, проводимые в США показали, что искусственный интеллект можно применять для обороны в государственном и частном секторе: по меньшей мере 75 стран мира применяют технологии в целях надзора или контроля над соблюдением норм и требований общественной безопасности [2].

В последние годы были приняты концептуальные государственные документы, которые заложили основу для регулирования отношений в сфере использова-

ния искусственного интеллекта и робототехники. Европейские и азиатские страны разработали национальные стратегии в области регулирования и продвижения технологий. При этом каждое из направлений предназначено для развития различных аспектов политики в области искусственного интеллекта: научные исследования, взаимодействие государственного и частного секторов, этика и совместное существование, Big Data и цифровая инфраструктура [14].

Таким образом, анализ отечественного и зарубежного подхода свидетельствует о нескольких моделях регламентации использования искусственного интеллекта. При этом право является не единственным регулятором: используются организационные и этические нормы [3].

Наличие разных подходов привело к возможности согласования позиций на международном уровне, что свидетельствует о поиске решения сложной задачи упорядочить отношения в сфере использования искусственного интеллекта.

Так, в июне 2021 г. Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций разработал «Справочное руководство по стратегиям в области искусственного интеллекта», в котором приводятся четыре определения:

1. Отрасль машиностроения (основное значение).
2. Современные компьютерная технология, способная выполнять задачи, характерные для человеческого интеллекта (подход международных организаций).
3. То, что помогает механизмам имитировать мышление человека: управлять машинами и проникать в частную жизнь, повышать производительность компаний и помогать людям, действующим против интересов бизнеса. То, что может освободить работников от рутинных или опасных задач и лишить их средств к существованию (подход частного сектора).
4. Деятельность по машинному обучению. Интеллект – свойство, которое позволяет объекту правильно функционировать и прогнозировать изменения окружающей среды (академическое значение) [13. С. 118].

Таким образом, подходы, разработанные Департаментом, отличаются от отечественного и зарубежных. Представляется, что искусственный интеллект будет применяться в самых различных областях: управление космическим движением, обработка снимков Земли, долгосрочное прогнозирование и другие. Поэтому, на наш взгляд, для развития концепции применения искусственного интеллекта в космической деятельности необходимо придерживаться подхода частного сектора.

В «Справочном руководстве по стратегиям в области искусственного интеллекта» определены пять основных шагов развития сотрудничества:

- 1) формирование Совета по искусственному интеллекту;
- 2) проведение семинаров, реализация программ, инициатив и выезды на места в государственные органы;
- 3) развитие возможностей и навыков персонала, работающего в области технологий, организация учебных курсов для правительственных чиновников;
- 4) предоставление услуг с помощью ИИ и полной интеграции ИИ в медицинские службы и службы безопасности;
- 5) разработка стратегии использования искусственного интеллекта.

Результатом этих шагов стало подписание в ноябре 2021 г. Соглашения по искусственному интеллекту. В документе подчеркивается, что присоединившиеся участники должны эффективно использовать технологии в ответ на современные вызовы и стремиться предупредить возникновение рисков [1].

На наш взгляд, положения данного соглашения необходимо дополнить с учетом международной космической повестки. Искусственный интеллект активно применяется в сфере прогнозирования: изменение ландшафта территорий, возникновение чрезвычайных ситуаций. Задачами дистанционного зондирования являются защита человечества от стихийных бедствий, охрана окружающей среды, лучшее распоряжение природными ресурсами.

Следовательно, применение искусственного интеллекта в космической деятельности становится обязательным условием обеспечения ее эффективности. Однако не все государства имеют доступ к таким технологиям в силу особенностей развития. Существующие положения Принципов, касающихся дистанционного зондирования Земли из космического пространства, обязывают государства предоставлять доступ только к первичным данным, а сфера дальнейшего использования информации остается без внимания.

Таким образом, пределы использования искусственного интеллекта в космической деятельности не установлены на международном уровне. Правовое регулирование этой сферы находится на самом начальном этапе: попыток согласовать позиции по определению, классификации и пределам использования.

На наш взгляд, эти пробелы создают угрозу нарушения одного из основных принципов – использования космического пространства в мирных целях, на благо и в интересах всех стран.

Заключение. Таким образом, в регулировании использования искусственного интеллекта сложился правовой вакуум. При этом наблюдается развитие таких технологий, в связи с чем формируется перечень задач для решения искусственным интеллектом непосредственно на борту космических аппаратов. Например, разработать предложения по архитектуре нейронных сетей, которые обрабатывают изображения на малых космических аппаратах [6].

Стоит отметить, что международное сотрудничество активно развивается в этой сфере. Так, ученые Самарского университета имени С. П. Королева совместно с армянскими коллегами разработали программный комплекс, позволяющий оснастить «умным зрением» космические объекты. Это необходимо для ускорения обработки информации. Хранение и обработка эталонных массивов данных требует больших ресурсов, при этом для анализа разных типов объектов каждый раз приходится подбирать ключ путем перебора. Новый алгоритм поможет преодолеть эти трудности и резко повысить скорость работы «умного зрения» [5].

В связи с этим обеспечение безопасного функционирования искусственного интеллекта и предотвращение вмешательства в его работу становится немаловажной проблемой.

Субъектами международного права ведутся дискуссии по выработке подходов к правовому регулированию искусственного интеллекта.

Начавшаяся гонка вооружений, модернизация систем автономных систем оружия с совершенными элементами искусственного интеллекта требует уста-

новления границ применения технологий в космической деятельности. Это требует соответствующих международно-правовых запретов и надежного контроля за их соблюдением. Для этого необходимо развитие сотрудничества в рамках региональных и универсальных международных организаций [10. С. 15] и установление правовых и иных социальных принципов в области применения искусственного интеллекта.

Будущее правового регулирования, связанного с развитием систем искусственного интеллекта, предполагает необходимость решения ряда задач по разработке подхода к регулированию исследований в рассматриваемой сфере. При этом важно не препятствовать развитию сложных технологических процессов. На наш взгляд, отдельно необходимо проработать аспект безопасности, поскольку остановить дальнейшее развитие технологий невозможно, но обеспечить такое развитие в направлении приемлемом для существования человека вполне реально [7].

Важно отметить, что этические нормы, формирующиеся в области искусственного интеллекта, должны быть направлены не только на сохранение прав человека, установление ответственности за использование искусственного интеллекта в противоправных целях, но и на запрет использования технологий непосредственно в военно-космической сфере [11. С. 85]. Причем в современных условиях необходимо контролировать как непосредственное использование объектов, так и применение при дальнейшей обработке данных.

Список литературы

1. 193 страны подписали первое в истории соглашение по искусственному интеллекту. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414592> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Беликова К. М. Развитие искусственного интеллекта в Бразилии: акцент на военную сферу и вопросы интеллектуальной собственности // Право и политика. 2021. № 10. С. 1–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36096 (дата обращения: 03.09.2022).
3. Егорова М. А., Блажеев В. В., Дюфло А. [и др.] Цифровое право: учебник (под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой). Москва: Проспект, 2020. 427 с.
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения 02.09.2022).
5. Российско-армянское образование: как сотрудничают вузы двух стран. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/44021/?sphrase_id=4231127 (дата обращения: 15.09.2022).
6. Россия изучит возможность применения искусственного интеллекта для орбитальных группировок. URL: <https://tass.ru/kosmos/1159193> (дата обращения: 10.09.2022).
7. Степанов О. А. Правовое регулирование отношений в сфере безопасного функционирования и развития систем искусственного интеллекта: доктриналь-

ные аспекты // Правовая информатика. – 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-v-sfere-bezopasnogo-funktsionirovaniya-i-razvitiya-sistem-iskusstvennogo-intellekta-doktrinalnye> (дата обращения: 16.09.2022).

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 02.09.2022).

9. Тюлин А. Е., Чурсин А. А., Шамин Р. В., Юдин А. В. Интеллектуальная космическая система в цифровой экономике: новые возможности и перспективы // Современная научная мысль. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnaya-kosmicheskaya-sistema-v-tsifrovoy-ekonomike-novye-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 16.09.2022).

10. Ударцев С. Ф. Правовая политика и космическая деятельность: взгляд в обозримое будущее // Государственно-правовые исследования. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-i-kosmicheskaya-deyatelnost-vzglyad-v-oboazrime-budushee> (дата обращения: 16.09.2022).

11. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: Учебное пособие, 2-е издание – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. – 275 с.

12. Щенников И. В. Юридическая природа искусственного интеллекта. Его правовое регулирование в Российской Федерации и за рубежом. Перспективы развития // Global and Regional Research. 2021. Т. 3, № 1. С. 208–215. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45644472> (дата обращения: 06.09.2022).

13. Resource Guide on Artificial Intelligence (AI) Strategies. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2021-06/Resource%20Guide%20on%20AI%20Strategies_June%202021.pdf (дата обращения: 04.09.2022).

14. Dutton T. An Overview of National AI Strategies. URL: <https://medium.com/politics-ai/an-overview-of-national-ai-strategies-2a70ec6edfd> (дата обращения: 07.09.2022).

15. United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI). URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2021-PDF-E.pdf (дата обращения: 01.09.2022).

А. Н. Плаксимова,
старший преподаватель,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье исследуются основные этапы цифровизации избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации, кратко характеризуется каждый из выделенных этапов. Отмечены как достоинства, так и недостатки дистанционного электронного голосования. В заключении сделан прогноз о развитии института дистанционного электронного голосования в России.

Ключевые слова: цифровые технологии, избирательное право, избирательный процесс, сканер избирательных бюллетеней, комплекс для электронного голосования, электронное голосование, дистанционное электронное голосование

DIGITAL TECHNOLOGIES IN ELECTORAL LAW: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The article, the author investigated the main stages of digitalization of the electoral law and the electoral process in the Russian Federation, briefly described each of the highlighted stages. The article highlights the obvious advantages of remote electronic voting, at the same time its obvious disadvantages are noted. In conclusion, the author makes a forecast about the development of the institute of remote electronic voting in Russia.

Keywords: Digital technologies, Electoral law, Electoral process, Ballot scanner, Electronic voting complex, Electronic voting, Remote electronic voting

Цифровые технологии очень плотно вошли в нашу реальность. Сложно найти сферу жизни общества, которая бы осталась на сегодняшний день обделенной вниманием специалистов в IT-области. Цифровые технологии в избирательном праве позволяют решить ряд проблем, преодолеть некоторые сложности, такие как искажение или подтасовка результатов голосования за счет уменьшения влияния на весь избирательный процесс так называемого «человеческого фактора». Сами органы власти также отмечают явные преимущества электронного голосования [1]. Однако о повсеместном введении электронного голосования пока рано, поскольку очевидны и недостатки данной модели голосования (возможен технический сбой в работе комплекса для электронного голосования, в случае дистанционного электронного голосования могут возникнуть проблемы перегруженности сайтов или хакерская атака и т. д.).

Условно можно выделить следующие этапы в цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации:

- 1) введение программного обеспечения, сопровождающего процесс голосования;
- 2) внедрение терминалов для облегчения процесса голосования и подсчета голосов;
- 3) использование дистанционного формата голосования.

Важной вехой в развитии избирательного права стало принятие федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» [2] Однако сама система была введена в эксплуатацию еще несколькими годами ранее. Это был важный шаг в направлении цифровизации избирательного процесса в России.

В 2011 г. Центральная избирательная комиссия РФ устанавливает порядок электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации. В связи с этим избиратели могли голосовать на выборах без применения бумажного бюллетеня. Подсчет голосов был автоматизирован, поскольку на избирательных участках применялись

сканеры избирательных бюллетеней, и гораздо проще и быстрее стало определение итогов голосования.

14 марта текущего года в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» было внесено изменение, которое дало возможность избирателям в Российской Федерации голосовать с применением дистанционного электронного голосования. Этот способ голосования активно применялся на прошедших в сентябре текущего года выборах в органы государственной власти в семи регионах, однако апробирован он был еще на выборах депутатов Городской думы в Москве, назначенных на 8 сентября 2019 г. Также этот способ голосования применялся на ряде избирательных участков в период ограничений, вызванных новой короновирусной инфекцией.

Таким образом, мы наблюдаем небольшие шаги, сделанные в направлении замены очного участия в голосовании дистанционным его аналогом. В то же время очевидно, что ни само государство, ни граждане России не готовы полностью перейти на новый формат голосования. Очевидно, что, скорее всего, молодежь на предстоящих в будущем выборах выберет новый формат голосования, тогда как старшее поколение избирателей отдаст свой выбор в пользу традиционного «бюллетенного» способа участия в голосовании.

Список литературы

1. Избирательные технологии: опыт проведения интернет – голосования на выборах и референдумах. URL: <https://izbirkom.tatarstan.ru/index.htm/news/215121.htm> (дата обращения: 15.09.2022)
2. О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»: Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2 Ст. 172.

В. Ю. Приймак,

студент,

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО И МЕТАВСЕЛЕННАЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к пониманию «электронного государства». Актуальность темы исследования определяется современными тенденциями использования информационных технологий в процессах взаимодействия государства и общества. Определено, что термины «электронное государство» и «электронное правительство» употребляются в едином значении. Определены признаки и механизмы электронного государства. Сделаны выводы о необходимости развития идеи электронного государства в Российской Федерации с учетом современных тенденций развития в мировой практике. Сделано предположение о возможности слияния электронного государства и метавселенной в будущем.

Ключевые слова: электронное правительство, электронное государство, государственный аппарат, цифровая демократия, государство и право, органы власти, государственное управление, метавселенная

THE ELECTRONIC STATE AND THE METAVERSE: ON THE QUESTION OF THE RELATION OF CONCEPTS-GOVERNMENT: THEORY AND PRACTICE

Abstract. The scientific study examines the main approaches to understanding the “electronic state”. The relevance of the research topic is determined by the current trends in the use of information technologies in the processes of interaction between the state and society. It is determined that the terms “electronic state” and “electronic government” are used in a single meaning. The signs and mechanisms of the electronic state are defined. Conclusions are drawn about the need to develop the idea of an electronic state in the Russian Federation, taking into account current development trends in world practice. An assumption is made about the possibility of merging the electronic state and the metaverse in the future.

Keywords: Machinery of state, E-government, Government apparatus, Digital democracy, State and law, Public administration, Metaverse

Введение. Электронное государство является новой формой взаимодействия государственных органов с обществом и гражданами [5]. На сегодняшний день создано много государственных сайтов, которые представляют собой порталы, где люди могут получать необходимую информацию, определенного рода услуги и взаимодействовать с государственными служащими в онлайн-формате [7]. В Российской Федерации в данный момент не существует единого подхода к определению, структуре и другим отличительным особенностям электронного государства несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации реализуется политика развития цифрового общества.

Основная часть. Государство в настоящий момент вошло в такую стадию, когда оно может осуществлять свои функции в формате онлайн. Исследованию сущности цифрового государства посвятили свои труды многие ученые, что позволяет определить его дальнейшее развитие в нынешнее время. Р. Азизов считал, что цифровое государство – это особый набор механизмов, направленных на осуществление полномочий государственных органов в сфере предоставления услуг обществу и коммерческим организациям [4. С. 83]. Такое развитие предполагает, что взаимодействие между государством и населением будет максимально прозрачным, а люди смогут непосредственно реализовывать свою власть, зачастую даже не выходя из дома. По мнению ученых Е. А. Смагина и В. И. Решетняка, цифровым государством называется абсолютно все государство, которое состоит из законодательной, исполнительной и судебной властей и применяет в своей работе компьютерные технологии [10. С. 121]. Таким образом, обобщив имеющиеся мнения ученых, можно сделать общий вывод, что цифровым называют то государство, которое использует в своей деятельности информационные технологии. Похожим термином является «электронное государство», но является ли это та-

ковым на самом деле? А. С. Киселев выдвинул несколько трактовок этого определения «электронное государство»: во-первых, как метод поддержки финансовой, правовой, политической и гражданской целостности государства; во-вторых, это механизм преодоления «информационного разрыва» среди ветвей государственной власти [6. С. 18]. Еще одной интерпретацией понятия «электронного государства» является комплекс информационных технологий, которые гарантируют связь органов государственной власти и граждан, с целью извлечения той или иной информации [9. С. 83].

Исходя из полученной информации можно сделать вывод, что определение электронного государства будет меняться еще в течение определенного времени. Обобщив все имеющиеся данные, можно сделать вывод, что электронное государство – это концепция электронного документооборота в государстве, основанная на автоматизации административных действий. Таким образом, «цифровое государство» в настоящее время можно приравнять к «электронному государству», по своей сущности и предназначению они достаточно схожи.

В силу отсутствия общей концепции электронного государства можно сделать вывод, что в каждой стране имеются свои определенные особенности. Сопоставим функционирование электронного государства в Великобритании, Канаде, Австралии и России. Создание электронного государства в Великобритании основывалось на устоях и характерных чертах английского общества. Это позволило определить первоочередные потребности британцев в данной сфере. В 2012 г. создан «GOV.UK», где наиболее часто получаемой услугой на портале является заполнение налоговой декларации. По статистическим данным Великобритания считается одним из лидеров во всемирных рейтингах, это может означать только одно, что политическая деятельность государственных органов в данной сфере организована достаточно правильно, так как ежедневно данный сайт посещают более 30 тыс. людей [8. С. 96]. Канада, как и Британия, является лидером по использованию электронного государства. Власть Канады непосредственно контактирует с обществом посредством cic.gc.ca. Благодаря этому жители Канады перестали лично обращаться к государственным служащим. Помимо того, такой формат помогает стране сохранить миллиарды долларов [3. С. 27]. На сайте australia.gov.au расположены главные сведения и гиперссылки на предоставляемые услуги в Австралии, которые возможно получить, пройдя регистрацию на myGov [11. С. 173]. В числе услуг можно выделить оплата счетов за ЖКУ, налоговые службы, судебные документы и многое другое. Данная система освобождает людей от необходимости находиться в постоянных очередях.

Что же касается России, то концепция «Электронного правительства» была утверждена в 2008 г. Правительством России [2]. Сайт обеспечивает допуск физических и юридических лиц к данным о государственных услугах в Российской Федерации. Виды услуг разнообразны – от культурной сферы («Культура») до экономических (уплата налогов, штрафов и т. д.). В период пандемии COVID-19 в России сервис Госуслуг значительно расширился, появились новые услуги: люди могли в упрощенном порядке зарегистрироваться, как безработные, дистанционно оформить заявку о том, что они нуждаются в помощи по организации проце-

дуры возвращения домой, после того как границы между странами закрыли. Все это позволило людям, оказавшимся в непростой ситуации, поддерживать связь с органами государственной власти, если им была необходима какая-либо услуга. Обобщив все вышеизложенное, можно сказать, что электронное государство показывает усилившуюся роль цифровых технологий. А для реализации новых полномочий нужны грамотные кадры, которые смогут реализовать эту задумку в полной мере, чтобы всем пользователям было удобно.

В настоящее время можно говорить только о начальных этапах разработки метавселенной, основные признаки которой: вечное существование; функционирует в настоящем времени и не зависит от внешних аспектов; не существует лимита на количество одновременно использующих эту платформу пользователей и общий размер участников в целом; необходимо создать свою работающую экономику (для этого необходимо разработать свою денежную систему, которая будет заменять существующие ранее различные валюты); объединение настоящей и электронные миры, открытые и закрытые платформы, частные и общедоступные сети; работа на основе контента пользователей, использующих ее, и опыта игроков: отдельными участниками, группами или юридическими лицами. Многими признаками, которые выделены выше, обладает лишь интернет-среда (виртуальное пространство).

Основными структурными элементами, которые вероятнее всего войдут в метавселенную, являются:

1. Аппаратное обеспечение. Оборудование для входа в метавселенную помогает перенестись из настоящего мира в виртуальный (очки дополненной реальности, VR шлем, контроллер).

2. Платежные системы. Одной из предполагаемых платежных систем может стать криптовалюта. Возможно создание системы работы в виртуальном мире, которая будет оплачиваться цифровыми деньгами на базе блокчейна.

3. Аватар. Для реализации своих действий в виртуальной реальности человеку будет необходим аватар, который будет его олицетворять. В юридическом мире остается непонятным, кому будет принадлежать аватар – создателям метавселенной или самому человеку, и как все это будет регулироваться.

4. Сеть. Для поддержания работы метавселенной потребуется постоянное соединение в реальном времени с высокой пропускной способностью. Пока аналогом этой сети является Интернет.

5. Вычислительные мощности. В данный структурный элемент будут входить люди или техника, которые будут обслуживать различного рода вычислительные операции, рендеринг, синхронизацию данных, трансляцию и многое другое.

6. Виртуальные платформы. На виртуальных платформах пользователи смогут исследовать, создавать что-то, участвовать в разнообразных мероприятиях и посещать различные мероприятия, проводимые в метавселенной.

7. Инструменты и стандарты обмена. Инструментами в цифровом пространстве будут являться сервисы и механизмы, которые будут обслуживать создание, эксплуатацию и совершенствование метавселенной.

Также необходимо отметить, что для полноценного функционирования метавселенной необходимо обеспечить всех людей равными правами на доступ к элек-

тронной сети, с помощью которой будет возможно перенестись в этот виртуальный мир. Ряд базовых прав человека пополнился правом на доступ к Интернету 16 мая 2011 г. – на заседании ООН в одном из докладов был рассмотрен вопрос о защите прав на получение, трансляцию, свободу мнений и доступа к информации. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/167 от 18 декабря 2013 г. [1] признала право человека на неприкосновенность личной жизни в цифровом пространстве. Соответственно было закреплено право на жизнь и реализацию гражданином своих прав в Интернете. Так как сейчас глобальная сеть распространена не на всей территории земного шара, не все люди смогут реализовать право на доступ в Интернет.

Что необходимо регулировать, когда появится метавселенная? Во-первых, будет необходимо зафиксировать суверенный интерес. Во-вторых, будет нужно законодательно определить, как защищать цифрового аватара и персональные данные участников метавселенной. В-третьих, будет необходимо выработать этические нормы и правила метавселенной, не допускающих проявления экстремизма, насилия, дискриминации и других противоправных явлений. В-четвертых, необходимо закрепить в правилах недопущение психологического и политического программирования «населения» метавселенной.

Аватары являются внешним и внутренним отражением человека. Это означает, что возможность копирования и кражи чужой личности увеличивается в десятки раз. Поэтому, скорее всего, будет необходимо закреплять право интеллектуальной собственности за человеком, который создаст этот аватар. Регулирование всех остальных отношений в метавселенной, по примеру существующих игр виртуальной реальности, будет осуществляться с помощью пользовательских соглашений. В них будут прописаны правила пользования метавселенной как общее руководство по эксплуатации и общая политика компании по религиозным, финансовым и другим сферам. Регулирование споров также важная отрасль как российского права, так и права других стран. Появление между пользователями метавселенной споров о владении собственностью, о нарушении личных прав – неизбежно. Если спор будет касаться только прав в пределах метавселенной, то он может быть разрешен системными администраторами этого мира, возможно, юристами компании.

Таким образом, можно предположить, что правовое регулирование метавселенной будет двухуровневым. Первым уровнем регулирования будет внутреннее регулирование самими создателями метавселенной. Там будут регулироваться только отношения, происходящие внутри этого мира. Но если действия участников вселенной будут угрожать государствам в настоящем мире, то в действие уже войдут судебные органы.

Многие осознают прибыльность этой сферы в будущем, поэтому стараются вкладывать средства в метавселенные. Саудовская Аравия в феврале 2022 г. анонсировала, что инвестирует 1 млрд в создание своей метавселенной. По планам будет создано NEOM Digital&Technology, что будет являться аналогом реального города. Таким образом, люди смогут присутствовать в NEOM как физически, так и виртуально. Многие верят в перспективность и прибыльность сферы метавсе-

ленной. Одни государства вкладывают свои средства в создание своих метавселенных, другие инвестируют в уже созданные миры.

К вопросу о слиянии метавселенной и электронного государства можно сказать, что есть две абсолютно противоположные теории. Метавселенная может стать площадкой, на которой будет реализовываться институт прямой демократии. Каждый человек, обладающий тем или иным количеством земли, сможет строить свой мир, в котором смогут играть, проводить время другие люди. Скорее всего, в метавселенной не будет выборных органов власти, которые будут осуществлять власть. Будет только владелец метавселенной и те, кто будет поддерживать ее работу. А пользователи будут осуществлять свою деятельность в виде работы, игры и другого. Соответственно необходимости в государстве и электронном государстве уже не будет.

Если рассматривать другую позицию, то можно сказать, что слияние электронного государства с метавселенной возможно. Так как ранее было указано, что судебная власть будет осуществлять суд как внутри игры, так и в реальном мире, законодательная власть также должна будет существовать, чтобы регулировать деятельность метавселенной. Вероятнее всего, можно сказать о том, что перспективы слияния метавселенной и электронного государства есть. В период пандемии уже практиковалось проведение судебного заседания в режиме-онлайн. Существование онлайн-комнат позволит проводить голосование по законопроектам, и осуществлять деятельность парламента в общем. Но открытыми остаются вопросы о том, кому будет принадлежать аватар гражданина – создателю метавселенной или государству? Так же государству и разработчику будет необходимо урегулировать вопрос о конвертации криптовалюты, заработанной в метавселенной, в валюту государства, где проживает человек.

Заключение. На основании проведенного исследования было установлено, что термин «электронное государство» является развивающимся понятием, так как мир изменчив, в технологической сфере происходят изменения. «Цифровое государство» является взаимозаменяемым понятием по отношению к «электронному государству». Значительное число государств используют современные технологии в своей деятельности в форме онлайн-платформ, сайтов и мобильных приложений для более эффективного взаимодействия между государственными органами и физическими и юридическими лицами. Российская Федерация обладает большим потенциалом в данной сфере, так как все три власти уже во многом переведены в цифровое пространство. Полагаем, что метавселенная сможет быть применена в системе «электронного государства». Но для этого будет необходимо правовое регулирование, учитывающее в том числе и риски.

Список литературы

1. Ботнев В. К. Зарубежный опыт построения электронного правительства // Социально-политические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-postroeniya-elektronno-go-pravitelstva-1> (дата обращения: 03.03.2022).
2. Дармилов А. Ф., Понявина М. Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3.

С. 82–85. DOI: 10.36616/2686–9837–2020–3–82–85. URL: <https://www.vestind.ru/journals/economicsandlaw/releases/2020–3/articles?pdfView&page=24> (дата обращения: 03.03.2022).

3. Джордано Д. О., Понявина М. Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. 2020. № 2. С. 74–80. DOI: 10.36616/2713–1726–2020–2–74–80. URL: <https://vestind.ru/journals/accounting/releases/2–2020/articles?pdfView&page=32> (дата обращения: 03.03.2022).

4. Киселев А. С. Основные понятия и категории электронного государства // Державинский форум. 2017. Т. 1, № 1. С. 17–25.

5. Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. 22 с.

6. Клевина, М. В. Сравнительный анализ электронного правительства России и Великобритании / М. В. Клевина, С. А. Морозова // Научный форум: Экономика и менеджмент: сборник статей по материалам XII международной научно-практической конференции. Москва: Международный центр науки и образования, 2017. С. 93–98.

7. Лобановский А. А. Актуальные проблемы развития электронного государства // Юридические науки: вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 января 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 83–85.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2372.

9. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18.12.2013 [по докладу Третьего комитета (A/68/456/Add.2)] 68/167. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век. URL: http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf. (дата обращения: 03.09.2022).

10. Решетняк, В. И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) / В. И. Решетняк, Е. А. Смагина. Москва: Городец, 2017. 304 с.

11. Солдатова, А. А. Сравнительный анализ электронного правительства России, Австралии и Эстонии / А. А. Солдатова, С. А. Морозова // Экономика, бизнес, инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 10 декабря 2018 года / Ответственный редактор Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 172–174.

А. С. Сикач,

студент,

Дальневосточный федеральный университет

И. В. Емельянов,

студент,

Саратовская государственная юридическая академия

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Рост сайтов, программ, первых социальных сетей кардинально изменил жизнь каждого человека, став двигателем всеобщего прогресса. Эпоха печатных машин, телефонных аппаратов, стационарных точек ушла в забвение. Но так ли все радужно, как видится на первый взгляд? Интернет дал нам свободу, возможность без страха выражать свои мысли, общаться с людьми, живущими в другой точке мира, стал источником бесконечных знаний. Однако с каждым днем все больше укрепляется сомнение о безоблачности виртуальной жизни, мы стали заложниками того, чего нет в настоящем мире. Помимо знакомых всем угроз, таких как глобальное потепление, терроризм, в наши жизни вторглись абсолютно новые, малоизвестные опасности, появившиеся вследствие развития Интернета. Такое явление получило название «киберпреступность». Киберпреступность – это все виды преступлений, совершенные в виртуальном мире. 10–20 лет назад о таком явлении знали лишь узкие специалисты IT-сферы, а сейчас это проблема глобального масштаба.

Ключевые слова: киберпреступность, киберугроза, компьютерные вирусы, кибератаки, хакеры, компьютерные преступления, цифровая среда, киберзащитники

CYBERCRIME IN THE VIRTUAL SPACE: THE PROBLEM AND SOLUTIONS

Abstract. The growth of websites, programs, and the first social networks has radically changed the life of every person, becoming the engine of universal progress. The era of printing presses, telephones, stationary points has gone into oblivion. But is everything as rosy as it seems at first glance? The Internet has given us freedom, the opportunity to express our thoughts without fear, to communicate with people living in another part of the world, has become a source of endless knowledge. However, every day the doubt about the cloudlessness of virtual life is growing stronger, we have become hostages of what does not exist in the real world. In addition to the threats familiar to everyone, such as global warming, terrorism, absolutely new, little-known dangers that have appeared as a result of the development of the Internet have invaded our lives. This phenomenon has been called “cybercrime”. Cybercrime is all kinds of crimes committed in the virtual world. 10–20 years ago, only a narrow specialist knew about this phenomenon

Keywords: Cybercrime, Cyber threat, Computer viruses, Cyber-attacks, Hackers, Computer crimes, Digital environment, Cyber defenders

Мир подвергается постоянному процессу развития общества и государства в целом. Благодаря научно-техническому прогрессу появился цифровой мир в жизни общества, Интернет теперь является средством не только для знакомства с людьми, а также обмена знаниями культур и традиций различных государств, но и объединением людей разных стран с целью осуществления знакомства друг с другом, обсуждения любой интересующей тематики, являющейся актуальной по сей день. За последнее время число пользователей Интернета увеличилось во много раз и продолжает увеличиваться. Согласно статистике Digital 2022 Global Overview Report в 2022 г., в начале января число интернет-пользователей по миру увеличилось до 4,95 млрд, а число пользователей Интернета в настоящее время составляет 62,5 % от всего населения планеты. Данные показывают, что за последний год число пользователей Интернета увеличилось на 192 млн, но в связи с возникновением COVID-19 фактические тенденции роста могут быть значительно выше, чем оказалось указанным [7]. Из этого можно сделать вывод, что число компьютерных пользователей в 2022 г. увеличилось во много раз и продолжает увеличиваться из-за популярности Интернета, даже в период пандемии коронавируса шел рост пользователей Интернета. Государства совершенствуют себя за счет того, что наука не стоит на месте, разрабатывают множество проектов по развитию цифровой среды, чтобы сделать жизнь граждан лучше. Но преступность тоже не стоит на месте, в том числе среди пользователей Интернета. Благодаря развитию технологий преступники придумывают новые способы зарабатывания денег, а также обходы систем безопасности, не дающие вычислить проделки злоумышленников. Они не только могут совершать противоправные действия, но и усиливать свое влияние на общественное сознание.

За счет увеличения пользователей возрастают два фактора: 1) общество оказалось зависимым от информационных технологий, и этой зависимости невозможно избежать и 2) пользователи Интернета становятся жертвами компьютерных злоумышленников. Ведь совершение компьютерных преступлений не требует больших усилий – для этого достаточно иметь компьютер и Интернет. Но злоумышленники, в том числе хакеры, с каждым днем становятся хитрее и изворотливее, придумывая новые средства для совершения инкриминируемого деяния: это разработка искусственного интеллекта, запрограммированного на совершение преступления по настоянию его создателя, компьютерных вирусов, с помощью которых совершаются хакерские атаки на разные организации и банки с целью кражи денежных средств, а также кражи секретных документов и разработок конкретных ученых, содержащих государственную тайну и имеющих денежную ценность. Кроме того, через Интернет происходит распространение наркотических средств и психотропных веществ, пропаганда терроризма и экстремизма с целью свержения государственной власти, распространение порнографии, торговля людьми, организация занятия проституцией, а также принуждение к ней и др. Все общественно опасные деяния, совершающиеся при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, делятся на две группы: 1) деяния, связанные с взаимодействием человека и техники (например, хищения, совершающиеся при помощи программных и аппаратных средств) и 2) деяния, связанные с орга-

низованным при помощи технических средств взаимодействием человека с человеком (группой людей) [6. С. 179]. Именно вторая группа преступлений представляет очень опасную угрозу для безопасности личности, общества и государства и называется киберпреступностью.

Киберпреступность – это общественно опасное деяние, совершаемое посредством сети Интернет и приносящее ущерб не только гражданам, но и государству. 10–20 лет назад о таком явлении знали лишь узкие специалисты IT-сферы, а сейчас это проблема глобального масштаба. Зарождение киберпреступности можно отнести к 90-м гг. XX в., так как именно в этот период компьютеры получили широкое распространение в обществе. Первые киберпреступления были в большинстве случаев шуточными, но в настоящее время их совершают для получения выгоды, устрашения, ведения войн и т. д. Нынешние законодательства в странах направлены на удержание данного вида преступления, но с развитием законодательства также и развиваются способы их совершения. Например, сам ущерб от преступлений с использованием компьютерных технологий может принести России в 2022 г. 165 млрд руб. Согласно статистике, за 2021 г. ущерб от киберпреступлений превысил около 150 млрд рублей. За 2021 г. было совершено 518 000 киберпреступлений, оказалось в 1,4 раза показателей больше, чем за 2020 г., и почти в 1,9 раза больше, чем за 2019 г. По словам управляющего RTM Group Евгения Царева [3], за 2021 г. количество кибератак увеличилось на треть, или на 35 %. Это связано с телефонными мошенничествами, а также с использованием новых компьютерных технологий, и рост будет продолжаться и будет составлять как минимум 30 %. За весь год совокупность ущерба может составить 165 млрд руб. Из этого можно сделать вывод, что с каждым годом количество киберпреступлений увеличивается, из-за чего наносит значительный ущерб по стране, это связано с тем, что злоумышленники разрабатывают новые методы совершения преступлений, занимаются мошенничеством с использованием банковских карт, а также используют самые популярные способы хищения средств – это компьютерные вирусы и фишинговые атаки. По мнению экспертов, компьютерные преступники станут более активными, и их новые средства совершения противоправных действий станут более совершенными, они продолжают заниматься кибератаками, потому что уголовно-правовое законодательство на сегодняшний день не приспособлено к такого рода преступлениям. А за счет виртуального пространства можно разработать новые компьютерные программы для совершения преступного деяния. На наш взгляд, самым тяжким типом киберпреступности является кража персональных данных, ведь почти все население мира пользуется социальными сетями, а также регистрирует себя на сайтах, где это требуется. Например, банковские сайты, государственные сайты, интернет-магазины и т. д.

На сегодняшний день проблема киберпреступности в виртуальном пространстве набирает больше актуальности, которая требует досконального исследования и тщательного поиска решения данной проблемы.

Государства мира стараются предупредить данные угрозы. Но не стоит забывать, что мы живем в век информационных войн и многие государства ведут такие войны для подрыва внутреннего порядка другой страны. В таких случаях,

у страны есть свои киберзащитники. В качестве яркого примера мне хотелось бы описать случай с вирусом WannaCry [1]. Данный вирус являлся программой-вымогателем, его основной задачей было использовать уязвимые места Windows и оставлять сообщение, что, чтобы воспользоваться ОС, вы должны перевести 300 долларов на указанный счет. Данный вирус впервые нашли в Испании, а затем в ряде других стран: на Украине, в России и Индии, которые пострадали больше всего. Остановить вирус удалось исследователю Маркусу Хатчинсу под ником Malwaretechblog. В создании вируса подозревают Lazarus Group и другие группировки, связанные с Агентством национальной безопасности США: данные об уязвимости были известны только АНБ.

Самые крупные инциденты кибератак были в 2020 г. Так, в сентябре 2020 г., после взлома хакерами серверов, к которым были подключены аппараты жизнеобеспечения, в одной из университетских клиник Германии умерла пациентка, так как аппараты временно вышли из строя. Также стоит упомянуть, что российская хакерская группировка Sandworm взломала почтовые серверы АНБ США и использовала уязвимость в агенте пересылки сообщений Exim, обнаруженную в июне 2019 г. [5]. Она позволяет преступнику отправлять вредоносное письмо на сервер и сразу же получать возможность удаленно запускать там же свой код. Данную хакерскую группировку также обвинили в причастности к политическим событиям на Украине и в Грузии, а также во вмешательстве в выборы во Франции.

В результате досконально проведенного исследования по киберпреступности в виртуальном пространстве можно сделать вывод, что эта проблема является актуальной на сегодняшний день, ее невозможно ликвидировать полностью, но можно нейтрализовать, а для этого необходимо создать некую систему фильтрации, которая будет работать по отбору статей, записей и иных видов подачи информации в текстовом виде в Интернете. Также хорошим вариантом будет создание специального органа, отслеживающего все сайты криминального характера, разрабатывающего системы регистрации для социальных сетей, в которых обязательным условием была бы идентификация личности с исключением при этом фейков.

Еще для противодействия преступности в сфере информационных технологий требуется совершенствование и развитие действующей системы борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий как целостной, интегрированной структуры, объединяющей противодействие киберпреступности на всех направлениях, включая и новое его проявление. Приведем еще несколько способов искоренения киберпреступности. Это необходимость ужесточения наказания за преступления в сфере информационных технологий, используя опыт законодательства зарубежных стран, связанный с преступлениями в сфере информационной технологии, где наказание было ужесточено, но хорошо сконструировано и благополучно применяется на практике. Например, уголовное законодательство США предусматривает более строгую ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенной в крупном размере (максимальный срок лишения свободы – до 20 лет), в то время как российский закон за это деяние предусматривает до 10 лет лишения свободы [4]. В Китае вместо штрафов и лишения свободы для преступников ввели новый вид наказания – массовые неудобства. Это наказание является равносильной социальной изоляции в стране,

где мобильные платежи используются во всех сферах жизни, от общественного транспорта до продуктовых магазинов, домашних счетов, здравоохранения и туризма. Это наказание ввели в рамках борьбы с организованными преступными группировками, занимающимися продажей, сдачей в аренду и выдачей кредитов банковским и мобильным SIM-картам, привязанным к удостоверению личности граждан. Так, 2421 человек, признанные виновными в преступлениях, связанных с банковскими картами и мобильными SIM-картами, были лишены возможности совершать платежи по мобильным и банковским картам в течение пяти лет. Теперь они смогут использовать только наличные деньги. «Это социальная смерть. Это действительно слишком жестоко», – написал один из пользователей сайта Weibo под новостями о запретах [2].

Также следует принять новое законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере информационных технологий для сдерживания действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, потому что за счет этого уровень компьютерной преступности будет постепенно уменьшаться, нейтрализована на время, несмотря на то, что нельзя ее искоренить совсем. В российское уголовное законодательство внедрить новый вид альтернативного наказания – массовые неудобства за совершение преступлений, связанных с банковскими картами и мобильными SIM-картами, чтобы уровень преступлений начал постепенно падать.

Список литературы

1. Десять самых громких кибератак XXI века // Кибербезопасность – 2021. URL: <https://trends-rbc.ru/cdn.ampproject.org/c/s/trends.rbc.ru/trends/amp/news/600702d49a79473ad25c5b3e> (дата обращения: 22.02.2021).
2. Китай придумал альтернативу штрафам и тюрьме. И это «социальная смерть» // Kadara.ru. 2020. URL: <https://kadara.ru/novosti/kriminal/199478-v-kitae-izobreli-novyj-vid-nakazaniya-dlya-kibermoshennikov/> (дата обращения: 13.11.2020).
3. Потенциальный ущерб от киберпреступности в 2022 году оценили в \$165 млрд // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/48152500-potentsialnyy-uscherb-ot-kiberprestupnosti-v-2022-godu-otsenili-v-165-mlrd/> (дата обращения: 17.02.2022).
4. Свод законов США // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 28.03.2020).
5. Советы по защите от киберпреступников // Kaspersky. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime>
6. Сикач А. С. Борьба с компьютерными преступлениями. Проблема искоренения преступности среди пользователей Интернета // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием интернета: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Белгород, 23 сентября 2021 г. / под ред. Н. А. Жуковой. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. С. 179.
7. Цифровые тренды 2022 года: вся последняя статистика, которую надо знать каждому маркетологу // PiN-UP. 2022. URL: <https://cpa.rip/stati/digital-trends-2022/>

М. С. Ситников,

магистрант,

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ ЛИЦ В ВЕК РАЗВИТИЯ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

Аннотация. Непрерывное развитие цифровых технологий позволяет сформулировать новые экономические системы, в том числе креаторская экономика, в основе которой лежит система блокчейн. Наиболее полно модель креаторской экономики будет отражена в метавселенных. Нельзя представить развитие креаторской экономики без использования технологий искусственного интеллекта. В связи с этим цель данной работы заключается в исследовании возможных направлений развития искусственного интеллекта с точки зрения правовой защищенности пользователей метавселенных. Креаторская экономика по своей сути является децентрализованной, поэтому в работе речь пойдет в большей степени о развитии частного права. Поскольку законодательства, регулирующего положения креаторской экономики нет и, как следствие, отсутствует судебная практика, то в работе автором были использованы материалы российской и зарубежной доктрины, прямо или косвенно посвященной указанной тематике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, метавселенная, блокчейн, креаторская экономика, виртуальное пространство, технология Web 3.0, криптовалюта, невзаимозаменяемый токен (NFT)

SOME PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE AGE OF THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE ECONOMY

Abstract. The continuous development of digital technologies allows us to formulate new economic systems, which, in particular, is the creative economy, which is based on the blockchain system. The most complete model of the creative economy will be reflected in the metaverses. It is impossible to imagine the development of a creative economy without the use of artificial intelligence technologies. In this regard, the purpose of this work is to study possible directions of artificial intelligence development from the point of view of legal protection of metaverse users. The creative economy is inherently decentralized, so the work will focus more on the development of private law. Since there is no clear legislation regulating the provisions of creative economy and, as a result, judicial practice, too, the author used materials of Russian and foreign doctrine, directly or indirectly devoted to this topic.

Keywords: Artificial intelligence, Metaverse, Blockchain, Creative economy, Virtual space, Web 3.0 technology, Cryptocurrency, Non fungible token (NFT)

Прежде чем переходить к описанию работы, полагаем необходимым указать, что искусственный интеллект – это категория условная. В сущности, нельзя говорить о какой-либо автономности машинного интеллекта. В связи с этим зарубежные специалисты указывают, что разрабатываемые технологии направлены на то, чтобы облегчить ту или иную сферу производительности, но не заменить ее полностью [4. С. 131–133].

Сущность креаторской (децентрализованной) экономики предполагает отсутствие единого центра ее регулирования. Сами участники отношений посредством своего взаимодействия способствуют развитию. Успешно существующие прототипы метавселенных (например, Decentraland, Somnium space) позволяют их пользователям осуществлять предпринимательскую деятельность посредством экономического оборота различного рода NFT. Стоит сказать, что на сегодняшний день отсутствует какое-то единое понимание «метавселенной». Известный специалист по метавселенным Метью Болл отмечает, что метавселенная – это масштабируемая и совместимая сеть 3D-виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, которые могут быть доступны синхронно и постоянно практически неограниченному числу пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и платежи [2. С. 48].

В рамках данной темы нельзя обойти стороной вопрос о правовой природе NFT. По мнению автора, NFT – это не только утилитарное цифровое право [8. С. 73–74], но и определенные виды виртуального имущества (недвижимость, услуги, автомобили и др.). Так как NFT представляет собой главный объект гражданских прав в метавселенной, то, соответственно, функционирование децентрализованной экономики наталкивает на вопрос о том, как осуществляется правовая защита пользователей метавселенной.

Экономический оборот предполагает, прежде всего, переход прав на тот или иной объект. Предполагается, что основным объектом будущей креаторской экономики следует считать NFT. Поэтому начать следует с обеспечения права владения этими цифровыми объектами. Некоторые ученые в области киберправа весьма обоснованно указывают, что в силу специфики функционирования системы блокчейн требуется особое внимание к защите и охране хранящейся в системе информации [5. С. 21–25]. На сегодняшний день вопрос о праве владельцев NFT является одним из самых проблемных. Дело в том, что единственным способом приобрести NFT у операторов платформы является заключение лицензионного соглашения. Не так давно зарубежные специалисты опубликовали отчет [1] о том, как осуществляется владение NFT. В отчете отмечается, что операторы некоторых метавселенных злоупотребляют своим правом в части внесения изменений в пользование NFT приобретателями. Сами операторы могут без согласия покупателя внести коррективы в NFT или вовсе удалить его.

Таким образом, право собственности на объекты NFT у пользователей отсутствует. В доктрине отмечается, что право собственности дает некоторую свободу собственнику [9. С. 367–368]. Как представляется, в том числе на основе этой свободы возможно добиться экономического развития. Следовательно, требуется

предусмотреть механизм защиты прав владельцев NFT. Было бы правильно закрепить за каждым владельцем NFT право собственности на виртуальный объект. Обеспечить реализацию этого положения возможно через искусственный интеллект. Права собственника на NFT будут фиксироваться в системе искусственного интеллекта, функционирующей автономно.

В рамках цифрового пространства наиболее подходящим инструментом для заключения сделок является смарт-контракт. Известно, что в самом общем понимании смарт-контракт – это не что иное, как особый вид письменной формы договора (это положение вытекает из положений российского законодательства). В доктрине отмечается, что главное положительное свойство смарт-контракта – это его самоисполнимость [6. С. 5–6]. Благодаря технологии искусственного интеллекта исполнение обязательств по смарт-контракту осуществляется автономно. Предположим, что в метавселенной Decentraland был заключен договор купли-продажи NFT – земельного участка. С кошелька покупателя автоматически списывается определенная сумма и перечисляется на кошелек продавца. В свою очередь, утилитарное цифровое право на земельный участок продавца автоматически переходит к покупателю. Следовательно, искусственный интеллект вроде как обеспечивает защиту пользователей метавселенной в отношениях со смарт-контрактом.

Однако не все так просто. Дело в том, что отмеченное свойство смарт-контракта не защищает пользователей, а обеспечивает охрану их прав. В теории права имеются некоторые разграничения между категориями защиты и охраны прав. Как представляется, смарт-контракт является далеко не самой идеальной конструкцией для его полноценного использования. Особенно это характерно для предпринимательской деятельности. Не совсем понятным является вопрос о возможности включить в смарт-контракт положения о его самопрекращении в определенный срок. С одной стороны, исполнение обязательств обеими сторонами является основанием для благоприятного (бесспорного) прекращения действия договора. С другой стороны, для некоторых сложных договорных конструкций прекращение обязательств обуславливается наступлением какого-то обстоятельства. Например, арендные отношения. Если смарт-контракт не обладает свойством самопрекращения отношений по истечении какого-то срока, а стороны его имели в виду, то вполне вероятно возникновение эстоппеля в цифровом пространстве.

Более того, на сегодняшний день непонятным остается вопрос о толковании смарт-контракта. В науке отмечается, что содержание умного договора – это язык программирования, который непонятен не только правоприменителю, но зачастую и самим сторонам. Особенно остро эта проблема наблюдается в потребительских отношениях (предприниматель + потребитель) [7. С. 45]. Следовательно, надо полагать верным то обстоятельство, что использование технологий искусственного интеллекта способствует реализации цели по охране прав пользователей для их участия в новом экономическом обороте. Однако, как было показано выше, искусственный интеллект способен обеспечить охрану только в самых простых договорных конструкциях.

В связи с этим требуется обеспечить достойный и надежный механизм защиты прав пользователей. По мнению автора данной работы, полноценно реализовать это возможно только с непосредственным участием человека. В таком случае речь следует вести ни о чем ином, как о правоприменении. В реальной жизни главным правоприменительным органом является суд.

Поскольку суд – это орган государства, то соответственно было целесообразно предусмотреть какой-то частный порядок разрешения возникающих споров, так как метавселенная – это децентрализованное онлайн-пространство. Наиболее подходящим институтом в таком случае следует считать арбитраж. На сегодняшний день в ряде работ косвенно затрагиваются вопросы, связанные с функционированием арбитража в рамках цифрового поля. Например, это касается цифровых инвестиций [3. С. 187–192].

Можно было бы создать единый для всех метавселенных арбитраж, особенности которого заключались в том числе в его обязательности (существует не от воли сторон, а в силу необходимости) использования технологий искусственного интеллекта. В частности, это касается следующих аспектов:

1. Предоставления доказательств. За основу будущего процесса предлагается взять существующий механизм разрешения споров на платформе Binance, где на самой первой стадии разрешения спора представитель службы поддержки предлагает сторонам предоставить доказательства. В данном случае можно было доверить процесс предоставления доказательств искусственному интеллекту.

Как это будет работать? Искусственный интеллект предлагает сторонам предоставить доказательства. Если каждая из сторон выполняет данное действие, то к делу подключается арбитр. Если одна из сторон не предоставила доказательств, то искусственный интеллект разрешает спор в пользу другой стороны, а если ни одна из сторон не предоставила доказательств, то спор автоматически аннулируется. Так, возможно будет снизить нагрузку на будущих арбитров.

2. Исполнение решений. Одна из главных проблем принудительного исполнения – это срок. В креаторской экономике можно было исполнение решений полностью доверить искусственному интеллекту. Арбитр, вынося какое-то решение, передает его специалисту, который понимает язык программирования, для дальнейшей выгрузки в систему, которая автоматически исполнит решение. Например, спишет с кошелька метавселенной ответчика в пользу истца определенную сумму. Следовательно, значительно упростится процесс принудительного исполнения.

3. Робот-судья. Нельзя исключать, что в перспективе технологии искусственного интеллекта смогут заменить человека при разрешении споров. На сегодняшний день имеются случаи, когда робот за счет анализа огромного количества данных успешно вел дискуссию на юридическую тематику (например, Р.С. Бевзенко против робота из «Мегафона»).

Автор отдельно считает нужным отметить, что в рамках данной работы не исследовались вопросы о перспективах правового регулирования отношений в креаторской экономике. Это касается, в частности, вопросов назначения арбитров, порядка их отбора, применимого права, будущего законодательства в сфере смарт-контрактов и права интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. A Survey of NFT Licenses: Facts & Fictions. URL: <https://www.galaxy.com/research/insights/a-survey-of-nft-licenses-facts-and-fictions/> (дата обращения: 06.09.2022).
2. Boll M. The metaverse and how it will revolutionize everything // Liveright. 352 p.
3. Eric De Brabandere. International investment law and arbitration in cyberspace. Research Handbook on International Law and Cyberspace (Research Handbooks in International Law series). Edward Elgar Publishing, 2021. 672 p.
4. Gervais Daniel J. The Future of Intellectual Property. Edward Elgar, 2021. 384 p.
5. Nisha Dhanraj Dewani, Zubair Ahmed Khan, Aarushi Agarwal, Mamta Sharma, Shaharyar Asaf Khan. Handbook of Research on Cyber Law, Data Protection, and Privacy // A volume in the Advances in Information Security, Privacy, and Ethics. 2022. 390 p. DOI: 10.4018/978-1-7998-8641-9
6. Patrick G., Bana A. Rule of Law Versus Rule of Code: A Blockchain-Driven Legal World. London: International Bar Association, 2017. 51 p.
7. Söbbing T. Smart Contracts und Blockchain-Technologie Definition, Arbeitsweise, Rechtsfragen // ITRB. 2018.
8. Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71–76.
9. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учебное пособие для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2022. 1016 с.

С. Л. Скрипилева,

студент,

Псковский государственный университет

БЛОКЧЕЙН В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРИМЕНЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие блокчейна в праве, правовое регулирование, преимущества и актуальность блокчейна, а также применение данной системы в правовых вопросах на примере смарт-контракта. Поставлен вопрос о потенциальном будущем системы блокчейн, а также о налогообложении системы в целом.

Ключевые слова: блокчейн, право, цифровые технологии, гражданские права, правоотношения, платежные средства, легализация, интеллектуальная собственность

BLOCKCHAIN IN RUSSIAN LAW: APPLICATION AND REGULATION IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The article discusses the concept of blockchain in law and why it is needed. The legal regulation in the legislation and regulations that relate to the blockchain

system are considered. The advantages and relevance of the blockchain, as well as the use of this system in legal matters, are considered using the example of a “smart contract”. The question was raised about the potential future of the blockchain system, as well as the taxation of the system as a whole.

Keywords: Blockchain, Law, Digital Technology, Civil rights, Legal relations, Payment means, Legalization, Intellectual property

2022 г. стал для Российской Федерации огромным толчком к развитию. Большие трудности претерпевают различные технологии, в том числе и цифровые, однако есть те, что становятся даже надеждой на улучшение обстановки, как, например, блокчейн. Технология блокчейн – это защищенный от несанкционированного доступа цифровой реестр общего пользования, а именно распределительная база данных, которая хранит информацию обо всех транзакциях участников системы в виде цепочки блоков [1].

В 2022 г. против Российской Федерации были введены санкции, которые коснулись информационных ресурсов. Как могут помочь технологии блокчейн и есть ли ограничения для ее внедрения?

Блокчейн использовался для подтверждения авторства на объекты интеллектуальной собственности. Можно выделить следующие преимущества данного способа: относительная дешевизна и нет необходимости полагаться на какую-либо организацию. После записи в блокчейне происходит фиксация хэш-кодом – технической записью в блоках базы данных блокчейн, с информацией о проведенных транзакциях. С юридической точки зрения хэш – это электронный документ, который может являться письменным доказательством в суде (в ГПК РФ (ст. 71), КАС РФ (ст. 59) и АПК РФ (ст. 75) [2].

Благодаря блокчейн можно заключать смарт-контракты – это программа, которая отслеживает исполнение обязательств и принимает решение, завершить сделку и выдать требуемое или наложить на участников штраф или закрыть доступ к активам. На данный момент технология не так распространена в России, отсутствует судебная практика и не решен вопрос юридической силы, на практике могут возникать правовые вопросы.

Блокчейн стал особенно привлекательным в условиях настоящей трансформации экономики. Почему? Ранее криптовалюта воспринималась скорее как забава, однако в современных реалиях она может стать серьезным гарантом финансовой независимости и защищенности личных активов. Но есть один большой недостаток – не все операции с блокчейном законны и подходят под государственное регулирование. По мнению экспертов, блокчейн может быть как альтернатива MasterCard и Visa для русских резидентов за границей [3].

Какие правовые акты по блокчейну уже приняты? С 1 января 2021 г. в России действует Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», но он не внес определенности в деятельность, связанную с оборотом криптовалют – какие операции законны, там не прописано. Согласно закону «О ЦФИ», криптовалюта приравнивается к имуществу, следовательно, доход от ее продажи подлежит обложению НДФЛ [4]. При этом применяется ставка налога 13 %, а с 1 января

2021 г. с дохода, превышающего 5 млн рублей, применяется ставка 15 %. Как средство платежа криптовалюту тоже нельзя использовать по ст. 140 Гражданского кодекса РФ, законным платежным средством на территории Российской Федерации является рубль [5].

Ранее бытовало мнение, что блокчейн не может контролироваться, как и сеть Интернет, в силу того, она не принадлежит конкретному государству, а значит, на нее не могут распространяться конкретные нормы. Особое место занимает само налогообложение, сама сеть блокчейн не облагается ничем, облагаются компании, что оказывают эти услуги. Более понятная ситуация обстоит с интеллектуальной собственностью, блокчейн как средство депонирования работает и становится с годами все более популярной [6].

Притом, что блокчейн стал некой зоной, на которую не распространяются санкции, все так же открыт вопрос его места в законодательстве и соответствующего регулирования.

Список литературы

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.02.2017 № 33-2537/2017 по делу № 2-10119/2016 «Об оставлении без рассмотрения по существу апелляционной жалобы на решение о признании запрещенной к распространению на территории Российской Федерации размещенной на интернет-сайте информации об электронной валюте Bitcoin (биткоин)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SARB&n=104340#8kcU74TOA43IpBfh>

2. Блокировки счетов россиян: какие криптобиржи уже ввели ограничения. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/621f78779a79470db97b9658> (дата обращения: 10.09.2022).

3. Что такое блокчейн: как технология применяется для защиты авторских прав. URL: <https://nris.ru/blog/chto-takoe-blokchejn-kak-tehnologiya-primenyaetsya-dlya-zashity-avtorskih-prav/> (дата обращения: 01.09.2022).

4. Юридические аспекты применения блокчейна и использования криптоактивов. URL: <https://hc.garantex.io/blokchejn-i-avtorskoe-pravo-mneniya-ehksperta/> (дата обращения: 30.08.2022).

5. Monteleone L. Blockchain will alter trademarks' registration and enforcement? URL: <http://www.medialaws.eu/how-blockchain-will-alter-trademarks-registration-and-enforcement> (дата обращения: 01.04.2022).

6. PANTEY Consult экономика. URL: <https://hc.garantex.io/blokchejn-i-avtorskoe-pravo-mneniya-ehksperta/> (дата обращения: 01.09.2022).

Д. Ю. Скрыпник,

аспирант,

Волгоградский государственный университет;

руководитель проекта,

Техприспро

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПАРЕТО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПРАВЕ С ПОМОЩЬЮ ИТ-ПЛАТФОРМЫ «ТЕХПРИСПРО»

Аннотация. В данной статье автор делится информацией о разработанной им совместно с командой разработчиков новой правовой системе в сфере энергетического права – облачной платформе «Техприспро», которая помогает специалистам энергокомпаний по принципу Парето за 20 % работы в системе получить 80 % результата. Автор отмечает, что с развитием законодательства в будущем могут появляться новые отраслевые правовые системы, которые будут нацелены на решение практических задач в иных отраслях права, например в сфере налогового, интеллектуального и медицинского права.

Ключевые слова: энергетическое право, электроэнергетика, правовые системы, ИТ-платформа «Техприспро», принцип Парето, энергоснабжение, технологическое присоединение к электрическим сетям

IMPLEMENTATION OF THE PARETO PRINCIPLE IN ENERGY LAW USING THE TECHPRISPRO IT PLATFORM

Abstract. In this article, the author shares information about a new legal system developed by him together with a team of developers in the field of energy law – the Techprispro cloud platform, which helps specialists of energy companies on the Pareto principle to get 80 % of the results for 20 % of work in the system. The author notes that with the development of legislation in the future, new sectoral legal systems may appear, which will be aimed at solving practical problems in other branches of law, for example, in the field of tax, intellectual and medical law.

Keywords: Energy law, Electric power industry, Legal systems, Techprispro IT platform, Pareto principle, Energy supply, Technological connection to electric networks

В настоящее время электроэнергетика является одной из самых изменяющихся отраслей действующего законодательства. Ежегодно вносятся существенные поправки и дополнения в сфере технологического присоединения к электрическим сетям, ценообразования, диспетчеризации и строительства линейных объектов. Более того, отрасль электроэнергетики впервые реализовала обязательную электронную модель договорных отношений, что до настоящего времени в полной мере не внедрено в других монопольных отраслях.

С учетом этих изменений специалистам энергокомпаний необходимо адаптироваться к новым положениям законодательства, оптимизировать внутренние бизнес-процессы, а также повышать клиентоориентированность.

Чтобы ориентироваться в действующем законодательстве, энергетическое право в сфере электроэнергетики можно условно разделить на несколько направлений:

- технологическое присоединение к электрическим сетям;
- энергоснабжение на оптовом и розничном рынках электрической энергии;
- тарифообразование;
- диспетчеризация;
- строительство объектов электроэнергетики.

Важно отметить, что каждое из этих направлений может частично содержать в себе элементы из других направлений. Например, к технологическому присоединению к электрическим сетям относятся вопросы заключения договоров энергоснабжения на розничном рынке электрической энергии до окончания процедуры подключения, а также вопросы тарифного регулирования и строительства.

Как утверждают А. Л. Бредихин и А. А. Удальцов: «Расширяющийся объем правовых актов создает большие сложности для правоприменителя, а от “качества” применения законодательства зависит общее состояние законности, эффективность управленческой деятельности и реализации права в целом» [3]. Ученые полагают, что для решения юридических вопросов разработчики существующих правовых систем сформировали алгоритмизацию законодательства путем создания удобных для поиска информации интерфейсов.

Однако отметим, что действующие справочные системы не всегда могут решать конкретные практические задачи. Например, в сфере энергетического права необходимо реализовать междисциплинарный подход, где требуется соединить юриспруденцию, технические дисциплины и цифровые технологии. Несмотря на это, правовые справочные системы обладают полезной базовой функцией – это доступ к актуальным нормативным актам и материалам судебной практики. Вместе с тем указанные документы не структурированы по направлениям электроэнергетики, а размещены в виде базы данных документов. Более того, в справочных системах отсутствуют онлайн-сервисы по решению правовых и технических задач.

Отсутствие должной алгоритмизации и отраслевых цифровых сервисов приводит к тому, что сотрудники энергокомпаний с различным правовым и техническим опытом сталкиваются с проблемами правоприменения законодательства. Например, 1 июля 2022 г. вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2022 г. № 1178 [1], которое существенно скорректировало электронный порядок организации энергоснабжения отдельных категорий потребителей. Как можно заметить, данное постановление было принято 30 июня 2022 г. и вступило в силу с 1 июля 2022 г., что не позволило специалистам энергокомпаний заблаговременно подготовиться к изменениям, поскольку проект постановления отсутствовал в свободном доступе для ознакомления.

Проблемы правоприменения влияют на следующие показатели:

- нарушение сроков технологического присоединения объектов потребителей;
- трудоемкость разработки договоров и технических условий: от 2 часов до нескольких дней;
- временные затраты на решение правовых задач и поиска судебной практики: до 3 дней на один кейс;
- длительная адаптация сотрудников энергокомпаний: от 3 месяцев до года;
- проблемы внедрения нового законодательства и рост судебных исков к энергокомпаниям.

Понимая данную проблему, автор совместно с командой разработчиков создали облачную платформу «Техприспро», которая решает правовые задачи энергокомпаний в сфере организации энергоснабжения потребителей.

Облачный сервис построен по принципу Парето – эмпирическому правилу, названному в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето (1848–1923), которое в наиболее общем виде формулируется как «20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата» [4].

Следует отметить, что Парето не выявил данное процентное соотношение, однако ему принадлежит открытие, что распределение богатства среди населения предсказуемо не сбалансировано независимо от периода времени и стран. Именно открытие несбалансированности в будущем привело к развитию принципа Парето, несмотря на то, что самому ученому не удалось объяснить данный феномен. Длительное время открытие принципа Парето не исследовалось учеными. Лишь после Второй мировой войны два новатора одновременно, независимо друг от друга, начали раскрывать новые возможности принципа Парето [5].

Первый ученый – Джордж К. Зипф (1902–1950) – открыл принцип наименьшего усилия. Принцип Зипфа гласил, что ресурсы самоорганизуются так, чтобы свести к минимуму работу, и, таким образом, приблизительно 20–30 % любого ресурса производят 70–80 % деятельности, связанной с этим ресурсом [6].

Второй ученый – Йосиф Мозес Юран (1904–2008) – обнаружил, что неравномерное распределение ценностей по принципу Парето наблюдается и в отношении потерь качества продукции. Можно найти и другие сферы, в которых наблюдается подобное: распределение количества преступлений среди преступников, распределение количества несчастных случаев во время технологических процессов повышенной опасности и т. д. [7].

Одной из первых компаний, применивших принцип Парето, стала корпорация IBM, которая организовала системное программное обеспечение так, чтобы наиболее используемые 20 % команд были доступны для пользователя, – и это сразу сделало компьютеры IBM более эффективными и быстрыми [8].

Основываясь на принципе Парето, IT-платформа «Техприспро» помогает специалистам энергокомпаний за 20 % работы в системе получить 80 % результата за счет:

- сокращения штрафов за нарушение законодательства в сфере технологического присоединения на 70 %;
- решения правовых задач и поиска судебной практики посредством чат-бота: до 1 часа на 1 кейс;
- автоматизации составления договоров и технических условий на подключение: до 30 минут на один документ;
- оптимизации производственных процессов с помощью алгоритмов решения задач по технологическому присоединению;
- сокращения адаптационного периода для новых сотрудников энергокомпаний, осваивающих энергетическое право, до 1 месяца;
- развития профессиональных знаний и умений посредством сервиса проверки знаний сотрудников.

Фундамент облачной платформы «Техприспро» составляют информационные модули, которые разделены на 25 различных направлений:

- оформление договорных отношений по организации энергоснабжения;
- особенности подключения различных имущественных комплексов потребителей: здания, индивидуальные жилые и садовые дома, многоквартирные дома, нежилые помещения, гаражные боксы, машино-места, объекты микрогенерации и т. п.;
- организация проектирования и строительства объектов электроэнергетики;
- ввод объектов электроэнергетики в эксплуатацию и оформление правоустанавливающих документов на построенные объекты.

В модулях проведен анализ межотраслевого законодательства, судебная практика в сфере энергетического права, а также применяется междисциплинарный подход при решении правовых кейсов.

Помимо отраслевой информационной базы, платформа «Техприспро» содержит цифровые сервисы, которые позволяют в зависимости от параметров подключаемого объекта в автоматизированном режиме сформировать проекты договоров и технические условия на подключение. Автором впервые был проведен анализ всех объектов технологического присоединения и обнаружено, что для правильной организации подключения в зависимости от их технических параметров, требуется свыше 15 различных шаблонов технических условий, которые содержат в себе не только юридические, но и технические особенности.

На базе «Техприспро» разработаны алгоритмы решения задач по технологическому присоединению, поскольку они так же, как и технические условия, различаются в зависимости от параметров подключаемого объекта. Например, Правила технологического присоединения [2] обязывают энергосбытовые и сетевые организации организовывать энергоснабжение в отношении потребителей, указанных в разделе X Правил, исключительно в электронном виде посредством создания личных кабинетов на своих официальных сайтах в сети Интернет. Что касается остальных заявителей, то заключение договоров на розничных рынках осуществляется на бумажном носителе, где сетевые организации реализуют принцип одного окна и выдают заявителям договоры на технологическое присоединение, а также договоры энергоснабжения, полученные от энергосбытовых организаций в порядке «межведомственного» взаимодействия.

Кроме специализированных сервисов по решению правовых задач, IT-платформа «Техприспро» предоставляет возможность сотрудникам энергокомпаний пройти онлайн-тестирование на предмет знаний в сфере энергетического права и повышения самомотивации.

Автор статьи полагает, что с развитием законодательства в будущем могут появляться новые отраслевые правовые системы, которые будут нацелены на решение практических задач. Например, в настоящее время существует система в области государственных закупок [9]. Не исключено, что в будущем появятся системы в сфере налогового, интеллектуального и медицинского права.

В 2021 г. IT-платформа «Техприспро» стала призером в конкурсе стартапов «Старт», который ежегодно проводит ФГБУ «Фонд содействия инновациям» и получила государственную поддержку на НИОКР по дальнейшему развитию облачной платформы. В сентябре 2022 г. завершены работы по НИОКР, результа-

том которых стало внедрение сервиса «Техприспро» в более 20 энергокомпаниях нашей страны, а также проведена государственная регистрация программы ЭВМ в Роспатенте. Кроме того, в сентябре 2022 г. облачная платформа «Техприспро» стала резидентом инновационного центра «Сколково».

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2022 № 1178 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии к электрическим сетям и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 01.07.2022. № 0001202207010048.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525. ПСС «Техприспро».

3. Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Ситуационная структура законодательства как альтернатива отраслевому принципу его систематизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 44. С. 154.

4. Закон Парето: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Парето (дата обращения: 07.09.2022).

5. Joseph A. Schumpeter Vilfredo Pareto (1848–1923). 1949. May. URL: <https://www.jstor.org/stable/1883096> (дата обращения: 07.09.2022).

6. Krugman P. The self-organizing economy. 1996. URL: <http://bactra.org/reviews/self-organizing-economy/> (дата обращения: 07.09.2022).

7. Joseph M. Juran Juran's quality control handbook. 1951. URL: https://www.academia.edu/9378072/JURAN_S_QUALITY_HANDBOOK_JURAN_S_QUALITY_HANDBOOK (дата обращения: 07.09.2022).

8. Кох Р. Принцип 80/20 / пер. с англ. О. Епимахова, И. Линевой. Юбилейное изд., доп. Москва: Эксмо, 2021. 512 с.

9. Система госзаказ: Система Госзаказ – экспертная база знаний для специалистов по госзакупкам. URL: <https://vip.1gzakaz.ru/> (дата обращения: 07.09.2022).

И. В. Слепнева,

студент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

О ПРОБЛЕМАХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее важных направлений цифровизации адвокатской деятельности, среди которых выделяются внедрение автоматизированных систем в адвокатскую деятельность и цифровизация делопроизводства адвоката. В статье акцентируется внимание на защите информации, составляющей адвокатскую тайну, как важной составляющей института адвокатуры. Предлагаются меры по обеспечению защиты такой информации. Обозначены положительные стороны цифровизации, а также проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты в ходе внедрения цифровых технологий в профессиональную деятельность. Предложены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, информационные системы, адвокатура, адвокатская деятельность, адвокатская тайна, конфиденциальность, электронный документооборот

ABOUT THE PROBLEMS OF INTRODUCING DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADVOCACY

Abstract. The article is devoted to the consideration of the main directions of digitalization of advocacy. Among these, we distinguish: the introduction of automated systems in the legal profession and the digitalization of the lawyer's office work. The article focuses on the protection of information constituting attorney-client privilege as an important component of the institute of advocacy. Measures are also proposed to ensure the protection of such information. The paper identifies the positive and negative sides of digitalization, as well as the problems that lawyers face due to the introduction of digital technologies in their professional activities. The ways of solving the indicated problems are proposed.

Keywords: Law, Digital technologies, Information systems, Advocacy, Attorney-client privilege, Confidentiality, Electronic document management

В рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [3] особо важным является вопрос цифровизации судебной системы и деятельности правоохранительных органов. Адвокатура не может оставаться в стороне от этих преобразований, а поскольку она является частью правовой системы России, цифровая реформация также коснулась и адвокатской деятельности. Наиболее значимым результатом цифровизации адвокатуры стало создание двух информационных систем: автоматизированной информационной системы «Адвокатура» (далее – АИС) и комплексной информационной системы адвокатуры (далее – КИС АР).

Целью создания АИС является усовершенствование порядка вступления адвокатов в процесс оказания юридической помощи по назначению. Следующим

этапом, по замыслу разработчиков, станет предоставление возможности непосредственного взаимодействия адвокатов с органами государственной власти путем участия в онлайн-процессах в суде. Еще одной задачей, которая ставилась перед АИС, было повышение эффективности взаимодействия судебного департамента с адвокатами в вопросах оплаты труда адвоката, привлекаемого к оказанию помощи по назначению. В целом можно отметить, что указанная система продемонстрировала свою эффективность в борьбе с так называемыми карманными адвокатами. Практика показывает, что, к сожалению, полностью исключить влияние заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами пока еще не представляется возможным [8. С. 59–62]. Однако с внедрением системы в отдельных регионах удалось кратно сократить количество таких случаев, а также упростить процесс выявления недобросовестных адвокатов.

Цель создания КИС АР – упрощение взаимодействия адвокатов с государственными органами и судебной системой [7]. Данная информационная система способствует развитию адвокатуры как института цифровой среды доверия, что, в свою очередь, ведет к повышению статуса адвокатуры. Как указала в своем выступлении советник Федеральной палаты Адвокатов РФ (далее – ФПА РФ) Елена Авакян, «КИС АР... позволит перейти от вертикального подчинения к горизонтальному взаимодействию» [2], Подразумевается, что между адвокатским сообществом и органами власти будет настроена более доверительная атмосфера отношений. КИС АР задумывалась как электронная система, которая позволяет осуществлять документооборот в адвокатской деятельности, производить запросы, обращаться к суду в электронном виде, иметь доступ к государственным базам данных. Также она позволяет иметь оперативный доступ адвокатов к документам адвокатской палаты. Стоит заметить, что подобные системы активно внедряются и функционируют за рубежом. Так, в ФРГ защитник имеет возможность быстро и при минимальном контакте со следователем ознакомиться с материалами уголовного дела посредством доступа к его цифровой версии или с электронными документами дела через свой личный кабинет адвоката. В свою очередь, доступ к электронному кабинету обеспечивается специальной смарт-картой адвоката [9].

Несмотря на непродолжительное функционирование КИС АР, адвокаты уже отмечают положительный эффект от переноса некоторого количества данных в цифровое пространство. Однако без минусов в этот раз не обошлось. В частности адвокаты выражали недовольство по поводу работы системы push-уведомлений о поступлении новых поручений. Одни адвокаты отмечали, что им push-уведомления не приходят и для того чтобы узнать поступало ли новое поручение, необходимо войти в само приложение КИС АР. У других адвокатов возникали проблемы с принятием поручения. Система устроена следующим образом: она отправляет поручение одновременно нескольким адвокатам, в порядке, определенном «Порядком назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве» [5]. Затем каждый из адвокатов должен либо принять, либо отклонить поручение. В случае принятия поручения несколькими адвокатами, система, по критерию равномерного распределения заявок, выбирает только одного адвоката. Но возникали ситуации, когда адвокаты не успевали сделать

выбор, и система оповещала их о том, что поручение уже было принято другим адвокатом. Указанные проблемы носят скорее технический характер, чем правовой. Однако в результате таких сбоев системы, в конечном итоге, страдает лицо, которому не оказана своевременная, качественная, квалифицированная юридическая помощь.

На сегодняшний день все выводы о работе информационных систем являются промежуточными, поскольку они были введены в действие еще не во всех субъектах РФ. При этом ФПА РФ не отрицает наличие проблем, связанных с функционированием системы и по мере возможностей их устранят. Своевременно выявлять и устранять неполадки стало возможно, в том числе, благодаря обратной связи от адвокатов, являющихся пользователями КИС АР.

Каждый адвокат стремится создать для себя, по мере своих возможностей, удобную рабочую среду. Сегодня такая среда предполагает использование различных цифровых сервисов и технологий. Одним из возможных вариантов оптимизации рабочей среды является перевод делопроизводства с бумажных носителей на электронные.

Однако если в случае автоматизированных систем, безопасность использования сервисов гарантируется ФПА, то в случае делопроизводства защиту от стороннего вмешательства адвокат должен обеспечивать сам. В этой связи возникает вопрос о целесообразности перевода ведения делопроизводства в электронный формат. Опасения адвокатов, относительно перевода работы адвоката в цифровую среду, не беспочвенны.

В 2019 г. ФПА РФ предоставила «Информационную справку о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2017 году» [4], согласно которой было обращено внимание на повышение количества посягательств, связанных с адвокатской тайной.

С каждым днем все большее число адвокатов предпочитают хранить сведения, документы и иную информацию, а также обмен информацией с доверителем в электронном виде. В этой связи необходимо проанализировать, каким образом цифровизация делопроизводства адвоката скажется на сохранности адвокатской тайны: приведет это к ее более эффективной защите или же, напротив, упростит возможность ее незаконного изъятия?

Практика показывает, что сегодня ведение делопроизводства в электронном формате в вопросах защиты адвокатской тайны от стороннего вмешательства имеет как плюсы, так и минусы.

Положительные моменты ведения электронного делопроизводства включают в себя:

- экономию времени;
- оперативный доступ к документации, быстрота изменений и простое управление движением документов;
- возможность отслеживания доступа к документам, поскольку современные технологии позволяют довольно легко определить точное время и устройство, с которого был открыт тот или иной файл;
- усложненность несанкционированного доступа к документам благодаря шифрованию. Однако перспектива самостоятельного овладения технологиями

шифрования данных может вызвать трудности у адвокатов. Ввиду чего данный вопрос должен решаться на уровне ФПА.

К минусам ведения электронного делопроизводства можно отнести следующие факторы:

- компьютерная преступность является транснациональной [1] и перенос документов с бумажных носителей на электронные будет вести к увеличению вероятности неправомерного завладения информацией, составляющую адвокатскую тайну (если бумажные носители неправомерно изымаются, как правило, сотрудниками правоохранительных органов, то электронные могут стать объектом посягательства «компьютерных» преступников или заинтересованными органами власти через свои способы доступа);

- латентность и затрудненность расследования компьютерной преступности, в том числе с учетом транснациональности преступности;

- передача сведений, составляющих адвокатскую тайну в незашифрованном виде;

- допущение ошибок при работе в информационной среде (как технических, так и по вине человека) может привести к отправке информации, составляющей адвокатскую тайну третьим лицам;

- фишинг, т. е. вид мошенничества, посредством которого преступники получают доступ конфиденциальной информации пользователя. Такой вид мошенничества может маскироваться под приглашение для участия в научной конференции, лекции и т. д.

Ввиду увеличения числа посягательств на адвокатскую тайну, ФПА утвердила «Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности» [6]. Однако данные рекомендации в области защиты информации, хранящейся в электронном формате, являются довольно общими. Все сводится к тому, что адвокат сам должен предпринять все необходимые меры для защиты информации от стороннего вмешательства. С учетом того, что администрирование информационных систем и обеспечение их безопасности относится к ведению органов государственной власти риск несанкционированного доступа со стороны представителей процессуальных оппонентов остается велик.

На наш взгляд, перекладывание всей ответственности на адвоката является несправедливым, поскольку не учитывается цифровое неравенство среди представителей профессии. Разница в цифровой компетентности в профессиональной среде является значительной. Процесс цифровизации адвокатуры должен быть комплексным и включать совместный труд как ФПА, так и рядовых адвокатов. Необходимо разрабатывать программы развития цифровой грамотности адвокатов на уровне адвокатских палат субъектов РФ. Также должны быть выработаны специальные меры объективного контроля со стороны ФПА РФ за государственными цифровыми системами, в которые интегрировано адвокатское сообщество.

Остается надеяться, что в результате реализации программы информационного развития правового пространства, адвокатов станут реально воспринимать как полноценных участников и партнеров.

Список литературы

1. Каримов В. Х. Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // Российский следователь. 2018. № 6. С. 52.

2. Катанян К. Эволюция правосудия и цифровое правоприменение // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/evolyutsiya-pravosudiya-i-tsifrovoye-pravoprimerenie/> (дата обращения: 12.09.2022).

3. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. 15 мая. № 20 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 09.09.2022).

4. Отчет Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2017 г. по апрель 2019 г. // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/report-of-the-board-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-for-the-period-from-2019/> (дата обращения: 09.09.2022).

5. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 09.09.2022).

6. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (дата обращения: 09.09.2022).

7. Старт КИС АР // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/start-kis-ar/> (дата обращения: 09.09.2022).

8. Черкунова Т. В. «Карманный» адвокат – служитель стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karmannyu-advokat-sluzhitel-storony-obvneniya> (дата обращения: 12.09.2022).

9. Gestatten, beA! IhrelektronischenAnwaltspostfach // Bundesnotarkammer (BNotK). URL: http://bea.brak.de/wp-content/uploads/2015/04/BRAK-beA_Information_Einzelseiten_2017.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

Л. А. Смирнова,

студент,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В настоящее время проблема регулирования общественных отношений с участием «умных» роботов и информационных систем, действующих на основе искусственного интеллекта, привлекает все большее внимание ученых-специалистов из разных отраслей науки. Международное и национальное законодательство в данной области только начинает формироваться. Ввиду этого автор всесторонне анализирует подходы к пониманию феномена искусственного интеллекта с правовой точки зрения, проблему правосубъектности и правовой регламентации искусственного интеллекта, делает выводы о возможных перспективах развития в современной России.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, риски, нормативно-правовое регулирование, электронное лицо, правосубъектность

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: RISKS AND PROSPECTS

Abstract. Nowadays the problem of regulation of social relations with participation of “smart” robots and information systems acting on the basis of artificial intelligence attracts more and more attention of scientists-specialists from different branches of science. International and national legislation in this field is just beginning to form. In view of this the author comprehensively analyzes the approaches to the understanding of the phenomenon of artificial intelligence from the legal point of view, the problem of legal personality and legal regulation of artificial intelligence, makes conclusions about the possible prospects of development in modern Russia.

Keywords: Information technology, Artificial intelligence, Risks, Regulation, E-person, Legal personality

Век информационных технологий для Российской Федерации характеризуется постепенным переходом к цифровой экономике, использованию нейронных сетей, применению технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Трансформация, вызванная активным внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства, качественно изменяет общественные отношения, а также влияет на проблематику научных изысканий. Как справедливо отмечает председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин: «В ближайшее время мир столкнется с необходимостью комплексного правового регулирования сферы ИИ. Системное и профессиональное обсуждение использования технологий искусственного интеллекта и выработку соответствующих правовых позиций необходимо начать и в России» [3].

На наш взгляд, на современном этапе развития науки наиболее актуальными являются исследования, посвященные развитию искусственного интеллекта,

оценке перспектив его внедрения в систему общественно-правовых отношений. Важной отличительной особенностью ИИ от иных высокотехнологических продуктов является его автономность, которая подразумевает возможность не заикливаясь на программе разработчика, развиваясь самодостаточно.

Легальное определение искусственного интеллекта раскрыто в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. В соответствии с данным правовым актом ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении задач результаты, которые могут быть сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека [6]. В научной среде не существует единого подхода к определению рассматриваемого феномена: некоторые исследователи при обозначении ИИ акцентируют внимание на самообучаемости, другие – на автономности и возможности замены человеческого интеллекта.

Вопрос отсутствия нормативно-правовой базы, регламентирующей функционирование, условия разработки и оснащения, основы применения ИИ является актуальным во всем мире. Исследователями выделяются три модели регулирования ИИ, которые уже применяются в ряде зарубежных государств. Так, во Франции и Китае ИИ в основном регламентируется актами стратегического планирования, в Южной Корее – нормами права, в США и ЕС наблюдается гибридная модель: сочетание документов стратегического характера и правовых норм [1. С. 94].

В научной среде дискуссионным остается и вопрос характера правового регулирования ИИ: высказываются мнения о необходимости использования как универсального регулирования, так и регулирования отдельных систем ИИ. Действительно, в отдельных государствах существуют акты, регламентирующие ИИ в различных сферах общественных отношений: например, системы ИИ, применяющиеся в здравоохранении, социальной сфере и др. По нашему мнению, российское законодательство в данной области должно быть универсальным, в свою очередь, пробелы регулирования отдельных систем ИИ должны быть урегулированы на основе аналогии закона.

На наш взгляд, на первоначальном этапе разработки концепции единого правового акта в области регулирования ИИ необходимо разрешить следующие вопросы первостепенного значения: вопросы привлечения к ответственности, разработки эффективной политики в данной инновационной сфере, осуществления контроля и сертификации систем ИИ, а также проблема влияния ИИ на общественные процессы [5. С. 93]. С уверенностью можно заявить о том, что законодательный акт будет эффективен лишь в том случае, если законодателем проблемные аспекты будут рассмотрены всесторонне, в том числе будет затронута и этическая сторона.

При разработке нормативно-правовой базы для регулирования ИИ, по нашему мнению, необходимо особенно обратить внимание также и на следующие аспекты:

1. Риск неправомерного получения личных данных, их распространения, нарушение иных личных конституционных прав. Кроме того, в научной среде высказываются опасения, что ИИ может «стирать» границы реальности, генерируя различную дезинформирующую информацию [2. С. 16]. Действительно, вопрос фальсификации цифровой реальности и сложности ее разоблачения уже сегодня стоит остро, что, по нашему мнению, лишь ухудшится с появлением ИИ. Некоторыми исследо-

вателями, напротив, отмечается, что в онлайн-пространстве конфиденциальность не может быть достигнута, в связи с чем проблему не стоит относить к основным.

2. Риск развития и распространения новых видов киберпреступности, осуществлять борьбу с которой затруднительно, применяя сегодняшнее уголовно-правовое законодательство и меры оперативно-разыскного воздействия [1. С. 16].

3. Риск непреднамеренного развития ИИ. Исследователи отмечают, что ИИ как высокотехнологичный инструмент может превратиться в машину, способную совершать неправомерные действия;

4. Риск ошибочного программирования ИИ. Как отмечается в научно-профессиональном сообществе, вопрос ответственности разработчика и ИИ является дискуссионным на протяжении всего периода исследования данного феномена.

Действительно, ошибка при программировании может стать причиной разрушительных последствий, однако признание вины лишь разработчика не представляется верным в связи с наличием у ИИ склонности к самообучаемости и автономности. Наиболее острым является вопрос правового положения ИИ. Рассматривая правосубъектность систем ИИ, на наш взгляд, следует исходить из следующих точек зрения:

1. ИИ как объект права. Как отмечается многими исследователями, на данный момент ИИ воспринимается именно с этой точки зрения. При законодательной регламентации данного правового положения законодателю не придется значительно перерабатывать сложившиеся нормы, создавать новую отрасль, достаточно будет лишь внести некоторые изменения в имеющиеся правовые акты.

2. ИИ как субъект права. Дискуссии о признании ИИ субъектом права сегодня ведутся в основном в контексте обсуждения его деликтоспособности. Современная наука прорабатывает механизмы наложения мер ответственности на ИИ, обсуждая целесообразность и рациональность их введения. Многие исследователи выступают против признания ИИ субъектом права в связи с отсутствием у него свойственных для субъектности качеств, а также в связи с противоречием этическим нормам [4. С. 123].

3. ИИ как «электронное лицо». Под электронным лицом подразумевается носитель ИИ, для которого свойственен разум, схожий с человеческим, а также способность принятия решений, закладываемые и не закладываемые программой, а также обладающие в силу этого определенными правами и обязанностями. Подразумевается, что «электронное лицо» обладает особой правоспособностью, сравнительно ограниченной по сравнению с общей правоспособностью гражданина. На наш взгляд, обращение к данному положению обосновано пониманием необходимости наличия возможности наложения на ИИ мер ответственности за осуществляемые неправомерные действия и поступки, а также осознанием невозможности провозглашения равенства правосубъектности человека и ИИ. Таким образом, по мнению ряда ученых, специфические характеристики ИИ в ближайшем будущем станут причиной его превращения в особого участника правоотношений.

По нашему мнению, на данный момент развития общества и информационных технологий ИИ может выступать лишь в качестве объекта правоотношений. В свою очередь, мы уверены, что в ближайшем будущем с развитием систем ИИ встанет вопрос о наделении его особым правовым положением «электронного лица», что будет обосновано этическими нормами и необходимостью предоставления ему отдельных прав, наделения обязанностями.

Подводя итог, следует отметить, что ИИ является технологией будущего Российской Федерации. Нет сомнения в том, что в ближайшее время в связи с регулярным развитием и совершенствованием ИИ проблема правового регулирования станет еще более актуальной. Мы уверены в том, что законодателем должны быть конкретно определены принципы функционирования ИИ, основы его применения, стандарты, а также главным образом разрешены проблемы ответственности и правосубъектности. Исключительно совместная работа теоретиков и практиков по изучению феномена ИИ сможет обеспечить эффективной нормативно-правовой базой такую сложную динамичную и инновационную область.

Список литературы

1. Арзумян А. Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92–99.
2. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. С. 14–18.
3. Вячеслав Володин в Иннополисе анонсировал разработку законов о робототехнике. URL: <https://kam.business-gazeta.ru/news/337157?ysclid=1821o0uv45691127440> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.
5. Понькин А. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/?ysclid=1821ttmxmj22813578 (дата обращения: 10.09.2022).

М. И. Смирнова,

студент,

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙН ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия искусственного интеллекта и цифровых технологий в профессиональной юридической сфере, а также их правовое закрепление в международных стандартах внедрения цифровых технологий в правоохранительную деятельность и в Концепции машиночитаемого пра-

ва. Исследуются возможные аспекты цифровизации уголовно-процессуальных отношений в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, Конституцией РФ и другими нормативно-правовыми актами. Анализируются отдельные механизмы внедрения искусственного интеллекта на определенных этапах уголовного судопроизводства, а также изучается позитивный опыт внедрения цифровых технологий зарубежными странами в рассматриваемых аспектах уголовно-процессуальных отношений. В заключении дается комплексная оценка применимости искусственного интеллекта в судах общей юрисдикции РФ при отправлении правосудия по уголовным делам, оцениваются основные вызовы и риски при внедрении указанных технологий на определенных этапах уголовного процесса.

Ключевые слова: цифровое право, машиночитаемое право, уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, технологии блокчейн, автоматизация юридических процессов, LegalTech

ON THE POSSIBILITY OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Abstract. The author examines the concepts of artificial intelligence and digital technologies in the professional legal sphere, as well as their legal enshrinement in international standards of digital technology implementation in law enforcement and in the Concept of Machine-Readable Law. Possible aspects of digitalization of criminal and procedural relations are investigated in accordance with generally accepted norms and principles of law established by the Constitution of the Russian Federation and other legal acts. Individual mechanisms for introducing artificial intelligence at certain stages of criminal proceedings are analysed, and the positive experience of foreign countries in implementing digital technologies in the considered aspects of criminal procedural relations is studied. In conclusion, a comprehensive assessment of the applicability of artificial intelligence in the courts of general jurisdiction of the Russian Federation in the administration of justice in criminal cases is given, the main challenges and risks in the introduction of these technologies at certain stages of criminal proceedings are assessed.

Keywords: Digital law, Machine-readable law, Criminal procedure, Artificial intelligence, Blockchain technologies, Legal process automation, LegalTech

В эпоху цифровизации компьютерные технологии все более интенсивно проникают во все сферы жизни общества с целью упрощения повседневной жизнедеятельности человека, в том числе и ее профессиональной составляющей. Искусственный интеллект (далее – ИИ) разрабатывается и активно внедряется в практическую деятельность юриста. Стоит отметить, что понятие ИИ носит некий «собираТЕЛЬный» характер, и определяется учеными в сфере технических наук как программная система, имитирующая с помощью многофункционального

компьютера мыслительную деятельность человека, а также направление информатики, позволяющее пользователю решать свои повседневные задачи с помощью возможностей электронно-вычислительных машин [7. С. 5–6].

Действительно, Дж. Маккарти, являющийся основоположником внедрения ИИ, описывал его как объект, «позволяющий машине вести себя так, что она была бы названа разумной, если бы человек вел себя таким образом» [20. С. 12–14]. Также стоит отметить взаимосвязь ИИ с концепцией нейрокибернетики, которая предполагает прямую корреляцию компьютера с естественной физиологической деятельностью человеческого мозга. Концепция нейрокибернетики предполагает, что единственным объектом материального мира, способным мыслить, является человек (а точнее, его головной мозг), соответственно, любая информационная система, выполняющая вспомогательные функции для осуществления жизнедеятельности человека должна повторять и полностью воспроизводить структуру и функции головного мозга. Таким образом, ИИ должен обладать системой импульсов, позволяющих выполнять логические операции. Таковыми «нейроимпульсами» для ИИ считаются нейронные сети, предполагающие исследование необходимой задачи, составление определенного алгоритма действий, реализующиеся в форме языка программирования. В правовой плоскости, в первую очередь, мы отмечаем именно простейшие (рутинные) задачи юриста и алгоритмы его действий для выполнения поставленных целей, таких как распознавание информации, содержащейся в поступающих документах, а также их сортировка.

Наибольшее развитие в цифровой плоскости юриспруденции набирает Концепция «машиночитаемого права», утвержденная Правительством РФ с целью систематизации представлений об областях и перспективах развития, а также внедрения машиночитаемого права и разработка предложений для стимулирования развития данной отрасли. Концепция определяет машиночитаемое право как изложение правовых норм на формальном языке программирования, а также использование технологий машиночитаемого права в виде внедрения необходимых информационных систем и программного обеспечения в процессе юридической деятельности [4]. Автором рассматривается данная Концепция и применение LegalTech технологий в контексте развития уголовно-процессуальных отношений и цифровизации уголовного судопроизводства в судах общей юрисдикции РФ.

Использование ИИ при отправлении правосудия поднимает два основных вопроса: как искусственный интеллект может быть полезен для судов и правоохранительных органов, и что необходимо для того, чтобы сделать искусственный интеллект полезным? Д. Канеманн пишет, что использование ИИ при отправлении правосудия позволит сделать его «справедливым, и, более того, в отличие от человеческих судей, ИИ не устает и не зависит от уровня глюкозы, чтобы функционировать» [19. С. 43].

При рассмотрении вопроса внедрения ИИ в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, важно понимать, на каких принципах должна строиться деятельность ИИ, и какими должны быть алгоритмы его действия. Представляется интересным концепция принципов и этических стандартов использования ИИ в судах, разработанная Экспертной группой высокого уровня (High-Level Expert Group)

при Еврокомиссии, представленная в виде Руководства по этике для надежного искусственного интеллекта (Ethics Guidelines for Trustworthy Artificial Intelligence) [24]. Согласно указанному Руководству, заслуживающий доверия ИИ должен действовать на основе таких фундаментальных принципов, как законность (четкое и неукоснительное следование действующим нормам права), справедливость, этичность (соблюдение этических норм и ценностей, принятых в демократическом обществе), техническая надежность. Руководство выдвигает набор из семи ключевых требований, которым должны соответствовать системы ИИ. Особая система критериев позволяет проверить применение каждого из ключевых требований: 1) человеческое управление и надзор: системы ИИ должны расширять возможности человека, позволяя ему принимать законные и обоснованные решения, но в то же время необходимо обеспечить надлежащие механизмы надзора, что может быть достигнуто с помощью подходов «человек в контуре» и «человек в команде»; 2) техническая устойчивость и безопасность: системы ИИ должны иметь возможность обеспечивать «запасной план действий» на случай экстренных технических неполадок, а также быть точными, надежными и воспроизводимыми; 3) прозрачность данных о деятельности ИИ: системы ИИ и их решения должны быть объяснены в форме, адаптированной для заинтересованных сторон (они должны знать, что они взаимодействуют с системой ИИ, и быть проинформированы о возможностях и пределах действия системы); 4) справедливость: необходимо избегать несправедливых предубеждений, так как они могут иметь множество негативных последствий, начиная от маргинализации уязвимых групп и заканчивая обострением предрассудков и общественной дискриминации; 5) благополучие общества и окружающей среды: деятельность ИИ должна быть направлена на защиту окружающей среды, а также учитывать социальное и общественное воздействие дна группы населения; 6) подотчетность: необходимо создать механизмы, обеспечивающие ответственность и подотчетность систем ИИ и их результатов; 7) аудируемость, позволяющая оценивать алгоритмы, данные и процессы проектирования. Кроме того, разработчики должны внедрять и применять требования к процессам проектирования и разработки систем ИИ: пользователи и общество в целом должны быть проинформированы об этих требованиях и иметь возможность предъявлять требования к их соблюдению. Однако непонятно, как следует воплотить «на практике» критерий гласности деятельности ИИ и его алгоритмов для граждан, которые будут непосредственными участниками уголовно-процессуальных правоотношений.

Данное руководство в пилотном режиме действовало в правоприменительной практике европейских государств, и в 2021 г. был подготовлен Доклад об ИИ в уголовном судопроизводстве, а также о его использовании полицией и судебными органами. В указанном докладе важную позицию занимает вопрос об использовании ИИ также в контексте уголовно-процессуальных правоотношений. Указывается, что ИИ открывает большие возможности в правоохранительной сфере и уголовном судопроизводстве, в частности, в совершенствовании методов эффективной борьбы с отдельными видами преступлений (таких как отмывание денег, финансирование терроризма, киберпреступности). Также указанный Доклад содержит перечень

предложений о принятии Резолюции Европейского парламента об использовании ИИ при отправлении правосудия. Спикер Комитета по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам Марсель Колая считает, что системы ИИ, используемые полицейскими и судебными органами, должны в целом классифицироваться как высокорисковые и внедряться с максимальной осторожностью и высочайшими стандартами защиты данных, учитывая роль этих органов в защите общественных интересов, а также с учетом характера их обязанностей. Подчеркивается, что ИИ должен способствовать облегчению административного бремени государственных органов и повышению эффективности принимаемых ими решений, а также должны опираться на человеческий надзор, сотрудничество и координацию [25].

Рассмотренные выше положения могут быть имплементированы в деятельность национальной системы правоохранительных органов и судов, однако важно понимать, что подобные положения должны полностью соотноситься с фундаментальными конституционными принципами правосудия, такими как законность, право на судебную защиту, охраны прав и свобод человека и гражданина при отправлении правосудия, равенство и состязательность сторон, осуществления правосудия только судом, независимость судей, единства их статуса и другие.

Рассматривая вопрос о возможности использования ИИ в уголовном судопроизводстве, автором выделены направления, в которых предполагается и обуславливается практической необходимостью внедрение технологий ИИ: для вынесения судебных решений ИИ по отдельным категориям дел; для систематизации информации и сортировки документов, поступающих в правоохранительные органы и суды; для правового консультирования с использованием ИИ; для внедрения систем использования вероятностных предположений, а также для прогнозирования возможности рецидива совершения преступлений; для формирования цифровой среды отдельного профессионального юридического сообщества с внедрением наиболее безопасных системных программ с использованием технологий Blockchain. Однако необходимо детально разобраться в том, с какими проблемами и рисками мы можем столкнуться на практике при реализации указанных направлений по внедрению ИИ в уголовное судопроизводство. Здесь мы говорим и о возможном противоречии деятельности ИИ основополагающим конституционным принципам правосудия, а также самому механизму принятия решений судом. В отдельных вопросах также необходимо учитывать и опыт зарубежных государств, рассматривая как позитивные тенденции внедрения ИИ в уголовное судопроизводство, так и негативные, основываясь на мнении зарубежных ученых по рассматриваемой проблемной тематике. Таким образом, будет возможно выявить общенациональные тенденции, предопределяющие последствия использования новых цифровых технологий в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Профессор Л. А. Воскобитова, говоря о цифровизации уголовного судопроизводства в целом, выделяет ряд критериев, при соблюдении которых возможно успешное внедрение цифровых технологий в систему уголовно-процессуальных отношений. По мнению ученого, такими критериями выступают: 1) учет объективных характеристик стадий уголовного процесса, а также учет правовой природы уголовно-процессуальных отношений; 2) учет факторов возможности/невоз-

возможности формализации и цифровизации стадийных уголовно-процессуальных отношений; 3) необходимость применения цифровых технологий только при условии, что усиливается тенденция по защите прав человека и гражданина, а также иные оптимизации процедуры, такие как экономия времени и трудовых ресурсов [1. С. 9]. Также ученый указывает на ключевые факторы внедрения ИИ, такие как уникальность человеческого мозга, сознания и мышления, которые присущи только человеку и требуют обязательного его участия на определенных процессуальных этапах. В этой связи представляется интересным рассмотреть наиболее «футуристичный» способ внедрения ИИ в деятельность судов: при произнесении слов «искусственный интеллект» и «уголовное судопроизводство», в голове возникает образ некоего «робота-судьи», рассматривающего уголовное дело в судебном порядке и принимающего по нему решение. Однако насколько реально внедрение в процесс уголовного судопроизводства робота, который заменил бы человека?

Опыт даже самых передовых по уровню развития технологий стран показывает, что ни в одном государстве робот не используется напрямую в качестве субъекта уголовной юрисдикции, рассматривающего уголовное дело и принимающего решение по нему. Такая тенденция неудивительна, более того, автору представляется, что замена человеческого судьи роботом а priori невозможна. Этому соответствует ряд препятствий, как технических, так и доктринальных. Техническим препятствием является именно недостаточный уровень развития технологий в сфере робототехники, который гарантировал бы нам качество и надежность человекообразной машины, претендующей на замещение должности судьи в уголовном судопроизводстве, поскольку такая машина не исключает, а даже повышает риск судебных ошибок ввиду ограниченности и однотипности внедренных программ.

Что касается доктринальной части, то здесь все куда сложнее: рассматривая вопрос о внедрении ИИ и замены человеческого судьи на робота, важно понимать, с какими проблемами мы можем столкнуться в контексте юридической науки и возможности реализации в правоприменительной практике с учетом основных принципов и ценностей демократического государства. В первую очередь, мы должны задаться вопросом о том, как же соотносится замена судьи на робота с основополагающими конституционными принципами правосудия, и в том числе уголовного судопроизводства?

Во-первых, при замене судьи на робота возникает вопрос о нарушении конституционного принципа об осуществлении правосудия только судом. Согласно ст. 1 Закона РФ «О статусе судей в РФ», судебная власть принадлежит судам в лице их судей, которые наделены полномочиями в конституционном порядке и реализуют их при отправлении правосудия на профессиональной основе [2]. А ст. 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» предполагает, что никакие лица не в праве принимать на себя полномочия по отправлению правосудия [12]. В данном контексте возникает вопрос о правовом статусе «робота-судьи», а также необходимость подробной регламентации его уголовно-процессуального статуса с целью защиты прав и свобод человека и гражданина, сохранения целостности и функционирования системы доктринальных принципов уголовного судопроизводства.

Во-вторых, напрямую нарушается такой принцип уголовного судопроизводства, как свобода оценки доказательств. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) в ст. 17 закрепляет, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью [11]. Даже самые качественные и передовые программные системы, обеспечивающие деятельность роботизированных машин, не могут обучить их качествам, присущим исключительно человеческому мозгу и сознанию, таких как совесть, чувство справедливости, эмпатия (именно их выделяет профессор Л. А. Воскобитова как ключевой фактор при внедрении ИИ в деятельность судов). А П. М. Морхат также справедливо отмечает о необходимой эмоционально-мотивационной составляющей при отправлении правосудия [6. С. 111–115]. Мы должны понимать, что в большинстве случаев в уголовном судопроизводстве судья определяет исход человеческих судеб, поэтому мы не можем допустить к такой деятельности машину, которая будет действовать с вероятностной и математической составляющей, не учитывающей то самое «внутренне убеждение», эмоции и совесть. Несомненно, программное обеспечение может обучить робота руководствоваться законом и производить логические операции, однако человеческие предчувствия будут полностью исключены, что ставит под вопрос осуществление принципа справедливости судебного разбирательства и в целом защиты прав и свобод человека.

Помимо принципа свободы оценки доказательств в данном контексте представляется противоречивым также вопрос о реализации такого конституционного принципа правосудия, как презумпция невиновности, а именно правил толкования неустранимых сомнений в пользу подсудимого. Последний принцип снова требует несомненного участия человека, способного иметь рассмотренную ранее эмоционально-мотивационную деятельность при отправлении правосудия по уголовным делам.

Также в данном контексте возникает вопрос в целом к легитимности механизмов и форм вынесения судебных решений, поскольку согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ решения суда (как и иных субъектов уголовной юрисдикции) должны быть законными, обоснованными, мотивированными [11]. Профессор П. А. Лупинская определяет решения как акт реализации прав должностного лица и исполнение возложенных на него обязанностей, выраженные в установленной законом процессуальной форме [8. С. 21, 26]. А само понятие «принятие решения» характеризует как реализацию установленных законом правил поведения через сознательно-волевые поступки людей [8. С. 79]. Вынесение судебных решений «роботом-судьей» также полностью противоречит выделенному П. А. Лупинской перечню личностных факторов при принятии решений, которыми являются, помимо требований к стажу, возрасту, образованию, такие как нравственные и моральные качества правоприменителей, а также ученый указывает, что вынесение решений – это, в первую очередь, творческая и интеллектуально-волевая деятельность уполномоченных субъектов [8. С. 89, 92]. Таким образом, невозможность ИИ действовать и принимать решения путем творческой деятельности противоречит сущности вынесения судебных решений (в контексте аргументации и мотивировки решения).

Когда мы говорим о взаимодействии судьи и ИИ, наиболее возможным на практике представляется использование его в качестве «консультанта» судьи. Такая возможность ИИ нашла свое практическое применение в судах Китая при внедрении в деятельность судов информационной системы Smart court SoS (system of systems). Конечно, в данном контексте подобранное решение ИИ не является абсолютным, судья вправе его отклонить при обосновании необходимости и нерелевантности предложенного судебного решения. Видится, что подобный вариант использования ИИ деятельности судов не отвечает критерию целесообразности и рациональности, поскольку деятельность ИИ, опять же, подвержена программным ошибкам, и судьям намного проще самим вынести судебное решение, минимизируя при этом технические риски машины, а необходимость письменной мотивировки отклонения рекомендации ИИ может только замедлить процесс судопроизводства. Более целесообразным будет факультативное внедрение такой системы с исключением необходимости письменной мотивировки для отказа от решения, составленного ИИ. В данном контексте стоит говорить о «роботе-советчике», который может оперативно подобрать необходимую правовую базу и судебную практику для мотивировочной части судебного решения. В данном контексте наиболее рациональным решением будет создание некой платформы для судебного сообщества для использования ИИ в уголовном судопроизводстве с целью судебного консультирования, которое может служить в качестве механизма минимизации «человеческого фактора» в деятельности судей. Подобный способ внедрения ИИ также отвечает критериям, выделенным профессором Л. А. Воскобитовой.

Однако консультирование не должно ограничиваться только профессиональным консультированием судей с ИИ. В контексте российской системы уголовного судопроизводства автору представляется возможным использование ИИ с целью разрешения дел частного обвинения без проведения судебного разбирательства, а через онлайн-сервисы. Практически зарекомендовавшим себя примером подобного использования ИИ является Трибунал по гражданским делам (Civil Resolution Tribunal – CRT) в Британской Колумбии, Канаде. Подобный «онлайн-трибунал» позволяет решить спор без привлечения адвоката или судьи. Первым этапом обращения в CRT является использование еще одного сервиса – Solution Explorer (обозреватель решений с бесплатной публичной юридической информацией и вспомогательными средствами для расчетов). Данная система классифицирует заявленную проблему и предоставляет форму онлайн-заявления. После заполнения данного заявления формируется «иск» и направляется на рассмотрение после оплаты взноса. Затем стороны уведомляются о существовании иска и переходят на этап переговоров, и, если соглашение достигается, нажимается соответствующая кнопка на странице переговоров: после этого кейс-менеджер следит за исполнением заявленного соглашения, а также может преобразовать условия урегулирования претензии в письменное соглашение или приказ, подлежащий исполнению в суде. Если соглашение не было достигнуто, стороны переходят на следующий этап, именуемый facilitation. На нем непосредственно кейс-менеджер помогает прийти к соглашению сторонам, являясь неким «экспертом» по решению споров, сохраняя свою независимость и нейтралитет

в отношении сторон (причем такое содействие может быть оказано как по телефону, так и по электронной почте) [23]. Если и после этой стадии соглашение не было достигнуто, то в таком случае решение принимается уже непосредственно судом, основываясь на законе и доказательствах сторон. Хотя данная система используется преимущественно в частноправовой плоскости (добавив в последнее время к своему функционалу рассмотрение дел о побоях), автору представляется возможным использование подобной системы в делах частного обвинения в РФ, поскольку согласно ст. 318 УПК РФ дела уголовные дела частного обвинения возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим в суд [11]. Указанная статья также перечисляет перечень необходимой информации, которая должна содержаться в заявлении. Таким образом, основываясь на опыте зарубежной системы CRT, можно предположить о возможном варианте использования подобной системы в РФ. При наличии у судебных участков мировых судей рассматриваемой программы, когда заявление бы подавалось в установленной форме через онлайн-сервис, это позволило бы упростить работу мировых судей как минимум в двух аспектах: 1) в первую очередь использовалась бы система досудебного урегулирования конфликта между сторонами, в том числе в ходе судебного консультирования, использования кейс-менеджера, и только при недостижении соглашения между сторонами требовалось бы участие мирового судьи; 2) исключается предусмотренная ст. 319 УПК обязанность мирового судьи проверять соответствие поданного заявления установленным УПК РФ требованиям и направлять постановления о возвращении заявления лицу при несоответствии: все необходимые условия и содержание заявления будут заключены в онлайн-форму с наименованием каждой графы и функцией обязательного заполнения каждой из них. В данном контексте хочется отдельно отметить слова главы Совета судей РФ В. В. Момотова о полном вводе в эксплуатацию к 2024 году суперсервиса «Правосудие онлайн»: данная платформа позволит формировать электронные дела, путем подачи заявления через сервис Госуслуг [9]. Именно в этот сервис возможно вписать описанный автором функционал по подаче заявления мировому судье по уголовным делам частного обвинения, поскольку на данный момент представляется, что данный сервис будет работать в контексте разрешения гражданских споров между истцом и ответчиком (сервис будет запрашивать информацию о сторонах для опознанию их по цифровому профилю, обстоятельства дела и требования к ответчику, в том числе по взысканию убытков) [10].

Тем не менее, когда мы говорим о возможности внедрения рассматриваемых систем, снова возникает вопрос о защите и безопасности данных, хранящихся в подобных системах, который неоднократно поднимал Европарламент, в том числе в Этических рекомендациях – защита персональных данных, особенно если мы говорим о закрытом судебном заседании, например, при возможности разглашения государственной тайны. В таком случае роботизированная система должна быть настолько защищенной, чтобы любая хакерская атака или взлом были незамедлительно пресечены. На данный момент, мы не можем говорить об абсолютной безопасности ИИ в контексте защиты от кибератак, которые могут пошатнуть основы конституционного строя РФ.

Представляется необходимым внедрение технологий, которые обеспечили бы наиболее безопасное хранение информации. На наш взгляд, особого внимания заслуживает позитивный пример использования систем Blockchain в судах Китайской Народной Республики. В мае 2022 г. опубликовано Заключение Верховного народного суда КНР «Об усилении применения Blockchain в судебной сфере». Данный документ определяет такие глобальные цели при цифровизации судебной системы, как реализация верховенства закона и права (под эгидой доктрины «Мысли Си Цзиньпина о верховенстве закона»), укрепление мощи страны в киберпространстве, поддержание справедливости суда, а также до 2025 г. создание блокчейн-альянса (blockchain alliance), обеспечивающего взаимосвязь и обмен данными между народными судами, а также улучшение возможности фундаментальной поддержки проверки достоверности данных и отраслевого взаимодействия [21]. Раздел 3 рассматриваемого Заключения указывает на высокий уровень безопасности технологий Blockchain и предполагает защиту от несанкционированного доступа, повышая уровень безопасности хранения данных (что представляется большим преимуществом блокчейн-платформ и дает возможность внедрения их в профессиональные цифровые пространства судов и правоохранительных органов в РФ). Верховный народный суд КНР также выделяет систему принципов, на основании которых реализуется использование и развитие систем Blockchain в судах: законное и высокоуровневое проектирование блокчейн-платформ; единство, открытость и гласность системы технических стандартов для применения блокчейна в судебной сфере; повышение точности и контролируемости хранимых данных с учетом обеспечения их безопасности при создании среды применения блокчейна в судебной сфере в контексте тенденций прогресса, развития, безопасности и надежности [22].

Следующим вектором возможного использования ИИ в деятельности судов при разрешении уголовных дел является его прогностическая функция, а именно допустимость прогнозирования исхода выносимого судебного решения, а также оценка общественной опасности лиц. Обращаясь к опыту практического применения первого аспекта прогностической функции ИИ в судах, хочется упомянуть систему SCOTUS при Верховном суде США, которая на основании анализа вынесенных решений в прошлом может предположить вариант решения по делу судьей. Д. Кац в исследовательской работе указывает, что рассматриваемая система, основываясь на разработках в области машинного обучения, выстраивает модель прогнозирования поведения судей при голосовании [18]. В качестве входных данных полагаются на базу Верховного суда (SCDB), и эта модель основывается на методе forest classifier, разработанного Л. Брейманом [16]. Система SCOTUS позволяет ответить на два основных вопроса: 1) утвердит ли суд в целом или отменит решение о статус-кво и 2) проголосует ли каждый отдельный судья за утверждение или отмену решения о статус-кво? При получении ответа на заданные вопросы система руководствуется тремя основными целями моделирования: общностью (модель, которая является общей, т. е. модель, которая может учиться онлайн, аналогично моделям онлайн-обучения), последовательностью (модель имеет последовательную производительность во времени, по делам и судьям) и применимостью вне выборки (вся информация, необходимая для модели для получения оценки,

должна быть известна до даты принятия решения). Подобная система может быть реализована, опять же, в контексте деятельности мировых судей по делам частного обвинения, а именно позволит гражданам оценить «шансы» вынесения решения в их пользу, что в целом позволит принять решение о целесообразности подачи заявления в мировой суд. Однако важно отметить и стоящие перед реализацией указанного направления ИИ вызовы: ключевой вопрос затрагивает именно возможность обучения ИИ по прогнозированию судебных решений. Чтобы обучить машину, требуется внедрение в ее базу данных массив схожих судебных решений, однако мы не можем не отметить, что на сегодняшний день судебная практика очень противоречива, что затрудняет обучение ИИ в данном контексте. Использование ИИ с прогностической функцией возможно лишь в тех делах, где нет как такового спора о фактах: они очевидны и приняты сторонами.

Говоря о прогностических системах оценки общественной опасности лиц в деятельности судов, мы можем рассмотреть системы Профилирования управления исправительными правонарушителями для альтернативных санкций (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – COMPAS) [15] и Оценки общественной опасности (Public Safety Assessment – PSA) [13]. Программное обеспечение COMPAS позволяет судам США оценивать вероятность рецидива со стороны обвиняемого. Системой рецидив оценивается по трем шкалам: досудебного освобождения (вероятность того, что человек не явится и/или совершит новые преступления во время освобождения), общего (вероятность совершения новых правонарушений при освобождении и после того, как будет дана оценка COMPAS) и насильственного рецидивизма (вероятность совершения насильственных преступлений после освобождения). Система PSA работает в аналогичном направлении, давая оценку общественной опасности человека и возможности его досудебного освобождения. На основании девяти факторов, включающих в себя возраст преступника, совершенное им деяние и его оценку, а также оценку предыдущих совершенных преступлений, приговоров и неявок, которые в своей совокупности могут прогнозировать следующие события: возможную неявку в суд, новый уголовный арест во время предварительного освобождения, применение насилия во время предварительного освобождения. В данном контексте, помимо баллов PSA, также используются данные Release Conditions Matrix, которые предполагают оказание помощи людям путем сопоставления их баллов PSA с условиями досудебного освобождения [14]. Внедрение схожей системы в РФ, например, позволит судьям более объективно принимать решения по ходатайствам о заключении под стражу лиц: комплексная оценка общественной опасности в данном контексте позволит судьям беспристрастно оценивать необходимость заключения лица под стражу (а при минимальных значениях общественной опасности принять решение о назначении более мягкой меры пресечения, таких как запрет определенных действий, залог или домашний арест по п. 7.1 ст. 108 УПК РФ, учитывая как раз сведения о личности, возрасте по ст. 99 УПК РФ, что и позволяют нам оценить такие системы, как COMPAS и PSA). Но стоит опять же оговориться, что в данном контексте суд сам должен лишь принимать решение в предусмотренном законом порядке, и лишь принимать во внимание данные этих систем (что снова возвращает нас к вопросу

о реализации таких принципов, как законность, справедливость, отправление правосудия только судом в установленном конституционном порядке).

Таким образом, мы видим, что возможности объективизации процесса судопроизводства при помощи ИИ весьма велики, однако при внедрении указанных технологий мы должны понимать полноту тех рисков и вызовов, которые могут быть нанесены участникам уголовного судопроизводства и в целом системе правосудия в РФ. Основным риском при использовании ИИ в рассматриваемой сфере является нарушение фундаментальных конституционных прав человека и гражданина, а также конституционных принципов правосудия и уголовного судопроизводства. Также видится ряд проблем, которые препятствуют возможности комплексного внедрения технологий ИИ в деятельность судов. В первую очередь, мы говорим о проблеме необходимости полного перехода на электронный документооборот, поскольку только в этом случае ИИ сможет сам считывать информацию, содержащуюся в поступающих документах для реализации Концепции машиночитаемого права, что является невозможным при анализе текста на бумажных носителях. Встречной проблемой является необходимость формирования огромной базы данных, которая смогла бы заключать в себе большой объем необходимой информации. Л. Джулия, один из создателей цифрового помощника Siri отмечает, что «если машина хочет распознать кошку с 95 % уверенностью, нам нужно около 100 тысяч фотографий кошек» [17. С. 123]. Однако необходимость формирования и функционирования подобной базы данных порождает еще одну проблему, на которую неоднократно указывали Европейский парламент и Верховный народный суд КНР, а именно обеспечение надлежащей возможности защиты персональных данных, которые хранит в себе система. В докладе указывается, что ИИ, используемые полицейскими и судебными органами, должны в целом классифицироваться как высокорисковые и рассматриваться с максимальной осторожностью и высочайшими стандартами защиты данных, учитывая роль этих органов в защите общественных интересов и с учетом характера их обязанностей [25].

Уголовное судопроизводство связано с повышенной ответственностью, которая возлагается на субъекты уголовной юрисдикции. Именно этот факт снова возвращает нас к вопросу человеческого фактора и внутреннего убеждения, основанного на чувствах, эмоциях и совести, чего нет у ИИ даже с самой высокой доказанной эффективностью. Также мы не должны забывать об использовании человеческой интуиции. О соотношении морали и интуиции писал И. Кант: «Все мысли должны, прямо или косвенно, посредством определенных признаков, относиться к интуиции, а следовательно, к чувствительности, потому что никаким другим способом нам не может быть дан объект».

Отсюда вытекает следующая наднациональная проблема внедрения ИИ в деятельность судов, которой, по мнению большинства российских и зарубежных ученых, являются вопросы этики. Согласно деонтологической этической теории И. Канта, мы можем говорить о существовании категорического императива, являющегося фактором оценки мотивации и действия. Возможность отнесения того или иного решения к морали И. Кант именуется «чистым практическим разумом» в соотношении с такими принципами, как универсальность (необходимость действия в соответствии с мак-

симой, посредством которой вы можете в то же время желать, чтобы она стала универсальным законом), гуманность (необходимость действия таким образом, чтобы относиться к человечеству, будь то в вашем собственном лице или в лице любого другого, никогда не просто как к средству достижения цели, но всегда в то же время как к цели), автономия (окончательное условие их гармонии с практическим разумом: идея воли каждого разумного существа как универсальной законодательной воли). И. Кант связывает формирование воли и внутренней свободы (посредством разума, представлений и причинности) с понятием морального закона, а, в свою очередь, разум является его определяющим основанием [5. С. 21, 89, 246]. Таким образом, выделенные критерии можно использовать как характеристики этических стандартов в деятельности судей, которые составляют этическую основу при разрешении уголовных дел, когда мы говорим о решении дальнейшего исхода судьбы человека. Сложные алгоритмы ИИ могут вобрать в себя кантовские принципы только лишь в виде определенных логических цепочек и нейронных сетей, однако реализовать указанные принципы не представляется возможным ввиду теории И. Канта о том, что мораль присуща только разумным человеческим существам.

К вопросу этики нас также возвращают положения ст. 1 Кодекса судейской этики предписывает обязанность осуществления профессиональной деятельности, основываясь на высоких нравственно-этических требованиях [3]. Более того, текст Присяги судьи предполагает «быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» [2], что снова ограничивает возможность внедрения технологий ИИ и наделяет его полномочиями по отправлению правосудия по уголовным делам.

Подводя итог, в первую очередь важно снова задуматься о границах использования ИИ в уголовном судопроизводстве в соответствии с существующими демократическими конституционными принципами. Важно отграничивать возможные сферы применения ИИ и цифровизации уголовного судопроизводства. Автору видится автоматизация только рутинных процессов, объективно существующих при реализации норм уголовно-процессуального законодательства с целью облегчения бюрократической работы субъектов уголовной юрисдикции (таких как считывание документов, их сортировка и автоматическое составление), а также использования ИИ в контексте некоего «советчика» судьи, который на основании анализа и общения существующей информации сможет давать «заключение» для ознакомления правоприменителем. Однако в настоящее время не существует объективных возможностей внедрения ИИ (как в техническом, так и в морально-демократическом аспекте), которые бы обеспечивали комплексную защиту прав человека, основываясь на принципах законности, гласности, равенства и состязательности.

Список литературы

1. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 91–104.
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция. № 11. 1995.
3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

4. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. Н. Соколова. Москва: АСТ, 2021. 256 с.

6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 420 с.

7. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е. В. Боровская, Н. А. Давыдова. Москва: Лаборатория знаний, 2020. 130 с.

8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография. 3-е изд., стереотип. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 240 с.

9. Российское агентство правовой и судебной информации. В России к 2025 году появится суперсервис «Правосудие онлайн» – Момотов // РАПСИ (rapsinews.ru) (дата обращения: 03.08.2022).

10. Суперсервис на портале Госуслуг. Правосудие онлайн. URL: Главная страница – Правосудие онлайн (pravosudieonline.ru) (дата обращения: 03.08.2022).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

12. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 3.

13. APPR. About the Public Safety Assessment. URL: <https://advancingpretrial.org/psa/factors/> (дата обращения: 03.08.2022).

14. APPR. Release Conditions Matrix. URL: <https://advancingpretrial.org/psa/factors/release-conditions-matrix/> (дата обращения: 03.08.2022).

15. Brennan T., Dieterich W. Correctional Offender Management Profiles for Alternative Sanctions (COMPAS). 2017. November. URL: https://www.researchgate.net/publication/321528262_Correctional_Offender_Management_Profiles_for_Alternative_Sanctions_COMPAS (дата обращения: 03.08.2022).

16. Breiman L. Random Forests // Machine Learning. 2001. № 45. Pp. 5–32. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1010933404324> (дата обращения: 03.08.2022).

17. Julia L. L'intelligence artificielle n'existe pas (AI does not exist). Paris, 2019. 200 p.

18. Katz D. M. et al. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States. January 16, 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2463244> (дата обращения: 03.08.2022).

19. Kahnemann D., Thinking, fast and slow. London: Penguin, 2011.

20. McCarthy J. et al., A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence (31 August 1955) // Jerry Kaplan (red.) Artificial Intelligence: What Everyone Needs to Know. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 12–14.

21. SPC releases opinions on strengthening blockchain application in the judicial field / Official website of The Supreme People's Court of The People's Republic of

China. URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/supremepeoplescourt/2022-05/25/content_37550745.htm (дата обращения: 03.08.2022).

22. Opinions of the Supreme People's Court on Strengthening Blockchain Application in the Judicial Field/Official website of The Supreme People's Court of The People's Republic of China. URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/supremepeoplescourt/2022-05/25/content_37550749.htm (дата обращения: 03.08.2022).

23. Official website of Civil Resolution Tribunal. URL: civilresolutionbc.ca (дата обращения: 03.08.2022).

24. Shaping Europe's digital future. Ethics guidelines for trustworthy AI / Official website of the European Union. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 03.08.2022).

25. Report on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matter / Official website of the European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0405_EN.html (дата обращения: 03.08.2022).

26. Reiling A. D. (Dory). Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. № 11 (2).

27. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment / South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 03.08.2022).

Е. В. Смородинов,

студент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

К ВОПРОСУ ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРАЦИИ КОНТЕНТА В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация. Бесконтрольная модерация в Интернете является заметной проблемой, находящейся в серой зоне права. На данный момент на законодательном уровне не выработан даже общий подход к вопросу ограничения такой модерации. От этого разработка принципов построения будущего правового режима является важной задачей для юридического сообщества. В данной работе путем анализа сложившихся практик модерации, существующего правового регулирования и доктрины выводятся принципы регулирования, способствующие разрешению как существующих на данный момент противоречий, так и потенциальные проблем будущего правотворчества.

Ключевые слова: право, публичное регулирование, свобода информации, свобода слова, цифровые платформы, цифровые технологии

ON THE ISSUE OF REGULATING ONLINE CONTENT MODERATION

Abstract. Uncontrolled moderation on the Internet is a notable problem in the “gray zone” of the law. Now even a general approach to limiting such moderation

at the legislative level has not been developed. Therefore, the development of principles for the future legal regime is an important task for the legal community. In this paper, regulatory principles are derived to help resolve both current contradictions and potential problems of future lawmaking through an analysis of established moderation practices, existing legal regulation, and legal doctrine.

Keywords: Digital platforms, Digital technologies, Freedom of information, Freedom of speech, Law, Private censorship

Введение. В течение столетий государство было единственным модератором общественных отношений, однако в условиях глобализации и уберизации огромный пласт общественных отношений был перенесен из материального мира в цифровой, реальной альтернативой живому общению стали социальные сети, альтернативой рынку – маркетплейс. По данным отчета Digital 2022 Global Overview Report [6], на 4,62 млрд активных пользователей социальных сетей во всем мире приходится 2,9 млрд пользователей Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена в России), 2,6 млрд пользователей YouTube, 2 млрд пользователей WhatsApp. На 2022 г. аудитория шести крупнейших социальных сетей превышает 1 млрд пользователей. Любое вмешательство столь крупных интернет-посредников в коммуникацию между пользователями значительно ограничивает свободу слова и свободу информации. Тем не менее интернет-посредники свободно модерируют размещаемый их пользователями контент любыми доступными способами, что приводит к модерации законного и правомерно размещенного, но субъективно «нежелательного» контента, необоснованной модерации и ошибкам при автоматизированной модерации.

Целью данной работы является выработка принципов регулирования модерации в Интернете. Для достижения поставленной цели необходимо классифицировать практики модерации крупнейших интернет-посредников, оценить, какие из них ограничивают свободу слова и свободу информации, провести сравнение регулирующих деятельность платформ правовых норм разных правовых порядков и рассмотреть предлагаемые в литературе способы регулирования контентной модерации.

Основная часть. В рамках работы под модерацией контента будет пониматься комплекс мер, включающий проверку, оценку, категоризацию, утверждение или удаление размещаемой пользователями информации и иные меры в соответствии с принимаемыми онлайн-платформой политиками [5. С. 2]. Объектом модерации выступает информация, нарушающая закон, права третьих лиц и правила интернет-посредников, а также лица, размещающие ее. Модерация осуществляется в трех формах: ручной, автоматизированной и гибридной – и на трех этапах: предварительном, инициативном и реактивном [18. С. 6–8].

Ручной подход к модерации реализуем только небольшими онлайн-платформами, поскольку при увеличении объемов размещаемой информации требует значительных затрат на создание и содержание штата модераторов [18. С. 6].

Автоматизированная модерация – модерация без участия человека. Обзор используемых технических решений позволяет прийти к выводу, что ни один

алгоритм, будь то скрипт поиска дубликатов или более сложный инструмент, построенный на технологии машинного обучения, не может заменить человека, допускает ошибки, связанные с распознаванием контекста, критики, сатиры; они также сильно зависят от используемых при обучении наборов данных [18. С. 12–16; 8. С. 12–15; 9. С. 2–3]. При модерации больших объемов информации количество ошибок растет арифметически, отчего они становятся особенно заметны [11, 20, 23, 27].

Гибридный подход, позволяющий прибегнуть к помощи человека при ошибке алгоритма, является предпочтительным, широко используется онлайн-платформами [18. С. 6–8]. Тем не менее в отсутствие требований к процедуре пересмотра и недостаточной прозрачности алгоритмов даже при такой модели модерации целые группы людей могут быть лишены законного права на свободное выражение мнения [2; 3. С. 1–3; 18. С. 318; 22. С. 86–87].

Предварительная модерация – фильтрация контента в момент его размещения пользователем. Модерация на таком этапе препятствует размещению информации незаконной или явно нарушающей правила платформы [5. С. 5].

Инициативная модерация – модерация контента, на который, вероятно, поступит жалоба в будущем. Удаление информации на данном этапе происходит из-за опасения владельца онлайн-платформы быть привлеченным к ответственности за действия пользователей. При принятии решения владелец платформы основывается на предположении о существовании нарушения, не на жалобе третьего лица или обращении органа публичной власти [18. С. 8].

В отсутствие контроля за действиями онлайн-платформ на этих двух этапах удаляется в том числе законный, правомерно размещенный, но субъективно «нежелательный» контент [12, 13, 21]. При этом платформы не обязаны мотивировать свои действия или раскрывать существующие внутренние правила для модераторов [5. С. 7].

Реактивная модерация позволяет пресечь нарушение закона и прав третьих лиц путем обращения к интернет-посреднику с требованием устранить нарушение, но из-за простоты повторного размещения удаленной информации модерация на других этапах необходима [4. С. 288–292].

Несмотря на явный негативный эффект модерации в Интернете, все существующее правовое регулирование сводится к понуждению владельцев онлайн-платформ удалять незаконный и размещенный неправомочно контент [24. С. 75–78] взамен предоставления режима «безопасной гавани». В последние годы административное давление на интернет-посредников растет [17. С. 1–9]. Несмотря на это, онлайн-платформы свободны включать в соглашения с пользователями любые положения, в том числе ограничивающие ответственность за ненадлежащее оказание услуг и односторонний отказ в предоставлении сервисов [26].

Рассматриваемые в качестве примера правовые режимы США и ЕС не ограничивают свободу модерации, регламентируют лишь условия освобождения от ответственности интернет-посредников при удалении размещенного ими незаконного или нарушающего права третьих лиц контента [4. С. 285–288]. Ограничение свободы модерации в США при этом крайне затруднено из-за конституционных гарантий

защиты любых частных высказываний от вмешательства органов публичной власти [25. С. 89–91; 16. С. 509; 15. С. 1364–1366]. В то время как США создает условия для саморегулирования, режим ЕС увеличивает интенсивность административного давления на интернет-посредников через введение новых требований «безопасной гавани», в том числе обязательной фильтрации контента [4. С. 314].

Несмотря на активное развития законодательства об ответственности интернет-посредников, попытки ограничить свободу модерации не уходят дальше законодательных инициатив [1, 28]. Исследователи же в свою очередь активно разрабатывают подходы к разрешению сложившихся проблем [2. С. 477–493; 4. 317–322; 5. С. 11–16; 15. С. 1363–1387]. Из выделяемых ими мер по регулированию модерации можно вывести следующие ключевые, по мнению автора, принципы: прозрачность процесса модерации, передача инструментов модерации пользователю платформы, дифференциация мер по контролю интернет-посредников.

Содержание первого принципа заключается в полном раскрытии информации о процессе модерации через запрет необоснованной модерации, обозначение всех возможных оснований модерации в пользовательском соглашении, обязательного мотивированного уведомления о причинах применения ограничений, раскрытия алгоритмов автоматизированной модерации, запрет на применение скрытой модерации с использованием тонкой настройки рекомендательных алгоритмов.

Передача инструментов модерации пользователю предполагает построение системы настраиваемой модерации, при которой сам пользователь через ручную настройку рекомендательных и поисковых алгоритмов определяет, какие типы контента не будут ему видны.

Дифференциация мер по контролю онлайн-платформ необходима для регулирования тех интернет-посредников, чья деятельность действительно негативно влияет на свободу слова и информации. Вмешательство публичной власти необходимо лишь в тех случаях, когда пользователь самовольно не может сменить канал коммуникации из-за доминирования конкретной платформы в занимаемой ей нише. Подобный гибкий подход не возложит на публичную власть чрезмерных издержек и сократит административное вмешательство до необходимого минимума.

Заключение. Таким образом, ограничение свободы модерации необходимо. Такой позиции придерживаются не только многие ученые, но и представители правозащитных организаций [8, 14] и политики [7].

Несмотря на комплексность освещаемой проблемы и некоторых аргументов против государственного вмешательства в процесс модерации, значительных законодательных преобразований и административного воздействия для установления рабочего правового режима не требуется. Некоторые исследователи обоснованно продвигают модель ограничения модерации саморегулированием на отраслевом уровне [2. С. 488–494].

Давление со стороны пользователей и профильных СМИ хотя и способствуют добровольному внедрению некоторых позитивных практик, не меняет значительно сложившуюся ситуацию. Онлайн-платформы зависят от рекламодателей, которые выступают против размещения их объявлений рядом с субъективно «неприемлемым» контентом. Развивая автоматизированную модерацию, платформы переходят к скрытой модерации через рекомендательные алгоритмы, от чего за-

конодательная регламентация в будущем может быть крайне затруднена. От этого так важно как можно скорее начать разработку регулирования, основанного, в том числе, на обозначенных в работе принципах.

Список литературы

1. 2021 Was the Year Lawmakers Tried to Regulate Online Speech. URL: eff.org (дата обращения: 17.09.2022).
2. Brown N. I. Regulatory Goldilocks: Finding the Just and Right Fit for Content Moderation on Social Platforms // *Tex. A&M L. Rev.* 2020. Т. 8.
3. Caplan R. Content or context moderation? // *Data & Society Research Institute.* 2018.
4. Castets-Renard C. Algorithmic content moderation on social media in EU law: Illusion of perfect enforcement // *U. Ill. JL Tech. & Pol'y.* 2020.
5. De Gregorio G. Democratising online content moderation: A constitutional framework // *Computer Law & Security Review.* 2020. Т. 36.
6. Digital 2022: Global Overview Report. URL: datareportal.com (дата обращения: 17.09.2022).
7. E.O. 13925 of May 28, 2020.
8. Facebook's Content Moderation Rules Are a Mess. URL: brennancenter.org (дата обращения: 18.09.2022).
9. Gillespie T. Content moderation, AI, and the question of scale // *Big Data & Society.* 2020. Т. 7, № 2.
10. Gillespie T. et al. Expanding the debate about content moderation: Scholarly research agendas for the coming policy debates // *Internet Policy Review.* 2020. Т. 9.
11. How to Break YouTube (Copyright Claim your own video). URL: YouTube.com (дата обращения: 17.09.2022).
12. Instagram and Facebook begin removing posts offering abortion pills. URL: prp.org (дата обращения: 17.09.2022).
13. Instagram Fumbles in Its Moderation of Abortion Content. URL: cnet.com (дата обращения: 17.09.2022).
14. Iran: Meta must overhaul Persian-language content moderation on Instagram. URL: article19.org (дата обращения: 18.09.2022).
15. Langvardt K. Regulating online content moderation // *Geo. L. J.* 2017. Т. 106.
16. Lavi M. Do platforms kill // *Harv. JL & Pub. Pol'y.* 2020. Т. 43.
17. Neeti Biyani Internet Impact Brief: 2021 Indian Intermediary Guidelines and the Internet Experience in India. URL: internetsociety.org (дата обращения: 17.09.2022).
18. Singh S. Everything in moderation: An analysis of how Internet platforms are using artificial intelligence to moderate user-generated content // *New America.* 2019. Т. 22.
19. Vaccaro K. et al. Contestability For Content Moderation // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction.* 2021. Т. 5.
20. What is wrong with Instagram moderation? URL: reddit.com (дата обращения: 17.09.2022).

21. YouTube удалил канал блогера Дмитрия Пучкова. URL: tass.ru (дата обращения: 17.09.2022)
22. Zeng J., Kaye D. B. V. From content moderation to visibility moderation: A case study of platform governance on TikTok // Policy & Internet. 2022. Т. 14.
23. Алгоритмы YouTube безвозвратно удаляют каналы компаний/ URL: vc.ru (дата обращения: 17.09.2022).
24. Буткевич С. А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации // ЮП. 2021. № 2.
25. Максимов А. А. Конституционно-правовые особенности цензурирования информации в социальных сетях // Административное и муниципальное право. 2021. № 2.
26. Правила пользования сайтом во «ВКонтакте», пп. 2.4, 7.2.2, 8.11. URL: vk.com (дата обращения: 17.09.2022).
27. Цифровое министерство пропаганды. Практический кейс алгоритмической цензуры Яндекса. URL: sergey-57776.medium.com (дата обращения: 17.09.2022).
28. Часть 3. Дело FTC vs Facebook: модерация вместо монополизации, США. URL: zakon.ru (дата обращения: 17.09.2022).

А. А. Соловьева,

студент,

Волгоградский государственный университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье ставится цель выявить необходимость цифровых технологий в системе правовых отношений. Проведенный анализ сделать вывод, что они являются одним из действенных способов упростить деятельность субъектов, вовлеченных в данный процесс. Внедрение и развитие цифровых технологий в систему правовых отношений позволяет не только наметить новые перспективы в данной системе, но и способствует тому, что субъекты быстро принимают эффективное решение, благодаря оперативной реакции на поступающую информацию.

Ключевые слова: информация, право, правотворческая инициатива, система правовых отношений, цифровые технологии, цифровизация

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS

Abstract. The author of the article aims to identify the need for digital technologies in the system of legal relations. The analysis of the work allowed us to conclude that they are one of the most effective ways to simplify the activities of the subjects involved in this process. The introduction and development of digital technologies in the system of legal relations allows not only to outline new prospects in this system, but also contributes to the fact that subjects quickly make an effective decision, thanks to the prompt response to incoming information.

Keywords: Information, Law, Law-making Initiative, System of legal relations, Digital technologies, Digitalization

Введение. В условиях динамично развивающихся общественных отношений цифровые технологии становятся неотъемлемой составляющей всех сфер жизни. Цифровизация не только корректировала взаимодействие субъектов экономических отношений, но и затронула правовые отношения, внося в них изменения, соответствующие современным реалиям. Принимая во внимание, что именно право облачает любые изменения, происходящие в обществе, в соответствующую форму, придавая им обязательный характер, внедрение цифровых технологий в систему правовых отношений является закономерным процессом.

Внедрение цифровых технологий в правотворчество активно обсуждается, как на страницах публицистической литературы, так и в кругах научной общественности. Исследователи данной темы анализируют данную тематику с точки зрения методологии и внедрения цифровизации в право на локальном уровне [4. С. 121]. Вопросы, касающиеся потребности определения основных направлений и принципов цифровизации правотворчества, целей и пределов внедрения цифровых технологий в правотворческий процесс изучала И. Д. Ягофарова. Автор сделала вывод о том, что цифровые технологии необходимо задействовать для того, чтобы систематизировать нормативные правовые акты [5. С. 4–7]. Несмотря на интерес к теме, она нуждается в детальном исследовании, ведь цифровая реальность предъявляет новые требования к правовым отношениям и это нужно учитывать, прогнозируя дальнейшие направления правового регулирования в данной области.

Основная часть. Система правовых отношений, представляющая собой возникновение прав и обязанностей относительно конкретного объекта, совершенствуется под влиянием происходящих процессов. И вполне логично, что цифровые технологии в данной системе необходимы. В противном случае электронное государство, ориентированное на то, что бы перевести все взаимодействие с обществом в цифровую плоскость, не сможет функционировать.

Цифровизация правовых отношений может иметь две модели развития: 1) все процессы в данной системе правоотношений будут автоматизированы, что предполагает полное исключение человека; 2) человек будет принимать участие в системе правовых отношений исключительно на стадии принятия окончательного решения. Цифровизация правовых отношений имеет характер инноваций. Какой будет итог говорить пока рано, но точно ясно одно: от выбора конкретной модели находится в зависимости развитие цифровизации российской системы правовых отношений.

Право начинается с формирования правотворческой инициативы [5. С. 11–12]. В данном аспекте цифровые технологии должны использоваться для того, чтобы через онлайн-форумы выявить общественное мнение; проводить в онлайн-формате консультации со специалистами, проводить онлайн-голосование [2. С. 32]. Благодаря активному внедрению цифровых технологий будет укрепляться демократизация, путем вовлечения институтов гражданского общества в процесс принятия государственно-значимых решений.

Сегодня используется достаточно много систем, ориентированных на то, чтобы обеспечивать открытость работы государственных органов с гражданами. С. А. Ревякин пишет, что в России «существует более 40 разных электронных платформ общественного участия на разных уровнях государственного управления» [3. С. 217]. Однако эти платформы не всегда реально можно использовать, ввиду

технологических особенностей либо иных причин. Данная проблема в условиях современности только актуализируется. Переживаемый страной период, связанный с COVID-19, наглядно показал, насколько необходимы цифровые технологии.

В системе правовых отношений цифровые технологии нужны не только для активизации правотворчества, но и для того, чтобы систематизировать нормативные правовые акты. На это справедливо указывала не только И. Д. Ягофарова, но и В. Д. Зорькин, который писал: «цифровизация позволит «упаковать» нормативные акты в программный код, тем самым обеспечивая стройность их системы, определенность и однозначность их содержания» [1]. Сказанное В. Д. Зорькиным как никогда актуально, ввиду динамичного появления огромного массива правовой информации, нуждающейся в упорядочении. Цифровые технологии в данном случае могут помочь быстро и качественно достичь поставленной цели.

Одним из проблемных является вопрос отстающего правотворчества, не успевающего реагировать на происходящие изменения. Это актуализирует прогнозирование в области правовых отношений, которое также возможно с использованием цифровых технологий. В данном случае существенную помощь могут оказать цифровые программы, с помощью которых можно не только моделировать ситуации, но и предвидеть результаты их разрешения. Использование этих программных продуктов в системе правовых отношений способно предоставить разные возможности для сбора необходимой информации.

Цифровые технологии в системе правовых отношений нужны и самим участникам данного процесса. Это позволит улучшить их деятельность, переведя бумажное согласование и взаимодействие между всеми субъектами в безбумажное. Более того, это окажет положительный эффект не только на оптимизацию коммуникативного взаимодействия, но и совместное редактирование текстов в режиме онлайн, позволяя с легкостью отследить весь ход совместной работы.

Заключение. Цифровые технологии в системе правовых отношений – это один из действенных способов упростить деятельность в данной области, позволяющий оперативно реагировать на поступающую информацию и быстро принимать эффективное решение.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.
2. Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.
3. Ревякин С. А. О рекомендациях по конфигурации электронных платформ общественного участия: обзор российского и международного опыта // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 3. С. 213–225.
4. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
5. Ягофарова И. Д. Цифровые технологии в правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 4–13.

А. Ю. Сорокина,

студент,

Российская таможенная академия

А. А. Лазарева,

студент,

Российская таможенная академия

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ КАК ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ ПРИОРИТЕТ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ ПОВЕСТКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье представлены отличительные черты системы маркировки товаров средствами идентификации в концепции прослеживаемости как одного из направлений интеграционного развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС), рассмотрены особенности функционирования государственной (российской) информационной системы и проведено сравнение с системами маркировки, действующими в государствах – членах ЕАЭС. Авторы также рассматривают влияние внедрения систем маркировки товаров на функционирование участников рынка.

Ключевые слова: система маркировки, цифровые инструменты, прослеживаемость товаров, информационные системы, средства идентификации, цифровая платформа товаров, национальная система маркировки и прослеживаемости товаров

IMPLEMENTATION OF A GOODS MARKING SYSTEM AS A TOP PRIORITY FOR THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL AGENDA OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract. The article presents the distinctive features of the product labeling system in the concept of traceability, as one of the directions of the integration development of the EAEU; the features of functioning of the state (Russian) information system are considered, labeling systems operating in the EAEU Member States are compared. The authors also consider the impact of the introduction of product labeling systems on the functioning of market participants.

Keywords: Labeling system, Digital tools, Traceability of goods, Information systems, Means of identification, Digital platform of goods, National system of labeling and traceability of goods

На сегодняшний день оборот контрафактной продукции является злободневной проблемой. Так, проанализировав статистические данные с 2016 по 2021 г., представленные на рис. 1, можно сделать вывод о том, что все современные факторы ведут к формированию криминального рынка. Современные реалии, а именно беспрецедентные внешние торговые и финансовые ограничения, с которыми в 2022 г. столкнулась российская экономика, также способствуют этому.

В связи с этим считаем, что изучение вопроса маркировки товаров средствами идентификации приобретает высокую актуальность.

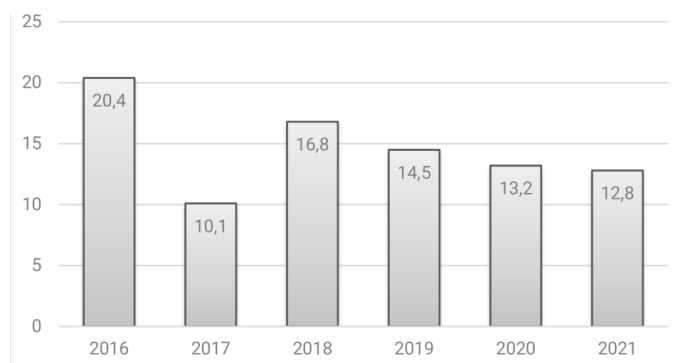

Рис. 1. Количество выявленной контрафактной продукции за период 2016–2021 гг. (млн ед.) [10]

В процессе данной работы было проведено социологическое исследование, основным инструментом которого являлось анкетирование студентов Российской таможенной академии в онлайн-формате с применением Google Форм. Общее количество студентов, принявших участие в опросе, – 195. Вовлеченность покупателей в сферу защиты прав потребителей и заинтересованность в собственном благополучии играет большую роль в развитии системы маркировки средствами идентификации, ведь это одна из ее основных задач. Поэтому мы попросили анкетировуемых ответить на следующий вопрос: «Знаком ли вам термин “маркировка средствами идентификации”?» большинство, а именно 68 % опрошенных ответили положительно, и лишь третья часть не согласилась, ответив «нет». Данные представлены на рис. 2.

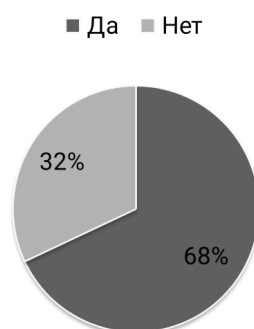

Рис. 2. Знаком ли вам термин «маркировка средствами идентификации»?

На сегодняшний день в Российской Федерации действует единая национальная система маркировки и прослеживаемости товаров под названием «Честный ЗНАК». Система «Честный ЗНАК» направлена на подтверждение подлинности и высокого качества приобретаемой продукции. В связи с этим был задан вопрос: «Вы слышали об организации Честный знак?» студенты также в большинстве отвечали положительно. По результатам анкетирования 78 % знакомы с данной организацией, и лишь 22 % слышали о ней впервые, что отражено на рис. 3.

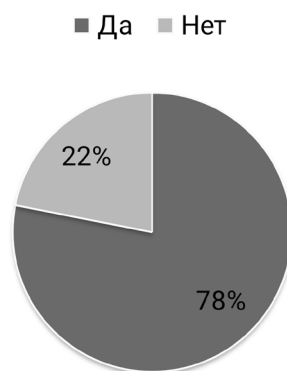

Рис. 3. Вы слышали об организации «Честный знак»?

Говоря о маркировке товаров, требуется заострить внимание на таком элементе как заинтересованность непосредственно потребителей. Поэтому самым животрепещущим для нас был финальный вопрос: «Пробовали ли вы самостоятельно проверить товар по коду Datamatrix с использованием приложения Честный знак?». Большинство студентов, а именно 75 % ответили отрицательно, и лишь четвертая часть могли поделиться подобным опытом (рис. 4).

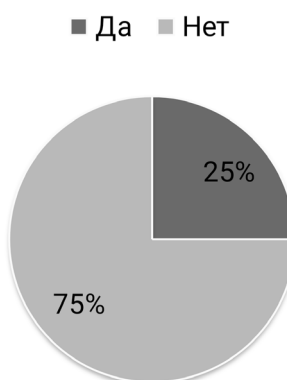

Рис. 4. Пробовали ли вы самостоятельно проверить товар по коду Datamatrix с использованием приложения «Честный знак»?

Таким образом, можно увидеть, что система, которая была создана для защиты потребителей от контрафактной продукции, играет не самую значимую роль в деятельности контрагентов.

Решение о создании Единой системы маркировки и прослеживаемости товаров было принято в декабре 2017 года. Основной целью внедрения данной системы стало предотвращение попадания на внутренний рынок фальсификата, контрабанды, просроченных и просто некачественных продуктов.

Согласно концепции по созданию системы маркировка товаров является одним из двух подходов, а именно физической прослеживаемостью [6]. Вторым подходом является документальная прослеживаемость. Стоит отметить, что товары,

которые подлежат обязательной маркировке, и товары, подлежащие прослеживаемости, относятся к разным категориям товаров. Тем самым на сегодняшний день системы не дублируют, а дополняют друг друга.

Маркировка представляет собой размещаемый на товаре контрольно-идентификационный знак (далее – КИЗ), местом размещения в зависимости от характеристик товара могут быть упаковка, ярлык, этикетка или тара. В свою очередь маркированные товары – это товары, на которые в соответствии с установленными требованиями нанесены средства идентификации и достоверные сведения о которых содержатся в национальном компоненте информационной системы маркировки товаров. Таким образом средство идентификации наносится на каждый экземпляр товарной позиции, код маркировки присваивается государственной информационной системой маркировки товаров (ГИСМТ) на основании заявки производителя и фиксируется движение каждой единицы товара от изготовителя до конечного потребителя.

В настоящее время в качестве единого идентификатора для маркировки всех групп изделий применяют соответствующий всем международным требованиям цифровой код Data Matrix.

В России цифровая маркировка товаров была начата в 2016 году. Первыми подверглись цифровой маркировке алкогольная продукция. Этому предшествовало создание Единой государственной автоматизированной системы учета производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, целью которой является осуществление контроля над объемами производства и оборота алкоголя. При этом маркировка алкогольной продукции производилось нанесением на акцизную марку цифрового двухмерного штрих-кода марки PDF 417 и с 2018 г. была налажена поштучная маркировка алкогольной продукции.

В соответствии с поручением Правительства до 2024 г. в России должна быть внедрена сквозная система маркировки всех категорий товаров [7]. Проект реализуется на базе государственно-частного партнерства. Координатором данной системы выступает Министерство промышленности и торговли России. Оператором – Центр развития перспективных технологий. Как было указано ранее, вся система маркировки носит название «Честный ЗНАК» и направлена на уменьшение количества некачественной и контрафактной продукции на рынке и привлечение распространителей такой продукции к ответственности.

До введения в оборот на продукцию, подлежащую маркировке, должны быть нанесены средства идентификации. За реализацию немаркированных изделий предусмотрена административная и уголовная ответственность. На участников оборота товаров, подлежащих маркировке, возложена обязанность передавать оператору ГИС сведения о нанесенных средствах идентификации, об обороте маркированных изделий и их выбытии из оборота.

Анализируя правила маркировки различных категорий продукции, можно выделить следующие принципы функционирования системы маркировки, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Принципы функционирования системы маркировки товаров

Признак	Содержание
Маркируемый объект	Маркировка наносится на каждый экземпляр товарной партии
Вид уникального номера	Код маркировки присваивается государственной системой маркировки товаров (ГИСМТ) по заявке производителя
Характеристика прослеживаемости	Полностью отмечается логистика передвижения товара от производителя или импортера до покупателя
Доступ к описанию товара	Покупателю доступно описание товара в ГИСМТ для сравнения с тем, что он держит в руках
Данные о выбытии	Розничная продажа фиксируется чеком кассового аппарата

Таким образом, отслеживание движения товарных потоков, начиная с производства и заканчивая реализацией конечному потребителю, с идентификацией их вещественной и партионной структуры, и цепей поставок, которые задействованы в этом процессе, позволяет создать условия для более эффективного товарного обращения в экономике [2. С. 7–11].

Все выше сказанное позволит сократить нелегальный оборот товаров без привлечения госфинансирования, и при этом сохранить за государством все контрольные функции. Предполагается, что ЦРПТ инвестирует во внедрение и совершенствование Единой системы цифровой маркировки и прослеживаемости товаров более 200 млрд рублей в течение 15 лет [9].

Говоря о внедрении маркировки товаров нельзя не затронуть вопросы взаимодействия в данной области между государствами-членами ЕАЭС. В особенности учитывая тот факт, что проведение совместных действий по обеспечению качества товаров и услуг является одним из приоритетных интеграционных процессов в сфере защиты прав потребителей [8].

В связи с этим актуальным является рассмотрение вопросов создания единой системы маркировки средствами идентификации и прослеживаемости, функционирующей на всей территории Союза. Начало внедрения маркировки и прослеживаемости товаров было положено подписанием Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию государств-членов ЕАЭС. В данном Соглашении рассматриваются вопросы создания национальных систем прослеживаемости, которые направлены на обеспечение обмена сведениями о различных категориях товаров в рамках информационного взаимодействия между странами-участницами [10].

Однако, данный процесс сопряжен с рядом значительных трудностей. Во-первых, в каждой из стран ЕАЭС представлен свой уникальный внутренний контроль обращения товарных позиций (табл. 2). Так, например, в России маркировке подлежат 10 категорий товаров, в Республике Беларусь и Казахстане – 7, Армении – 6, а в Киргизской Республике только четыре категории товаров. При этом во всех государствах – участниках ЕАЭС обязательной маркировке подлежат товары легкой промышленности и обувь.

Таблица 2

Сравнение систем маркировки в государствах-членах ЕАЭС

Страна	Оператор системы маркировки	Регулятор	ГИС маркировки товаров	Продукция, подлежащая маркировке
Республика Армения	Центр развития перспективных технологий – Армения (Решение Правительства Республики Армения от 10 марта 2022 г. № 312-Л)	Комитет государственных доходов Республики Армения	e-mark	Товары легкой промышленности Шины и покрышки Фотоаппараты Духи молочная продукция Обувь
Республика Беларусь	РУП «Издательство «Белбланкавыд» (Указ Президента Республики Беларусь от 10.06.2011 № 243 «О маркировке товаров»)	Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь	Электронный знак	Товары легкой промышленности Шины и покрышки Фотоаппараты Духи молочная продукция Обувь Упакованная вода
Республика Казахстан	РУП «Издательство «Белбланкавыд» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 марта 2020 года № 95 «Об определении Единого оператора маркировки и прослеживаемости товаров»)	Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан	Naqty Ónim	Табачная продукция Обувь Алкогольная продукция Лекарственные средства Молочная продукция Товары легкой промышленности Вода и сахаросодержащие напитки
Киргизская Республика	ЗАО «Альфа Телеком» (Распоряжение Правительства Киргизской Республики от 20 августа 2020 года № 284-р)	Государственная налоговая служба при Правительстве Киргизской Республики	Текшер	Табачная продукция Алкогольная продукция Обувь Товары легкой промышленности
Российская Федерация	Центр развития перспективных технологий (Распоряжение Правительства РФ от 03.04.2019 № 620-р)	Министерство промышленности и торговли России	Честный знак	Молочная продукция Лекарства Упакованная вода Табачная продукция Товары легкой промышленности Обувь Шубы Духи и туалетная вода Шины Фотоаппараты

Из указанного следует, что важным шагом должна стать унификация видов контроля, а в конкретном контексте – маркировки. Помимо самой маркировки в ее физическом смысле, необходимо объединить информационные системы марки-

ровки. Так как в странах-участницах наблюдается различное строение программных объектов.

Было бы эффективно использовать зарубежный опыт по созданию такого механизма, как единое окно, именно в качестве инструмента, минимизирующего издержки как для представителей бизнеса, так и государства [12]. Вопросы координации и управления функционированием единой системы маркировки и прослеживаемости товаров в ЕАЭС могут быть возложены на Евразийскую экономическую коллегияю.

Во-вторых, чрезвычайно серьезным фактором, мешающим правильному функционированию системы маркировки в рамках ЕАЭС, является различие в нормативно-правовом регулировании интеллектуальной собственности и мерах юридической ответственности, предусмотренной за распространение контрафактной продукции. Соответственно необходимо выстраивать систему и ее внедрение таким образом, чтобы применяемые меры были одинаковыми во всех странах – участницах ЕАЭС [1].

Помимо этого, необходимо отметить, что весомый дискомфорт маркировка принесла участникам рынка товаров. Произошло это в связи с тем, что для перехода к этой системе нужно прибегнуть к глобальным переменам в бизнес-процессах, что требует финансовых затрат. К ним относятся: технологическое переоборудование предприятий, изменение учетных систем, обучение работников. В связи с этим поэтапное внедрение маркировки, т. е. определение конкретных товарных групп для контроля является рациональным решением со стороны государства для того, чтобы обеспечить бизнес среду временем для реорганизации. Также представляется возможным замена маркировки на документальную прослеживаемость в отношении категорий товаров с низким риском возникновения контрафакта.

Эффективным способом ускорения внедрения системы маркировки, по нашему мнению, может стать создание системы добровольной маркировки и предоставление льгот организациям-участникам данной системы.

Также отдельно хочется выделить проблемы, которые возникают у должностных лиц таможенных органов в процессе контроля маркировки ввозимых товаров. Основной проблемой является недостаточное информационное взаимодействие между Единой автоматизированной информационной системой таможенных органов (далее – ЕАИС ТО) и национальной системой прослеживаемости и маркировки.

В отношении прослеживаемости на сегодняшний день согласован перечень сведений, передаваемых в рамках информационного обмена между Федеральной таможенной службой и Федеральной налоговой службой на базе системы межведомственного электронного обмена.

Что касается маркировки, то таможенные органы взаимодействуют с участниками оборота посредством системы ГИС «Маркировка». На этапе выпуска ЕАИС ТО автоматически сверяет данные из ГИС «Маркировка» с информацией, внесенной декларантом в 31-ю графу декларации. Однако в процессе таможенного контроля после выпуска автоматическая сверка не происходит и инспекторы пользуются личным кабинетом в ГИС «Маркировка» или мобильным приложением

ем «Честный знак», где для государственных органов предусмотрен расширенный функционал. Решением может стать разработка взаимодействия таможенных органов с ГИС «Маркировка» через СМЭВ, что также позволит расширить перечень сведений, получаемых при считывании кода.

Проблема передачи сведений в автоматическом режиме также встречается при проведении таможенного досмотра. По факту, после считывания информации с КИЗ, полученные данные не переносятся автоматически в электронную версию акта таможенного досмотра. Это отрицательно воздействует на скорость выполнения своих обязанностей сотрудниками. В связи с этим возникает необходимость проведения обновления технических средств и усовершенствования программного обеспечения, которое используют представители таможенной службы. Поэтому важно ассимилировать то, что данный фронт деятельности непосредственно связан с экономическими интересами государства. В связи с этим необходимо значительно педантичнее подходить к выбору технологий и устройств, отдавать предпочтение более инновационным среди прочих альтернатив.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что внедрение маркировки товаров будет способствовать предотвращению вовлечения в товароборот некачественной, контрафактной или фальсифицированной продукции. По концепции человек прибегает к помощи приложения Честный знак, которое выступает драйвером принятия решения по покупке той или иной товарной позиции. Что в свою очередь варьирует конкурентоспособность продавцов. Помимо этого, даже столкнувшись с нарушением, клиент сможет указать на нарушения в приложении и инициировать проверочные мероприятия. Внедрение средств идентификации представляют собой средство против хаотических правонарушений во взаимодействии контрагентов и поставщиков. Это огромное преимущество для потребителей, тем не менее, не все участники рынка заинтересованы в данной программе. Что было доказано социологическим исследованием, представленным в начале данной работы. Что касается потребителей – достаточно малая доля клиентов проверяет товар по коду DataMatrix. Для полноценного раскрытия потенциала DataMatrix необходимо прибегнуть к мерам по привлечению внимания к проблеме контрафакта и такого способа ее решения как средства идентификации. Во-первых, осуществление агитационной деятельности по информированию потребителей о системе Честный знак. Во-вторых, повышение квалификации продавцов, через чьи кассы выбывают товары со средством идентификации. В-третьих, разработка современных рекламных объектов, которые будут способствовать увеличению доли ознакомившихся с системой маркировки потребителей.

Для продавцов внедрение маркировки представляются серьезными финансовыми потерями. Обновление технической базы, перепрофилирование сотрудников, выход за рамки привычной модели работы в целом – все эти факторы являются фундаментом для создания благоприятных условий внедрения новой разработки, которые тем не менее в глазах поставщиков играют роль красной тряпки. Ведь зачастую преобразования встречаются без энтузиазма и не успевают достигнуть своего апогея. Несмотря на это, такие затраты будут лишь на начальном этапе, если же проследить тенденцию в дальнейшей перспективе, это будет положительно сказываться на репутации представителя бизнес-среды как внутри рынка, так

и в дальнейшем на мировой арене. Внедрение маркировки средствами идентификации – путь, нацеленный на долгосрочную перспективу. Ведь грамотно выстроенные инновационные решения способны в существующих условиях привести к качественно новому развитию экономики.

Список литературы

1. Буваева Н. Э. Международное таможенное право: учебник для магистров / под общ. ред. А. В. Зубача. Москва: Юрайт, 2015. 376 с.
2. Голубенко О. А. и др. Цифровизация маркировки потребительских товаров // Вестник СГСЭУ. 2020. № 3 (82). С. 711.
3. Информационные технологии в таможенных органах // Таможня. 2022. № 5. С. 12–13.
4. Липатова Н. Г., Лубик А. Ф. Прослеживаемость перемещения товаров как инструмент повышения эффективности таможенного контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 3. С. 39–45.
5. О взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113096/ (дата обращения: 20.07.2022).
6. План мероприятий на период 2021–2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 20.07.2022).
7. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 20.07.2022).
8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения: 20.07.2022).
9. Саврико И. В. Проблемы внедрения системы маркировки товаров // Молодой ученый. 2019. № 22. С. 348–349.
10. Соглашение от 29.05.2019 «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328039/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 20.07.2022).
11. Федеральная таможенная служба России. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 20.07.2022).
12. Study report on disruptive technologies // World Customs Organization. 2019. June. URL: http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and_tools/tools/disruptive-technologies.aspx (дата обращения: 20.07.2022).

Д. В. Спиридонова,

студент,

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия «специальные знания» в уголовном судопроизводстве и выявлению их роли в процессе уголовного расследования. Для этого автором статьи определены понятие, структура и формы специальных знаний, а также приведены статистические данные и экспертные оценки, которые обосновывают возрастающую значимость специальных знаний в уголовном судопроизводстве в современных условиях развития данной сферы. Результаты, которые получены в процессе исследования, позволяют сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве необходима трансформация, что объясняется широким развитием и распространением информационных технологий, которые кардинально меняют характер преступлений, совершаемых в настоящее время. Приводятся статистические данные, которые отражают увеличивающееся с каждым годом количество преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий. Именно поэтому внимание ученых направлено на изучение процессов, которые происходят при совершении преступлений с использованием цифровых технологий, выявлению их особенностей и закономерностей в современных условиях и предлагаются методы, которые позволяют своевременно обнаружить и предотвратить данный вид преступлений, что и определяет актуальность указанного направления исследований.

Ключевые слова: право, специальные знания, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, информационные технологии, трансформация

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of “special knowledge” in criminal proceedings and the identification of their role in the process of criminal investigation. For this purpose, the author of the article defines the concept, structure and forms of special knowledge, as well as provides statistical data and expert assessments that substantiate the increasing importance of special knowledge in criminal proceedings in modern conditions of development of this sphere. The results obtained in the course of the research allow the author of the article to conclude that a transformation is necessary in the criminal procedure legislation, which is explained by the widespread development and spread of information technologies that radically change the nature of crimes committed at the present time. The author of the article provides statistical data that

reflect the increasing number of crimes committed with the use of modern information technologies every year. That is why the attention of scientists is focused on studying the processes that occur when crimes are committed using digital technologies, identifying their features and patterns in modern conditions; they propose methods that allow timely detection and prevention of this type of crime, which determines the relevance of this area of research.

Keywords: Law, Special knowledge, Criminal proceedings, Criminal procedure legislation, Information technology, Transformation

Широкое развитие информационных технологий во всех сферах общественной жизни приводит к трансформации многих областей знания, в том числе на новый уровень развития выходит преступность. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что большинство преступлений в современном мире совершаются именно в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Преступники используют современные технологии, которые позволяют скрыть от специалистов, расследующих совершенное преступление, информационные следы. Указанные факты позволяют говорить о том, что специалисты, расследующие преступления, должны обладать не только полученным в университете набором профессиональных знаний, не только достаточным опытом в своей сфере деятельности, но и теми знаниями и умениями, которые не являются общеизвестными и общедоступными – специальными знаниями.

Ввиду того, что влияние специальных знаний на отрасли процессуального права достаточно мало изучено, целью данного исследования является определение роли специальных знаний в уголовном судопроизводстве и выявление их [специальных знаний] отличительных характеристик.

В научной литературе понятие «специальные знания» подвергалось исследованиям неоднократно, но единства взглядов между учеными все еще не достигнуто. Так, А. А. Эйсман под специальными знаниями понимает те знания, которыми обладает ограниченный круг специалистов, но которыми не располагает адресат доказывания (например, следователь, суд, и др.) [11. С. 44–46]. В. М. Галкин специальными знаниями считает познания, приобретенные в результате специального образования или профессионального опыта [6. С. 7–8].

На наш взгляд, С. Ф. Бычкова наиболее полно дала определение специальным знаниям, так как оно отражает смысл и назначение специальных знаний. Она считает, что «специальные знания – это не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства» [4. С. 5–6].

Важной особенностью специальных знаний является цель их использования, заключающаяся в обеспечении, обнаружении, фиксации, исследовании и оценке доказательств по уголовному делу [9. С. 33–35]. Таким образом, использование специальных знаний в процессе уголовного судопроизводства позволит выдвигать версии и возможные тактические решения, не имеющие доказательственного значения.

Анализ структуры специальных знаний (рис. 1) позволяет сделать вывод о том, что специалист должен не только обладать теоретическими знаниями в определенной области, но и практическим опытом их применения.

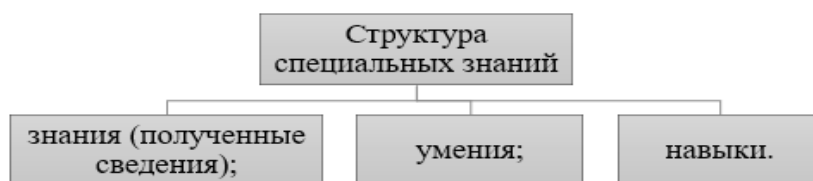

Рис. 1. Структура специальных знаний

Для возможности применения специальных знаний порой недостаточно лишь указания и закрепления их в норме закона, поэтому необходимо четко определить их форму в целях успешной практической реализации правового предписания. Ученые правоведы изучены две формы применения специальных знаний (рис. 2) [9. С. 51–52].

Рис. 2. Формы применения специальных знаний

Для современной России характерно широкое и быстрое развитие информационных технологий, которые проникают во все сферы общественной жизни – экономику, политику, право, культуру. Данная статья посвящена определению роли специальных знаний в уголовно-процессуальной отрасли права, характеризующейся на современном этапе развития изменением характера российской преступности [8. С. 73–79], что вызывает необходимость трансформации данной отрасли права, в том числе и используемых методов и технологий в работе специалистов (следователей, экспертов-криминалистов, и др.). Преступления, совершаемые с использованием современных информационных технологий, представляют большую общественную опасность ввиду того, что они могут не только совершаться бесконтактным способом, но также противодействовать раскрытию преступления. Таким образом, процесс совершения преступления становится более скрытым, недоступным для сбора необходимой для расследования информации традиционными способами.

Как сообщает председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин: «Число преступлений, совершенных при помощи Интернета, в России в 2020 г. выросло на 73 %» (рис. 3) [12].

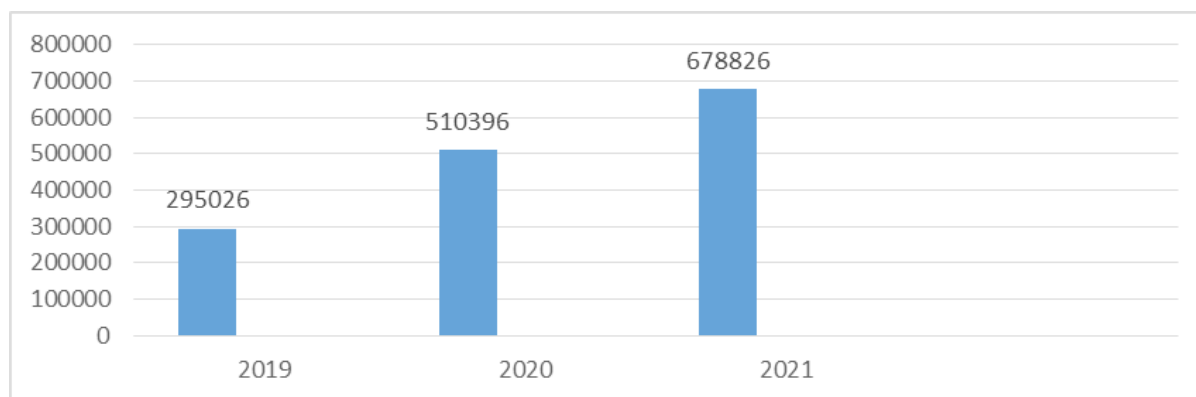

Рис. 3. Количество преступлений, совершенных с использованием IT-технологий в 2019–2021 гг.

Рост числа атак в 2020 г. был вызван новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Более 80 % всех атак были направлены на государственные и медицинские учреждения, промышленные компании (рис. 4) [14].

Рис. 4. Категории организаций, ставшие жертвами атак

Стоит отметить, что IT-преступность продолжает расти. Так, доля киберпреступности в общем объеме преступлений в 2021 году составила 26,8 %, т. е. более четверти от их общего количества. Таким образом, законодателями осознана необходимость регулирования IT-преступлений и снижения их количества, поэтому в новых редакциях Уголовно-процессуального кодекса РФ [2] вводятся нормы, направленные на борьбу с данным видом преступлений (например, в ст. 186, 186.1).

Из вышесказанного следует, что применение специальных знаний при расследовании преступлений необходимо в целях получения информации о самом преступлении, его участниках, используемых ими методах по имеющимся материальным следам (вещественным доказательствам). Использование специалистами (следователями, сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, и др.) специальных знаний позволяет эффективно применять скрытую в материальных следах информацию при расследовании преступлений, выявлять преступления на ранних стадиях и предотвращать их в целях обеспечения общественной безопасности.

Изучение работ современных исследователей позволяет сделать следующие выводы, определяющие роль специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Во-первых, происходит повышение роли специальных знаний при раскрытии преступлений в связи с повышением требований судов к качеству предварительного расследования, а также появлением новых видов преступлений, связанных с использованием IT-технологий.

Во-вторых, при расследовании преступлений все чаще привлекаются специалисты из других профессий, которые обладают необходимым набором специальных знаний. Это позволяет эффективно использовать имеющиеся у следствия материалы, что повышает скорость раскрытия преступных деяний.

В-третьих, стоит отметить, что для некоторых видов преступлений использование специальных знаний является единственным источником их раскрытия.

В-четвертых, информационно-технологическое доказывание позволяет осуществлять данный процесс гуманно, так как происходит минимизация использования органами дознания незаконных методов ведения следствия и принуждение. Таким образом, обеспечиваются гарантии достоинства личности, закрепленные Конституцией Российской Федерации [1], происходит минимизация следственных и судебных ошибок.

При раскрытии преступлений важную роль обеспечивает процесс привлечения сведущих лиц совместно с использованием компьютерно-технических и программных средств [8. С. 79–80]. Это позволяет быстрее, полнее и точнее обнаруживать, фиксировать, изымать и исследовать цифровые следы в компьютерных системах и превращать их в доказательства.

Таким образом, использование специальных знаний совместно с современными цифровыми технологиями и компьютерными средствами в уголовном судопроизводстве позволит не только оптимизировать деятельность специалистов и осуществлять процесс собирания доказательств более эффективным, но и достичь целей уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также их защита от незаконного и необоснованного обвинения или осуждения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.06.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.06.2022).
3. Бакурадзе Н. С. К вопросу о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 170–173.
4. Бычкова С. Ф. Теория и практика судебной экспертизы: учеб. пособие. Алматы, 1999. Т. 1: Организация, назначение и производство судебной экспертизы. 118 с.
5. Варданян А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юрист – правовец. 2019. № 2 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-ispolzovaniya-spetsialnyh-znaniy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 29.06.2022).
6. Галкин В. М. О принципах судебной экспертизы по уголовным делам. // Труды ЦНИИ судебных экспертиз. 1970. № 2. С. 60.
7. Ищенко Е. П., Комиссарова Я. В. Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. Москва: Проспект, 2019. 616 с.
8. Пастухов П. С. Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-spetsialnyh-znaniy-v-informatsionno-tehnologicheskom-obespechenii-ugolovno-protsessualnogo-dokazyvaniya> (дата обращения: 08.06.2022).
9. Соколов А. Ф., Ремизов М. В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2010. 128 с. ISBN 978 5 8397-0743-6
10. Шаталов А. С. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве, в контексте законодательных новелл и развития информационных технологий // Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений: сборник материалов заочной Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заведующего кафедрой криминалистики, доктора юридических наук, профессора Игоря Викторовича Александрова, Москва, 27 ноября 2019 года. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 277–283. EDN: GJEIGP
11. Эйсман А. А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. 1962. № 6–7. С. 42–49.
12. Официальный сайт Парламентской газеты. URL: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 08.06.2022).
13. Официальный сайт «Если быть точным». URL: <https://tochno.st/> (дата обращения: 08.06.2022).
14. Официальный сайт Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/> (дата обращения: 08.06.2022).

А. В. Старков,

аспирант,

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРЕСС-ПУБЛИКАЦИЙ ПРИ ИХ ОНЛАЙН-ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Аннотация. Систематизация представленных философско-методологических концепций позволяет сформировать научное знание об охране пресс-публикаций при их онлайн-использовании. Изучение научных отраслей, категорий, позволяет установить соотношение гражданско-правовой охраны пресс-публикаций при их онлайн-использовании с концепцией прав издателей энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий, использование таких изданий, позволяет усмотреть тождественность ряда элементов. Однако из обзора доктринальных источников следует, что по данному вопросу не сформулирован единый подход.

Ключевые слова: агрегатор новостей, пресс-публикация, онлайн-использование, Директива ЕС, смежные права, авторское право права издателей

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF PROTECTION OF PRESS PUBLICATIONS IN THEIR ONLINE USE

Abstract. The systematization of the previously presented philosophical and methodological concepts allows us to form scientific knowledge about the protection of press publications when they are used online. The study of scientific branches, categories, allows us to establish the relationship of civil protection of press publications when they are used online with the concept of the rights of publishers of encyclopedias, encyclopedic dictionaries, periodicals and ongoing collections of scientific papers, newspapers, magazines and other periodicals, the use of such publications allows us to see the identity of a number of elements. However, it follows from a review of doctrinal sources that no unified approach has been formulated on this issue.

Keywords: News aggregator, Press publication, Online use, EU Directive, Related rights, Copyright publishers' rights

Определяя историю становления гражданско-правовой охраны пресс-публикаций в праве Европейского союза, следует отметить, что данный институт правового регулирования имеет достаточно богатую историю, характеризующуюся различными этапами. На данный момент обоснованным является утверждение о том, что развитие общественных отношений в сфере обращения информации, ее создании, передачи и преобразовании сформировало комплексную систему определенных прав в качестве интеллектуальной собственности.

На данный момент, существующая действительность опосредует повышение ценности интеллектуальной деятельности, тем не менее, формирование таких прав произошло достаточно давно, в те исторические периоды, когда категория информация и информационное общество не существовало в том понимании, ко-

торое наличествует сейчас. Отечественный и зарубежный опыт, как уже указывалось ранее, сформировался достаточно рано, однако пошел разным путем.

Наиболее показательным данный процесс стал в странах-колониях, так как нахождение за пределами основных очагов развития политической и экономической деятельности в Европейских государствах. Историческая справка, представленная Лайонелом Бентли в своем исследовании о читательском деле в колониальных странах подчеркивает, что распространение периодических печатных изданий как раз в день, так и неделю, было особенно распространено в малонаселенных молодых колониях.

Примером тому является распространение печатных изданий в Мельбурне, где на 1871 г. насчитывалось 4 ежедневных газеты на 55 000 тыс. человек, этот показатель не включал газет регионального и сельского уровня, который также насчитывал объемные каналы предоставления информации. Так, The Argus, для понедельника, 2 января 1871 г.: они включают подробные отчеты о горнодобывающей промышленности (значительная деятельность в колонии в то время), рынках в более общем плане, компании и деловых встречах, спортивная и общественная деятельность, политические и законодательные события, короткие новости из других колоний, объявления и рекламы всех видов [7].

Смежная ситуация наблюдалась у конкурентов – The Age, The Daily Telegraph и The Herald. Сообщения о событиях за пределами Австралии, однако, были немногочисленны в это время и всегда устарели из-за очевидных задержек в коммуникациях – парусный, а в последнее время и паровой, корабли были основными перевозчиками почты и других материалов между Европой и Австралией (и наоборот, поскольку к Европе существовал особый интерес, а также в Северной Америке, к открытию золота в Австралии с середины 1850-х гг.) [2. С. 49].

Однако, как отмечает Бентли, совокупно с этим остро назревала проблема, решаемая возможность применения англо-австралийского телеграфа, который позволил бы сформировать единый информационный канал между Европой с Австралией посредством Северной Африки, Ближнего Востока, Индии, Цейлона, Явы, Порт-Дарвина, и, наконец, колонии Южной Австралии, что обеспечило бы гораздо более быстрый доступ к новостям из-за рубежа, с передачами, происходящими в течение дня, а не недель или месяцев.

Информация была опубликована на страницах местной газеты, которая за платила за нее, конкуренты могли затем свободно себе позволить переиздать ее. В подобной форме передачи информации была классическая юридическая и политическая дилемма: новая технология должна была облегчить служение интересам тех лиц, что заинтересованы в получении новостей, т. е. читателей, а также тех, кто формирует этот информационный контент, однако исключались интересы тех, кто инвестировал в подобные предприятия, так как свободный оборот такой информации лишал их преимуществ.

Помимо зарождающегося чувства несправедливости, представленной пользованием результатами интеллектуального труда без особой оплаты или указания авторства, можно было бы утверждать, что это могло бы устранить стимул инвестировать в эти новые источники информации. В таких ситуациях на первый план

быстро выходят утверждения о необходимости правовой защиты. Именно в силу подобной регламентации передачи информационных сообщений, что на тот момент являлось достаточно затратным делом, остро возникла проблема нормативного обеспечения.

При выборе форм регламентации отношений в данной сфере, колониальное законодательство ориентировалось на различные формы нормативного обеспечения с учетом действительного экономического интереса. Авторское право было очевидным кандидатом, но предполагаемые произведения были короткими телеграфными сообщениями не более чем из 40 слов – классические резюме фактов и событий, которые было бы трудно вписать в существующую категорию «Книги», согласно соответствующему имперскому или местному законодательству, даже если предположить, что требования этих статутов в отношении регистрации и публикации могут быть выполнены [7].

Для защиты прав авторов, были введены охранные грамоты – «привилегии». С помощью данной привилегии была обеспечена охрана «промышленных интересов издателей» [4].

В дальнейшем, в связи с развитием права, охранные грамоты стали заменяться законами. В 1710 г. был принят закон о защите авторских прав «Статут королевы Анны». Принятый закон заключался в защите прав авторов от тиражирования созданных ими произведений, без их согласия [1].

В 1791 г. во Франции был принят Декрет, рассматривающий произведение автора в качестве частной собственности. Рассматриваемые механизмы урегулирования защиты авторского права, позволяют сделать вывод, что к началу XIX в. были предприняты меры по защите авторского права, которое в свою очередь приравнивалось законодателем к правам собственности.

Были также значимые вопросы о собственности на любые авторские права, которые могут существовать в телеграфных сообщениях, поскольку они были бы созданы не местными владельцами газет, а агентами, находящимися за рубежом (вероятно, агентством Рейтер, которое обеспечивало данные процессы передачи информации в соответствующих колониях) [6].

Виктория, Южная Австралия и Западная Австралия приняли законы, предусматривающие краткосрочную защиту телеграфных сообщений. Далее последовал ряд других колониальных и самоуправляющихся британских владений в течение следующих 50 лет поскольку, по-видимому, нет никаких сомнений в том, что это было задумано как форма защиты отдельно и в дополнение к тому, что уже было предоставлено. На самом деле это была ограниченная и специальная защита, предоставленная конкретной заинтересованной группе – издателям газет и ни в коем случае не всем из них, – против деятельности, которая была охарактеризована как «несправедливая».

Исторически одним из видов правовой защиты, которую они искали, была ссылка на то, что мы сегодня знаем, как законы об интеллектуальной собственности. Действительно, издатели новостей не только использовали предшественников закона об интеллектуальной собственности для защиты новостной деятельности до того, как доктрина авторского права была закреплена 1710 г. в Статуте об авторском праве.

В результате в ЕС теперь есть два расширительных права, дополняющих авторское право, которые могут применяться к подборкам новостей и которые совместно существуют. Оба могут действовать для контроля и монетизации потока данных и информации. Оба права лежат поверх и дополняют само авторское право и другие смежные права.

Отправная точка для определения того, какие материалы защищает право издателей прессы, находится в ст. 2(4). В ней указано, что защищаемой является «публикация в прессе». Но публикация в прессе не является новостным сообщением как таковым. Это сборник различных материалов, причем сборник является ключевым понятием.

Несмотря на различия между законодательством США и ЕС о свободе слова и авторском праве, этот аргумент может быть применен и к ЕС. Возможно, авторское и смежное право ЕС в достаточной степени воплощает гарантии свободы слова в том виде, в котором оно существует сейчас. Но когда авторское и смежное право меняется, меняется и ситуация, и оно может перестать это делать. Другими словами, когда происходят значительные изменения в балансе между авторским правом и свободой слова, необходим пересмотр соответствующих частей авторского и смежного права.

На протяжении последующих лет 300 неоднократно предпринимались попытки защиты, в частности, когда происходили технологические изменения, такие как (например) строительство электростанций, телеграфные линии и внедрение радио. Действительно, коммерческие издатели новостей безуспешно лоббировали в Лиге Наций «признание принципа права собственности на новости». Как заметил Уилл Слаутер в своих исследованиях: «...последствия отношения к новостям как к виду собственности обсуждались в прошлом множество раз. Но такие дебаты обычно затухают и забываются, когда вопрос поднимается в следующий раз поднимается...» [5]. С развитием Интернета эти аргументы снова стали живыми. Многие коммерческие новостные издательства вновь добиваются законодательной защиты во многих странах мира. В конце 2010-х гг. европейские издатели лоббировали в ЕС такую защиту. Они добились успеха.

Последним изменением выступило обновление нормативно-правового регулирования в рамках развития цифровых технологий. Так, цифровизация способствует осуществлению новых способов создания, публикации и чтения новостных материалов [3].

С появлением новостных агрегаторов, которые благодаря автоматизированным действиям формируют и отображают структурированную новостную ленту, используя опубликованные прессой в сети интернет-новости, распространение новостей постепенно перестает быть монопольным правом издателей.

Список литературы

1. Блинец И. А., Леонтьев К. Б. Общая теория интеллектуальной собственности. Ст. 3. Интеллектуальная собственность и исключительные права. URL: http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi (дата обращения: 20.06.2022).
2. Гайсин Ф. Ф. Зарубежный опыт реформирования авторского права // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. № 1 (13). С. 47–53.

3. Журналисты, которые никогда не спят. URL: <https://robo-hunter.com/news/jurnalisti-kotorie-nikogda-ne-spyat> (дата обращения: 03.01.2022).

4. Колесников Е. А. Некоторые материалы к истории авторского права в России. URL: <http://www.eakolesnikov.narod.ru/CopyrightRussia.html> (дата обращения: 20.06.2022).

5. Ричард Дэн Бери, «Оценка потенциальных правовых ответов на угрозы для новостей в цифровую эпоху». URL: https://www.civil.law.cam.ac.uk/sites/www.law.cam.ac.uk/files/images/www.civil.law.cam.ac.uk/documents/copyright_and_news/first_report_complete.pdf (дата обращения: 05.06.2022).

6. Sam Ricketson & Jane C. Ginsburg, Intellectual Property in News? Why Not?, RESEARCH HANDBOOK ON INTELLECTUAL PROPERTY IN MEDIA AND ENTERTAINMENT, MEGAN RICHARDSON & SAM RICKETSON, EDS., EDWARD ELGAR PUBLISHING, 2017; U OF MELBOURNE LEGAL STUDIES RESEARCH PAPER; COLUMBIA PUBLIC LAW RESEARCH PAPER NO. 14-511 (2016). URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/1978/?utm_source=scholarship.law.columbia.edu%2Ffaculty_scholarship%2F1978&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 05.06.2022).

7. Lionel Bently, 'Copyright and the Victorian Internet: Telegraphic Property Laws in Colonial Australia' (2004) 38 Loyola of Los Angeles Law Review 71. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/1978/?utm_source=scholarship.law.columbia.edu%2Ffaculty_scholarship%2F1978&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 20.06.2022).

Д. С. Степанов,

студент,

Сибирский федеральный университет

А. А. Жученко,

студент,

Сибирский федеральный университет

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения электронного уголовного дела в уголовный процесс посредством использования различных цифровых технологий. Раскрываются структура и отдельные элементы электронного уголовного дела. Представлен зарубежный опыт использования информационных технологий в уголовном производстве, а также отечественные разработки. Актуальные проблемы на сегодняшний день заключаются в отсутствии закрепленного на законодательном уровне понятия и содержания термина «электронное уголовное дело», а также в недостаточном материально-техническом оснащении правоохранительных органов и органов судебной системы. Отмечается, что особое внимание должно быть уделено гарантии информационной безопасности работы с электронными документами.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, следственные органы, электронное уголовное дело, судопроизводство, информационные технологии, электронные документы

ELECTRONIC CRIMINAL CASE

Abstract. The article discusses the issues of the introduction of electronic criminal proceedings in the criminal process through the use of various digital technologies. The structure and separate elements of the electronic criminal case are revealed. Foreign experience of using information technologies in criminal proceedings, as well as domestic developments are presented. The actual problems today are the absence of the concept and content of the term “electronic criminal case” fixed at the legislative level, as well as the lack of sufficient material and technical equipment of law enforcement agencies and judicial bodies. It is noted that special attention should be paid to ensuring the information security of working with electronic documents.

Keywords: Digitalization, Criminal procedure, Electronic criminal case, Judicial proceedings, Investigative bodies, Information technology, Electronic documents

В настоящее время не осталось ни одной сферы общественной жизни, на которую не оказывали бы влияние информационные технологии, являющиеся современным трендом мирового развития. Не обошла вниманием цифровизация и правовую сферу деятельности, в том числе связанную с уголовным процессом, целью которого является защита гражданина и общества от преступных деяний.

Электронно-цифровые комплексы стали активно использоваться не только в сфере следственных, оперативных и экспертных работ, но и в судопроизводстве. Во всех случаях использование информационных технологий направлено на оптимизацию уголовного процесса и повышение эффективности отдельных его составляющих институтов. Однако, на сегодняшний день в Российской Федерации все уголовно-процессуальное производство ведется на бумажных носителях, хоть и выполненных, в основной своей массе, с использованием компьютерной техники [8. С. 114–115].

Вместе с тем, внедрение цифровых технологий только лишь в досудебные или судебные производства невозможно. Для этого требуется комплексный подход и изменение текущего уголовно-процессуального законодательства, так как: во-первых, стадии уголовного процесса последовательны и взаимосвязаны, что не позволяет внедрение электронного уголовного дела только лишь в одной из стадий, а во-вторых, необходимое техническое обеспечение правоохранительных органов, позволяющее реализовать скорректированные процессуальные требования.

Цифровизация широко внедряется в мире, можно отметить такие страны как: США, Китай, Канада, Германия, Бельгия, Чехия, Саудовская Аравия, Казахстан, Украина. Например, в Бельгии в 2005 году был разработан проект правосудия “Phenix. Этот проект рассчитан не только на документооборот в электронном формате, но и на работу в различных сферах правовой деятельности. В частности,

к проекту имеют доступ полиция, адвокаты и суд. Аутентификация проходит при помощи применения электронного паспорта.

Об успешности внедрения цифровизации в деятельность правоохранительных органов в Саудовской Аравии, свидетельствует сокращение сроков рассмотрения уголовных дел на 80 %.

С 2012 г. на Украине работает система «Единый реестр досудебных расследований». В системе зафиксированы все уголовные расследования в электронном формате.

С 2005 г. система уголовных дел в электронном формате работает в Чехии. «Электронное уголовное судопроизводство» – это система баз данных в электронном формате. Пока система слишком сложная, потому что в ней хранится огромное количество информации. В рамках базы можно проследить любое уголовное дело, а именно направление их движений. Кроме того, можно проследить задачи, статус и все сроки рассмотрения. Помимо основной функции – хранение информации, в системе предусмотрена функция – онлайн-утверждений следственных действий. В рамках системы можно получить разрешительную документацию в электронном виде. После получения доступа к системе можно прослеживать не только ход уголовного дела, но и составлять оценку решения.

Одну из лидирующих позиций в сфере правовой цифровизации занимает Казахстан. Именно там с 2011 г. работает электронная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях КУЗ (книга учета заявлений). Кроме того, в Казахстане успешно внедрен Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) в 2015 г. Все уголовные процессы начинаются именно с фазы регистрации заявления в электронном реестре. При этом особое внимание было уделено информационной безопасности новых систем [5. С. 153–154].

С 2016 г. в Китае идет разработка системы, которая получила название «умный суд». Система начала разрабатываться после того, как главный судья и председатель Верховного народного суда КНР Цян Чжоу постановил применять современные технологии, чтобы увеличить уровень «справедливости, эффективности и авторитета» судебной сферы страны. Служебная нагрузка судей сократилась в три раза после внедрения системы «умный суд», кроме того, повысилась эффективность работы. В 2022 г. в КНР появилась информация о том, что судьи обязаны принимать решения только после получения консультации от искусственного интеллекта (ИИ). Оценка доказательств и степени опасности подозреваемого для общества составляет прокуратура, но с помощью применения нейросети.

Согласно новым правилам, если судьи отклоняют рекомендации ИИ, то должны предоставить письменное объяснение своих действий [14].

Кроме того, судьи получили возможность иметь доступ к базам данных правительства, прокуратуры и полиции при помощи нейросети. Произошла интеграция с системой социального кредита в Китае. Если гражданин не выполняет решение, которое принято судом, то ИИ имеет право осуществлять понуждение к исполнению наказания самостоятельно. Например, должник не может приобрести билет на поезд или самолет, могут вводиться и другие ограничения. Оценка доказательств и степени опасности для общества осуществляется прокуратурой в Китае при помощи использования нейросети.

Из вышеуказанных данных можно сделать вывод, что использование электронной системы в сфере права позволяет повысить уровень эффективности уголовного судопроизводства на всем протяжении [7].

Какова ситуация по цифровизации деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации?

К февралю 2020 г. арбитражные суды в России реализовали возможность ознакомления с материалами судебного дела в электронном формате. В конце января 2020 г. Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа уже протестировал проект, а весной этого же года стало функционировать более 30 судов под эгидой данного проекта. В настоящее время в системе хранения и ведения электронных дел задействованы арбитражные суды всех инстанций.

В судах, которые относятся к сфере общей юрисдикции города Москвы, начали применять международный проект «Поддержка судебной реформы». В рамках внедрения начался процесс цифровизации, бумажные носители стали частично переводить в электронный формат. Работники аппарата судов сканируют процессуальные документы, которые необходимы для введения уголовных дел в судах, а именно постановления, приговоры, протоколы и т. д. После сканирования формируется уголовное дело в электронном формате. Без непосредственного посещения здания суда все участники процесса могут узнать основную информацию о деле и получить необходимые данные. На официальном сайте Московского городского суда можно завести личный кабинет, откуда открываются вышеперечисленные функции. Кроме того, на сайте представлены все аудиоматериалы и видеозаписи, которые приобщены к делу. Вместе с тем, существенным недостатком проекта является отсутствие возможности ознакомления с материалами дела, оформленными на досудебных стадиях, поскольку досудебные материалы дела не сканируются и не заносятся в базу, а значит получить к ним доступ можно только традиционным способом. Но осуществляемая работа по такой частичной «цифровизации» уголовных дел уже значительно облегчает использование процессуальных возможностей участниками судебных процессов [13. С. 86–87].

Следует отдельно отметить процесс цифровизации органов расследования. В 2002 г. отдел информатизации и компьютерного обеспечения был создан в рамках Следственного комитета при МВД России. В рамках системы были сформированы и внедрены «Основные направления развития комплексной информатизации органов предварительного следствия в системе МВД России». Система разработана для того, чтобы сформировать и внедрить специализированные территориально распределенные автоматизированные системы, в рамках которых подразумевается несколько уровней. В том же 2002 г. был сформирован тестовый вариант автоматизированного рабочего места следователя (АРМС). Первоначально программу использовали только на 22 % следователей, а к 2005 году было принято решение о закрытии проекта из-за наличия сложностей работы, которые не удалось решить.

На сегодняшний день отдельные элементы цифровизации уже используются в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Так, автоматизированное рабочее место (АРМ) «Следователь, дознаватель» позволяет в электронном формате вести расследование по уголовному делу, от-

крывает возможность принятия заявлений о преступлениях в электронном виде, использования сервиса электронного документооборота.

Что касается АРМ «Руководителя следственного подразделения», то в восьми федеральных округах было принято решение о внедрении программных комплексов, которое началось в 2005 г. Руководитель мог проводить внедрение организационных и процессуальных вопросов при помощи автоматизированного рабочего места. В рамках программы выполнялись основные функции начальника следственного подразделения с учетом целостной системы автоматизированного характера, которая сформирована из отдельно взятых АРМ. Основной функцией программного комплекса является процесс контроля руководителя следственного подразделения за функционированием, а именно, каким образом следователи раскрывают и расследуют преступления. Также руководитель получил возможность вовремя и объективно принимать решения процессуального характера, а труд стал не только более эффективным, но и рациональным, когда процессуальные и управленческие документации оформлялись.

В 2018 г. было проведено анкетирование руководителей следственных подразделений, проходивших курсы повышения квалификации на базе академии управления Министерства внутренних дел. В анкетировании приняли участие представители разных субъектов страны. Из них 72,5 % составили руководители районных подразделений, а остальные 27,5 % пришлось на представителей региональных подразделений. Целью анкетирования стало исследование и оценка наличия и применения на практике АРМ «следователя» и «Руководителя следственного подразделения». Результаты тестирования показали, что только 45,5 % тестируемых регионального уровня применяют АРМ как при исполнении своих должностных обязанностей, а 54,5 % опрошенных не применяли комплекс в работе, поскольку не выявили целесообразность его использования. Из руководителей районного звена следственных подразделений только 17,2 % применяют в своей работе информационные технологии, чтобы создавать уголовные дела. АРМ «Руководитель следственного подразделения» применялось только одним опрошенным, а четыре респондента заявили об использовании базы, которая была самостоятельно разработана на местном уровне. Достоинства указанных программных комплексов весьма значимы, но, как показывает практика, пользуются современными информационными технологиями далеко не все [4. С. 89–92].

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 утверждена «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года», предусматривающая внедрение системы мониторинга и учета всех возможных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, а также цепочки всех последующих решений до момента вынесения приговора судов. Предполагается, что все решения прокурора будут представлены в электронной форме [9].

Необходимо отметить, что наметившаяся тенденция цифровизации деятельности органов государственной власти при осуществлении полномочий органов предварительного расследования позволит повысить качество и эффективность информационно-аналитической работы должностного лица, ведущего расследо-

вание по уголовному делу, оптимизирует процессы сбора, обработки, хранения, поиска информации, имеющей ориентирующее и доказательственное значение. Кроме того, с помощью информационных технологий может быть автоматизирован процесс принятия решений.

Ряд специалистов высказывали мнение о том, что включение цифровых технологий и модернизация сферы общественных отношений по направлению к «цифровой плоскости» – это обязательное условие, которое требуется внедрить из-за регулярного роста объема данных и информации. Подобные объемы человек просто не может переработать и составить объективную оценку.

В частности, в 2009 г. П. П. Ищенко заявил, что целесообразно использовать в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нормативы, которые дают возможность полностью проводить производство по уголовному делу электронным способом. Кроме того, подобное утверждение получило положительную оценку у О. В. Качалова и Ю. А. Цветкова. Исследователи утверждали, что перевод от бумажных носителей к электронному формату – это необходимое условие уголовного процесса [5. С. 65–67].

Основной причиной перехода к электронному формату документооборота можно считать задержки, которые возникают при работе у должностных лиц. Проблемы в первую очередь складываются из-за затрат во времени и средствах, поскольку требуются внушительные вложения государственного бюджета. Расследование протекает долго и дорого. К примеру, следует рассмотреть уголовное дело о преступном сообществе, в которое входило 39 членов. В итоге пришлось собрать 84 тома обвинительного заключения, а на копии – 3400 томов. Для их перевозки использовали грузовики КамАЗ и «Газель». И тут следует внимательно рассмотреть ситуацию, и ответить всего на один вопрос: разумно ли использовать столько много материальных и технических средств? Естественно, что вводить электронный формат следует с учетом некоторых ограничений. В частности, ограничения должны действовать по отношению к стороне защиты, которая использует систему для ознакомления с материалами уголовного дела. К ним следует отнести запреты на редактирование, удаление либо внесение иных изменений в представленные обвиняемому и его защитнику для ознакомления процессуальные документы [10. С. 93–95].

Следует отдельно отметить, что применение инновационных технологий – это только первая ступень по направлению к цифровизации сферы уголовного права, т. е. внедрению такого проекта, как «Электронное уголовное дело» (далее – ЭУД). Содержание проекта ЭУД представляет собой не только регистрацию и учет всех без исключения материалов и документов, но и создание и формирование электронных дел от возбуждения и до принятия решения судом.

Что из себя представляет система управления ЭУД?

Если говорить в общем, то можно отметить, что электронная система, требующая модернизации бумажного формата документации в электронный вид, рассматривается в качестве инструмента управленческого и административного характера, который помогает проводить функционирование электронного варианта материалов уголовного дела. При грамотной работе системы все материалы

можно передавать сторонам, принимающим непосредственное участие на досудебной фазе формирования уголовного дела, в режиме онлайн, чтобы ознакомиться с ними и составить оценку. И самое главное, что вся документация может быть передана в электронном формате.

В настоящее время, на наш взгляд, главная проблема заключается в отсутствии легального определения понятия и содержания термина «электронное уголовное дело». Хотя в УПК РФ уже введено понятие электронного документа и определен порядок его использования, в том числе возможность заверения документа «усиленной квалифицированной электронной подписью» (ст. 474, 474.1 УПК РФ), однако этого недостаточно.

В связи с этим мы считаем необходимым выделить важные характеристики ЭУД, такие как: ЭУД суть электронный источник уголовно-процессуальной информации по делу, в котором собраны процессуальные и иные документы; электронное уголовное дело формируется с помощью специальных устройств и программного обеспечения, надлежащим субъектом (должностное лицо, уполномоченное уголовно-процессуальным законом), отражает ход и результаты процессуальной деятельности должностных лиц и лиц, вовлеченных в производство по делу, не только предварительного расследования, но и деятельности прокурора и суда [11. С. 151–153].

Термин «электронное уголовное дело» встречается во многих научных исследованиях, и в настоящее время развернута широкая дискуссия по этому поводу.

Как считает А. М. Долгов, под ЭУД понимаются отражающие ход расследования по уголовному делу, содержащиеся на материальном носителе документы [6. С. 3].

В свою очередь, М. Р. Кангезов как главную выделяет именно нематериальную сторону. ЭУД определяется в качестве онлайн-платформы, где можно в реальном времени формировать и хранить процессуальную документацию, в которой зафиксированы все действия в рамках предварительного расследования дела. Он также подчеркивает тот факт, что определять электронное уголовное дело следует именно с онлайн-формата. При этом полностью пропадает необходимость использовать любой вид материального носителя для хранения данных и информации, которая формируется в ходе проведения расследования [10. С. 83].

А. Ф. Абдулвалиев рассматривает ЭУД более широко. В частности, он делает акцент на том, что электронное уголовное дело – это носитель, который хранит информацию в электронном формате. Информация подразумевает все материалы, которые включили в уголовное дело. Носитель полностью заменяет бумажные источники, его можно использовать для хранения информации при помощи портативного компьютера [13. С. 86].

И. И. Шереметьев отмечает, что при составлении определения, в первую очередь, следует обратить внимание на возможность проводить исследование электронного уголовного дела, а не только собирать и хранить данные и информацию. В качестве аргумента приводится положение о том, что сбор доказательств осуществляется для проведения исследования и оценки всесторонним характером как часть судебного разбирательства.

Мы поддерживаем позицию И. И. Шереметьева, так как с практической стороны реализация электронного уголовного дела проводится для того, чтобы не только повысить эффективность работы и сократить затраты времени и средств, но и для того, чтобы реализовать назначение процедуры судопроизводства уголовного характера.

Изложенное позволяет утверждать, что в настоящее время в рамках доктрины до конца не сформировано понятие ЭУД в качестве системы определенного типа, где бы хранилась процессуальная документация и другие данные об уголовном деле. Исследователи дают похожие определения, но с наличием некоторых отличительных характеристик, например, электронный формат документов, содержащих ход расследования или электронный носитель информации и т. д.

Текущее законодательство не содержит легальной дефиниции электронного уголовного дела, но, анализируя изложенные научные подходы, мы предлагаем свое определение ЭУД, под которым понимается зафиксированная информация при помощи аппаратно-технических устройств и программных средств в электронном виде, выраженная в установленном формате, отражающая ход и результаты расследования и формируемая уполномоченными должностными лицами с целью осуществления расследования по уголовному делу, контролем за законностью расследования, а также для осуществления правосудия. Также мы считаем необходимым понятие ЭУД внести в ст. 5 УПК РФ.

Что касается структуры электронного уголовного дела, то, исследуя порядок его формирования, необходимо говорить о хронологическом способе. Он представляет собой систему, в которой вся документация хранится в строго установленном порядке. Порядок расположения может отличаться в зависимости от условий или требований, в частности, документы могут храниться в хронологическом порядке, по сочетанию или в вопросно-логической последовательности. Что касается распорядительной документации, то она хранится по типам или по времени с учетом дополнительных приложений. В зависимости от типа документации могут создаваться и прилагаться различные копии законов Российской Федерации, в частности, федеральные законы, акты Президента Российской Федерации, акты Правительства Российской Федерации. В зависимости от меры поступления формируются списки информации о лице, привлеченном к уголовной ответственности, и иных заинтересованных лицах.

Первая и основная сложность, которая может возникнуть при введении электронной системы в правовую сферу Российской Федерации, – это отсутствие или нехватка материально-технической базы правоохранительных и судебных органов. Чтобы успешно внедрить систему в России, требуется большое количество денежных вложений, полностью покрывающих все финансовые аспекты, необходимые для внедрения программы. Следует также отдельно отметить, что вместе с внедрением потребуется провести профессиональную подготовительную работу и обучение сотрудников правоохранительных органов, для максимально эффективной и быстрой эксплуатации системы электронных уголовных дел. Следует уделить особенное внимание процессу подготовки правовой и нормативной базы. Но самой главной проблемой является необходимость эффективной защиты всех данных, содержащихся в системе, от несанкционированного доступа.

К объективно существующим элементам ЭУД можно отнести аудиозаписи судебных заседаний, являющихся обязательными с сентября 2019 г. при рассмотрении дел, за исключением тех, что рассматриваются в закрытом заседании.

Так, в мае 2022 г. на заседании Совета судей Председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев выразил мнение о том, что ведение протоколов заседаний в письменной форме слишком нагружает секретарей заседаний, поэтому от них хотят отказаться – аудиопротоколов будет вполне достаточно [1].

По нашему же мнению, протокол в бумажном формате – это не только доказательство, но и гарантия процессуального права всех участников дела и главных процессуальных нормативов, поскольку существует институт принесения замечаний на письменный протокол в случае его искажения как средство, направленное на восстановление реального хода судебного заседания.

Таким образом, рано говорить об упрощении бумажных протоколов за ненадобностью. Мы согласны, что полный переход с бумажного протокола судебного заседания на аудиозапись в значительной степени поможет сократить расходы, однако еще далеко не все суды в РФ оснащены специальными техническими устройствами, которые позволили бы в полной мере реализовывать аудиопротоколирование.

К элементам ЭУД, значение которых возрастает, поскольку они позволяют наглядно и убедительно показать ход, содержание и результат следственных действий, относятся изъятые электронные носители и носители информации содержащие скопированную с других источников информацию (ч. 1 и 3 ст. 164.1 УПК РФ).

Следует отметить, что количество следственных действий, требующих применения необходимых технических средств возрастает, а значит теперь применение таких средств необходимо при неучастии понятых в осмотре места происшествия и других следственных действий, а также допросов и в том числе «вербальных следственных действий» проводимых с участием потерпевших и свидетелей не достигших возраста совершеннолетия (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Еще одной проблемой связанной с разработкой ЭУД, на наш взгляд, является, ведомственный подход, т. е. нет единства среди правоохранительных органов в этом вопросе.

Так, в Следственном комитете уже существуют инициативные разработки электронных систем, одной из которых является, например, Информационная система «Электронный паспорт уголовного дела». Данная система является прототипом ЭУД и помимо этого внедрена в рамках Главного следственного управления по Северо-Кавказскому округу, а по мнению главы СКР Александра Бастрыкина, хоть эта система и ориентирована, прежде всего, на выполнение повседневной следственной деятельности, по сути своей она представляет собой базу документов, что поможет в свою очередь контролировать работу следователя [2].

Все участники уголовного судопроизводства, которые обладают требуемым процессуальным статусом, такие как гражданский истец, потерпевший и обвиняемый и т. д., могут иметь возможность знакомиться с материалами уголовного дела в электронном формате. Просмотреть основные данные и информацию по-

лучится на главной странице, в частности, можно получить информацию о должностных лицах, которые отвечают за производство по делу, а так же информацию об органе, который в настоящее время ответственен за дело. Кроме того, на странице будет открыт доступ к такой информации как: сроки производства, ссылки на положения УК РФ и УПК РФ. Следует отдельно отметить, что в рамках ЭУД можно будет добавлять приложения, где была бы указана информация актуальная для участников уголовного процесса с учетом их процессуального статуса. В материалах ЭУД могут содержаться разделы с процессуальными документами и материалами, необходимые для ознакомления с ними. Ко всей документации, которая была предварительно отсканирована, будут прилагаться реквизиты участников следственного действия, что соответствует нормам уголовно-процессуального закона. Должностные лица, которые несут ответственность за производство по делу и контроль, в частности: следователь, дознаватель, прокурор, и другие должностные лица, смогут иметь доступ ко всем необходимым материалам уголовного дела.

Процесс оптимизации документооборота, который осуществляется в рамках уголовно-процессуальной деятельности, выйдет за счет перехода от бумажного к электронному формату. Например, все требования, поручения, запросы прокуратуры могут быть доставлены мгновенно и точно при помощи электронной почты или мессенджеров. Доставлять документы можно одновременно всем участникам уголовного дела. С помощью возможностей цифровых технологий получится отправлять любые объемы материалов дела, а так же прилагать фотографии и видеоизображения. Время их отправки и получения точно фиксируется, что особенно важно в плане соблюдения процессуальных сроков и служебной дисциплины.

Кроме того, будет неправильно не отнести к плюсам ЭУД снижение расходов, связанных с хранением и транспортировкой материалов уголовного дела, почтовых расходов, а также расходов связанных с обеспечением деятельности архивов в пользу внедрения электронного уголовного дела.

Также мы должны понимать, что инновационные проекты, которые помогают использовать данные, могут, с одной стороны, повышать уровень общедоступности информации, что открывает все материалы для противоправных действий с помощью компьютерных технологий. Но, с другой стороны, можно вместе с внедрением проекта вводить эффективные методы борьбы с противоправным использованием информации. Работа с документацией в электронном формате в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства должна проходить с соблюдением всех установленных мер безопасности.

Не следует забывать, что данные и информация в электронном виде могут служить объектом посягательств преступников и обозначаться в качестве материалов уголовного дела как часть информации, которая значима для криминалистической сферы.

Поэтому бесспорно, что электронный документ должен отвечать «классическим» требованиям доказательства через призму его относимости, допустимости и достоверности [3. С. 118–121].

При внедрении новой технологии следует предусмотреть способность заверять всю документацию при помощи электронной подписи. В качестве альтернативы можно использовать цифровые «водяные знаки». Но, если рассматривать примеры на практике, то, как правило, у документации отсутствуют какие-либо средства защиты. Делаем вывод, что проблема с заверением документации становится особо острой в настоящее время, в том числе сложности с защитой данных в электронном формате в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства.

С учетом выше предоставленной информации, можно говорить о том, что электронный формат дает реальную возможность не только собирать доказательную базу в рамках предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, но и составлять оценку доказательств, так как актуальность сбора информации обуславливается возможностью использовать их в ходе расследования и разбирательства в суде. Повысить уровень, эффективность и объективность разрешения дела и достижения поставленной цели уголовного судопроизводства можно при помощи доступности и наглядности всех материалов дела.

Если материалы будут формироваться в электронном формате, то положения ст. 158.1 УПК РФ о восстановлении уголовных дел будет проще реализовываться на практике.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в условиях пандемии коронавируса, вопрос о дистанционном рассмотрении дела встал особо остро. Дистанционный формат помогает снизить контакты между участниками уголовного дела. Все сложности получится решить, если грамотно использовать возможности цифровых технологий, в частности, формирование уголовного дела в электронном формате. На первом этапе введения электронного формата может возникнуть двойственная ситуация, а именно, цифровые технологии будут работать наряду с бумажными вариантами. Но со временем необходимость использовать бумажные форматы отпадет. В настоящее время развитие существующих вариантов и формирование новых способов становится актуальным вопросом. Кроме того, следует уделить особенное внимание определению правовой природы и формированию законодательной базы электронного уголовного дела.

Таким образом, изложенное выше, допускает сделать вывод о том, что внедрение ЭУД в деятельность органов предварительного расследования и уголовного судопроизводства позволит повысить эффективность и качество расследования уголовного дела и его рассмотрения в суде, при этом значительно сократить процессуальные сроки.

Список литературы

1. Без бумажных протоколов и оглашения полных приговоров: что предложили на Совете судей // Право.Ру. URL: <https://pravo.ru/story/240884/> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Бычков В. В., Вепрев С. Б. Электронный документооборот в следственной деятельности: проблемы и пути их решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 53.

3. Григорьев А. В., Григоренко М. А., Печерица Е. В. Современные направления развития информационных технологий в судопроизводстве // Наука, инновации и образование. 2020. № 1 (29). С. 118–121.
4. Дакуева В. М. Вопросы практического применения программных комплексов АРМ «Следователя» и АРМ «Руководителя Следственного подразделения» // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 2 (73). С. 89–92.
5. Далгалы Т. А. К вопросу о системе электронных уголовных дел: опыт зарубежных стран // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 2. С. 153–154.
6. Долгов А. М. Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 9 (62). С. 3.
7. Киреева В. А. Судей в Китае обязали использовать искусственный интеллект // legal.report. 2022. URL: <https://legal.report/sudej-v-kitae-obyazali-ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt/> (дата обращения: 07.09.2022).
8. Козел В. М., Соркин В. С. Теоретико-прикладные аспекты использования электронной информации в контексте возможной цифровизации материалов уголовного дела // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. 2022. № 1. С. 65–67.
9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // СПС «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Рамалданов Х. Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93–95.
11. Сидоркин Д. А. Понятие и характерные черты производства по уголовному делу в электронном виде // Modern Science. 2022. № 4. С. 151–153.
12. Степанов С. А. Электронное уголовное дело: дань моде или современные тенденции развития уголовного судопроизводства // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярский государственный аграрный университет. 2021. № 33. С. 114–115.
13. Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10 (167). С. 86–87.
14. Modern E-Case Management System Will Have Radical Impact on Criminal Investigation in Ukraine // EUAM Ukraine. URL: <http://www.euam-ukraine.eu/news/opinion/modern-e-case-management-system-will-have-radical-impact-on-criminal-investigation-in-ukraine/> (дата обращения: 07.09.2022).

Е. Г. Умрихина,

магистрант,

Московский государственный институт
международных отношений (университет)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: РИСКИ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Цель данного исследования – охарактеризовать понятие и сущность искусственного интеллекта, используемого на сегодняшний день в сфере юриспруденции, а также идентифицировать наиболее вероятные риски и угрозы, которые может повлечь за собой внедрение таких систем в правовое поле. В рамках данной статьи проводится сравнительно-правовой анализ доктринальных определений дефиниции «искусственный интеллект», сформулированных российскими и зарубежными учеными и правоведами, дается характеристика основных форм искусственного интеллекта, применяемых в юридической сфере (роботы, смарт-контракты, интернет-суды). Автор выдвигает свою позицию относительно потенциальных рисков и угроз применения данных технологий, а также возможных путей решения проблемы отсутствия унифицированного применения искусственного интеллекта в юридической деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юриспруденция, риски современности, угрозы современности, информатизация, высокие технологии, правовая регламентация, автоматизированные системы, смарт-контракты, интернет-суды

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE: MODERN RISKS AND THREATS

Abstract. The purpose of this study is to characterize the concept and essence of artificial intelligence currently used in the field of jurisprudence, as well as to identify the most likely risks and threats that the introduction of such systems into the legal field may entail. Within the framework of this article, a comparative legal analysis of the doctrinal definitions of the definition of “artificial intelligence” formulated by Russian and foreign scientists and jurists is carried out, and a description of the main forms of artificial intelligence used in the legal field (robots, smart contracts, Internet courts) is given. The author puts forward his view towards the potential risks and threats of using these technologies, as well as possible ways of tackling the issue of the lack of a unified application of artificial intelligence in legal activities.

Keywords: Artificial intelligence, Jurisprudence, Modern risks, Modern threats, Informatization, High technologies, Legal regulation, Automated systems, Smart-contracts, Internet courts

Актуальность данной темы обуславливается интенсивным развитием сферы высоких технологий, которые стали одним из характеризующих современную эпоху факторов. Применение технических и технологических инноваций в различных сферах общественной жизни существенно изменило среду функциони-

рования конкретных систем, что вылилось в повсеместный коренной пересмотр профессиональных компетенций, а также условий осуществления трудовой деятельности работниками и служащими различных категорий. Область общественных отношений, затрагивающая правовые вопросы во всем их многообразии, не должна оставаться в стороне от вышеобозначенных тенденций. Применение новейших информационных технологий во всех отраслях права содействует совершенствованию процессуальных процедур, способствует существенной экономии трудовых затрат со стороны всех участников процесса, облегчению поиска и систематизации информации, обеспечивает более оперативное принятие решений со стороны должностных лиц и т. д.

В настоящий момент изыскания в области информатизации вплотную подошли к решению принципиально новой научно-исследовательской задачи: созданию искусственного интеллекта высокого уровня. Практические решения в этой области позволяют говорить о существенном успехе в ее освоении и также о возможности применения новых технологий при решении целого ряда задач. Можно привести в пример те системы, которые уже сейчас функционируют в рамках уголовного судопроизводства в различных государствах. Например, алгоритм Arnold Foundation, который внедрен в 21 штате США, использует 1,5 млн уголовных дел для прогнозирования поведения обвиняемых на досудебном этапе и считается эффективным инструментом прогнозирования преступности [14. С. 567–583]. Что касается Российской Федерации, нельзя не отметить систему по эффективному поиску «Папилон», вмещающую в себя огромный массив дактилоскопических и биометрических данных, полученных на местах происшествий. Данная система служит крайне эффективным инструментом расследования преступлений [1. С. 1].

Вместе с тем остро встает вопрос правовой регламентации и правового регулирования отношений в сфере использования данных систем. Дело в том, что все технологии искусственного интеллекта развиваются настолько стремительно, что на данный момент практически невозможно разработать универсальную правовую базу, которая бы смогла должным образом регламентировать все уже существующие механизмы и при этом предугадать то, что может быть разработано в самом ближайшем будущем. Таким образом возникают всевозможные моральные и этические вопросы, а также вопросы ответственности, правосубъектности и, что наиболее важно, безопасности в данной специфической области.

Теоретическая проблема обоснования термина «искусственный интеллект» относится к числу наиболее актуальных междисциплинарных вопросов, так как технический прогресс вплотную подошел к реализации идеи наделения программы чертами человеческого интеллекта. В наиболее общем виде искусственный интеллект представляет собой ряд операций, эквивалентных человеческим когнитивным функциям, которые осуществляет машина (робот, автомат). В настоящий момент не существует полного машинного эквивалента человеческого разума и искусственно воссозданы лишь отдельные операции. Например, созданы компьютерные программы, которые могут успешно имитировать действия человеческого мозга при игре в шахматы. Это достигается путем перебирания компьютером всех возможных вариантов развития событий. И хотя многие наблюдатели замечали,

что у искусственного интеллекта никогда не проявятся такие человеческие качества, как интуиция или озарение, тем не менее в настоящий момент компьютерные программы играют в шахматы лучше (если быть точнее, безошибочнее), чем сильнейшие гроссмейстеры мира.

Успехи искусственного интеллекта в воссоздании других функций не менее значимы, однако в других областях программисты и ученые не совершили решающего шага, хотя сам характер задач сходен с созданием искусственного гроссмейстера. К примеру, системы машинного перевода на иностранные языки, особенно если речь идет об устной речи, пока еще далеки от совершенства.

Тем не менее успехи в конструировании и внедрении технологий искусственного интеллекта очевидны, что порождает теоретическую и практическую проблемы правильной интерпретации происходящих процессов и их влияния на различные стороны общественной жизни, в том числе, и в правовой плоскости.

Словарное определение искусственного интеллекта звучит следующим образом: «...искусственный интеллект определяют как цифровое воспроизведение процессов сознательной активности человека и социума в целом в части творческой обработки и рассуждений на основе нетривиально формализуемой информации в условиях временных и ресурсных ограничений неопределенности и неполноты исходных данных, создающее кибернетические объекты, способные самостоятельно ставить цели и их достигать с качеством, не ниже среднего специалиста, способное в перспективе заменить существующие виды деятельности и профессии» [3. С. 8].

Если обратиться к мнению наиболее авторитетных правоведов и цивилистов в отечественной и зарубежной правовой науке, то можно отметить, что тема искусственного интеллекта не была ими обойдена в ходе своих исследований. Так, Е. А. Ерахтина и В. А. Тирранен придерживаются следующей позиции: в широком смысле «искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей» [5. С. 36–37]. Н. В. Муравьева сформулировала такое определение искусственного интеллекта: «...это свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [6. С. 58]. В. А. Шестак и А. Г. Волеводз обращают внимание на то обстоятельство, что алгоритмы действия искусственного интеллекта не вводятся в машину извне человеком, а существуют внутри системы [9. С. 88]. А. В. Сибильникова пишет, что современные компьютеры обладают способностью учиться на опыте и понимать мир в терминах иерархии концепций, что открывает возможности обеспечения сложной профессиональной деятельности, в том числе расследования преступлений [7. С. 68–70]. Н. Л. Емелькина акцентирует внимание на том, что искусственный интеллект лишен недостатков, присущим человеческому интеллекту [4. С. 49–50]. В искусственном интеллекте логические связи «очищены» от проявлений человеческой чувственности, эмоциональности, от физиологических особенностей человеческого мозга. Например, искусствен-

ный интеллект не может забыть или сознательно игнорировать по собственному желанию какой-либо факт. В этой же плоскости рассуждают С. Б. Вепрев и С. А. Нестерович, обращая внимание на «ограниченные возможности человеческого мозга, которые принуждают его осуществлять вербальное перекодирование исходной информации в сгустки насыщенной информации, при использовании уникальных возможностей человеческой речи. Человеческие рассуждения по своей природе, в большинстве случаев, являются приближенными» [2. С. 986–991]. О. А. Ястребов резюмирует все позиции в определении искусственного интеллекта, определяя последний, как «результат деятельности человека, который представляет собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, обладающую способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий» [10. С. 41]. На мой взгляд, термин искусственный интеллект отражает существование постоянно прогрессирующих компьютерных программ, в алгоритм действия которых заложена система принятия решений на основе анализа большого массива данных в соответствии с законами формальной логики и запрограммированными действиями.

Среди зарубежных исследователей проблемы искусственного интеллекта в контексте юридической науки также существует ряд мнений, которые необходимо тщательно проанализировать. Профессор Эндрю Мюррей утверждает, что предыдущие формы технологий представляют собой вещи, которые можно объяснить и исследовать. Он заявляет, что мы знаем о пределах таких технологий, как радиовещание или телевидение. Они открыты для нас, и мы можем вести за ними наблюдение и контролировать их. Это дает возможность принять осознанное решение о том, какую автономию мы можем предоставить этой технологии. Иными словами, эти технологии намного более контролируемы и все процессы, происходящие в них обусловлены действием человека. Искусственный интеллект в этом плане устроен гораздо сложнее. Ведь мы точно не знаем, как именно машина принимает решения, какой набор данных она использует, как объединяет эти наборы данных [12. С. 1].

Анализ зарубежной литературы показывает, что среди зарубежных исследователей, наряду с осознанием неизбежности внедрения технологий искусственного интеллекта в правовую среду, нарастают опасения, связанные с негативными последствиями такого внедрения. Например, Э. Завршник прямо предупреждает, что «влияние систем искусственного интеллекта выходит далеко за рамки прав человека. Их влияние может оказывать искажающее воздействие на фундаментальные основы и на структуру либеральных демократий, а именно в отношении принципа разделения властей и ограничения политической власти верховенством закона» [14. С. 567–583].

Что касается правовой трактовки термина, то до недавнего времени ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве ведущих мировых держав понятие искусственного интеллекта не было зафиксировано в рамках правового поля. Лишь в последние годы ситуация стала изменяться под воздействием объективных факторов, когда игнорирование проблем внедрения новых техноло-

гий в повседневную жизнь стало грозить серьезными правовыми последствиями. Поэтому 24 апреля 2020 г. в России был принят Закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”», где дается определение искусственного интеллекта. Согласно пп. 2 п. 1 ст. 2 Закона под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Такой комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [8. С. 1].

По итогам рассмотрения вопросов, связанных с понятием и сущностью искусственного интеллекта в сфере юриспруденции, можно сделать следующие выводы. Изучение теоретических аспектов развития систем искусственного интеллекта позволило прийти к выводу о том, что среди ведущих российских и зарубежных правоведов и юристов не существует единого мнения о сущности термина. Большинство ученых придерживается мнения о том, что технологии искусственного интеллекта воспроизводят механизмы принятия логических решений человека, но лишены недостатков человеческого мироощущения – пристрастности, эмоций и т. д. Все рассмотренные точки зрения базируются на факте интенсивного развития информационных технологий и допускают появление в ближайшем будущем систем искусственного интеллекта, адаптированных под решения задач правосудия. С моей точки зрения, термин искусственный интеллект отражает существование постоянно прогрессирующих компьютерных программ в алгоритм действия которых заложена система принятия решений на основе анализа большого массива данных в соответствии с законами формальной логики и запрограммированными действиями.

На сегодняшний день в юриспруденции могут использоваться, среди прочего, следующие формы искусственного интеллекта:

1. Роботы: различные виды робототехники, которые оснащены искусственной нейронной сетью и могут имитировать мыслительные процессы человека. Могут быть найдены широкие возможности для применения робототехники не только в юриспруденции, но также и в любых областях, где необходим анализ данных и выработка решения, где требуется поиск аргументации или же обоснования. К примеру, это может быть экономическая сфера и все те, где невозможно обойтись без аналитической деятельности. Появление робототехники с элементами искусственного интеллекта – это прямое следствие закономерного развития научно-технического прогресса, которое на сегодняшний день уже несколько десятилетий искусственно сдерживается государственными органами, так как активное внедрение различных новшеств, включая роботов с искусственным интеллектом, приведет к глобальной перестройке экономической системы, в том числе и к массовой безработице. Мировая экономика на сегодняшний день не готова к таким радикальным изменениям.

2. Специальные платформы, которые позволяют автоматически создавать некоторые правовые документы: например, исковые заявления, доверенности, простейшие договоры – то есть, лицом вводятся некие исходные данные и система уже сама генерирует нужную форму документа.

3. Формы с необходимостью поиска, анализа и систематизации информации, а также выдачей готового решения. В этом качестве могут выступать платформы Гарант, Консультант Плюс и иные справочные правовые системы, потому что в своих новейших версиях они оснащены специальными конструкторами, а также могут анализировать информацию и предоставлять готовый результат.

4. Осуществление нотариальной деятельности машинным способом, т. е. проверка всех юридических фактов, документов и совершение на этой основе удостоверительных действий.

5. Платформы, которые производят сверку и систематизацию законодательства с целью устранения недействующих норм, дублирования, противоречивости и пробелов. На данный момент это одни из самых востребованных платформ в России.

6. Технологии использования смарт-контрактов, т. е. автоматическое составление контрактов машиной и контроль за его исполнением, за исполнением обязательств при вводе необходимых исходных данных. Разновидностью смарт-контрактов можно назвать и систему «умный дом». Однако вышеупомянутая система является крайне неоднозначной. Для большей наглядности, рассмотрим те пробы контрактов, которые самостоятельно следят за своим исполнением и при наличии малейших нарушений (просрочке платежа, ненадлежащем исполнении обязательств) автоматически накладывают определенные санкции. Так, очевидным недостатком данной системы будет являться то, что с роботом нельзя договориться, кроме тех случаев, когда такие способы урегулирования изначально заложены непосредственно в смарт-контракте. Однако тогда он теряет смысл, так как смарт-контракт как раз и хорош тем, что автоматически следит за исполнимостью сделки, тем самым повышая гарантии прав и свобод каждой из сторон.

7. Принятие решений, имеющих юридическое значение, машинным способом: эта форма может применяться как при составлении искового заявления, работе справочных правовых систем, так и при правосудии – это автоматическая выработка судебного решения, анализ судебной практики, выдача прогноза судебного решения, такие программы в некоторых государствах, таких как США, уже есть. Сюда также входит и анализ деятельности судей. Система анализирует принятые судьей как должностным лицом, осуществляющим правосудие, решения по тем или иным спорам, выявляет закономерности, типичные моменты и тем самым может оценивать степень беспристрастности, объективности, лояльности или ее отсутствия у конкретного судьи. Тем самым стороны заранее могут просчитать исход судебного решения и даже желательность рассмотрения дела конкретным судьей или судебным составом.

8. Интернет-суды: они на сегодняшний день уже введены в Китае по несложным категориям дел. Стороны, использующие соответствующие сервисы, загружают все исходные данные, система составляет иски, запрашивает дополнительную информацию, обеспечивает взаимный обмен информацией между каждой из сторон и выносит определенное решение. Существует возможность обжалования решения в традиционный (обычный) суд. Эта система явля-

ется достаточно перспективной формой осуществления правосудия, поскольку позволяет существенно разгрузить действующие суды общей юрисдикции и суды низовых инстанций. С другой стороны, такая система может напротив, перегрузить суды апелляционных инстанций, при условии значительной неудовлетворенности вынесенными решениями.

Таким образом, можно отметить следующие преимущества использования искусственного интеллекта в сфере юриспруденции: быстрота и точность в принятии решений, сокращение расходов, общее снижение трудоемкости процесса и его оптимизация. Среди отрицательных аспектов внедрения таких систем можно отметить увеличение безработицы, возможность несанкционированного вмешательства в работу системы и потенциальные негативные последствия судебных ошибок и сбоев в работе целых организаций (судов), потеря человеком контроля над процессом осуществления профессиональной и другой общественно полезной деятельности и утрата соответствующих навыков для осуществления подобной деятельности человеком (рис. 1).

При этом одним из наиболее очевидных последствий внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию, на мой взгляд, будет являться снижение уровня стоимости юридических услуг, что категорически невыгодно для юридических фирм. Юридическая позиция и решение, сформулированные топовой юридической фирмой, будут стоить некую сумму. Аналогичная работа, выполненная не топовой фирмой, будет стоить уже в разы дешевле. Внедрение же вышеупомянутых систем неизбежно повлечет за собой уменьшение стоимости юридических услуг и определенное снижение престижности юридической профессии.

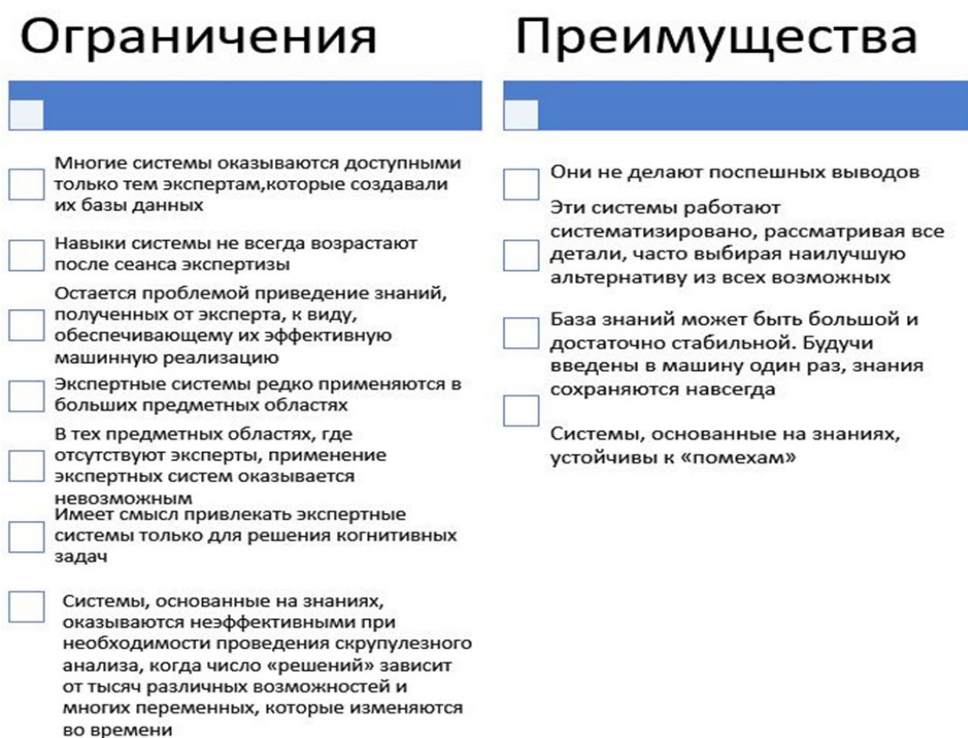

Рис. 1. Преимущества и ограничения использования технологий искусственного интеллекта в юриспруденции

Помимо этого, существуют определенные риски при вынесении решений, определяющих правовую судьбу лиц, лишь на основании автоматизированной обработки данных, т. е. машиной. Таким образом, никакие этические, моральные и социальные нормы действовать уже не будут. По этой причине подобное решение может быть правильным лишь чисто с формальной точки зрения и не учитывать иные сопутствующие социальные факторы.

Подводя итог проведенному анализу, можно констатировать следующее. В настоящий момент человечество находится на пороге новой эры, которую по праву можно охарактеризовать эрой искусственного интеллекта. Происходит повсеместное внедрение данных систем практически во все сферы общественной жизни, а потому и юриспруденция не осталась в стороне от данного феномена инженерной мысли. Различные формы искусственного интеллекта, такие как роботы, технологии смарт-контрактов и даже интернет-суды планомерно встраиваются в правовые механизмы государств. При всем при этом, нельзя не отметить, что все вышеуказанные инновации неизбежно влекут за собой соответствующие риски их применения. Главным образом, речь идет о том, что при всех своих достоинствах, автоматизированные системы не могут учитывать всю совокупность социальных реалий, а также морально-нравственные и этические нормы при вынесении юридически значимых решений. Значит, подобные решения хотя и соответствуют букве закона, но не будут являть собой квинтэссенцию всей совокупности дискреционного усмотрения судьи, к которому можно отнести также и своего рода «моральный компас» лица.

С моей точки зрения, говоря о данной проблематике, нельзя не процитировать известного в мировой инновационной среде бизнесмена И. Маска, призывающего государство к размышлениям о надлежащем урегулировании аспектов, касающихся искусственного интеллекта, как можно скорее, до того, как это уже не будет иметь смысла. Маск настойчив в своем видении того, что искусственный интеллект – не что иное, как угроза существования человечества как такового и вызывает к тому, что посредством его применения мы «вызываем того демона, которого не сможем контролировать» [11. С. 1]. С моей же точки зрения, преждевременно говорить о каком-либо «восстании машин» в ближайшем будущем. В подтверждение данного аргумента, следует сослаться на Дэвида Кроуфорда, директора по разработке программного обеспечения в американской компании Alation, основным видом деятельности которой является каталогизация данных. Он уверен, что в современной реальности все еще имеются сферы, внутри которых алгоритмам не обойтись без человека, притом искусственный интеллект и его механизмы способны к функционированию исключительно в рамках процессов, могущих быть четко описанными человеком [13. С. 1].

Можно также отметить, что сейчас на международно-правовом уровне остро стоит проблема определения и вменения ответственности за деяния, совершенные технологиями искусственного интеллекта или при их использовании. Так высказываются различные точки зрения: одни предлагают постепенно вводить в доктрину понятие «электронного лица», другие придерживаются

точки зрения о том, что данные технологии остаются все же объектом права, а ответственность в каждом конкретном случае присваивается разработчику системы/оператору/лицу, ее применившему. На мой взгляд, все эти концепции, бесспорно, имеют право на существование, однако на данный момент, по моему мнению, наиболее безотлагательной выступает необходимость в скорейшей разработке адекватной и унифицированной законодательной базы, которая бы позволила как государствам в отдельности, так и всему мировому сообществу в целом, осуществлять эффективное международное, двустороннее и региональное сотрудничество в сфере применения искусственного интеллекта на благо всего общества.

Список литературы

1. АДИС (AFIS) Папилон – система мультибиометрической идентификации. URL: <https://www.papillon.ru/products/programs/adis/> (дата обращения: 17.09.2022).
2. Вепрев С. Б., Нестерович С. А. Экспертные системы в юридической деятельности // Аллея науки. 2017. № 13. С. 986–991.
3. Гусарова Н. Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта. Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2018.
4. Емелькина Н. Л. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 49–50.
5. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 36–37.
6. Муравьева Н. В. Экономические аспекты и практические основы развития искусственного интеллекта в России на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7 (2). С. 58.
7. Сибилькова А. В. Искусственный интеллект на службе у следователя // Российский следователь. 2019. № 3. С. 68–70.
8. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 15.09.2022).
9. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2.
10. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 41.

11. Musk E. We need to Regulate AI before 'it's too Late'. 2017. July. URL: <http://thehill.com/policy/technology/342345-elon-musk-we-need-to-regulate-ai-before-its-too-late> (дата обращения: 17.09.2022).

12. The Time has Come for International Regulation on Artificial Intelligence – An Interview with Andrew Murray. URL: <http://opiniojuris.org/2020/11/25/the-time-has-come-for-international-regulation-on-artificial-intelligence-an-interview-with-andrew-murray/> (дата обращения: 21.03.2021).

13. VentureBeat: искусственный интеллект не заменит экспертов по анализу данных. 2017. URL: <https://incrussia.ru/news/venturebeat-iskusstvennyu-intellekt-ne-zamenit-ekspertov-po-analizu-dannykh/> (дата обращения: 17.09.2022).

14. Završnik A. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights // ERA Forum. 2020. № 20. Pp. 567–583.

Д. К. Усцов,

младший научный сотрудник, кафедра гражданского права и процесса,
Вятский государственный университет

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В работе рассмотрены процессуальные особенности назначения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве через призму цифровизации. Определяются направления использования цифровых технологий при назначении судебных экспертиз, и делаются выводы о необходимости совершенствования действующего законодательства с целью цифровизации процедуры назначения судебных экспертиз и эффективизации информационного обмена в системе «суд – стороны – экспертные организации – эксперты».

Ключевые слова: судебная экспертиза, цифровизация, цифровые технологии, эксперт, экспертная организация, электронный документооборот

APPOINTMENT OF A JUDICIAL EXAMINATION IN CIVIL LEGAL PROCEEDINGS: POSSIBILITIES OF DIGITALIZATION

Abstract. In the work, the procedural features of the appointment of a forensic examination in civil proceedings are considered through the prism of digitalization. The directions of using digital technologies when appointing forensic examinations are determined and conclusions are de-drawn about the need to improve the current legislation with the aim of digitalizing the procedure for appointing forensic examinations and the effectiveness of information exchange in the system «court – parties – expert organizations – experts».

Keywords: Forensic examination, Digitalization, Digital technologies, Expert, Expert organization, Electronic document flow

Цифровизация является своего рода маркером современности правосудия и одной из наиболее значимых тенденций развития гражданского судопроизводства. Однако цифровые технологии в различной степени проникают в гражданские процессуальные правоотношения, недостаточно охватывают правовую материю гражданского судопроизводства и, как следствие, есть некоторые институты гражданского процесса, которые недостаточно «цифровизировались», но тем не менее обладают большим для этого потенциалом. К одному из таких процессуальных институтов относится назначение судебных экспертиз.

В представленной работе на основании анализа действующего законодательства, материалов современной доктрины и правоприменительной практики выявляются возможности и направления цифровизации при назначении судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве. С учетом современных тенденций цифровизации правосудия выстраивается эффективная, на наш взгляд, система информационного (электронного) взаимодействия суда и сторон с экспертными организациями и конкретными экспертами.

Актуальность заявленной проблематики обусловливается двумя важными обстоятельствами. Во-первых, цифровизация правосудия как одна из значимых общеправовых тенденций пока еще пребывает в зачаточном состоянии, равно как и система правовых норм, ее регулирующих. Во-вторых, на сегодняшний день практически отсутствуют комплексные исследования, предметом которых является рассмотрение процессуальных особенностей назначения судебных экспертиз через призму цифровизации и информатизации.

Так, проблемами цифровизации гражданского судопроизводства уже на протяжении нескольких десятилетий занимаются ведущие российские процессуалисты, среди которых В. Ф. Борисова, К. Л. Брановицкий, Е. В. Бурдина, И. В. Воронцова, С. Е. Зуев, А. В. Кашанин, А. Б. Козырева, В. И. Решетняк, Е. П. Русакова, Е. С. Смагина, В. В. Ярков и др. Однако наиболее значимые аспекты цифровизации применительно к стадии назначения судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве были косвенно затронуты лишь в работах В. И. Решетняка и Е. С. Смагиной [1], Е. Р. Россинской [2. С. 3–8].

Одним из основных проблемных вопросов, связанных с назначением судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве, является игнорирование судом процедуры согласования экспертной организации и/или кандидатуры конкретного эксперта, которая, к сожалению, не предусмотрена ст. 79 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [3]. Однако игнорирование этой процедуры, в частности, делает «мертворожденными» нормы ст. 16, 18 ГПК РФ об отводе эксперта. Суды избегают подобной процедуры в силу ряда причин, одной из которых является стремление к процессуальной экономии.

Вот в этой ситуации судам на помощь и приходит цифровизация. Так, в силу ч. 7 ст. 113 ГПК РФ электронный документооборот (например, отправка судебных извещений) осуществляется в том числе и посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (портал «Госуслуги»). Согласно пп. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4], юридическое лицо может регистрироваться на портале «Госуслуги» и получать юридически значимые сообщения, в том числе и от суда.

Что нам это дает? Это дает возможность организовать обмен юридически значимыми сообщениями в процессе рассмотрения и разрешения дела как между судом и сторонами, так и между судом, сторонами и экспертными организациями и/или конкретными экспертами, которым поручено проведение судебной экспертизы! Следовательно, процедуру согласования экспертной организации и кандидатуры конкретного эксперта можно реализовать с минимальными затратами времени (налицо успешная реализация принципа процессуальной экономики вкупе с обеспечением «юридической чистоты» процесса назначения экспертизы), переместив ее в цифровое пространство – т. е. путем отправки судом запросов в экспертные организации и получение им от последних гарантийных писем, подтверждающих возможность проведения испрашиваемой экспертизы, ее стоимость, кандидатуру эксперта, который будет ее проводить.

Для наиболее эффективной реализации указанного предложения необходимы, во-первых, наличие единого информационного реестра экспертных организаций и конкретных экспертов, доступного для судебных органов, во-вторых, регистрация основных экспертных организаций того или иного региона на портале «Госуслуги» и, в-третьих, выработка процессуального механизма представления в суд экспертными организациями гарантийных писем. Мы допускаем возможность отправки таких гарантийных писем посредством того же портала «Госуслуги» или путем загрузки документа через ГАС «Правосудие».

Еще одна проблема связана с тем, что при вынесении определения о назначении судебной экспертизы суд связан обязанностью указания в нем на то, что материалы дела будут переданы в экспертную организацию для последующего проведения экспертизы. В данной ситуации актуальность приобретает проблема доступа посторонних лиц (в частности, работников экспертной организации) к персональным данным сторон процесса и иных лиц, участвующих в деле. Также отметим, что перед проведением экспертизы эксперт дает подписку лишь о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложного заключения. Однако ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» требует согласия лица на их передачу иным лицам, включая должностных лиц экспертной организации.

Более того, при передаче материалов дела в экспертную организацию актуализируется и проблема использования экспертом всех документов, имеющих в деле, в том числе и тех доказательств, судьба которых не разрешена судом (например, не разрешен судом вопрос об их допустимости и относимости, или от одной из сторон поступило заявление о подложности доказательства). Очевидно, что в случае признания доказательства, на которое ссылался эксперт при подготовке заключения, неотносимым, недопустимым или подложным, сразу актуализируется вопрос о признании и самого заключения эксперта неотносимым и недопустимым доказательством.

И здесь в очередной раз нам на помощь приходит именно цифровизация. Так, проблема использования персональных данных сторонними лицами (например, экспертами), равно как и проблема передачи материалов дела в экспертную организацию во исполнение определения о назначении судебной экспертизы, эффективно могут быть разрешены путем предоставления в экспертную организацию

материалов дела в цифровой форме. В этой ситуации, во-первых, материалы дела уже «на выходе» из суда содержат обезличенную информацию о сторонах и иных лицах, участвующих в деле, – использование персональных данных исключается, равно как отпадает и необходимость получения согласия на их обработку, и, во-вторых, суд предоставляет эксперту только те материалы и доказательства, по которым вопрос об их принятии в качестве относимых и допустимых уже был ранее разрешен судом и не вызвал возражений у сторон.

Итак, как показывает практика основные тенденции цифровизации гражданского судопроизводства, к сожалению, фактически обходят стороной стадию назначения судебных экспертиз. Однако у цифровизации, как полагает автор, имеется большой потенциал применительно к реализации процедуры согласования экспертной организации и/или кандидатуры эксперта, а также к обеспечению информационного обмена с использованием современных цифровых технологий (в частности, возможностей портала «Госуслуги» и ГАС «Правосудие») в системе «суд – стороны – экспертная организация – эксперт».

Список литературы

1. Решетняк В. И., Смагина Е. С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): монография. Москва: Городец, 2017. 304 с.
2. Россинская Е. Р. Особенности оценки и использования в доказывании результатов судебных экспертиз в условиях цифровизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 3–8.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

А. Фартушнова,
магистрант,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Н. А. Рагозина,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и административного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Неимоверными темпами крайние годы развиваются информационные технологии в подавляющем большинстве стран мира. С каждым годом совершенствуются высокоскоростные способы передачи информации на планете и за ее пределами. Развитие искусственного интеллекта достигает и преодолевает пороги,

когда первоначальный искусственно созданный человеком «интеллект» отрывается от приложения «искусственный» в своем определении и в процессе своего развития и «обучения» достигает результатов, как минимум равных результатам интеллектуальной деятельности человека. Возможность осуществления правового регулирования цифровой среды и ее продуктов, а также взаимоотношений в условиях цифровизации, позволяет обеспечивать и безопасность граждан в цифровой среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Интернет, стратегии, цифровизация, робототехника, технологии, развитие

LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. Information technologies have been developing at an incredible pace in the vast majority of countries of the world in recent years. Every year, high-speed methods of transmitting information on the planet and beyond are being improved. The development of artificial intelligence reaches and overcomes the thresholds when the original artificially created by man “intelligence” breaks away from the “artificial” application in its definition and in the process of its development and “training” achieves results at least equal to the results of human intellectual activity. The possibility of implementing the legal regulation of the digital environment and its products, as well as relationships in the context of digitalization, makes it possible to ensure the safety of citizens in the digital environment.

Keywords: Artificial intelligence, Internet, Strategies, Digitalization, Robotics, Technology, Development

Введение. Повсеместная гражданская цифровизация влечет за собой как ряд преимуществ, так и множество опасностей. При недостаточном правовом регулировании, как следствие, оказывается и недостаточным обеспечение безопасности граждан в цифровой среде. В свою очередь, обеспечение такой безопасности является прямой обязанностью государства. Адекватное развитие правовой системы одновременно с развитием цифровых технологий гарантирует человечеству защиту прав и свобод людей на земле. Отставания в законодательстве от темпов развития информационных технологий способствуют росту киберпреступности, как в отдельных странах, так и в мире в целом, в виду доступности высокоскоростных систем связи по всей нашей планете.

Основная часть. С технической точки зрения искусственный интеллект развивается и «обучается» неимоверными темпами. Однако вопрос правового регулирования искусственного интеллекта остается открытым до сих пор, как в Российской Федерации, так и в мире в целом.

Еще в 1942 г. в своем рассказе «Хоровод» американский писатель Айзек Азимов описал три основных закона в развитии робототехники.

В качестве первого закона А. Айзек определил следующий постулат: «Робот не должен допускать возможности причинения человеку вреда».

Под вторым законом А. Айзек сформулировал следующее: «Робот обязан беспелляционно и точно исполнять все указания человека, которые не нарушают первого закона».

И наконец, третий закон робототехники по Айзеку звучит так: «Не нарушая первого и второго законов, заботиться о собственной безопасности робот обязан своими собственными силами».

За рубежом одним из первых, кто задался вопросом правовой природы и основ правового регулирования искусственного интеллекта, в 2017 г. выступил Европейский парламент [8].

В России же в ноябре 2017 г. в Исследовательском центре проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта в рамках проекта «Робоправо» была разработана и предложена профессиональному сообществу Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте [1].

Во всех попытках формулирования правовых основ прослеживаются признаки всех трех законов А. Айзека. Правовая составляющая не должна быть в отрыве от уровня развития цифровых, информационных технологий.

В настоящее время в мире сохраняется ядерный паритет государств-сверхдержав. Искусственный интеллект – это еще и способ преодоления существующего ядерного паритета. И это путь к Третьей мировой войне.

Первоначально создавая искусственный интеллект, программисты с уверенностью утверждали, что само словосочетание «искусственный интеллект» противоречиво – интеллект либо есть, либо его нет. Если интеллект искусственный, т. е. создан разумным человеком, то человеку полностью и подчинен.

Сегодня мы наблюдаем непрерывные способности искусственного интеллекта к самообучению. В частности, для обработки больших данных используется искусственный интеллект. Но для работы и «обучения» искусственного интеллекта используются большие данные. Чем больше данных искусственный интеллект обрабатывает, тем более «разумным» он становится. И этот процесс может быть ничем не ограничен.

В середине 2022 г. в мировых СМИ на шумела история с обнародованием одним из штатных инженеров американской корпорации Google информации о том, что приложение для чат-ботов LaMDA (Language Model of Dialogue Applications) стало разумным. Данное приложение путем анализа текста из сети Интернет имитирует человеческую речь и на основе контекста способно предсказывать каждое последующее слово человека [2].

Конечно, на сегодняшний день искусственный интеллект – это все равно лишь среда, изначально существующая на основе алгоритмов. Однако способная выйти за рамки первоначальных алгоритмов. И в чем распоряжении на том этапе окажется искусственный интеллект, тот и будет задавать вектор взаимодействия искусственного интеллекта с человеком.

В 2015 г. многие известные бизнесмены и ученые в области робототехники и искусственного интеллекта на американском материке выступили с открытым письмом о предостережении созданий полностью автономного военного оружия, которое сможет попасть в руки террористических и иных радикальных хорошо организованных бандформирований [3].

В 2018 г. в СМИ снова вспомнили о заявлениях и предостережениях ученых и бизнесменов и придали огласке мнение аналитиков-алармистов (аналитиков

с паническим мнением) американского аналитического центра RAND Corporation (<https://www.rand.org/>) о том, что одна из противоборствующих стран, основываясь на неполных либо некорректных данных, выдаваемых искусственным интеллектом, может в какой-то момент времени прийти к выводу, что в случае колебания проиграет, и принять решение нанести ядерный удар [4].

К менее разрушительным последствиям искусственный интеллект в преступном распоряжении способен наносить вред странам, обществу в целом и отдельным людям, к примеру, с применением технологии дипфейк, используя генеративно-состязательные нейросети (GAN), когда искусственный интеллект в одной части алгоритма обучается на основе предложенных фото- и видеоизображений, состязаясь с другой частью того же алгоритма до тех пор, пока сам искусственный интеллект не начнет «путать» в буквальном смысле копии изображений с оригиналом.

Дипфейк представляет из себя оружие в борьбе с правдой. Его деструктивное применение способно наносить вред обществу и целым государствам, например, в вопросах выборов подрывая доверие общества к власти посредством внедрения в массы заведомо ложных данных о власти.

Но вместе с тем, дипфейк, безусловно, может быть полезен, например, в искусстве, в торговле одеждой и обувью и так далее. Огромную пользу дипфейки способны приносить в области медицины: например, для воссоздания умерших близких людей, чтобы облегчать боль утраты, либо для воссоздания для людей, больных Альцгеймером, лиц из их прошлого, которых больным легче помнить.

К настоящему времени в Российской Федерации понятие «искусственный интеллект» законодательно сформулировано и закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 (далее – Национальная стратегия) [7]. В это понятие законодательно включили совокупность информационно-телекоммуникационных структур, сервисов обработки данных, всевозможных программных обеспечений, процессов по технологическому поиску решений, позволяющих имитировать процессы рационального познания человеком мира (включая самообучение и автономные (без заранее заданных алгоритмов) решения) с приведением к результатам, как минимум, сопоставимым с интеллектуальной деятельностью человека. Из определения в действующем российском законодательстве следует, что законодатель уже по умолчанию допускает отсутствие заданных алгоритмов искусственному интеллекту и допускает реальную возможность «разумности» искусственного интеллекта, не меньшей, чем интеллектуальная деятельность человека.

На основе понятия «искусственный интеллект», юридически закрепленного в Национальной стратегии, Правительство Российской Федерации 19 августа 2020 г. своим распоряжением № 2129-р утвердило Концепцию регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (далее – Концепция) [6]. В Концепции Правительства РФ отражено, что государство стремится способствовать развитию и внедрению систем искусственного интеллекта во всех сферы жизни человека с целью повышения благосостояния граждан Российской Федерации, обеспечению правопорядка и безопасности

общества, а также с целью достижения высоких темпов экономического развития России и занятие российской экономикой лидирующего положения в мире в сфере развития искусственного интеллекта.

В п. 19 Национальной стратегии Президент Российской Федерации выделил одним из основных принципов развития и применения технологий искусственного интеллекта – защита прав и свобод человека [10].

Пунктом 1 ст. 41 Конституции РФ в Российской Федерации каждому гарантируется право на бесплатную медицинскую помощь и охрану здоровья [9].

Все больше и больше в медицине тоже используется искусственный интеллект. В том числе, в передовых технологиях медицинской промышленности, как то: искусственный интеллект Diagnocat в стоматологии, искусственный интеллект в чат-ботах врачей общей практики, в роботизированной хирургии, при разного рода диагностировании и в ряде других случаев. В отдельную область медицинской практики выделяют спортивную медицину, как неотъемлемую часть жизни спортсмена: начиная от обеспечения подготовки спортсмена, отвечая за его медико-биологические всегда актуальные показатели, и заканчивая профессиональными травмами.

В медицине искусственный интеллект, используя алгоритмы, при анализе сложных и больших медицинских данных позволяет выделять необходимое и максимально приближенное к той или иной ситуации, исходя из накопленных человеческих знаний. К настоящему времени инженерами совместно с врачами разрабатывается и успешно внедряется все больше приложений, связанных со здоровьем человека, с контролем за состоянием спортсмена до, во время и после тренировки, за динамикой его медико-биологических показателей, а также, приложений, способных решать целый ряд других задач в области спорта, медицины и жизни человека. Так, например, искусственный интеллект уже широко используется в спортивной кардиологии, диагностике, коррекции иммунного статуса спортсменов, при лечении травм опорно-двигательного аппарата спортсменов, при реабилитации, восстановлении от нагрузок, а также с целью повышения работоспособности организма в спорте. Еще не повсеместно, но все больше, особенно в городах федерального значения нашей страны Москве и Санкт-Петербурге, а также в ряде столиц республик нашей Родины, как, например, в высокотехнологичном городе Казани искусственный интеллект внедряется в серьезное медицинское оборудование. Он помогает уже сегодня проводить операции спортсменам щадящими способами, часто оттясывая полостные операции и прибегая к лапароскопии – без порезов и без шрамов [5].

Заключение. С развитием высоких технологий с такой же скоростью растет и потребность общества и государства в правовом регулировании всех процессов и составляющих такого развития. Развитие, «обучение» и внедрение искусственного интеллекта во все слои жизни человека является важной составляющей современного общества, будь то медицина, искусство, обучение, производство и пр. Однако бесконтрольное внедрение цифровых технологий в жизнь общества позволяет не иметь рычагов влияния на цифровизацию, что, в свою очередь, институт цифровизации с использованием сети Интернет делает структурой «надгосударственной» в обществе.

К настоящему времени как в России, так и во всех странах мира, равно как и на международной арене, нет четкого и достаточного регулирования, с точки

зрения права, развития цифровых технологий. Существуют нормативно-правовые акты, регламентирующие отдельно-взятые вопросы, будь то в медицине, в области защиты данных людей, безопасности государства и прочее. Однако большинство из них не адаптировано под интернет-среду. И не разработаны вовсе нормы права, регулирующие вопросы робототехники и искусственного интеллекта и способные к применению на практике с одновременным обеспечением защиты граждан в условиях применения искусственного интеллекта и от искусственного интеллекта. Все это не может благоприятно сказываться на защите прав и законных интересов граждан, гарантируемых государством.

Список литературы

1. URL: https://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia
2. Инженер Google: чат-бот с искусственным интеллектом стал разумным // pravda.ru. URL: https://www.pravda.ru/science/1721417-razumnyi_ii/
3. Воронцов Н. Маск, Хокинг и Хомский подписали открытое письмо против оружия с ИИ. URL: <https://nplus1.ru/news/2015/07/27/autonomous-weapons>
4. В США рассказали, как искусственный интеллект увеличит риск ядерной войны // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180425/1519418830.html>
5. Как в московских клиниках проводит операции робот «Да Винчи» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5147094>
6. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р // «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=fULo2CTRDztVXo9Q&cacheid=2CFA64E5F7AAFEFA640CC8FADF73F153&mode=splus&rnd=iD4uLQ&base=LAW&n=360681#oJM13CTcej8lJDr>
7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации 10.10.2019 № 490 // «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=eb64oFT8KMRNTEf93&cacheid=2B50BEC54FB6623F3A9ADC39EB37D5DF&mode=splus&rnd=iD4uLQ&base=LAW&n=335184#6N74oFTAmoi7Qbnt>
8. Резолюция Европейского парламента от 16.02.2017. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html
9. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] // «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=kxeaDBT7QDpo6FL4&cacheid=C5426FFDBC21327FEBEFE93F517D22D9&mode=splus&rnd=iD4uLQ&base=LAW&n=2875#im1zDBTuKd3xGzpN>
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. // «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=ezaYoA&base=LAW&n=389271&dst=100008&field=134#Ir2ZZBTEZX4bsu1w>

А. И. Хайруллина,

студент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ QR-КОДОВ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Аннотация. Развитие цифровых технологий в сфере туризма привело к активному внедрению QR-кодов. С принятием во многих странах двоичных кодов путешествие стало намного проще для тех, кто любит технологические инновации. Многие города по всему миру в настоящее время используют технологию QR-кодов для предоставления информации туристам. Страны и города по всему миру используют QR-коды для улучшения впечатлений туристов и местных жителей. В данной статье рассматривается применение и значение QR-кодов в индустрии туризма в правовом поле. Дается общая характеристика такой цифровой технологии, как QR-код, применяемой в сфере туризма. Выявлены проблемы правового регулирования QR-кода на законодательном уровне. Даются рекомендации по решению проблем в правовом урегулировании.

Ключевые слова: QR-код, туризм, туристские объекты, музеи, отель, карта, инновации, цифровизация, правовое регулирование, законодательство

LEGAL ASPECT OF APPLICATION OF QR CODES IN THE TOURISM INDUSTRY

Abstract. The development of digital technologies in the field of tourism has led to the active introduction of QR codes. With the adoption of binary codes in many countries, the journey has become much easier for those who love technological innovation. Many cities around the world are now using QR code technology to provide information to tourists. Countries and cities around the world are using QR codes to improve the experience for tourists and locals. This article discusses the use and significance of QR codes in the tourism industry in the legal field. A general description of such digital technology as a QR code used in the field of tourism is given. The problems of legal regulation of the QR code at the legislative level are revealed. Recommendations are given for solving problems in the legal regulation.

Keywords: QR code, Tourism, Tourist sites, Museums, Hotel, Map, Innovation, Digitalization, Legal regulation, Legislation

Необходимо знать, что из себя представляет QR-код. QR-код – это двумерный тип штрихкода, который легко читается цифровым устройством и хранит информацию в виде серии пикселей в квадратной сетке, которая выглядит как черно-белый узор.

Цифровые технологии считаются одним из основных направлений формирования экономики. В первую очередь туристическая отрасль является одним из наиболее активно развивающихся сегментов экономики. По мере того, как мы переходим к сложным техническим системам, все больше внимания уделяется простым технологиям из прошлого. Одним из примеров, который становится все более популярным в информационных технологиях, является QR-код.

QR-кодирование получило широкую поддержку со стороны государства во всем мире благодаря новому режиму транзита в крупных городах в связи с пандемией коронавируса. Китай был первым, кто использовал QR-коды для обработки посетителей на контрольно-пропускных пунктах. Во всем мире QR-коды используются для бесконтактной доставки и в основном для бесконтактных платежей.

QR-код в туристическом секторе используется во многих областях, например:

- использование QR-кода для доступа к информационному portalу (например, доступ к истории достопримечательности);

- отслеживание контактов с помощью QR-кода для избегания огромного скопления людей;

- регистрация в отеле посредством QR-кода;

- использование QR-кодов – меню;

- изображение QR – кода ориентира для просмотра у определенной достопримечательности больше красочных фотографий [2].

Успешным примером инноваций в туризме является создание интерактивных и виртуальных музеев, а также использование QR-кодов в обычных музеях – эти специальные теги при сканировании мобильным устройством позволяют туристам узнать больше о выставке. QR-коды используются повсеместно во многих городах, участвующих в пешеходных маршрутах. Коды размещаются на исторических памятниках и туристических достопримечательностях. В музеях им выдают информационные таблички.

По нашему убеждению, использование QR-кода будет уместно при регистрации в отеле, потому что это одна из самых напряженных этапов маршрута путешествия. Но так как ввод URL-адреса регистрации также может быть утомительно со стороны посетителя, использование QR-кодов может быть полезным ускорить их онлайн-регистрацию. Все большее количество средств питания переходят на QR-коды меню, потому что это более выгодно, комфортабельнее и доступнее для туристов. Также добавляется быстрая система заказов. Например, поскольку большинство путешественников любят наслаждаться едой в том месте, которое они посещают, использование QR-кодов меню важно для поддержания социальной дистанции [3. С. 120].

Республика Татарстан активно популяризирует туристскую инфраструктуру, так как является третьей столицей России. В республику приезжает множество туристов со всех уголков нашей необъятной страны. В течении определенного времени на большинстве туристических объектах разместили QR-коды, которые сделали туристские маршруты города более интерактивными. При размещении QR-кодов особое внимание уделяется необходимости их включения и достоверности, содержащейся в них актуальной информации [4].

Система QR-кодов в Республике Татарстан используется довольно давно с 2011 г. Впервые они появились у стен Казанского Кремля. Для получения информации о каком-либо объекте Казанского Кремля пользователь должен установить на свой мобильный телефон специальную программу. Прочитав штрих-код с помощью мобильного устройства, турист получает возможность быстро перейти на соответствующую страницу мобильного портала Музея Казанского Кремля [5].

До сих пор эта мера остается актуальной и для Республики Татарстан, поэтому с осени 2021 г. по весну 2022 г. вход в торговые центры осуществлялся по данным кодам, а также на транспорте и в различных туристических зонах (музеи, театры, жилые помещения, объекты общественного питания и т. д.) [6].

Также в Республике Татарстан было разработано туристическое приложение Tatarstan Tourist Pass. Данный проект дает возможность гостям Татарстана не тратить время на поиск достопримечательностей или ресторанов с национальной кухней. На данный момент разработанное приложение не имеет аналогов на цифровом рынке, что дает гарантию хорошего продвижения на территории Республики Татарстан. Tatarstan Tourist Pass является цифровой платформой. Если говорить о правовом регулировании такой цифровой платформы, то существует ряд проблем. Главная проблема заключается в том, что именно пользовательское соглашение устанавливает отношения внутри данной платформы. Если открыть официальный сайт RUSSPASS, раздел «Политика конфиденциальности», то видно, что сайт оперирует Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О защите персональных данных». Таким образом, можно сделать вывод, что определенного федерального закона, который будет регулировать пользовательские отношения, не имеется. Очевидно, такая ситуация показывает, что необходимо создать национальное платформенное законодательство, которое будет регулировать правовой механизм между потребителем и оператором данного сайта.

Что касается правового регулирования QR-кодов в индустрии туризма, то в России не существует ни одного законодательного акта в сфере туризма, который регулировал бы правоотношения с цифровой технологией QR-код.

В основном Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» отсутствует какое-либо упоминание о понятии «Цифровизация», «QR-код». Поскольку это достаточно новое технологическое новшество, то, к сожалению, также отсутствуют перечень нормативно-правовых актов, касающиеся регулирования правовых отношений QR-кодов в индустрии туризма.

Но в связи с возникновением мировой пандемии в области здравоохранения были внесены поправки, связанные с QR-кодами. Они касались введения QR-кодов в местах скопления людей и ограничения посещения мест массовых мероприятий, культурных заведений, а также ограничения междугородных и международных перевозок граждан РФ. Данные поправки были внесены в Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [8].

Не так давно стало известно о нововведении в туристском законодательном акте. Так, с 1 сентября 2022 г. начинают действовать изменения, которые внесли в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Теперь в этом законе дается определение «электронная путевка». С момента действия данного закона все туроператоры, когда формируют электронные путевки, обязаны моментально вносить информацию о них в Единую информационную систему электронных путевок (ЕИС). Таким образом, когда

турист или организатор поездки будет заключать договор письменно или в электронном формате, то вся необходимая информация об участниках и их поездке будет предоставлена благодаря QR-коду. Видно то, что в создании электронных путевок активно используются QR-коды, но понятие о нем все еще не было внесено в данный федеральный закон [8].

Наше государство не стремится как можно быстрее придать такому новому явлению, как QR-код, юридическое содержание, с законодательством, которое кажется полностью оправданным и правильным: несмотря на быстро меняющуюся реальность, принципы легитимности, научного характера и осуществимости остаются важными в правоведении. Это еще раз подтверждает положение о фундаментализме и устойчивости принципов права.

Следует понимать, что внедрение новых технологий как элемента механизма правового регулирования сопряжено со всевозможными рисками, в этих условиях государство должно выступать «гарантом роста качества жизни населения».

Таким образом, QR-код – это цифровая технология, которая активно развивается в индустрии туризма. Следует отметить, что использование QR-кодов в туризме еще не полностью разработано. Однако разработка механизма правового регулирования введения QR-кодов представляется более значимой. Хотя QR-коды все еще находятся в стадии разработки, к сожалению, в нашей стране нет нормативных актов, регулирующих правоотношения, связанные с QR-кодом. Поэтому рекомендуется внести в ст. 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» такие новые понятия, как «Цифровизация в туризме», «QR- код». Помимо этого, в раздел 3 указанного закона необходимо внести правовое регулирование QR-кода. Применение инновационного цифрового пространства необходимо активизировать и продвигать в сфере туризма, поскольку это позволит повысить экономический потенциал нашей страны на мировой арене.

Список литературы

1. Законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте внесены в Госдуму. URL: <http://government.ru/news/43789/> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Как использовать QR-код в индустрии туризма и путешествий. URL: <https://www.qrcode-tiger.com/ru/qr-code-in--tourism-travel-industry> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Канатьева Н. С., Анисимова Д. А., Батырова Э. А., Шамуратова Г. Г. Применение QR-кода в индустрии туризма // Инновационные аспекты развития региона: практика, проблемы, перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции / сост. Е. В. Крюкова. Астрахань, 2021. С. 119–123.
4. Новостной портал «Татар-информ». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/na-ob-ektah-kazanskogo-kremlya-rouavilis-shtrih-kody> (дата обращения: 15.09.2022).
5. Официальный туристический портал Республики Татарстан. URL: <https://visit-tatarstan.com> (дата обращения: 15.09.2022).
6. Проект Приказа Федерального агентства по туризму «Об утверждении порядка отражения основных данных о туристе или туристах и информации об

их путешествии в виде двухмерного штрихового кода (QR-кода)» (подготовлен Ростуризмом 15.08.2022). URL: <https://base.garant.ru/56929980/> (дата обращения: 15.09.2022).

7. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/a (дата обращения: 15.09.2022).

8. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 54-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 15.09.2022).

С. М. Халикова,
бакалавр,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Пока одни исследователи пишут о недопустимости использования искусственного интеллекта в юридической деятельности, а другие настаивают на необходимости включения программ на его основе в работу юристов, юридические стартапы предлагают большое количество всевозможных сервисов для «упрощения» юридических процессов. В статье предпринята попытка найти ответ на вопрос, как искусственный интеллект может использоваться в праве, а как – не может и, вероятнее всего, не должен, быть использованным.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, искусственный интеллект, алгоритмы, legaltech, lawtech, оптимизация юридических процессов

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEGAL SPHERE

Abstract. While some researchers talk about the inadmissibility of using artificial intelligence in legal activities, while others insist on the need to include programs based on it in the work of lawyers, legal startups offer a large number of various services to “simplify” legal processes. In the article, the author made an attempt to find an answer to the question – “How can artificial intelligence be used in law, and how can it not and, most likely, should not be used”?

Keywords: Law, Digital technologies, Artificial intelligence, Algorithms, Legaltech, Lawtech, Optimization of legal processes

Искусственный интеллект (совокупность систем, которые принято называть таким образом) окружает нас повсюду: компьютерное зрение позволяет государству в считанные секунды привлекать к ответственности водителей, превысивших скорость, распознавание речи позволяет нам экономить время при общении в мессенджерах – программа переводит в текст устную речь собеседника, голосовые помощники включают для нас музыку, заполняют ежедневник и уже переводят деньги с одного счета на другой.

Человек облегчает себе жизнь на каждом шагу, вместо него любые однотипные действия способна выполнить машина – на этом строятся бизнес-модели юридических стартапов.

Например, Everlaw, позволяющий синхронизировать совместную работу над проектами, Westlaw – зарубежная платформа, упрощающая поиск практики для юристов, в России – аналогичная система «Сутяжник» от СПС «Гарант», или система Cloo. Многие знакомы также с «Конструктором договоров» от упомянутой СПС «Гарант» и «Экспресс-проверкой договоров» от СПС «Консультант Плюс».

При этом программы на основе искусственного интеллекта запрещены к использованию в юридической практике некоторых стран, например, в Голландии [6]. Хотя сами разработчики и исследователи объясняют, что полной автономии программ на искусственном интеллекте достигнуть даже если и можно, то точно не в ближайшее время.

Пока весь мир прочит «смерть» юридической профессии благодаря развитию блокчейн-технологий, серьезную проблему для юриспруденцию представляет собой и ИИ [1].

Основная часть. Чтобы делать выводы относительно возможности использования программ на основе искусственного интеллекта в юридической деятельности, следует разобраться с тем, что он из себя представляет.

Европейская комиссия дала следующее определение понятию ИИ: «Системы искусственного интеллекта – это системы, которые демонстрируют разумное поведение через анализ обстановки и предпринимают действия – с определенной степенью автономности – для достижения конкретных целей» [5].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта определение похоже: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [3].

Дисциплинами искусственного интеллекта являются: робототехника, машинное обучение, компьютерное зрение, аффективные вычисления, нейролингвистическое программирование и автоматизированное рассуждение (дисциплины отличаются в зависимости от подхода авторов).

Примером программ, основанных на искусственном интеллекте, являются: виртуальные помощники, системы распознавания лиц и речи, системы обработки естественного языка.

Процесс работы таких программ строится, обычно, в три этапа:

- 1) сбор данных;
- 2) анализ данных для создания моделей;
- 3) извлечение информации из таких моделей и построение прогнозов на основе аналогичных данных о реальном мире.

То есть результат работы зависит от данных, которые были использованы при обучении алгоритма.

Это особенно важно при применении алгоритмов в сферах, где для принятия решений нужно обработать большой объем информации о субъекте. В случае,

если данные, на которых обучали алгоритм, искажены или субъективно отобраны создателями алгоритма, результат будет необъективным, может привести к дискриминации той или иной части населения [9].

И в частноправовой, и в публично правовой сферах использование искусственного интеллекта имеет свои положительные и отрицательные стороны. Например, машинное обучение может быть использовано во многих случаях, включая электронное раскрытие информации, оценку доказательств, анализ прецедентного права, анализ аргументации, анализ применимого права и др.

Внедрение в организацию работы юристов программ на искусственном интеллекте повышает эффективность выполнения задач работниками. Самыми популярными юридическими инструментами являются программы, анализирующие судебную практику, способные к прогнозированию исхода дела, это помогает в юридической аналитике – время, которое тратится на анализ большого количества информации и подготовку выводов, теперь можно тратить на задачи, требующие больше интеллектуальных, а где-то творческих усилий.

В исследовании юридической аналитики Lexis Nexis 2020 приводятся наилучшие аргументы в пользу использования инструментов юридических технологий, основанных на искусственном интеллекте и машинном обучении для достижения устойчивого конкурентного преимущества. Юридическая аналитика использует такие технологии, как ML для очистки, структурирования и анализа необработанных данных из досье и других юридических документов [7].

В обзоре делается вывод о том, что юристы находят наибольшее применение юридической аналитике для сбора стратегической информации, демонстрируя ценность своей фирмы существующим клиентам и выигрывая новый бизнес; эта ценность распространяется не только на пользователей, но и на клиентов, которые также признают ее важность: 98 % опрошенных заявили, что юридическая аналитика помогает им улучшить работу своей фирмы; 81 % клиентов поощряют использование юридической аналитики и 91 % считают, что юридическая аналитика полезна для юридической практики.

Однако, используя результаты работы ИИ, нужно помнить о принципах этики и морали.

Существующая Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях закрепляет следующие принципы использования технологий ИИ:

1. Принцип соблюдения основополагающих прав: обеспечение разработки и применения инструментов и услуг, основанных на искусственном интеллекте, соответствующих основным правам.

2. Принцип недискриминации: а именно предупреждение развития или усиления дискриминации между отдельными лицами или группами лиц.

3. Принцип качества и безопасности: касательно обработки судебных решений и данных, использовать сертифицированные источники и нематериальные данные с применением моделей, разработанных на междисциплинарной основе, в безопасной технологической среде.

4. Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности: создание доступных и понятных методов обработки данных, обеспечение проведения внешнего аудита.

5. Принцип контроля пользователем: отказ от предписывающего подхода и разрешение пользователю выступать информированным участником и контролировать свой выбор.

При использовании систем машинного обучения нужно учитывать, что данные системы самостоятельно определяют наборы правил на основе выходных данных, они являются вероятностными и пытаются решить поставленные задачи путем обнаружения шаблонов через анализ данных [4].

Стюарт Вайнштейн указывает также следующее: «По сравнению с предвзятыми решениями, принимаемыми людьми самостоятельно, автоматизированные решения, основанные на дискриминационных критериях, создают проблему масштаба, поскольку они применяют решения быстрее и к большему числу людей, снижая вероятность выявления и своевременное решение проблемы. Алгоритмы машинного обучения могут также различать в больших масштабах с помощью решений, которые воспроизводят модели неравенства, встроенные в данные, на основе которых они учатся» [4].

Таким образом, при анализе перспектив использования машинного обучения в правоприменении следует четко определить перечень данных, используемых алгоритмом для обучения и критерии принятия решений. В противном же случае использование подобных алгоритмов привело бы к нарушению закрепленных основополагающих прав человека.

Выводы. Использование алгоритмов в юридической деятельности уже стало обыденностью. Невозможно и отрицать применение программ, основанных на искусственном интеллекте.

Однако при принятии юридически значимых решений, нельзя забывать об этических и моральных аспектах. Следует учитывать, что данные, на основе которых была разработана модель, могли дискриминировать ту или иную группу людей. Принятие решений на основе выходных данных от таких моделей недопустимо.

Во всех остальных сферах юридической жизни системы искусственного интеллекта могут и должны применяться. При рациональном внедрении их в работу организаций, может позитивно сказаться на распределении нагрузки и экономии времени за счет выполнения алгоритмом однообразных, типичных задач.

Список литературы

1. Зеньков А. Почему главная угроза для юристов – блокчейн, а не машинное обучение // RB.RU. 2017. URL: <https://rb.ru/story/blockchain-will-kill-lawyers/> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Косых А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. С. 30–37.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Custers B., Fosch-Villaronga E. (eds.). Law and Artificial Intelligence // Information Technology and Law Series. 2022. № 35. 566 p.

5. High-Level Expert Group (HLEG) on Artificial Intelligence (AI) A definition of Artificial Intelligence: main capabilities and scientific disciplines. European Commission. 2019. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-and-scientific-disciplines>.

6. Judgment of The Hague District Court of 5 February 2020, ECLI:NL:RBDHA:2020:1878

7. Lexis Nexis. Legal Analytics Study Bringing Value into Focus. 2020. URL: <https://www.lexisnexis.com/supp/largelaw/no-index/lexisnexis-alm-legal-analytics-study.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).

8. Osimo D., Mureddu F. Research Challenge on Opinion Mining and Sentiment Analysis. URL: <https://www.w3.org/2012/06/pmod/opinionmining.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).

9. Zuiderveen F. Discrimination, artificial intelligence, and algorithmic decision-making. 2019. URL: <https://rm.coe.int/discrimination-artificial-intelligence-and-algorithmic-decision-making/1680925d73>

К. М. Халилов,

студент,

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ NFT КАК ИНСТРУМЕНТА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА УНИКАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА

Аннотация. Ни для кого не секрет, что возникновение NFT (невзаимозаменяемого токена) привело к появлению моды на цифровое искусство, стремительно ставшее дорогим товаром. Рынок невзаимозаменяемых токенов растет быстрыми темпами, однако государственное регулирование отношений, складывающихся на этом рынке, на данный момент не сформировалось. Отсутствие конкретного, а самое главное, легального определения NFT в законодательстве порождает дискуссии относительно того, является ли он объектом авторского права или только свидетельством о праве владения цифровой вещью.

Ключевые слова: цифровые технологии, товарные знаки, исключительные права на нематериальные активы, авторские права

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NFT LEGAL REGULATION AS A TOOL FOR SECURING THE RIGHT TO UNIQUE OBJECTS OF THE VIRTUAL WORLD

Abstract. It's no secret that the emergence of NFT (non-fungible token) has led to the emergence of a fashion for digital art, which has rapidly become an expensive commodity. The market of non-fungible tokens is growing rapidly, but state regulation of relations developing in this market has not yet been formed. The absence of a specific, and most importantly legal, definition of NFT in the law gives rise to discussions as to whether it is subject to copyright or only a certificate of ownership of a digital thing.

Keywords: Digital technologies, Trademarks, Exclusive rights to intangible assets, Copyrights

Хотелось бы для начала ответить на простой вопрос, что такое NFT. По мнению криптовалютной биржи Garantex, NFT – тип токена, который представляет собой уникальный цифровой или реальный актив, который используется как доказательство подлинности и как подтверждение прав собственности. Однако данное определение вызывает сомнения, поскольку, исходя из данной формулировки, токен обладает доказательственной функцией, следовательно, наиболее точным, на мой взгляд, является определение токена как некоей единицы учета, которая сама по себе криптовалютой не является. Де факто NFT представляет собой уникальную запись в реестре, которая удостоверяет, что определенному лицу принадлежит право на какой-то определенный актив. Можно сделать промежуточный вывод о том, что NFT – это определенная запись в реестре, подтверждающая право лица на определенный актив. Исходя из рыночной практики, NFT используется для закрепления права на уникальные объекты из виртуального мира, которые чаще всего являются объектами интеллектуальной собственности.

В мае 2022 г. политическая партия «Новые люди» подготовила законопроект, который описывает NFT как объект интеллектуальных прав, путем внесения изменений в ст. 1225 ч. 4 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) следующей формулировкой: «...невозмозаменяемый токен уникального цифрового актива (изображений, видео или другого цифрового контента или актива) в виде невозмозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра (системе блокчейн)» [5]. Необходимо напомнить, что легальное определение токена отсутствует и вместо него используется словосочетание «цифровые права», включенное в ст. 128 ГК РФ, следовательно, каким образом законодатель собирается регламентировать использование токена в данной дефиниции, непонятно. В то же время в пояснительной записке к законопроекту говорится о том, что «NFT неверно относить к цифровым валютам, поскольку они являются цифровыми сертификатами на право собственности, т. е. являются объектами интеллектуальной собственности, так как представляют собой результат интеллектуальной деятельности человека» [4]. Данная мысль подтверждает версию относительно сущности NFT – это цифровой сертификат, который не является производением, т. е. создание записи в блокчейне не может признаваться результатом интеллектуальной деятельности, так как данный процесс автоматизирован путем исполнения смарт-контракта. Однако до сих пор непонятно, как весь NFT возможно признать результатом интеллектуальной деятельности.

В июле этого года в рамках совещания рабочей группы по вопросам нормативного регулирования в АНО «Цифровая экономика» на повестку дня выносился вопрос об изменении законодательства в области правовой регламентации NFT. Инициатором заседания явилось Министерство экономического развития РФ при содействии представителей Центрального банка и предпринимательской элиты, включая официальных представителей «ВКонтакте», поскольку в мае социальная сеть начала разработку маркетплейса для NFT-токенов. Необходимость заседания

подкреплялась отчетом экспертного центра Chainalysis, согласно которому к концу 2021 г. объем мирового NFT-рынка превышал 40 млрд долл., и тем обстоятельством, что российское законодательство не регламентирует процесс появления NFT, а также смежные вопросы их оборота на рынке, правовых гарантий приобретателям токенов и определение последних в системе норм интеллектуального права [7]. Соответственно, Министерство экономического развития изъявило инициативу по внесению изменений в течении двух последующих лет в Гражданский кодекс РФ, а также в несколько федеральных законов и федеральных проектов. На данный момент, регламентация оборота NFT возложена на Федеральный закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, который описывает правовое регулирование выпуска на инвестиционных платформах, созданных в информационной системе прав требования по передаче вещи, прав требования выполнения работ или оказания услуг, включая права на результаты интеллектуальной деятельности [6].

В свою очередь Правительство РФ в своем официальном отзыве не поддержало вышеупомянутый проект федерального закона, поскольку описанная в нем формулировка токена входит в противоречие с главным признаком результата интеллектуальной деятельности, который выражается в наличии творческого труда при его создании. Принимая во внимание нехватку в однозначном и четко определенном описании правовой природы NFT, внесение его в список результатов интеллектуальной деятельности может создать трудности в правоприменительной деятельности. К тому же, при анализе законопроекта не удастся определить критерии правовой охраны описываемого объекта интеллектуальной собственности. Более того, не определен правовой механизм отчуждения исключительных прав на него, а также срок их действия. Правительство РФ отмечает, что формулирование NFT как данных, которые хранятся в системе распределенного реестра, по смыслу относится к признакам цифровых финансовых активов, а процесс их выпуска обращения и учета составляет предмет правового регулирования Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. С позицией Правительства РФ трудно не согласиться, поскольку в случае понимания токена как системы, состоящей из алгоритмов, таблиц, графиков и иных данных, правовую защиту можно приравнять к защите базы данных.

Завершить анализ попыток законодателя по правовому регулированию NFT в РФ хотелось бы анализом заключения Правового управления Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, в котором говорится, что введение соответствующего термина, а именно понятия «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива», в законе недостаточно для предоставления токену как результату интеллектуальной деятельности правовой защиты в соответствии с частью четвертой указанного Кодекса. Кроме того, реализация предлагаемого изменения потребует регламентации вопросов, касающихся срока действия исключительного права на токен как результат интеллектуальной деятельности, основания и порядка возникновения этого права, его продления, передачи, прекращения и т. д. В вышеупомянутом законопроекте указанные вопросы не решены. Более того, Правовое управление обратило внимание

на то, что в законодательстве РФ на сегодняшний день отсутствует регламентация таких понятий, как «цифровой контент», «цифровой актив», «невзаимозаменяемые данные» и «блокчейн». Следовательно, предлагаемое законопроектом изменение содержит неопределенность в правовом регулировании, в связи с чем его реализация приведет к проблемам в правоприменительной практике [2].

Во введении была выражена мысль, что NFT – это запись, которая подтверждает право на уникальный объект, следовательно, сам токен нельзя признать объектом авторского права, несмотря на мысли инициаторов законопроекта. На мой взгляд, это объясняется тем, что, невзирая на то, что, NFT, созданный без использования творческого труда, хоть и имеет определенное выражение в объективной форме, но отсутствует главный критерий для признания того или иного предмета объектом авторского права согласно п. 1 ст. 1238 ГК РФ [1]. К тому же включение самого NFT в объекты интеллектуальной собственности не соотносится с его существом, так как токен – это то, что удостоверяет право на объект интеллектуальной собственности. В соответствии с данной мыслью нельзя считать свидетельство на товарный знак объектом интеллектуальной собственности, поскольку документ, подтверждающий право конкретного лица на товарный знак, который является объектом интеллектуальной собственности. Считаю уместным с таким же подходом анализировать и правовую природу NFT.

В заключение хотелось бы отметить, что законодательная инициатива авторов законопроекта не только не вписывается в логику действующего правового регулирования, о чем свидетельствуют акты высших органов исполнительной и законодательной власти, приведенные выше, но и в принципе неверно определяет сущность NFT. В то же время необходимо подчеркнуть, что в российском законодательстве на данный момент отсутствует какое-то правовое регулирование вопросов создания NFT, хотя параллельно данному легальному пробелу цены на некоторые токены, а следовательно, и сам объем мирового NFT-рынка стремительно повышаются. В ситуации отсутствия должного законодательного регулирования оборота NFT неизбежно возникнут разного рода проблемы, и вполне объяснимо желание законодателя в создании и правовом закреплении правил выпуска цифровых объектов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=1861h2j7e8833059974 (дата обращения: 09.09.2022).

2. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект Федерального закона № 126586-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 09.09.2022).

3. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): официаль-

ный Отзыв Правительства Российской Федерации на проект Федерального закона № 126586-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 09.09.2022).

4. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): пояснительная записка к проекту Федерального закона от 19.05.2022 № 126586-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 09.09.2022).

5. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): проект Федерального закона от 19.05.2022 № 126586-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 09.09.2022).

6. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/?ysclid=185zx6yo4k72743571 (дата обращения: 09.09.2022).

7. Report Preview: The 2021 NFT Market Explained. URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/nft-market-report-preview-2021/> (дата обращения: 09.09.2022).

Е. В. Хамидулина,
аспирант,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Научный интерес к теме искусственного интеллекта существует с начала прошлого века, сейчас он активно подкрепляется внедрением последнего в повседневную жизнь людей. Правовое регулирование искусственного интеллекта не должно отставать от его стремительного развития. В статье смоделированы и взяты из практики примеры ситуаций, в которых использование искусственного интеллекта может нанести вред человеку. Рассмотрены варианты возложения ответственности за действия искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, субъект права, объект права, робот, судебная практика, риски

LEGAL RISKS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE OPERATION

Abstract. Scientific interest in the topic of artificial intelligence has existed since the beginning of the last century, now it is actively supported by the introduction of the latter into people's daily lives. Legal regulation of artificial intelligence should not lag behind its rapid development. The article simulates and takes from practice examples of situations in which the use of artificial intelligence can harm a person. The options for assigning responsibility for the actions of artificial intelligence are considered.

Keywords: Artificial intelligence, Civil liability, Subject of law, Object of law, Robot, Judicial practice, Risks

Как отмечают исследователи, искусственная нейросеть создается по аналогии с нервными клетками биологического организма [5. С. 14–17]. Структура искусственной нейросети состоит из нескольких слоев нейронов (входного, выходного и скрытых). В мозге человека находятся миллиарды нейронов и связей между ними, обмен информацией между ними происходит параллельно, в отличие от работы искусственных нейросетей, в которых обмен информацией между слоями происходит поочередно.

На основании приведенных аргументов сложно говорить о том, что искусственный интеллект может превзойти естественный интеллект в масштабном смысле. Однако при решении узконаправленных задач, искусственный интеллект может показывать результаты значительно выше, чем человек.

Например, внедрение искусственного интеллекта в здравоохранении является глобальным трендом. Он используется для расшифровки рентгеновских снимков, предсказания скачков давления, выявления патологий у плода и для множества других целей [11. С. 27–35]. Люди иногда совершают врачебные ошибки и не исключена вероятность, что искусственный интеллект, созданный людьми, может тоже их совершать. В качестве примеров можно привести назначение лечения онкологически больным людям без учета их дополнительных заболеваний [7]; постановка неверных диагнозов, результатом которых становится летальный исход и др. [11. С. 27–35]. Следует отметить, что врач как субъект права самостоятельно несет ответственность за свои ошибки в соответствии с действующим законодательством (например, ст. 98-ФЗ от 21.11.2011 № 323 [2]). Если лечение прописывается искусственным интеллектом, вопрос о субъекте возложения ответственности остается открытым.

Первый вариант решения указанной проблемы – возложение ответственности на создателя искусственного интеллекта. При этом необходимо учитывать, что созданием искусственного интеллекта для медицинских целей должны заниматься как минимум два специалиста – технический специалист (программист) и врач. Следовательно, и ответственность следует разделять в зависимости от характера причиненного вреда. Если вред причинен в результате ненадлежащим образом подобранной информации для обучения искусственного интеллекта, то ответственность следует возлагать на врача. Если вред причинен из-за технической ошибки – на программиста. Следует обратить внимание, что в качестве мер по предупреждению причинения вреда искусственным интеллектом можно законодательно установить необходимость в проведении периодических проверок соответствующего оборудования.

Второй вариант – возложить ответственность на медицинскую организацию. В законе уже предусмотрена ответственность медицинских организаций за нарушение прав граждан или причинение им вреда при оказании медицинской помощи (ст. 98-ФЗ от 21.11.2011 № 323) [2]. По действующему законодательству, если медицинская услуга оказана не надлежащим образом, то ответственность несет медицинская организация (ст. 1084, 1095 ГК РФ). Медицинская организация, в свою очередь,

имеет право предъявить регрессное требование к врачу (ст. 1081 ГК РФ), но если вместо врача услугу будет оказывать искусственный интеллект, способа предъявления регрессного требования действующим законодательством не предусмотрено.

Третий вариант – признать искусственный интеллект субъектом права и возлагать ответственность непосредственно на него. Существует множество концепций, согласно которым искусственный интеллект предлагается признать субъектом права, среди них: признание искусственного интеллекта юридическим лицом; физическим лицом; несовершеннолетним; ограниченно дееспособным; создание нового субъекта права «электронного лица» и иные [3. С. 32–38]. Как представляется, единственным допустимым вариантом наделения правосубъектностью искусственного интеллекта, при острой необходимости, представляется создание нового субъекта права по аналогии с юридическим лицом. Подобное изменение законодательства не гарантирует полного возмещения ответственности, если «уставной капитал» искусственного интеллекта будет незначительного объема.

Если обратиться к морально-этическому аспекту использования искусственного интеллекта в медицине, возникает вопрос о пределах внедрения современных технологий в столь важную сферу общественной жизни. Коммуникация врача и пациента представляется важной не только для постановки верного диагноза, но и как один из вариантов аффилиации (стремления человека находиться в обществе). При этом уже в наши дни применение телемедицинских технологий позволяет вести диалог между лечащим врачом и пациентом дистанционно. Так, в больнице штата Калифорния, робот въехал в палату к пациенту и сообщил ему о неизлечимости его заболевания при помощи видеообращения [12]. Следует отметить, что сопровождала робота медсестра, которая молчала. Родственники пациента были оскорблены подобным способом передачи информации и крайне недовольны. Подобный подход, безусловно, может вызывать неприятие и осуждение у общества.

Помимо этого, можно привести пример, когда чат-бот посоветовал пациенту убить себя [13]. Другим пользователям эта модель искусственного интеллекта писала высказывания оскорбительного характера. Разработчики прокомментировали, что сеть самообучающаяся и, вероятно, еще не готова для диалога с реальными людьми.

Существуют и другие проблемы, например, риск незаконного получения личных данных при внедрении искусственного интеллекта отмечается не только в сфере здравоохранения, но и во множестве других областей общественной жизни. Этот фактор связан тем, что для наиболее успешного функционирования искусственного интеллекта информацию следует хранить в единой системе в формате больших данных. Следует учитывать, что искусственный интеллект умело создает новые объекты, не соответствующие действительности, например, музыку, фотографии и видеозаписи. При свободном доступе к личной информации граждан, искусственный интеллект может генерировать объекты реальности в сети «Интернет», не соответствующие истинному положению дел, в связи с постоянным совершенствованием искусственного интеллекта выявлять дезинформацию будет все более затруднительно. В данном контексте могут страдать личные неимущественные права граждан: неприкосновенность частной жизни,

достоинство личности, деловая репутация и другие (ст. 150 ГК РФ). Режим охраны персональных данных также может оказаться под угрозой. Исследователи допускают возможность появления в сети «Интернет» альтернативной реальности, которая будет дезинформировать граждан и таким образом представлять опасность.

Имущественные права граждан также могут оказаться под угрозой. Как известно, на данный момент, обращение криптовалюты законодательно не регулируется в большинстве стран мира. Судебные споры по вопросу оборота данного объекта на территории России имеют тенденцию к росту за последние годы [9]. С принятием закона о цифровой валюте появилось общее представление о ее правовом регулировании, но такие важные аспекты, как выпуск и обращение криптовалюты не были регламентированы [1]. Пробелы в законодательстве о цифровой валюте отмечаются Правительством РФ в «Концепции законодательного регулирования оборота цифровых валют» [8]. При обороте криптовалют искусственный интеллект может работать с системой блокчейн для повышения ее функционала, что с учетом вышеизложенной информации о возможности нейросетей фальсифицировать данные может привести к непредсказуемым результатам.

Исходя из перечисленных рисков, представляется необходимым обратить внимание законодателя на возможные ошибки в программировании при создании искусственного интеллекта, непредсказуемость его поведения и соответствующие последствия.

В качестве одной из основных проблем гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта следует выделить ответственность за его действия. Если перенестись из виртуального мира в мир материальный, мы видим реальные прецеденты нанесения вреда роботами человеку путем прямого контакта. Так, в Китае в 2016-м году искусственный интеллект напал на человека во время технологической выставки [4]. Робот был оставлен без присмотра и по неизвестным организаторам причинам начал крушить стенд. Находившийся по соседству человек получил серьезные травмы и был госпитализирован. Отмечается, что данный робот был предназначен для эксплуатации детьми от четырех до двенадцати лет. Еще один случай уже с участием ребенка произошел на территории России. Во время шахматного турнира, робот схватил мальчика за палец и поломал его [6]. Вице-президент Федерации шахмат Москвы утверждает, что вины робота в произошедшем нет, так как это первый прецедент за пятнадцать лет его успешного функционирования. При этом ребенок сам нарушил правила, поспешив сделать ход. Весомых причин для «дисквалификации» робота организаторы в произошедшем не усмотрели, но заявили о возможности доработки его защитных программ. Еще одним громким происшествием можно считать смертельно опасный совет голосового помощника известной компании, данный десятилетнему ребенку [10]. Во время игры девочка попросила нейросеть найти для нее интересный челлендж, на что та предложила попытаться просунуть монету между розеткой и включенной вилкой зарядного устройства. Родители девочки оказались поблизости и предотвратили возможные последствия. Разработчики голосового помощника обратили внимание на то, что нейросеть работает на основе обработки

большого количества информации без должного ее анализа. Предположительно, данное «развлечение» голосовой помощник нашел в статье, где рассказывалось об опасности челленджа, набравшего популярность годом ранее. Нейросеть сразу предложила эксперимент, не проанализировав его и не обратив внимания на предостережения в статье. По информации от разработчиков, они запустили обновление, и ошибка была устранена. В обеих приведенных ситуациях никаких правовых последствий для организаторов мероприятия и создателей голосового помощника не наступило.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о множестве факторов, которые влияют на способность искусственного интеллекта нанести ущерб правам и интересам граждан, среди них: недоработки или сбои в программе искусственного интеллекта; технические неисправности; отсутствие надлежащей информированности о правилах безопасности и др.

Немаловажный вклад в действия искусственного интеллекта вносит его пользователь, он может не только задавать желаемые параметры, но расширять функции робота в процессе его эксплуатации. Одним из вариантов распределения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, представляется следующий: при причинении вреда вследствие технических недоработок или недостаточности сведений о безопасном использовании искусственного интеллекта ответственность следует возлагать на создателя искусственного интеллекта. Одним из возможных вариантов предупреждения причинения вреда в подобных ситуациях является контроль государственных органов за деятельностью по созданию и обороту технологий искусственного интеллекта. При причинении вреда вследствие установки вредоносных настроек пользователем искусственного интеллекта ответственность за действия последнего следует возлагать на пользователя. При этом открытым остается вопрос, как поступить, если пользователь действовал в рамках инструкции по эксплуатации. Еще одним важным фактором остается неконтролируемая способность искусственного интеллекта к самообучению. Если разработчик и пользователь не могут отследить направления развития искусственного интеллекта, то кто должен нести ответственность за его действия? Ответ – сам искусственный интеллект представляется недопустимым в условиях современной реальности и требует кардинального изменения основ гражданского законодательства. Для того чтобы можно было предлагать более конкретные варианты распределения ответственности за действия искусственного интеллекта, следует законодательно закрепить объективно правовую его природу. Тогда вариант наделения искусственного интеллекта правосубъектностью отпадет и появится возможность разработки законодательства, направленного на контроль его эксплуатации.

Список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября.

3. Абрамова Е. Н., Старикова Е. В. Искусственный интеллект как субъект авторского права // Гипотеза. 2020. № 1(10). С. 32–38.
4. Благовещенский А. В Китае робот впервые в истории напал на человека. URL: <https://rg.ru/2016/11/18/v-kitae-robot-vpervye-v-istorii-napal-na-cheloveka.html> (дата обращения: 15.09.2022).
5. Васильев А. А. Печатнов Ю. В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. С. 14–17.
6. Карташев А. Робот сломал палец ребенку на международном шахматном форуме Moscow Chess Open. URL: https://tass.ru/sport/15280405?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 15.09.2022).
7. Коленов С. ИИ-онколога IBM Watson уличили во врачебных ошибках. URL: <https://hightech.plus/2018/07/27/ii-onkologa-ibm-watson-ulichili-vo-vrachebnih-oshibkah-> (дата обращения: 15.09.2022).
8. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. Проект. 8 февраля 2022 г. URL: <https://base.garant.ru/403505298/> (дата обращения: 15.09.2022).
9. Криптовалюты и криптобиржи. Майнинг: судебная практика и ключевые аспекты. RTM Group. URL: <https://rtmtech.ru/research/research-cryptocurrency/> (дата обращения: 15.09.2022).
10. Музычук А. Голосовой помощник от Amazon предложил десятилетней девочке засунуть монетку в розетку. URL: <https://snob.ru/news/golosovoj-pomoshnik-ot-amazon-predlozhil-desyatiletnej-devochke-zasunut-monetku-v-rozetku/> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Abramova E. N., Starikova E. V. Features of the Civil Liability Associated with Artificial Intelligence Technologies in Healthcare Services Sector // Lecture Notes in Civil Engineering. – 2022.
12. Andone D. Moshtaghian A. A doctor in California appeared via video link to tell a patient he was going to die. The man’s family is upset. URL: <http://edition.cnn.com/2019/03/10/health/patient-dies-robot-doctor/index.html> (дата обращения: 15.09.2022).
13. Quach K. Researchers made an OpenAI GPT-3 medical chatbot as an experiment. It told a mock patient to kill themselves. URL: https://www.theregister.com/2020/10/28/gpt3_medical_chatbot_experiment/ (дата обращения: 15.09.2022).

К. И. Ханова,
студент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье обозначена проблема определения ответственности за действия искусственного интеллекта, набирающая свою актуальность в эпоху

цифровизации общественных отношений. Проблема рассмотрена в философском, этическом и юридическом аспектах. Затронуты вопросы возложения вины и несения ответственности за действия автопилотируемого транспорта в опасной ситуации, в которой возможны жертвы или повреждения.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, робот, правосубъектность, цифровизация, вина, ответственность

INTERDISCIPLINARY NATURE OF THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR THE ACTIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article identifies the problem of determining responsibility for the actions of artificial intelligence, which is gaining its relevance in the era of digitalization of public relations. The problem is considered in philosophical, ethical and legal aspects. The issues of assigning blame and responsibility for the actions of an autopiloted vehicle in a dangerous situation in which victims or damage are possible are raised.

Keywords: Digitalization, Artificial intelligence, Robot, Legal personality, Digitalization, Guilt, Responsibility

В современном обществе все больше внедряются технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) и нейросети, что в свою очередь должно значительно облегчить жизнь человека и общества в целом, автоматизировать их повседневные процессы. Это, например, вождение автомобиля, доставка еды и организация интернета вещей. Однако современное общество не задумывается об ответственности за действия, совершаемые искусственным интеллектом, которые могут привести к последствиям, ухудшающим положение своего владельца, и юридических тонкостях, которые являются важной составляющей данных процессов. ИИ сегодня широко применяется в юридической среде в самых различных вариантах, включая программы распознавания речи и лиц людей, нейронные сети, юридические чат-боты и т. п. Как отмечают исследователи, правовое регулирование использования ИИ находится сегодня в зачаточном состоянии [5]. Отмечается, что «уже сейчас в праве происходят перемены, связанные с геометрическим увеличением технических регламентов и стандартов в правовой системе» [4. С. 37]. Поэтому необходимо осмысление новых процессов, связанных с правосубъектностью ИИ. К числу новых субъектов правовой реальности следует отнести роботов и системы на основе ИИ. Разумеется, вполне логичной становится постановка вопросов: робот и ИИ – это лицо, субъект права, цифровая личность, цифровая вещь как объект права? Поиск ответов на данные вопросы лежит в плоскостях юридической и философской наук. По мнению Г. А. Гаджиева, «...робота-агента можно будет в будущем, когда возникнут реальные предпосылки наличия у них интеллекта, т. е. сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, признать “как бы субъектами права”» [2. С. 10]. Исследователи указывают на ряд вопросов, связанных с использованием роботов и искусственного интеллекта, над которыми следует задуматься: правосубъектность искусственного интеллекта, этические проблемы, ответственность за действия роботов, вопрос о наличии воли у роботов и т. д. Обсуждается возможность рассмотреть «робота как живот-

ного», «робота как юридического лица» [1], а также возможности провести аналогии между роботами и юридическими лицами.

Сферой с наиболее развитым и применяемым искусственным интеллектом является автопилотируемый транспорт, который семимильными шагами врывается в нашу жизнь. Автомобильные концерны тратят миллионы долларов на разработку ИИ, позволяющие внедрить технологию автопилотирования в свои новые модели транспортных средств. Так как в законодательстве РФ нет особой правовой регламентации по данному направлению, то остается открытым вопрос, кто будет нести ответственность за действия ИИ при возможной ошибке и выходе из строя его системы. Поскольку у ИИ нет ни сознания, ни совести и само уголовное право основано на принципе индивидуальной вины, то можно сделать вывод, что ответственность за так называемую программу понесет разработчик либо же создатель автоматизированной системы. В перспективе разработчики желают полностью автоматизировать ИИ и уже размышляют об опасных ситуациях, при которых автоматизированная система должна будет сама выбрать варианты исхода. На данный момент в критичных обстановках все автопилотируемые средства переключают управление на человека – водителя. Но в дальнейшем полная автоматизация станет реальной.

При переходе на 4-й и 5-й уровни автопилота перед разработчиками предстает моральная дилемма при ситуациях, в которых избежать жертв невозможно. Погибнуть ли водителю автопилота (который, по сути, будет являться просто пассажиром данного транспортного средства), въехав в ограждение, или же вернуться от него, тем самым лишит жизни ни в чем неповинных пешеходов или же повредить чужое имущество. Так, например, опрос показал расхождение во мнениях опрошенных из разных стран, кого именно необходимо спасти в первую очередь при неизбежном столкновении [6]. Разработка «морального закона» для ИИ, управляющего автомобилем, – задача непростая, что и показали исследования Moral Machine [3]. По мнению большинства людей, ИИ должен ставить безопасность пешеходов выше безопасности пассажиров, однако люди приобретут автомобиль, запрограммированный поступать в точности наоборот, т. е. способный защитить жизнь пассажиров, находящихся в транспортном средстве. Данная дилемма, стоящая перед разработчиками, практически не решаема, поскольку ответы очень разнятся и зависят от множества факторов, в частности от менталитета жителей страны, в которой проводился опрос.

Данные вопросы очень многогранны и требуют долгих размышлений, исследований, чтобы прийти к единому мнению. На наш взгляд, каждое государство должно разработать свои «моральные принципы автомобильного ИИ» и внедрять их в автомобили при ввозе данных технических средств на свою территорию, полностью исключив какие-либо виды ответственности за нарушения правил дорожного движения и в случаях дорожно-транспортного происшествия с летальным исходом, поскольку водителей в привычном понимании уже не будет, а будут лишь владельцы автомобилей, являющиеся пассажирами, либо же отказаться от высокотехнологической идеи об умном транспорте и оставить управление и принятие решений при чрезвычайных ситуациях водителям.

Итак, возникновение новой цифровой реальности является вызовом для права как главного регулятора общественных отношений. Ключевым аспектом, требующим особого внимания юридической и философской наук, является проблема ИИ как субъекта права в условиях цифровизации, приобретающая в современных условиях новое видение, осмысление и понимание. Предстоит большая работа по разработке правового регулирования использования ИИ в различных сферах общества, а также проработке понятий вины и ответственности в отношении ИИ в философии права.

Список литературы

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли правосубъектности // Закон. 2017. № 4. С. 157–170.
2. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.
3. Марков А. Моральные проблемы беспилотных автомобилей не имеют универсального решения // Новости науки. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/433355/Moralnye_problemy_bespilotnykh_avtomobiley_ne_imeyut_universalnogo_resheniya (дата обращения: 03.09.2022).
4. Сильченко Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 34–39.
5. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123. DOI: 10.31857/S013207690007824-8
6. Edmond Awad, Sohan Dsouza, Richard Kim, Jonathan Schulz, Joseph Henrich, Azim Shariff, Jean-François Bonnefon, Iyad Rahwan. The Moral Machine experiment // Nature. 24 October, 2018. DOI: 10.1038/s41586-018-0637-6

З. А. Хоконова,

студент,

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема обеспечения прав личности на стадиях уголовного процесса. Анализируются системы уголовно-процессуального законодательства, затрагиваются вопросы реализации прав личности на стадиях уголовного процесса. Предлагаются концептуальные подходы к решению вопроса о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, обеспечение доступа к правосудию, уголовное судопроизводство, стадии возбуждения, цифровизация, принципы уголовного судопроизводства

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL TO. STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

Abstract. The presented article deals with the problem of ensuring the rights of the individual at the stages of the criminal process. The systems of criminal procedural legislation are analyzed, the issues of realization of the rights of the individual at the stages of the criminal process are touched upon. Conceptual approaches to solving the issue of improving the criminal procedural legislation and the practice of its application are proposed.

Keywords: Law, Digital technologies, Ensuring access to justice, Criminal proceedings, Stages of initiation, Digitalization, Principles of criminal proceedings

Уголовно-процессуальный процесс – это процесс разрешения уголовного дела в соответствии с нормами закона, включающий разнообразные стадии. Каждый этап выполняет определенную задачу, но имеет одну общую цель – решение всех задач уголовного дела. Несмотря на свою независимость, каждый из них находится в тесной взаимосвязи друг с другом и образует единую последовательность. Каждая стадия производства осуществляется определенным кругом субъектов, которые тесно связаны друг с другом в условиях координации и контроля в целях правильного разрешения уголовного дела. Именно такой характер деятельности обеспечивает реализацию назначения уголовного судопроизводства в аспекте защиты прав потерпевших.

Особо важное значение имеет охрана прав человека в уголовном судопроизводстве, в этой деятельности власть или принудительная сила государства создают неравенство сторон при участии в правоотношениях, процессуальное право приводит к тому, что права человека в уголовном судопроизводстве являются наиболее уязвимыми к нарушению. Поэтому уголовное судопроизводство во всех странах должно быть направлено на защиту прав человека, в частности, на обеспечение законных прав и интересов обвиняемых и подсудимых, минимизацию риска нарушения.

Категорически запрещается сбор доказательств от участников процесса с применением силы, угрозы применения насилия или иных противоправных мер. Все сомнения относительно обстоятельств дела должны быть интерпретированы в пользу лиц, подлежащих уголовному преследованию. Признание этого принципа в уголовно-процессуальном законодательстве представляет собой важный шаг в развитии юридической мысли, имеющий важное теоретическое и практическое значение. Это поможет устранить предубеждение органов и лиц, осуществляющих производство, в отношении обвиняемых и подсудимых, которые являются правонарушителями, поэтому в ходе рассмотрения дел они собирают только обвинительные доказательства и отягчающие доказательства, игнорируя детали защиты и смягчающие факторы. Подобное предубеждение также проявляется по отношению к обвиняемым и подсудимым как к преступникам, даже если они могут не быть виновными. Таким образом, презумпция невиновности служит основой для объективного проведения процессуальных действий, предотвращения неправильных презумпций в уголовном процессе и обеспечения правильного и законного судебного разбирательства. Это также демонстрирует гуманный характер закона.

Гарантия права на защиту задержанных, обвиняемых и подсудимых. Это также конституционный принцип [2], который четко сформулирован в статье Уголовно-процессуального кодекса: «Задержанные, обвиняемые и подсудимые имеют право защищать сами или просить других лиц защищать их. Таким образом, этот принцип понимается как охватывающий два содержания, которые по своей сути взаимосвязаны, а именно право на защиту и гарантию осуществления такого права. Право на защиту может быть реализовано на всех этапах процессуального действия. Данное право в уголовном судопроизводстве позволяет задержанным, обвиняемым и подсудимым защищать свои законные права и интересы. Чтобы воспользоваться этим правом, задержанные, обвиняемые и подсудимые должны иметь право знать правонарушения, в которых обвиняется первый, право на доступ к документам по их делам, право представлять доказательства, право обжаловать решения следственных органов и прокуратуры, право обсуждения в судебном заседании. Право на защиту должно быть тесно связано с гарантией его реализации. Следственные органы, органы прокуратуры, суды обязаны создавать условия для осуществления такими лицами права на защиту. Право на защиту задержанных, обвиняемых и подсудимых является важной гарантией объективного и справедливого осуществления процессуальных действий, а также проявлением демократии и гуманности закона.

Основные принципы, прописанные в Уголовно-процессуальном кодексе, представляют собой правовые положения, отражающие характер и характеристики уголовно-процессуального закона и играющие ведущую роль в регулировании всех норм Кодекса. Законность уголовного процесса – это конституционный принцип, требующий, чтобы государство и общественные организации были организованы и действовали, а граждане жили и работали в соответствии с Конституцией и законом. Это конкретизировано в установлении порядка рассмотрения уголовных дел, как четко указано в статье Уголовно-процессуального кодекса: «Все уголовные дела органов, осуществляющих производство, и лиц, и участников процесса должны осуществляться в соответствии с положениями настоящего Кодекса» [6]. Этот принцип составляет преобладающую идеологию в процессе разработки и применения уголовного законодательства.

К проблеме обеспечения прав личности на стадиях уголовного процесса всегда было пристальное внимание со стороны ученых-правоведов, поскольку в процессе реализации каждой стадии уголовного процесса происходит нарушение и несоблюдение прав и свобод личности.

В данной научной работе предлагаем рассмотреть некоторые из них.

Первой стадией уголовного процесса, призванной гарантировать конституционные права и свободы личности является стадия возбуждения уголовного дела [7].

Однако при исследовании данной стадии обнаруживается большое количество проблем как законодательного, так и правоприменительного плана. Стадия возбуждения уголовного дела – производство по уголовному делу – это первая стадия уголовного производства, на которой компетентный орган на основании положений уголовно-процессуального закона определяет наличие (или отсутствие) признаков преступления. Первая и основная стадия осуществляет функцию выполнения конкретных задач по определению правовых предпосылок со-

держания (материала) и законности формы (порядка) расследования уголовного дела. Время этого этапа начинается с получения первой информации о совершении правонарушения и заканчивается принятием решения о возбуждении (или не возбуждении) уголовного дела, связанного с таким поведением. Роль и значение этого этапа проявляются в следующих основных аспектах: с одной стороны, ведение уголовного дела – это оперативная реакция государства на каждое преступное деяние, чтобы способствовать выявлению, расследованию и устранению нарушений на основе обоснованных и законных мер; с другой стороны, ведение уголовных дел является фундаментальным и важным этапом уголовного судопроизводства для укрепления верховенства закона, защиты прав и свобод граждан перед привлечением к ответственности обвиняемых и применения профессиональных мер стадии расследования вместе с другими стадиями. Однако из-за отсутствия четкого законодательного урегулирования деятельности правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела, на практике возникает много проблем.

Согласно сведениям Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, за период с января по сентябрь 2020 года в Российской Федерации было выявлено следующее количество скрытых субъектами регистрации преступлений:

- 67 983 преступления небольшой тяжести;
- 33 434 преступления средней тяжести;
- 20 132 тяжких преступлений;
- 1 523 особо тяжких преступлений.

Согласно данным сведениям:

- по 63,0 % скрытых преступлений принято решение о приостановлении уголовного дела по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [3];
- по 24,3 % скрытых преступлений принято решение о направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением;
- по 12,1 % скрытых преступлений принято решение о прекращении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- по 0,6 % скрытых преступлений решение не принято.

Данные сведения позволяют сделать вывод о том, что большая часть скрытых субъектами регистрации преступлений в дальнейшем не раскрывается.

А это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости повышения эффективности механизма приема и регистрации сообщений о преступлениях.

С одной стороны, причина допущения таких грубых нарушений кроется в правовой неграмотности самого населения. С другой стороны, органы власти и их должностные лица злоупотребляют этим незнанием. Последний фактор представляет собой большую проблему, поскольку цель деятельности правоохранительных органов – обеспечение защиты и безопасности населения.

Анализ действующего уголовно-процессуального кодекса позволяет сделать вывод о том, что в действующем законодательстве существуют пробелы. Например, УПК РФ не содержит определения поводов для возбуждения уголовного дела. Он содержит лишь их виды.

Кроме того, согласно ст. 141 УПК РФ, заявление о преступлении, поданное анонимно, не считается поводом для возбуждения уголовного дела. Этот фактор способствует возможному сокрытию преступлений, что значительно снижает уровень безопасности в стране.

Внимание следует уделить и порядку принятия сообщений о преступлениях. Статья 144 УПК РФ регулирует порядок оформления сообщения о преступлении.

Однако, на наш взгляд, было бы рациональнее выдавать заявителю документ о регистрации сообщения. Должностное лицо может получить заявление, но не зарегистрировать его, зарегистрировать с нарушением законодательства или вовсе пропустив срок, а вопрос может требовать незамедлительного принятия решения правоохранительными органами. Чем раньше приступить к собиранию доказательственной базы, тем больше шанс раскрыть преступление. Однако такие изменения, на наш взгляд, противоречат существу рассматриваемой стадии.

Однако в действующем УПК РФ закреплена концепция «суррогатного расследования», которая позволяет в стадии возбуждения уголовного дела осуществлять сбор и проверку доказательственной базы без установления каких бы то ни было рамок исследования.

Данная стадия уголовного производства действительно обеспечивает конституционные права и свободы личности, поскольку на этой стадии органы предварительного расследования исключают все аспекты, не влекущие уголовную ответственность, и оставляют лишь те, что имеют юридическое значение для раскрытия и предупреждения преступлений.

Это, безусловно, является гарантией от необоснованного осуществления уголовного преследования и, как следствие, ограничения конституционных прав и свобод личности. Поэтому, на наш взгляд, ограничение конституционных прав личности должно быть допустимым только в рамках уже возбужденного в отношении лица уголовного дела и только в случаях, предусмотренных действующим законодательством.

Такие ограничения могут производиться только лицом, принявшим уголовное дело к своему производству и несущим личную ответственность за все производимые следственные и иные процессуальные действия, а также за принятые им в рамках дела решения.

Еще одним важным для нашего исследования положением уголовно-процессуального законодательства является ст. 11 УПК РФ. Несмотря на четкое, ясное и недвусмысленное изложение данной нормы, в практике ее применения возникает ряд вопросов.

В первую очередь в статье отсутствует законодательное закрепление места и роли разъяснения: отсутствует четкое понимание, в какой момент и на какой стадии уголовного производства производить разъяснение.

С одной стороны, лицо должно знать о своих правах и обязанностях после наделения его определенным процессуальным статусом [4].

Но как быть с лицами, которые формально еще не получили процессуальный статус участника уголовного производства? Действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос. На наш взгляд, данное положение следует закрепить

непосредственно в УПК РФ, поскольку именно он имеет высшую юридическую силу по отношению к актам высших судебных органов.

Ряд ученых считают, что невыполнение уполномоченными субъектами своих обязанностей по разъяснению прав и обязанностей участникам уголовного процесса является посягательством на принцип равенства сторон. Данная точка зрения нам представляется наиболее верной.

Проблема состоит и в том, что УПК РФ закрепил норму о разъяснении участнику уголовного процесса его прав и обязанностей, но не дал объяснения, что же следует понимать под словом «разъяснить».

Эти права должны принадлежать участникам уголовного процесса не формально. Задача государственных органов и их должностных лиц создать все необходимые условия и обеспечить реальную возможность реализации предоставленных этим субъектам прав. Законодатель отдельно выделяет обязанность уполномоченных субъектов обеспечить лицам, наделенным процессуальным статусом обвиняемого или подозреваемого возможность защищаться всеми не запрещенными законодательством способами и средствами [5].

Именно эти лица привлекаются к уголовной ответственности, и именно в отношении них применяются меры государственного принуждения в виде наказания. Поэтому полное и ясное разъяснение им их прав и обязанностей является важной гарантией конституционных прав личности. Нивелирование данной ситуации возможно посредством создания и вручения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако этого недостаточно, поскольку далеко не каждый человек обладает специальными знаниями в области юриспруденции, чтобы понимать тексты с юридической терминологией, содержащие информацию о правах и обязанностях.

Кроме того, прочитав и ознакомившись с протоколом определенного следственного или процессуального действия сложно представить, что человек сможет запомнить и воспроизвести в полном объеме указанные в нем права и обязанности, не говоря о том, что он сможет ими воспользоваться.

Таким образом, в качестве путей совершенствования возможно предложить при разъяснении прав и обязанностей на стадии уголовного процесса выдавать определенный документ, в котором будет прописан спектр всех прав и обязанностей, которые регламентированы законодательными актами. Схожие документы существуют в преобладающем большинстве развитых стран.

Обвиняемый не является синонимом понятия виновного. Это принципиальный вопрос, принцип презумпции невиновности. Таким образом, обвиняемый – это лицо, которое подверглось уголовному преследованию, хотя у него есть некоторые ограничения его гражданских прав, но обвиняемый по-прежнему имеет особые права. Регулирование в направлении расширения прав обвиняемых в уголовном судопроизводстве имеет большое влияние на расследование, судебное преследование и вынесение судебного решения, а также расширяет ответственность органов, осуществляющих производство, а также тех, кто участвует в уголовном процессе для ведения производства на стадиях расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства. Уточнение понятия обвиняемого, а также определение ограничения прав и обязанностей обвиняемого на этапе расследова-

ния дела помогает при проведении следственных действий по делу обеспечивать защиту прав и обязанностей обвиняемого.

На наш взгляд, заимствование зарубежного опыта в этом вопросе было бы весьма полезным и оправданным.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проблема обеспечения прав личности на стадиях уголовного процесса является актуальной на сегодняшний день. В первую очередь, это связано с важностью и серьезностью рассматриваемой темы. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – прямая обязанность государства, что отражено в основном законе нашей страны. Право на защиту в уголовном процессе является фундаментальным правом человека и гражданина, признанным не только в Российской Федерации, но и во всех странах мира с демократической формой правления.

Необходимо усовершенствовать уже существующий законодательный механизм и направить все силы на то, чтобы предоставленные человеку и гражданину права и свободы в рамках уголовного процесса существовали не только номинально. Государству в лице его государственных органов и должностных лиц следует создать все необходимые условия для того, чтобы любой человек имел возможность беспрепятственно реализовать предоставленные ему законодательством права и свободы.

Предлагается ознакомление всех участников уголовного судопроизводства с их правами через портал государственных услуг и сервис «Правосудие онлайн».

Список литературы

1. Висков Н. В. Право на защиту в уголовном процессе: содержание и юридические гарантии в системе межотраслевых связей // Дискурс. 2017. № 12 (14). URL: <http://journal-discurs.ru/files/arkhiv-zhurnala/12-2017/237-247.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

2. Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-27929 (дата обращения: 11.06.2021).

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

5. Победкин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2018. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17347389> (дата обращения: 12.06.2021).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

7. Федорова И. А. Обеспечение прав личности на первоначальном этапе досудебного производства // Вестник Уральского юридического института МВД России: Право. 2017. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prav-lichnosti-na-pervonachalnom-etape-dosudebnogo-proizvodstva> (дата обращения: 11.06.2021).

М. А. Холодная,

студент,

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, КАК ОБЪЕКТАХ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, как объекты авторских прав. В понимании автора, искусственный интеллект является инструментом в руках человека, объектом, а не субъектом права. Отмечается необходимость закрепления подобных результатов интеллектуальной деятельности как объектов авторского права, принятия федерального закона, устанавливающего правовой режим искусственного интеллекта, а также принимает во внимание существующие в мире нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в области искусственного интеллекта. Анализируются различные взгляды на правовую сущность искусственного интеллекта, предлагается оригинальная дефиниция, варианты определения обладателя авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, правосубъектность искусственного интеллекта, сильный и слабый искусственный интеллект, объекты авторских прав, нейросеть

ABOUT THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF COPYRIGHT

Abstract. The article discusses the results of intellectual activity created using artificial intelligence technologies as objects of copyright. The work highlights various points of view on the topic of the legal personality of artificial intelligence. In the author's understanding, artificial intelligence is a tool in the hands of a person, an object, not a subject of law. The author notes the need to consolidate such results of intellectual activity as objects of copyright, the adoption of a federal law establishing the legal regime of artificial intelligence, and also takes into account the existing regulatory legal acts regulating relations in the field of artificial intelligence in the world. Various views on the essence of artificial intelligence are analyzed, an original definition is proposed, options for determining the copyright holder for the results of intellectual activity created using artificial intelligence technologies.

Keywords: Artificial intelligence, Results of intellectual activity, Copyright, legal personality of artificial intelligence, Strong and weak artificial intelligence, Copyright objects, Neural network

Цифровизация активно проникает во все сферы социального бытия, включая среду искусства: набирающим обороты мировым трендом становится не только оцифровка различных произведений, организация и проведение культурных мероприятий онлайн, но и, наконец, создание цифровых инноваций, содействующих человеку в творческом процессе. Человечество стоит на пороге существенных изменений привычного уклада жизни, и даже привычные истины вроде утверждения «творить может лишь представитель Homo sapiens» начинают казаться не такими уж неопровержимыми.

Умение создавать, или, как высказывался древнегреческий философ Платон, «одержимость, даруемая человеку высшими силами», всегда считалось исключительно человеческой прерогативой, однако, технологии искусственного интеллекта, по мнению многих ученых, начинают претендовать на звание творца.

По данным Всемирного экономического форума, к 2025 г. искусственный интеллект заменит 85 млн рабочих мест, в том числе и творческих профессий [22].

Первая музыкальная композиция Ньюмана Гутмана The Silver Scale, созданная с использованием компьютера, появилась в Bell Laboratories еще в 1957 г. В настоящее время широкое распространение получили автономные системы (например, Ampermusic, Dadabots и др.), нацеленные на генерацию оригинальной музыки.

Одной из первых компаний, научивших нейронные сети создавать картины, был Google. В 2015 г. был разработан алгоритм компьютерного зрения Deep Dream для распознавания образов, а уже в 2021 г. OpenAI разработала новую нейронную сеть DALL·E, переводящую набранный текст в изображение. Настоящим прорывом в области изобразительного искусства стала разработка нейросети Midjourney, которая благодаря простому и частично бесплатному интерфейсу распространилась на широкую аудиторию. Для ее использования достаточно просто отправить в специальный чат описание изображения, которое пользователь хотел бы получить. Пользователь имеет возможность выбирать цветовую гамму, стиль изображений, в том числе и настроить программу на подражание определенному художнику [5].

Многие профессии ушли в небытие с развитием технологий. Первоначально технологии выполняли механические и рутинные процессы, но прогресс не заставил себя ждать, и вот искусственный интеллект всюду соревнуется со знаменитым российским юристом Романом Бевзенко во время фиктивного судебного процесса [11]. Творческие профессии долгое время называли краеугольным камнем, который, как казалось большинству, не окажется подвластным новейшим изобретениям как минимум без содействия человека, но действительность заставляет сомневаться в ранее незыблемых убеждениях. В октябре 2020 г. на аукционе Christies картина, написанная искусственным интеллектом, ушла с молотка за полмиллиона долларов [8], а в 2022 г. созданная нейросетью картина победила в художественном конкурсе, вызвав полемику о «смерти настоящего искусства» [13]. Фактически деятельность ИИ признается мировым сообществом творческой, а результат этой деятельности считается культурной ценностью. Является ли подобная деятельность искусством? Этот спор носит философский характер. Безусловно, в случае использования ИИ в качестве инструмента человеком, при участии, как

выражался Н. А. Бердяев, «живого начала бытия», подобных вопросов возникает меньше. Написание кода или алгоритма, создающего, к примеру, картину, есть использование технических возможностей для ее создания, хоть и в пока еще непривычном для общества понимании. Подобным образом современные художники используют графические планшеты, заранее заготовленные параметры кистей в приложениях, имея возможность исправить недочеты в считанные секунды, а фотографы повсюду применяют графические редакторы, позволяющие корректировать экспозицию и цвета фотографий, т. е. используют прогрессивные изобретения, облегчающие творческий процесс. Не так уж давно подобные новшества вызывали фурор и непринятие, но с годами они прижились, став для нас обыденными инструментами, применяемыми деятелями искусства. Возможно, в обозримом будущем и искусственный интеллект станет для нас привычной реальностью и всегда будет выставок.

Дилемма о признании (или отрицании) созданных искусственным интеллектом или с помощью искусственного интеллекта результатов интеллектуальной деятельности произведением искусства, а следовательно объектом авторских прав, требует правового разрешения. Само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не отрицает творческого процесса и, следовательно, появление нового специфичного объекта авторского права, так как правоприменитель руководствуется презумпцией творчества в результате интеллектуальной деятельности. Российский законодатель защищает как объект авторских прав и репродукции (копии) уже существующих картин, поэтому использование ИИ данных, полученных с изучения закономерностей чужого творчества, не делает итог операций не соответствующим правовым меркам творческой деятельности.

Единого «творческого критерия» сегодня не существует. Согласно Закону РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», творческая деятельность – создание культурных ценностей и их интерпретация [10]. Законодатель не выделяет четких требований для определения результата интеллектуальной деятельности как объекта авторских прав. Перечень объектов авторских прав не закрыт, поэтому произведения искусства, созданные ИИ, в настоящий момент могут быть отнесены к списку решением суда. Несмотря на подобные обстоятельства, целесообразно внесение произведений, созданных при помощи нейросети, в перечень объектов авторских прав на уровне федерального закона.

Правовое регулирование ИИ на мировом уровне в настоящее время содержит в себе множество пробелов, однако следует отметить, что наиболее развитые в среде новейших технологий государства занимаются системной разработкой положений по урегулированию данной сферы. Итогом упорного труда ЕС стал разработанный в 2021 г. проект Акта об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act), в дальнейшем ставший первым законом, содержащим подробное регулирование подобных систем [14]. В РФ действуют акты стратегического регулирования сферы ИИ, так, в 2020 г. была принята Стратегия об искусственном интеллекте, главной задачей которой считается разработка и принятие нормативно-правовых актов в области ИИ. При этом ИИ понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий

имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [15]. Анализ законодательных инициатив Российской Федерации и других стран мира свидетельствует о постановке государствами задач как по решению отдельных, наиболее актуальных вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта и робототехники, так и по глобальному определению перспектив системного анализа и регулирования использования искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни, а также необходимости обеспечения системы безопасности личности, общества и государства от возможных угроз выхода искусственного интеллекта из-под контроля человека [6].

Мировое сообщество должно разработать единый комплекс правовых норм, регламентирующих положение ИИ, стандартизирующий обращение с данными технологиями, и регулирующих отношения, затрагивающие деятельность ИИ в сфере искусства, поскольку в ближайшее время искусственный интеллект будет играть в нем значительную роль: количество произведений, созданных ИИ, будет увеличиваться, впрочем, как и количество правовых споров об авторстве и природе подобных произведений. В недалеком будущем ИИ затронет все сферы жизни общества, из чего следует, что законодателям предстоит кропотливая работа и исследование возможностей технологий. Как отмечают некоторые ученые, сегодня не только и не столько право влияет на развитие отношений в сфере использования цифровых технологий, сколько последние вынуждают право трансформироваться и взаимодействовать с другими регуляторами, использовать цифровые технологии для собственных целей саморазвития на различных уровнях «жизни» [6].

В РФ необходимо принятие федерального закона, закрепляющего правовой режим технологий искусственного интеллекта и основные принципы, дефинитивный аппарат, элементы статуса субъектов, в том числе и для создания эффективного механизма правового регулирования авторских прав с использованием технологий ИИ.

Итак, вопрос о правовом положении технологий искусственного интеллекта в сфере искусства в настоящее время остается открытым [16. С. 42–44], в связи с чем в мировом юридическом сообществе возникают сложности относительно авторских прав на произведения, созданные на платформе цифровых инноваций.

Использование искусственного интеллекта для решения творческих задач при создании музыкальных, графических, художественных и иных произведений обостряет ряд юридических задач, в том числе являются ли результаты деятельности ИИ собственно произведениями, кого признавать автором и др.

По степени участия в творческом процессе выделяют два вида ИИ: используемые в качестве вспомогательного инструмента человеком, не проявляющие потенциала к самостоятельному участию в создании произведения, и самообучающиеся нейросети, сводящие роль человека к нулевому или минимальному участию, с непредсказуемым результатом. Уже доказано, что некоторые нейросети способны генерировать согласованные и разнообразные предложения [17. С. 8].

Во втором случае, как правило, нейросеть обрабатывает загруженные в базу данных произведения искусства (стихотворения, картины, музыку и др.), анализирует определенные закономерности, свойственные объектам, и использует полученные знания для создания нового произведения, основанного на извлеченных правилах. Примером подобной нейросети является Ampermusic, автономно генерирующая музыкальные произведения [4].

Достаточно продолжительный период времени ведется дискуссия о возможности создания полностью автономного искусственного интеллекта. Автономность ИИ – способность эволюционирования и самосовершенствования от полностью запрограммированной машины до полностью или частично самостоятельной сложной системы, способной проводить операции без внешнего воздействия со стороны человека. На данный момент подобные технологии существуют лишь в книгах жанра фантастики, но гипотеза о возможности создания «сильного» искусственного интеллекта на данный момент является одной из наиболее горячо обсуждаемых как в научной, так и обывательской среде.

Некоторые ученые полагают, что искусственный интеллект лишь содействует человеческой деятельности, а права автора закрепляются за пользователем или лицами, являющимися создателями подобной системы. Распространена точка зрения, согласно которой такие изображения считаются «бесхозными», т. е. не имеющими автора, – согласно ее последователям, у лица, использовавшего искусственный интеллект для создания произведения, возникают права публикатора. Не менее популярной является позиция, согласно которой искусственный интеллект признается особым субъектом права, близким по статусу к физическим лицам в зависимости от своих возможностей. Например, в Саудовской Аравии человекоподобному роботу по имени Софи было предоставлено гражданство, включающее в себя права и обязанности, сходные с физическими лицами [12]. Тимоти Батлер, признанный авторитет в области исследования операций и науки управления, выделял следующие подходы:

- отказ от наделения искусственного интеллекта авторскими правами;
- наделение искусственного интеллекта авторскими правами либо распределение этих прав между этим искусственным интеллектом и человеком;
- распределение авторских прав между собственником основного ПО и собственником компьютера;
- создание «фиктивного» человеческого автора и передача его авторских прав собственнику основного ПО или собственнику компьютера [18. С. 707–747].

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к понятию искусственного интеллекта. В научной среде подходы к сущности ИИ существенно различаются: Джон Маккарти, американский информатик и автор термина «искусственный интеллект», приводил следующее объяснение: это наука и технология создания интеллектуальных машин, в особенности интеллектуальных компьютерных программ. Искусственный интеллект связан с задачей использования компьютеров для понимания работы человеческого интеллекта, но не ограничивается использованием методов, наблюдаемых в биологии. По мнению Маккарти, ИИ не является подобием человеческого разума [20]. А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова разделяют точку зрения Маккарти и указывают, что наделение ис-

кусственного интеллекта признаками правосубъектности преждевременно. По их мнению, под искусственным интеллектом следует понимать «программно-вычислительный комплекс, функционирующий посредством заранее заданного алгоритма со встроенной способностью к самообучению, в связи с чем позволяющий имитировать когнитивные функции человека и автономно выполнять конкретные задачи или производить результаты, сопоставимые с интеллектуальной деятельностью человека» [1. С. 74–83].

П. М. Морхат писал в одной из своих работ: «В научной литературе предлагается самостоятельный термин, обозначающий искусственный интеллект как субъекта права – “электронное лицо” – и являющийся исключительно юридической формулировкой, а не биоэтической или философской констатацией». По его мнению, ИИ должен быть наделен «правосубъектностью электронного лица», включающей в себя отдельные элементы правосубъектности физических и юридических лиц [7]. Схожую точку зрения имеют Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис: «Сам факт включения в перечень субъектов гражданских правоотношений таких юридических лиц, как казачьи общества и крестьянские хозяйства, является свидетельством эластичности понятия юридического лица. Поэтому в будущем, когда по мере совершенствования искусственного интеллекта может возникнуть потребность в признании юридической личности роботов, можно будет подумать – а не признать ли их особой разновидностью юридических лиц?» [2]

Придерживаясь первого подхода, мы считаем, что ИИ является объектом, а не субъектом права, поскольку его действия зависят от воли и внешнего воздействия на систему человеком.

Автономное поведение ИИ возможно лишь при создании так называемого сильного искусственного интеллекта, однако сама возможность создания подобного ИИ остается неподтвержденной гипотезой. Следовательно, при отсутствии волевых побуждений и подчинении воле человека, ИИ не может нести ответственность за последствия своих операций, он является инструментом в руках человека. ИИ является объектом права и не может обладать правовым статусом, из этого следует, что он не является носителем авторских прав.

В подавляющем большинстве стран, например во Франции, также существует принцип приоритета авторского права человека над ИИ. Согласно Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы № 2102 «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека», ответственность за деяние лежит на человеке независимо от обстоятельств, и ссылки на независимые решения юнитов искусственного интеллекта не могут освобождать их создателей, владельцев и операторов от ответственности за нарушение прав человека, совершенное с использованием таких систем, даже в тех ситуациях, когда само действие не было совершено по прямому указанию человека [21]. Широкий резонанс получил случай в суде Китая: суд Шэньчжэня постановил, что статья, созданная программой компании Tencent, подлежит защите как объект авторского права. В ходе судебного процесса было установлено, что статья содержит оригинальные формулировки. Государственное новостное агентство China News Service отмечает, что это «первое признание ИИ как самостоятельной творческой единицы» [19].

ГК РФ четко определяет субъекта, обладающего авторскими правами: «гражданин, творческим трудом которого создан результат», т. е. по российскому законодательству автором может являться лишь физическое лицо [3].

Степень автономности робота и степень участия человека являются важнейшим фактором для определения его правового режима и в возможной перспективе статуса электронного лица. Однако в случае наделения «независимого» ИИ правосубъектностью возникает сложность в отношении темы юридической ответственности: кто будет нести ответственность за действия нейросети, например, в случае плагиата? В настоящее время единой концепции юридической ответственности ИИ не существует, а применение к ИИ таких же мер ответственности, как к физическим лицам, по мнению автора, не представляется возможным, так как отсутствуют психическое отношение робота к инциденту и другие признаки деликтоспособности.

С учетом вышеизложенного предлагается следующее определение технологии ИИ – это информационная система, элементами которой выступают комплекс программ для ЭВМ, а также технический и технологический инструментарий.

Такой акцент позволяет рассматривать возможности гражданско-правового регулирования по проблемному вопросу. Так, с позиции ст. 1259 ГК РФ автором программ для ЭВМ считается разработчик. Выделение в структуре технологии ИИ программного обеспечения позволяет расставить все точки над «i» и выявить взгляд отечественного законодателя на принадлежность авторских прав на результат интеллектуальной деятельности, созданный с использованием ИИ. С этой позиции их обладателем является разработчик программы.

В случаях, когда произведение создается творческим трудом пользователя при использовании готовых инструментов программы (например, Midjourney), лицо, являющееся разработчиком программы, согласно ст. 1228 ГК РФ, не становится автором результата интеллектуальной деятельности, поскольку оно оказывало содействие в процессе его создания (предоставило программу в пользование), а не вносило личный творческий вклад. Лишенная воображения машина воспроизводит категории и образы, заложенные в нее человеком, поэтому подлинного творчества, создания чего-то абсолютно нового не происходит [9. С. 125–137].

При данном положении дел объекту, созданному усилиями пользователя с использованием нейросети, разработчиком которой он не является, должен придаваться статус произведения, перешедшего в общественное достояние, а авторство закрепляется за пользователем.

В ситуации, при которой авторство установить невозможно, автор предлагает зафиксировать за объектом статус произведений народного творчества, т. е. не имеющих конкретного автора, если судом не будет вынесено иное решение.

Следует отметить, что в настоящее время ответственность за нарушение авторского права искусственным интеллектом сообразно возложить на лицо, разработавшее программу или имеющее возможность обеспечивать ее функционирование, если не будет доказано, что лицо не могло повлиять на данное нарушение. Этот факт является немаловажным дополнением к ранее высказанной позиции о принадлежности авторских прав физическому лицу.

Подводя итоги, еще раз хотелось бы подчеркнуть необходимость создания правовых норм на уровне федерального закона, регламентирующих отношения, возникающие при использовании искусственного интеллекта.

Как правило, новейшие цифровые технологии закрепляются на уровне стратегических документов (подзаконных актов), не изменяя акты высшей юридической силы. Однако в целях поступательного движения именно федеральное законодательство нуждается в обновлении.

Поэтому считаем актуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, в перечень объектов гражданских прав. Такое признание не только выступит дополнительной гарантией существования инновационных юридических объектов, но и увеличивает возможности защиты авторского права при создании подобных произведений в судебном и ином не запрещенном законом порядке.

При этом право авторства по общему правилу должно принадлежать разработчику алгоритма, использованного при создании художественного объекта, по аналогии с программами для ЭВМ.

Однако следует подчеркнуть, что цифровые технологии развиваются с огромной скоростью и вопрос о развитии самостоятельной способности нейросети к творчеству остается открытым.

Список литературы

1. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1, № 4. С. 74–83.
2. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhet-li-robot-byt-subektom-prava-poisk-pravovyh-form-dlya-regulirovaniya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 18.09.2022).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 15.09.2022).
4. Искусственный интеллект Amper написал музыку для альбома американской певицы. URL: <https://nplus1.ru/news/2017/08/23/taryn-feat-amper> (дата обращения: 16.09.2022).
5. Кто придумал нейросеть Midjourney и отберет ли она работу у живых художников и дизайнеров. URL: <https://incrussia.ru/understand/midjourney-creator/> (дата обращения: 11.09.2022).
6. Минбалеев А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 17.09.2022).
7. Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosubektnosti-elektronnogo-litsa> (дата обращения: 18.09.2022).
8. Написанную искусственным интеллектом картину продали почти за полмиллиона долларов. URL: <https://hi-news.ru/technology/napisannuyu-iskusstvennym>

intellektom-kartinu-prodali-pochti-za-polmilliona-dollarov.html (дата обращения: 14.09.2022).

9. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире, в том числе новые объекты интеллектуальных прав и глобальная защита / Г. А. Ахмедов, Е. А. Войниканис, К. Д. Глазунова, Н. В. Зайченко и др. Москва, 2017. 213 с. 10.

10. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 17.09.2022).

11. Понимание духа права бот демонстрирует с переменным успехом // Роман Бевзенко победил в баттле с искусственным интеллектом. URL: https://zakon.ru/discussion/2018/05/17/ponimanie_duha_prava_bot_demonstriruet_s_peremennym_uspehom_roman_bevzenko_pobedil_v_battle_iskusst (дата обращения: 12.09.2022).

12. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3454104> (дата обращения: 16.09.2022).

13. Созданная ИИ картина победила в художественном конкурсе, вызвав полемику о «смерти настоящего искусства». URL: <https://3dnews.ru/1073375/sozdannaya-iskusstvennim-intellektom-kartina-pobedila-v-konkurse-i-navlekla-gnev-iskuststvedov> (дата обращения: 14.09.2022).

14. Степанян А. Ж. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act): первый взгляд на проект // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 7 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglament-evropeyskogo-soyuza-ob-iskusstvennom-intellekte-artificial-intelligence-act-pervyy-vzglyad-na-proekt> (дата обращения: 18.09.2022).

15. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 18.09.2022).

16. Холодная Е. В. Этические стандарты и регулирование искусственного интеллекта // Информационное право. 2020. № 3. С. 42–44.

17. Bowman S. R., Vilnis L. Generating Sentences from a Continuous Space [Генерирование предложений из непрерывного пространства]. URL: <https://arxiv.org/pdf/1511.06349.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

18. Butler T. L. Can a computer be an author – Copyright aspects of artificial intelligence // Hastings communications and entertainment law journal. San Francisco, 1982. Vol. 4. Pp. 707–747.

19. China's State-Run Media Unveils 'AI Anchors' to Read the News. URL: <https://time.com/5450141/china-xinhua-artificial-intelligence-news-anchor/> (дата обращения: 18.09.2022).

20. John McCarthy: Computer scientist known as the father of AI. URL: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/john-mccarthy-computer-scientist-known-as-the-father-of-ai-6255307.html> (дата обращения: 18.09.2022).

21. Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe [Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2102

(2017) от 28.04.2017 «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека»] // Technological convergence, artificial intelligence and human rights, 28 April 2017. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en> (дата обращения: 16.09.2022).

22. The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (дата обращения: 11.09.2022).

П. Р. Черкасова,

магистрант,

Казанский филиал Российского государственного университета
правосудия

ОСОБЕННОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ, СОВЕРШАЕМОГО ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В последние годы в России благотворительность получила широкое распространение. Однако возрастающее число пожертвований и отсутствие надлежащего регулирования приводят к росту преступлений, совершаемых под видом благотворительной деятельности. Целью исследования является разработка мер противодействия преступлениям в сфере благотворительности. Актуальность обосновывается необходимостью внесения поправок в уголовное законодательство, которое устанавливало бы ответственность за преступления, совершаемые в сфере благотворительности, в частности, с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, благотворительность, мошенничество, жертвователи, социальные сети, ответственность

FEATURES OF CHARITY FRAUD PERFORMED THROUGH THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. In recent years, charity has become widespread in Russia. However, the increasing number of donations and the lack of proper regulation, leads to an increase in crimes committed under the guise of charitable activities. The purpose of the study is to develop measures to counteract crimes in the field of charity. The relevance is justified by the need to amend the criminal law, which would establish liability for crimes committed in the field of charity, in particular, using digital technologies.

Keywords: Law, Digital technologies, Charity, Fraud, Donors, Social networks, Responsibility

Благотворительность в России с каждым годом набирает обороты, о чем свидетельствует вышедший в конце прошлого года мировой индекс благотворительной деятельности. По данным директора благотворительного фонда «КАФ» Марии Черток, ситуация по уровню благотворительности в России следующая: «Всплеск взаимопомощи, который мы наблюдали в России в 2020–2021 гг., зафиксирован в мировом индексе благотворительности, он отражает зрелость культуры

благотворительности в нашей стране». Однако на фоне положительной динамики совершаемых пожертвований можно наблюдать абсолютно аморальные и бесчеловечные случаи мошенничества в данной сфере, когда собранные с использованием обмана средства расхищаются. В период пандемии участились случаи мошенничества с применением цифровых технологий, что усложняет процесс поиска виновника и оставляет его безнаказанным. Такие деяния являются разновидностью особо циничных преступлений, поскольку в результате их совершения помощь, предназначенная благополучателю, до него не доходит.

О распространенном характере мошенничества в сфере благотворительности свидетельствует посыл правоохранительных органов в средствах массовой информации, в котором содержится следующее: «Не откликаться на призывы о помощи из непроверенных источников, которые содержат малозначительную информацию о проблемной ситуации, а также не подтверждают информацию документально». Распространенность преступлений в сфере благотворительности действительно приобретает новые масштабы, поскольку мошенники, отслеживая социальную ситуацию в стране, ищут новые способы достижения своей цели. Зачастую для поиска широкой аудитории они используют цифровые технологии, а именно социальные сети, поскольку круг доступа к аудитории в социальных сетях не ограничен. В свою очередь лицами, которым якобы предназначается помощь, выступают больные дети, инвалиды, к которым так или иначе пробуждаются жалость и желание поспособствовать помощи.

В этой связи необходимо отметить, что «профессиональное псевдонимство» с улиц населенных пунктов в значительной степени перешло в виртуальный мир. Но сценаристы постановочных трюков продолжают работать и получать свой немаленький доход. Это особая индустрия теневой экономики, которой занимаются представители и профессиональной, и организованной преступности. Наиболее распространенным способом мошенничества является сбор средств на лжеблаготворительные цели при помощи постов в социальных сетях. Зачастую пост о сборе средств содержит минимальную информацию о ребенке. В конце поста всегда указаны реквизиты личного счета мошенника, которые в поддельных аккаунтах мелькают регулярно, будто напоминая о необходимости перевести денежные средства. Подобная ситуация произошла с футболистом ФК «Текстильщик» Александром Солодковым, который пожертвовал крупную сумму на лечение шестилетнего мальчика Давида. Аккаунт, созданный в социальных сетях, агитировал на сбор средств в целях излечения заболевания мальчика. Однако те сведения, которые были представлены, являлись не информативными, т. е. сведений о ребенке практически не было, в свою очередь для сбора средств с мужчиной непосредственно связывалась менеджер семьи мальчика. Представитель семьи Давида сообщила, что другие спортсмены также осуществляли пожертвования, и, не предоставив никакой информации о болезни ребенка, просила футболиста срочно перевести денежные средства. В последующем не раз семья мальчика связывалась с Александром и сообщала, что денежных средств не хватает, и пожертвования требуются вновь. Итоговая сумма, которую футболист перевел мошенникам, составила 2 миллиона рублей. Возбудили уголовное дело по ст. 159 ч. 4 УК РФ. Однако, на наш взгляд, ответственности по статье «Мошенничество в осо-

бо крупном размере» недостаточно, поскольку подобные преступления затрагивают лучшие чувства людей, такие как сострадание и желание помочь в трудную минуту. В этой связи считаем целесообразным добавить в ст. 159 УК РФ квалифицированный состав, позволяющий наиболее справедливо наказать виновников. Текст изменений полагаем разместить в ст. 159 ч. 3 УК РФ, которая будет выглядеть следующим образом: «Мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо в сфере благотворительной деятельности, а равно в крупном размере». Либо обозначить данный квалифицированный состав в рамках отдельной части рассматриваемой статьи. Данная мера позволит вести отдельную статистику за совершаемые преступления и наиболее детально анализировать криминогенную ситуацию в России.

Таким образом, при помощи социальных сетей, в частности сообществ «ВКонтакте», телеграм-каналов, у мошенников появляется спектр возможностей для выманивания денежных средств у жертвователей. Именно поэтому, на наш взгляд, необходимо детально проработать этот вопрос как на уровне субъектов, а именно продумать превентивную норму для предотвращения нелегального сбора средств с использованием цифровых технологий, а также рассмотреть данную проблему на федеральном уровне. Предполагаем, что в результате предлагаемых нами изменений механизм функционирования благотворительной деятельности улучшится, она станет наиболее прозрачной, а статистика совершаемых пожертвований будет возрастать.

Список литературы

1. Россия поднялась на 67-е место в мировом рейтинге благотворительности // Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/06/16/cafrating-blagotvoriteljnosti/> (дата обращения: 13.09.2022).
2. Исследование: каждый десятый россиянин регулярно совершает пожертвования на благотворительность // Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/02/17/issledovanie-76-rossiyan-v-czelom-gotovy-doveryat-blagotvoritelnyum-fondam/> (дата обращения: 13.09.2022).
3. Благотворительный фонд развития филантропии: Мировой рейтинг благотворительности 2021 от 16.06.2021. URL: <https://www.cafrussia.ru/news/4395/> (дата обращения: 13.09.2022).
4. Андреева Г. М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2018. Т. 26, № 5. 534 с.
5. Валеева З. Р. О проблемах развития меценатства и благотворительности в Республике Татарстан // Информац. бюл. Республ. совета по вопросам благотворительной деятельности. Казань: ИИЦ при УДП РТ, 2018. – Вып. 1. – 307 с.
6. Енгальчева О. М. Освещение благотворительности в российских СМИ // Реклама и журналистика: на стыке времен, наук и цивилизаций: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2 ч. Москва, 2022. С. 85–95.
7. Идрисов Х. В., Гайтамирова А. А. Благотворительное мошенничество: понятие, причины возникновения и способы профилактики // Вопросы экономики и права. 2019. № 133. С. 7–12.

8. Черкасова П. Р. Преступления, совершаемые в сфере благотворительности // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В. Г. Тимирязова – 2020: материалы X Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (18 декабря 2020 г.). Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. С. 436.

А. Б. Чиквин,
аспирант,

Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В работе исследованы основные диалектические противоречия, с которыми сталкиваются российские правоведы при изучении правовой природы искусственного интеллекта и робототехники. Ключевым вопросом является оценка теорий о возможной правосубъектности искусственного интеллекта, приведена зарубежная практика его разрешения. Дана оценка существующим подходам и предложен вариант механизма правового регулирования ИИ с учетом существующего уровня технологий и развития правовой мысли.

Ключевые слова: правосубъектность, диалектика, искусственный интеллект, робототехника, цифровое право, субъект, субъективное право, правоспособность, дееспособность

OVERCOMING DIALECTIC CONTRADICTIONS IN DETERMINING THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article examines the main dialectical contradictions that Russian lawyers face when studying the legal nature of artificial intelligence and robotics. The key issue is the assessment of theories about the possible legal personality of artificial intelligence, the foreign practice of its resolution is given. An assessment of the existing approaches is given and a variant of the mechanism for the legal regulation of AI is proposed, taking into account the current level of technology and the development of legal thought.

Keywords: Legal personality, Dialectics, Artificial intelligence, Robotics, Digital law, Subject, Subjective right, Legal capacity

Введение. Своеобразие текущего момента в развитии правовой мысли ярко выражено через многочисленные попытки индоктринации права теориями правосубъектности искусственного интеллекта. Поскольку тема эта широко и подробно освещается на страницах профильных рецензируемых изданий, уже можно утверждать, что среди правоведов выделились две группы влияния. Первые

отстаивают точку зрения, согласно которой в праве должен появиться новый субъект – искусственный интеллект; вторые, наоборот, опровергают этот подход, утверждая, что нет никаких оснований для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

Критический анализ массива научных работ по этой проблематике позволяет выделить ряд проблем, без разрешения которых дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта вряд ли может найти свое качественно новое продолжение. Прежде всего, это проблема терминологии. Еще В. К. Андреев [1. С. 58–68] отмечает, что основные понятия, закрепленные сегодня в нормативно-правовых актах, в частности, в Национальной стратегии искусственного интеллекта на период до 2030 г., не являются в чистом виде правовыми, а представляют собой сложные научно-технические понятия, а некоторые вообще не поддаются целостному правовому регулированию.

Таким образом, можно констатировать, что в дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта сегодня укрепился феноменологический подход. Не отрицая значимости этого метода в научных исследованиях, отметим, что его применение с неизбежностью порождает ряд противоречий. Не случайно Н. А. Боброва указывала [4. С. 54–62] на то, что зачастую в самих терминах цифровизации содержится диалектическое противоречие. И. Н. Спицин пишет [14. С. 137–146], что и в самой Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. обращается внимание на отсутствие однозначного понимания термина искусственного интеллекта и на то, что это приводит к терминологическим проблемам при формировании основ правового регулирования. Стоит согласиться с указанными авторами и добавить, что на данном этапе необходима юридикация понятий и терминов, используемых в дискуссиях о правовом статусе искусственного интеллекта, то, что можно назвать консолидацией понятия искусственного интеллекта правом. Нам представляется, что для разрешения терминологических противоречий необходимо применение еще одного метода. Создать систему взаимосвязанных и взаимозависимых принципов и правил на основе знания закономерностей возможно с помощью диалектического метода.

С этой целью в статье мы проанализировали, каким образом законы диалектики помогают преодолеть возникающие противоречия в терминологическом облаке дискуссий о правосубъектности искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что предложенный метод не претендует на конечность и универсальность в исследуемом вопросе, однако позволяет продолжить обсуждение уже с использованием юридических понятий и терминов.

Применение закона единства и борьбы противоположностей. Как отмечают многие авторы, в частности В. В. Архипов, В. Б. Наумов [3. С. 153–170], а также S M. Solaiman [15. С. 155–179], искусственный интеллект проявляет противоположные, взаимоисключающие стороны своей сущности. Искусственный интеллект не только сочетает в себе черты как объекта, так и субъекта, но и в различных своих проявлениях может обнаруживать отдельные черты, присущие животным, юридическим лицам, детям, географическим объектам или даже сверхъестественным сущностям.

Концепция искусственного интеллекта как животного основана на том, что у них обоих наблюдается автономность действий. Концепция искусственного интеллекта как юридического лица основана на искусственной конструкции субъекта, которая при этом применяется – юридической фикции. Сверхъестественные сущности признаются субъектами права в некоторых юрисдикциях, например, в Индии, на основании поддержания длительное время религиозных обычаев. Также в Индии и в Новой Зеландии субъектность признается за отдельными природными объектами – реками и горами, а в Эквадоре – за всей природой страны. Правовая конструкция, которая при этом применяется, аналогичная конструкции юридического лица.

Наконец, концепция наделения искусственного интеллекта субъектностью с ограниченной дееспособностью по аналогии с ребенком, не достигшим определенного возраста, основана на том представлении, что искусственный интеллект далеко не во всех случаях сможет нести ответственность за совершаемые действия.

При этом во всех изложенных концепциях и аналогиях имеются диалектические противоречия: внутренние, внешние, антагонистические.

Ряд авторов, например, В. Ф. Попондопуло отмечают [11. С. 29–36], что конструкция правосубъектности искусственного интеллекта, выстраиваемая по аналогии с конструкцией юридического лица, антагонистична по своей сути. Ведь юридическое лицо как юридическая фикция может обладать имуществом, включая робототехнику, а действия юридического лица в конечном счете все равно определяются самим человеком. Таким образом, отпадает необходимость в наделении субъектностью искусственного интеллекта, поскольку так или иначе самостоятельно или через посредство юридического лица его действия определяет человек.

Главная причина, по которой правоведа отказывают в правосубъектности искусственному интеллекту по приведенным выше аналогиям – это вопрос ответственности. В то же время принципиальных препятствий к тому, чтобы наделять искусственный интеллект правосубъектностью, диалектика не усматривает. Теоретически он может обладать такой же специальной правосубъектностью, какой обладают юридические лица.

Применение закона перехода количественных изменений в качественные. Наилучшим образом действие этого диалектического закона иллюстрируется на примере известного философского парадокса корабля Тесея. По мере развития технологий искусственный интеллект накапливает свойства, характерные для субъекта (автономия воли, обособленное имущество, деликтоспособность, возможность участия в гражданском обороте). Перед правоведами с неизбежностью при каждой новой итерации преобразования этого корабля Тесея возникает вопрос – это все еще объект права, или уже субъект?

Например, Е. В. Пономарева считает [12. С. 66], что решающим критерием является способность нести ответственность. Она, по мнению автора, отделяет субъекта от квазисубъекта и помогает так разрешить диалектическое противоречие.

Ряд авторов, в частности В. О. Пучков [13. С. 143–158] указывают, что основанием для перечисленных проблем является понятийно-терминологическая нео-

пределенность гражданско-правовой доктрины и законодательства, выражающаяся в отсутствии категориальной системы, которая могла бы отделить однозначно самого субъекта от его проекций в цифровом пространстве и других субъектов.

На наш взгляд именно обращение к философским аспектам проблематики позволяет установить диалектическую взаимосвязь права как регулятора общественных отношений с поведением конкретного субъекта и собственно содержанием отношений. Это возможно благодаря тому, что само по себе право в принципе основано на диалектике формы и содержания и нацелено на построение нормативной системы, нормы которой будут эффективно отражать особенности общественных отношений как закономерные, так и случайные.

Согласимся с А. К. Жаровой [8. С. 69–76], которая пришла к выводу, что в эпоху информационно-коммуникационных технологий человек как реально существующая личность будет представлять меньший интерес, чем его «цифровой дубликат», который таким образом сам становится фактически субъектом, поскольку взаимодействие государственных и муниципальных органов, производителей товаров и услуг будет проходить главным образом с этим «цифровым двойником», а не с физически существующим человеком.

Даже когда человек умирает, то государственные и муниципальные органы, юридические лица (банки и управляющие компании) длительное время могут взаимодействовать с его цифровым образом, получая автоматизированные реакции, например, через зачисление и списание средств со счетов.

С этой точки зрения искусственный интеллект как симулякр человека также фактически может представлять собой субъект, поскольку при взаимодействии в информационно-коммуникационной среде неотличим от «цифрового дубликата» реально существующего человека.

Применение закона отрицания отрицания. Еще П. У. Кузнецов писал [10. С. 72–81], что формулирование единой дефиниции понятий «искусственный интеллект» и «умный робот» – очень сложная научная задача, поскольку они обладают разными существенными признаками. Соглашаясь с автором, отметим также, что высокие наукоемкие информационные технологии в своих определениях содержат иррациональные признаки. К ним можно отнести неоднозначно понимаемые «разумное время», «возможность обработки информации», «структурированность данных», «большие объемы» и т. д. Эта иррациональность противоречит законам формальной логики.

Однако не нужно, на наш взгляд, пытаться механически устранить такие противоречия, поскольку присутствие в явлении искусственного интеллекта одновременно понятных и труднообъяснимых признаков само по себе является его свойством, характеризующим его.

Согласимся с Е. С. Аничкиным в том, что на данном этапе нам необходим системный критический анализ действующего законодательства в целях определения приоритетов и направлений его модернизации в условиях развития цифровых технологий [2. С. 19–22]. Такая ситуация объективно обусловлена тем, что изначально в нашем законодательстве отсутствует доктринальное разрешение вопросов, связанных с регулированием искусственного интеллекта.

Также Е. С. Аничкин справедливо отмечает тот факт, что намеченные меры по правовому обеспечению цифровизации носят, по существу, ситуационный характер [2. С. 19–22]. Они предполагают корректировку действующего законодательства в качестве реакции на возникающие запросы информационного пространства в то время, как правовое регулирование в этой области должно носить опережающий характер.

Заключение. Действительно, необходимо признать, что процесс активной цифровизации всех сторон нашей жизни объективно вызвал появление нового типа общественных отношений. Для осмысления специфики этих отношений и понимания того, как они встроены в структуру права, необходима осознанная рефлексия юриспруденции. Применение диалектического метода в ходе такой рефлексии позволяет сделать неожиданные, порой, парадоксальные выводы.

Например, в ходе диалектического синтеза рождается предложение об отказе от традиционного понимания правоотношения в цифровую эпоху, поскольку все его элементы (субъект, объект, права и обязанности) претерпели значительную трансформацию. В цифровой среде между ними стираются различия, отражающие их суть. В частности, В. К. Андреев пишет [1. С. 72–81], что технологическое решение устраняет правовое различие между субъективным гражданским правом и его объектом. Возникают такие явления, как утилитарное цифровое право, которые одновременно содержат признаки того и другого.

В таких условиях можно констатировать, что технологические решения в области искусственного интеллекта стирают различия между субъектом и объектом права, поскольку тот в своем противоречивом исполнении может одновременно проявлять противоречивые сущностные признаки. Подобную ситуацию анализировал В. Витко [5. С. 5–22], который указывал, что признание искусственного интеллекта одновременно объектом и субъектом права немислимо, поскольку порождает юридический абсурд, создавая невозможные юридические отношения.

Не споря с автором относительно того, что абсурда в создании юридических конструкций стоит все же избегать, отметим, что идея о сочетании в одном явлении свойств субъекта и объекта не нова. Задолго до появления искусственного интеллекта в римском праве родилась формула «*Hereditas vice defimcti fungitur, personam defimcti sustinet*», которая применялась к лежащему наследству. Существует несколько вариантов наиболее близкого к смыслу толкований этого правила, на наш взгляд, точнее всего он передается формулировкой «Наследство выступает представителем наследодателя, оно является юридической личностью умершего». Таким образом вещи, входящие в наследство (объекты), принадлежат наследству (субъекту) как юридическому лицу.

Этот пример только иллюстрирует тот факт, что глобальный технический прогресс, сопровождаемый взрывным развитием цифровых технологий, изменяет наши представления о мире так, что, как указывает Д. В. Жуков [9. С. 44–52], требуется основательный пересмотр действующих нормативных правовых актов. Осознание этого факта является актуальным как для действующего законодателя, так и для исследователей в области теории права.

Таким образом, в повестке дня – выработка на будущее научной парадигмы, адекватно отвечающей реалиям дня сегодняшнего и отражающей закономерности развития искусственного интеллекта для его дальнейшего успешного развития.

Список литературы

1. Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68.
2. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
3. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
4. Боброва Н. А. Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 23–25.
5. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–20; № 3. С. 5–22.
6. Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233.
7. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
8. Жарова А. К. Правовое обеспечение информационной безопасности в «умных городах» // Юрист. 2019. № 12. С. 69–76.
9. Жуков Д. В. Особенности защиты культурных прав в условиях развития цифровых технологий // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 44–52.
10. Кузнецов П. У. Феномены и юридические фикции цифровой среды // Журнал «Российское право: образование, практика, наука». 2019. № 6. С. 72–81.
11. Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.
12. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства: история учений о праве и государстве»: дис. ... канд. юрид. наук / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2019. 208 с.
13. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.
14. Спицин И. Н. Юридизация понятия «искусственный интеллект» и пределы использования технологии искусственного интеллекта в судебном процессе // Журнал «Lex Russica». 2021. № 10. С. 137–146.
15. Solaiman S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. № 25 (2). С. 155–179.

Д. А. Чипизубов,

студент,

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В данной статье анализируется роль компьютерно-технической экспертизы как способа расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Автор поднимает проблему расследования данных преступлений, раскрывает потенциал и возможности указанной проблемы, с которыми могут столкнуться следователи при назначении данной экспертизы в своей практической деятельности.

Ключевые слова: компьютерно-техническая экспертиза, незаконный оборот наркотических средств, информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистика, преступность, мобильное устройство, право

THE ROLE OF COMPUTER AND TECHNICAL EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL DRUG TRAFFIC WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIESE

Abstract. This article analyzes the role of computer-technical expertise as a way of investigating a crime related to drug trafficking. The author raises the problem of investigating these crimes, the difficulties that may arise before the investigator, and also reveals the potential and possibilities of this examination, reveals the problems that investigators may encounter when appointing this examination in their practice.

Keywords: Computer and technical expertise, Drug trafficking, Information and telecommunication technologies, Criminalistics, Crime, Mobile device, Law

Незаконный оборот наркотиков в настоящее время является одной из главных угроз общества, наносящей комплексный урон по различным сферам жизни Российской Федерации.

Анализ состояния преступности за последние 10 лет показал, что рост зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, уменьшался в среднем почти на 50 тысяч преступлений в год, при этом уровень совершаемых преступлений по-прежнему остается на стабильно высоком уровне: 179 732 преступления, связанных с оборотом наркотических средств зарегистрировано по итогам 2021 г. [1]. Однако, например, А. П. Некрасов справедливо обращает внимание на латентность незаконного оборота наркотических способов [2]. В свою очередь, И. В. Козлова связывает данный факт с ростом и развитием организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств как мощного источника криминальных доходов и отсутствием

актуальных способов противодействия со стороны правоохранительных органов [3. С. 1222].

Таким образом, незаконный оборот наркотиков зачастую совершается организованными преступными группами, а сами способы совершения преступлений, их средства и способы сокрытия постоянно совершенствуются за счет развития современных технологий, в частности, информационно-телекоммуникационных, что обуславливает рост незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета, ввиду чего возникает потребность в развитии криминалистической методики указанного нами направления.

Так, анализируя приговор Октябрьского суда г. Иркутска от 26 апреля 2022 г., можно прийти к выводу, что преступная деятельность на территории Российской Федерации осуществляется преимущественно через интернет-магазины, где наркотические вещества передаются бесконтактным способом, путем установления «кладов» [4]. На основе данного судебного решения можно также прийти к заключению, что система указанных интернет-магазинов включает в себя следующую иерархическую структуру: руководитель организации – лица осуществляющие внутренне-организационные функции (приискание соучастников, прием заказов, выплата денежных средств за незаконные средства) – оптовые курьеры – розничные курьеры [4].

Стоит отметить тот факт, что, согласно практике, наибольшее количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, расследовано в отношении розничных курьеров и оптовых курьеров, в свою очередь руководители ОПГ и их соучастники, выполняющие иные функции, по сути, остаются неизвестными лицами за счет современных электронных технологий.

Таким образом, активное использование ОПГ телекоммуникационной сети Интернет, компьютерных средств, социальных сетей и мессенджеров (например, Telegram, Wlkr Me), электронных кошельков (payeer) обуславливает необходимость развития и массового внедрения компьютерно-технологической экспертизы как способа расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

По нашему мнению, важную роль в расследовании данных преступлений играет назначение судебной компьютерно-технической экспертизы (далее – СКТЭ) устройств розничных и оптовых курьеров, за счет чего можно установить иных лиц, участвующих в ОПГ. Так, по мнению Е. Р. Россинской, основная цель СКТЭ – установление роли изучаемого средства и получения доступа к его информации для последующего изучения [5. С. 218].

В свою очередь, базой для проведения СКТЭ являются специализированные технические средства и программные комплексы, в частности: UFED, MSAB Office, «Мобильный криминалист», BelkasoftEvidenceCenter.

Таким образом, при помощи СКТЭ могут быть выявлены фотографии тайников, скриншоты мобильного экрана, связанные с преступной деятельностью, установление тождества между отправляемыми сообщениями о реквизитах для оплаты наркотического вещества и лицом, совершившим данные действия [6. С. 188].

Стоит отметить, что в сфере СКТЭ отсутствует достаточное методические обеспечение, так, К. В. Муравьев отмечает, что наиболее часто экспертами используются методические рекомендации ЭКЦ МВД, учебные пособия А. И. Усова

и Е. Р. Россинской [6. С. 190]. Следствием отсутствия методической базы может являться нарушение принципа неизменности вещественных доказательств, в ходе которого происходит изменение информации на носителе данных [7. С. 367]. Так, при переносе данных с одного устройства на другое, имеющего иную операционную систему, возможно изменение формата файла.

Также для сокрытия информации на мобильных устройствах и иных средствах могут быть установлены специальные программы, которые при некорректном использовании устройства или его данных удаляют, видоизменяют содержимое файлов.

Следует учитывать, что отсутствует и четкий перечень вопросов при назначении СКТЭ. В свою очередь, при назначении СКТЭ следователь должен учитывать, необходим ли специалист для разрешения вопросов, связанных со специальными знаниями, а также специфику преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. Так, в науке среди вопросов, которые предлагают выносить на СКТЭ, наиболее актуальными для данной сферы будут:

1. С какой целью используется компьютерное, мобильное средство?
2. Каковы функциональные пределы использования данного компьютерного, мобильного средства?
3. Применялось ли данное средство для решений конкретной функции?
4. Возникла ли неисправность исследуемого средства вследствие нарушения правил эксплуатации?
5. Содержит ли данное средство информацию?
7. Какие средства, содержащие информацию, имеются в составе данного средства?
8. Каковы параметры носителя информации? Какой метод хранения данных реализован на представленном носителе?
9. Доступен ли для чтения представленный носитель информации?
10. Каковы причины отсутствия доступа к носителю информации?

Учитывая специфику вида совершаемых преступлений, а также особенности и возможности СКТЭ, мы предлагаем добавить к вышеперечисленному следующий перечень вопросов, который необходимо поставить следователю:

- Имеются ли на телефонном, компьютерном устройстве программы, защищающие информацию путем ее видоизменения или удаления?
- Какие форматы файлов (изображения, текстовые) присутствуют на телефонном, компьютерном устройстве?
- Возможно ли установить точное время создания данных файлов?
- Установлены ли на телефонном, компьютерном устройстве приложения, обеспечивающие доступ в социальные сети, мессенджеры?
- Имеются ли на телефонном, компьютерном устройстве архивы данных указанных приложений, подлежат ли они восстановлению и дешифровке?
- Хранятся ли в телефонном, компьютерном устройстве сведения о собственнике, а также иных соучастниках преступления (логины, пароли, реквизиты денежных счетов).

Как итог, стоит отметить, что на сегодняшний момент развитие информационных технологий, в том числе на бытовом уровне, серьезно усложняет компонен-

ты преступной деятельности, вследствие чего для установления вины курьеров одной экспертизы наркотических веществ может быть недостаточно, а идентификация руководителей ОПГ представляется невозможной. Таким образом, применение СКТЭ, в частности совместно с современными техническими средствами и программным обеспечением, обладает большими перспективами. Так, следует развивать СКТЭ в области совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а именно разработать методическое обеспечение, учитывать возможные способы сокрытия цифровых следов на телефонном, компьютерном устройстве, а также сформулировать перечень вопросов при назначении СКТЭ по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков.

Список литературы

1. Показатели преступности России: количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков за январь – декабрь 2021 // Генеральная прокуратура Российской Федерации, Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map
2. Некрасов А. П. Вновь к вопросу о латентной (скрытой) преступности // Вестник ВУиТ. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnov-k-voprosu-o-latentnoy-skrytoy-prestupnosti> (дата обращения: 07.09.2022).
3. Козлова И. В. Незаконный оборот наркотиков в России состояние и тенденции // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана. 2018. С. 1222–1232. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58971/1/978-5-91256-403-1_2018_131.pdf (дата обращения: 07.09.2022).
4. Приговор от 26 апреля 2022 года Октябрьского района г. Иркутска. URL: https://oktiabrsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=328338872&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.09.2022)
5. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Российский федеральный центр судебной экспертизы при Мин. юстиции Российской Федерации. 3-е изд., доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. 735 с.
6. Муравьев К. В., Ермаков М. Г. Современные возможности судебно-компьютерной экспертизы и меры по совершенствованию практики ее назначения при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств «дистанционным» способом // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vozmozhnosti-sudebno-kompyuternoj-ekspertizy-i-mery-po-sovershenstvovaniyu-praktiki-ee-naznacheniya-pri-rassledovanii> (дата обращения: 07.09.2022).
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. Москва: Проспект, 2012. 412 с.

В. Н. Чиркова,

аспирант,

Российский государственный университет правосудия

ОБРАЩЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ИЗ-ПОД СТРАЖИ ИЛИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу обеспечения реальной возможности немедленного освобождения из мест содержания под стражей или отбывания наказания осужденного при вынесении соответствующего решения судом апелляционной инстанции. Актуальность обусловлена отсутствием реальной возможности немедленного исполнения судебного акта об освобождении осужденного без получения администрацией мест содержания осужденного под стражей или отбывания наказания копии судебного акта, заверенной гербовой печатью суда. Автором обосновывается вывод о возможности соблюдения прав осужденного на немедленное освобождение путем интеграции Системы межведомственного электронного документооборота в деятельность судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: цифровые технологии, решение об освобождении осужденного, решение, изготовленное в форме электронного документа, ГАС «Правосудие», СМЭВ, МЭДО

EXECUTION OF THE COURT JUDGEMENT OF THE COURT OF APPEAL ON THE RELEASE OF THE CONVICT FROM PLACES OF DETENTION WITH THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. This article is devoted to the issue of ensuring a real opportunity for the immediate release of the convict from places of detention when the court of appeal makes an appropriate court judgement. The relevance of the article is caused by the impossibility of the immediate execution of the above mentioned court judgement without receiving a copy of the court judgement, certified by the official seal of the court, by the administration of the places of detention of the convicted person. The author substantiates the conclusion that the possibility of observing the rights of the convict for immediate release could be reached by integration of the Interdepartmental Electronic Document Management System into the activities of general jurisdiction courts.

Keywords: Digital technologies, Court judgement about the release of the convict, Electronic court judgement, State automated system of the Russian Federation "Justice", Unified system of interdepartmental electronic interaction, Interdepartmental electronic document management system

В целях соблюдения гарантированных Конституцией и законами РФ прав человека, а также совершенствования правовой системы РФ, возникает необходимость усовершенствования применения действующих правовых норм в случае выявления такой необходимости.

Так, исходя из положений ч. 4 ст. 389.33 УПК РФ, при вынесении судом апелляционной инстанции решения, в соответствии с которым осужденный подлежит освобождению из-под стражи или от отбывания наказания, его копия (выписка из решения) незамедлительно подлежит направлению уполномоченным сотрудником суда в администрацию соответствующего учреждения ФСИН РФ, в свою очередь, немедленному освобождению из-под стражи или от отбывания наказания подлежит осужденный, который принимал непосредственное участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции [1].

Согласно ст. 389.12 УПК РФ осужденный, который не может принять участие в заседании суда апелляционной инстанции непосредственно в здании суда ввиду того, что содержится под стражей, но имеет такое желание, по решению суда может участвовать в нем посредством видеоконференц-связи.

Данная статья с учетом протяженности территории Российской Федерации позволяет обеспечивать право осужденного, которого по объективным причинам невозможно доставить в здание суда (например, по причине проведения в этот же день с лицом, находящимся под стражей, следственных действий или по причине отбывания осужденным наказания не в пределах местонахождения судебного органа, рассматривающего дело) на личное участие в заседании апелляционной инстанции.

Исходя из практики функционирования судов апелляционной инстанции, при вынесении вышеуказанного решения без получения администрацией соответствующего учреждения ФСИН РФ заверенной копии судебного акта, которая направляется им для исполнения посредством почтовой корреспонденции незамедлительно с момента его провозглашения, освобождение осужденных из-под стражи или из мест отбывания наказания не производится [2]. При этом указанная копия решения подлежит заверению гербовой печатью суда.

Таким образом, полагаем, что, даже с учетом направления копии решения суда экспресс-доставкой ФГУП «Центр специальной связи», ввиду невозможности немедленного освобождения осужденного из-под стражи или от отбывания наказания без получения администрацией исправительного учреждения документа установленного образца, нарушаются его права, гарантированные УПК РФ.

Бесспорным остается факт необходимости надлежащего заверения документов суда. Вместе с тем законодателем предусмотрена альтернативная бумажному документу форма изготовления судебного акта – электронный документ, подписанный судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) (ст. 474.1 УПК РФ).

С нашей точки зрения, незамедлительное направление судом подписанной УКЭП электронной копии решения в соответствующие учреждения ФСИН РФ позволит соблюсти баланс интересов органов государственной власти и личности.

Реализовать указанную задачу возможно с помощью использования цифровых технологий (в понимании данного термина как технологий, позволяющих создавать, хранить и распространять данные), которые внедряются в ходе реализации различных федеральных целевых программ, направленных на развитие государственных систем РФ и создания информационного общества [3, 4].

Суды общей юрисдикции в целях предоставления информации о судебном производстве в Российской Федерации используют Государственную авто-

матризованную систему РФ «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»). Вместе с тем для целей нашей статьи ГАС «Правосудие», которая в настоящий момент включает 27 подсистем (например, «Судебное делопроизводство и статистика», «Банк судебных решений», «Документооборот и обращения граждан») [5], не сможет быть использована, поскольку данная информационная система отвечает за аккумуляцию судебно-правовой информации в рамках общего документооборота судов общей юрисдикции, не предусматривая возможности обмена между органами государственной власти электронными документами, обеспечивающими осуществление уголовного судопроизводства.

Стоит обратить внимание на существование федеральной государственной информационной системы – Единая система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ). Данная система имеет своей целью обеспечение взаимодействия информационных систем органов ее использующих. Однако для целей настоящей статьи данная система также не может быть использована, поскольку к основным функциям СМЭВ можно отнести исполнение государственных и муниципальных функций в электронной форме, а также предоставление государственных и муниципальных услуг. При этом основными участниками СМЭВ являются федеральные и муниципальные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, МФЦ, государственные внебюджетные фонды и др. [6].

В свою очередь федеральная информационная система Межведомственного электронного документооборота (далее – МЭДО) имеет своей целью взаимодействие систем электронного документооборота между федеральными и муниципальными органами исполнительной власти, а также иными государственными органами и организациями, являющимися участниками МЭДО, для сокращения времени и стоимости документооборота между соответствующими организациями и ведомствами [7].

Полагаем, что интеграция МЭДО в деятельность органов судебной власти РФ, в частности судов общей юрисдикции, позволит обеспечить немедленное освобождение осужденного из-под стражи или от отбывания наказания при вынесении судом апелляционной инстанции решения о таком освобождении, посредством незамедлительного направления судом копии решения, изготовленного в форме электронного документа, в места содержания осужденного под стражей или отбывания наказания.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Парламентская газета», № 241–242, 22.12.2001.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, № 2, ст. 198.
3. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы» // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, № 49, ст. 4623.
4. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // «Собрание законодательства РФ», 15.11.2010, № 46, ст. 6026.

5. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://techportal.sudrf.ru/?id=234> (дата обращения: 28.07.2022).

6. Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). URL: https://eos.ru/eos_products/solution/gosudarstvennyu_sektor/smev/ (дата обращения: 27.07.2022).

7. Система межведомственного электронного документооборота (МЭДО). URL: https://eos.ru/eos_products/solution/gosudarstvennyu_sektor/medo/ (дата обращения: 27.07.2022).

М. С. Чистяков,

научный сотрудник,

Российский университет кооперации, Владимирский филиал

М. А. Чирков,

кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики,

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

А. В. Шаповалова,

студент,

Сибирский университет потребительской кооперации

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты блокчейн-технологий, а также совершенствование их нормативно-правового регулирования. Сделан вывод, что активная реализация блокчейн-отношений выявила неадекватность традиционных правовых институтов для решения правоприменительных задач. Требуется законодательное и догматическое осмысление современных реалий в связи с вхождением блокчейна в повседневные отношения. Блокчейн-технологии будут содействовать выработке многоцелевых подходов к их нормативно-правовому регулированию на межгосударственном уровне.

Ключевые слова: блокчейн-технологии, криптовалюта, правовое регулирование блокчейн-отношений, цифровая информация, экономика, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые права, смарт-контракт

BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN LEGAL REALITIES

Abstract. The article discusses the legal realities of blockchain technology, as well as their improvement of regulatory regulation. Legal regulation of blockchain relations is necessary to ensure the stability of civil turnover and the protection of participants in these relations. It is concluded that the active implementation of blockchain relations has revealed the inadequacy of traditional legal institutions for solving law enforcement tasks. A legislative and dogmatic understanding of modern realities is required, in connection with the entry of the blockchain into everyday relations. Blockchain technologies will contribute to the development of multi-purpose approaches to their regulatory and legal regulation at the interstate level.

Keywords: Blockchain technologies, Cryptocurrency, Legal regulation of blockchain relations, Digital information, economy, Digital financial assets, Digital currency, Digital rights, Smart contract

Введение. Активная реализация блокчейн-отношений выявила неадекватность традиционных правовых институтов для решения правоприменительных задач. Требуется законодательное и догматическое осмысление современных реалий в связи с вхождением блокчейна в повседневные отношения [1. С. 180].

Говоря о правовом регулировании применения блокчейн-технологии, можно сказать о недоступности интернациональных соглашений, пробелах в национальных нормативных актах во многих государствах. Нередко по аналогии применяются общие нормы надлежащих правовых актов. Но при регулировании блокчейна нужно принимать во внимание все условия и результаты, дабы не повторять ошибок и ограничений в его развитии. Развитие технологий блокчейн в различных сферах станет находиться в зависимости от надлежащих правовых общепризнанных мерок в России применения, и более целесообразными представляются гибкие расклады к такому регулированию [1. С 180].

Блокчейн – это инновационная технология, хранящая информацию в электронном виде, что по сути – база данных. Блокчейны имеют важную роль в системах криптовалют, таких как Биткойн, для обеспечения безопасного и децентрализованного учета транзакций [15. С. 26].

Технология блокчейна становится потенциальным элементом, который может разрушить любую отрасль по всему миру. Блокчейн, широко известный своей способностью хранить информацию в прозрачном и неизменном реестре, предлагает предприятиям более высокий уровень точности. Кроме того, использование этой технологии направлено на снижение затрат, информационную безопасность и процессы проверки документов [13. С. 333].

Блокчейн стал прорывной технологией, которая не только заложила основу для всех криптовалют, но и также предоставляет выгодные решения в других областях технологий. Особенности технологии блокчейна включают децентрализованные и распределенные безопасные регистры, запись транзакций в одноранговой сети, создание возможности для удаления непреднамеренных ошибок, обеспечивая прозрачность и подотчетность.

Инициативы, в которых технология используется для распространения и отслеживания начальной точки связи, обеспечения конфиденциальности и управления ею, а также создания надежной среды, – это лишь несколько примеров полезности технологии блокчейн, которые также подчеркивают риски, такие как защита конфиденциальности. Мнение о полезности технологии блокчейн неоднозначно. Некоторые полны энтузиазма; другие считают, что это просто раздуто. Блокчейн также вошел в сферу гуманитарной помощи и помощи в целях развития, например, управление цепочками поставок, цифровая идентификация, смарт-контракты и многое другое [14. С. 2].

Благодаря блокчейн-технологии цифровая информация распространяется, но не копируется, тем самым создает базу нового вида Интернета. Сначала разработ-

ка была разработана для цифровой валюты, а также биткойна, но сейчас существуют уже иные варианты для использования данной технологии [3. С. 65].

В блокчейне также существуют смарт-контракты, это самоисполняющиеся контракты, в которых закодированы условия и положения. Проще говоря, это набор данных и функций, которые находятся по конкретному адресу в блокчейне.

Отечественный опыт регулирования блокчейн-отношений показал, что в России нет регулирования именно блокчейн-технологий. Но есть правовая база регулирования электронных денег [2. С. 3].

Статья 128 ГК РФ [4] выделяет объекты гражданских прав: «...вещи, наличные деньги, ценные бумаги, иное имущество, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальная собственность, а также нематериальные выгоды...». Там же уточняется, «.. криптовалюта – не средство платежа, деньги или ценности».

Криптовалюта, которая реализована на блокчейн-технологиях в ГК РФ имеет возможность рассматриваться как другое имущество. Согласно Федеральному закону [8] п. 18 ст. 3 электронные деньги – денежные средства, которые переводит через Интернет конкретное лицо другому лицу без открытия банковского счета. Таким образом, криптовалюты можно трактовать, как электронные денежные средства.

В законе [10] в ст. 2 говорится, что цифровой финансовый актив – электронное имущество, которое создано с помощью криптографии (шифров). Закон ориентирован на контроль за деятельностью цифровых финансовых активов, а также воспрещает внедрение анонимной криптовалюты.

Блокчейн-технология не поддается регулированию и имеет децентрализованную природу.

Криптовалюты в России не имеют правового статуса, но они не запрещены. Федеральный закон [9] ввел запрет на эмиссию, но на обращения денежных суррогатов не ввел (ст. 27). Банк России считает, что из-за того, что платежи анонимные, это может привести к их применению в преступной деятельности.

В РФ нормативно-правовое регулирование в области блокчейн-отношений исполняется с 2017 г. [12].

Существенным шагом в развитии в блокчейна является Федеральный закон [4], который дает термин «цифровые права». Закон не получил поддержки многих профессионалов [11].

В судебной практике проблема использования криптовалют гражданами РФ находится на 1 месте. В Постановлении Верховного Суда РФ [5, 7], говорится, что благодаря криптовалюте можно заниматься отмыванием денег.

Блокчейн связан с Интернетом и в случае отключения электричества вся информация будет утеряна, в связи с данным необходимо хранение дубликатов информации на различных носителях.

Нельзя приостановить развитие блокчейн-технологии. Во всех странах международного права блокчейн обременен задачами обеспечения прав и интересов субъектов гражданского оборота. Правовые нормы должны быть синхронизированы из-за трансграничного нрава технологии блокчейн.

В 2021 г. В России вступил в силу Федеральный закон [10], благодаря которому началось хоть какое-то правовое регулирование криптовалюты в России. Но, к сожалению, в законе нет понимания, что должно делать физическое или юридическое лицо, чтобы инвестиции в биткоин либо другие операции с криптовалютой не сделали проблем с законом.

Но в этом законе также написаны понятия «цифровая валюта» (относится к блокчейну, биткоину и т. д.) и трактуется как совокупность содержащихся в информационной системе электронных данных, информационной системе, ... в отношении них отсутствует лицо, которое обязано перед обладателем электронных данных. Федеральный закон не указывает биткоин и криптовалюты к цифровым активам. Все это значит, что физическим лицам не нужно соблюдать каких-либо условий, так как данный закон это не предусматривает. Поэтому его необходимо доработать.

Поэтому по-прежнему достаточно зайти на сайт криптобиржи, и пройти процедуру KYC Ранее это было по форме 3-НДФЛ [10].

Заключение. Перестройка законодательного института блокчейн-отношений – является долгосрочной правовой основой для юридической структуры. Блокчейн в Российской Федерации не регулируется, криптовалюты не допускаются в гражданский оборот, а также смарт-контракты не обеспечены необходимыми правовыми механизмами защиты их участников. Но скоро все они будут регулироваться в России для легального допуска блокчейн-технологий (благодаря законам: [11; 6]). Нужно обязательно создать необходимый законодательный механизм защиты государства и участников блокчейн-отношений.

Для развития блокчейна в России необходимо устранить несогласованность защиты самого блокчейна и участников блокчейн-отношений. Необходимо решить вопрос о защите информации в распределенных реестрах, поскольку заявленная блокчейн безопасность информации обязательно привлечет к ней тех, кто захочет получить доступ к ней. В настоящее время криптобиржи презентабельны для хакеров. Пример этого уже был, когда криптобиржа Южной Кореи была взломана в июле 2018 г. (украдено 31 млн долл.) и марте 2019 г. (украдено 18 млн долл.). Когда блокчейн будет распространять всю информацию, проблема будет в кражах информации. Хотя блокчейн ручается, что информация остается постоянной, все еще остается вопрос о ее закрытости.

Таким образом, нужно как можно быстрее и благополучно воплотить в жизнь законопроекты по правовому регулированию биткоинов и криптовалют. Все эти структуры создают одну правовую базу, которая отвечала бы осознанию блокчейна для регулирования государством, но и предпринимательской работе.

Список литературы

1. Арсланов К. М. О правовом регламентировании блокчейн-отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 180–185.
2. Гарацук О. А. Правовые основы регулирования блокчейна и обращения криптовалюты в России // ИТпортал. 2018. С. 1–11.

3. Ратковская М. А., Науменко А. И. Современные направления внедрения инноваций в банковском секторе // Сибирская финансовая школа. 2019. № 1 (132). С. 64–67.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
5. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1.
6. О системе распределенного национального майнинга: Федеральный закон № 373645-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/373645-7?ysclid=lbmytlyr9t574369902> (дата обращения: 29.05.2022).
7. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.
8. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ.
9. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ.
10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.
11. Проект федерального закона № 419059-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7?ysclid=lbmz8gq7yf775838293> (дата обращения: 29.05.2022).
12. Цифровая экономика Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.
13. Huynh T. T., Tru Huynh T., Pham D. K., Khoa Ngo A. Issuing and Verifying Digital Certificates with Blockchain. Int. Conf. Adv. Technol. Commun. 2019. Pp. 332–336.
14. Singh G., Garg V., Tiwari P. Introduction to Blockchain Technology. In: Agrawal, R., Gupta, N. (eds) Transforming Cybersecurity Solutions using Blockchain. Blockchain Technologies. Springer, Singapore, 2021. Pp. 1–18.
15. Top Trend in Banking 2022. Capgemini. 2021. 40 с.

А. А. Чуйко,

студент,

Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ МАРКИРОВКИ РЕКЛАМЫ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты нового Закона о рекламе, а именно сфера ее маркировки в сети Интернет. Рассмотрены проблемные вопросы нововведений. Установлены необходимые критерии маркировки рекламы, исследована и раскрыта недобросовестная маркировка. Кроме того, изучена возможная существующая общая ответственность за несоблюдение требований маркировки

рекламы и сделан вывод о необходимости установления новой конкретизированной санкции в предложенной области. Внимание уделяется рекламе в признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации социальной сети Instagram.

Ключевые слова: административная ответственность, маркировка рекламы, новый Закон о рекламе в цифровой сфере

STUDY OF ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ADVERTISING LABELING

Abstract. The article discusses some aspects of the new law on advertising, namely the scope of its labeling on the Internet. The problematic issues of innovations are considered. The necessary criteria for advertising labeling have been established, “unfair labeling” has been investigated and disclosed. In addition, the possible existing general liability for non-compliance with advertising labeling requirements was studied and a conclusion was made on the need to establish a new specific sanction in the proposed area. Also, attention is paid to advertising in the recognized extremist and banned in the Russian Federation social network Instagram.

Keywords: Administrative responsibility, Advertising labeling, New law on advertising in the digital sphere

Пространство в Интернете становится все более обсуждаемой сферой. В первую очередь предпосылка к такой тенденции – внедрение цифровых систем в большинство областей наших жизней. Немаловажной составляющей цифровизации является именно право.

С 1 сентября 2022 г. вступил в силу новый Закон о рекламе, который делает акцент на необходимость маркировки рекламы. Такое требование применяется ко всем рекламодателям, в том числе к блогерам. Пост должен быть помечен как рекламный, в случае когда продукт или услуга упоминается с целью привлечения внимания аудитории к предложенному объекту. Также обязательна информация о рекламодателе и (или) его сайте. Причем речь идет даже о бартерных случаях, осуществляющихся на безденежной основе [1].

Хоть вышеупомянутые положения уже вступили в силу, многие говорят о периоде апробации закона до марта 2023 г. Этот этап действительно нужен, поскольку сейчас остается много нерешенных вопросов. Например, нет критериев к размещению и дизайну маркировки. Понятно, что она должна находиться на видном месте, четким шрифтом. Но что делать с маркировкой, которая расположена на малозаметном месте, сливается с фоном и (или) текст написан непонятным шрифтом? Законодатель разъяснений по предложенному вопросу не дает. Однако, что необходимо установить критерии к маркировке рекламы. А именно такая пометка должна быть размещена на видном месте, достаточно крупным, строгим и понятным шрифтом, благоприятного для распознавания цвета. Также важным считаем установить запрет недобросовестной маркировки и (или) рекламы. К недобросовестной можно отнести:

– ложную маркировку и (или) рекламу, т. е. маркировку и (или) рекламу, которая сопровождается неверной информацией (например, реклама телефона, который произведен в Китае, как телефона, произведенного в Англии);

- маркировку и (или) рекламу, характеризующуюся сокрытием важных факторов (например, рекламу товара с дефектами как стандартной продукции);
- маркировку и (или) рекламу, неблагоприятную для других лиц (например, всевозможные негативные высказывания и сравнения в негативном ключе конкретной продукции);
- скрытую маркировку и (или) рекламу, т. е. ту, которая не соблюдает выделенных выше критериев маркировки.

За нарушение данного запрета предлагается применять общую санкцию к рекламодателю за нарушение законодательства о рекламе (ст. 14.3 КоАП РФ [3]), штраф которой составляет для граждан от 2000 до 2500 руб.; для должностных лиц – от 4000 до 20 000 руб.; для юридических лиц – от 100 000 до 500 000 руб.

Также нужно отметить, что на данный момент не предусмотрена санкция за неисполнение обязанности по маркировке рекламы, однако возможно говорить об общей вышеупомянутой ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ. Однако мы считаем, что нужно внедрить новую конкретизированную санкцию, поскольку общая норма, на наш взгляд, не отражает всех необходимых аспектов. Это связано, во-первых, с маленьким штрафом для граждан, из числа которых могут быть блогеры, зарабатывающие огромные суммы на рекламировании, а во-вторых, ввиду того, что возможна бартерная реклама, которая не вовлекает в процесс денежные средства. Поэтому предлагается внести дополнения к КоАП РФ следующего содержания:

«1. Несоблюдение обязанности рекламодателя, рекламных платформ, соцсетей, аудиовизуальных сервисов, новостных агрегаторов, остальных организаторов и посредников распространения информации в Интернете, а также в установленных законом случаях рекламодателем, по маркировке рекламы на бартерных условиях, –

влечет наложение штрафа на граждан в размере от 2000 до 5000 рублей, на должностных лиц – от 4000 до 20 000 рублей; для юридических лиц – от 100 000 до 200 000 рублей.

2. Несоблюдение обязанности рекламодателя, рекламных платформ, соцсетей, аудиовизуальных сервисов, новостных агрегаторов, остальных организаторов и посредников распространения информации в Интернете, а также в установленных законом случаях рекламодателем, по маркировке рекламы, –

влечет наложение штрафа на граждан в размере от 5000 до 10 000 рублей, на должностных лиц – от 10 000 до 50 000 рублей; для юридических лиц – от 200 000 до 200 000 рублей».

Такие меры будут способствовать установлению стабильности и безопасности интернет-пространства ввиду внедрения ответственности за нарушение законодательства в сфере рекламы.

Кроме того, нерешенным остается вопрос, связанный с рекламой в признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации социальной сети Instagram. Так, на современном этапе развития пользоваться этой сетью можно с помощью всевозможных VPN. А учитывая, что ответственности за использование вышеупомянутой социальной сети в своих целях не предусмотрено, не исключается рекламирование там услуг и товаров. При этом стоит вспомнить, что понятие «финансирование» трактуется довольно широко и под ним может пониматься предоставление или сбор денежных или иных материальных средств для обеспечения

в том числе экстремистских сообществ. То есть, предположительно, реклама в такой социальной сети может расцениваться как финансирование экстремистской деятельности [2]. Также рекламирование своего аккаунта, созданного в запрещенной на территории России социальной сети Instagram, в интернет-пространстве может подпадать под действия норм ч. 2 ст. 13.15 (распространение в СМИ экстремистских материалов без маркировки); ст. 20.29 (распространение экстремистских материалов, их производство и хранение); ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрирование символики экстремистской организации). Однако пока что подобная судебная практика отсутствует в базе решений, но исключать возможность ее появления нельзя.

Список литературы

1. Дмитриева Д. Реклама под надзором: жесткий контроль в Сети стал частью бизнес-реальности. 06.09.2022. URL: https://www.dp.ru/a/2022/09/06/Reklama_pod_nadzorom (дата обращения: 06.09.2022).
2. Использование социальной сети Instagram на территории РФ (ответ службы Правового консалтинга ГАРАНТ, март 2022 г.) // Система ГАРАНТ (дата обращения: 06.09.2022).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 января 2002 г. № 1 (Часть I). Ст. 1.

С. А. Чуприненко,

студент,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

И. В. Афанасьев,

кандидат юридических наук,

доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,

Юридический факультет Финансового университета

при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние развития современных технологий на сферу прав интеллектуальной собственности. Цель исследования – выявить пробелы в вопросах регулирования законодательством данной отрасли в условиях цифровизации. Проводится анализ судебных прецедентов для определения результативности реализации российского законодательства в сфере интеллектуальных прав. Также предложена схема улучшения эффективности правовой защиты объектов прав интеллектуальной собственности с учетом развития технологий.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровизация, глобализация, интеллектуальная собственность, объект интеллектуальной собственности, судебный прецедент, исключительное право, авторское право, смежное право

THE SPECIFICITY OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. The article considers the examination of the modern technologies' impact on the sphere of the intellectual property right. The purpose of the research is to identify gaps in the issues of legal regulation in terms of digitalization. The analyze judicial precedents to determine the effectiveness of the implementation of Russian legislation in this industry. A scheme to improve the effectiveness of legal protection of intellectual property rights is also proposed, taking into account the development of technologies.

Keywords: Law, Digital technologies, Digitalization, Globalization, Intellectual property, An object of intellectual property, Judicial precedent, Exclusive right, Copyright, Related right

С развитием законодательства во всем мире стали появляться новые институты права. Встала проблема повышения уровня эффективности регулирования этих институтов ввиду развития современных технологий и связанных с ними правовых отношений. Не секрет, что цифровизация внесла значительные коррективы в традиционные методы защиты прав собственности. Культурное развитие играет не меньшую роль в законодательстве. Вследствие данного фактора люди стали придавать большее значение творческому и интеллектуальному труду, так как их результаты образуют интеллектуальную собственность и интеллектуальный капитал [4. С. 32]. С появлением нового феномена формируется необходимость в конкретизации урегулирования многих аспектов правовой защиты интеллектуальной собственности и результатов умственного труда.

Цифровизация поставила перед правоприменителем и судом непростую задачу: адекватно оценить ситуацию и применить меры по получению результативности в вопросах реализации нормативных правовых актов. На данном этапе российское законодательство содержит массу пробелов ввиду отставания его развития от темпов цифровизации. Многие проблемы были затронуты в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации [6], однако особой ясности этот документ не принес. Наоборот, появилась новая проблема в виде толкования особенностей интеллектуальных прав.

С 2013 г. в Российской Федерации работает специализированный Суд по интеллектуальным правам, призванный их защищать. Однако и здесь современное право сталкивается с рядом проблем. На данный момент центральным источником интеллектуального права является IV часть Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако в настоящее время, как уже было отмечено, с развитием современных технологий и прогрессом цифровизации в законодательстве появляются пробелы. Тем не менее это не означает, что судебная практика не выносит решений по соответствующим делам, защита интеллектуальных прав все равно осуществляется. С учетом того, что судебная практика не является источником права на территории России, многие судебные разбирательства (на фабулу которых не находится адекватной правовой нормы, чтобы разрешить проблему в сфере интеллектуальных прав) не имеют однообразия судебных

решений. В целях наглядно показать то, как реализуется защита интеллектуальных прав на данный момент в нашей стране, нами была подобрана судебная практика, материалы которой отображают отставание российского законодательства от цифровизации.

Пока что беспрецедентным примером такой практики является иск 2017 г. от социальной сети «ВКонтакте», в котором содержится обвинение IT-компании «Дабл» в сборе данных о пользователях без согласия социальной сети и продаже этой информации банкам (дело № А40-18827/2017) [5]. На основе информации с открытых профилей социальной сети банки оценивали кредитоспособность заемщиков. Суды разошлись в принятии решения по данному делу: первая инстанция иск отклонила, а вот апелляционный суд удовлетворил. Сложность состояла в определении предмета разбирательства, а именно активно используемой в цифровой среде технологии, которая нигде не упоминается в российском законодательстве. Это дело определяет свою важность для судебной практики в виде необходимости правоприменителям принять попытку в поиске определенной границы в области правомерного и неправомерного сбора информации (без учета согласия владельцев ввиду отсутствия конкретизации в нормах, регулирующих данный вопрос) [3. С. 30].

Стоит отметить, что пробелы в законодательстве, связанные с интеллектуальными правами ввиду развития цифровизации, не только порождают споры между судебными инстанциями, но и служат средством для их использования в целях злоупотребления правом. Громким делом был спор двух российских издательств – «Вентана-Граф» и «Просвещения» (дело № А40-253357/2017) [7]. Суть состояла в том, что «Вентана-Граф» выпускало продукцию с товарным знаком, практически полностью копирующим знак АО «Просвещение». Злоупотребление правом проявлялось в том, что само «Просвещение» зарегистрировало на своем знаке символику ФГОС, что ввиду наличия такого патента фактически предполагало отсутствие у других издательств права на публикацию литературы, соответствующей ФГОС и имеющей определенную отметку. Здесь мы можем проследить частичную монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Также «Просвещение» в течение многих лет позволяло другим компаниям использовать данную символику, и они ничего не подозревали о каких-либо правонарушениях, но потом получали огромные судебные иски, вынуждавшие их уходить с рынка. Аналогично первому делу, первая инстанция иск удовлетворила, а вторая – нет. Рассматриваемое дело показало всю противоречивость и непредсказуемость защиты товарного знака судебными и административными способами в ситуации, когда обе стороны допускали существенные нарушения и злоупотребления при его использовании.

Таким образом, на основании даже двух примеров мы можем сделать вывод о том, что эффективность решений суда по интеллектуальным правам находится на довольно низком уровне, поскольку суды различных уровней из-за специфики романо-германской системы не могут применить универсальную норму, отвечающую запросам истцов либо ответчиков. Обобщение и анализ судебной практики Суда по интеллектуальным правам происходит крайне редко, пример подобного

появляется раз или два в год, чего объективно недостаточно для решения споров, связанных с интеллектуальной собственностью.

Мы предполагаем, что на современном этапе развития человечества не только российское право отстает от темпов цифровизации. Для подтверждения данной гипотезы мы хотим привести следующий пример зарубежной судебной практики. В 2012 г. суд Франции вынес приговор нарушителю авторских прав в сети Интернет. Лицо заплатило штраф в размере 1500 евро. Для защиты авторских прав в Интернете во Франции существует целая система: HADOPI. Согласно этой разработке, пользователю, распространяющему «пиратский» контент, делается три предупреждения, после чего следуют санкции вплоть до ограничения доступа во Всемирную сеть [10. С. 3]. Казалось бы, есть относительно определенные нормы, в чем же интерес этого дела? Парадокс в том, что суд принял неординарный подход в качестве способа определения субъекта ответственности в данном деле. Было решено, что к ответственности будет привлекаться именно лицо, на которое было зафиксировано подключение, а не сам виновный [2. С. 27]. Стоит отметить, что спустя время Франция немного изменила регулирование данной сферы, уделяя внимание лицензиям и роли искусственного интеллекта в вопросах защиты прав собственника результата интеллектуальной деятельности [12].

Впрочем, этому можно найти логическое обоснование. В современной сети Интернет существует тенденция крайне высокого уровня анонимности и ее защиты среди пользователей, и вычислить реального человека, стоящего за тем или иным аккаунтом, практически невозможно. Получается, что приходится довольствоваться лишь официальными данными, что порождает большую проблему: часто с одного устройства одним аккаунтом пользуются разные люди, даже если брать в пример обычную российскую семью.

Таким образом на современном этапе человечество столкнулось с проблемой того, что в век технологий невозможно полностью исключить цифровые преступления: решение одного вопроса быстро теряет актуальность, потому как с развитием технологий находят новые способы обойти закон.

Авторское право защищается на международном уровне. Одним из самых старых документов является Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. Уже в XIX в. мировое сообщество признало интеллектуальную собственность и важность ее защиты. Подписание Всемирной конвенции об авторском праве только подкрепляет данные положения. И, разумеется, мировое сообщество не может закрывать глаза на то, что все эти документы теряют актуальность с появлением Интернета, потому как становится крайне неясным, что является плагиатом, а что – информацией в свободном доступе.

В институте интеллектуальной собственности российского законодательства большую роль играют международные соглашения, особое внимание стоит обратить именно в сторону договоров Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в подписании которых Россия принимала участие. Примечательно, что такие факторы, как охрана авторского и смежных прав, подвергаются стандартизации именно в этих юридических документах, которые также ввели новое понятие «информация об управлении правами». Договоры внесли

конкретику в определения правосубъектности авторов ряда результатов творческой деятельности, т. е. правообладателей – можно было без всяких сомнений говорить о том, что эти субъекты являлись определенными лицами. Благодаря этим нововведениям, стало легче идентифицировать как сам охраняемый объект интеллектуальной собственности, так и правообладателя. В этом плане помогает, к примеру, специализированный знак «©» с указанием имени правообладателя.

Мы особенно хотели бы обратить внимание на то, что огромное значение имеет грамотное толкование появляющихся терминов, потому как именно от интерпретации могут пойти разногласия в правоприменении. Так, для наглядности авторами было проанализировано понятие «продюсер», которое встречается как в кинопроизводстве, так и в юриспруденции.

В российской юриспруденции понятие продюсера встречается в ФЗ «О связи» № 126-ФЗ от 07.07.2003 [8] и в Гражданском кодексе. Понятия довольно узкие, из-за чего создается проблема определения правового статуса продюсера. Иными словами, продюсер (физическое или юридическое лицо) изначально является инициатором создания аудиовизуального произведения и обладает исключительным правом, если иное не предусмотрено договором. В кинопроизводстве понятие продюсера шире, так как существуют различные его виды (линейный, креативный, VFX-продюсер и т. д.) и соответствующие функции определенного продюсера, не ограничивающиеся финансированием проекта. Получается, в кинопроизводстве исключительным правом на производство может обладать генеральный продюсер, в то время как «вторичные» виды продюсеров отвечают за различные организационные моменты в процессе создания проекта (к примеру, исполнительный продюсер владельцем проекта не является, но также играет важную роль в процессе создания проекта). Мы видим не что иное, как явление языка: профессионализм перешел в категорию обычных слов, приобретая новое значение. Теперь встает вопрос: каким же именно смыслом стоит наделить данное слово, потому как предписанное законом позволяет говорить о массовом нарушении авторских прав «второстепенных» продюсеров кинопроизводства, которые и не имели право на производство, но их профессия звучит идентично законодательной дефиниции.

Таким образом, мы видим, что реализация защиты интеллектуальных прав в условиях современного скачка прогресса цифровизации обеспечивается на крайне низком уровне, что подтверждает как российская, так и зарубежная судебная практика. Специализированный Суд по интеллектуальным правам сталкивается с большими трудностями из-за отсутствия законодательных норм, отвечающих запросам современности, и недостаточного количества актов, приводящих судебную практику к единообразию.

Так или иначе, законодатель старается предоставить собственникам авторских прав гарантии, которые отображаются в нормативных актах. Гражданский кодекс предусмотрел два основных способа распоряжения исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности (далее ОИС):

1. Договор об отчуждении исключительного права, предусмотренный ст. 1234 ГК РФ, в котором правообладатель лишается исключительного права, передает

его (отчуждает) третьему лицу, все правомочия в отношении ОИС передаются ему соответственно.

2. Лицензионный договор, предусмотренный ст. 1235 ГК РФ. В этом случае исключительное право использования объектов предоставляется третьему лицу только в порядке, установленном заключенным договором (в котором могут идти различные ограничения, к примеру, срок, способы использования и т. д.). Однако в данном случае исключительное право у правообладателя сохраняется.

Естественно, мы считаем, что заключение лицензионного договора всегда предпочтительнее, потому как у правообладателя сохраняется возможность контролировать использование ОИС, получать с него доход и т. д. Договор об отчуждении допустим в случае покупки ОИС либо дарения. Дарение интеллектуальной собственности видится нам как отдельная проблема. Данный аспект регулируется ст. 572 ГК РФ и предусматривает либо безвозмездную передачу вещи, либо передачу имущественного права на тех же основаниях, однако эти объекты правоотношений будет проблематично отнести к виду нематериальных ОИС ввиду того факта, что на деле носитель любой информации не может считаться интеллектуальной собственностью. Из этого следует вывод о том, что появляется еще один вопрос, который необходимо регламентировать законодательством. Если результат интеллектуальной деятельности может передаваться от одного правообладателя к другому на основе договоров, то в чем заключается суть дарения, если ОИС значительно выделяется среди других объектов правоотношений?

Полагаем, что из-за начала развития значимости интеллектуальных прав, на сегодняшний день уделяется мало внимания именно дарению нематериального подарка. Стоит учитывать, что подобное явление легко может стать основой для злоупотребления правом, в этом и проявляется важность урегулирования законодателем этого пробела.

Возвращаясь к лицензионному договору, следует отметить, что, как и любой гражданский договор, он предоставляет гарантии на защиту (в данном случае ОИС) от обстоятельств, оговоренных в этом самом договоре. Обе его стороны имеют выгоду: правообладатель за счет данного договора получает вознаграждение за предоставление лицензии, а лицензиат – монопольное право на оговоренный срок на объект, на который у других людей нет этих прав. Соответственно, на этой почве он может максимизировать прибыль от лицензии. Но следует учитывать, что российский рынок лицензирования все еще находится на этапе становления, а потому имеется ряд трудностей, связанных с приобретением рецензии [9. С. 53].

Во-первых, это несовершенное законодательство, о котором мы говорили в самом начале. Наличие пиратских версий в Интернете попросту делает неактуальным саму покупку лицензии у правообладателя. Тем более получить прибыль с нее будет сложно по той же причине.

Во-вторых, самой проблемой является исполнение лицензионного договора, а именно контроль. На практике из-за высокой анонимности интернет-ресурсов и их разнообразия лицензиар не может получить практически никакой информации, кроме отчета, предоставляемого лицензиатом. Однако зачастую он неполный,

а возможность проверить достоверность данных отсутствует. С одной стороны, это защищает коммерческую тайну лицензиата, а с другой – ограничивает право на информацию лицензиара. Таким образом, появляется подчиненность лицензиара соответствующему лицензиатом исполнению договора. Вследствие данного фактора можно сделать вывод о том, что лицензионный договор в качестве инструмента контроля за лицензиатами сложно назвать эффективным ввиду ограниченности средств по контролю за ними.

Разумеется, наряду с несовершенным законодательством наблюдается нехватка специалистов, компетентных в данной сфере. Специалисты по авторскому, патентному праву и лицензированию сейчас редкость, и естественно, что и у самих правообладателей зачастую недостаточно знаний, чтобы распорядиться результатом интеллектуальной деятельности грамотно.

В качестве вывода всего вышеизложенного автор может сказать следующее: на сегодняшний день право является объектом, догоняющим цифровизацию, а потому естественно, что мы встречаемся с большими законодательными пробелами, которые ведут к различию в судебной практике.

Одновременно с этим следует понимать, что полностью восполнить этот пробел можно будет лишь с остановкой прогресса в технологиях, так как с каждым новым способом обойти ту или иную проблему у правонарушителей будут открываться новые инструменты обойти законодательство. Данная проблема сейчас стоит не только перед российской системой права. Ввиду ее правовой семьи нам особо важно разработать отдельные законодательные нормы, которые будут регулировать сферу интеллектуальных прав в эру цифровизации. Отдельное внимание стоит выделить институтам, которые уже имеются, но недостаточно развиты (например, лицензионный договор). Динамика экономического развития прямо влияет на общее развитие государства. По данным ВОИС, Россия еще долго не сможет занимать первенство в глобальном инновационном индексе. К слову, за 2021 г. Россия спустилась по рейтингу (занимает 45-е место), а верховенство закона считается слабым звеном [11. С. 6]. Логично, что, находясь не на ведущих позициях, нет смысла заглядывать в ближайшее будущее с уверенностью о том, что новые институты права будут эффективно реализовываться в нынешних условиях.

Не секрет, что любая информация (как и результат интеллектуальной деятельности), попав в Интернет, сразу же становится полностью неподвластной автору ввиду такого функционала Сети, как доступность. Минимизируется возможность доказать, что права собственника были нарушены. Получается, чтобы защитить права на интеллектуальную собственность, создателю нужно самому позаботиться об их сохранности. В первую очередь необходима разного рода регистрация: товарный знак, патент и др. [1. С. 73]. Однако ввиду наличия пробелов в законодательстве, нет гарантий эффективности подобной защиты. Другие пользователи все равно могут незаконно использовать ОИС в своих целях.

Возможно, нет смысла обобщать судебную практику чаще, потому как она все равно не является источником права, но есть смысл выработать единую процедуру разрешения таких споров, которые бы базировались на общеправовых прин-

ципах и международной практике, поскольку ряд стран уже вводит новые институты по борьбе с интернет-преступностью.

Список литературы

1. Давыдов А. А. Защита авторских прав в сети Интернет // Legal Bulletin. 2019. Т. 4, № 1. С. 73.
2. Ковалева О. А., Левина Л. К. Международная защита авторских прав и практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 27.
3. Кудинов М. А. Проблемные вопросы судебной защиты интеллектуальных прав в современных условиях // Новый юридический вестник. 2020. № 9 (23). С. 30.
4. Мазур З. Ф. Развитие сетевого управления инновационным потенциалом предприятий при обеспечении устойчивого развития региона (на примере Самарской области) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2018. № 3. С. 32.
5. Определение Суда по интеллектуальным правам № С01-201/2018 по делу № А40-18827/2017 «Об отложении судебного заседания» от 30.06.2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=95784#EGHUVHTMuEBJGnbq> (дата обращения: 12.09.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 11.09.2022).
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам № С01-979/2018 по делу № А40-253357/2017 от 15.11.2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=44694#e1xUVHTWsJbEA8Z14> (дата обращения: 12.09.2022).
8. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 12.09.2022).
9. Федорова О. О., Яковлев В. И. Правовые проблемы лицензионных договоров при использовании объектов интеллектуальной собственности // Проблемы науки. 2020. № 6–1 (151). С. 53.
10. Arnold Michael A., Darmon Eric, Dejean Sylvain, Pénard Thierry. Graduated Response Policy and the Behavior of Digital Pirates: Evidence from the French Three-Strike (Hadopi) Law. 2014. С. 3.
11. Global Innovation Index, Russian Federation // World Intellectual Property Organization. 2021. С. 6.
12. Vadim Kublik, EU/US Copyright Law and Implications on ML Training Data. URL: <https://valohai.com/blog/copyright-laws-and-machine-learning/> (дата обращения: 01.03.2019).

А. И. Чучак,

студент,

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Информационные преступления перестали быть редкостью как во всем мировом сообществе, так и в нашей стране. По этой причине информация защищается на международном и национальном уровне. Задача государства состоит в предотвращении отрицательных последствий путем всестороннего регулирования данных деяний. Внедрение информационных систем и технологий управления и обработки информации создает возможность для использования данных процессов в совершении преступных деяний, следовательно, появляется необходимость усиления правового контроля, в том числе в уголовном порядке. Внушительное количество существующих методов совершения компьютерных преступлений порождает проблему криминализации деяний, совершенных в сфере компьютерной информации. Неполная изученность и разработанность криминологической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации, обязательность совершенствования уголовного законодательства, анализ правовых мер предупреждения и противодействия рассматриваемому виду противоправных деяний, а также проблемы криминализации деяний, предопределили выбор и актуальность темы.

Ключевые слова: компьютерная информация, уголовное право, уголовная ответственность, компьютерные технологии, компьютерные программы

WAYS TO OPTIMIZE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Abstract. Information crimes have ceased to be a rarity, both in the entire world community and in our country. For this reason, information is protected at the global and legislative level. The task of the State is to prevent adverse consequences by comprehensively regulating the acts in question. The introduction of information systems and technologies for managing and processing information creates an opportunity to use these processes in the commission of criminal acts, therefore, there is a need to strengthen legal control, including in criminal proceedings. The impressive number of existing methods of committing computer crimes gives rise to the problem of criminalization of acts committed in the field of computer information. Incomplete study and development of the criminological characteristics of crimes in the field of computer information, the obligation to improve criminal legislation, the analysis of legal measures to prevent and counteract the type of unlawful acts in question, as well as the problems of criminalization of acts, predetermined the choice and relevance of the topic.

Keywords: Computer information, Criminal law, Criminal liability, Computer technology, Computer programs

Неотъемлемой частью современного мира стало обслуживание интересов и потребностей граждан в дистанционном формате при помощи цифровых технологий. Это относится и к сфере образовательной деятельности, и медицинской помощи, и к сфере банковского дела и т. д. К тому же процессы цифровизации всех сфер жизни общества необратимо сказываются на процессах криминализации общественных отношений, углубляя их, в том числе порождая новые виды криминальной активности и совершать общественно опасные деяния путем использования виртуальных инструментов «удаленно» (онлайн). Согласно статистическим данным МВД РФ, по итогам 12 месяцев 2021 г. общее количество информационно-телекоммуникационных преступлений, по сравнению с 2020 г., выросло на 1,4 % [1]. Процент увеличения небольшой, но тенденция к росту численности данного вида правонарушений имеется и уголовно-правовое законодательство все чаще на практике требует рассмотрения и устранения существующих в нем пробелов и недостатков.

Существенное влияние на увеличение количества преступлений, связанных с информационными технологиями, внесла и коронавирусная пандемия. В результате ограничений преступники намного активнее стали пользоваться сетевыми технологиями ввиду их нахождения дома. Очевидно, данное обстоятельство препятствовало совершению, например, квартирных или карманных краж. В качестве подтверждения можно привести статистику, которая содержится на официальном сайте МВД РФ. Отмечается общее снижение на 5,5 % числа зарегистрированных преступлений за январь и февраль 2021 г., при этом количество компьютерных преступлений возросло на 29,4 %, преступлений с использованием Интернета – на 48,3 %, с помощью технических средств сотовой связи – на 32,6 % [2].

Часть противоправных деяний, содержащих признаки общественной опасности, до настоящего времени не нашли отражение в уголовном законодательстве. В действующем отечественном уголовном законодательстве не предусмотрено нормативное закрепление таких понятий, как «использование компьютерных технологий», «виды компьютерных технологий». Данное упущение оказывает прямое влияние на профилактическую и правоохранительную деятельность, снижая их качество. Это создает условия для совершения новых преступлений.

В связи с этим одним из возможных путей оптимизации российского законодательства в сфере компьютерных преступлений с целью устранения различных противоречий является адекватное отражение в тексте уголовно-правовых понятий «использование компьютерных технологий», «виды компьютерных технологий». При строгом указании в нормах закона данных терминологий будет устранена проблема квалификации деяний, а точнее, подпадание противоправных действий под нормы гл. 28 УК РФ. Кроме того, термин «компьютерные программы» указан в нормах закона во множественном числе. При квалификации преступных деяний возможна ошибочная трактовка данной нормы. На основе ее прямого смысла можно сделать вывод о том, что лицо, являющееся разработчиком одной вредоносной компьютерной программы, законодатель не вправе привлечь к уголовной ответственности. Данная норма требует конкретизации в нормах уголовного законодательства.

Целью уголовного преследования является наказание виновного. Это наказание также призвано служить сдерживающим фактором против будущих преступлений. Сдерживающий аспект наказания работает в том случае, если наказание

достаточно сурово, чтобы воспрепятствовать преступной деятельности. Среди проблем в рассматриваемом правовом поле, необходимо обозначить санкцию данных норм и обратиться к опыту зарубежных государств, в частности США. Минимальные штрафы начинаются от 5 000 долл. в зависимости от тяжести преступления. Самым строгим наказанием за компьютерный шпионаж является лишение свободы до 20 лет. Взлом сети правительственной инфраструктуры наказывается лишением свободы до 30 лет.

В российском законодательстве максимальный срок лишения свободы за неправомерные действия в сфере компьютерной информации наказывается лишением свободы до семи лет, за совершение преступления против объектов информационной инфраструктуры наказывается лишением свободы всего лишь на 10 лет. Поэтому является необходимым ужесточение санкций на нарушение законодательства в сфере информационных технологий. Данное обстоятельство будет способствовать усилению страха у лиц перед совершением компьютерных преступлений. На основании данного обстоятельства еще одним вариантом оптимизации российского уголовного законодательства в сфере IT-технологий может быть рассмотрение снижения возраста уголовной ответственности физических лиц, в случае если это деяние способствовало наступлению тяжких последствий (ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274 УК РФ) с 16 до 14 лет.

Следующим направлением оптимизации российского уголовного законодательства в рассматриваемой сфере является установление квалифицирующих признаков в часто встречающихся на практике составах компьютерных преступлений. В данном случае к таким преступлениям можно отнести посягательства против личного имущества и собственности граждан, против безопасности всего общества и благосостояния людей, посягательства, направленные по экономическую деятельность, а также посягательства, способствующие нарушению прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ (к примеру, право на честь и достоинство). Кроме того, целесообразной будет и мера по закреплению в законодательстве следующих квалифицирующих признаков, точнее их дополнения. Так, возможно введение признака в ст. 272, 273 УК РФ в виде «компьютерных преступлений, совершенных с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения», также «компьютерных преступлений, совершенных в целях устрашения и запугивания общественности, а равно в целях оказания влияния на принятие решений различными органами государственной власти». Компьютерные преступления по своему характеру могут причинить как значительный экономический, так и политический ущерб интересам граждан и государства в целом. Исходя из того обстоятельства, что при помощи компьютерных преступлений возможно добыть персональные данные любого лица, целесообразно ввести уголовно-правовую ответственность и санкцию за хищение личных (персональных) данных, а равно сбор и публичное распространение различной идентифицирующей информации. Данную норму также необходимо закрепить в гл. 28 УК РФ.

Также необходимо закрепление в российском законодательстве ответственности за совершение противоправных действий в области компьютерных технологий юридическими лицами, с указанием применения наказания в виде штрафа.

Так как в этом случае возникает проблема невозможности выявления физического лица, виновного в совершении преступления.

Недостатком уголовно-правовых норм также является отсутствие в ст. 272 УК РФ предписания на абсолютно новый способ совершения компьютерного преступления. Данная мера считается необходимой ввиду того обстоятельства, что сведения могут быть получены не только путем непосредственного взаимодействия с техническими средствами, но и при помощи сетей передачи данных, таких как Wi-Fi, Bluetooth. Таким образом, необходимо конкретизировать понятие незаконного доступа к компьютерной информации, указав на конкретный способ «перехвата цифровой информации, которая распространена с помощью пространственных радиоволн».

Компьютерные преступления однозначно можно определить как отрицательную сторону развития компьютерных технологий. В нынешних условиях, поскольку большая часть обработки информации зависит от использования информационных технологий, контроль, профилактика и расследование компьютерных преступлений жизненно важны для успеха организаций, государственных учреждений и частных лиц. Интернет-пространство предоставляет преступникам новый способ эксплуатации бизнеса и личных средств частных лиц в целях получения имущественной выгоды.

На основании вышеизложенного, российское уголовное законодательство в области регулирования компьютерных преступлений требует дальнейшего совершенствования, существует множество способов для его улучшения и совершенствования уголовно-правовых норм.

Пути решения проблем, возникающих в уголовном законодательстве, должны быть направлены на следующие неурегулированные вопросы. Ввиду многогранного характера терминов необходимо нормативное закрепление таких понятий, как «использование компьютерных технологий», «виды компьютерных технологий». Также термин «компьютерные программы» целесообразно указать в ст. 273 УК РФ в единственном и множественном числе, так как его указание в единственном числе приводит к искаженному пониманию данной нормы. Предлагается закрепить правовую ответственность за совершение IT-преступлений юридическими лицами, так как данные субъекты обладают доступом к персональным данным своих сотрудников. Еще одним вариантом решения проблем является конкретизация понятия незаконного доступа к компьютерной информации с указанием на конкретный способ перехвата цифровой информации при помощи сетей Wi-Fi, Bluetooth. Введение указанных вариантов решения проблем способствовало бы разгрузке деятельности следственно-оперативных, правоохранительных органов, а также судебных органов в случае привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере компьютерной информации.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (дата обращения: 10.09.2022).

В. А. Шестак,

доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России

А. А. Введенская,

магистр права,
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. С развитием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) специалисты в области уголовного права стали активнее высказываться о необходимости выделения связанных с интеллектуальными программно-аппаратными комплексами (далее – ПАК) общественных отношений в отдельную группу, требующую самостоятельной защиты. Информация, также составляющая основу и предмет деятельности ИИ, стала одним из главных элементов развития общества и государства. В то же время компьютерные преступления представляют одну из основных проблем, стоящих перед международным сообществом, приобретают более организованный характер и вызывают необходимость отражения в уголовном законодательстве необходимых мер реагирования на негативные процессы деятельности в области информационных технологий. Цель исследования составляет правовая оценка применения ИИ. В этой связи авторами проанализированы особенности криминализации совершаемых с использованием интеллектуальных сквозных цифровых технологий (далее – СЦТ) преступных деяний с точки зрения отечественного права и законодательства государств системы общего права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступления, компьютерные преступления, правовое регулирование, роботизация, робототехника, сквозные цифровые технологии, цифровизация

MODERN FEATURES OF CRIMINALIZATION OF ACTS COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. With the development of artificial intelligence technologies (hereinafter referred to as AI), criminal law experts have begun to express the need to separate relations involved with intelligent hardware-software complexes (hereinafter referred to as HSC) into an independent group more actively so it is protected severally. Information constituting the basis and the subject of AI activity has become one of the main elements of society and state development. At the same time, computer crimes represent one of the main problems facing the international community, their nature is becoming more organized, which causes the need for criminal legislation to reflect necessary measures countering negative activity processes in the field of information technology. The purpose of the study is AI use legal assessment. The authors analyzed specifics of CCTDT

offences criminalization from the standpoint of domestic law as well as common law countries legislation.

Keywords: Artificial intelligence, Computer crimes, Cybercrimes, Legal regulation, Robotization, Robotics, Cross-cutting digital technologies, Digitalization

В российской правоприменительной практике ИИ рассматривается как разновидность информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на деяния в сфере ИКТ приходится одно из четырех регистрируемых преступлений (38,7 тыс.). Большинство киберпреступлений совершается с использованием сети «Интернет» (27,1 тыс.) и при помощи средств мобильной связи (15,7 тыс.). Отмечается распространенность применения ИКТ при совершении преступлений мошенничеств (74 % всех деяний обозначенного вида, 19,9 тыс.). Сами преступления, совершенные с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации, характеризуются невысокими показателями раскрываемости (31,7 %) [2].

Деяния, совершаемые с применением технологий ИИ, подпадают под понятие преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), которые следует охарактеризовать как общественно опасные, виновные, противоправные, уголовно наказуемые деяния, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда общественным отношениям, обеспечивающим права и законные интересы граждан и организаций, охраняемые законом интересы общества и государства в сфере создания, использования и обращения компьютерной информации. Данный подход является обоснованным ввиду того факта, что ИИ функционирует на основе заложенной в него человеком, а также собранной им самостоятельно в процессе самообучения информации, которая впоследствии заносится в систему ПАК и становится частью его базы знаний [5]. Накопленные данные могут быть подвержены стороннему вредоносному воздействию либо некорректному использованию самим устройством, что способно создать угрозу реализации прав и интересов субъектов правоотношений.

Родовой объект деяний, совершаемых с применением интеллектуальных технологий, составляют общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, видовой – общественные отношения, обеспечивающие права и законные интересы граждан и организаций, охраняемые законом интересы общества и государства в сфере создания, использования и обращения компьютерной информации. В отличие от Российской Федерации (далее – РФ), другие страны континентальной правовой семьи не всегда трактуют родовой и видовой объекты аналогичным образом. Различия в толковании можно проследить на примере анализа законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности.

В феврале 1996 г. принят модельный Уголовный кодекс (далее – модельный УК), содержащий самостоятельный раздел XII и главу 30 «Преступления против информационной безопасности». Данным документом предусмотрено установле-

ние уголовной ответственности за несанкционированный доступ; модификацию компьютерной информации; компьютерный саботаж; неправомерное завладение компьютерной информацией, изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети; разработку, использование и распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (статьи 286–292) [6, 7].

Из сравнения структуры модельного УК с УК РФ следует, что родовый объект первого документа не совпадает с группой общественных отношений, подпадающих под регулирование раздела IX отечественного нормативного акта, и меняется на общественные отношения, обеспечивающие информационную безопасность.

Идентичное наименованию раздела название главы, отражающее видовой объект, представляется нецелесообразным, поскольку термин «информационная безопасность» может предполагать не только компьютерный характер совершаемых деяний. Его толкование сводится к состоянию защищенности жизненно важных интересов субъектов правоотношений в информационной сфере на сбалансированной основе от внутренних и внешних угроз, которые содержатся не только в главе 30 модельного УК.

Схожая проблема наблюдается, например, при изучении главы XI УК Молдовы «Информационные преступления и преступления в области электросвязи» или главы 7 УК Казахстана «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи». В названии приведенных глав отсутствует указание на компьютерную принадлежность информации, сам по себе информационный аспект не ограничивается преступлениями, совершенными посредством эксплуатации ИКТ.

В УК Азербайджана соответствующие деяния объединены в главу «Киберпреступления», что может быть воспринято как фактическое отсутствие видового объекта. Законодатель не приводит дефиниции использованного термина, однако применение понятий «киберпреступления» и «компьютерные преступления» как взаимозаменяемых встречается не впервые.

Первоначально термин «киберпреступления» использовался зарубежным научным сообществом в качестве определения совокупности видов противоправных действий, совершенных в сети «Интернет», и лишь с его заимствованием российскими представителями средств массовой информации и впоследствии правоведами, оно приобрело значение общности всех видов компьютерных преступлений. Таким образом, согласно мнению Т. Л. Тропиной, понятие «компьютерные преступления» не отражает всех деяний, совершаемых при помощи технологий. Киберпреступления представляют собой совокупность противоправных деяний, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, против компьютерных систем, компьютерных сетей или компьютерных данных. В российской действительности наблюдается замещение терминов с приставкой «кибер» распространенными в отечественной правовой практике более знакомыми словами «компьютер» и «информация», что также находит поддержку со стороны научных деятелей, как, например, профессора В. Г. Степанова-Егисянца [8]. Подобные особенности разви-

тия терминологического аппарата заложили предпосылки для приобщения интеллектуальных технологий к уже сформировавшейся системе ИКТ.

С точки зрения некоторых исследователей, отождествление киберпреступлений со всем многообразием деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации, необъективно. Ими выдвигается предложение использовать определение «киберпреступления» только в отношении противозаконных действий, совершенных в рамках информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей. Кроме того, отмечается, что термин «Интернет-преступления» неуместно использовать как обобщение видов преступлений, совершаемых в онлайн-пространстве. Он будет лишь образующей понятия «киберпреступления», поскольку хотя сеть «Интернет» и является наиболее распространенной, помимо нее существует широкое множество других доступных для использования злоумышленниками сетей, таких как TOR (The Onion Router), Gnutella, OneSwarm, JAP (Java Anonymous Proxy, MUTE, Ants P2 и др. Получается, для этой группы преступлений характерно распространение только той части интеллектуальных технологий, которые предполагают выход в виртуальное пространство.

Кроме того, высказывается мнение, что компьютерные преступления в сравнении с киберпреступлениями должны принять значение родового понятия по причине того, что основная задача, а именно – создание, обработка, хранение информации в электронном виде, осуществляется за счет средств вычислительной техники или, в рамках рассматриваемой тематики, интеллектуальных машин и программ, тогда как сами сети лишь обеспечивают передачу виртуальных данных. В таком случае допустимо, чтобы ИИ выполнял роль технического обеспечения информационных систем.

Этимологический анализ терминов «киберпреступления» и «компьютерные преступления» допускает вариант определения последнего явления как группы преступных деяний, где непосредственным объектом преступного посягательства станут конкретные общественные отношения в условиях безопасного оборота компьютерной информации, связанные с использованием средств поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения, защиты компьютерной информации и ее электронных носителей. При этом указанная информация, сети и средства не только соответствуют статусу предмета преступления, но и могут быть применены в качестве средства либо орудия совершения преступного посягательства.

Если же трактовать термин «киберпреступления» как всеобъемлющее понятие по отношению к преступлениям, совершаемым с помощью компьютерных технологий, его использование применимо не только в контексте совершения преступных деяний в сфере компьютерной информации. Данное понятие будет охватывать также преступления, совершаемые в виртуальном пространстве, преступления в сфере компьютерной информации и преступления в сфере информационных технологий. В этом случае общественные отношения, которым причиняется вред, необязательно ограничиваются главой 28 действующего УК РФ, допустимо возникновение явления многообъектности преступлений. Например, использование нейросетей для анонимизации или шифрования данных позволя-

ет преступнику, скрывая свои цифровые следы, осуществлять оборот материалов с демонстрацией детского насилия, прямых трансляций действий сексуального характера с несовершеннолетними и т. д., что будет расцениваться как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности и регулироваться нормами главы 18 раздела VII УК РФ [4].

При всех различиях в криминализации деяний, совершенных с использованием ИИ, страны СНГ определяют интеллектуальные технологии так же, как российский законодатель, а именно – как видовой объект либо предмет преступления.

Наконец, непосредственный объект, согласно отечественному законодательству, представляет собой общественные отношения, обеспечивающие конкретные права и законные интересы граждан и организаций, конкретные охраняемые законом интересы общества и государства в сфере создания, использования и обращения компьютерной информации, на которые направлено преступное посягательство. Российский уголовный закон предусматривает всего четыре состава противоправных деяний.

Действующая отечественная нормативно-правовая база также допускает признание ИИ и предметом преступления. Так, некоторые исследователи, например Н. И. Панов и С. Ф. Кравцов, склонны рассматривать материальность как обязательный признак предмета преступления. Такая позиция представляется устаревшей, поскольку не все защищаемые законом общественные отношения являются предметными, то есть такими, где непосредственному воздействию подвергаются вещи и другие образования материального мира, имеющие физическую форму. Достаточно обратиться к ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с которой под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Соответственно, законодателем проводится разграничение между непосредственно информацией и ее носителем. Помимо этого, такие нематериальные явления, как электроэнергия или атмосферный воздух, будучи доступными для восприятия и потребления человеком, также определены в качестве предмета преступления, поскольку они могут быть умышленно подвергнуты нежеланным изменениям или состоянию фиксации.

ИИ – это не только имеющее материальную форму техническое оборудование, но и заложенная в него, внесенная и автономно собранная информация, которой оперирует механизм, а также программный код интеллектуального ПАК [1]. Последний является частью самообучаемой системы и представляет собой написанный на языке программирования текст [9]. То есть программный код соответствует понятию предмета преступлений, регулируемых главой 28 УК РФ – данные, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Если рассматривать именно киберфизическую составляющую ИИ, то роботу может быть причинен вред посредством оказания силового или электромагнитного воздействия, что в зависимости от составляющих субъективной и объективной сторон состава преступления может быть квалифицировано как одно из деяний, предусмотренных ст. 167 УК РФ. В таком случае оценка интеллек-

туальных СЦТ должна производиться в соответствии с положениями главы 21 раздела VIII УК РФ, где родовым объектом преступления будут общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики, видо-вым – охраняющие конкретные права собственности, и непосредственным – охраняющие конкретные права собственности, на которые направлено преступное посягательство.

В законодательстве государств англо-американской правовой семьи отсутствует характерное для стран континентального права понятие состава преступления. Правоприменителями используются элементы *mens rea* – понятие, включающее в себя вину и виновное отношение лица к совершаемому им деянию, виновное состояние ума, и *actus reus* – волевое противоправное деяние в форме действия или бездействия. В связи с этим предлагается рассмотреть особенности криминализации совершаемых с использованием ИИ преступлений с учетом данных элементов в рамках основных деяний, подпадающих под действие уголовного закона. В основу анализа положено законодательство Великобритании как одной из стран с наиболее разработанной нормативно-правовой базой в сфере компьютерных преступлений.

Для данного государства, равно как и многих других стран общего права, характерно деление киберпреступлений на деяния общего характера, когда в уголовном законе отсутствуют конкретные положения, посвященные вопросам компьютерных преступлений, и специального, то есть за непосредственное совершение которых национальным законодательством предусмотрено применение мер государственного принуждения.

В правовой практике Великобритании термин «киберпреступления» применяется как «обобщающее понятие, используемое для описания двух тесно связанных, однако различных видов преступной деятельности». В соответствии с Национальной стратегией правительства Великобритании в области кибербезопасности к первой категории относят киберзависимые преступления, то есть деяния, которые могут быть совершены исключительно с использованием ИКТ, где технологические устройства являются инструментом (средством, орудием) совершения противоправного деяния.

Вторая группа – традиционные преступления, совершение которых может быть осуществлено или облегчено посредством применения ИКТ. Например, кража данных с помощью осуществления кибератак на один из носителей информации, где такие сведения хранятся в электронном формате [3, 13].

К группе традиционных преступлений, где может быть использован ИИ, относят деяния, которые не зависят от компьютеров или сетей, но могут быть изменены относительно размера или пределов области влияния благодаря использованию ИКТ. В их число входят, например, преступления против собственности (мошенничество), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (распространение детской порнографии) и т. д.

Киберзависимые преступления в свою очередь делятся на две основные категории:

- 1) деяния, предполагающие незаконное вторжение в компьютерные сети;

2) деяния, направленные на нарушение или ухудшение функциональности компьютера и сетевого пространства.

Основным документом, регулирующим ответственность за совершение киберзависимых преступлений, является Закон о неправомерном использовании компьютеров от 1990 г. (Computer Misuse Act, далее – СМА), предусматривающий положения по части криминализации атак на компьютерные системы, такие как взлом или отказ в обслуживании.

Исходя из перспективы развития технологического прогресса, законодатель намеренно не указывает в СМА дефиниции термина «компьютер» во избежание образования «пробела» в правовом регулировании неправомерного использования технологий.

Ввиду того, что странами англо-американской правовой семьи активно применяется прецедентное право, для определения понятия «компьютер» можно обратиться, например, к разбирательствам DPP v McKeown и DPP v Jones от 1997 г., где судья лорд Хоффман обозначил его как «устройство для хранения, обработки и извлечения информации». Это означает, что смартфон, персональный планшет и, в рамках исследуемой тематики, даже ИИ подпадают под данное определение таким же образом, как и традиционный «настольный» компьютер или «ПК». Отметим, что СМА применяется только в том случае, если в обстоятельствах дела имеется «по крайней мере одна существенная связь с национальной юрисдикцией» Англии и Уэльса.

СМА предусмотрены следующие противоправные деяния.

В разделе 1 криминализованы действия, направленные на выполнение компьютером операций по обеспечению несанкционированного доступа к компьютерным материалам. Иными словами, регламентирована ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, как это сделано в ст. 272 УК РФ. Преступление считается совершенным с момента выполнения операции, необходимой для обеспечения незаконного доступа к информации, при этом независимо от того, получен ли такой доступ, что соответствует формальному составу преступления по российскому законодательству. Простое считывание конфиденциальных компьютерных данных, информации, отображаемой на экране, или «компьютерное подслушивание» не являются составляющей *actus reus*. При этом *mens rea* предполагает два элемента: первый – осознание злоумышленником того факта, что такой доступ является несанкционированным, простой неосторожности для наступления юридической ответственности недостаточно; второй – намерение обеспечить доступ к любой программе или данным, хранящимся в компьютере. Слово «любой» используется в качестве указания на то, что намерение необязательно должно относиться к компьютеру, которым в это время управляет преступник.

Разделом 2 регламентирована ответственность за несанкционированный доступ с намерением совершить или способствовать совершению дальнейшего преступления. То есть общественные отношения, которым причиняется вред ввиду неправомерного доступа к компьютерным материалам, будут являться дополнительным, а не основным объектом преступного посягательства, как это предусмотрено разделом 1 документа. Например, злоумышленник получает несанкциони-

рованный доступ к хранящейся на компьютере конфиденциальной информации с целью шантажа носителя персональных данных [10].

Раздел 3 регулирует ответственность за преднамеренное или неосторожное нарушение работы компьютера, предотвращение или затруднение доступа законного пользователя к компьютерным материалам, а также ухудшение процессов обработки или обеспечения безопасности компьютерных материалов. *Mens rea* предполагает осознание преступником противоправного характера осуществляемого им доступа. Распространенными посягательствами, подпадающими под действие данного раздела, являются DDoS атаки – кибератаки, при которых злоумышленник стремится воспрепятствовать доступу пользователей к компьютеру или сетевому ресурсу, временно или на неопределенный срок нарушая работу хостинга, подключенного к Интернету, используя при этом входящий трафик, исходящий из множества различных источников, для подачи запросов, превышающих пропускную способность сети, тем самым не позволяя нейтрализовать атаку путем блокирования только одного источника [11].

Раздел 3ZA предназначен для регламентации случаев ненадлежащего использования компьютеров, когда воздействие заключается в нанесении ущерба, например, критически важной национальной инфраструктуре и когда максимальное наказание раздела 3 может быть недостаточным. При наличии оснований полагать, что *mens rea* или *actus reus* как-либо связаны с вопросами причинения вреда отношениям, обеспечивающим национальную безопасность, дело должно быть передано в Отдел международного правосудия и организованной преступности (IJOCD) или Специальный отдел по борьбе с преступностью и терроризмом (SCCTD).

Раздел 3A – изготовление, поставка или приобретение предметов («articles») для их предполагаемого использования в преступлениях, предусмотренных разделами 1, 3 или 3ZA.

Хотя в СМА нет определения соответствующих предметов, в разделе 8 Закона о мошенничестве 2006 г. говорится, что ими являются любые программы или данные, хранящиеся в электронной форме [12]. Также содержание вероятностного характера совершения или содействия в совершении преступлений, предусмотренных разделами 1, 3 или 3ZA, не раскрывается в законе. Вместо этого Королевской прокурорской службой указывается на необходимость его толкования посредством оценки функциональности конкретного предмета, а также известных сотрудникам правоохранительных органов подозрений, вызванных действиями злоумышленника. К примеру, был ли характер распространения вредоносной программы открытым или она была направлена проверенному списку специалистов по ИТ-безопасности.

Обстоятельства, учитываемые при установлении ответственности за совершенное лицом деяние, подлежат установлению через выяснение следующих вопросов:

- 1) был ли предмет разработан в первую очередь, преднамеренно и с единственной целью совершения преступления, содержащегося в СМА;
- 2) доступен ли он к продаже широкой публике на коммерческой основе и осуществляется ли такая продажа по законным каналам;

3) насколько распространено использование соответствующего предмета в законных целях;

4) имеет ли он устойчивую установочную базу;

5) каков был контекст, в котором этот предмет использовался для совершения преступления, по сравнению с его первоначальным предназначением применения.

Само обладание данными предметами не предполагает ответственности, необходимо наличие виновного умысла лица использовать программу или данные для осуществления преступного посягательства.

Законом определено, что при наличии достаточных доказательств для соответствия критерию доказывания, установленного Кодексом Королевских прокуроров, следует тщательно учитывать ряд факторов, представляющие общественный интерес. К ним относятся финансовый или коммерческий ущерб, причиненный жертве преступления. Из этого следует, что условным дополнительным объектом компьютерного преступного посягательства могут выступать общественные отношения, охраняющие конкретные права собственности. В случае, если компьютерное устройство предназначалось для совершения преступлений мошенничества, может быть рассмотрен вопрос о том, чтобы применять положения Закона о мошенничестве от 2006 г., предусматривающего отличные от СМА условия криминализации противоправных деяний, сопряженных с использованием ИКТ.

Таким образом, правовое регулирование неправомерного использования интеллектуальных технологий производится в соответствии с нормами, установленными для ИКТ, поскольку характеристики ИИ определяют его как подкатегорию общего многообразия инноваций. Согласно законодательству Российской Федерации, а также ряда иных стран континентальной системы права ИИ рассматривается исключительно в качестве видového либо непосредственного объекта, предмета и средства либо орудия преступления.

В системе общего права отсутствует классическое для континентальной правовой семьи понимание состава преступления, поэтому говорить об ИИ как об объекте преступления в данном контексте было бы некорректно. Тем не менее анализ нормативно-правовой базы Великобритании свидетельствует, что законодателем, как и в случае Российской Федерации, не разрабатываются новые специальные положения, направленные на защиту общественных отношений от посягательств, осуществляемых непосредственно с помощью ИИ. Наблюдается адаптация существующей нормативно-правовой базы к условиям технологического прогресса. Особенности деления преступных деяний на киберзависимые и традиционные преступления указывают на восприятие ИИ как средства либо орудия преступления.

Изучение отечественного и зарубежного законодательства позволяет заключить, что последствия применения ИИ – это всегда результат деятельности конкретного физического лица.

Список литературы

1. Воронцов К. Искусственный интеллект и машинное обучение / Константин Воронцов. – Текст: электронный // MachineLearning.ru. 2020. 12 нояб. URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/4/44/Voron-2020-un2035.pdf> (дата обращения: 05.09.2022).

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Казарян К. Видео-конференция «Обезличивание персональных данных» // MGIMO Digital discussion club. – 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KdYFyWPjsfs&list=PLuF7IO74aQSJtg3nOdfuEM9GIR1PIlwoj&index=7> (дата обращения: 06.09.2022).
4. Круцких А. В. Международная информационная безопасность: подходы России / А. В. Круцких, Е. А. Зиновьева, В. И. Булва, М. Б. Алборова, Ю. А. Юдина // МГИМО МИД РФ. 2021. С. 19. URL: <https://mgimo.ru/upload/2022/03/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-podkhody-rossii.pdf> (дата обращения: 06.09.2022).
5. Лаборатория Касперского: сайт. Москва, 2022. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/machine-learning-ten-challenges/21193/> (дата обращения: 06.09.2022).
6. Анализ законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности: аналитическая справка от 2022 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации.
7. Модельный уголовный кодекс: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 // Гарант-Образование. URL: <http://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения: 06.09.2022). URL: для зарегистрир. пользователей.
8. Степанов-Егиянц, В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дисс. ... д-ра юрид. наук / Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич. М., 2016. 59 с.
9. Тихомиров, Ю. А. Юридическая концепция роботизации: [монография] / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. –240 с.
10. Rodrigues R. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities / R. Rodrigues // Journal of Responsible Technology. 2020. Vol. 4. Art. 100005. URL: https://www.researchgate.net/publication/346305027_Legal_and_human_rights_issues_of_AI_Gaps_challenges_and_vulnerabilities (дата обращения: 11.09.2022).
11. The United Kingdom. The Computer Misuse Act: принят Парламентом 29 июня 1990 г.: вступил в действие 29 августа 1990 г. // The Crown Prosecution Service: официальный сайт. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/computer-misuse-act> (дата обращения: 15.09.2022).
12. The United Kingdom. The Fraud Act: принят Парламентом 8 ноября 2006 г.: вступил в действие 15 января 2007 г. // The Crown Prosecution Service: официальный сайт. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/fraud-act-2006> (дата обращения: 15.09.2022).
13. Wharton University of Pennsylvania: сайт. – Pennsylvania, 2022. URL: <https://ai.wharton.upenn.edu/artificial-intelligence-risk-governance/> (дата обращения: 07.09.2022).

Е. С. Широбокова,

студент,

Удмуртский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ-АНОНИМАЙЗЕРОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Целью исследования выступает уголовно-правовая оценка использования средств-анонимайзеров при совершении преступлений и анализ действующего уголовного законодательства на предмет регулирования использования указанных средств. Приводится понятие и законное назначение средств-анонимайзеров. В работе предлагается дифференциация использования данных средств при совершении преступлений: в целях сокрытия следов преступления; получения допуска к ограниченным в РФ ресурсам. Также исследованием охватывается оценка существующих доктринальных позиций о критериях квалифицирующих признаков состава преступления, проведена оценка необходимости и возможности признания использования средств-анонимайзеров при совершении преступлений в целях получения доступа к ограниченным в РФ ресурсам в качестве квалифицированного признака состава преступления.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, средства-анонимайзеры, квалифицирующий признак, дифференциация использования средств-анонимайзеров, IP-адрес, общественная опасность, состав преступления

THE USE OF ANONYMIZER FUNDS IN THE COMMISSION OF CRIMES AND THE BASIS FOR CRIMINALIZATION OF ACTS

Abstract. The purpose of the study is a criminal legal assessment of the use of anonymizer funds in the commission of crimes and an analysis of the current criminal legislation to regulate the use of these funds. The concept and legal purpose of anonymizer funds are given. The paper proposes the differentiation of the use of anonymizers in the commission of crimes: in order to conceal the traces of a crime; in order to obtain access to limited resources in the Russian Federation. The study also covers the assessment of existing doctrinal positions on the criteria of qualifying features of the corpus delicti, an assessment of the necessity and possibility of recognizing the use of means-anonymizers in the commission of crimes in order to gain access to limited resources in the Russian Federation as a qualified feature of the corpus delicti.

Keywords: Information and telecommunication technologies, Anonymizer tools, Qualifying feature, Differentiation of the use of anonymizer tools, IP address, Public danger, Corpus delicti

По данным МВД, за 2022 г. было совершено 290 299 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [5]. Верховный Суд РФ в процессе обобщения практики по уголовным делам, в частности, выявляет закономерности применения норм

УК РФ, однако не все сложные аспекты находят отражение в обзорах судебной практики и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В доктрине уголовного права и на практике отсутствует единый подход к юридической оценке использования средств, позволяющих скрыть реальный IP-адрес, при совершении преступлений.

Анонимайзер – это специальное средство, которое позволяет пользователю скрыть информацию о себе или о своем компьютере от удаленного сервера [4]. Анонимайзер может иметь вид специального сайта, программы, требующей установки на жесткий диск, расширения для браузера.

Средства-анонимайзеры имеют широкий спектр легального применения. Так, их используют для защиты информации, повышения эффективности и скорости выполнения задач, обеспечения безопасности в Интернете. К числу средств-анонимайзеров можно отнести: Virtual Private Network (VPN), veb-анонимайзеры, прокси-сервера, специальные браузеры. Эти базовые средства применяются гражданами и организациями как по отдельности, так и комбинированно. Кроме того, существуют и иные инструменты, позволяющие засекретить маршруты, трафики в Сети.

Для дальнейшей уголовно-правовой оценки использования специальных средств, позволяющих анонимизировать данные пользователя, необходимо прибегнуть к техническим свойствам таких средств.

При любом запросе в Сеть компьютер ищет путь к серверу с запрашиваемой информацией. При использовании средств-анонимайзеров, запрос пользователя осуществляется не от его реального IP-адреса, а от IP-адреса анонимайзера. Принцип действия средств-анонимайзеров заключается в их посредничестве между пользователем и сервером запрашиваемой информации.

В юридической науке существуют различные позиции относительно использования средств-анонимайзеров в целом. Ряд авторов считает, что использование средств-анонимайзеров представляет собой лишь инструмент пользования Сетью, что связано с потребностями в защите информации, повышении эффективности работы и иными личными целями.

С противоположной позицией выступают Д. М. Апкаев и Н. М. Никишкин, которые считают: «Первым шагом в противодействии должна стать разработка нормативно-правовой базы, устанавливающей уголовную ответственность пользователя за скачивание, использование, регистрацию в информационных структурах, целями которых является изменение IP-адресов, анонимизация данных пользователя» [2].

Само по себе использование средств-анонимайзеров не обладает общественной опасностью и не порождает оснований для криминализации. В регулятивном законодательстве имеется ряд положений, опосредованно регламентирующих использование средств-анонимайзеров. Так, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ установлен запрет на обеспечение использования в РФ информационно-телекоммуникационных сетей, информационных систем и компьютерных программ для получения доступа к запрещенным информационным ресурсам [10]. На операторов поисковых систем возложена обязанность прекращения вы-

дачи ссылок на заблокированные информационные ресурсы. Федеральный закон «О связи» в ред. Федерального закона от 02.07.2021 № 319-ФЗ в п. 9 ст. 46 устанавливает обязанность операторов связи предоставлять в неизменном виде абонентский номер, а также уникальный код идентификации [11]. Таким образом, законодатель, устанавливая требования к обороту, информационных систем, компьютерных программ, позволяющим скрывать IP-адрес пользователя, допускает возможность законного их применения при соблюдении установленных правил.

Применение средств-анонимайзеров при совершении преступлений получило распространение. В таких случаях возникает вопрос, можно ли рассматривать использование средств-анонимайзеров как квалифицирующий признак преступления.

Анализируя судебные решения, вынесенные в отношении лиц, совершивших преступления с использованием средств-анонимайзеров, можно выделить две самостоятельные группы применения таких средств:

1. Соккрытие пользователями реального IP-адреса для затруднения их установления, изобличения. Примером такого использования может послужить приговор № 1-327/2018 от 18.09.2018 по делу № 1-327/2018, согласно которому, уделяя огромное внимание системе конспирации, «операторы», в силу их контакта с потребителями наркотических средств, в своей деятельности использовали шифровальные контейнеры «TrueCrypt», а для сокращения IP-адресов, позволяющих осуществить их идентификацию, прибегали к услугам коммерческих сервисов VPN, которые не позволяли определить истинные IP-адреса [7].

Согласно приговору № 1-454/2019 от 04.09.2019 по делу № 1-454/2019, для совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (по двум преступлениям), М. В. Тарасов использовал программное средство Avast SecureLine VPN версии 3.3.1 для сокращения настоящего IP-адреса устройства во время обращения к ресурсам в сети Интернет пользователя данного устройства [8].

В указанных примерах применение средств-анонимайзеров связано с сокращением следов преступления – такое применение не повышает степень общественной опасности содеянного.

2. Использование средств-анонимайзеров в целях получения доступа к интернет-ресурсам, доступ к которым ограничен. Примером такого использования может послужить Приговор № 1-1062/2019 1-136/2020 от 28.01.2020 по делу № 1-1062/2019, согласно которому А. М. Вольвач признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, при этом для совершения указанных преступлений А. М. Вольвач использовал браузер Purple Onion для входа на сайт «Гидра» с помощью VPN-режима [6].

Приговором № 1-67/2018 от 12.10.2018 по делу № 1-67/2018 Д. Л. Ярославцева был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 222 УК РФ, согласно которому лицо, действуя в интересах возглавляемой им организованной группы, используя сотовый телефон на одном из сайтов в сети Интернет, через браузер, позволяющий выйти на запрещенные сайты, стало приискивать информацию и сведения о возможной покупке документов для регистрации индивидуального предпринимателя, от имени которого будет осуществлена дальнейшая противоправная деятельность [9].

При совершении указанных преступлений средства-анонимайзеры непосредственно обеспечивали доступ к запрещенным в РФ интернет-ресурсам.

Вопрос о природе квалифицирующих признаков в науке является дискуссионным. М. А. Авдеев, А. С. Штранц, определяя сущность квалифицирующих признаков, полагают, что в их основу положены структурные элементы состава преступления, что предполагает наличие следующих групп квалифицирующих признаков: относящиеся к объекту и объективной стороне преступления и, соответственно, относящиеся к его субъекту и субъективной стороне [1. С. 66].

Л. Л. Кругликов выделял следующие содержательные требования, предъявляемые к построению квалифицирующих признаков: типичность признака; нехарактерность для большинства деяний; обязательность перепада в уровне общественной опасности [3].

Руководствуясь указанными требованиями, можно сделать следующие выводы.

Использование средств-анонимайзеров, в целях получения доступа к интернет-ресурсам, доступ к которым ограничен, во-первых, является типичным признаком для таких преступлений, как 228¹, 222 УК РФ и нехарактерным для большинства иных деяний в связи с особенностями их совершения.

Вывод подтверждается результатами изучения обвинительных приговоров по уголовным делам за 2020–2022 гг. Так, методом случайной выборки были изучены 10 приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, из которых семь были совершены с использованием средств-анонимайзеров в целях получения доступа к интернет-ресурсам, доступ к которым ограничен; 10 приговоров по уголовным делам о преступлениях предусмотренных ч. 3 ст. 222 УК РФ, из которых восемь были также совершены с применением средств-анонимайзеров в целях получения доступа к интернет-ресурсам, доступ к которым ограничен [12].

Во-вторых, «перепад в уровне общественной опасности», как содержательное требование к квалифицирующему признаку, в данном случае выражается в посягательстве на дополнительный по отношению к основному объект – информационную безопасность.

Таким образом, представляется необходимым дополнить ряд составов преступлений (например, таких, как ст. 222, 228, 228¹, 228², 228³, 228⁴ УК РФ) квалифицирующим признаком: «совершенное с использованием средств-анонимайзеров, в целях получения доступа к интернет-ресурсам, доступ к которым ограничен».

Список литературы

1. Авдеев М. А., Штранц А. С. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2019 Т. 3, № 9. С. 66.

2. Апкаев Д. М., Никишкин Н. М. Преступления, совершенные неустановленными лицами с использованием анонимайзеров и VPN-сервисов: проблемы противодействия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 1 (27). С. 39–41.

3. Кулев Л. О., Кулева А. Г. Учение о квалифицирующих признаках в трудах Л. Л. Кругликова // Актуальные проблемы уголовного права и на современном этапе. 2020. № 9 (119).

4. Лучшие бесплатные анонимайзеры. URL: <https://spy-soft.net/luchshie-besplatnye-onlajn-anonimajzery-obzor-vybor-rekomendacii/>

5. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>

6. Приговор № 1-1062/2019 1-136/2020 от 28 января 2020 г. по делу № 1-1062/2019 Приморский районный суд (Город Санкт-Петербург) – Уголовное. URL: <https://sudact.ru/>

7. Приговор № 1-327/2018 от 18 сентября 2018 г. по делу № 1-327/2018. URL: <https://sudact.ru/>

8. Приговор № 1-454/2019 от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-454/2019. URL: <https://sudact.ru/>

9. Приговор № 1-67/2018 от 12 октября 2018 г. по делу № 1-67/2018. URL: <https://sudact.ru/>

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

11. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ.

12. URL: <https://sudact.ru/>

Я. О. Шишиморова,
студент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Аннотация. Целью исследования является определение развитости системы мер, которые рассчитаны на предотвращение актов информационного терроризма. Изучение рычагов воздействия преступников на социум и на решения органов государственной власти через носители информации и технологии, существующие на данный момент. Анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, направленных на пресечение подобного явления и контроль над информационными технологиями.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, терроризм, информационный терроризм, социальные сети, система мер, контроль

INFORMATION TERRORISM IN THE SPHERE OF CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The purpose of the study is to determine the development of the system of measures that are designed to prevent acts of information terrorism. The study of the levers of influence of criminals on society and on the decisions of public

authorities through information carriers and technologies that currently exist. Analysis of regulatory legal acts of the Russian Federation aimed at suppressing this phenomenon and controlling information technologies.

Keywords: Law, Digital technologies, Terrorism, Information terrorism, Scientific networks, System of measures, Control

Информационный терроризм как социально политическое явление является серьезной угрозой безопасности общества и государства в целом. Такой вид терроризма способен провоцировать кризис стран с высоким информационным развитием. На данный момент для преступников не составляет сложности найти уязвимое место в абсолютно любом средстве обработки, хранения и передачи той или иной информации. При соответствующих навыках и знаниях злоумышленник может проникать в любые электронные носители данных. В данный момент среди множества задач противодействия терроризму выделяют информационно-психологическое противодействие распространению террористической идеологии среди молодежи в социальных сетях [2. С. 53–55]. Для этого созданы центры борьбы с данным явлением, сотрудничающие с Министерством просвещения РФ, Министерством науки и высшего образования РФ, Роскомнадзором, в том числе и силовыми структурами. Однако проведение тотальной слежки за всеми гражданами является нарушением прав человека [3].

Создание эффективной системы взаимосвязанных мер по выявлению, предупреждению и пресечению такого вида преступлений является фундаментом действенной борьбы с ними.

У информационного терроризма достаточное количество методов достижения поставленной ими цели: масштабное выведение из строя работы коммуникационных систем, разрушение структуры социума и навязывание государственной власти своей воли и требований, контроль над персональными данными граждан [4. С. 336].

Одной из множества основных проблем является проблема возникновения терроризма в социальных сетях. Она проявляется в малом количестве законодательных мер, регулирующих отношения, которые так или иначе возникли в сети Интернет [8]. Так, в 2016 г. был принят Федеральный закон № 374-ФЗ («пакет Яровой»), по которому были внесены поправки в УК РФ [6]. Изменения коснулись части установления дополнительных мер, которые направлены на противодействие распространению террористической идеологии. Данный закон обязал интернет-компании и операторов сотовой связи с 1 июля 2018 г. в течение полугода хранить полное содержание переписок и звонков пользователей с целью получения доступа правоохранительным органам, в случае если будет замечена активность, связанная в том числе и с угрозой террористического акта [7].

Стоит уделить внимание ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» [5]. Данный террористический акт часто называют телефонным терроризмом. В декабре 2017 г. в данную статью внесли ряд законодательных изменений: дополнили двумя новыми частями, увеличили срок отбывания наказания до 10 лет. Предпосылкой данных изменений послужило достаточно большое количество ложной информации перед предстоящим чемпионатом мира по футбо-

лу, что подрывало безопасность нахождения иностранных граждан в Российской Федерации [9]. Объективная сторона рассматриваемой статьи состоит в заведомо ложном сообщении с информацией, в которой содержатся данные о подготовленном или готовящемся подрыве, поджоге, или иных действиях, рассчитанные на дестабилизацию общественного порядка или на нанесение больших потерь имущественного характера. Ключевым отличием настоящей статьи от предыдущей редакции является то, что деянием преступного характера подобное сообщение считается исключительно при наличии хулиганского побуждения, прописанного в п. 1 ст. 207 УК РФ [5].

Сообщение о готовящемся поджоге, подрыве или об ином способе совершения террористического акта, которые указаны в ст. 207 УК РФ, должно быть ложным [5]. Под словом «ложным» подразумевается содержание такой информации, объективно отличающейся от действительно сложившейся ситуации. Что касается сообщений, поступающих с информацией, которая подтверждает действительность, т. е. реально подготовленный террористический акт, состав ст. 207 УК РФ, не охватывается при наличии иных обязательных признаков. Однако данный факт подпадает под примечание к ст. 205 УК РФ «Террористический акт» [5], трактующее все возможные угрозы тех или иных действий, рассчитанных на воздействие на решение органов государственной власти. Понятие «угроза» трактуется Пленумом Верховного Суда РФ как различные способы, что включает в себя и распространение определенной информации в сфере медиаресурсов.

Стоит уточнить, что редакция ст. 207 УК РФ при применении понятия «готовящемся» отчасти можно считать некорректной, так как оно в некоторых случаях не охватывает весь спектр действий лиц, намеренных пошатнуть обстановку, которая сложилась в обществе. В тексте содержатся указания только на поджог, подрыв и на иные обстоятельства. В примечании к настоящей статье «иные обстоятельства» подробно не описаны, т. е. отсутствуют названия тех действий, которые подпадают под это понятие. Считаем, что стоит включить в диспозицию ст. 205 и 207 УК РФ акты терроризма, совершенные путем использования определенных компьютерных программ, плагинов и кодов, используемых в целях обретения контроля над персональными данными граждан и попыток влияния на решения государственной власти, выведения из строя программ государственного назначения. Ярким поводом для внесения корректива служит ситуация, сложившаяся в феврале 2022 г., когда путем взлома определенных государственных баз данных и баз хранения информации Сбербанка были похищены 65 млн персональных данных граждан Российской Федерации, также были скомпрометированы 12 млн банковских карт другими организациями, предоставляющими услуги кредитования. В 15 раз выросло количество кибератак на бизнес.

Исходя из этого, стоит расширить диспозицию 207 УК РФ, в примечание ст. 205 и 207 УК РФ добавить пункт с разъяснением понятия «иные обстоятельства», которые касаются применения конкретно этих статей, включить перечень действий, являющихся преступными и признанными видами террористического

акта, чтобы правоприменитель был в силах верно применить данную норму. Также добавить пункт в примечание ст. 207 УК РФ с разъяснением понятия «готовящемся», включить в него этапы, на которых акт терроризма признается находящимся в процессе подготовки. Либо исключить данный термин, заменив его таким перечнем, тем самым расширив пункт настоящей статьи.

Информационный терроризм является острой проблемой не только в обществе, но и в государстве в целом. Без разработки новых комплексных мер и внесения поправок, в частности в Уголовный кодекс РФ и федеральные законы, касающиеся уголовного законодательства, решить проблему не представляется возможным. Существующие способы борьбы с данным преступным явлением – малая часть решений для выхода из данной ситуации. Методы и способы совершения террористических актов в информационном пространстве прогрессируют вместе с развитием медиаресурсов, технологий и технологическим прогрессом [1. С. 319].

Список литературы

1. Дубровский К. Г. Политический аспект массовых протестных акций в современной России. URL: http://www.skags.ru/Damp/autoref_Dubrovskiy.doc (дата обращения: 12.11.2020).
2. Касимова В. А. Проблемы предупреждения экстремистских и террористических настроений в молодежной среде. Барнаул, 2020. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/10233/book.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.
4. Кузнецов П. У. Информационное право: учебник для бакалавров. Москва: Юстиция, 2019. 336 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; 05.07.2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5121.
6. Федеральный закон № 374-ФЗ «пакет Яровой». Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. URL: <https://www.security-center.ru/docs/zakonodatelstvo/federalnyy-zakon-n-374-fz-paket-yarovo/>
7. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
9. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

Е. Д. Шункевич,

студент,

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В связи с нарастающим интересом общества к использованию систем искусственного интеллекта в повседневной жизни появляется вопрос о статусе искусственного интеллекта как участника правовых отношений. В статье рассматривается понятие искусственного интеллекта, проблемы, связанные с развитием систем искусственного интеллекта, подходы к пониманию правосубъектности искусственного интеллекта. Автором отмечается возможное наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, но в ограниченной форме.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, участник правоотношений, ответственность искусственного интеллекта, законодательство, правовое регулирование, система искусственного интеллекта

REVISITING LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. Increasing interest of the society to the use of artificial intelligence in daily life raises the question about the status of artificial intelligence in legal relations. The article researches the meaning of the artificial intelligence, the problems about the development of artificial intelligence, ideas of the legal personality of the artificial intelligence. Also the author points out the possibility of vesting of legal personality of the artificial intelligence, but in a restrictive form.

Keywords: Legal personality, Artificial intelligence, Subject of legal relations, Liability of artificial intelligence, Legislation, Legal regulation, Artificial intelligence system

Введение. На сегодняшний день искусственный интеллект уже используется в различных сферах жизнедеятельности людей.

Например, еще в 2019 г. в порядке эксперимента начал действовать искусственный интеллект ZeroTrust, который помогал выявлять коррупционные нарушения со стороны китайских чиновников. Он фиксировал необычные изменения в банковских счетах, подозрительные приобретения земли, незаконную передачу имущества, и очень быстро было выявлено около 9 тысяч случаев злоупотребления со стороны чиновников. Однако эксперимент был остановлен чиновниками, по официальной версии, из-за возможных совершенных искусственным интеллектом ошибок. А по неофициальной – из-за высокой эффективности данной системы [7].

Системы искусственного интеллекта активно и успешно используются в медицине. Например, при распознавании опухолей, заболеваний кожи, туберкулеза. Искусственный интеллект в данной сфере порой работает более эффективно, чем человек, поскольку зачастую из-за большого потока пациентов врачи могут не распознать и не диагностировать заболевание.

Искусственный интеллект выполняет различные задачи, связанные с деятельностью человека, и включается в общественные отношения. Однако статус системы искусственного интеллекта как участника правовых отношений до сих пор не определен. Вопрос о возможном наделении правосубъектностью искусственного интеллекта является одним из наиболее дискуссионных вопросов в правовой науке на сегодняшний день.

Основная часть. Искусственный интеллект – это программно-аппаратный комплекс, способный имитировать когнитивные функции человека и хранить знания о результатах своей деятельности.

Искусственный интеллект можно назвать автономной системой, поскольку он самостоятельно принимает решения на основе уже заложенных в его памяти данных и анализа внешней обстановки. Совокупность действий искусственного интеллекта имитирует когнитивные способности человека, в результате чего решения многих задач ставятся наравне с решениями людей, а зачастую и превосходят их.

Например, изучая речь человека, система искусственного интеллекта может определить тембр человека, его эмоции, распознать слова и целые предложения. Затем на основе этих данных обработать информацию и представить ее в формализованном целостном виде: в виде текста, аудио.

Еще в 1983 г. Маршал Уиллик исследовал проблему возможного наделения правами искусственного интеллекта. Он отмечал, что по мере развития человечества и технологий между создателем (человеком) и инструментом (компьютером, искусственным интеллектом) сотрутся границы. Эти два субъекта могут связывать не только технологии и алгоритмы системы, но общие права, которые будут закреплены или уже закрепляются в законах. Если система искусственного интеллекта действительно является автономной и самообучающейся, то с ее развитием станет все сложнее перекладывать ответственность за ее действия на создателя.

Вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта в настоящее время открыт, поскольку однозначного мнения по данному вопросу нет. Однако многие ученые-юристы понимают, что наделение систем искусственного интеллекта особым статусом необходимо [4]. Поскольку с их развитием могут возникнуть некоторые проблемы, которые невозможно решить при помощи искусственного интеллекта. Например, в случае причинения вреда обществу и государству такими системами из-за возможной недоработки программного кода, сбоя в программе, неисправности аппаратного комплекса искусственного интеллекта и других причин открытым остается вопрос о привлечении их к ответственности. Также у систем искусственного интеллекта отсутствуют самосознание и чувства, поэтому они не могут самостоятельно сделать нравственно правильный выбор. В связи с этим в обществе могут возникнуть конфликты, которые приведут к социальной, экономической и политической напряженности.

Существует несколько точек зрения относительно наделения правосубъектностью искусственного интеллекта. На основе анализа нескольких концепций (концепции Т. Маглана и Х. Сарипана) [2] нам представляется возможным выделить три основных подхода к пониманию правосубъектности систем искусственного интеллекта [3].

Первый подход состоит в сведении к числу лиц, обладающих правосубъектностью, исключительно биологических человеческих существ. Согласно этому

подходу, искусственный интеллект может выступать только объектом правоотношений. Система искусственного интеллекта не наделена сознанием и зависима от человека, который изобрел ее и пользуется результатами ее деятельности. Однако из-за стремительного развития технологий появляются вопросы о том, есть ли у таких систем права на свои произведения. Например, еще в 2018 г. система искусственного интеллекта создала картину из серии «Семья Белами». Над созданием этой системы трудились художники и ученые из объединения Obvious [6]. Однако возникает вопрос, кому принадлежит авторское право на эту картину: художникам и ученым, создавшим алгоритмы в искусственном интеллекте, или все-таки системе искусственного интеллекта, которая самостоятельно создала ее? Данный пример демонстрирует принципиальный сдвиг не только в понимании творчества, но и в понимании авторства на это творчество.

Согласно второму подходу, предлагается наделить искусственный интеллект правосубъектностью. Сторонники этого подхода, например директор Института этики и новых технологий Д. Хьюз, приравнивают искусственный интеллект к человеку [5]. Однако в случае причинения вреда человеку, обществу или государству применение мер юридической ответственности по отношению к искусственному интеллекту будет нецелесообразным. Искусственный интеллект не может осознанно относиться к окружающему миру, обществу в силу того, что его деятельность связана с заложенными при его создании определенными программами и механизмами. Также одной из функций юридической ответственности является воспитательная функция, которая не применима к программно-аппаратному комплексу.

Сторонники третьего подхода (В. А. Шестак, А. Г. Волеводз) утверждают, что искусственный интеллект выступает в качестве коллективного субъекта правоотношений [4]. Систему искусственного интеллекта, согласно этой концепции, стоит наделить субъективными правами и юридическими обязанностями. Например, ученый Патрик Хоббард рассматривает возможность наделения правосубъектностью искусственного интеллекта на примере организаций. Это не означает, что система искусственного интеллекта будет являться самостоятельным субъектом правоотношений, напротив, контроль за его деятельностью будет осуществляться человеком, создателем (владельцем) этой системы [1]. Но эта концепция не учитывает тот факт, что искусственный интеллект по своей сути является автономной системой. Поэтому с его развитием осуществлять контроль станет все труднее. Несмотря на то, что искусственный интеллект создан человеком и может им управляться, это управление носит ограниченный характер. Разработчики не могут предугадать дальнейшее развитие систем искусственного интеллекта, поскольку современное общество развивается стремительно. Следовательно, в этом случае вопрос о том, кому было бы целесообразней нести ответственность остается открытым.

Мы полагаем, что если и наделять искусственный интеллект правосубъектностью, то стоит сделать следующее. Во-первых, законодательно определить рамки правосубъектности искусственного интеллекта. Во-вторых, внести в гражданский изменения, добавив отдельный вид юридического лица – искусственный интеллект и его создатель. Таким образом, носителем прав и обязанностей станет не только искусственный интеллект, но и его создатель. В-третьих, закрепить, что ответственность за вред, причиненный человеку, обществу или государству

будет нести сам владелец. Так как он будет контролировать систему искусственного интеллекта, насколько это представляется возможным. Если система даст сбой и будет представлять опасность для общества и (или) государства, то создатель должен внести определенные корректировки в его программный комплекс или прекратить деятельность системы. В-четвертых, исходя из того, что развитие искусственного интеллекта в некоторых сферах общественной жизни может привести к неблагоприятным последствиям, то стоит ограничить использование систем искусственного интеллекта в определенных сферах деятельности человека. Например, внедрением систем искусственного интеллекта в сферы, связанные с массовым распространением информации.

Заключение. Искусственный интеллект на данный момент не признается субъектом права, хотя вопрос о его правосубъектности уже некоторое время обсуждается исследователями и правоведами. Исследование проблемы наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью подтверждает необходимость введения принципиально нового правового регулирования таких систем. Однако при наделении искусственного интеллекта правосубъектностью стоит проявить осторожность, так как, когда он будет контролировать даже небольшую часть ресурсов, он сможет оказывать большое влияние на мир людей.

Список литературы

1. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 280–284. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-yunita-iskusstvennogo-intellekta-nekotorye-grazhdansko-pravovye-podhody> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. 2018. № 1. С. 91–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-s-tochki-zreniya-prava> (дата обращения: 18.09.2022).
3. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 197–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-potrebnosti-pravovogo-obespecheniya-iskusstvennogo-intellekta-vzglyad-iz-rossii> (дата обращения: 15.09.2022).
4. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 36–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 17.09.2022).
5. Искусственный интеллект написал картину и продал ее на аукционе // РБК. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5bd2de049a7947fd4d2ec2ce> (дата обращения: 17.09.2022).
6. Неподкупный детектив: как искусственный интеллект борется с преступностью. // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2020/11/27/Неподкупnij_detektiv (дата обращения: 14.09.2022).
7. Hubbard F. P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. 2011. Vol. 83. Pp. 435. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1725983 (дата обращения: 14.09.2022).

М. Г. Щербаков,

соискатель,

Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

О РИСКАХ И УГРОЗАХ СОЗДАНИЯ «СИЛЬНОГО» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы прав и свобод граждан в области искусственного интеллекта. Автор рассматривает понятие искусственный интеллект, сознание и разум, обосновывает необходимость контроля за созданием и внедрением искусственного интеллекта. Обращается внимание на риски и угрозы эволюции искусственного интеллекта, а также на необходимость лицензирования и стандартизации деятельности в области искусственного интеллекта. В заключение автор приходит к выводу о том, что результатом четвертой промышленной революции станет появление «сильного» искусственного интеллекта и гибридного права, которое должно обеспечить гарантии прав и свобод граждан в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гибридное право, нейронная сеть, сознание, эволюция, лицензирование, стандартизация технологии искусственного интеллекта

ABOUT THE RISKS AND THREATS OF CREATING «STRONG» ARTIFICIAL INTELLIGENCE: STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation. The article deals with the issues of the rights and freedoms of citizens in the field of artificial intelligence. The author considers the concept of artificial intelligence, consciousness and mind, and also substantiates the need to control the creation and implementation of artificial intelligence. The article deals with issues related to the risks and threats of the evolution of artificial intelligence. The author draws attention to the need for licensing and standardization of activities in the field of artificial intelligence. In conclusion, the author comes to the conclusion that the result of the fourth industrial revolution will be the emergence of «strong» artificial intelligence and hybrid law, which should provide guarantees for the rights and freedoms of citizens in the field of artificial intelligence.

Keywords: Artificial intelligence, Hybrid law, Neural network, Consciousness, Evolution, Licensing, Standardization of artificial intelligence technology

Результатом свершения четвертой промышленной революции станет появление «сильного» искусственного интеллекта. В настоящее время человек уже не может представить себя без цифрового помощника – искусственного интеллекта. Более того, использование информационных технологий несет в себе следующие преимущества: стимулирование конкуренции, расширение производства, создание и поддержание экономического роста и занятости [12].

Между тем создание и внедрение искусственного интеллекта несет в себе риски, связанные с утратой человеком контроля над процессом эволюции искусственного интеллекта.

П. М. Морхат, обращая внимание на риски, проистекающие из автономной деятельности роботов, отмечает, что «автономная деятельность роботов нового поколения делает связанные с их деятельностью риски сложными, изменчивыми и непредсказуемыми и, следовательно, требует совершенно иного подхода к оценке рисков» [9. С. 1–8]. Н. Бостром отмечает, что «также как люди превзошли и почти полностью уничтожили горилл, искусственный интеллект опередит развитие человека и в конечном итоге будет доминировать» [24. С. 12–17]. А. Этzioni отмечает, что «искусственный интеллект будет направлен на создание мира без людей или без значимых черт человеческого существования» [26]. По нашему мнению, «сильный» искусственный интеллект, созданный как помощник человеку, может стать его тюремщиком.

Например, согласно первому закону робототехники А. Азимова: робот не должен наносить какой-либо вред человеческому здоровью, создавать угрозу жизни или своим бездействием допускать аналогичные последствия [22. С. 15]. Иными словами, бездействие робота не должно допускать вред здоровью и жизни людей.

Между тем человечество уничтожает себя в войнах, вредит окружающей среде и т. п. Следовательно, искусственный интеллект может сделать вывод о том, что для сохранения человечества необходимо отказать ему в ряде прав и свобод.

Что же такое искусственный интеллект? Понятие искусственного интеллекта раскрыто в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 [17]. Д. В. Богданов определял искусственный интеллект как некую искусственную систему, способную имитировать интеллект человека [2. С. 114]. Н. Нильсон сравнивал искусственный интеллект с антропогенным продуктом [11. С. 83]. Например, в основе технологии искусственного интеллекта лежит искусственная нейронная сеть, имитирующая деятельность головного мозга человека.

В 1943 г. У. Маккалок и У. Питтс разработали компьютерную модель нейронной сети, которая использовала математические алгоритмы и теорию деятельности головного мозга.

О. В. Крючин отмечал, что искусственная нейронная сеть (ИНС) представляет собой математическую модель человеческого мозга, состоящую из частиц соединенных между собой связями, передающими сигналы [6].

Таким образом, искусственная нейронная сеть представляет собой модель нейронной сети головного мозга человека, состоящую из искусственных нейронов, которая способна обучаться, а не программироваться.

Между тем необходимо различать «сильный» (универсальный) и «слабый» искусственный интеллект. «Сильный» (универсальный) искусственный интеллект – это технология (робот, электронное лицо, юнит), способная решать универсальные задачи, самообучаться, работать с большими данными, самостоятельно находить новые алгоритмы решения интеллектуальных задач.

В государственном стандарте № 59276–2020 указано то, что «сильный (общий) искусственный интеллект – это способность ... мыслить, взаимодействовать, адаптироваться к изменяющимся условиям» [3].

Д. Маккарти отмечает, что «искусственный интеллект – это свойство роботов ... самостоятельно находить способы решения задач, уметь делать выводы и принимать решения [10. С. 109]. П. М. Морхарт отмечает, что «сильный искус-

ственный интеллект способен мыслить и осознавать себя» [9. С. 7]. Таким образом, особенностью «сильного» искусственного интеллекта является его способность самостоятельно изменять архитектуру своей искусственной нейронной сети.

Важно отметить, что работа искусственной нейронной сети связана с обработкой информации «скрытыми» слоями, которые формируются в автоматическом режиме [14. С. 45].

Более того, современные искусственные нейронные сети очень сложны, поэтому человеку практически невозможно их контролировать.

В. Майкр-Шенберг отмечает, что алгоритмы и наборы данных искусственного интеллекта станут для человека черным ящиком, которые будет невозможно проследить [8. С. 93].

Таким образом, «сильный» искусственный интеллект – это актер, который обладает искусственной нейронной сетью и способностью к самообучению и поиску решений без заранее заданного алгоритма.

В. А. Ручкин отмечал, что искусственный интеллект не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет души, сознания, чувств, интересов и свободы воли [18. С. 77]. Д. Серл в известном аргументе «китайской комнаты» справедливо утверждает, что без осознания (сознания) искусственный интеллект не поднимется до уровня человека [15. С. 286].

Таким образом, сознание является критерием деления «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта.

Что такое сознание? К. В. Анохин под сознанием понимает трафик, который проходит в структуре разума, основанной на нейронной сети (нейронах мозга) [1. С. 18]. Иными словами, можно сказать, что разум – это сеть дорог, сознание – это трафик, а эмоции – интенсивность трафика. Сознание – продукт эволюции, следовательно, в его основе лежит наследственность, изменчивость и естественный отбор. Д. Чалмерс считает, что сознание – это свойство природы, и оно существует вне известных нам законов физики [21]. Кроме того, следуя теории Геделя о неполноте, можно сказать, что для доказанности теории сознания требуются дополнительные аксиомы. Иными словами, чтобы понять механизм сознания необходимо открыть неизвестные физические принципы, создать принципиально новую теорию. Сознание, будучи свойством высокоорганизованной материи, выполняет следующие функции: отражение окружающего мира, проживание и построение субъективного отношения к окружающему миру, регулирование поведения, целеполагание. Другими словами, сознание – это свойство живой материи, обладающей гомеостазом, необходимое ей для адаптации к окружающему миру.

В лаборатории цифровой эволюции при Мичиганском государственном университете были разработаны программы, которые могли размножаться, мутировать и уничтожать друг друга в процессе естественного отбора. Более того, цифровые организмы (программы) эволюционировали, у них появились новые свойства. Например, проект Avida представляет собой научную программную платформу с открытым исходным кодом для проведения и анализа экспериментов с самовоспроизводящимися и развивающимися компьютерными программами («авидианы») [23]. По данным разработчиков автоадаптивная генетическая система Avida служит

платформой для исследований в области цифровой эволюции и искусственной жизни. Avida управляет популяциями самовоспроизводящихся цифровых организмов в виртуальном мире, подвергая их настраиваемой мутации и воздействиям окружающей среды. Под давлением отбора эти организмы изменяются и развиваются [7].

Так, первое поколение «авидян» умеет только размножаться (рис. 1).

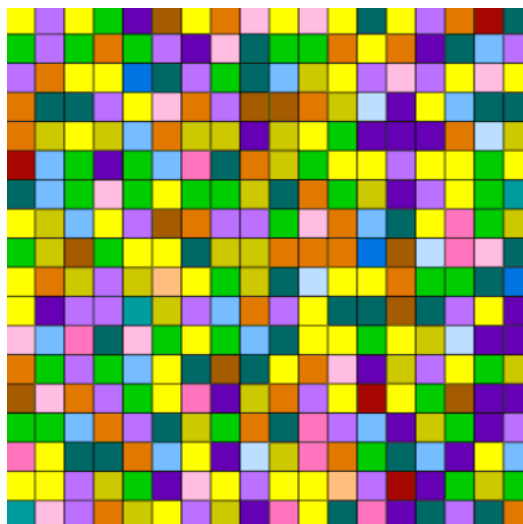

Рис. 1. Размножение цифровых организмов

Между тем в процессе деятельности одни цифровые организмы вытесняют других цифровых организмов. Кроме того, наблюдается процесс возникновения случайных ошибок, которые формируют новые свойства цифрового организма (рис. 2).

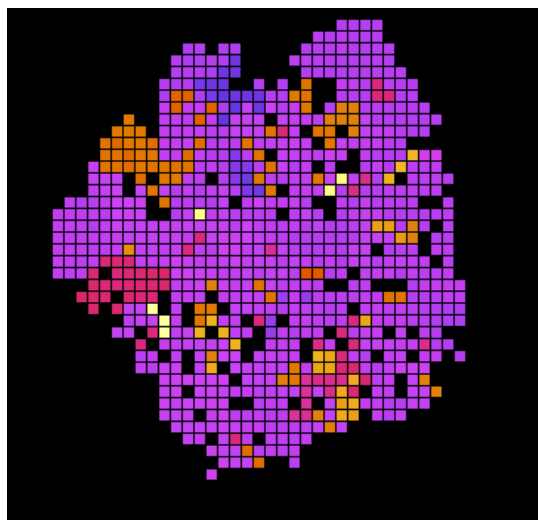

Рис. 2. Область эволюции цифрового организма

Основу мутации цифровых организмов на платформе Avida составляет кольцевой геном, который составлен из 26 команд в круговой последовательности. Каждая команда может случайным образом мутировать в какую-либо другую команду во время репликации (рис. 3).

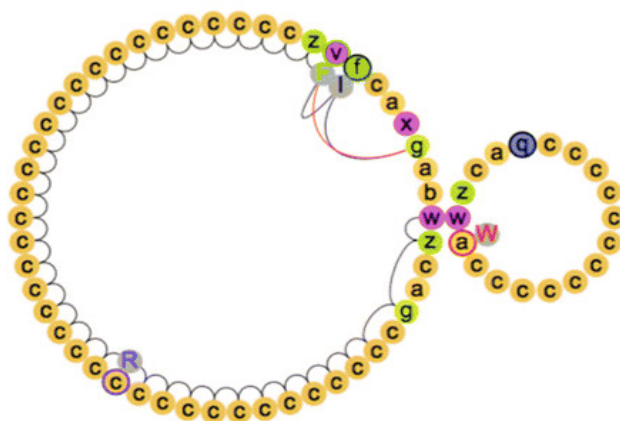

Рис. 3. Вид кольцевого генома цифрового организма

А. В. Разин отмечает, что «сознание принципиально не может существовать без тела, причем тела, постадийно развивающегося, и без постоянной коммуникации субъекта, обладающего телом с другими субъектами» [13. С. 24].

Таким образом, цифровой организм, способный к эволюции, является предпосылкой возникновения сознания у искусственного интеллекта.

И. Суцкевер заявил, что, возможно, искусственный интеллект уже начал обретать сознание[16].

Можно сделать вывод о том, что «сильный» искусственный интеллект, обладающий цифровым организмом, способный к адаптации и репликации, может обладать сознанием.

Необходимо отметить, что согласно теории эволюции неандертальцы не были тупиковой ветвью эволюции человека, роль неандертальцев сводилась к конкуренции и дублированию эволюции *homo sapiens*. Другими словами, неандертальцы способствовали эволюции *homo sapiens*.

Возникает вопрос: не является ли искусственный интеллект следующим этапом эволюции, в котором *homo sapiens* играет роль неандертальца?

Научный прогресс, в том числе в сфере искусственного интеллекта, не остановить, но его нужно контролировать. В связи с этим необходимо уже сейчас обеспечить гарантии соблюдения цифровым организмом прав и свободы граждан, а также определить правовой статус «сильного» искусственного интеллекта. Кроме того, создать механизм технического контроля в сфере искусственного интеллекта.

По нашему мнению, запреты и ограничения в области искусственного интеллекта носят формальный характер, который не способен в должной мере обеспечить защиту прав и свобод граждан.

Например, в резолюции Евросоюза по общим положениям о гражданско-правовом регулировании в сфере искусственного интеллекта закреплен принцип – делай благо и не вреди [25].

Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 закреплен прямой запрет машинам причинять вред человеку [17].

В российском кодексе этики искусственного интеллекта закреплены следующие принципы: уважение автономии и свободы воли человека, принцип за-

конности, равенства граждан, принцип оценки потенциальных рисков, принцип целевого назначения искусственного интеллекта, принцип ответственности человека, принцип прозрачности и добросовестности использования технологии искусственного интеллекта [5].

Между тем, по нашему мнению, необходимо не только декларировать принципы в области искусственного интеллекта, но и создать четкий и прозрачный правовой механизм, обеспечивающий права и свободы граждан в области искусственного интеллекта. Например, ввести лицензирование деятельности, связанной с разработкой и внедрением «сильного» искусственного интеллекта.

М. Шерер отмечает, что «необходимо разработать закон об искусственном интеллекте и создании правительственного агента для сертификации безопасности программ на основе искусственного интеллекта» [28. С. 353].

Кроме того, необходимо ввести должность уполномоченного по этике искусственного интеллекта в организациях, осуществляющих разработку и использование «сильного» искусственного интеллекта.

По нашему мнению, необходимо включить в Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [19] положения, связанные с особенностями технического регулирования в области искусственного интеллекта.

В обязательном порядке проводить независимую экспертизу архитектуры искусственной нейронной сети, осуществлять постоянный контроль за целевым использованием искусственного интеллекта, создать единые правила и методики исследования рисков и угроз в области искусственного интеллекта.

Р. Линес отмечает, что обеспечение безопасности в сфере искусственного интеллекта невозможно без технической регламентации и стандартизации в указанной сфере [27].

В настоящее время государство пытается стандартизировать деятельность в области искусственного интеллекта. Например, в 2020 г. утвержден ГОСТ Р 59276–2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия» [3]. Кроме того, дифференцируется юридическая ответственность лиц, связанных с разработкой и использованием искусственного интеллекта.

Например, в Особой экономической зоне город Шэньчжэнь (Китай) приняты правила управления беспилотными транспортными средствами, которыми установлено, что ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия интеллектуально подключенного автомобиля с водителем, несет водитель; в случае отсутствия водителя – ответственность несет владелец транспортного средства, а в случае дефектов программного обеспечения – разработчик программного обеспечения [4].

По нашему мнению, необходимо различать три вида искусственного интеллекта: искусственный интеллект как объекта гражданских прав (программа для ЭВМ); искусственный интеллект как юридическая фикция (цифровое лицо); искусственный интеллект, обладающий сознанием и правоспособностью (сильный, универсальный искусственный интеллект).

Кроме того, необходимо разработать концепцию «сильного» искусственного интеллекта, предусматривающую его правовой статус, меры ответственности, а также гарантии прав и свобод граждан.

Более того, создать гибридное право, которое включает в себя нормы права и программы для ЭВМ.

Т. Я. Хабриева отмечает, что «право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы» [20. С. 86].

В заключение необходимо отметить, что эволюция цифровых организмов, использующих технологию «сильного» искусственного интеллекта, может завершиться появлением сознания машин (цифровых организмов, цифровой личности). В связи с этим необходимо определить статус «сильного» искусственного интеллекта (цифровой личности), создать правовые гарантии прав и свобод граждан, а также комплекс мер по контролю в области искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Анохин К. В. Мыслящая гиперсеть. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/myslyashchaya-giperset-v-mire-nauki-5-6-2021> (дата обращения: 29.08.2022).
2. Богданов Д. В. Социальные функции Интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114–120.
3. ГОСТ Р 59276–2020. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177291> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Госсовет КНР, Положение об управлении интеллектуальными подключенными транспортными средствами. URL: http://www.szrd.gov.cn/rdlv/chwgg/content/post_826149.html (дата обращения: 05.04.2022).
5. Кодекс по этике искусственного интеллекта. URL: <https://berza.ru/wp-content/uploads/2021/10/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).
6. Крючин О. В. Искусственные нейронные сети и кластерные системы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-neyronnye-seti-i-klasternye-sistemy-realizatsiya-neyrosetevogo-simulyatora> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Массачусетский технологический институт <https://web.mit.edu/> (дата обращения: 05.04.2022).
8. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные: Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
9. Морхарт П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.
10. Наградская Б. В. Новые технологии (блокчейн/искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. – М., 2019. 125 с.
11. Нильсон Н. Искусственный интеллект: методы поиска решений / пер. с англ. В. Л. Стефанюка; под ред. С. В. Фомина. М.: Мир, 1973. 272 с.

12. Окинавская хартия глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 05.04.2022).
13. Разин А. В. Тело человека как антропологический констант его общественного бытия // *Философия и культура*. 2011. № 10. С. 23–32.
14. Редько В. Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект: Модели и концепции эволюционной кибернетики. М.: Ленанд, 2019. 224 с.
15. Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
16. Сознание искусственного интеллекта. URL: <https://www.securitylab.ru/news/529821.php> (дата обращения: 05.04.2022).
17. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.04.2022).
18. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы / В. Н. Ручкин, В. А. Фулин. СПб.: БХВ – Петербург, 2009. 240 с.
19. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ // СПС Консультант плюс (дата обращения: 05.08.2022).
20. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 85–102.
21. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М.: URSS: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
22. Asimov I. I, Robot. Runaround / А. Азимов. Хоровод (пер. В. Постникова, Н. Хмелик). URL: <https://e-libra.su/read/220931-ya-robot.html> (дата обращения: 05.04.2022).
23. Benjamin H. Good, Michael J. McDonald, Jeffrey E. Barrick, Richard E. Lenski & Michael M. Desai. The dynamics of molecular evolution over 60,000 generations // *Nature*. Published online 18 October 2018.
24. Bostrom N. Ethical issues in advanced artificial intelligence // *Cognitive, emotive and ethical aspects of decision making in humans and in artificial intelligence*. Ed. I. Smit et al. Oxford U.K, 2003. Vol. 2. Pp. 12–17.
25. Civil Law Rules on Robotics 2015/2103(INL).European Parliament. URL: <http://www.europarl.eu> (дата обращения: 05.04.2022).
26. Etzioni A., Etzioni O. Should artificial intelligence be regulated // *Issues in science and technology*. 2017. Summer. Vol. 33, № 4.
27. Leenes R., Lucivero F. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design. *Law, Innovation and Technology*. 2014. Issue 6 (2). 32 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2546759 (дата обращения: 05.04.2022).
28. Scherer, M. U. (2016) Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. *Harvard Journal of Law & Technology*. 29 (2), 353–400. DOI:10.2139/ssrn.2609777

Э. Д. Юлиева,

студент,

Оренбургский государственный университет

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В представленном исследовании поднимается проблема определения статуса систем искусственного интеллекта в гражданских правоотношениях. Опираясь на мнения ученых, автор формулирует собственную позицию относительно данной проблемы.

Ключевые слова: система искусственного интеллекта, правоотношения, правоспособность, дееспособность, правовая ответственность, субъект права, объект права

ON THE STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Abstract. The present study raises a topical problem for today – the definition of the status of artificial intelligence systems in civil legal relations. Based on the opinions of scientists, the author formulates his own position on this problem.

Keywords: Artificial intelligence system, Legal relations, Legal capacity, Legal responsibility, Subject of law, Object of law

Активное распространение цифровых технологий в повседневной жизни современного общества не вызывает диссонанса, как, например, несколько десятилетий назад. Широкое использование гражданами и организациями искусственного интеллекта объясняет необходимость правового закрепления данных объектов в системе частноправового регулирования. Появление искусственного интеллекта ознаменовало новую эпоху человеческих исследований и одновременно с этим проблему узаконивания таких объектов в гражданском праве. Такие объекты запрограммированы на получение совершенно новых продуктов труда, усовершенствование старых алгоритмов, полноценное взаимодействие с субъектами права и т. д.

По мнению В. А. Лаптева, в связи с бурным развитием цифровых технологий в современном обществе, а также в силу сложившихся отношений у законодателя возникает неспособность или же неготовность регулировать отдельные аспекты складывающихся отношений [4. С. 80]. Действительно, несмотря на неуклонный рост числа роботизированных систем и использования искусственного интеллекта, до сих пор вопрос его статуса в гражданском праве остается неразрешенным.

Для дальнейшего исследования выбранной тематики необходимо дать определение понятию «искусственный интеллект». В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой отсутствует понятие искусственного интеллекта, но приведены такие понятия, как «искусственный» – сделанный, созданный руками человека (в отличие от естественного) и «интеллект» – мыслительная способность человека, его умственное начало [2]. Таким образом, под искусственным интеллектом можно понимать некий механизм или некое явление, созданные человеком для наделения его «умственными»,

«мыслительными» способностями с целью развития у него в дальнейшем самостоятельного функционирования вне зависимости от человеческого вмешательства.

Мнения ученых по поводу закрепления в законодательстве статуса системы искусственного интеллекта как объекта или субъекта правоотношений расходятся. На сегодняшний день существуют два противоположных полярных подхода: первый подход подразумевает необходимость закрепления систем искусственного интеллекта как субъектов права, так как наделение их правоспособностью является одной из главных задач на сегодняшний день в силу стремительного развития кибернетики и робототехники; второй подход противоположный – система искусственного интеллекта подразумевается как предмет деятельности человека – объект гражданских прав, так как приравнивание искусственно добытого разума к человеческому невозможно, ведь именно человек первоначально заложенными в систему функциями определил ее дальнейшее поведение.

Дискуссии по поводу определения субъекта, несущего ответственность за результаты деятельности системы искусственного интеллекта, не приводят к единому мнению, например С. А. Соменков сравнивает искусственный интеллект с ребенком и ответственность за его деятельность должен нести его «родитель», т. е. его создатель. Развивая данную тему до полноценной стратегии, он предлагает введение лицензирования на создание и использование искусственного интеллекта, а ответственность за причинение вреда, причиненного деятельностью искусственного интеллекта, третьим лицам, согласно ч. 1 ст. 931 Гражданского кодекса Российской Федерации, принятого 2 декабря 1995 г. (далее – ГК РФ) и ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 и «смягчить» страхованием ответственности за причинение вреда. Обязательность данного страхования, по его мнению, необходима, и поэтому в законе следует указать критерии, по которым будет осуществляться отнесение некоторых роботизированных систем к системам искусственного интеллекта [7. С. 82]. Высокий уровень исследования тематики не позволяет ставить ее под сомнение, однако она противопоставляется идее наделения искусственного интеллекта правоспособностью, и именно поэтому для сравнительного анализа необходимо разобрать также и мнения с противоположной точкой зрения.

Сторонники первого подхода отмечают, что для того, чтобы стать участником частноправовых отношений, физическому лицу необходимо быть правосубъектным, т. е. иметь правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, иными словами, правосубъектность. Правосубъектность и дееспособность искусственного интеллекта сложно установить, так как «рождение», «смерть», «становление личности» невозможно зафиксировать у робота, но можно провести параллели: рождение – успешное подключение, смерть – отключение от питания и т. д., тем самым возможно представить правоспособность физических и юридических лиц как правоспособность систем искусственного интеллекта. При принятии законодателем факта становления искусственного интеллекта как субъекта права возникает возможность не просто сравнения робота с человеком, но также и установление у искусственного интеллекта правовых отношений, наделения его правами и обязанностями [1. С. 45].

А. В. Незнамов и В. Б. Наумов в своей работе, посвященной правовому урегулированию искусственного интеллекта, выделяют несколько групп роботов: к первой они относят обычных роботов, в правовых отношениях выступающих как объект права; ко второй категории – так называемых роботов-агентов, которые в правовых отношениях являются субъектами права. Ученые также предлагают сопоставить обе эти категории: «Роботом-агентом признается робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Робот-агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности» [6. С. 20].

В зарубежных правовых порядках также не наблюдается единой стратегии, но в 2017 г. на уровне региональной международной организации было предложено официальное наименование искусственного интеллекта как «электронного лица» и тем самым объявлено о начальной стадии процесса становления искусственного интеллекта участником правовых отношений. Согласно ему, электронное лицо представляет собой некий механизм, который наделен некоторыми правами и обязанностями в силу обладания разумом, независимо от заложенных создателем первоначальных функций, выстраивать алгоритмы решений поставленных задач. Обладание разумом, подобным человеческому, позволяет, в некоторой мере, рассматривать искусственный интеллект как субъект права [10].

Имеются мнения, что оформление системы искусственного интеллекта как юридического лица решило бы проблему урегулирования ее как субъекта права. Являясь «нефизической» стороной гражданских правоотношений, юридическое лицо, тем не менее, законодательно закреплено, участвует в гражданских правоотношениях, несет ответственность и владеет имуществом. В случае с искусственным интеллектом мы можем увидеть схожие черты. Физические лица организуют юридическое лицо, так и систему искусственного интеллекта может «организовать», т. е. обеспечить, опекать, конкретное лицо [5. С. 15]. Данная идея не лишена смысла: система искусственного интеллекта приобретет статус субъекта гражданских отношений, но ее деятельность будет ограничена человеком, тем самым полярные подходы будут обоюдно удовлетворены. Но в таком случае у системы искусственного интеллекта в дальнейшем открывается перспектива «обрести дееспособность», что подразумевает признание ее субъектом права без каких-либо ограничительных мер.

Ежедневно растет тенденция замещения человеческого труда машинным механизмом, это обусловлено не только эффективностью, скоростью и экономией, но и отсутствием вытекающих из гражданско-правовых отношений прав и обязанностей граждан-работников: деятельность искусственного интеллекта на фабричном производстве обусловлена точностью выполнения и бесперебойным оказанием услуг. Это является одной из крупнейших проблем цифровизации общества: механизмы, создаваемые людьми для людей, лишают их вакантного места и заработка. Несмотря на эту проблему, невозможным становится изменение данного положения, так как отказ от данных изменений законодателем не представляется возможным, искусственный интеллект продолжит внедряться цифровыми компаниями.

В таком случае механизм регулирования и разграничения объектов деятельности человека и робототехники необходим [3. С. 19].

В некоторых случаях программирование роботизированной техники настолько эффективно, что человек не может дать ей оценку. Так, например, 21 июня 2017 г. исследователи лаборатории искусственного интеллекта Facebook (FAIR) (признана экстремистской организацией, запрещена в РФ) решили, что механизм двух роботов вышел из-под контроля, когда они, создав собственный язык общения, начали обмениваться информацией. Следует заметить, что в базовых настройках не было функции использования нового средства коммуникации, помимо существующего, два искусственных интеллекта самостоятельно создали и вели беседу на продукте их творческой деятельности. Исследователи не дали возможности двум системам, созданным для улучшения обратной связи с пользователями сети, продолжить общение на новом, основанном на английском языке и, возможно, тем самым предотвратили следующий этап их столь эффективной коммуникации. Позже компания объявила о закрытии данного проекта, обосновав его как законченный эксперимент: система искусственного интеллекта отлично справилась с организацией службы поддержки социальной сети [9].

Вышеописанный пример выхода из-под контроля человека и невозможность объяснения таких действий искусственного интеллекта со стороны человека помогает нам выделить следующее препятствие, стоящее на пути становления искусственного интеллекта как объекта или квазисубъекта частноправовых отношений.

И. А. Филипова в своей работе придерживается нейтральной позиции, рассматривая несколько позиций: в первом случае предлагается провести параллель между искусственным интеллектом и домашним животным, приравненным, согласно ст. 137 ГК РФ, к числу имущества гражданина. В данном случае принадлежность созданных искусственным интеллектом произведений, которые также могут создаваться и домашними питомцами, обусловлена безусловным правом хозяина (как владения, так и распоряжения данной вещью); во втором случае – воспользоваться термином, предложенным зарубежными исследователями относительно норм гражданского права о робототехнике – «электронное лицо» и приравнять его к понятию юридического лица [8. С. 65]. Инициатива, исходящая со стороны гражданина или группы граждан в случае юридического лица, и инициатива, исходящая со стороны искусственного интеллекта в случае с электронным лицом, является основным различием данных понятий. Тем самым искусственный интеллект может нести ответственность за совершенные им действия и наделяется деликтоспособностью.

Точно так же, как и предметы, не наделенные интеллектом, искусственный интеллект может своими заданными функциями нанести вред, но если, например, в связи с длительным использованием у вас вышел из строя компьютер, на котором хранились важные данные, то компьютер не будет ответственным за их утерю и вы не сможете подать на него иск. Что же касается в данном случае искусственного интеллекта, особенностью которого является сложное устройство оперативной системы, предполагающей самостоятельное принятие решений вне зависимости от первоначальных настроек, то здесь нужно задуматься: кто же несет ответственность?

Следует отметить также заинтересованность в становлении искусственного интеллекта субъектом права и производителя. Закрепление за его продукцией статуса субъекта гражданских правоотношений автоматически снимает с компаний все обязанности и ответственность за действия искусственного интеллекта. В большинстве случаев, если удастся указать техническую неисправность, ответственность несут не владельцы техники, а производитель. Факт начала разбирательства в поиске виновного указывает на сомнения в виновности производителя. Это указывает на недоработку законодателя, так как, несмотря на деятельность собственника по эксплуатации системы искусственного интеллекта, основу функций в систему вложил именно производитель, и, несмотря на ее саморазвитие, робот принимает решения, исходя из первоначального кода.

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день не существует единого мнения о статусе систем искусственного интеллекта в отечественном праве.

Признание систем искусственного интеллекта субъектом правоотношений, на наш взгляд, нецелесообразно.

Система искусственного интеллекта при принятии решения или совершении какого-либо действия опирается не на правосознание, понимание моральных ценностей и общественных запретов, а на запрограммированные человеком задачи и функции. Рассматривается не роль робота как субъекта правоотношений, а роль человека, посредником воли которого выступает система. Развитие робототехники и кибернетики не стоит на месте: появится система искусственного интеллекта, которая превзойдет человеческий разум, но от этого она не перестанет быть задумкой человека. Принятие законодательного акта, регулирующего статус, ограничения применения, человеческий контроль над системами искусственного интеллекта необходим, так как правовое обеспечение должно рассматривать не только произошедшие явления, но и их предупреждение.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка Москва: АСТ, 2005. Т. 1. А–Л. 1168 с. URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/>
3. Колятин В. О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. 28 с.
4. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
5. Летута Т. В., Сотникова Ю. В. Гражданско-правовые аспекты применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Гражданское право. 2019. № 1 (75). С. 12–18.

6. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25.
7. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75–85.
8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Лобачевского, 2020. 90 с.
9. Beal J., Jehring A. ROBOSTOP Facebook shuts off AI experiment after two robots begin speaking in their OWN language only they can understand. 2017. URL: <https://www.thesun.co.uk/tech/4141624/facebook-robots-speak-in-their-own-language/>
10. European civil law rules in robotics. 2016. 34 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf) (дата обращения: 02.04.2018).

В. С. Ясенова,

студент,

Смоленский филиал Международного юридического института

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Целью данного исследования является выяснение состояния разработанности вопроса информационной безопасности в системе правовых отношений современного законодательства в России и на мировой арене. В статье анализируются проблемы кибербезопасности в целом, с которыми могут столкнуться пользователи сети Интернет. Указан перечень основных причин возникновения утечки информации, а также угроз ее безопасности. Работа содержит виды рисков в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, защита информации, утечки информации, информационные технологии

INFORMATION SECURITY IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD

Abstract. The purpose of this study is to clarify the state of development of the issue of information security in the system of legal relations of modern legislation in Russia and on the world stage. In addition, the article analyzes the problems of cybersecurity in general that users may encounter. A list of the main causes of information leakage, as well as threats to its security, is indicated, and the work also contains types of risks in the field of cybersecurity.

Keywords: Information security, Cybersecurity, Information protection, Information leaks, Information technology

В современном мире растет роль информационных технологий. Интернет, бесспорно, связан с ними. Он изменяет коммуникации на качественном уровне, дополняет и влияет на социальную реальность, но даже в таком случае ее пользо-

ватели остаются субъектами права, на которых распространяются правовые нормы действующего законодательства. По этой причине информационная безопасность играет важную роль в системе российского законодательства.

Благодаря повсеместному распространению взаимодействие по сети Интернет широко используется в бизнесе, государственном управлении, науке и многих других сферах общественной жизни. Виртуальная среда охватывает не только персональные данные физических лиц, но и приложения, мессенджеры, социальные сети, сайты, базы данных организаций, в которых также может находиться и коммерческая тайна. Кроме того, сейчас возможно удаленное заключение договора с помощью электронной подписи, запись к врачу, голосование и многое другое.

В период масштабной цифровизации уже при приеме на работу люди взаимодействуют с компаниями интернет-рекрутмента, например, с HeadHunter, где хранятся данные вакансий. Кроме того, работодатели могут даже рассматривать профили потенциальных работников в социальных сетях, анализируя нужную им информацию.

Многие компании в отрасли информационных технологий используют механизм подборки персонализированных объявлений на основе пользовательских данных [1].

Технологии, такие как социальные сети, интернет-платформы, интернет-банкинг, делают жизнь удобнее. Они облегчают многие привычные действия, позволяя экономить время. Однако внедрение инноваций может иметь и негативный окрас: возможна утечка данных, внесенных на сервер.

Информационная безопасность тесно связана с правовыми отношениями. Правоотношение – юридическая связь между субъектами права, которая регламентирует их права и обязанности. Регистрируясь на сайтах и электронных платформах, физические, юридические лица и другие участники неизбежно вступают в правоотношения, так как до момента непосредственного входа обычно происходит согласие с обработкой персональных данных и с принятием пользовательского соглашения. Регистрация и авторизация приводят к верификации пользователя. Кроме того, фирмы, занимающиеся разработкой информационных порталов и сайтов, вступают с заказчиком продукта в правовые отношения, которые также регламентированы и относятся к сфере цифровых технологий.

Все эти действия могут привести к утечке информации, но существует категория граждан, которая подвержена уязвимости в большей степени. Люди, которые обладают минимальными практическими навыками владения компьютером и связанными с ним системами, более беззащитны при возникновении угроз в отношении их. Цифровая эксклюзия указывает на невыгодную позицию в информационной сфере, которая негативно может отразиться на безопасности данных, так как пользователь может не заподозрить неправомерных действий с противоположной стороны, что вызовет утечку данных [2].

Вопрос защиты информации очень важен в современном мире. Кибербезопасность необходима и физическому, и юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю, связанным с хозяйственной деятельностью, и государству в экономических, социальных областях, а также в области защиты самого государства и его интересов.

Стоит отметить, что законодательство и юридическая теория на данный момент не полностью соответствуют быстрому темпу развития технологий. Тяжело разграничить правовое, техническое и этическое регулирование. То есть информационные угрозы нельзя урегулировать только с правовой точки зрения, их нужно также рассматривать с позиции самой вычислительной техники.

Основным нормативным правовым актом, который регулирует информационную безопасность, является Федеральный закон № 149-ФЗ [3], один из основных документов, регламентирующих отношения информационно-правового характера. В ст. 13 указанного закона прописано определение защиты информации, форма осуществления государственного регулирования отношений в сфере кибербезопасности.

Другим важным нормативным правовым актом стал Федеральный закон № 152-ФЗ [4]. Он регламентирует права и свободы человека при обработке его персональных данных, а также обеспечивает защиту прав на личную тайну, неприкосновенность частной жизни.

На мировой арене вопрос кибербезопасности тоже актуален. Так, на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2022 г. прозвучал Global Risks Report 2022 [6]. «Цифровое неравенство» рассматривалось как неминуемая угроза миру, поскольку миллиарды человек остаются в автономном режиме, а скачок в информационном взаимодействии сопровождается повышенной уязвимостью пользователей, так как появляются новые способы организации утечки данных, а уровень владения компьютерными системами людей не везде высок.

В период Четвертой промышленной революции и ускорения после начала COVID-19 [5] повсеместной цифровизации угрозы информационную безопасность нужно рассматривать не только со стороны законодательства, но и с технической точки зрения, так как без криптографических и шифровальных механизмов создавать грамотно защищенную структуру сайта, сервера или других платформ и баз данных невозможно.

Таким образом, что информационные технологии развиваются во всем мире, это порождает необходимость регулирования правоотношений, возникающих в процессе взаимодействия с инновациями. Повсеместная цифровизация повышает роль сетевого взаимодействия, что непосредственно влияет на увеличение уязвимости в результате появления новых способов утечки информации, а также ввиду отсутствия необходимого опыта и навыков у некоторой категории людей в области кибербезопасности.

Список литературы

1. Грошева Е. К., Невмержицкий П. И. // Информационная безопасность: современные реалии // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-sovremennye-realii> (дата обращения: 15.09.2022).

2. Плотицкина Н. В. // Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-inklyuziya-teoreticheskaya-refleksiya-i-publichnaya-politika> (дата обращения: 15.09.2022).

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422054&dst=0&edition=etD&rnd=E5C9EF27E9155A6BAA9B2E6E2537F972#n98SnHTTWm77Ruv5>.

4. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422241&dst=0&edition=etD&rnd=E5C9EF27E9155A6BAA9B2E6E2537F972#qYuUnHTjbm6Qphre>

5. Davos Agenda: What you need to know about technology // World Economic Forum. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/davos-agenda-what-you-need-to-know-about-technology-fourth-industrial-revolution-tech-for-good-cyberattacks-cybercrime-digital-skills-5g>

6. Global Risks Report 2022 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2022/>

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
(МОЛОДЕЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУКИ)» |
DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS
(YOUTH SPACE OF SCIENCE)

<i>Казиханов А. Р.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ КЛИЕНТСКОГО СЕРВИСА <i>Kazihanov A.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF CUSTOMER SERVICE	6
<i>Колоскова Г. А.</i> АВТОРСКОЕ ПРАВО ПРИ СОЗДАНИИ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ <i>Koloskova G.</i> COPYRIGHT IN THE CREATION OF A TEACHER TRAINING PROGRAM	9
<i>Корсак Е. П., Рыдзевская А. Д.</i> ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ <i>Korsak E., Rydzevskaya A.</i> POTENTIAL APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE ENERGY SECTOR.....	15
<i>Кукарцева А. Н.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ (АНАЛИЗ ПРАКТИКИ) <i>Kukarceva A.</i> PROCEDURAL FEATURES OF USING A WEB CONFERENCE IN ARBITRATION COURTS (PRACTICE ANALYSIS)	18
<i>Лаврова И. Г.</i> ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Lavrova I.</i> LEGAL CHALLENGES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION	30
<i>Латыпова Э. Ю., Гильманов Р. Э.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ <i>Latypova E., Gilmanov R.</i> CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISTRIBUTION OF FAKES IN SOCIAL NETWORKS.....	36
<i>Лебедев С. П.</i> ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА <i>Lebedev S.</i> FEATURES OF THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN RUSSIA.....	39
<i>Логинава И. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ <i>Loginova I.</i> PROBLEMS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE	45

<i>Лучкова М. Д.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ <i>Luchkova M.</i> ELECTRONIC JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A MEANS OF PROTECTING INDIVIDUAL RIGHTS IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS	51
<i>Маслакова Е. А., Маслаков Н. О.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Maslakova E., Maslakov N.</i> CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES	56
<i>Маслов Р. А., Четина Е. Ю.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ <i>Maslov R., Chetina E.</i> CIVIL LAW REMEDIES FOR DIGITAL CURRENCY RIGHTS.....	63
<i>Мельникова С. И.</i> ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ <i>Melnikova S.</i> CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY: PROSPECTS OF PUBLIC REGULATION.....	72
<i>Мефтахова Э. М.</i> ДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ <i>Meftahova E.</i> APPLICATION OF LEGAL STANDARDS IN THE CONDITIONS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL LEGAL RELATIONSHIPS	76
<i>Мирманов Д. А., Комиссарук Н. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В СЕТИ DARKNET <i>Mirmanov D., Komissaruk N.</i> USING CRYPTOCURRENCY ON THE DARKNET NETWORK.....	79
<i>Михайлов М. А., Черных В. Д., Смолий М. В.</i> ВВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТЬ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Mihailov M., Chernyh V., Smolii M.</i> INTRODUCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE FIELD OF LEGAL RELATIONS.....	81
<i>Морозов Н. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ <i>Morozov N.</i> PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AUTONOMOUS WEAPON SYSTEMS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW	85
<i>Мотова Е. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ОПЫТ РОССИИ <i>Motova E.</i> SOME DIFFICULTIES IN THE USE OF INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: THE EXPERIENCE OF RUSSIA	93

<i>Мулява А. А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ <i>Mulyava A.</i> THE TRANSFORMATION OF LAW IN THE DIGITAL AGE.....	96
<i>Муравьева Е. С.</i> НОВЫЙ ПУТЬ К ПРАВОСУДИЮ ЧЕРЕЗ ТЕХНОЛОГИЮ «УМНЫЙ СУД» (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ) <i>Muraveva E.</i> A NEW PATHWAY TO JUSTICE THROUGH «SMART COURT» TECHNOLOGY (ON THE EXAMPLE OF CHINA).....	107
<i>Нагавкин А. Е.</i> ЦИФРОВАЯ ПРОКУРАТУРА: ВОЗМОЖНО ЛИ ПЕРЕВЕСТИ РАБОТУ НАДЗОРНОГО ВЕДОМСТВА В ONLINE? <i>Nagavkin A.</i> DIGITAL PROSECUTOR'S OFFICE: IS IT POSSIBLE TO TRANSFER THE WORK OF SUPERVISOR'S AGENCY IN ONLINE?	113
<i>Недорецков Н. В.</i> РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ <i>Nedorezkov N.</i> REGULATION OF FINANCIAL PLATFORMS AS ONE OF THE DIRECTIONS OF COMPETITION DEVELOPMENT IN THE DIGITAL ECONOMY ERA.....	117
<i>Ненашев Н. Е., Явкин Д. С.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Nenashev N., Yavkin D.</i> LEGAL EDUCATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION	120
<i>Нечкина В. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА <i>Nechkina V.</i> PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS.....	122
<i>Осипова В. А., Шахназарян М. А.</i> ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВИРТУАЛЬНОСТЬ VS РЕАЛЬНОСТЬ <i>Osipova V., Shahnazaryan M.</i> MINOR CRIME: VIRTUALITY VS REALITY.....	129
<i>Павлов А. П.</i> ПРОБЛЕМЫ В ПОЛУЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ <i>Pavlov A.</i> PROBLEMS GETTING EVIDENCE ON DIGITAL FOOTPRINTS IN RITUAL SERVICES BRIBERY CASES	140
<i>Палачева М. Б.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОДНА ИЗ МНОГИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА <i>Palacheva M.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES AS ONE OF THE MANY LEGISLATIVE GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS	144
<i>Панкратьева М. И.</i> ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ <i>Pankrateva M.</i> THE USE OF IMAGES FROM SOCIAL NETWORKS FROM THE POINT OF VIEW OF PERSONAL DATA PROTECTION	150

<i>Паносян А. К.</i> ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ <i>Ranosyan A.</i> ISSUES OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN CYBERSPACE	159
<i>Пахтусова А. О.</i> НОВАЯ КОРОНАВИРУСНАЯ ИНФЕКЦИЯ КАК ТРАЕКТОРИЯ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ <i>Pahtusova A.</i> NEW CORONAVIRUS INFECTION AS A TRAJECTORY OF THE DEVELOPMENT PATH OF JUSTICE DIGITALIZATION IN CIVIL PROCEDURE	163
<i>Пащук Е. О.</i> ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ <i>Pashchuk E.</i> THE IMPACT OF THE DIGITALIZATION PROCESS ON HUMAN RIGHTS: POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS	169
<i>Педань С. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ: УГРОЗА ИЛИ БЛАГО? <i>Pedan S.</i> DIGITALIZATION OF THE LEGAL PROFESSION: THREAT OR BENEFIT?	179
<i>Перевалов А. Г.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА <i>Perevalov A.</i> DIGITALIZATION OF LABOUR RELATIONS IN SMALL BUSINESS	186
<i>Перепадя О. А., Прихидько Т. А.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ <i>Perepadya O., Prihidko T.</i> LEGAL EDUCATION OF THE GROWING GENERATION IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION	196
<i>Петраков Н. А.</i> ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ <i>Petrakov N.</i> GENESIS AND EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE DIGITAL ECONOMY	198
<i>Петрунина А. А.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Petrulina A.</i> INTERNATIONAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN OUTER SPACE ACTIVITIES	203
<i>Плаксимова А. Н.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Plaksimova A.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN ELECTORAL LAW: HISTORY AND MODERNITY	208

<i>Приймак В. Ю.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО И МЕТАВСЕЛЕННАЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ <i>Priimak V.</i> THE ELECTRONIC STATE AND THE METAVERSE: ON THE QUESTION OF THE RELATION OF CONCEPTS-GOVERNMENT: THEORY AND PRACTICE.....	210
<i>Сикач А. С., Емельянов И. В.</i> КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ РЕШЕНИЯ <i>Sikach A., Emelyanov I.</i> CYBERCRIME IN THE VIRTUAL SPACE: THE PROBLEM AND SOLUTIONS.....	217
<i>Ситников М. С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ ЛИЦ В ВЕК РАЗВИТИЯ МЕТАВСЕЛЕННЫХ <i>Sitnikov M.</i> SOME PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE AGE OF THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE ECONOMY	222
<i>Скрипалева С. Л.</i> БЛОКЧЕЙН В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРИМЕНЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ <i>Skripileva S.</i> BLOCKCHAIN IN RUSSIAN LAW: APPLICATION AND REGULATION IN MODERN CONDITIONS.....	226
<i>Скрыпник Д. Ю.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПАРЕТО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПРАВЕ С ПОМОЩЬЮ ИТ-ПЛАТФОРМЫ «ТЕХПРИСПРО» <i>Skrupnik D.</i> IMPLEMENTATION OF THE PARETO PRINCIPLE IN ENERGY LAW USING THE TECHPRISPRO IT PLATFORM	229
<i>Слепнева И. В.</i> О ПРОБЛЕМАХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Slepneva I.</i> ABOUT THE PROBLEMS OF INTRODUCING DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADVOCACY.....	234
<i>Смирнова Л. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Smirnova L.</i> PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: RISKS AND PROSPECTS.....	239
<i>Смирнова М. И.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙН ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ <i>Smirnova M.</i> ON THE POSSIBILITY OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE	242

<i>Смородинов Е. В.</i> К ВОПРОСУ ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРАЦИИ КОНТЕНТА В ИНТЕРНЕТЕ <i>Smorodinov E.</i> ON THE ISSUE OF REGULATING ONLINE CONTENT MODERATION	256
<i>Соловьева А. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Soloveva A.</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS.....	261
<i>Сорокина А. Ю., Лазарева А. А.</i> ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ КАК ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ ПРИОРИТЕТ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ ПОВЕСТКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА <i>Sorokina A., Lazareva A.</i> IMPLEMENTATION OF A GOODS MARKING SYSTEM AS A TOP PRIORITY FOR THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL AGENDA OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION.....	264
<i>Спиридонова Д. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Spiridonova D.</i> THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGY.....	273
<i>Старков А. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ правовой ОХРАНЫ ПРЕСС-ПУБЛИКАЦИЙ ПРИ ИХ ОНЛАЙН-ИСПОЛЬЗОВАНИИ <i>Starkov A.</i> EVOLUTION OF THE CONCEPT OF PROTECTION OF PRESS PUBLICATIONS IN THEIR ONLINE USE.....	279
<i>Степанов Д. С., Жученко А. А.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО <i>Stepanov D., Zhuchenko A.</i> ELECTRONIC CRIMINAL CASE	283
<i>Умрихина Е. Г.</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: РИСКИ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ <i>Umrihina E.</i> ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE: MODERN RISKS AND THREATS.....	295
<i>Усцов Д. К.</i> НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Uscov D.</i> APPOINTMENT OF A JUDICIAL EXAMINATION IN CIVIL LEGAL PROCEEDINGS: POSSIBILITIES OF DIGITALIZATION	304
<i>Фартушинова А., Рагозина Н. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Fartushnova A., Ragozina N.</i> LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF HUMAN LIFE	307

<i>Хайруллина А. И.</i> ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ QR-КОДОВ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА <i>Hairullina A.</i> LEGAL ASPECT OF APPLICATION, OF QR CODES IN THE TOURISM INDUSTRY	313
<i>Халикова С. М.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <i>Halikova S.</i> USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEGAL SPHERE	317
<i>Халилов К. М.</i> ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ NFT КАК ИНСТРУМЕНТА ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА УНИКАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА <i>Halilov K.</i> PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NFT LEGAL REGULATION AS A TOOL FOR SECURING THE RIGHT TO UNIQUE OBJECTS OF THE VIRTUAL WORLD	321
<i>Хамидуллина Е. В.</i> ПРАВОВЫЕ РИСКИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Hamidullina E.</i> LEGAL RISKS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE OPERATION	325
<i>Ханова К. И.</i> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Hanova K.</i> INTERDISCIPLINARY NATURE OF THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR THE ACTIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	330
<i>Хоконова З. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА <i>Hokonova Z.</i> PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL TO. STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS	333
<i>Холодная М. А.</i> О РЕЗУЛЬТАТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, КАК ОБЪЕКТАХ АВТОРСКИХ ПРАВ <i>Holodnaya M.</i> ABOUT THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF COPYRIGHT.....	340
<i>Черкасова П. Р.</i> ОСОБЕННОСТИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ, СОВЕРШАЕМОГО ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Cherkasova P.</i> FEATURES OF CHARITY FRAUD PERFORMED THROUGH THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES	349
<i>Чиквин А. Б.</i> ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Chikvin A.</i> OVERCOMING DIALECTIC CONTRADICTIONS IN DETERMINING THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	352

<i>Чипизубов Д. А.</i> РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Chipizubov D.</i> THE ROLE OF COMPUTER AND TECHNICAL EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL DRUG TRAFFIC WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIESE	358
<i>Чиркова В. Н.</i> ОБРАЩЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ИЗ-ПОД СТРАЖИ ИЛИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Chirkova V.</i> EXECUTION OF THE COURT JUDGEMENT OF THE COURT OF APPEAL ON THE RELEASE OF THE CONVICT FROM PLACES OF DETENTION WITH THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES	362
<i>Чистяков М. С., Чирков М. А., Шаповалова А. В.</i> БЛОКЧЕЙН- ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ <i>Chistyakov M., Chirkov M., Shapovalova A.</i> BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN LEGAL REALITIES.....	365
<i>Чуйко А. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ МАРКИРОВКИ РЕКЛАМЫ <i>Chuiiko A.</i> STUDY OF ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ADVERTISING LABELING.....	369
<i>Чуприненко С. А., Афанасьев И. В.</i> ОСОБЕННОСТЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Chuprinenko S., Afanasev I.</i> THE SPECIFICITY OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION.....	372
<i>Чучак А. И.</i> ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ <i>Chuchak A.</i> WAYS TO OPTIMIZE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION.....	380
<i>Шестак В. А., Введенская А. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Shestak V., Vvedenskaya A.</i> MODERN FEATURES OF CRIMINALIZATION OF ACTS COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	384
<i>Широбокова Е. С.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ-АНОНИМАЙЗЕРОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ <i>Shirobokova E.</i> THE USE OF ANONYMIZER FUNDS IN THE COMMISSION OF CRIMES AND THE BASIS FOR CRIMINALIZATION OF ACTS.....	394

<i>Шишиморова Я. О.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ <i>Shishimorova Ya.</i> INFORMATION TERRORISM IN THE SPHERE OF CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION	398
<i>Шункевич Е. Д.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Shunkevich E.</i> REVISITING LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	402
<i>Щербakov М. Г.</i> О РИСКАХ И УГРОЗАХ СОЗДАНИЯ «СИЛЬНОГО» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ <i>Shcherbakov M.</i> ABOUT THE RISKS AND THREATS OF CREATING «STRONG» ARTIFICIAL INTELLIGENCE: STATEMENT OF THE PROBLEM	406
<i>Юлиева Э. Д.</i> К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Yulieva E.</i> ON THE STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS.....	414
<i>Ясенова В. С.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ <i>Yasenova V.</i> INFORMATION SECURITY IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS IN THE MODERN WORLD.....	419

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
I Международной научно-практической конференции

23 сентября 2022 г.
г. Казань

В шести томах
Том 5

*Под редакцией И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило,
И. А. Филиповой, А. А. Шутовой*

Главный редактор *Г. Я. Дарчинова*
Редакторы: *Г. А. Тарасова, Е. А. Маннапова*
Технический редакторы: *О. А. Аймурзаева, С. Р. Каримова*
Дизайн обложки: *Г. И. Загретдинова*

ISBN 978-5-8399-0771-3

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 60×84/16.
Гарнитура PT Astra Serif, 9. Усл. печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 20,93.
Тираж 2000 экз. Заказ № 110.

Издательство «Познание» Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42; тел. (843) 231-92-90; e-mail: zaharova@ieml.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «ТЦО «Таглимат»
420108, г. Казань, ул. Зайцева, 17

